This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Исп. Ц.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Lebedev, A P 244

ОЧЕРКИ
ИСТОРІИ
ВИЗАНТІЙСКО-ВОСТОЧНОЙ
ЦЕРКВИ

отъ конца XI-го до половины XV-го вѣка.

Ординарнаго Профессора
Моск. Дух. Академіи
А. Лебедева.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, Б. Черныш. пер. д. Пустошкина,
противъ Англійской церкви.
1892.

P 35

BX300
S5

Печатано по опредѣленію Совѣта Московской Духовной Академіи. 1891 г. Ноября 5 дня.

Ректоръ Академіи *Архимандритъ Антоній*.

ОТЪ АВТОРА.

Предлагаемая вниманію читателя, книга представляетъ собою, по изложенію, удобопонятные для любителя церковно-исторической науки и для каждаго образованнаго человѣка „Очерки“, утверждающіеся на строго-научныхъ основаніяхъ, и составляетъ продолженіе, впрочемъ имѣющее видъ самостоятельнаго цѣлаго, — продолженіе нашего же прежняго сочиненія, подъ заглавіемъ: „Очерки исторіи Византійско-восточной церкви въ IX, X, XI вѣкахъ“ (М. 1878 г.). Цѣль теперь издаваемой книги таже, какая имѣлась въ виду и при напечатаніи сейчасъ упомянутаго сочиненія — ознакомленіе съ однимъ изъ тѣхъ отдѣловъ церковно-исторической науки, которые очень мало извѣстны по своему содержанію. Книга обнимаетъ періодъ Византійско-восточной церкви отъ начала крестовыхъ походовъ, которыми условливался рядъ новыхъ явленій въ исторіи этой церкви, до паденія Византіи отъ турецкаго меча въ 1453 году. Обработка Византійской церковной исторіи, по нашему мнѣнію, есть прямая задача русскихъ богослововъ — тѣмъ болѣе, что богословы западные, какъ и естественно, посвящаютъ мало вниманія этой области церковной исторіи. Принявъ на себя задачу изложить указанный періодъ въ формѣ систематическаго цѣлаго, мы не имѣли подъ руками никакого руководящаго сочиненія. Западная и русская ли-

тература, относящаяся къ нашему дѣлу, пересмотрѣна нами, полагаемъ, тщательно; Византійская же историческая, богословская и иного рода литература, при ея очень почтенныхъ размѣрахъ, пересмотрѣна настолько, насколько это нужно было для составленія „очерковъ“, не изъявляющихъ притязанія на обширную ученость. Пусть читатель не ставитъ намъ въ вину неполноту обзора. Эта неполнота не случайная. Мы не намѣрены были распространяться о такихъ предметахъ, о которыхъ уже существуетъ удовлетворительная литература на русскомъ языкѣ; такъ, наприм., мы оставляемъ въ сторонѣ исторію Ліонской и Флорентійской уніи, потому что съ этими историческими явленіями можно знакомиться по слѣдующимъ сочиненіямъ: „Исторіи Флорентійскаго собора“, изданной подъ редакціей извѣстнаго ученаго, прот. А. В. Горскаго (М. 1849 г.), „Исторіи попытокъ къ соединенію церквей греческой и латинской“, проф. А. Л. Катанскаго (Пб., 1868) и по книгѣ: „Виссаріонъ Никейскій“, проф. Садова (Пб. 1883). Равно также мы не даемъ мѣста въ своей книгѣ изложенію такихъ религіозныхъ споровъ или такихъ произведеній Византійскихъ богослововъ, которые могутъ возбуждать интересъ развѣ у спеціалистовъ, да и то, пожалуй, не у всѣхъ. Вообще мы не имѣли намѣренія придавать своей книгѣ очень большой объемъ; сожалѣемъ даже и о томъ, что она вышла больше, чѣмъ какою должна быть книга, носящая названіе „очерковъ“.

Моск. Дух. Академія.
1891 г. Ноября 3.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

I. Византійскіе историки, излагавшіе исторію Византійскаго государства отъ конца XI до половины XV вѣка.

Общая характеристика Византійскихъ историковъ. Византійскіе историки XII вѣка: Анна Комнина, Іоаннъ Киннамъ; тѣже историки XIII вѣка: Никита Хоніать, Георгій Акрополитъ (Приложеніе къ трактату объ Акрополитѣ: экскурсъ о двухъ Никифорахъ-Влеммидѣ и Кон—скомъ патріархѣ, стр. 34—48); Визанскіе историки XIV вѣка: Георгій Пахимеръ, Никифоръ Григора, Іоаннъ Кантакузинъ; краткія свѣдѣнія объ историкахъ XV вѣка..... 1—79

II. Взглядъ на взаимныя отношенія церкви Греческой и Латинской.—Общія замѣчанія. Крестовые походы и ихъ значеніе въ вопросѣ объ отношеніи Латинянъ къ Грекамъ (разграбленіе и опустошеніе крестоносцами Өессалоники и Константинополя). Враждебныя отношенія Грековъ къ крестоносцамъ и латинскимъ жителямъ на Востокѣ. Главнѣйшіе церковно-историческіе факты, въ которыхъ выражалась взаимная непріязнь церквей Латинской и Греческой: презрительные отзывы папъ и королей о Греческой церкви; чѣмъ отвѣчали на это Греки (разсужденія Анны Комн., Вальсамона о превысшемъ авторитетѣ К—польскаго патріарха и проч.)? Твердость Грековъ въ своей вѣрѣ.—Полемика между Латинянами и Греками: западный писатель Гугонъ и его обвиненія противъ Грековъ—по части догматики, таинствъ, разныхъ сторонъ богослуженія, нападки его на духовенство и монашество, изчисленіе имъ недостатковъ въ религіозномъ положеніи народа; обвиненія, возводимыя Греками на Латинянъ въ богослужеб-

Стран.

номъ отношеніи, нападки ихъ на поведеніе латинскаго духовенства, порицанія ими обыденной жизни латинскихъ христіанъ.—Факты и воззрѣнія свидѣтельствующіе, что союзъ Восточной и Западной церкви въ XI—XV в. еще не совсѣмъ былъ порванъ.... 79—133

III. **Религіозно-нравственный характеръ Византійской имперіи.** — Почему трудно описывать эту сторону исторической жизни? Общая характеристика Византійскихъ императоровъ разсматриваемаго періода. Черты религіозно-нравственной жизни императоровъ: Алексѣя Комнина и царственнаго его дома, Іоанна, Мануила и Андроника Комниныхъ, императоровъ изъ фамиліи Ангеловъ, Іоанна Ватацы и нѣкоторыхъ императоровъ изъ дома Палеологовъ. — Черты нравственной жизни Византійскаго общества или всего народа вообще: недостатокъ сохраненія собственнаго достоинства; нарушенія заповѣди о цѣломудріи, неравномѣрно-строгое отношеніе въ этомъ случаѣ закона къ преступности мужа и жены,—пьянство,—«скоромное зло»; хищничество и казнокрадство; вѣрноподданичество, «окаченѣвшее на маскѣ» и наклонность къ анархіи. — Черты религіозной жизни народа вообще: непорядки въ отправленіи богослуженія; суевѣрія: страсть къ гаданьямъ—гаданья на предметахъ священныхъ, на зернахъ и проч., слѣпая вѣра въ предсказанія, непросвѣщенный взглядъ на кометы; талисманы.—Свѣтлыя стороны въ религіозно-нравственной жизни народа: преданность Православію, храненіе церковныхъ уставовъ и проч. Преобладаніе темныхъ сторонъ надъ свѣтлыми. ... 134—209

IV. **Отношенія государственной власти къ церкви.**—На чемъ Византійскіе императоры основывали свое вмѣшательство въ дѣла церкви? Мысли свѣтскихъ и высшихъ духовныхъ лицъ, клонящіяся въ пользу подобнаго вмѣшательства? Въ чемъ вообще выражалось такое вмѣшательство? Мысли преимущественно высшихъ іерарховъ противъ вмѣшательства императоровъ въ дѣла церкви.—Описанія отношеній къ церкви императоровъ: Алексѣя Комнина (борьба его съ павликіанами и богомилами. Новеллы его), Мануила Комнина (различные отзывы объ отноше-

Стран.

ніяхъ Мануила къ церкви; богословскіе споры при немъ: 1) объ Евхаристіи, какъ жертвѣ, 2) по поводу изреченія «Отецъ болій Мене есть», 3) о богѣ Магометовомъ; новеллы Мануила касательно церкви, духовенства и монашества, его же новелла о большихъ и малыхъ праздникахъ), Андроника Комнина, Исаака Ангела, Алексѣя III (споръ при немъ о «нетлѣнности и тлѣнности» Евхаристіи), Михаила Палеолога, Андроника Стариаго и проч. . . . . 209—285

V. Іерархи, преимущественно Константинопольскіе и ихъ церковно-общественная дѣятельность. — Идеалъ пастыря (мысли Григоры и Пахимера).

Патріархи отъ кон. XI вѣка до завоеванія Константинополя Латинянами: Николай Грамматикъ, Михаилъ Оксійскій, Косьма Аттикъ, Николай Мусалонъ (экскурсъ по вопросу—о соединеніи архіерейства и монашества въ одномъ и томъ-же лицѣ). Лука Хризовергъ, Михаилъ Анхіальскій, Ѳеодосій I, Василій Каматиръ (въ примѣч.), Георгій Бесфиникъ (ibid.), Іоаннъ Каматиръ (нѣкоторыя подробности касательно спора о «нетлѣнности и тлѣнности» Евхаристіи. Михаилъ Сикидитъ—представитель заблужденія. вопросъ о тожествѣ Михаила Сикидита и Михаила Глики — судьба патріарха) . . . . . 286—320

Болѣе замѣчательные патріархи Константинопольскіе, правившіе церковію изъ Никеи, по перенесеніи сюда столицы изъ Византіи, завоеванной Латинянами: Германъ II, Мануилъ II, Арсеній . 320—337

Патріархи занимавшіе каѳедру со времени отнятія Греками столицы у Латинянъ и до окончательнаго паденія ея подъ власть Турокъ: Германъ III, Іосифъ I, Іоаннъ Веккъ, Григорій Кипрскій, Аѳанасій, Іоаннъ Созовольскій, Аѳанасій (вторично), Нифонтъ, Іоаннъ Гликасъ, Исаія, Іоаннъ Калекасъ, Исидоръ, Каллистъ I, Филоѳей, Нилъ, Матѳей, Евѳимій, Іосифъ II, Митрофанъ, Григорій Мамма; нѣкто Аѳанасій былъ ли послѣднимъ Византійскимъ патріархомъ? Общія замѣчанія о патріархахъ эпохи Палеологовъ. . . . . 337—440

Стран.

Зилоты и Политики въ духовенствѣ, общія характеристическія черты тѣхъ или другихъ, причины появленія Зилотовъ и Политиковъ.

Зилоты въ умственномъ, научномъ и нравственномъ отношеніи, притязательность и самоувѣренность Зилотовъ. Отношенія ихъ къ свѣтскому правительству. Демогогическій характеръ Зилотовъ. Отношенія Зилотовъ къ архіереямъ и клирикамъ.

Политики въ ихъ умственномъ, научномъ и нравственномъ отношеніи. Идеалъ монаха у Политиковъ. Отношенія ихъ къ свѣтской власти (ихъ теорія «экономіи»). Примѣры. Отношенія Политиковъ къ архіереямъ и клирикамъ.

Эпоха господства Зилотовъ и Политиковъ и конецъ этого господства ..... 440—497

Матеріальное положеніе духовенства («Приложеніе къ отдѣлу о Константинопольскихъ іерархахъ»). Неодинаковое положеніе въ XI, XII вѣкахъ, въ большую часть XIII вѣка, и въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка. Быстрый поворотъ къ худшему въ XIV вѣкѣ. Бѣдственное положеніе въ XV вѣкѣ. 498—513

Краткое обозрѣніе патріархатовъ: Александрійскаго, Антіохійскаго и Іерусалимскаго. 513—528

VI. Духовное просвѣщеніе и богословская наука.

Духовное просвѣщеніе: фамилія Комниновъ и ея любовь къ просвѣщенію. Состояніе школъ въ эпоху Комниновъ. Увлеченіе платонизмомъ въ XII вѣкѣ. Перечисленіе главнѣйшихъ представителей богословской науки, принадлежавшихъ ко временамъ Комниновъ.—Положеніе духовнаго просвѣщенія во времена перенесенія столицы въ Никею.—Улучшеніе дѣла съ возшествіемъ Палеологовъ на Византійскій тронъ. Любовь вообще Палеологовъ къ образованію. Школы при нихъ. Увлеченіе платонизмомъ въ періодъ Палеологовъ (Плитонъ), характеристика ученія Плитона, борьба съ нимъ. Перечисленіе замѣчательнѣйшихъ представителей богословской науки въ періодъ Палеологовъ, ... 529—550

Стран.

Обработка отдѣльныхъ богословскихъ наукъ:

1) Свящ. экзегетика: Евѳимій Зигавинъ и его толкованія на Четвероевангеліе, Соборныя посланія, Павловы посланія и проч. (исторія открытія нѣкоторыхъ изъ этихъ комментаріевъ) ..... 550—562

2) Догматико-полемическія произведенія: «Догматическая Панонлія Православной вѣры» Зигавина; «Сокровище вѣры» Никиты Хоніата; краткій обзоръ догматико-полемическихъ сочиненій Николая Метонскаго, написанныхъ по поводу современныхъ ему заблужденій (XII в.) ..... 562—590

3) Исторія церкви: Никифоръ Каллистъ и свѣдѣнія о его жизни; характеристика его «Церковной Исторіи»; каталоги его ..... 590—604

4) Сочиненія богословскія церковно-практическаго характера: «О лицемѣріи» Евстаѳія Ѳессалоникскаго, «Обозрѣніе жизни монашеской съ точки зрѣнія требующихся въ ней улучшеній» его же, другія сочиненія Евстаѳія.—«Семь словъ о жизни во Христѣ», сочин. Николая Кавасилы ..... 604—628

VII. **Паденіе Константинополя, въ 1453 г.** 629—644

ОЧЕРКИ

Византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка.

I. Византійскіе историки, излагавшіе исторію Византійскаго государства и церкви отъ конца XI до половины XV вѣка.

Приступая къ изложенію Византійско-восточной церковной исторіи отъ конца XI до половины XV вѣка, точнѣе—отъ начала крестовыхъ походовъ, которые имѣли важныя послѣдствія для состоянія Восточной церкви,—до паденія Константинополя подъ власть Турокъ, мы прежде всего сообщимъ свѣдѣнія о главнѣйшихъ источникахъ этой исторіи. Это мы дѣлаемъ для того, чтобы читатели имѣли ясное представленіе о тѣхъ историкахъ, имена которыхъ будутъ впослѣдствіи очень часто упоминаться нами.

Указанный нами періодъ церковной исторіи Восточной церкви довольно богатъ историками, которые помогаютъ изслѣдователю выполнить свое дѣло съ достаточнымъ успѣхомъ. Эти историки обыкновенно называются *Византиками*, т. е. Византійскими историками. Названіе это характеризуетъ извѣстнаго рода историковъ съ ихъ особенностями. Характеристическія черты Византійскихъ историковъ заключаются въ слѣдующемъ: во-первыхъ, всѣ они въ существѣ дѣла не историки въ нашемъ теперешнемъ смыслѣ сло-

ва, а хроникеры, лѣтописцы, такъ какъ они большею частію описываютъ свое время — время, когда они жили; еще точнѣе ихъ можно назвать мемуаристами, составителями мемуаровъ, потому что они не ограничиваются сообщеніемъ извѣстій о современныхъ имъ историческихъ фактахъ, но передаютъ множество историческихъ подробностей, анекдотовъ, заглядываютъ въ закулисную жизнь описываемыхъ лицъ, стараются раскрыть и уяснить сокровенныя пружины, движущія и управляющія дѣятельностью главнѣйшихъ историческихъ личностей, при чемъ историки часто впадаютъ въ субъективизмъ, судятъ по личной и нерѣдко пристрастной мѣркѣ. Во-вторыхъ, большинство Византійскихъ историковъ, а въ изучаемый нами періодъ всѣ безъ исключенія,— принадлежатъ къ свѣтскому званію: какъ лица свѣтскія, они главнымъ образомъ интересуются политическимъ состояніемъ Византійскаго государства, а описанію дѣлъ церковныхъ отводятъ второстепенное мѣсто. Смѣшеніе политическаго и церковнаго элемента въ ихъ трудахъ—составляетъ общую ихъ особенность. Тотъ или другой Византійскій повѣствователь получаетъ для церковнаго историка нашего времени тѣмъ большій интересъ, чѣмъ обстоятельнѣе находимъ у него свѣдѣнія изъ области церковно-исторической. Вътретьихъ, всѣ Византики, по крайней мѣрѣ нашего времени, съ особеннымъ вниманіемъ описываютъ ходъ дѣлъ и событій именно въ Константинополѣ, все же прочее имѣетъ для нихъ второстепенный интересъ, и въ особенности они мало занимаются исторіей Западной половины Европы, не исключая Рима. Это историки—византійцы въ строгомъ смыслѣ слова. Наконецъ, всѣ Византійскіе историки не указываютъ источниковъ своихъ повѣствованій. Конечно, будучи современниками и очевидцами, они мало нуждались

въ письменныхъ документахъ, но, нужно сказать, что они ни слова не говорятъ о своихъ источникахъ и въ томъ случаѣ, если они—какъ это доказано новѣйшей исторической наукой—были въ большей или меньшей зависимости отъ прежнихъ историковъ.

Историки, о которыхъ у насъ затѣмъ будетъ рѣчь, въ хронологическомъ порядкѣ дѣлятся на нѣсколько группъ.

Къ первой группѣ принадлежатъ историки, жившіе въ XII вѣкѣ до завоеванія Константинополя Латинами. Это слѣдующіе историки: Анна Комнина и Іоаннъ Киннамъ.

Историкъ *Анна Комнина* описала царствованіе императора Алексѣя Комнина, занимавшаго Византійскій престолъ отъ 1080 до 1118 года; сочиненіе историка носитъ заглавіе: Alexias, Алексіада, т. е. описаніе царствованія Алексѣя [1]). Очевидно, это заглавіе составлено по подражанію заглавіямъ: Иліада, Энеида.

Анна Комнина есть историкъ замѣчательный, какъ по своему общественному положенію, такъ и по достоинствамъ труда. Анна Комнина была дочь того самаго императора Алексѣя, жизнь и дѣятельность котораго она описываетъ; она называлась порфирородною, такъ какъ родилась въ то самое время, когда отецъ ея занималъ уже престолъ. Умственныя качества Анны не сомнѣнно выдѣляли ее изъ ряда современниковъ. Она получила чисто мужское образованіе, то образованіе, которое составляло необходимую принадлеж-

---

[1]) Въ боннскомъ изданіи трудъ Анны долженъ былъ составить два тома, но появился въ свѣтъ лишь 1-й. Этотъ томъ переведенъ на русскій языкъ при Петербургской Академіи, подъ заглавіемъ: «Сказаніе о дѣлахъ царя Алексѣя Комнина» (СПБ. 1859). Содержаніе второго тома мы будемъ цитировать по изданію Миня.

ность ученаго человѣка того времени. Она изучила греческій языкъ въ классической формѣ; любила упражняться въ риторикѣ, обладала свѣдѣніями по математикѣ и астрономіи, серьезно изучила сочиненія двухъ величайшихъ умовъ древности — Платона и Аристотеля [2]); хорошо знала христіанскую догматику и исторію церкви (какъ это видно изъ ея историческаго труда). Написанная ею исторія [3]) заслужила самые лестные отзывы со стороны западныхъ ея издателей. Одинъ изъ нихъ, принимая во вниманіе высокія достоинства греческаго языка историка, называетъ Анну «десятою Музою и Палладою Византійской Греціи» [4]); другой, удивляясь учености и остротѣ сужденій историка, признаетъ Анну Комнину «несравненной представительницей науки исторической» и говоритъ, что «имя ея сдѣлалось безсмертнымъ» [5]). Русская историческая наука также не скупится на похвалы этому историку. Въ одной не такъ давно появившейся «Исторіи среднихъ вѣковъ» читаемъ такой отзывъ объ Аннѣ Комниной. «Анна, погруженная въ историческіе и политическіе матеріалы, производитъ впечатлѣніе весьма серьезной и умной писательницы. Она знала боренія внутри церкви и въ то же время наизусть цитировала Платона, Ари-

---

[2]) О свойствахъ и характерѣ своего образованія говоритъ сама Анна въ своемъ историческомъ трудѣ. Томъ I (русск. изд.), стр. 1—2. Schoell. Histoire de la litterature grecque. Tom. VI, p. 390. Paris, 1824. Ср. Oster. Anna Comnena. Theil I, 54—57. Rasstatt. 1868.

[3]) Анна написала ее уже въ преклонныхъ лѣтахъ, именно, когда она, овдовѣвъ, поселилась на жительство въ монастырѣ. Schoell. Tom. VI, p. 389. (Alexias. Migne, tom. 131, p. 1089).

[4]) Migne. Gr. Ser., tom. 131, p. 60.

[5]) Ibid. p. 76—77. Остеръ говоритъ, что «Алексіада доставила автору почетнѣйшее мѣсто въ греческой литературѣ» Theil. III, 57. Rastatt. 1871.

стотеля, классиковъ, позднѣйшихъ риторовъ и богослововъ. Она производила сильное впечатлѣніе на всѣхъ, кто имѣлъ возможность вступать съ ней въ бесѣду. Западные гости, крестоносцы подпадали ея обаятельному вліянію, равно какъ ученые монахи и государственные люди Византіи» [6]).

Чтобы составить себѣ понятіе о важности историческаго труда Анны Комниной, нужно знать, что царствованіе Алексѣя Комнина было очень продолжительно (продолжалось почти сорокъ лѣтъ); что Алексѣй Комнинъ былъ очень дѣятельнымъ и замѣчательнымъ государемъ, заботившимся о процвѣтаніи государства и о благѣ церкви Византійской; что время жизни Алексѣя Комнина есть время первыхъ крестоносныхъ походовъ Латинянъ, слѣдовательно время, когда двѣ христіанскія церкви невольно сталкиваются одна въ другой; что, наконецъ, замѣчательное царствованіе Алексѣя описано подробно только одной Анной— и больше никѣмъ. Правда, мужъ Анны, историкъ Никифоръ Вріенній, кесарь, пытался было раньше Анны описать царствованіе своего тестя Алексѣя, но онъ умеръ, не докончивъ своего труда и доведя его лишь дв вступленія Алексѣя на императорскій престолъ.

О свойствахъ труда Анны скажемъ слѣдующее: Анна говоритъ: «я по природѣ избѣгаю худыхъ отзывовъ о людяхъ, тогда какъ другіе о томъ только и заботятся» [7]). Судя по этому, можно было бы думать, что историкъ будетъ одностороненъ и далеко не скажетъ всей правды. Это и дѣйствительно такъ, когда Анна говоритъ о своихъ кровныхъ родныхъ. Она

---

[6]) Осокинъ. Исторія среднихъ вѣковъ. Томъ I, стр. 80 (Приложенія). 1888. Казань.

[7]) Томъ I, кн. III, гл. 2, стр. 136.

является панегиристомъ своихъ царственныхъ родственниковъ. Нужно однако же замѣтить, что характеристики этого историка и въ этомъ случаѣ интересны для насъ, такъ какъ онъ никогда неупускаетъ изъ виду религіозно-нравственной стороны описываемыхъ личностей. Приведемъ нѣкоторые отзывы Анны о ея царскихъ близкихъ родственникахъ и мы увидимъ, что, съ одной стороны, по своему содержанію, они такъ и напрашиваются въ церковную исторію, съ другой—нельзя не видѣть ихъ односторонности и панегиризма. Вотъ, напримѣръ, отзывъ ея о самомъ Алексѣѣ: разсказывая о томъ, что ея отецъ пожелалъ принять на себя эпитимію отъ патріарха и синода за то, что при его восшествіи на престолъ дѣло не обошлось безъ кровавой междуусобицы, по словамъ Анны — онъ не только исполнилъ эту эпитимію, но и произвольно усилилъ ее. «Самодержавецъ былъ до того благочестивъ, говоритъ историкъ, что дѣлалъ еще больше: подъ царскую багряницу (при этомъ случаѣ) надѣвалъ рубище, прилегавшее къ самому тѣлу, и носилъ его въ продолженіе 40 дней и ночей. По ночамъ онъ ложился на голую землю, и подкладывалъ подъ голову камень и плакалъ. Значитъ, чистыми уже руками, добавляетъ историкъ, принялся онъ за дѣло правленія» [8]). Такъ говоритъ она, но свидѣтельство Анны о благочестіи ея отца нужно принимать съ большими ограниченіями: изъ сопоставленія всѣхъ фактовъ въ подобномъ родѣ съ ясностію открывается, что его благочестіе было больше показное, чѣмъ дѣйствительное: его обнаруживалъ Алексѣй тогда, когда нужно было произвести наилучшее впечатлѣніе на публику, чѣмъ-нибудь недовольную царемъ. И въ другихъ отноше-

---

[8]) Ibid., кн. III, гл. 5, стр. 149.

ніяхъ Анна преувеличиваетъ религіозныя достоинства Алексѣя. Описывая его старанія обратить на путь истины разныхъ еретиковъ, Анна такъ высоко ставитъ Алексѣя, что сравниваетъ его миссіонерскую дѣятельность съ дѣятельностью Константина Великаго и даже именуетъ его «тринадцатымъ Апостоломъ [9])». Похвалы очень большія, но едва-ли заслуженныя Алексѣемъ, тѣмъ болѣе, что его миссіонерская дѣятельность мало походила на истинно-апостольскую дѣятельность. Она не имѣла ни широты апостольской, ни духа апостольскаго. Какимъ духомъ проникнуто было миссіонерство Алексѣя Комнина, объ этомъ даетъ ясное понятіе слѣдующій разсказъ Анны объ отношеніи Алексѣя къ Павликіанамъ «Разскажу, говоритъ историкъ, какимъ образомъ Алексѣй усмирилъ Павликіанъ (дѣло идетъ о Павликіанахъ, жившихъ въ одной изъ Ѳракійскихъ провинцій). Ему не хотѣлось возвратиться въ царскій дворецъ (послѣ побѣды надъ однимъ изъ внѣшнихъ враговъ), пока не обуздаетъ и этихъ отступниковъ (т. е., пока не приведетъ ихъ къ правой вѣрѣ). Для этого онъ писалъ имъ съ дороги въ Византію — и многими обѣщаніями приглашалъ ихъ сюда. Узнавъ о волѣ царя, они боялись, не обольщаетъ-ли ихъ царская грамота лестными надеждами, однакожъ, хоть неохотно, отправились къ царю. А онъ, прибывъ въ Мосинуполь, ждалъ ихъ здѣсь. Наконецъ, они прибыли, и царь показалъ видъ, что будто-бы хочетъ видѣть ихъ, чтобы переписать ихъ имена. Потомъ онъ сѣлъ и приказалъ, чтобы Павликіане представлены были ему не всѣ вдругъ, а по десяткамъ. Въ такомъ порядкѣ они записывали свои имена и входили въ городскія ворота. Между тѣмъ люди, готовые уже посадить

---

[9]) Alexias. Migne. Tom. 131, p. 1102.

ихъ въ оковы, отбирали у нихъ лошадей и оружіе и заключали ихъ въ назначенныя темницы. Такимъ же образомъ и слѣдовавшіе за ними, находясь въ совершенномъ невѣдѣніи о томъ, что дѣлалось съ ихъ товарищами, входили въ городъ и не знали, что ожидаетъ каждаго изъ нихъ. Этимъ способомъ задержавъ ихъ и отобравъ въ казну ихъ имущество, онъ раздѣлилъ его тѣмъ храбрымъ воинамъ, которые подвизались вмѣстѣ съ нимъ въ тогдашнихъ битвахъ и опасностяхъ. Въ то же время одинъ изъ чиновниковъ отправился на родину этихъ Павликіанъ и выгнавъ изъ домовъ женъ ихъ, посадилъ ихъ подъ стражу въ Акрополѣ. Впрочемъ задержанныхъ Павликіанъ самодержецъ скоро удостоилъ помилованія, а которые пожелали принять крещеніе, тѣхъ даже не задерживалъ. Главныхъ виновниковъ заблужденія царь разослалъ по островамъ и тамъ заключилъ ихъ [10])». Какъ видимъ, въ миссіонерской дѣятельности Алексѣя (а онъ такъ поступалъ не разъ) нѣтъ ничего не только апостольскаго, но и такого, что напоминало бы о дѣятельности Константина Великаго [11]). Въ чертахъ слишкомъ преувеличенныхъ тотъ же историкъ описываетъ и благочестивую дѣятельность своей бабки, царицы Анны. «Это была необыкновенная и по истинѣ святая женщина, пишетъ историкъ; воздержаніемъ она столько превосходила издревле прославившихся подвижницъ, о которыхъ такъ много говорятъ, сколько солнце провосходитъ звѣзды» [12]). Не нужно быть проницательнымъ критикомъ, чтобы видѣть, что при-

---

[10]) Томъ I, кн. VI, гл. 2, стр. 258—260.

[11]) Основнымъ правиломъ государственной мудрости Алексѣя было: «побѣждать врага лестію»—кто бы онъ ни былъ. Всѣ латинскіе историки того времени представляютъ Алексѣя коварнымъ. Migne. Tom. 131, p. 71—75.

[12]) Томъ I, кн. III, гл. 8, стр. 158.

веденный отзывъ историка лишенъ вѣроятія — тѣмъ болѣе, что онъ не удостовѣренъ никакими фактами. О своей матери Иринѣ историкъ пишетъ, что она вся была проникнута стремленіемъ достигнуть «плода, какъ она выражается, истинной мудрости», что она не разставалась съ книгами св. отцовъ, занималась благочестивыми саморазмышленіями, оказывала много милостей людямъ монашескаго чина [13]); историкъ разсказываетъ, что Ирина и въ столовую приходила не иначе, какъ держа въ рукахъ томъ или какого-либо св. отца или благочестиваго философа [14]). Все такія черты, которыя рисуютъ императрицу Ирину, какъ необыкновенную женщину, рѣдкаго благочестія. Нѣтъ основаній не довѣрять историку въ этомъ описаніи. Ирина дѣйствительно выдѣлялась своими достоинствами. Но историкъ Анна, передавая указанныя характеристическія черты своей матери, добавляетъ, что она могла бы и еще многое разсказать о дѣлахъ благочестія Ирины, но не дѣлаетъ этого единственно изъ опасенія, что ей пожалуй не повѣрятъ [15]). И дѣйствительно, довольно трудно что-нибудь прибавить къ тому, что сказано Анной объ Иринѣ; умолчаніе о прочихъ достоинствахъ императрицы, которое приписываетъ себѣ историкъ, въ данномъ случаѣ есть не болѣе какъ искусный панегирическій оборотъ, посредствомъ котораго она безъ словъ хотѣла сказать какъ можно больше похвальнаго. Видно, что историкъ вообще поставилъ себѣ цѣлью восхвалять свой собственный царственный родъ; не даромъ сочиненіе Анны называется Алексіадой, т. е. какъ-бы своего рода Иліадой, эпопеей о герояхъ.

---

13) Alexias. Migne, p. 884.
14) Томъ I, кн. V, гл. 9, стр. 251—252.
15) Alexias. Migne, p. 889.

Такимъ образомъ, что касается описанія лицъ царственныхъ, лицъ, родственныхъ историку, то здѣсь Анна дѣйствительно держится своего правила, которое, какъ мы указали выше, выражено въ словахъ: «я по природѣ избѣгаю худыхъ отзывовъ о людяхъ». Но этотъ историкъ, нужно сознаться, не сдерживаетъ этого своего обѣщанія не дѣлать худыхъ отзывовъ, когда рѣчь идетъ не о лицахъ ему близкихъ. Въ подобныхъ случаяхъ Анна Комнина не особенно стѣснялась въ отзывахъ. Такъ о монахѣ Евстратіи Гаридѣ, впослѣдствіи бывшемъ на патріаршемъ престолѣ, историкъ этотъ высказываетъ такое мнѣніе: «Евстратій не былъ, а прикидывался добродѣтельнымъ» [16]) и однако жъ историкъ ничѣмъ, никакими фактами не доказываетъ этого рѣзкаго отзыва [17]).

Исторія Анны несомнѣнно отличается живописностію картинъ. Историкъ обладаетъ перомъ художника. Въ этомъ отношеніи можно указать на изображеніе императора Алексѣя, когда онъ предсталъ предъ соборомъ іерарховъ въ Византіи и защищалъ себя въ томъ, что онъ въ виду государственныхъ нуждъ обратилъ нѣкоторыя церковныя драгоцѣнности въ деньги [18]). Картина полна живыхъ красокъ. Живописности картинъ очень много помогаетъ умѣнье Анны писать портреты историческихъ личностей. Этому историку въ этомъ случаѣ много помогала и ея природа, какъ женщины. Вотъ портретъ еретика, появившагося въ Византіи, Іоанна Итала, имѣвшаго философскую школу въ столицѣ, но въ своемъ ученіи смѣшивавшаго христіанство съ платонизмомъ и отвер-

---

[16]) Томъ I, кн. III, гл. 2, стр. 137.

[17]) Вѣроятно, разумѣется увлеченіе его ученіемъ Іоанна Итала. См. ниже. (Анны. Томъ I, кн. V, гл. 9, стр. 253).

[18]) Томъ I, кн. VI, гл. III, стр. 261—263.

гавшаго между прочимъ почитаніе св. иконъ [19]). «У него—говоритъ Анна—была большая голова, очень выпуклый лобъ, открытое лицо; борода его была круглая, грудь широкая, члены тѣла крѣпко сложенные, ростъ ниже средняго... У этого человѣка были одинаково неукротимы—и руки и языкъ. Онъ былъ очень грубъ и не владѣлъ собою во гнѣвѣ, ибо онъ въ спорѣ дѣйствовалъ и словами и руками; онъ не оставлялъ противника въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока не поставитъ того въ тупикъ, и не довольствуясь тѣмъ, что зажималъ ему ротъ и заставлялъ его молчать, вцѣплялся ему рукой въ бороду и волосы—и тогда обида слѣдовала за обидой» [20]).

Не смотря на свое прекрасное образованіе, Анна не чужда была суевѣрій, какъ и всѣ Византійцы тѣхъ временъ. Такъ, она вѣрила правдивости астрологическихъ предсказаній. Правда, этотъ историкъ говоритъ, что хотя самъ онъ и занимался этой наукой (астрологіей), но не для того—по его словамъ, чтобы примѣнять къ практикѣ это знаніе, а для того будто бы, чтобы, изобличивъ эту ложную науку, изобличить и тѣхъ, кто занимается этимъ дѣломъ» [21]). Но въ дѣйствительности Анна не совсѣмъ отвергаетъ искусство предсказаній по звѣздамъ; что это въ самомъ дѣлѣ такъ, это видно изъ того, что вслѣдъ за приведенными сейчасъ ея собственными словами она говоритъ: «тогда не было недостатка въ астрологахъ, въ то время процвѣтали нѣкто Скиѳъ и одинъ Египтянинъ, обильнѣйшій въ изъясненіи таинствъ астрологіи. Многіе обращались къ нимъ (?), въ особенности къ послѣднему, съ вопросами и онъ весьма

---

[19]) Ibid. кн. V, гл. 9, стр. 254.
[20]) Ibid. гл. 8, стр. 250.
[21]) Ibid., кн. VI, гл. 7, стр. 279.

вѣрно предсказывалъ будущее». Очевидно, Анна во взглядахъ на астрологію не стояла выше своего вѣка, хотя и понимала это искусство нѣсколько по своему [22]).

Трудъ Анны не особенно богатъ разсказами церковно-историческаго содержанія. Свѣтской исторіи Анна отводитъ преимущественное мѣсто въ своемъ повѣствованіи. Но тѣмъ не менѣе всѣ ея разсказы церковно-историческаго характера имѣютъ большую научную важность. Не будь Анны, историкъ церкви не зналъ бы, что сказать о продолжительномъ царствованіи Алексѣя Комнина. Анна знакомитъ насъ съ нѣсколькими еретическими движеніями того времени: еретика Іоанна Итала, о которомъ мы уже упоминали, еретика Нила, стремившагося возстановить въ Византіи лжеученіе монофизитское [24]), а главное у разсматриваемаго историка находимъ драгоцѣнныя извѣстія о первыхъ движеніяхъ столь извѣстной въ исторіи ереси богомильской [25]); въ этомъ же трудѣ Анны встрѣчаемъ указанія относительно ереси Павликіанской [26]), родившейся уже давно, но мало ослабѣвшей и въ XII вѣкѣ. Исторія Анны представляетъ большой интересъ еще потому, что здѣсь выраженъ взглядъ восточныхъ христіанъ на Латинянъ, затѣявшихъ теперь извѣстные крестовые походы на Востокъ. Анна съ своей исторіей можетъ служить очень полезнымъ источникомъ для критики латинскихъ сказаній о первомъ крестовомъ походѣ,— сказаній, рисующихъ Грековъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ; въ этомъ случаѣ къ исторіи Анны вполнѣ приложимо изреченіе: audiatur et altera pars.

---

[22]) Ibid., стр. 279—280.
[24]) Alexias. Migne, p. 697—702.
[25]) Ibidem., p. 1167—1186.
[26]) Ibid., p. 1098—1110.

Не забудемъ еще, что Анна сообщаетъ много интересныхъ чертъ, характеризующихъ религіозное состояніе Византійскаго общества, начиная съ придворныхъ сферъ. Сама Анна съ ея историческимъ сочиненіемъ, написаннымъ въ религіозномъ духѣ—есть важный фактъ, на которомъ остановитъ свое вниманіе всякій изучающій исторію Византійской церкви начала XII вѣка.—Конечно, нельзя пользоваться трудомъ Анны безъ осторожной критики, но это же можно сказать обо всѣхъ Византійскихъ историкахъ. Къ чести Анны нужно сказать, что она никогда не выдаетъ лжи за истину; она только преувеличиваетъ—въ особенности, когда рѣчь идетъ у ней о царственныхъ ея родственникахъ, но и здѣсь достаточно одной внимательной внутренней критики разсказовъ, чтобы не впасть въ погрѣшность.

Кромѣ нѣкоторыхъ (немногихъ) письменныхъ источниковъ, у Анны при составленіи ея труда былъ изустный источникъ; это именно разсказы ея отца Алексѣя, а также сказанія стариковъ-современниковъ и очевидцевъ событій, передаваемыхъ историкомъ [27]). Данныя, почерпнутыя Анною изъ источника изустнаго, составляютъ очень цѣнную часть Алексіады [28]). Вообще, со стороны источниковъ трудъ Анны безупреченъ.

Въ хронологическомъ порядкѣ слѣдующимъ за Анной Византійскимъ историкомъ былъ *Іоаннъ Киннамъ*. Его историческій трудъ озаглавляется такъ: Epitome rerum ab Ioanne et Manuele Comnenis gestarum [29]),

---

[27]) Alexias. Migne, p. 1090—1.

[28]) Скабаллановича. Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ, стр. XXII—XXIII. СПБ. 1884. Остеръ подробно говоритъ объ источникахъ Анны (Theil. II, 33—42. Rast. 1870), но его разъясненія имѣютъ мало интереса.

[29]) Сочиненіе Киннама есть въ русскомъ переводѣ проф.

т. е. обнимаетъ два слѣдущихъ за Алексѣемъ Комниномъ царствованія—Іоанна и Мануила Комниновъ, отъ 1118 до 1180 года. Писатель этой исторіи Іоаннъ Киннамъ вѣроятно происходитъ отъ итальянской фамиліи Циннамовъ. Изъ его произведенія видно, что онъ жилъ въ царствованіе императора Мануила, т. е. во второй половинѣ XII вѣка. По своему общественному положенію онъ принадлежалъ къ военному сословію, но онъ носилъ также титулъ грамматика. Грамматикомъ въ то время назывался не только человѣкъ, знающій литературу, но и ученый. Грамматиковъ относили къ высшему классу людей, почитателей свободныхъ наукъ. Какъ показываетъ его исторія, различныя познанія его были основательны и широки. По какимъ побужденіямъ Киннамъ взялся продолжать историческое описаніе Анны Комниной — остается неизвѣстнымъ. Изучая исторію Киннама, нельзя не видѣть, что онъ не былъ ни любителемъ исторіи, ни знатокомъ ея; съ равнымъ же правомъ, какъ и Киннамъ, могъ бы взяться за подобный же историческій трудъ и всякій образованный византіецъ того времени. На основаніи исторіи Киннама нельзя догадаться — почему онъ принялъ на себя подобный трудъ. При разъясненіи этого вопроса можно сказать одно: въ тѣ времена человѣкъ, обладающій литературнымъ образованіемъ и нѣкоторыми историческими свѣдѣніями принимался за историческій трудъ по какому-то внутреннему влеченію, подчиняясь какой-то роковой необходимости описать послѣдній періодъ исторіи Византіи, если онъ никѣмъ не былъ еще описанъ. По такому побужденію писали и нѣкото-

---

Петерб. Академіи Карпова. Оно заглавляется: «Краткое обозрѣніе царствованій Іоанна и Мануила Комниновъ». СПБ. 1859. Здѣсь же помѣщено нѣсколько извѣстій объ историкѣ.

рые другіе историки тѣхъ временъ, вѣроятно, тѣмъ же руководился и Киннамъ. Киннамъ рѣшился описать собственно то, очевидцемъ и современникомъ чего былъ онъ. А такъ какъ въ царствованіе Іоанна Комнина Киннама еще не существовало на свѣтѣ, то это царствованіе обозрѣваетъ онъ кратко; но за то тѣмъ внимательнѣе и обстоятельнѣе описываетъ событія, относящіяся къ царствованію Мануила, за ходомъ которыхъ онъ могъ слѣдить собственными глазами. Самъ Киннамъ говоритъ, что царствованіе Мануила онъ могъ изобразить лучше, чѣмъ кто-либо другой. «Что касается этого царствованія—говоритъ историкъ,—то не знаю, можетъ-ли кто лучше меня разсказать его исторію» [30]). Т. е. историкъ говоритъ, что онъ хорошо зналъ, что совершилось исторически-примѣчательнаго въ это царствованіе.

Царствованіе Мануила Комнина, очень продолжительное, принадлежитъ къ числу выдающихся, такъ какъ въ это время церковь жила, такъ сказать, разностороннею жизнію и въ этой жизни было не мало достопримѣчательнаго. Поэтому церковный историкъ дорожитъ всѣми свѣдѣніями, касающимися положенія церкви эпохи этого государя. Къ сожалѣнію, собственно церковно-историческія извѣстія Киннама очень коротки. Вслѣдствіе этого трудно сдѣлать обстоятельную характеристику Киннама, какъ источника для церковной исторіи. Ограничимся немногими замѣчаніями. Нужно прежде всего сказать, что Киннамъ слишкомъ высоко ставитъ Мануила въ ущербъ исторической справедливости. Къ счастію, извѣстіе Киннама мы имѣемъ возможность провѣрить при помощи другихъ, тоже авторитетныхъ, хотя нѣсколько и позднѣйшихъ извѣстій. Только историкъ-льстецъ могъ

---

[30]) Кн. I, гл. I, стр. 3 русск. перев.

писать такъ о Мануилѣ, какъ пишетъ Киннамъ. А Киннамъ пишетъ: «по природнымъ способностямъ Мануила нельзя равнять ни съ кѣмъ. Въ разговорахъ съ нимъ (изъ этого видно, что Киннамъ лично знакомъ былъ съ этимъ императоромъ) я предлагалъ ему множество труднѣйшихъ Аристотелевыхъ вопросовъ, и видѣлъ, что онъ рѣшаетъ ихъ легко и естественно— дѣло никому отвѣка неудававшееся» — прибавляетъ историкъ; «равнымъ образомъ многое, что въ сочиненіяхъ оставалось не раскрытымъ или не совсѣмъ точно объясненнымъ, онъ объяснялъ съ удивительною простотою» [31]). Киннамъ такъ высоко цѣнитъ Мануила, что хвалитъ его за все, что онъ ни дѣлалъ. Онъ хвалитъ его за его вмѣшательство въ богословскіе споры того времени и увѣряетъ читателя, что тотъ или другой спорный вопросъ рѣшался такъ, а не иначе, благодаря царю Мануилу, который по своему глубокому уму и своей богословской начитанности умѣлъ направлять вопросъ именно къ такому, а не иному рѣшенію. Такъ, описывая одинъ богословскій споръ при Мануилѣ, Киннамъ говоритъ: «царь началъ призывать къ себѣ спорщиковъ по одному, по два и болѣе, и разсматривая съ ними предметъ спора, многихъ изъ нихъ, почти всѣхъ, склонилъ къ своему мнѣнію; потому что хотя онъ и не получилъ діалектическаго образованія, заявляетъ историкъ, но за то природною проницательностію и глубиною пониманія превосходилъ всѣхъ вообще людей, жившихъ въ наше время. Если онъ принимался объяснять что-нибудь, то раскрывалъ дѣло съ чрезвычайнымъ искусствомъ, къ какой-бы области ни относился вопросъ—къ богословскимъ-ли наукамъ или какой другой сферѣ знанія» [32]). Такъ говоритъ Кин-

---

[31]) Ibid., кн. VI, гл. 13, стр. 324.
[32]) Ibid., кн. VI, гл. 2, стр. 281; кн. IV, гл. 16, стр. 195.

намъ, но въ дѣйствительности Мануилъ склонялъ въ пользу своего мнѣнія разногласящихъ съ нимъ только благодаря угрозамъ, напримѣръ—епископамъ грозилъ лишеніемъ каѳедръ. Вообще мы видимъ, что Киннамъ по своимъ воззрѣніямъ принадлежалъ къ классу тѣхъ Византійцевъ, которые считали императора по языческо-римскому образцу—за разъ царемъ и первосвященникомъ, и которые охотно допускали вмѣшательство императоровъ во внутреннія дѣла церкви. Не смотря на сдѣланныя сейчасъ замѣчанія, трудъ Киннама остается довольно важнымъ для церковнаго историка. Киннамъ даетъ интересныя свѣдѣнія касательно двухъ очень шумныхъ споровъ временъ Мануила, именно споровъ по поводу текста: «*Отецъ болій Мене есть*» и словъ литургійной молитвы Василія Великаго: «*Ты еси* (т. е. Сынъ Божій) *приносяй и приносимый*». Начальныя стадіи развитія этихъ споровъ ни у кого не описаны такъ ясно, какъ у Киннама. Киннамъ, какъ видно изъ его исторіи, очень равнодушно относился къ этимъ спорамъ — и это дало ему возможность описать споры совершенно объективно. Правда, Киннамъ пристрастно судилъ объ участіи Мануила въ этихъ спорахъ, но и въ этомъ случаѣ нельзя искать у историка никакихъ заднихъ мыслей.—Киннамъ былъ суевѣромъ во вкусѣ своего времени. Онъ, напримѣръ, съ большою внимательностію перечисляетъ тѣ необычайныя пророчественныя знаменія, которыми будто бы предуказывалось, что наслѣдникомъ императора Іоанна долженъ былъ быть не старшій сынъ — Алексѣй, а самый младшій—Мануилъ. Историкъ при этомъ съ чувствомъ недовольства замѣчаетъ, что многіе почитаютъ знаменія пророчественнаго характера «пустыми сказками» и жалуется, что «вѣщанія сновъ и намеки на будущее легкомысленно подвергаются человѣческимъ пе-

ресудамъ» [33]) .Очевидно, историкъ былъ даже суевѣрнѣе иныхъ изъ своихъ современниковъ, и дѣйствительно, онъ самыя пустыя вещи принимаетъ за важныя предзнаменованія.—Исторія Киннама почему-то дошла до насъ въ нѣсколько незаконченномъ видѣ.

Вторую группу Византійскихъ историковъ составляютъ писатели, жившіе во времена пребыванія Византійскаго императора въ Никеѣ, т. е. въ промежутокъ времени отъ завоеванія Латинянами Константинополя до изгнанія ихъ отсюда. Эти историки суть: Никита Хоніатъ и Георгій Акрополитъ.

Никита Хоніатъ далъ своему труду общее заглавіе: Historia [34]). Передадимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о самомъ историкѣ, изъ которыхъ видно, насколько онъ приготовленъ былъ къ занятію такимъ дѣломъ, какъ исторія, и насколько онъ можетъ считаться компетентнымъ, какъ свидѣтель. Никита, родившійся около 1155 года, называется Хоніатомъ потому, что происходилъ изъ города Хоны, во Фригіи; но онъ также прозывается еще Акоминатомъ—это его родовая фамилія. Получивъ первоначальное образованіе дома, онъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ еще мальчикомъ отправляется въ Константинополь. Здѣсь Никита подготовлялъ себя къ свѣтскому званію и политической дѣятельности, а потому кромѣ наукъ общеобразовательныхъ изучалъ гражданское право и политику, стремился къ развитію у себя ораторскаго таланта. Придя въ зрѣлый возрастъ, Никита въ продолженіе десяти лѣтъ достигъ высшихъ государственныхъ должностей въ столицѣ. А въ те-

---

[33]) Ibid., кн. 1, гл. 10, стр. 23—4; 29. Впрочемъ послѣднія слова авторъ влагаетъ въ уста царя Іоанна.

[34]) Исторія Никиты, вмѣщающаяся въ двухъ томахъ боннскаго изданія, сполна переведена на русскій языкъ (Т. I и II, СПБ. 1860—1862 г.).

ченіе всей своей двадцатипятилѣтней службы государству ему пришлось быть свидѣтелемъ, а также принимать участіе въ важнѣйшихъ событіяхъ своего времени; онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ императорскому престолу. Между прочимъ Никита проходилъ слѣдующія должности: императорскаго секретаря, секрето-логоѳета, т. е. министра финансовъ, великаго логоѳета, т. е. государственнаго канцлера и т. д. Никита былъ человѣкъ богатый; у него была собственная домовая церковь съ особымъ причтомъ, онъ имѣлъ хорошую библіотеку. Во время завоеванія Константинополя Латинянами Никита лишился всего своего достоянія и при самыхъ грустныхъ обстоятельствахъ переправился на житье въ Никею, куда перенесена была столица Византійскаго царства. Остатокъ жизни Никита провелъ въ Никеѣ. Здѣсь для него снова наступила счастливая пора. Императоръ возвратилъ ему всѣ почести и отличія и обласкалъ его. Смерть Никиты падаетъ на промежутокъ между 1210 и 1215 годами [35]). Замѣтимъ, что Никита, кромѣ исторіи, извѣстенъ многими чистобогословскими сочиненіями; въ этомъ можно находить ручательство, что его сужденія по церковно-историческимъ вопросамъ будутъ отличаться зрѣлостью.

Повѣствованіе Никиты начинается описаніемъ событій 1118 года, когда умеръ Алексѣй I Комнинъ и имперіей сталъ править сынъ его Іоаннъ. Такъ какъ Никита не былъ очевидцемъ и современникомъ эпохи Іоанна, то онъ ведетъ разсказъ объ этомъ царствованіи довольно кратко. Больше, но все же не

---

[35]) Проф. Успенскаго. Византійскій писатель Никита Акоминатъ изъ Хонъ, стр. 10 — 11; 20, 23 — 35. СПБ. 1874. Свѣдѣнія о жизни Никиты заимствуются изъ разныхъ источниковъ и лишь частью изъ его исторіи.

особенно много, историкъ удѣляетъ мѣста слѣдующему царствованію, и опять потому, что Никита не былъ современникомъ и этого царствованія. Дальнѣйшая часть книги посвящена описанію недолговременнаго правленія сына Мануилова—Алексѣя II. Никита около этого времени поступилъ на службу и могъ описывать событія по собственнымъ наблюденіямъ и замѣткамъ, которыя онъ дѣлалъ для себя во время этого и послѣдующихъ царствованій. Слѣдующее двухлѣтнее правленіе Андроника Комнина описывается нашимъ историкомъ съ полнымъ знаніемъ обстоятельствъ дѣла и любопытными подробностями—вообще очень обстоятельно. Нѣсколько царствованій императоровъ изъ фамиліи Ангеловъ (Исаакъ, Алексѣй III, Алексѣй IV) описаны Никитой Хоніатомъ съ большею подробностью, по непосредственнымъ личнымъ наблюденіямъ. Все произведеніе заканчивается большимъ отдѣломъ о событіяхъ послѣ занятія столицы Латинянами. Къ этому присоединены свѣдѣнія о первомъ Византійскомъ императорѣ въ Никеѣ—Ѳеодорѣ Ласкарѣ.—Само собою понятно, особенное значеніе имѣютъ тѣ отдѣлы исторіи Никиты, гдѣ онъ повѣствуетъ какъ очевидецъ, но не лишены значенія и другіе отдѣлы его исторіи — такъ какъ Никита не только пополняетъ другихъ (наприм. Киннама), но и поправляетъ ихъ. Для исторіи Византіи послѣдней четверти XII вѣка Никита можетъ служить не только важнѣйшимъ, но и единственнымъ источникомъ.

Никита издалъ свой трудъ не въ Константинополѣ, но несомнѣнно въ Никеѣ, когда послѣ взятія столицы Латинянами, удалившись въ Никею, онъ пользовался досугомъ и спокойствіемъ при дворѣ императора Ѳеодора Ласкаря. Однако есть основанія предполать, что Никита и ранѣе велъ записки о совре-

менныхъ событіяхъ [36]), и потомъ только обработалъ ихъ, дополнилъ и придалъ имъ литературную форму. — Исторія Никиты довольно обширна.

Трудъ Никиты всегда пользовался большимъ уваженіемъ въ наукѣ. Первый издатель его, ученый Вольфъ, дѣлаетъ такой отзывъ о Никитѣ: «по моему убѣжденію, это писатель умный, образованный, любящій историческую истину, искусный въ изложеніи и весьма полезный для читателей. Въ своемъ изложеніи онъ проводитъ строгую связь между событіями, описываетъ исторію, какъ органическое цѣлое, и создаетъ образованный кругъ читателей, ставя ихъ выше толпы» [37]). Однимъ изъ видныхъ достоинствъ исторіи Никиты служитъ искренность тона и истинность сказаній. Историкъ описываетъ послѣднихъ Комниновъ и императоровъ изъ фамиліи Ангеловъ, когда эти династіи перестали царствовать, когда столица ихъ сдѣлалась добычею ихъ враговъ—Латинянъ. Это давало историку возможность описывать послѣднія царствованія безъ всякаго лицепріятія со всѣмъ безпристрастіемъ Очень можетъ быть, что если бы Никита писалъ свою исторію не въ Никеѣ, а въ Константинополѣ, онъ не отнесся бы съ такой строгой критикой къ этимъ царствованіямъ, съ какой онъ отнесся къ нимъ, пиша уже въ Никеѣ.

Въ своемъ сочиненіи Никита очень строго судитъ Византійское общество, находя у него множество недостатковъ и пороковъ. Но въ этомъ едва ли много преувеличеній, хотя конечно дѣло не обошлось безъ нихъ: вѣдь Никита писалъ тотчасъ послѣ катастрофы, въ которой, конечно, были виноваты всѣ. Относи-

---

[36]) Проф. Успенскаго, стр. 132—3.

[37]) Migné. Gr. ser., tom. 139. In Nicetae historiam praefatio, p. 303.

тельно императоровъ описываемаго имъ времени онъ дѣлаетъ такой отзывъ:» большая часть государей бываютъ крайне боязливы и чрезвычайно подозрительны и находятъ удовольствіе въ умерщвленіи людей благородныхъ и въ погибели всякаго человѣка—высокаго и великаго. Они часто идутъ вопреки волѣ Провидѣнія и часто возстаютъ противъ Бога, истребляя изъ среды людей и закалая, какъ жертву, всякаго человѣка отличнаго. И все это для того, чтобы имъ можно было спокойно тратить государственные доходы единственно на свои прихоти,—чтобы съ людьми свободными поступать какъ съ рабами. Облеченные властію, они совершенно теряютъ здравый разумъ, и глупо забываютъ то, что было недавно» [38]). Никита, въ отличіе отъ Киннама, сочиненіемъ котораго онъ пользовался [39]), строго порицаетъ императоровъ за ихъ вмѣшательство въ богословскіе споры, въ особенности сильно хулитъ за это императора Мануила [40]). Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Никита много отличается отъ Киннама: онъ стоитъ за права церкви дѣйствовать въ извѣстныхъ отношеніяхъ независимо и безпрепятственно. Никита нерѣдко подвергаетъ порицаніямъ духовенство: — епископовъ и въ особенности монашество. О епископахъ онъ говоритъ, что высоко-тронные архіереи и пользующіеся высокими почестями не умѣли примѣчать, куда клонятся дѣла въ государствѣ (т. е. къ паденію), и не умѣли указать царямъ средствъ къ спасенію [41]). Упрекъ этотъ

---

[38]) Томъ I (русск. перев.). Царствованіе Мануила, кн. IV, гл. 6, стр. 182—3.

[39]) Мысль о зависимости Никиты отъ Киннама допускаетъ проф. Успенскій, стр. 156—160.

[40]) Томъ I. Царствованіе Мануила, кн. VII, гл. 5 и 6, стр. 271 и дал.

[41]) Томъ II. Царствованіе Алексѣя, брата Исаака Ангела, кн. 1, гл. 6, стр. 166.

замѣтимъ, едва ли справедливъ, такъ какъ Византійскіе императоры весьма мало склонны были слушать голосъ архипастырей по государственнымъ вопросамъ. А членовъ синода Никита называетъ «сребролюбцами и святопродавцами» [42]). Трудно сказать, что здѣсь разумѣетъ Никита: ничего выходящаго изъ ряда вонъ неизвѣстно о синодѣ Константинопольскомъ XII вѣка. О монахахъ же Никита говоритъ: «воздвигнуты священныя обители на площадяхъ и перекресткахъ и въ нихъ сидятъ не доблестные подвижники, но люди, которые только потому и монахи, что остригли волосы, перемѣнили платье и отпустили себѣ бороду» [43]). Это свидѣтельство Никиты, поскольку въ немъ идетъ рѣчь о столичномъ и городскомъ, а не пустынномъ и уединенномъ монашествѣ, вполнѣ подтверждается авторитетными писателями XII вѣка (Евстаѳій Ѳессалоникійскій). Никита не молчитъ о многихъ недостаткахъ и порокахъ, замѣченныхъ имъ вообще въ народѣ Византійскомъ. Онъ, многое и многое описывая въ черныхъ краскахъ, въ то же время увѣряетъ читателя, что онъ вовсе не поставлялъ себѣ цѣлью чернить правящіе классы общества и что даже онъ «очень многое опускаетъ, чтобы не показаться, что будто онъ выбираетъ только дурное и изъ исторіи дѣлаетъ пасквиль» [44]).

Для церковнаго историка Никита Хоніатъ очень полезенъ: онъ богатъ церковно-историческими свѣдѣніями и несомнѣнно исполненъ мысли о благѣ церкви. Правда, и въ своемъ повѣствованіи о положеніи церкви онъ допускаетъ много мрачныхъ чертъ,

---

[42]) Томъ I. Царствованіе Алексѣя II Комнина, гл. 15, стр. 384.

[43]) Томъ I. Царствованіе Мануила, кн. VII, гл. 3, стр. 268.

[44]) Томъ II. Царствованіе Алексѣя, брата Исаакова, кн. II, гл. 2, стр. 183.

но нѣтъ большого труда отличить въ его разсказахъ истину отъ преувеличеній и увлеченій [45]).

Георгій Акрополитъ, проходившій должность великаго логоѳета, т. е. государственнаго канцлера, оставилъ послѣ себя историческій трудъ подъ заглавіемъ: Annales — лѣтопись. Акрополитъ родился въ началѣ XIII вѣка, когда столица имперіи уже находилась въ рукахъ Латинянъ. Родиной его можно считать Константинополь, по крайней мѣрѣ здѣсь жили его родители и онъ самъ, во время дѣтства. Въ Константинополѣ Акрополитъ жилъ до 16 лѣтъ и получилъ здѣсь первоначальное образованіе. Затѣмъ происходитъ важная перемѣна въ его жизни. Отцу его наскучило оставаться подъ властью Латинянъ и онъ рѣшился покинуть Константинополь и перейти на службу къ Византійскому императору, имѣвшему тогда столицу въ Никеѣ. Но онъ успѣлъ отправить сюда только своего сына Георгія, а самъ тяжко заболѣлъ и затѣмъ скончался. Георгій Акрополитъ принятъ былъ Византійскимъ императоромъ Іоанномъ Ватацею очень ласково: онъ поселился въ царскомъ дворцѣ и получалъ содержаніе отъ царской милости [46]). Изъ такого пріема Акрополита императоромъ естественно заключать, что юноша принадлежалъ къ лучшей Византійской фамиліи. Но на этомъ заботливость императора не остановилась. Такъ какъ юноша обнаруживалъ большое стремленіе къ дальнѣйшему и болѣе широкому образованію, то императоръ Іоаннъ отдалъ его вмѣстѣ съ другими юношами лучшимъ учителямъ для продолженія образованія. Заслуживаетъ вниманія та истинно отеческая рѣчь, съ которой обратился

---

[45]) О суевѣріяхъ Никиты, см. у проф. Успенскаго, стр. 104 — 108.

[46]) Г. Акрополита. Лѣтопись, гл. 29. Русск. перев. СПБ. 1863.

императоръ къ Акрополиту предъ тѣмъ, какъ отдать его въ науку: «Этихъ я привелъ изъ Никеи—обращеніе къ прочимъ товарищамъ Акрополита—и вручилъ учителю, а тебя привелъ изъ моего собственнаго дома учиться съ ними. Докажи же на самомъ дѣлѣ, что вышелъ изъ моего дома, и сообразно съ этимъ занимайся и математикой. Сколько получаетъ годового содержанія отъ царской милости воинъ, столько же и еще болѣе по знатности твоего рода будетъ отпускаемо на тебя. А когда изучишь философію, то удостоишься большихъ почестей и званій, потому что нѣтъ въ мірѣ людей почетнѣе царя и философа» (гл. 32). Школа не оторвала Акрополита отъ дворца и императорской семьи. И будучи школьникомъ, онъ посѣщалъ дворецъ и оставался человѣкомъ близкимъ къ императорской фамиліи. Самъ онъ рисуетъ слѣдующую идиллическую картину, относящуюся къ эпохѣ его школьной жизни. Однажды онъ пришелъ во дворецъ. Императрица Ирина, женщина, по словамъ Акрополита, умная, достойная власти, любившая разсужденія и съ удовольствіемъ слушавшая людей ученыхъ,—завела съ присутствовавшими рѣчь о томъ, отчего происходитъ солнечное затмѣніе (въ этотъ день было затмѣніе). Акрополитъ выразилъ свое мнѣніе по вопросу; одинъ изъ присутствовавшихъ началъ опровергать его мнѣніе; споръ затянулся. Императрица между разговоромъ назвала его, Акрополита «глупенькимъ» и потомъ, какъ бы спохватившись, что сдѣлала не хорошо, обратилась къ императору и сказала: «неприлично я сдѣлала, назвавши его глупенькимъ».—«Ничего, отвѣчалъ царь, онъ еще мальчикъ». «Тѣмъ не менѣе, все же не слѣдуетъ намъ, возразила императрица, такъ называть человѣка, высказывающаго философскія сужденія» (гл. 39). Видно, съ какими чистородственными

чувствами императоръ и императрица относились къ Акрополиту. До двадцатилѣтняго возраста Акрополитъ учился риторикѣ и краснорѣчію, а затѣмъ онъ перешелъ къ изученію высшихъ наукъ—философскихъ и другихъ. Къ счастью, курсъ высшихъ наукъ Акрополиту пришлось проходить подъ руководствомъ отличнѣйшаго ученаго того времени архимандрита Никифора Влеммида, человѣка суроваго характера и строго аскетическихъ воззрѣній, имѣвшаго у себя открытую школу и жившаго вѣроятно подъ Ефесомъ, по крайней мѣрѣ здѣсь мы его встрѣчаемъ живущимъ впослѣдствіи[47]). Акрополитъ самъ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о Никифорѣ Влеммидѣ; правда, эти свѣдѣнія кратки, но это не мѣшаетъ имъ быть достаточно краснорѣчивыми. Онъ говоритъ: «вмѣстѣ съ другими (сотоварищами) я перешелъ къ Никифору Влеммиду, котораго всѣ мы знали за лучшаго знатока по части философіи, и слушалъ у него логику» (гл. 32). Подъ философіей же въ школѣ Влеммида понималась и астрономія, которую Акрополитъ то же изучалъ подъ руководствомъ этого наставника (гл. 39). Кромѣ философіи, понимаемой въ очень широкомъ смыслѣ слова, Акрополитъ изучалъ у Влеммида и «догматику», какъ свидѣтельствуетъ онъ самъ (гл. 53). Какое воспитательное значеніе имѣло пребываніе Акрополита въ школѣ Никифора Влеммида, на это отвѣчаютъ такъ: «лучшія стороны нравственнаго характера Влеммида—непоколебимая стойкость, глубокое уваженіе къ религіи, къ правдѣ, недоступность никакимъ развращающимъ вліяніямъ и проч. или вовсе

---

[47]) Акрополитъ, говоря о времени возвращенія столицы снова подъ власть Грековъ, замѣчаетъ о Никифорѣ Влеммидѣ, что онъ «тогда имѣлъ пребываніе около Ефеса» (гл. 87), но тутъ-ли онъ жилъ и раньше, т. е. тогда, когда учился у него Акрополитъ — неизвѣстно.

не отразились, къ сожалѣнію, на его ученикѣ, или отразились односторонне—криво. Въ трудныя минуты жизни и Акрополитъ обнаруживалъ замѣчательную силу воли, но она нерѣдко высказывалась или въ капризномъ упрямствѣ или безчувственности къ страданіямъ другихъ. Зато уроки логики привились къ нему какъ нельзя болѣе. Со стороны умѣнья владѣть своею мыслью Акрополитъ оставляетъ далеко за собой всѣхъ ближайшихъ къ нему по времени Византійскихъ писателей. И кажется, не ошибемся, если скажемъ, что этимъ умѣньемъ онъ обязанъ Влеммиду, — по крайней мѣрѣ въ пріемахъ и техникѣ мысли въ сочиненіяхъ того и другого есть поразительное сходство» [48]). Акрополитъ очень уважалъ Влеммида, онъ называлъ его «святымъ человѣкомъ» и «философомъ» въ смыслѣ образованнѣйшаго человѣка (гл. 87). Интересно опредѣлить, какъ значительно было богословское образованіе ученика Влеммидова. Напередъ можно предполагать, что ученый архимандритъ обратилъ должное вниманіе на богословское усовершенствованіе своего даровитаго питомца; и это предположеніе можетъ быть подтверждено фактически. Акрополитъ разсказываетъ въ своей лѣтописи одинъ очень интересный случай, который удостовѣряетъ, что Акрополитъ не даромъ былъ ученикомъ замѣчательнаго учителя-богослова. Случай этотъ такъ живописно разсказанъ Акрополитомъ, что самое лучшее—передать его словами самого же историка. Излагая свѣдѣнія о томъ, при какихъ обстоятельствахъ Константинополь перешелъ изъ рукъ Лати-

---

[48]) Проф. И. Е. Троицкаго: «Георгій Акрополитъ»—предисловіе къ его Лѣтописи въ русскомъ переводѣ, стр. 8. Это предисловіе составлено рачительно и талантливо, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о другихъ предисловіяхъ къ прочимъ русскимъ изданіямъ Византійскихъ историковъ.

нянъ въ руки Грековъ, Акронолитъ разсказываетъ о торжественномъ вступленіи Византійскаго императора въ столицу имперіи, и пишетъ такъ: «Когда Михаилъ Палеологъ (императоръ) приблизился уже къ Константинополю, то пришло ему на умъ сдѣлать свое вступленіе въ Константинополь болѣе боголѣпно, чѣмъ (просто) поцарски, и искалъ способа, какъ бы сдѣлать это съ благодарственными молитвословіями къ Богу и молебнымъ пѣніемъ за царство и іерархію, за городъ и живущихъ въ немъ, и наконецъ за всѣхъ православныхъ христіанъ. Отыскивая человѣка, способнаго написать нужныя молитвы, онъ изъявилъ желаніе поручить это Влеммиду. Но этотъ человѣкъ былъ далеко: онъ имѣлъ тогда пребываніе около Ефеса. Такимъ образомъ дѣло это не могло состояться. Между тѣмъ императоръ не хотѣлъ медлить своимъ вступленіемъ въ столицу, и потому былъ огорченъ этимъ обстоятельствомъ. Но я — говоритъ о себѣ Акрополитъ—разрѣшилъ его затрудненіе: «если, государь, сказалъ я, ты хочешь получить молитвы отъ святого человѣка (Влеммида), то мнѣ говорить нечего; а если отъ кого бы то ни было, кто бы только могъ написать, ты принялъ бы исполненіе твоего желанія, то я исполню твое желаніе и напишу тебѣ молитвы». Это показалось самымъ лучшимъ императору и для ускоренія онъ согласился, чтобы я составилъ требуемыя молитвы. Я тотчасъ же принялся за дѣло и не прошло еще сутокъ, какъ я написалъ тринадцать молитвъ, изъ которыхъ каждая имѣла свою цѣль» (гл. 87). Итакъ, великій логоѳетъ безъ затрудненія принимается за дѣло, которое могъ выполнить ученый монахъ; исполняетъ его очень быстро—менѣе чѣмъ въ сутки написалъ тринадцать молитвъ, и притомъ исполнилъ дѣло съ успѣхомъ, такъ какъ молитвы Акрополита вошли въ программу торжествен-

наго занятія столицы Греками. Нѣтъ сомнѣнія, богословскія познанія Акрополита были не малы, когда онъ въ словесномъ творчествѣ чисто-церковнаго характера могъ замѣнить своего учителя — Влеммида.

Акрополитъ сначала имѣлъ должность императорскаго секретаря, а потомъ и великаго логоѳета; въ этой послѣдней должности онъ и скончался среди почестей и славы, глубокимъ старцемъ, въ 1282 году. Онъ прожилъ три царствованія — Іоанна Ватацы, Ѳеодора Ватацы и Михаила Палеолога. Такъ какъ во всѣ эти царствованія онъ былъ близокъ къ престолу и былъ важнымъ участникомъ въ тогдашнихъ правительственныхъ дѣлахъ, то его наблюденія надъ современною ему жизнью Византійскаго царства должны были отличаться и точностью и полнотою. Въ своемъ историческомъ трудѣ Акрополитъ описалъ эпоху, когда Византійскіе императоры имѣли своей столицей Никею, а въ дѣйствительной столицѣ властью пользовались Латиняне, — эпоху, обнимающую 58 лѣтъ. Впрочемъ, этотъ лѣтописецъ не прямо начинаетъ съ описанія перенесенія столицы изъ Византіи въ Никею, а въ видѣ предисловія говоритъ о послѣднихъ Византійскихъ императорахъ предъ взятіемъ столицы Латинянами и касается исторіи завоеванія этой столицы Латинянами, и бросаетъ бѣглый взглядъ на обстоятельства владычества этихъ послѣднихъ надъ Греками послѣ указаннаго событія. Онъ описываетъ правленіе императоровъ Ѳеодора Ласкаря, Іоанна и Ѳеодора Ватацы и первые годы царствованія Михаила Палеолога. Какъ очевидецъ, онъ описываетъ большую часть правленія Іоанна Ватацы и исторію дальнѣйшихъ царствованій, а прочее разсказываетъ, основываясь на историческихъ документахъ и устныхъ сказаніяхъ.

О достоинствахъ и недостаткахъ лѣтописи Акро-

полита дѣлаютъ такой отзывъ: [49]) «Достоинства и недостатки ея суть достоинства и недостатки цѣлой исторической школы, которую за ея механическіе пріемы въ исторіи можно бы назвать механическою. Мы найдемъ здѣсь, если не всегда подробныя описанія, то, по крайней мѣрѣ, перечисленіе всѣхъ наружныхъ примѣтъ, привычекъ, слабостей, добродѣтелей и пороковъ Византійскихъ императоровъ и другихъ владѣтельныхъ особъ, которыхъ случалось видѣть на своемъ вѣку историку, разсказы о войнахъ, побѣдахъ, пораженіяхъ, брачныхъ союзахъ между государями, описаніе придворныхъ чиновъ чуть не до послѣдней пуговицы въ ихъ парадныхъ костюмахъ, тщательныя отмѣтки — кто, когда, чѣмъ, за что и кѣмъ былъ награжденъ, наказанъ, обойденъ и проч.; но не найдемъ ни слова о народѣ, его жизни съ ея свѣтлыми и темными сторонами, съ его нуждами и средствами удовлетворенія ихъ и пр.; не найдемъ не только пониманія внутренняго смысла описываемыхъ фактовъ, но и чего-нибудь похожаго на анализъ этихъ фактовъ. Такимъ образомъ, къ историческимъ трудамъ такого рода и можно заявлять серьезно только два требованія: 1) чтобы они вѣрно передавали описываемые факты и 2) не нарушали ихъ хронологической связи». Въ послѣднемъ, хронологическомъ, отношеніи трудъ Акрополита вполнѣ удовлетворителенъ; въ этомъ случаѣ онъ представляетъ пріятное и рѣдкое исключеніе въ Византійской исторической литературѣ. Но что сказать касательно перваго требованія отъ лѣтописи Акрополита?

Нельзя сомнѣваться, что Акрополитъ хорошо зналъ, въ чемъ заключается задача истиннаго историка; такъ,

---

[49]) Проф. Троицкаго. Предисловіе къ лѣтописи, въ русск. перев., стр. 36—37.

напримѣръ, онъ говоритъ: «историкъ долженъ прислушиваться къ общественному мнѣнію, если не хочетъ исказить истины, подобно тѣмъ, кто портитъ или поддѣлываетъ монету. Онъ долженъ излагать дѣла человѣческія,—будутъ-ли они хороши или худы, не по пристрастію или ненависти, не по зависти или личному расположенію, а единственно для одной исторіи и для того, чтобы не забывались въ памяти людей дѣла давно минувшихъ дней» (гл. I). Таковъ идеалъ историка по Акрополиту, но этотъ идеалъ осуществленъ нашимъ лѣтописцемъ далеко не полно. Царствованія Ѳеодора Ласкаря и императоровъ изъ дома Ватацы авторомъ описаны кратко, но безпристрасно. Нельзя того же сказать о царствованіи Михаила Палеолога. Правда, историкъ описалъ лишь начало правленія Михаила—первые два-три года его правленія,—но и въ это время случилось много такого, что происходило не такъ, какъ описываетъ Акрополитъ; затѣмъ—возникаетъ вопросъ: почему Акрополитъ остановился въ своемъ повѣствованіи на времени, которое отстояло отъ конца его жизни на 20 лѣтъ, почему онъ не продолжилъ изображенія, если не всего, то большей части правленія Михаила? Фактъ не случайный.—Что представляютъ въ дѣйствительности первые два-три года правленія Михаила Палеолога? Очень темную страницу. Регенты малолѣтняго наслѣдника престола—Іоанна, сына Ѳеодора Ватацы,—сдѣлались жертвой ловко поведенной интриги,—самъ Іоаннъ за его малолѣтствомъ постепенно совсѣмъ удаляется отъ царскаго престола; Михаилъ, главный виновникъ сейчасъ перечисленныхъ дѣяній, захватываетъ въ свои руки бразды правленія имперіей съ титуломъ императора. Столько злодѣяній исторія насчитываетъ за Михаиломъ Палеологомъ, прежде чѣмъ онъ покинулъ Никею и возвратился на

жительство въ Византію. А между тѣмъ Акрополитъ молчитъ о нихъ, передавая дѣло въ возможно благопріятномъ свѣтѣ для личности Михаила, но свѣтѣ фальшивомъ. Описавъ по своему узурпаторскія подвиги Михаила Палеолога, Акрополитъ, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, пишетъ (влагая, впрочемъ, эти слова въ уста другихъ): Михаилъ «не только не дастъ отвѣта въ этомъ дѣлѣ на неподкупномъ судѣ Христовомъ, но еще сплетутся для него вѣнцы за то, что онъ явился спасителемъ христоименитаго народа» (гл. 76). Затѣмъ, повторяемъ вопросъ: почему Акрополитъ описалъ лишь начало царствованія Михаила, когда онъ имѣлъ возможность описать его почти сполна? Не изъ чего не видно, что Акрополитъ писалъ свою лѣтопись тотчасъ послѣ обратнаго перенесенія столицы изъ Никеи въ Константинополь, описаніемъ каковаго факта оканчивается его лѣтопись. Напротивъ, спокойный и холодноватый тонъ, какимъ говорится объ униженіи Византійскихъ императоровъ, проживавшихъ болѣе полстолѣтія въ городкѣ Никеѣ и его окрестностяхъ, и какимъ описано торжество перенесенія столицы снова въ Константинополь—это радостнѣйшее событіе, — подобный тонъ свидѣтельствуетъ, что прошло уже не мало времени между концомъ Никейской имперіи и написаніемъ лѣтописи Акрополита. Слѣдовательно, Акрополитъ не хотѣлъ описывать *продолженіе* царствованія Михаила. А почему,—это рѣшить не трудно. Убійство Михаиломъ малолѣтняго законнаго наслѣдника престола—Іоанна, сына Ѳеодорова, унизительная Ліонская унія при Михаилѣ, бурные и непріятные для императора Арсеніанскіе споры при немъ же — все это нельзя было описывать въ натуральномъ видѣ. Не говоримъ уже о томъ, что самъ Акрополитъ во всѣхъ непохвальныхъ начинаніяхъ Михаила игралъ очень видную и

потому незавидную роль. И Акрополитъ счелъ за лучшее пройти молчаніемъ эти факты. Какимъ недостойнымъ человѣкомъ является для насъ Акрополитъ, когда подумаешь, что ради милостей Михаила Палеолога писатель совсѣмъ забылъ, что онъ воспитанъ, поставленъ на ноги и возвеличенъ тѣмъ самымъ царскимъ домомъ, который низложенъ Михаиломъ и въ защиту котораго у Акрополита не нашлось никакихъ способовъ:—не видно даже, чтобы его особенно печалила жалкая участь фамиліи Ватацы!

Въ церковно-историческомъ отношеніи лѣтопись Акрополита имѣла бы первостепенное значеніе для уясненія исторіи XIII вѣка, если бы ея извѣстія церковно-историческаго характера не были такъ кратки. Акрополитъ вообще кратокъ въ описаніяхъ и больше всего въ описаніи церковныхъ явленій. Но все же изучающій церковную исторію XIII вѣка остается благодарнымъ писателю за его церковно-историческія извѣстія. Акрополитъ даетъ ясно понимать, въ какомъ ненормальномъ положеніи находилась церковь этого времени, когда откровенно говоритъ: «цари (Византійскіе) вообще хотятъ, чтобы патріархами были люди смиренные, недалекіе по уму, которые легко уступали бы ихъ желаніямъ, какъ признаннымъ постановленіямъ. А это—добавляетъ онъ—всего чаще случается съ людьми необразованными: будучи невѣждами въ словѣ, они не способны на смѣлое слово и преклоняются предъ императорскими распоряженіями» (гл. 53). Послѣ этого можно ли удивляться, что церковь, имѣя патріарховъ, обладавшихъ лишь ничтожными достоинствами, обнаруживала себя вяло въ исторической жизни. Свѣдѣнія Акрополита о Византійскихъ патріархахъ разсматриваемаго періода не многочисленны, но они во всякомъ случаѣ достаточно указываютъ, почему и сами патріархи не отличались

особенными качествами, и управленіе дѣлами церкви не представляло почти ничего примѣчательнаго. Главное достоинство извѣстій Акрополита о Византійскихъ патріархахъ—это правдивость и точность: писателю не было основаній наводить на эти историческія личности фальшиваго освѣщенія. Описаніе царствованія Михаила Палеолога можетъ давать матеріалъ для уясненія вопроса о происхожденіи Арсеніанскихъ споровъ. Самъ Акрополитъ игралъ такую видную роль въ церковно-исторической дѣятельности указаннаго императора, что всѣ свѣдѣнія о немъ, какія находимъ въ его лѣтописи, останутся навсегда цѣннымъ церковно-историческимъ матеріаломъ. Акрополитъ даетъ не мало свѣдѣній о религіозно-нравственномъ характерѣ Византійскихъ императоровъ Никейскаго періода исторіи. Даже описаніе Акрополитомъ владычества Латинянъ въ Константинополѣ имѣетъ не малое значеніе въ наукѣ, наприм. то, что говоритъ онъ о папскомъ легатѣ Пелагіи и борьбѣ съ нимъ православныхъ Византійцевъ (гл. 17),—это само такъ и напрашивается въ церковно-историческій курсъ.

Акрополитъ кратокъ и далеко не всегда безпристрастенъ; для пополненія и критической провѣрки его извѣстій могутъ служить два историка—Пахимеръ и Григора, жившіе въ XIV вѣкѣ, но эти историки въ свою очередь не могутъ быть изучаемы безъ руководства Акрополита, потому что имъ недостаетъ хронологической точности, отличающей Акрополита. Современный историкъ для успѣшнаго исполненія своего дѣла долженъ Акрополита провѣрять Пахимеромъ и Григорой, а этихъ послѣднихъ изучать, не выпуская изъ рукъ Акрополита.

Приложеніе къ трактату о Георгіи Акрополитѣ. — Между учителями Акрополита самое видное мѣсто занимаетъ, какъ мы сказали, замѣчательный

человѣкъ того времени Никифоръ Влеммидъ, аскетъ, какихъ немного, суровый и непреклонный характеръ, мужъ разносторонне ученый, бывшій отличнымъ преподавателемъ наукъ богословскихъ и свѣтскихъ. О Никифорѣ Влеммидѣ Акрополитъ говоритъ: «Никифоръ, мой учитель по философіи и догматикѣ, отъ юности принялъ на себя иго уединенной жизни, славился искусствомъ въ словѣ и добродѣтеляхъ; хотя нѣкоторые—прибавляетъ Акрополитъ—и особенно изъ знати изъ зависти не только не находили въ немъ особенныхъ добродѣтелей, но и приписывали ему различные пороки» [50]). Свой аскетизмъ онъ засвидѣтельствовалъ тѣмъ, что совершенно равнодушенъ оставался ко всякимъ знакамъ отличія, не исключая и патріаршества, котораго онъ непремѣнно достигъ бы, если бы захотѣлъ того [51]); онъ не зналъ лицепріятія и выражалъ свои мнѣнія безъ всякихъ предосторожностей. Такъ извѣстно, что онъ письменно и словесно обличилъ фаворитку императора Іоанна Ватацы Маркесину и наконецъ затворилъ предъ ней двери своего монастыря, когда она вздумала съ пышной свитой посѣтить его монастырь [52]). Вообще, его аске-

---

[50]) Акрополита. Лѣтопись, гл. 53.

[51]) Ibid. «Такъ какъ церковь лишилась первостоятеля (патріарха) Мануила, то нужно было избрать новаго патріарха. Многіе указывали на Никифора Влеммида. Императоръ Ѳеодоръ былъ очень къ нему расположенъ и любилъ его. Но Никифоръ былъ больше чѣмъ равнодушенъ къ патріаршеству. Да въ свою очередь и императоръ не слишкомъ принуждалъ его, а скорѣе было у него желаніе, чтобы онъ не принималъ предстоятельства, потому что цари вообще хотятъ, чтобы патріархами были люди смиренные, недалекіе по уму. Поэтому императоръ Ѳеодоръ, сдѣлавши маленькую попытку надъ Никифоромъ, обратился къ другимъ».

[52]) Акропол., гл. 25. Григоры. Исторія. Русск. пер. Кн. II, гл. 7, стр. 45—46.

тизмъ и его характеръ одинъ Византійскій историкъ описываетъ въ слѣдующихъ чертахъ: «Ведя жизнь философскую, Никифоръ Влеммидъ нисколько не занимался земными выгодами, ко всему былъ равнодушенъ, ни къ кому не имѣлъ ни симпатіи, ни антипатіи, какъ будто бы его умъ вовсе не былъ ограничиваемъ тѣломъ. Не имѣя помысловъ о настоящемъ, которые пресмыкаются по землѣ и ничего въ себѣ не заключаютъ, онъ велъ жизнь болѣе созерцательную. Для него единственною необходимостью было благочестіе, сохраняя которое, онъ отвергалъ всѣ прочія заботы и предоставлялъ ихъ людямъ, живущимъ по образу вѣка. Предавшись любомудрію и отвергая свойственную вещамъ наружность, онъ былъ не чувствителенъ къ матеріальному: держась того, что было вожделѣнно для ума, онъ презиралъ все навязывавшееся чувствамъ» [53]). За свой аскетизмъ и строгій характеръ онъ пользовался высокимъ почетомъ: «знаменитый аскетъ и ученый Влеммидъ—говоритъ одинъ русскій историкъ—былъ идоломъ Восточныхъ монаховъ» [54]). Объ его учености свидѣтельствуютъ его многочисленныя и ученыя сочиненія, которыя, къ сожалѣнію, доселѣ не изучены надлежащимъ образомъ. А объ его педагогическомъ талантѣ можетъ свидѣтельствовать какъ то, что у него учился въ юности императоръ Ѳеодоръ Ватаца [55]) и къ нему же отданъ былъ для образованія Акрополитъ, находившійся на попеченіи императора Іоанна Ватацы, такъ и то, что въ его школу стремились какъ

---

[53]) Пахимера. Исторія о Мануилѣ и Андроникѣ Палеологахъ. Русск. пер. Томъ I, кн. V, гл. 2, стр. 312—313.

[54]) Христ. Чтен. 1869 г., т. II. стр. 850.

[55]) Акрополита, гл. 53.

въ вожделѣнное мѣсто пришельцы изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ странъ [56]).

Никифоръ Влеммидъ, нѣтъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ личностей XIII вѣка. Къ сожалѣнію, эта оригинальная личность значительно утрачиваетъ свою оригинальность и типичность благодаря тому обстоятельству, что по какой-то роковой случайности въ наукѣ нашего времени черты личности Никифора Влеммида переносятся отчасти на другое лицо того же XIII вѣка Никифора, патріарха Константинопольскаго. Намъ кажется, что вслѣдствіе указанной случайности личность Никифора Влеммида какъ то блѣднѣетъ, двоится и несомнѣнно теряетъ свою историческую внушительность. Намъ пришло на мысль сдѣлать попытку возможно строже выдѣлить черты личности Никифора Влеммида и предохранить ихъ отъ того дробленія, которое имѣетъ мѣсто въ наукѣ нашего времени.

При ознакомленіи съ личностью Никифора Влеммида, намъ невольно бросился въ глаза странный фактъ: въ лицѣ одного современника Никифора Влеммида, именно Никифора Ефесскаго, который потомъ былъ патріархомъ Константинопольскимъ, въ значительной мѣрѣ повторяются черты личности Никифора Влеммида. Но этого явленія почему-то не замѣтили ученые, имѣвшіе случай говорить на основаніи источниковъ о томъ и другомъ Никифорѣ. Разумѣемъ автора ученыхъ статей церковно-историческаго содержанія подъ заглавіемъ: *Виѳинія* [57]) и проф. Троиц-

---

[56]) Des patr. Gregorius aus Cypern Selbstbiographie. Frankf. 1817. S. 17. 18 (Это переводъ съ греческаго).

[57]) Авторъ статей въ Христ. Чтеніи подъ заглавіемъ Виѳинія, подписался иниціалами: *А. А.* и есть безъ сомнѣнія о. архимандритъ Антонинъ (Капустинъ).

каго, которые дѣлаютъ слѣдующіе отзывы о патріархѣ Никифорѣ. Первый говоритъ: «преемникомъ (патріарху) Арсенію назначенъ Никифоръ, тотъ самый митрополитъ Ефесскій, который безъ нужды искалъ подслужиться царю. Неложный (?) современный историкъ (т. е. Пахимеръ) называетъ его «мужемъ благоговѣйнымъ, славнымъ добродѣтелью, посредственно словеснымъ, но ревнителемъ церковныхъ правилъ». Еще при императорѣ Іоаннѣ Ватацѣ, до патріарха Мануила—продолжаетъ изслѣдователь—общій голосъ указывалъ на него, какъ достойнаго вселенской каѳедры. Но императоръ находилъ его ревность непомѣрною и отзывался о немъ тогда такъ: «и въ архидіаконахъ онъ невыносимъ, какъ же потерпимъ его въ патріархахъ»? Такого обиднаго отзыва онъ (Никифоръ) конечно не могъ забыть» [58]). Второй изъ поименованныхъ изслѣдователей говоритъ: «Никифоръ, епископъ (митрополитъ) Ефесскій, «мужъ благоговѣйный, украшенный знаніемъ словесныхъ наукъ [59]); не смотря на крайнюю простоту, обнаруженную имъ» при одномъ случаѣ, поспѣшилъ помочь своимъ собратіямъ своими каноническими познаніями... Онъ умеръ, не проживши года на патріаршемъ престолѣ. Предъ смертію «его убѣждали къ принятію монашеской одежды, но онъ не только не соглашался на это, а еще съ неудовольствіемъ принялъ напоминаніе и хотѣлъ умереть архіереемъ. Онъ былъ по жизнис трашный, для правителей (церковныхъ—прибавляетъ отъ себя изслѣдователь) недоступный, чуждый всякой боязни, къ добродѣтели

---

[58]) Христ. Чтен. 1863, т. II. Виѳинія, стр. 242.

[59]) Авторъ, приводя эти слова, пользуется русскимъ переводомъ источника, но этотъ переводъ не точно передаетъ греческія слова источника: καὶ λόγῳ μετρίως κοσμουμένου.

привыкъ съ дѣтства, для многихъ казался непріятнымъ». Затѣмъ тотъ же ученый замѣчаетъ: «неуживчивый отъ природы характеръ Никифора окончательно испортился вслѣдствіе неудачи, испытанной имъ разъ (?) въ жизни. По смерти патріарха Меѳодія, въ 1240 году, соборъ архіереевъ избралъ Никифора, бывшаго тогда архидіакономъ, въ преемники Меѳодію. Но императоръ Іоаннъ Ватаца отклонилъ это избраніе подъ тѣмъ предлогомъ, что если никто не могъ ладить съ нимъ въ санѣ архидіакона, то чего ожидать отъ него въ санѣ патріарха? Такимъ образомъ, патріаршее мѣсто досталось Мануилу, а Никифоръ былъ рукоположенъ въ епископа Ефесскаго. Этой обиды онъ не могъ простить императору во всю жизнь» [60]). Вышеуказанные ученые изслѣдователи, въ своихъ отзывахъ о Никифорѣ патріархѣ обнаруживаютъ значительное скопленіе недостатковъ: они противорѣчатъ другъ другу, каждый изъ нихъ впадаетъ въ явное противорѣчіе съ самимъ собой, и наконецъ они расходятся до положительнаго противорѣчія съ тѣмъ источникомъ, откуда они почерпаютъ свои свѣдѣнія о Никифорѣ. И это *совершенно естественно*, такъ какъ они введены въ заблужденіе своимъ источникомъ. Мы говоримъ: они противорѣчатъ другъ другу. И въ самомъ дѣлѣ, авторъ «Виѳиніи» смотритъ на Никифора, если не съ сочувствіемъ, то во всякомъ случаѣ безъ какого-либо нерасположенія къ нему и находитъ, что если онъ «искалъ безъ нужды подслужиться царю», то это, по сужденію изслѣдователя, какая-то случайность въ жизни Никифора. Не такъ смотритъ на Никифора проф. Троицкій. Послѣдній явно не сочувствуетъ Никифору: ха-

---

[60]) Арсеній и Арсениты. Христ. Чтен. 1867, т. II, стр. 78. 82—3.

рактеръ его онъ почитаетъ неуживчивымъ отъ природы и еще болѣе испортившимся вслѣдствіе невыбора Никифора въ патріархи при Іоаннѣ Ватацѣ; изслѣдователь иронизируетъ (и совершенно справедливо) по поводу названія Никифора въ источникѣ «благоговѣйнымъ» мужемъ, такъ какъ въ его дѣятельности не видно такихъ чертъ, которыя оправдывали бы подобное названіе. Тотъ и другой изъ изслѣдователей, далѣе, впадаютъ, какъ мы сказали, въ явное противорѣчіе съ самимъ собою въ отдѣльности. Первый изъ нихъ безъ малѣйшаго стѣсненія и колебанія съ одной стороны утверждаетъ, что Никифоръ «безъ нужды искалъ подслужиться императору», и съ другой стороны, вполнѣ согласно съ «неложнымъ» современнымъ историкомъ, характеризуетъ Никифора, какъ мужа «славнаго добродѣтелью и ревнителя церковныхъ правилъ». Не меньше противорѣчитъ самъ себѣ и проф. Троицкій. Онъ допускаетъ «крайнюю простоту» и малое знаніе исторіи въ мужѣ, «украшенномъ знаніемъ словесныхъ наукъ»; онъ не обинуясь объявляетъ Никифора «неуживчивымъ отъ природы» и въ то же время характеризуетъ его какъ человѣка, «чуждаго всякой боязни» (приводитъ слова источника, въ которыхъ выражается явная похвала Никифору); говоритъ о Никифорѣ, что «онъ къ добродѣтели (т.е. аскетизму) привыкъ съ дѣтства» и въ то же время безъ малѣйшаго сомнѣнія передаетъ разсказъ о томъ, что предъ «смертію Никифора убѣждали его къ принятію монашеской одежды, но онъ не только не согласился на это, а еще съ неудовольствіемъ принялъ напоминаніе» и въ добавокъ къ этому нашъ историкъ приводитъ извѣстіе о замѣчательномъ золотолюбіи Никифора и т. д. Но еще рѣшительнѣе противорѣчія и разногласія нашихъ изслѣдователей съ тѣмъ источникомъ, какимъ они пользовались. Такимъ источ-

никомъ служитъ для нихъ «Исторія» Пахимера. Но ни одинъ изъ нихъ не воспользовался этимъ источникомъ сполна, т. е. не взялъ всѣхъ существенныхъ чертъ, которыми характеризуется здѣсь Никифоръ, но каждый изъ нихъ беретъ лишь то, что приглянулось ему здѣсь, и притомъ въ томъ видѣ, въ какомъ матеріалъ представляется наиболѣе удобнымъ для утилизаціи. Дѣло въ томъ, что если выписать всѣ отзывы и извѣстія Пахимера о Никифорѣ патріархѣ, то въ результатѣ получается образъ человѣка, состоящаго изъ неудобо примиряемыхъ крайностей. Въ виду этого, для составленія опредѣленнаго представленія о Никифорѣ изслѣдователямъ ничего не остается дѣлать, какъ по произволу выбирать изъ Пахимера, этого единственнаго источника о Никифорѣ, такія данныя, какія хоть сколько-нибудь можно сводить къ единству. Такъ и поступаютъ вышеуказанные изслѣдователи. Посмотримъ, какъ же именно они поступаютъ. Начнемъ съ автора «Виѳиніи». Этотъ изслѣдователь прежде всего пропускаетъ очень многія извѣстія своего источника касательно Никифора. Онъ пропускаетъ извѣстія о томъ, что, по Пахимеру, Никифоръ былъ «по жизни страшный, для правителей недоступный, чуждый всякой боязни, къ добродѣтели привыкшій съ дѣтства», а равно пропускаетъ извѣстіе того же источника о томъ, что Никифоръ сдѣлался кротокъ и послушенъ послѣ того, какъ императоръ Іоаннъ не захотѣлъ сдѣлать этого Никифора патріархомъ, въ виду строптивости его характера. Кромѣ того, этотъ же авторъ извѣстіямъ источника придалъ отчасти другой смыслъ. Пахимеръ [61]) ясно даетъ понять, что Никифоръ дѣятельно и съ задними цѣлями старался о томъ, чтобы подслужиться импе-

---

[61]) Кн. II, гл. 15, стр. 106.

ратору Михаилу Палеологу, но русскій писатель, указывая на этотъ фактъ, говоритъ, что Никифоръ «безъ нужды искалъ подслужиться царю». Все это и подобное изслѣдователь допускаетъ единственно потому, что историческій образъ Никифора, естественно, долженъ отличаться цѣльностью; а это возможно только тогда, когда извѣстія Пахимера будутъ взяты въ усѣченномъ и нѣсколько измѣненномъ видѣ. Подобнымъ же образомъ поступаетъ и проф. Троицкій. Онъ пропускаетъ извѣстіе Пахимера о томъ, что Никифоръ, послѣ извѣстнаго приписываемаго ему случая, сталъ умѣреннѣе и послушнѣе, — пропускаетъ, такъ какъ подобное извѣстіе не гармонируетъ съ характеристикой Пахимеромъ Никифора, какъ человѣка «для правителей недоступнаго, чуждаго всякой боязни» (эти слова Пахимера проф. Троицкій приводитъ въ своемъ трудѣ); онъ пропускаетъ также замѣтку источника [62]), что Никифоръ «имѣлъ довольно ревности защищать церковь и ея законы, когда они были презираемы», — онъ не даетъ мѣста этой замѣткѣ въ своемъ трудѣ, потому что, по представленію изслѣдователя, Никифоръ больше всего заботился о томъ, чтобы его «услуга, основанная на знаніи каноновъ, не осталась не награжденною» со стороны царя, т. е. онъ (Никифоръ) меньше всего заботился о томъ, чтобы законы церкви не были презираемы. Тотъ же изслѣдователь матеріалу, находимому у Пахимера, даетъ иногда такой видъ, какой представлялся поудобнѣе для утилизаціи. Такъ, извѣстіе Пахимера, что Никифоръ «былъ чуждъ всякой боязни», «былъ человѣкъ по жизни страшный», онъ понимаетъ въ смыслѣ неуживчивости характера Никифора; а къ замѣчанію Пахимера, что Никифоръ «былъ недоступенъ для пра-

---

[62]) Ibid., стр. 107.

вителей», разсматриваемый ученый присоединяетъ поясненіе: «для *церковныхъ правителей*» — вопреки прямому смыслу источника, и т. д. Итакъ, не остается сомнѣнія, что оба изслѣдователя начертываютъ образъ Никифора въ противорѣчіе своему источнику.

Что же значатъ и какъ понимать всѣ вышеуказанные промахи и ошибки двухъ разсматриваемыхъ изслѣдователей?

Въ этихъ промахахъ и ошибкахъ наши изслѣдователи не такъ виноваты, какъ представляется съ перваго взгляда; они введены въ заблужденіе своимъ источникомъ, изъ котораго они единственно и могли почерпать свои свѣдѣнія, и къ которому они потому относились, къ сожалѣнію, съ полнымъ довѣріемъ; но довѣрія онъ не заслуживалъ. Пахимеръ, какъ мы увѣрены, въ своемъ описаніи патріарха Никифора перемѣшиваетъ черты жизни и характера, принадлежащія этому лицу, съ чертами жизни и характера, принадлежащими Никифору Влеммиду. Если пристальнѣе вглядѣться въ образъ Никифора патріарха, какъ этотъ образъ начертанъ Пахимеромъ, то открывается, что Никифоръ представляетъ собой что-то невозможное: соединеніе высокихъ нравственныхъ качествъ съ низменными, аскетическаго характера съ непозволительнымъ сребролюбіемъ; ревность къ охраненію законовъ церковныхъ идетъ рядомъ у него съ предосудительною уступчивостью и умѣньемъ подслуживаться власть имѣющимъ лицамъ. Но такъ какъ такихъ лицъ на свѣтѣ не бываетъ, то, очевидно, Византійскій историкъ впалъ въ какую-то ошибку, которая запутала его и заставила его говорить ни съ чѣмъ несообразныя вещи. Такой ошибкой со стороны историка мы признаемъ смѣшеніе имъ, совершенно неумышленное, двухъ личностей — Никифора патріарха съ Никифоромъ Влеммидомъ, причемъ черты

Влеммида перенесены на личность Никифора патріарха. Не вдаваясь въ подробности, скажемъ, что такая характеристика Никифора патріарха Пахимеромъ: «онъ былъ по жизни страшный, для правителей (т. е. императоровъ) недоступный, чуждый всякой боязни, къ добродѣтели привыкъ съ дѣтства» — отнюдь не относится къ этому патріарху [63]), такъ какъ онъ былъ человѣкъ пронырливый и ради личныхъ интересовъ—гдѣ нужно—уступчивый, великій корыстолюбецъ, человѣкъ на самомъ смертномъ одрѣ не пожелавшій принять монашескій образъ,—но она вполнѣ приличествуетъ Никифору Влеммиду. Равно вовсе нейдетъ къ лицу Никифора патріарха замѣтка Пахимера, что Никифоръ «имѣлъ довольно ревности защищать церковь и ея законы, когда они были презираемы» [64]), но несомнѣнно эта самая замѣтка вполнѣ приличествуетъ Никифору Влеммиду. Разсказъ Пахимера о томъ, что императоръ Іоаннъ Ватаца уклонился отъ назначенія архидіакона Никифора патріархомъ вслѣдствіе строптивости характера этого духовнаго лица — и что этотъ Никифоръ — личность тождественная съ Никифоромъ патріархомъ, — есть историческая ошибка: Пахимеръ приписалъ этому Никифору случай, бывшій дѣйствительно, но съ другимъ лицомъ—именно съ Никифоромъ Влеммидомъ,

---

[63]) Историкъ Акрополитъ, который былъ не только современникомъ патріарха Никифора, но и зналъ его лично, не говоритъ ничего такого объ этомъ человѣкѣ; другой Византійскій историкъ, писавшій послѣ Пахимера и знавшій его историческій трудъ—Григора, не счелъ себя въ правѣ повторить вышеприведенной характеристики Никифора. Оба эти историка (Акропол., гл. 84; Григоры, Исторія, русск. пер., кн. IV, гл. 1, стр. 76) говорятъ объ этомъ патріархѣ холодно, сдержанно, коротко—и отнюдь не въ духѣ Пахимера (кн. II, гл. 22, стр. 117).

[64]) И здѣсь имѣетъ силу предыдущее замѣчаніе.

при чемъ Византійскій историкъ перемѣшалъ имена императоровъ [65]).

Спрашивается: какъ могло случиться, что Пахимеръ допустилъ себѣ такой почти невѣроятный промахъ—смѣшалъ черты двухъ личностей, изукрасивъ одну изъ этихъ личностей чертами, ей непринадлежащими и сдѣлавъ изъ нея какой-то конгломератъ?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ скажемъ слѣдующее:

Почти всѣ Византійскіе историки отличаются замѣчательною беззаботностью и небрежностію въ передачѣ историческихъ фактовъ; Пахимеръ въ этомъ случаѣ не только не составляетъ исключенія, но представляетъ собою типическій образецъ беззаботности Византійскихъ историковъ. Проф. Троицкій развѣ очень немного преувеличиваетъ, когда говоритъ о Пахимерѣ: у «Пахимера, касавшагося въ своемъ историческомъ трудѣ времени, *описаннаго Акрополитомъ*, всѣ лица и событія перемѣшаны въ такой нестройной массѣ, что читатель долженъ употреблять большія усилія, чтобъ отдѣлить чистое зерно отъ шелухи.

---

[65]) Нужно знать, что Акрополитъ, отлично свѣдущій въ дѣлахъ правленія императоровъ Іоанна Ватацы и Ѳеодора Ватацы, говоритъ, что такой случай былъ съ Никифоромъ Влеммидомъ и не указываетъ, чтобы подобное же повторилось и съ другимъ Никифоромъ, впослѣдствіи патріархомъ. Извѣстія Григоры (кн. III, гл. 1, стр. 52) въ существенныхъ чертахъ согласны съ извѣстіями Акрополита. Напротивъ Пахимеръ съ своими сообщеніями представляетъ въ высшей степени подозрительное исключеніе въ ряду указанныхъ историковъ: о патріархѣ Никифорѣ онъ говоритъ, что его нѣкогда обошли назначеніемъ въ патріархи, вслѣдствіе нетерпимаго его характера, а о Никифорѣ Влеммидѣ, о которомъ Пахимеръ при случаѣ повѣствуетъ подробно (кн. V, гл. 2, стр. 310—314), онъ ничего такого не сообщаетъ. Кажется, не можетъ быть сомнѣнія, что Пахимеръ въ этомъ случаѣ явно перепуталъ историческіе факты.

Невольно подумаешь, что авторъ хотѣлъ играть въ прятки съ своими читателями, такъ часто у него главное смѣшивается съ постороннимъ, басня съ фактомъ» [66]). Поучительный примѣръ подобной небрежности историка Пахимера, по нашему мнѣнію, и представляетъ его разсказъ о патріархѣ Никифорѣ [67]).

Небрежнаго историка Пахимера, по всей вѣроятности, въ разсматриваемомъ нами случаѣ много сбило съ толку: 1) то, что одновременно жило два Никифора — Никифоръ Ефесскій и Никифоръ Влеммидъ; 2) то, что первый былъ патріархомъ, а другой считался лучшимъ кандидатомъ на патріаршество и чуть не сдѣлался патріархомъ; 3) то, что оба Никифора жили—однвъ большую часть въ Ефесѣ, а дру-

---

[66]) «Георгій Акрополитъ»—предисловіе къ русскому изданію его Лѣтописи, стр. 39.

[67]) Аналогическихъ примѣровъ можно было бы указать много у Пахимера, но ограничимся лишь однимъ. Михаилъ Палеологъ (впослѣдствіи императоръ) въ царствованіе Іоанна Ватацы былъ обвиненъ въ государственномъ преступленіи, подвергнутъ суду, но освобожденъ отъ наказанія за недостаткомъ уликъ; послѣ того императоръ отправилъ Михаила къ патріарху Манулу для того, чтобы этотъ послѣдній взялъ съ обвиняемаго клятву въ вѣрности царскому дому (Акрополитъ, гл. 50—51). Событіе это совсѣмъ переиначено у Пахимера въ его передачѣ: императоромъ, при которомъ было событіе, является у него не Іоаннъ, а Θеодоръ, сынъ послѣдняго; Михаилъ, по Пахимеру, послѣ разсмотрѣнія его дѣла на судѣ, былъ обвиненъ (чего не говоритъ Акрополитъ); наконецъ патріархъ Манулъ въ разсказѣ Пахимера, является въ роли лица, спасающаго Михаила отъ погибели (Пахимера, кн. I, гл. 7, стр. 11—14). Замѣчательно, Пахимеръ, въ разсказѣ о патріархѣ Никифорѣ, случай, бывшій съ Никифоромъ Влеммидомъ, переноситъ изъ царствованія Θеодора на царствованіе Іоанна, а въ сейчасъ приведенномъ разсказѣ—наоборотъ. Такъ историкъ перебрасываетъ факты изъ одного царствованія въ другое съ такою же беззаботностью, съ какою дѣти бросаютъ мячъ направо и налѣво.

гой, можетъ быть, всегда близъ Ефеса [68]). Конечно, для серьезнаго историка подобнаго рода совпаденія не могли быть препятствіемъ къ правильному изложенію историческихъ событій, но этого нельзя сказать о Пахимерѣ, который сбивался съ толку даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ болѣе вѣрныя свѣдѣнія могъ бы брать у знающихъ свидѣтелей, оставившихъ послѣ себя обстоятельныя записи.

Итакъ, мы находимъ, что свѣтлыя, выпуклыя и характеристическія черты, которыя приписываетъ Пахимеръ патріарху Никифору, должны быть возвращены по принадлежности, т. е. употреблены для начертанія образа Никифора Влеммида, такъ какъ онѣ его собственность, а не его тезки—Никифора патріарха. Какія именно черты нужно отнять отъ Пахимерова изображенія Никифора патріарха, этотъ вопросъ легко рѣшить: стóитъ только разсказъ Акрополита о Никифорѣ Влеммидѣ и разсказъ самого Пахимера [69]) о томъ же лицѣ сопоставить съ разсказомъ этого послѣдняго историка о Никифорѣ патріархѣ и тотчасъ сходныя черты указанныхъ разсказовъ сольются въ одно цѣлое; при чемъ на долю Никифора патріарха останется все то, чего не коснется подобный процессъ сродства и ассимиляціи. На долю патріарха Никифора останется: «крайняя простота» въ смыслѣ малой образованности и нравственной неразвитости, ненасытное корыстолюбіе, несклонность къ аскетизму и умѣнье подслуживаться въ личныхъ интересахъ, и церковно-административная безтактность [70]).

Цѣль этой, довольно большой, замѣтки состоитъ

---

[68]) Акрополитъ, гл. 84. 87.

[69]) Кн. V, гл. 2, стр. 310—314.

[70]) Пахимера, кн. II, гл. 8, стр. 93; гл. 15, стр. 107—111; гл. 22, стр. 116—117.

въ томъ, чтобы доказать, что Никифоръ Влеммидъ, учитель Акрополита, въ высшей степени цѣльная, оригинальная и исключительная личность XIII вѣка и что рядомъ съ нимъ никакъ не слѣдуетъ ставить въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ Никифора патріарха, такъ какъ это послѣднее было бы историческою ошибкой, которая вредно отражается на пониманіи оригинальной личности Никифора Влеммида [71]), затемняя эту личность.

Третью группу историковъ составляютъ Византійскіе писатели, описывавшіе событія въ послѣдній періодъ самостоятельнаго существованія Византіи—отъ эпохи возвращенія Византійскихъ императоровъ изъ Никеи въ Константинополь и до паденія Византійской имперіи подъ власть Турокъ (въ срединѣ XV вѣка). Болѣе замѣчательными писателями, принадлежащими къ этому періоду, были: Георгій Пахимеръ, Никифоръ Григора и Іоаннъ Кантакузинъ.

Въ хронологическомъ порядкѣ первое мѣсто между ними занимаетъ *Георгій Пахимеръ*, жившій во второй половинѣ XIII и началѣ XIV вѣка. О жизни Пахимера наука почти ничего не знаетъ. Всѣ свѣдѣнія о немъ исчерпываются въ существѣ дѣла тѣми извѣстіями, какія онъ самъ сообщаетъ о себѣ въ первыхъ же строкахъ своего произведенія. Пахимеръ говоритъ: «Георгій (т. е. самъ онъ) издавна житель Константинополя, но рожденъ и воспитанъ въ Никеѣ, а въ Константинополь прибылъ уже двадцати одного года отъ роду—тогда, когда этотъ городъ волею Божіею перешелъ подъ власть Грековъ» (отъ Латинянъ).

---

[71]) Мы потому здѣсь распространились о Влеммидѣ, что, по нашему плану, о немъ у насъ не будетъ рѣчи впослѣдствіи. При томъ этотъ же экскурсъ можетъ служить иллюстраціей къ тому, что мы скажемъ о Пахимерѣ, о которомъ теперь и поведемъ рѣчь.

Изъ этого видно, что Пахимеръ родился въ 1240 году. «Я былъ причисленъ (въ Константинополѣ) къ священному клиру, украшался церковными достоинствами и достигъ даже степени протэкдика, да и при дворѣ почтенъ саномъ дикеофилакса» [72]). Вотъ и вся біографія Пахимера.

Историческій трудъ Пахимера заглавляется: De Michaële et Andronico Paleologis и заключаетъ въ себѣ, кромѣ краткаго описанія нѣкоторыхъ событій изъ царствованія Іоанна и Ѳеодора Ватацы, полное описаніе родоначальника новой династіи на Византійскомъ престолѣ—Михаила Палеолога и значительную часть царствованія его сына—Андроника Старшаго (непрерывный разсказъ ведется у автора за періодъ въ 50 лѣтъ, отъ 1258 до 1308 года). Пахимеръ собственно описалъ историческія событія, современникомъ которыхъ онъ самъ былъ. Какъ житель сначала Никеи, а потомъ Константинополя, онъ хорошо могъ знать, что замѣчательнаго случилось въ государствѣ и церкви. Съ другой стороны, и тѣ должности, какія проходилъ онъ, давали ему возможность вращаться въ наиболѣе свѣдущихъ кругахъ по части политики и церковно-общественной жизни. Должность протэкдиковъ состояла въ слѣдующемъ: они обязаны были оказывать защиту и покровительство всѣмъ, искавшимъ того и другого у церкви (наприм., рабамъ, искавшимъ защиты отъ жестокаго притѣсненія господъ; слабымъ отъ притѣсненій сильныхъ и т. д.); затѣмъ, протэкдики разбирали разныя жалобы церковнаго характера.

---

[72]) Георгія Пахимера. Исторія. Томъ первый. Царствованіе Михаила Палеолога, гл. 1. Переводъ СПБ. 1862.—Правда, въ исторіи Пахимера встрѣчаются и нѣкоторыя другія указанія касательно его жизни, но они не даютъ ничего особеннаго. — Кстати сказать, что второй томъ исторіи Пахимера боннскаго изданія остался безъ перевода.

Протэкдикъ стоялъ во главѣ цѣлаго штата чиновниковъ, извѣстныхъ съ именемъ экдиковъ. Въ Константинополѣ протэкдикъ считался патріаршимъ чиновникомъ и стоялъ въ близкихъ сношеніяхъ съ патріархомъ. Не беремся объяснить: въ чемъ состояла должность дикеофилакса (хотя самая филологія слова указываетъ на сходство этого званія съ званіемъ протэкдика), да для нашей цѣли это и не особенно нужно: достаточно знать, какъ свидѣтельствуетъ самъ Пахимеръ, что это званіе ставило его въ связь съ придворной сферой. Слѣдовательно, оффиціальное положеніе Пахимера было весьма благопріятно для наблюденій надъ ходомъ событій и разъясненія пружинъ, заправляющихъ ими. Какъ человѣкъ близкій къ патріарху, онъ могъ успѣшно слѣдить за дѣятельностью церкви, а какъ человѣкъ, стоявшій въ извѣстныхъ отношеніяхъ ко двору—онъ не лишенъ былъ возможности узнавать политическія дѣла и ихъ направленіе.

Но всего важнѣе въ разсматриваемомъ вопросѣ о степени компетентности Пахимера, какъ историка,—то, что этотъ писатель несомнѣнно имѣлъ душу не только любознательную, но и жаждущую правды и нелицепріятной истины. Вотъ, напримѣръ, какъ Пахимеръ смотритъ на задачу историка. «Часто случается, что писатель — заявляетъ нашъ историкъ — какъ скоро кто говоритъ ему: я самъ видѣлъ или слышалъ это, тотчасъ принимаетъ слова говорящаго за правду—единственно потому, что такъ разсказываютъ, но я—пишетъ о себѣ историкъ—былъ большею частію очевидцемъ событій или же до точности разузнавалъ, кто первый видѣлъ событіе, чтобы не только ничего не допускать безъ свидѣтельства, но еще оправдать дѣло согласіемъ многихъ. Не годится унижать истину ложью, ибо истина, какъ сказалъ кто-то, есть душа исторіи: дѣло истины—дѣло святое, и по-

тому кто вмѣсто нея вноситъ ложь, тотъ прямо святотатецъ. Итакъ, мы вовсе не думаемъ преувеличивать событій и, увлекаясь ненавистью или пристрастіемъ, худые поступки порицать, а хорошіе прославлять болѣе надлежащаго, и чрезъ это какъ бы заколдовывать умственное ухо. По моему мнѣнію, лучше молчать, нежели говорить иначе, чѣмъ какъ было дѣло. Лучше вовсе не знать слушателямъ, что происходило, нежели знать иначе, чѣмъ какъ хочетъ того исторія; потому что въ первомъ случаѣ было бы просто незнаніе, а въ послѣднемъ незнаніе какъ бы удвояется; незнаніе здѣсь соединяется съ обманнымъ знаніемъ, а хуже этого ничего не можетъ быть» (гл. 1). Прекрасныя слова, достойныя лучшихъ временъ исторіографіи! Въ похвалу автора нужно сказать, что это не слова только прекрасныя, но выраженіе дѣйствительнаго стремленія историка стоять на уровнѣ своего дѣла. Во всякомъ случаѣ Пахимеру принадлежитъ нужнѣйшее качество историка—безпристрастіе и нелицепріятіе, желаніе сказать о лицахъ и событіяхъ правду, какъ бы ни горька она казалась мнимымъ патріотамъ.

Можно утверждать, что Пахимеръ очень хорошо понималъ какъ общее состояніе дѣлъ въ Византійскомъ государствѣ, такъ и дѣятельность современныхъ ему императоровъ, поскольку она описана нашимъ историкомъ. Что касается общаго положенія дѣлъ въ государствѣ, то историкъ—что́ очень замѣчательно—нисколько не заблуждается на счетъ того, что Византія не можетъ долго жить, и что скоро наступитъ катастрофа, которая приведетъ государство къ крайнему оскудѣнію его жизненныхъ силъ, хотя конечно историкъ не могъ предсказать точно, въ чемъ будутъ заключаться послѣдующія несчастія имперіи. Пахимеръ говоритъ: «я не приступилъ бы къ своему тру-

ду, еслибы по настоящему не гадалъ о послѣдующемъ или лучше—по случившемуся заключая къ имѣющему случиться, не ожидалъ, что съ теченіемъ времени будетъ еще хуже; ибо можетъ быть гораздо удивительнѣе было бы слышать не о томъ, какъ это мы отъ глубокой тишины, какою наслаждались. перешли теперь въ состояніе столь бѣдственное, а о томъ, если бы стеченіе такихъ явленій, отъ наступленія ужаснѣйшей зимы, послѣ прежняго нашего процвѣтанія, привело насъ къ обновленію силъ: вѣдь душа, достигши своей осени, не цвѣтетъ, а напротивъ становится чуждою жизненнаго движенія» (гл. 1). Замѣчательное признаніе со стороны историка начала XIV вѣка, писавшаго почти за полтораста лѣтъ до паденія Византіи. Нужно было очень внимательно присмотрѣться къ ходу дѣлъ въ Византіи, чтобы такъ правильно судить о будущихъ жребіяхъ нѣкогда блестящаго царства; нужно было имѣть много гражданскаго мужества, чтобы прямо и откровенно высказать такое роковое предсказаніе предъ всей публикой, весьма легкомысленной и чванившейся тѣмъ, что Византія, какъ государство, наслѣдіе Цезарей, Автустовъ и т. под. Пахимера не подкупило въ пользу фальшиваго патріотизма и то обстоятельство, что еще такъ недавно Греки отняли Константинополь у Латинянъ и снова утвердились на Босфорѣ.

Авторъ показываетъ замѣчательное безпристрастіе и наблюдательность и при описаніи отдѣльныхъ царствованій, составившихъ тему его историческаго труда—Михаила Палеолога и сына его Андроника Старшаго. Если исключить Акрополита, изложившаго лишь начало царствованія Михаила Палеолога,—Акрополита, не желавшаго сказать слова правды объ этомъ царствованіи, то окажется, что на долю Пахимера выпала здаача описать продолжительное и знаменательное правленіе

перваго Палеолога, никѣмъ еще не описанное. Задача сама по себѣ очень серьезная. Описать царствованіе Михаила значило изобразить одну изъ несчастныхъ эпохъ Византійской имперіи; вѣдь это была эпоха—Ліонской уніи, позорной для чести Греческаго императора и іерархіи; Арсенитскихъ движеній, вызванныхъ беззаконнымъ, клятвопреступническимъ и злодѣйскимъ устраненіемъ прямого наслѣдника престола Іоанна Ватацы,—устраненіемъ, которое совершено хитрымъ и жестокимъ Михаиломъ; безпрестанной смѣны Византійскихъ патріарховъ, вызвавшей умноженіе церковныхъ партій и церковныхъ смутъ; жестокихъ и безчеловѣчныхъ отношеній, общихъ смутъ и постоянныхъ безпорядковъ. И эту задачу Пахимеръ выполнилъ съ успѣхомъ. Въ большомъ томѣ, посвященномъ царствованію Михаила, онъ описалъ это царствованіе настолько многосторонне, что читатель остается въ увѣренности, что ничего существеннаго не оставлено безъ вниманія историкомъ. Историкъ не щадитъ Михаила и очерчиваетъ его личность во всей его колоссальной неприглядности. Не меньше усердія употреблено Пахимеромъ и на описаніе первой большей половины царствованія сына Михаилова Андроника Старшаго. Можно было бы ожидать, что смерть Михаила, зачинщика уніи, и вступленіе на престолъ Андроника, врага уніи, побудятъ историка смотрѣть радостными глазами на новое царствованіе; но этого не случилось. Андроникъ, хотя и отмѣнилъ унію, но не стоялъ на высотѣ своего призванія—у него, что называется, все валилось изъ рукъ, всѣ благія начинанія, какими исполненъ былъ Андроникъ, приводили въ концѣ концовъ къ результатамъ, совершенно несоотвѣтствующимъ цѣли. Пахимеръ, поэтому, также мало сочувствуетъ и Андронику, какъ и отцу его, отступнику отъ православія.

Вѣроятно, по смерти Пахимера историческое произведеніе его было прочитано и самимъ Андроникомъ и конечно возбудило въ немъ неудовольствіе. Свой критическій отзывъ объ этомъ произведеніи онъ выразилъ между прочимъ въ слѣдующихъ словахъ: «часто дивился я, что такъ много есть людей, которымъ при ихъ безмятежной и ничѣмъ невозмутимой жизни оставалось бы только уважать другихъ и никого не слѣдовало бы ненавидѣть; между тѣмъ они готовы бранить каждаго встрѣчнаго и съ удовольствіемъ острятъ свои злые, язвительные и обидные языки. Еще больше дивился тѣмъ, которые осмѣливаются сплетать и безстыдно произносить лживыя ругательства на царей и на патріарховъ. Но больше всего я дивился тѣмъ, которые свои лживыя ругательства не затрудняются излагать на бумагѣ. Не понимаю и понять не могу, для чего они рѣшаются на это и изъ-за какой выгоды несутся къ такимъ стремнинамъ. Если такія лживыя ругательства они сплетаютъ для удовлетворенія собственной злости, то дѣлаютъ слишкомъ безстыдно и — какъ говорится — на свою голову, такъ какъ въ своихъ сочиненіяхъ передаютъ времени памятники своей злости. Писатели, о которыхъ мы говоримъ, всю жизнь провели въ четырехъ стѣнахъ, съ молодыхъ лѣтъ совершенно предавшись ученымъ занятіямъ. Впрочемъ не было бы хуже, если бы они и не были бы такъ преданы ученымъ занятіямъ. Эти люди, которымъ такъ прилично было бы сидѣть въ темномъ углу, выступили на ученую дорогу, не отличаясь природными дарованіями. Эти умники, по невѣжеству или изъ нелюбви къ истинѣ, не только не прошли молча и малыхъ грѣховъ, дѣйствительно бывшихъ, но еще предали письмени много такого, чего никогда не было на дѣлѣ». Андроникъ прибавляетъ, что говоря такъ, онъ имѣетъ въ виду не себя защи-

щать, такъ какъ на его долю выпадаютъ и похвалы у писателей, но ему жаль будто бы лицъ, несправедливо обиженныхъ этими же писателями [73]).—Съ приведеннымъ отзывомъ Андроника Старшаго о Пахимерѣ соглашаться совершенно нельзя: объ этомъ историкѣ можно сказать, что угодно, но никакъ не то, что его порицанія лживы, и что онъ наговорилъ много выдуманнаго, занятаго отъ собственной фантазіи. Не такъ смотрятъ на степень исторической правдивости и безпристрастія Пахимера новѣйшіе знатоки Византійской исторической литературы. Одинъ изъ компетентныхъ издателей Пахимера, Петръ Поссинъ, признаетъ его служителемъ «исторической истины», идущимъ «царскимъ путемъ» къ ней [74]); въ частности касательно описанія Пахимеромъ царствованія Андроника тотъ же Поссинъ заявляетъ, что этотъ историкъ остается для насъ «единственнымъ (съ точки зрѣнія правдивости) свидѣтелемъ дѣятельности Андроника» [75]). Это же послѣднее конечно можно сказать и о той части исторіи Пахимера, которая посвящена изображенію дѣятельности Михаила

---

[73]) Никифоры Григоры. Исторія. Томъ I, гл. I, стр. 5—10. Русск. перев. У Григоры не названъ по имени тотъ историкъ, котораго критикуетъ Андроникъ, но ученые склоняются къ мысли, что здѣсь разумѣется Пахимеръ (ibid., стр. 4); къ тому же предположенію ведутъ и заключительныя слова Андроника, сейчасъ указанныя нами.

[74]) Pachymeris. De Michaële et Andronico Paleologis. Tom. I, Praefatio, p. VII. Edit. Bonn.

[75]) Ibidem. Tom 2 Praefatio, p. X. Русскій издатель перваго тома исторіи Пахимера, проф. Карповъ, говоритъ: въ положеніи Пахимера «трудно было историку сохранить безпристрастіе взгляда и не увлечься духомъ партіи, но онъ въ этомъ отношеніи является неукоризненнымъ: истина у него идетъ впереди всѣхъ личныхъ или сословныхъ разсчетовъ». Стр. VII (предисловіе).

Палеолога, потому что безпристрастіе составляетъ ея принадлежность. Вообще Пахимеръ есть богатѣйшій источникъ не только въ историческомъ вообще, но и — что особенно важно — въ церковно-историческомъ отношеніи. Имѣя подъ руками Пахимера, церковный историкъ чувствуетъ себя богатымъ.

Объ исторіи Пахимера справедливо говорятъ: «главною задачей или какъ бы канвою ея былъ поднятый Михаиломъ Палеологомъ вопросъ о соединеніи церквей восточной и западной» [76]). Это придаетъ исторіи Пахимера извѣстнаго рода единство. Но еще важнѣе то, что эта задача не вовлекла историка ни въ какую односторонность. Эта задача не заставила его лучи свѣта направить на одни лица и сгустить тѣни на другихъ. Характеристики Пахимера не только Михаила Палеолога, но и тогдашнихъ патріарховъ Арсенія, Іосифа и Іоанна Векка, пережившихъ это смутное время, поражаютъ умѣньемъ писателя сказать о нихъ все существенное, не допуская себѣ увлеченій своими симпатіями и антипатіями. Не смотря на то, что эти патріархи держались не одной и той же партіи, историкъ при сужденіи о нихъ не беретъ въ разсчетъ этого обстоятельства, а оцѣниваетъ ихъ по ихъ дѣйствительнымъ достоинствамъ. Историкъ объективенъ, какъ рѣдко это встрѣчается въ Византійской исторіографіи.

Въ пріемахъ Пахимера, какъ историка, нужно указать на слѣдующія особенности: во 1-хъ, онъ не просто механическимъ образомъ сообщаетъ извѣстія объ историческомъ лицѣ, а старается характеризовать его по внутреннимъ его свойствамъ, такъ что оно возстаетъ предъ нами, какъ живое. Во 2-хъ, онъ любитъ влагать въ уста описываемыхъ лицъ цѣ-

---

[76]) Карпова. Предисловіе, стр. VIII.

лыя рѣчи или указывать, что думало извѣстное лицо при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ. Авторъ, конечно, передаетъ недѣйствительныя рѣчи и думы историческихъ личностей; это составляетъ у него лишь особенный пріемъ, благодаря которому авторъ всегда даетъ возможность видѣть читателю мотивы тѣхъ или другихъ историческихъ дѣйствій, причемъ самъ авторъ искусно остается какъ бы въ сторонѣ. Очевидно, пріемъ этотъ заимствованъ историкомъ изъ драмы (не даромъ онъ знакомъ былъ съ Софокломъ).

Само собою понятно, что Пахимеръ и какъ личность, и какъ историкъ, не составляетъ собою какого-либо совершенства. У Пахимера можно находить нѣкоторые немаловажные недостатки. Его богословское образованіе было недостаточно и ограниченно, напримѣръ — будучи человѣкомъ православнымъ, онъ однако жъчуть-ли не склоненъ думать, что filioque не чуждо было ученію древнихъ отцовъ восточной церкви [77]). Къ счастью, это не оказало неблагопріятнаго вліянія на характеръ Пахимера, какъ историка. Со стороны техническаго совершенства исторія Пахимера позволяетъ желать очень многаго. Этотъ историческій трудъ изобилуетъ ошибками, свидѣтельствующими, что авторъ мало заботился о точной хронологіи событій и очень беззаботно перемѣшивалъ историческіе факты [78]). Читая Пахимера, не разъ приходится жалѣть, что этотъ историкъ въ до-

---

[77]) Томъ I, кн. VI, гл. 23, стр. 444. Русск. перев.

[78]) Выше мы имѣли случай указать очень яркій примѣръ въ подобномъ родѣ (см. «приложеніе къ трактату объ Акрополитѣ»). Съ своей стороны проф. Троицкій въ статьяхъ «Христ. Чтенія»: «Арсеній и Арсениты» отмѣчаетъ много случаевъ хронологической неточности и оплошности въ передачѣ фактовъ Пахимеромъ (См. напр. «Христ. Чтен.» 1867, т. II, гдѣ описывается царствованіе Михаила Палеолога).

бавокъ къ безпристрастію и наблюдательности не обладалъ образованнымъ умомъ Акрополита. Далѣе, греческій языкъ Пахимера служитъ положительно камнемъ преткновенія для читателя и наказаніемъ для филолога. Исторія Пахимера, по своему языку, похожа на черновыя записки, спѣшно написанныя авторомъ лично для себя — въ надеждѣ, что со временемъ онѣ примутъ болѣе литературное изложеніе [79]). Наконецъ, должно сказать, что историкъ нечуждъ суевѣрій. Онъ передаетъ въ своей исторіи содержаніе сновъ, которые только наивность можетъ принимать за пророчественные, какими считаетъ ихъ историкъ [80]). Онъ вѣритъ, что кометы всегда предвѣщаютъ какое либо несчастіе. «Объ этомъ свидѣтельствуетъ—говоритъ Пахимеръ — и пословица: ни одна комета не проходитъ безъ чего-нибудь. А люди знающіе—заявляетъ онъ же—присоединяютъ къ этому и стихъ: комета по природѣ зла» [81]).

За Пахимеромъ въ хронологическомъ порядкѣ слѣдовалъ *Никифоръ Григора*. Онъ написалъ сочиненіе подъ общимъ заглавіемъ: Historia Byzantina—Исторія Византійская, хотя въ дѣйствительности онъ описалъ лишь малую часть этой исторіи.

Жизнь и дѣятельность Григоры богаты событіями. Онъ родился въ Понтійской Ираклiи, въ самомъ концѣ XIII вѣка. Первоначальное образованіе получилъ на родинѣ подъ руководствомъ дяди своего Іоанна, митрополита Ираклійскаго. Еще юношей онъ пере-

---

[79]) Русскій переводчикъ, проф. Карповъ, говоритъ: «надъ языкомъ Пахимера по мѣстамъ не можетъ не задуматься всякій филологъ. Читая и переводя его, иногда нужно бываетъ забыть всѣ требованія грамматики и ловить мысль однимъ контекстомъ». Предисл., стр. XI.

[80]) Томъ I, кн. 2, гл. 19, стр. 111.

[81]) Ibid., кн. 3, гл. 23, стр. 204.

брался на жительство въ Византію. Здѣсь онъ продолжилъ свое образованіе, частью пользуясь бесѣдами умнаго патріарха того времени Іоанна Глики и изучая науки подъ руководствомъ нѣкоего Ѳеодора Метохита. О послѣднемъ Григора говоритъ: «это была живая библіотека, въ которой можно было наводить необходимыя справки—такъ далеко онъ оставилъ за собою всѣхъ, когда-либо занимавшихся ученостію». Окончивъ свое образованіе, Григора открылъ школу и занялся преподаваніемъ наукъ юношамъ; эта дѣятельность его имѣла большой успѣхъ. Какъ человѣкъ отлично образованный, онъ получилъ отъ своихъ современниковъ прозваніе философа. Его познанія и по части богословія были очень обширны и разнообразны. Но, конечно, образованность Григоры носила черты своего времени—въ его краснорѣчіи замѣтенъ риторизмъ, а въ ученыхъ разсужденіяхъ—схоластицизмъ.

На 27 году жизни Григора имѣлъ удовольствіе войти въ знакомство съ тогдашнимъ императоромъ Андроникомъ Старшимъ. Можно даже сказать, что этотъ послѣдній съ теченіемъ времени принялъ Григору въ число своихъ близкихъ друзей. Дружба ихъ основывалась на любви къ наукѣ и просвѣщенію. Во дворцѣ императора нерѣдко собирались люди ученые и образованные, разсуждали о вопросахъ научныхъ; здѣсь читались рѣчи и рефераты. Григора являлся на этихъ бесѣдахъ однимъ изъ плодовитѣйшихъ ораторовъ и референтовъ. Андроникъ хотѣлъ было дать Григорѣ должность хартофилакса, особаго чиновника при патріархѣ, завѣдывавшаго между прочимъ дѣлопроизводствомъ по церковнымъ дѣламъ, но онъ не пожелалъ принять на себя этой должности, имѣя въ виду съ большею свободой заняться науками. Но счастливое положеніе Григоры не долго продолжалось.

Андроникъ былъ свергнутъ съ престола внукомъ своимъ Андроникомъ Младшимъ. Григора попалъ подъ опалу и даже лишился имущества, но остался вѣрнымъ въ своей привязанности низложенному императору, за что нельзя не отдавать чести нашему историку.

Опальный Григора закрылъ свою школу и хотѣлъ проводить жизнь въ полномъ уединеніи. Но судьба рѣшила иначе. Въ то время прибылъ въ Византію извѣстный Варлаамъ—основатель секты варлаамитовъ, и, хвастаясь своею ученостью, вызвалъ Григору на публичный ученый споръ. Григора, хотя и неохотно, но согласился на это; диспутъ кончился блистательнымъ пораженіемъ Варлаама. Послѣ этого Григора вошелъ въ милость новаго императора Андроника Младшаго и снова открылъ свою школу, которая переполнилась учениками.

По смерти Андроника Младшаго положеніе Григоры опять ухудшается, вообще съ этихъ поръ счастіе рѣдко улыбается ему. Вышеназванный Варлаамъ и потомъ ученикъ его Акиндинъ вступили въ споръ съ аѳонцами о такъ называемомъ ѳаворскомъ свѣтѣ,—съ аѳонцами, которыхъ ревностно поддеживалъ словомъ и пэромъ извѣстный Григорій Палама. Григора въ этомъ спорѣ является жаркимъ врагомъ Паламы, хотя и не становясь прямо на сторону Варлаама и Акиндина. Это отношеніе къ Паламѣ принесло много горя и несчастій Григорѣ. Что Григора былъ враждебенъ ученію Паламы, это нѣтъ надобности доказывать (степень этой вражды къ тому же будетъ указана ниже); представляется болѣе необходимымъ опредѣлить точнѣе, въ какомъ отношеніи стоялъ Григора ко врагамъ Паламы—былъ-ли онъ сторонникомъ ихъ. Григору въ его время считали приверженцевъ Варлаама и Акиндина, по крайней мѣрѣ—по вопросу о ѳаворскомъ свѣтѣ, но онъ опровергалъ такое мнѣніе.

Онъ объявлялъ, что онъ не былъ приверженцемъ Варлаама и Акиндина и въ доказательство указывалъ на свои диспуты и сочиненія, направленныя противъ Варлаамитской ереси; на вопросъ: какого же ученія онъ держится, Григора отвѣчалъ съ клятвою, что онъ идетъ среднимъ путемъ и не благопріятствуетъ ни Паламѣ, ни ереси Варлаамитской [82]). Такимъ образомъ несомнѣнно одно: Григора былъ врагомъ ученія Паламы, но это ставило его въ такое положеніе, что онъ являлся во всякомъ случаѣ сторонникомъ и приверженцемъ лицъ, которые сочувствовали больше Варлааму, чѣмъ Паламѣ, или—которыя даже были прямыми поборниками воззрѣній Варлаама. Такое поведеніе Григоры, какъ мы замѣтили выше, было источникомъ неудовольствій и даже несчастій для Григоры. Во времена регентства, котороя учреждено было въ виду малолѣтства императора Іоанна Палеолога, сына Андроника Младшаго, Григору чуть не сослали въ заточеніе. Въ правленіе императора Іоанна Кантакузина его положеніе сдѣлалось еще хуже: хотя сначала Кантакузинъ, желая привлечь его на сторону Паламы, ласкалъ его и даже предлагалъ патріаршій престолъ, но Григора остался глухъ и нѣмъ ко всѣмъ увѣщаніямъ, ласкамъ и лестнымъ предложеніямъ. Утвержденіе ученія Паламы въ Византійской церкви Григора называлъ мерзостію запустѣнія «на мѣстѣ святѣ» и неустанно писалъ противъ Паламы. За это онъ посаженъ былъ подъ стражу въ одномъ монастырѣ Византійскомъ, гдѣ переносилъ тяжкія страданія. Наконецъ, въ правленіе Іоанна Палеолога, того самаго, престолъ котораго нѣкоторое время занималъ Іоаннъ Кантакузинъ, теперь

---

[82]) Gregorae. Historia Byzantina. Tom II, p. 901. 907. Edit. Bonn.

низвергнутый, — Григора получилъ свободу; но это не сдѣлало его счастливымъ. Раздраженный предшествующими страданіями, онъ не переставалъ гнѣвно спорить какъ съ Паламой, такъ и съ низверженнымъ Кантакузиномъ, терпитъ непріятности, осужденіе.

О времени смерти Григоры нѣтъ свѣдѣній. Такъ какъ его исторія Византійская, заключающая въ себѣ главнымъ образомъ описаніе современныхъ ему событій, доходитъ до 1359 года, то полагаютъ, что онъ умеръ въ этомъ году, 64 лѣтъ отъ роду, — но это не болѣе какъ догадка [83]).

Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о «Византійской исторіи» Никифора Григоры.

Это обширный трудъ. Въ началѣ своей исторіи авторъ говоритъ: «нашу исторію начнемъ со взятія Константинополя Латинянами. То, что произошло раньше нашихъ временъ, но что передано намъ людьми старѣе насъ, мы разскажемъ вкороткѣ, потому что много о томъ сказано (въ письмени) и другими, частію и потому, что опасаемся допустить какую-либо погрѣшность въ исторіи; а то, чего мы были очевидцами, попытаемся изобразить съ возможною отчетливостію и обстоятельностію» [84]). Эти слова историка показываютъ, что трудъ его можно дѣлить

---

[83]) Жизнь Григоры подробно изложена Боннвиномъ. Migne. Gr. Ser. Tom. 148, p. 19—42. При первомъ томѣ исторіи Григоры въ русскомъ переводѣ приложена въ началѣ довольно подробная біографія этого историка (стр. V—XXVIII), но она есть только сокращенный переводъ «Жизни», составленной вышеназваннымъ Боннвиномъ. Исторія Григоры въ боннскомъ изданіи имѣетъ три тома; изъ нихъ по-русски переведенъ лишь первый.—Въ русской наукѣ Григора, — этотъ очень замѣчательный Византіецъ — богословъ XIV вѣка,— извѣстенъ, къ сожалѣнію, немного болѣе, чѣмъ по имени. Желательно было бы имѣть обстоятельную монографію о Григорѣ.

[84]) Григоры. Истор. Т. I, кн. 1, гл. 1, стр. 11—12.

на двѣ части—одна часть написана на основаніи постороннихъ свидѣтелей, другая—по личнымъ наблюденіямъ. Въ первой, гораздо меньшей части, онъ излагаетъ исторію Византіи за тотъ періодъ, когда императоры имѣли столицею Никею, а также царствованіе Михаила Палеолога и первую большую половину царствованія Андроника Старшаго. Остается не совсѣмъ яснымъ: зачѣмъ понадобилось Григорѣ описывать эти времена, когда они (за исключеніемъ нѣсколькихъ лѣтъ правленія Андроника) были описаны другими—Акрополитомъ и Пахимеромъ? Трудно сказать, почему Григора принялъ на себя трудъ описать ту эпоху, какая была описана Акрополитомъ: между Акрополитомъ и Григорой нѣтъ большой разницы въ изображеніи этой эпохи. Возможно, что Григора хотѣлъ описать это время съ большею живостію, чѣмъ какъ оно изложено у Акрополита, и передать нѣкоторыя подробности, опущенныя первымъ (такія подробности дѣйствительно встрѣчаются у Григоры). Гораздо понятнѣе: почему Григора рѣшился снова описать ту часть исторіи Византійской, которая описана была однимъ Пахимеромъ. Ему захотѣлось ослабить авторитетъ и значеніе историка Пахимера, который не былъ расположенъ хвалить и возвеличивать Палеологовъ, а потому Григора рѣшился переизложить исторію Михаила Палеолога и первую половину царствованія Андроника, представить эти времена въ лучшемъ освѣщеніи. Недаромъ ученые исторію Григоры называютъ «панегирикомъ Палеологамъ» [85]). На такую задачу могъ натолкнуть Григору самъ императоръ Андроникъ Старшій, очень благоволившій къ нему и ясно недовольный Пахи-

---

[85]) Muralt. Chronographie Byzantine. Tome I, p. XVI. S.-Petersb. 1871.

меромъ, о чемъ онъ очень недвусмысленно намекалъ Григорѣ [86]). Разсматриваемая часть исторіи Григоры не особенно важна въ научномъ отношеніи. Но тѣмъ не менѣе она далеко не лишняя. Что касается Никейскаго періода Византійской имперіи, то описаніе этого періода Григорой нѣкоторые изслѣдователи признаютъ «очень цѣннымъ описаніемъ» и находятъ, что изображеніе имъ императоровъ Ѳеодора Ласкаря и Іоанна Ватацы сдѣлано историкомъ «въ очень хорошемъ стилѣ» [87]). Не теряетъ своего значенія и описаніе Григорой временъ Михаила и Андроника въ этой же части уже потому, что къ этому описанію приложимо извѣстное изреченіе: audiatur et altera pars. Акрополитъ и Пахимеръ съ одной стороны и Григора съ другой могутъ взаимно себя контролировать по части вѣрности сообщаемыхъ ими извѣстій и фактовъ.

Болѣе интереса и значенія имѣетъ вторая большая часть исторіи Григоры, написанная по личнымъ наблюденіямъ. Самъ Григора не съ одобреніемъ отзывается о такихъ историкахъ, которые принимаются за составленіе историческаго труда, не имѣя къ тому должной подготовки, напримѣръ когда «они всю жизнь проводятъ въ четырехъ стѣнахъ и остаются глухими ко всему происходящему вокругъ ихъ» [88]). Т. е. дѣйствительнымъ, способнымъ историкомъ Григора считаетъ человѣка, живущаго одною жизнью съ самимъ обществомъ. И несомнѣнно, если кто, то въ особенности Григора ближе всего подходитъ къ идеалу такого историка. Онъ пережилъ четыре царствованія

---

[86]) Григоры. Ист. Т. I, гл. 1, стр. 4—11.

[87]) Гиббона. Исторія. Русск. перев. Т. VII, стр. 52.

[88]) Томъ I, гл. 1, стр. 9. Слова эти принадлежатъ Андронику, но съ ними вполнѣ соглашается и Григора.

и въ каждое былъ близокъ къ престолу. Онъ находился во всѣ эти царствованія, можно сказать, въ самомъ водоворотѣ дѣлъ; былъ не только участникомъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣлъ, но иногда и главною пружиною въ нихъ; онъ раздѣлялъ счастье и несчастье съ однимъ изъ царей — Андроникомъ Старшимъ, онъ, такъ сказать, самъ пережилъ ту исторію, какую онъ описываетъ. И значитъ, онъ могъ быть тѣмъ идеальнымъ историкомъ, какимъ представляетъ себѣ дѣйствительнаго историка Григора. Спрашивается: какъ же описалъ онъ пережитое имъ время? Какія достоинства носитъ его исторія въ той части ея, которую мы называемъ второю? Эта часть его исторіи имѣетъ неодинаковыя достоинства: подобно тому, какъ первая часть его исторіи, гдѣ онъ описываетъ событія на основаніи постороннихъ свидѣтелей, и первая половина второй его части, въ которой имъ описаны нѣкоторые современные ему императоры и ихъ дѣла, именно: вторая половина царствованія Андроника Старшаго, все царствованіе Андроника Младшаго и начало правленія Кантакузина (до охлажденія и разрыва съ нимъ Григоры)— является старательно обработанною. Видно, что авторъ писалъ (всѣ первыя 17 книгъ) не спѣша, пользуясь относительнымъ спокойствіемъ [89]). Но хорошъ-ли, какъ историческое произведеніе, тотъ отдѣлъ труда Григоры, въ которомъ онъ описываетъ свое время по своимъ наблюденіямъ, до вышеуказаннаго историческаго момента? Не совсѣмъ. Описаніе дѣлъ носитъ здѣсь у автора пристрастный характеръ. Мы знаемъ уже, что авторъ при Андроникѣ Старшемъ пользовался завиднымъ счастіемъ, былъ дру-

---

[89]) Gregorae vita. Migne. Tom. 148, p. 36. «Никифоръ Григора»—предисловіе къ русскому изданію, стр. XXII.

женъ съ этимъ императоромъ. Не удивительно, если впослѣдствіи, описывая это царствованіе, Григора не могъ быть безпристрастнымъ цѣнителемъ и неподкупнымъ судьею личности и дѣлъ названнаго царя. Вмѣсто исторіи царствованія Андроника, написанной по личнымъ наблюденіямъ, у него вышло чуть не похвальное слово этому императору, мало чѣмъ замѣчательному. Въ этомъ случаѣ авторъ, кажется, примѣнилъ къ дѣлу мысли самого Андроника объ исторіи, — мысли, которыя были высказаны имъ въ присутствіи Григоры. «Я слышалъ отъ древнихъ мудрецовъ—говорилъ царь — что берущіеся за перо (историки) должны подражать хорошимъ живописцамъ. Если и есть въ оригиналѣ какой-либо природный недостатокъ, наприм. — больше или меньше надлежащаго какая-нибудь часть тѣла, они стараются изобразить на портретѣ не все въ точности; но гдѣ прибавятъ, чтобы больше было сходства (?), а гдѣ убавятъ, чтобы природный недостатокъ не бросался въ глаза и не давалъ насмѣшникамъ повода острить и смѣяться» [90]). Можно думать, что, сообразно съ этимъ рецептомъ Андроника, Григора составлялъ описаніе жизни и дѣятельности этого государя. Но исторія отъ этого, разумѣется, не въ выигрышѣ. Григора является въ высшей степени пристрастнымъ въ описаніи царствованія Андроника. Такъ Григора находилъ, что, въ виду обилія достоинствъ Андроника, оказывается «бѣднымъ слово каждаго, кто бы онъ ни былъ, и нѣтъ рѣшительно никого, кто бы могъ достойно восхвалить его». Авторъ въ самыхъ льстивыхъ выраженіяхъ описываетъ умъ и краснорѣчіе этого царя. Вотъ его слова: «краснорѣчіемъ Андроникъ далеко превосходилъ другихъ и совмѣстилъ въ себѣ

---

[90]) Томъ I, кн. I, гл. I, стр. 9—10.

всѣ достоинства, которыхъ не имѣлъ въ равной мѣрѣ никто ни при насъ, ни прежде насъ, хотя бы кто перечислилъ всѣхъ отъ самаго начала»; «обиліемъ мудрости онъ превосходилъ всѣхъ людей въ мірѣ; не затрудняюсь сказать, далеко превзошелъ онъ Перикловъ и Несторовъ. Прежде, слушая то, что говорили объ Академіи, Лицеѣ, Стоѣ, я воображалъ, что въ нихъ заключается все великое и прекрасное, благодаря Платону, Сократу, Зенону; а теперь я и думать забылъ о нихъ. Своими рѣчами Андроникъ дѣлаетъ изъ своего дворца и Академію, и Лицей, и Стою. Многіе гораздо больше цѣнятъ того, кто помнитъ его изреченія, чѣмъ кто помнитъ рапсодіи Гомера. Если назову Андроника солнцемъ, то — говоритъ Григора—я не скажу ничего особеннаго». Вообще, онъ находитъ, что въ умственномъ отношеніи Андроникъ представлялъ «верхъ совершенства». Государственное управленіе этого Андроника, по сужденію Григоры, тоже заслуживало всякой похвалы. «При необыкновенномъ умѣ, пишетъ историкъ, Андроникъ такъ вѣрно велъ все къ совершенству, что отъ вѣка не было съ нимъ равнаго». Сравнивая Андроника съ музыкантомъ, Григора говоритъ, что Андроникъ «всѣмъ своимъ дѣламъ сообщалъ музыкальный размѣръ и чудную гармонію». Заслуги Андроника для церкви, по словамъ Григоры, были тоже велики и достохвальны. «Онъ былъ честію и славою священства и блистательнѣйшимъ свѣтильникомъ церкви; онъ далъ устойчивость церкви, которая, какъ большой корабль, обуревалась волнами; онъ обращалъ ея бурю въ тишину и всегда былъ для ея догматовъ непоколебимою башнею» [91]). Такими пристрастными

---

[91]) Томъ I, кн. 8, гл. 8, стр. 321. 323. 326—330; кн. 10, гл. 1, стр. 461.

глазами смотритъ Григора на Андроника Старшаго. Григора пристрастенъ и при описаніи слѣдующаго царствованія Андроника Младшаго, но пристрастенъ въ другомъ направленіи. Этого Андроника авторъ не любитъ за то, что онъ не далъ Андронику Старшему царствовать мирно, а свергнулъ его съ престола. Къ счастью, нерасположеніе Григоры къ указанному императору меньше повредило историку, чѣмъ сколько вредила ему слѣпая любовь къ Андронику Старшему: авторъ собралъ очень полныя и интересныя свѣдѣнія о нравственныхъ недостаткахъ и слабостяхъ императора, о какихъ молчатъ другіе описатели [92]). Что касается описанія Григорой начала царствованія Кантакузина, то описаніе это спокойно и достойно историка.

Дальнѣйшіе отдѣлы исторіи Григоры (начиная съ 18 книги и до конца) нельзя даже и назвать исторіей. По тону, это какая-то іереміада, по формѣ изложенія—мемуары, наскоро набросанные авторомъ подъ впечатлѣніемъ минуты, подъ давленіемъ обстоятельствъ, тяжелыхъ для автора. Въ этихъ отдѣлахъ чрезвычайно много личнаго, мелочного, не нужнаго въ исторіи, какъ очеркѣ общаго движенія. Григорѣ приходилось сидѣть подъ арестомъ, переносить физическія и нравственныя тягости, — все это дѣлало его пристрастнымъ, раздражительнымъ, эгоистичнымъ, что и отразилось ясно на послѣднихъ частяхъ его труда. Въ разсматриваемыхъ отдѣлахъ онъ описываетъ вторую половину царствованія Іоанна Кантакузина и начало правленія Іоанна Палеолога. Виною всѣхъ невзгодъ Григоры было его участіе въ спорахъ Варлаамитскихъ и Паламитскихъ и ожесточенная вражда его къ Григорію Паламѣ. И нигдѣ, кажется, при-

---

[92]) Гиббонъ. Исторія. Томъ VII, стр. 94.

страстіе историка не выразилось такъ ярко и беззастѣнчиво, какъ при изображеніи имъ этихъ споровъ и лицъ, участвовавшихъ или соприкосновенныхъ съ этими спорами. Григора, разорвавъ связи съ Іоанномъ Кантакузиномъ, сталъ смотрѣть на всѣ дѣйствія Кантакузина съ своей точки зрѣнія; кого считалъ Кантакузинъ лицами достойными, тѣмъ Григора осыпаетъ порицаніями и наоборотъ. Григора не находитъ достаточно словъ, чтобы представить личность Паламы въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Паламу онъ называетъ неучемъ, и отказываетъ ему въ умѣньѣ правильно излагать свои мысли [93]); онъ обвиняетъ его въ заимствованіи своихъ воззрѣній у аріанъ и иконоборцевъ [94]); представляетъ себѣ паламитовъ крайне жестокими и сравниваетъ ихъ съ Нерономъ и Діоскоромъ [95]). Онъ расхваливаетъ однихъ патріарховъ и до нельзя унижаетъ другихъ, руководясь единственно тѣмъ, какъ они относились къ Паламѣ: если худо, то для Григоры они были очень хороши и наоборотъ. Григора, напримѣръ—употребляетъ всѣ усилія, чтобы найти побольше достоинствъ у патріарха Іоанна Калекаса, потому что Калекасъ былъ недругъ Паламы. Онъ изображаетъ Калекаса, какъ замѣчательнаго знатока церковныхъ и гражданскихъ законовъ, разсказываетъ удивительныя вещи о его громадной памяти, представляетъ его человѣкомъ, учительнымъ, говорившимъ проповѣди такъ свободно, какъ будто онъ читалъ по книгѣ, — человѣкомъ у котораго во время произношенія проповѣдей мысль и слово находились въ такой гармоніи, что они напоминали симфонію и лиру [96]). Но вотъ патріархъ былъ смѣ-

[93]) Byzantina Historia. Tom. II, p. 964—5.
[94]) Ibid., p. 908.
[95]) Ibid., p. 1021.
[96]) Byzant. Histor. Tom. II, p. 814.

щенъ и его мѣсто досталось Исидору, человѣку очень расположенному къ Паламѣ,—и Григора осыпаетъ его порицаніями. Онъ, безъ дальнихъ околичностей, сравниваетъ его съ извѣстнымъ животнымъ, любящимъ барахтаться въ грязи [97]). Очевидно, Григора совсѣмъ забываетъ, что безпристрастіе есть первое качество историка. — Онъ писалъ разсматриваемые отдѣлы, какъ мы сказали выше, подъ вліяніемъ минуты, подъ давленіемъ обстоятельствъ. Такъ нѣкоторые изъ этихъ отдѣловъ написаны не съ рачительностью, съ какою пишется серьезное историческое произведеніе, а съ такою скоростью, съ какою можно писать развѣ легковѣсные мемуары. Онъ самъ говоритъ, что 18—27 книги своей исторіи онъ написалъ въ теченіе 40 дней [98]), а сейчасъ названныя книги могутъ составлять собой большой и толстый томъ. Онъ писалъ ихъ, находясь подъ арестомъ [99]), слѣдовательно лишенный возможности точно все разузнавать. Часть извѣстій, здѣсь находящихся, по словамъ Григоры, онъ получилъ тайкомъ, при посредствѣ стариннаго друга своего Агаѳангела, умѣвшаго пробираться къ Григорѣ, обманувъ бдительность стражи. Если бы мы повѣрили въ этомъ случаѣ Григорѣ, то должны были бы допустить, что онъ до такой степени мало понималъ требованіе исторіи, что розсказни одного лица принималъ за достовѣрныя и удовлетворительныя извѣстія, но кажется будетъ правильнѣе принимать повѣсть Григоры о вышеупомянутомъ Агаѳангелѣ—не въ собственномъ смыслѣ: Агаѳангелъ—личность вымышленная, въ родѣ тѣхъ, которыхъ выводятъ въ своихъ діалогахъ риторы и философы [100]);

---

[97]) Ibid., p. 792.
[98]) Gregorae vita, p. 35—6.
[99]) Byzant. Hist. Tom. II, p. 1259. Annotat.
[100]) Gregorae vita. Migne. Tom. 148, p. 35.

на это отчасти указываетъ и филологическій смыслъ слова: Агаѳангелъ. Несомнѣнно однакожъ, что во время заточенія Григора не обладалъ возможностью личныхъ наблюденій и принуждетъ былъ довольствоваться случайными слухами: какая несообразность! Историкъ, описывающій свое время, пишетъ по слухамъ! Разсматриваемые отдѣлы исторіи Григоры, какъ писанные въ заточеніи, такъ и на свободѣ, переполнены длинными отступленіями отъ историческаго разсказа: здѣсь встрѣчаемъ обширныя разсужденія историка и передачу его споровъ и бесѣдъ съ разными лицами, словомъ: много такого, что имѣло значеніе лишь въ частной жизни Григоры и не можетъ считаться важнымъ въ строго-историческомъ смыслѣ: цѣлыя книги въ его исторіи, начиная съ половины ея, наполнены описаніемъ бесѣдъ съ Паламой, Паламитами, Іоанномъ Кантакузиномъ, Николаемъ Кавасилой. Тема этихъ разсужденій и бесѣдъ —ученіе Паламы.

Въ церковно-историческомъ отношеніи сочиненіе Григоры очень дорого: въ немъ множество церковно-историческаго матеріала — и нужно только умѣнье разобраться въ нестройной массѣ извѣстій этого историка.

Къ разсматриваемой нами группѣ историковъ принадлежитъ еще одинъ: это — *Іоаннъ Кантакузинъ*, тотъ самый, о которомъ мы не разъ упоминали при изложеніи свѣдѣній о Никифорѣ Григорѣ.

Іоаннъ Кантакузинъ по матери былъ родственникъ императорской фамиліи Палеологовъ [101]). Онъ началъ возвышаться при Андроникѣ Старшемъ и достигъ почетнѣйшихъ должностей при его преемникѣ Андро-

---

[101]) Pontani. Vita Ioanni Cantacuzeni, p. XXIII. Vid. Ioann. Cantacuz. Historiae, t. I. Edit. Bonn.

никѣ III. По смерти этого послѣдняго, чрезъ нѣкоторый промежутокъ, онъ достигъ императорскаго престола и оставался на немъ нѣсколько лѣтъ (1247—1255), а потомъ долженъ былъ уступить престолъ законному наслѣднику Іоанну Палеологу. Остальную жизнь Іоаннъ проводитъ монахомъ съ именемъ Іосафа. Мѣстомъ его монашескихъ подвиговъ былъ Мангаскій монастырь, близъ Константинополя [102]). Онъ принадлежалъ къ числу образованныхъ Византійцевъ: Іоаннъ былъ знакомъ съ классическими поэтами, изъ которыхъ особенно любилъ Гомера и Еврипида, зналъ онъ также основательно Св. Писаніе [103]). Его жизнь была безукоризненна. Самъ о себѣ онъ говоритъ, что если онъ уступалъ другимъ въ томъ или другомъ отношеніи, то по части добрыхъ нравовъ и любви въ истинѣ не уступалъ никому [104]). Между своими добродѣтелями, онъ указываетъ незлобивость: онъ не питалъ ни къ кому вражды [105]). Нравственныя качества, дѣйствительно, составляли лучшее украшеніе Іоанна Кантакузина и его царствованія.

Лишившись престола и поселившись въ монастырѣ, Іоаннъ воспользовался своимъ досугомъ и написалъ объемистый историческій трудъ подъ заглавіемъ: Historiae. Исторія Кантакузина самимъ имъ раздѣлена на четыре большихъ книги (libri) [106]). Содержаніе ихъ слѣдующее: исходнымъ пунктомъ его исторіи служитъ смерть Михаила, наслѣдника Андроника Старшаго (1320 г.); въ первой книгѣ описаны разногласія и войны между императоромъ Андроникомъ

---

[102]) Pontani. Vita Ioan. Cantac., p. XXVII.
[103]) Ibid., p. XXVI.
[104]) Ioanni Cantacuseni. Historiae, t. II, p. 150. Edit. Bonn.
[105]) Tom. I, p. 445.
[106]) Его Исторія въ боннскомъ изданіи занимаетъ три тома. Русскаго перевода не существуетъ.

Старшимъ и внукомъ его Андроникомъ Младшимъ, во-второй книгѣ — правленіе императора Андроника Младшаго; въ-третьей — часть царствованія самого Іоанна, именно войны его со врагами, и въ четвертой — другая часть царствованія Іоанна же, болѣе мирная и счастливая. Четвертая книга доведена до конца царствованія Кантакузина съ присоединеніемъ весьма немногихъ событій изъ послѣдующаго времени. Такимъ образомъ Кантакузинъ описалъ то же время, которое было уже описано Григорой.

Само собою понятно, что царственный историкъ, взявшись описать такое время, въ которое онъ самъ игралъ болѣе или менѣе видную государственную роль—не останется вполнѣ безпристрастнымъ.

Шопенъ въ предисловіи къ боннскому изданію исторіи Кантакузина говоритъ: «я долженъ привести мнѣніе одного изъ самыхъ основательныхъ судей по вопросу о достовѣрности сказаній и любви къ истинѣ Іоанна Кантакузина,—мнѣніе Гиббона; его приговоръ въ настоящемъ случаѣ такъ вѣренъ и такъ согласенъ съ фактами, что мы не можемъ ничего къ нему присовокупить съ цѣлію вѣрнѣе оцѣнить этого писателя». Затѣмъ у Шопена приводятся слѣдующія слова Гиббона: «имя и общественное положеніе Іоанна Кантакузина могутъ возбудить самое сильное любопытство. Его мемуары обнимаютъ сорокалѣтній періодъ отъ возстанія Андроника Младшаго до его собственнаго отреченія, и онъ былъ, подобно Моисею и Цезарю, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ тѣхъ событіяхъ, которыя описывалъ. Но мы стали бы тщетно искать въ этомъ краснорѣчивомъ произведеніи искренности героя или кающагося. Удалившись отъ мірскихъ пороковъ и страстей въ монастырь, онъ пишетъ не исповѣдь честолюбиваго политика, а его апологію. Вмѣсто того, чтобы разоблачать людскіе

замыслы и влеченія, онъ изображаетъ сглаженную и благовидную внѣшнюю сторону событій, сильно прикрашивая и похвалами самому себѣ и своимъ приверженцамъ. Ихъ побужденія являются всегда чисты; ихъ цѣли всегда похвальны; они составляютъ заговоры и принимаютъ участіе въ возстаніяхъ безъ всякихъ личныхъ интересовъ, а насилія, какія они совершаютъ или допускаютъ, восхваляются, какъ натуральные продукты здравомыслія и добродѣтели» [107]).

Исторія Кантакузина начинается двумя письмами: Нила къ Христодулу и Христодула въ Нилу [108]); въ первомъ письмѣ Нилъ увѣщеваетъ Христодула, подъ которымъ нужно разумѣть самого Кантакузина, написать исторію; а во второмъ, адресованномъ Нилу, корреспондентъ выражаетъ свое согласіе на это. Имя Нила, вѣроятно, вымышленное, какъ и имя Христодула,—и самая переписка этихъ двухъ лицъ есть риторическій пріемъ, дающій писателю исторіи возможность высказать мысли, обыкновенно помѣщающіяся во «введеніи».

Дѣйствительнымъ побужденіемъ для Іоанна Кантакузина написать исторію своего времени нужно признать слѣдующее: какъ Григора вторично описалъ царствованіе Андроника Старшаго для того, чтобы поправить извѣстія Пахимера объ этомъ царствованіи и дать читателю болѣе свѣтлый образъ этого императора, такъ Кантакузинъ, недовольный исторіей Григоры, которая далеко не въ блестящихъ краскахъ описываетъ начало политической карьеры и самое царствованіе Кантакузина, рѣшился ослабить вліяніе Григоры на читателя и изложить эти времена въ дру-

---

[107]) Praemonitum. Tom. I, p. VI—VII. Слич. Гиббона. Исторія, т. VII, стр. 92—93.

[108]) Tom. I, p. 7—12.

гомъ духѣ. Что Григора своими повѣствованіями дѣйствительно очень нерѣдко возбуждалъ досаду и неудовольствіе въ Кантакузинѣ и что послѣдній желалъ выставить себя въ лучшемъ свѣтѣ, это очень ясно видно изъ исторіи разсматриваемаго историка. Кантакузинъ иногда прямо называетъ Григору: «обвинитель мой» и говоритъ, что у него написано много «ложнаго и недостовѣрнаго» [109]).

Въ церковно-историческомъ отношеніи показанія и отзывы Кантакузина составляютъ часто прямую противоположность Григорѣ. Лица, которыхъ Григора порицаетъ, Кантакузинъ хвалитъ, и наоборотъ. Кантакузинъ, въ отличіе отъ Григоры, самъ былъ другомъ Паламы и приверженцемъ его ученія, а потому цѣнилъ историческія личности, прикосновенныя къ паламитскому спору, съ другой точки зрѣнія, чѣмъ Григора. Представимъ нѣсколько примѣровъ. По сужденію Григоры, Палама неучъ и еретикъ. Совсѣмъ иначе смотритъ на него Кантакузинъ. Паламу онъ характеризуетъ не только какъ человѣка краснорѣчивѣйшаго, но и какъ ученѣйшаго богослова-писателя; Палама выставлялся страстотерпцемъ за истину, который ни сказалъ, ни сдѣлалъ ничего непохвальнаго; тотъ же Палама являлся въ глазахъ Кантакузина достойнымъ кандидатомъ въ патріархи [110]). Григора сочувственно относился къ патріарху Іоанну Калекасу; не такъ Кантакузинъ. Онъ представляется въ исторіи Кантакузина еретикомъ Варлаамитомъ, рисуется какъ бунтовщикъ и демагогъ и признается вполнѣ достойнымъ какъ лишенія патріаршества, такъ и ссылки [111]). Такое же разногласіе между Григорой

---

[109]) Tom. III, p. 183.
[110]) Tom I, p. 552; II, 614; III, 25.
[111]) Tom. III, p. 168—170, 183; III, 24.

и Кантакузиномъ находимъ и во взглядахъ на патріарха Исидора. Для Григоры Исидоръ, по его нравственнымъ качествамъ, грязная свинья, а для Кантакузина Исидоръ—человѣкъ достойнѣйшій. Кантакузинъ называетъ Исидора «мужемъ добрыхъ нравовъ, кроткимъ, измлада отличавшимся всякою святостью» и хвалитъ его образованность и знаніе догматовъ [112]). Нужно помнить, что Исидоръ былъ сторонникъ Паламы. Такъ сильно разнятся Григора и Кантакузинъ въ отзывахъ объ историческихъ личностяхъ; причемъ для насъ напередъ понятно, кого одинъ можетъ порицать и кого другой станетъ хвалить.

Такъ какъ Григора и Кантакузинъ описывали одно и то же время и описывали его въ качествѣ современниковъ, то возникаетъ вопросъ: кому изъ нихъ, какъ свидѣтелю болѣе достовѣрному, отдавать предпочтеніе? Въ наукѣ на этотъ вопросъ нѣтъ опредѣленнаго рѣшенія. Одни отдаютъ предпочтеніе Григорѣ [113]); другіе, наоборотъ,— Кантакузину [114]).

Болѣе правильное рѣшеніе указаннаго вопроса, кажется, будетъ заключаться въ томъ, чтобы, не отдавая предпочтенія ни тому ни другому изъ историковъ, пользоваться ихъ извѣстіями, не упуская изъ виду, что ни тотъ, ни другой не можетъ быть признанъ свидѣтелемъ правдивымъ. Нужно сознаться, что не легко разобраться, кто въ томъ или другомъ частномъ случаѣ правѣе—Григора или Кантакузинъ. Но трудное дѣло не есть невозможное...

Четвертую и послѣднюю группу Византійскихъ историковъ составляютъ писатели, пережившіе печальное

---

112) Tom. III, p. 25.

113) Напр. Гиббонъ, Исторія, Т. VII. стр. 94. 97.

114) Напр. Понтанъ. Tom. I, p. XV; Вонвинъ въ «жизни Григоры»: Migne, tom. 148, p. 44.

событіе—паденіе Византіи подъ власть Турокъ. Болѣе замѣчательные изъ нихъ слѣдующіе: Георгій Франза, Дука и Лаоникъ (т. е. Николай) Халкокондила. О нихъ мы скажемъ кратко [115]). Они пережили какъ паденіе Византіи, такъ и Флорентійскую унію—событія первой важности въ исторіи Византійскаго государства.

Георгій Франза родился въ Константинополѣ въ 1401 году, былъ на придворной службѣ императора Мануила Палеолога, а потомъ занималъ видныя должности при послѣдующихъ императорахъ Іоаннѣ и Константинѣ Палеологахъ. Послѣ взятія Константинополя Турками, онъ удалился въ Пелопонезъ, а послѣ завоеванія и Пелопонеза Турками, уѣхалъ въ Италію и затѣмъ поселился на о—вѣ Корцирѣ. Здѣсь онъ принялъ монашество и получилъ имя Григорія. По просьбѣ нѣкоторыхъ благородныхъ жителей Корциры написалъ историческое сочиненіе подъ заглавіемъ: Chronicon rerum Byzantinarum (въ четырехъ книгахъ) [116]). Содержаніе этихъ четырехъ книгъ слѣдующее: въ первой излагается исторія шести императоровъ изъ рода Палеологовъ, начиная съ родоначальника этой фамиліи Михаила (около 1259 г.) и кончая Мануиломъ Палеологомъ; послѣднее царствованіе описано подробно. При сообщеніи извѣстій о Палеологахъ, до времени Мануила, авторъ пользуется исторіей Григоры, сказанія котораго онъ сокращаетъ. Во второй книгѣ описываетъ царствованіе Іоанна—сына Мануилова. Въ третьей—царствованіе брата и наслѣдника Іоаннова — Константина, при которомъ Константинополь подпалъ подъ власть Турокъ. Въ

---

[115]) Потому что впослѣдствіи мы очень мало будемъ пользоваться ихъ извѣстіями.

[116]) Migne. Gr. ser. Tom. 156, pag. 637—1022. Въ этомъ же томѣ и извѣстія о жизни Франзы, p. 633—6.

четвертой и послѣдней авторъ говоритъ о войнахъ Пелопоневскихъ и о Магометѣ II, первомъ султанѣ, вовсѣвшемъ на тронѣ Византійскомъ. Исторія доведена до 1477 года.

Дука, неизвѣстный по имени, происходилъ изъ царственной фамиліи Дуковъ (XI в.). Онъ называетъ себя внукомъ Михаила Дуки, человѣка ученаго, извѣстнаго въ исторіи правленія Іоанна Кантакузина. Біографическія свѣдѣнія объ этомъ историкѣ очень скудны. По взятіи Константинополя Турками, онъ жилъ на о—вѣ Лесбосѣ, гдѣ и находился на службѣ у Латинскаго владѣльца острова. Его историческій трудъ носитъ заглавіе: Historia Byzantina [117]). Исторія Дуки обнимаетъ событія отъ времени царствованія Іоанна Палеолога I (т. е. отъ времени регентства во время его малолѣтства) отъ 1341 до 1462 года.

Лаоникъ Халкокондила. О немъ, какъ личности, знаемъ такъ же мало, какъ и о Дукѣ. Знаемъ, что онъ былъ Аѳинянинъ и жилъ до 1470 года. Самъ онъ въ своемъ историческомъ трудѣ не сообщаетъ о себѣ извѣстій. Историческій трудъ его носитъ заглавіе: Historiae de origine ac rebus gestis turcorum [118]). Какъ показываетъ самое заглавіе, здѣсь на первомъ планѣ исторія развитія владычества Турокъ въ Европѣ, или Греціи, но описаніе Турецкаго владычества идетъ у автора въ связи съ исторіей послѣднихъ временъ Византійскаго государства. Исторія Лаоника состоитъ изъ десяти книгъ и заключаетъ описаніе событій отъ 1289 до 1463 года. О достоинствахъ исторіи Лаоника встрѣчаемъ такой отзывъ: «сопоставляя сочиненіе Лаоника съ трудами прочихъ Византійскихъ

---

[117]) Migne. Gr. Ser., tom. 157, p. 749—1166. Въ этомъ же томѣ сообщены нѣкоторыя извѣстія о Дукѣ, p. 741—742.

[118]) Migne. Gr. Ser., tom. 159, p. 14—516.

историковъ, находимъ, что этотъ трудъ не наноситъ безчестія его предшественникамъ. Лаоникъ возбуждаетъ наше вниманіе, даетъ намъ много любопытнаго и не наводитъ сна своей книгой» [119]).

Эти три историка: Франза, Дука и Халкокондила различаются между собою во взглядахъ на унію (Флорентійскую) съ Латинянами: первый является строго-православнымъ и врагомъ уніи, второй былъ сторонникомъ ея, а третій довольно равнодушно относится къ этому вопросу. Эти отношенія такъ или иначе окрашивали самыя ихъ историческія произведенія, побуждали ихъ такъ или иначе отзываться о лицахъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ уніи.

Одни ученые отдаютъ предпочтеніе предъ прочими историками изъ числа этихъ трехъ Лаонику Халкокондилѣ [120]); другіе ставятъ Дуку выше Халкокондилы и Франзы [121]). Первые цѣнятъ объективность Халкокондилы, а вторые ставятъ на видъ умѣнье Дуки указывать принципы и причины явленій и болѣе связный разсказъ этого историка. Но, кажется, вопросъ о преимуществѣ того или другого изъ этихъ трехъ историковъ предъ прочими едва-ли можетъ быть рѣшенъ со строгою точностью.

II. Взглядъ на взаимныя отношенія церкви Греческой и Латинской.

Времена византійскихъ патріарховъ Фотія (въ IX в.) и Михаила Керуларія (въ XI) совершенно справедливо считаются эпохой, когда случилось дѣйствительное раздѣленіе церкви на Восточную и Западную. Но нѣтъ сомнѣнія, эта взаимная вражда двухъ сестеръ-церквей улеглась-бы, сгладилась-бы,—съ те-

---

119) Migne. Ibidem, p. 10.
120) Малышевскаго. Мелеотій Пигасъ. Стр. 81. Кіевъ. 1872.
121) Migne. Gr. ser. Tom. 157, p. 747.

ченіемъ времени между ними возникло-бы если не единеніе, полное и всецѣлое, то по крайней мѣрѣ установились-бы болѣе или менѣе миролюбивыя отношенія. Но этому не суждено было послѣдовать. Причиной этого были все новыя и новыя столкновенія, какія имѣли мѣсто во взаимныхъ отношеніяхъ между Греками и Латинянами въ остальное время существованія Греческой имперіи въ XII, XIII, XIV и XV вѣкѣ. Обстоятельства эти не только не способствовали къ умиротворенію вражды между двумя названными церквами, но еще болѣе усиливали взаимный антагонизмъ.

При обозрѣніи исторіи Восточной церкви отъ XII по XV вѣкъ, т. е. до паденія Византіи,—поэтому мы хотимъ прежде всего объяснить: чѣмъ обусловливалось это прогрессивное возрастаніе нерасположенія церкви Восточной и Западной одной къ другой, и въ какихъ замѣчательныхъ фактахъ выразилось оно.

Однимъ изъ значительныхъ факторовъ, содѣйствовавшихъ такому отчужденію двухъ родственныхъ по своей вѣрѣ народовъ — Грековъ и Латинянъ — были крестовые походы, начавшіеся съ конца XI вѣка и продолжавшіеся до исхода XIII вѣка. Западные крестовые походы довели нерасположеніе Грековъ къ Латинянамъ до высшей степени напряженія. Прежде всего, эти походы имѣли то слѣдствіе, что они наводнили Греческую имперію разнаго рода предпринимателями съ экономическими задачами, выходцами съ запада, повредившими экономическому благосостоянію Греціи. Намъ нѣтъ дѣла разслѣдовать, отчего это зависѣло, только несомнѣнно, что съ этого времени промышленность, торговля и капиталы переходятъ въ Греческой имперіи къ иностранцамъ. Правда, и до этого времени, въ особенности Венеціанцы, замѣтно забираютъ въ свои руки коммерческія дѣла въ Греціи; но съ XII вѣка это стало

какимъ-то роковымъ закономъ для Грековъ. Латиняне появились во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Византійской имперіи; въ Константинополѣ они заняли цѣлые кварталы. Но что всего хуже: это были люди все денежные, въ сознаніи своего богатства смотрѣвшіе съ презрѣніемъ на Грековъ. Одинъ Греческій историкъ XII вѣка (Киннамъ) замѣчаетъ о Венеціанцахъ: имѣя право вести торговлю безданно, безпошлинно, они, «скоро и безъ мѣры разбогатѣвъ, сдѣлались заносчивыми, стали обращаться съ (нашими) гражданами будто съ рабами, и обращались такъ не только съ людьми изъ низшихъ сословій, но и съ тѣми, которые пользовались у Грековъ большими почестями». [1]) Другой Греческій историкъ XII—XIII вѣка (Никита Хоніатъ) говоритъ вообще о тѣхъ-же Венеціанцахъ: «они цѣлыми толпами и семьями промѣняли свой отечественный городъ на Константинополь; размножились здѣсь и усилились, пріобрѣли огромное богатство и стали выказывать дерзость и гордость, такъ что не только враждовали къ Грекамъ, но не обращали вниманія на царскія угрозы и предписанія. Ихъ наглости превзошли всякое терпѣніе». [2]) Разумѣется, Греческій народъ не могъ питать любви и сочувствія къ разбогатѣвшимъ на его счетъ и при томъ крайне зазнавшимся Латинянамъ. Это чувство легко могло примѣшиваться къ тому чувству нерасположенія, какое уже существовало у Грековъ вслѣдствіе недавно происшедшаго религіознаго разрыва между Восточной и Западной церквами. По обычаямъ того времени, при учрежде-

---

[1]) Киннама. Обозрѣніе царствованія Іоанна и Мануила Комниныхъ. Кн. VI, гл. 10. Русск. перев.

[2]) Никиты Хоніата. Исторія. Царствованіе Мануила. Кн. V, гл. 9. Русскій переводъ.

ніи каждой иноземной торговой факторіи, прежде всего воздвигали церковь, потомъ уже вымащивали площадь, строили дома, лавки и магазины. Факторія представляла изъ себя нѣчто обособленное, замкнутое, имѣвшее въ центрѣ у себя храмъ, гдѣ совершалась служба по обычаямъ и обрядамъ Западной церкви, гдѣ совершали литургію на опрѣснокахъ, пѣли и читали въ символѣ: filioque и пр. [3]) Какъ было не чувствовать къ этимъ богатымъ и гордымъ Латинянамъ тѣмъ сильнѣйшей ненависти, что, имѣя свои церкви, своихъ священниковъ, они безъ сомнѣнія смотрѣли на себя какъ на единственныхъ истинныхъ христіанъ среди общества еретиковъ? Съ другой стороны и Латинянамъ въ данномъ случаѣ открывался поводъ еще болѣе презирать Грековъ, такъ какъ Греки на презрѣніе отвѣчали презрѣніемъ и избѣгали латинскаго богослуженія. Такимъ образомъ, наплывъ иностранцевъ-Латинянъ на Востокъ въ эпоху крестовыхъ походовъ былъ однимъ, хотя и изъ некрупныхъ, но все-же камнемъ претыканія, о который все больше и больше разбивалось религіозное единеніе Грековъ съ Латинянами. — Главная причина, почему крестовые походы служили къ возрастанію вражды между данными церквами, заключалась впрочемъ не въ этомъ, а въ варварствѣ, грабежѣ и убійствахъ, какими сопровождались для Грековъ эти походы рыцарей креста. Самый первый-же крестовый походъ наводитъ ужасъ и оцѣпенѣніе на Грековъ. Неужели это наши братья-христіане? Вотъ вопросъ, который невольно приходилъ на мысль каждому Греку, когда онъ видѣлъ крестовыя полчища,

---

[3]) Проф. А. Л. Катанскаго. Исторія попытокъ къ соединенію церквей Греческой и Латинской въ первые 4 вѣка по ихъ раздѣленіи. Стр. 36. СПБ. 1868.

предводимыя Петромъ пустынникомъ, Готшалькомъ. Эти передовыя толпы крестоносцевъ уже съ перваго раза предубѣждали православныхъ противъ Западной набожности и благочестія. Ихъ путь ознаменованъ былъ такимъ варварствомъ, какого никакъ не ожидали Греки. Первые крестоносцы — это были люди, принадлежавшіе къ нисшему, грубому и испорченному классу общества. Конечно, Грекамъ, выносившимъ на своихъ плечахъ всю тяжесть этого похода, было не до вопроса: были-ли это лучшіе люди Запада или же подонки общества? Въ нихъ видѣли они лишь злодѣевъ, пришедшихъ съ Запада съ цѣлями однакожъ самыми священными; ненависть съ этихъ крестоносцевъ переносилась на весь христіанскій Западъ. Отъ первыхъ крестовыхъ дружинъ подданные Греческой имперіи потерпѣли, по мнѣнію историка крестовыхъ походовъ Мишо, болѣе, чѣмъ сами Турки отъ ихъ первыхъ подвиговъ. [4]) Правда, дальнѣйшія дружины крестоносцевъ вели себя несравненно лучше своихъ предшественниковъ, но ужъ нельзя было истребить изъ умовъ православныхъ людей предубѣжденій противъ Латинянъ, представляемыхъ первыми крестоносцами. Съ другой стороны, вождямъ и позднѣйшихъ крестовыхъ дружинъ нельзя было удержать буйную толпу и самимъ удержаться въ предѣлахъ умѣренности. Возникало множество мелкихъ ссоръ и стычекъ, и въ результатѣ выходило то, что Греки въ Латинянахъ видѣли только людей, преданныхъ дѣламъ тьмы, богохульно прикрывающихъ знаменіемъ креста величайшія преступленія. [5]) Неудивительно послѣ этого, если крестовые

---

[4]) Мишо. Исторія крестовыхъ походовъ. Т. I, стр. 447. Переводъ.

[5]) Проф. Катанскаго. Исторія попытокъ, 38—39.

походы были въ глазахъ Грековъ величайшимъ зломъ, какимъ только когда-либо заявили себя Латиняне. По мѣткому выраженію одного новаго Греческаго историка (Досиѳея Іерусалимскаго), «крестовые походы были войною священною въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ проказа называется *священною болѣзнью*». Греки ничего такъ не желали, какъ того, чтобы скорѣе наступилъ конецъ этимъ по имени крестовымъ, а по дѣлу — варварскимъ походамъ. Вскорѣ послѣ того какъ Латиняне наводнили Востокъ, Греки это свое желаніе, эти надежды облекли даже въ форму религіозной легенды, записанной однимъ историкомъ, современникомъ первыхъ крестовыхъ походовъ. «При императорѣ Алексѣѣ Комнинѣ въ 1106 году явилась на небѣ комета, идущая съ Запада къ востоку; показывалась она въ продолженіе сорока сутокъ и потомъ скрылась. Царь потребовалъ отъ одного изъ своихъ царедворцевъ (префекта Василія), считавшагося умнымъ, разъяснить: что значитъ появленіе и исчезновеніе этой кометы. Царедворецъ, по разсказу историка, находясь въ недоумѣніи, испросилъ себѣ сроку на размышленіе и по дорогѣ зашелъ въ храмъ Іоанна Богослова и молился. И когда напала на него дремота, то онъ увидѣлъ во снѣ святого, одѣтаго въ священную одежду, и на предложенный вопросъ о кометѣ отвѣчавшаго, что появленіе кометы указываетъ на нападеніе Латинянъ (Кельтовъ) на Востокъ, а что она пропала, это указываетъ, что Латиняне будутъ истреблены». [6]) Очевидно, Греки этого времени вездѣ, гдѣ ни случится, видѣли такое или другое указаніе на ненавистныхъ Латинянъ.

---

[6]) Annae Comnenae. Alexiadis lib. XII, p. 892—893 (Migne, Patrologiae tom. 131).

Однимъ изъ очень крупныхъ фактовъ, относящихся къ эпохѣ перваго столѣтія крестовыхъ походовъ,— фактовъ, произведшихъ сильное, неизгладимое впечатлѣніе на Грековъ, и подбавившихъ еще и еще нѣсколько желчи въ ту чашу, какую теперь пили Греки отъ Латинянъ,—это было плачевное событіе разоренія, опустошенія и поруганія латинскими выходцами съ Запада главнѣйшаго между греческими городами—Ѳессалоники, считавшейся «вторымъ окомъ имперіи» [7]). Случай этотъ былъ въ 1185 году. При взятіи Ѳессалоники Латиняне выразили въ ужасныхъ размѣрахъ ту ненависть, какою они были исполнены въ отношеніи къ Грекамъ. Послѣдніе встрѣтились здѣсь не съ братьями во Христѣ, а съ какими-то исчадіями преисподней. Латиняне смотрѣли на Ѳессалоникійцевъ, какъ на людей, отверженныхъ Богомъ и осужденныхъ отъ него на наказаніе. Греческій историкъ Никита Хоніатъ представляетъ намъ разительное описаніе злодѣйствъ иновемцевъ въ Ѳессалоникѣ. Послушаемъ, что говоритъ онъ: «не то изумляетъ насъ, что они грабили вещи, а то, что они повергали на землю св. иконы Христа и его угодниковъ, попирали ихъ ногами, и если находили на нихъ какое-либо украшеніе, срывали его какъ попало, а самыя иконы выносили на перекрестки для попранія прохожихъ или же употребляли вмѣсто топлива при варкѣ пищи. Всего же нестерпимѣе и нечестивѣе то, что нѣкоторые изъ нихъ, вскакивая на престолъ, плясали на немъ, безчинно прыгали, распѣвая какія-то варварскія отвратительнѣйшія народныя пѣсни и совершали срамное на мѣстѣ святѣ. Одинъ изъ вождей, сидя на конѣ, въѣхалъ въ храмъ мученика Димитрія. Мѵро, истекавшее изъ гроба

---

[7]) Cantacuseni. Histor. Tom. III, p. 613. Edit. Bonn.

этого мученика, Латиняне черпали кувшинами и кастрюлями, вливали въ рыбныя жаровни, смазывали муромъ сапоги и безо всякаго уваженія употребляли на другія потребности, для которыхъ обыкновенно употребляется масло. Когда православные собирались въ храмъ для богослуженія, то грубые и наглые солдаты—Латиняне не оставляли собравшихся въ покоѣ. Они приходили въ храмъ въ это время и, дѣлая видъ, что будто совершаютъ молитву, безчинно разговаривали между собою и безобразно кричали; насильственно хватали кого-либо изъ молящихся за горло, давили ихъ и тѣмъ прерывали пѣніе. Мало того: нѣкоторые изъ нихъ, показывая видъ, что они подпѣваютъ, выкрикивали пѣсни срамныя или же лаяли по собачьи» [8]). Что же касается до житейскихъ отношеній побѣдителей къ побѣжденнымъ, то историкъ Никита Хоніатъ разсказываетъ такія вещи, что о нихъ остается только умолчать [9]). Описывая занятіе Өессалоники Латинянами, много самыхъ жосткихъ выраженій, самыхъ энергическихъ восклицаній расточаетъ пораженный этимъ событіемъ Греческій историкъ и заключаетъ свою рѣчь знаменательными, полными глубокаго убѣжденія и силы словами, вполнѣ выясняющими тѣ отношенія, въ какихъ очутились Латиняне и Греки къ концу XII вѣка. Онъ говоритъ: «такимъ образомъ между ними и нами утвердилась величайшая пропасть вражды; мы не можемъ соединиться душами, хотя и бываемъ во внѣшнихъ сношеніяхъ и часто живемъ въ одномъ и томъ же домѣ». Историкъ обзываетъ Латинянъ «проклятыми» [10]).

---

[8]) Никиты Хоніата. Царствованіе Андроника Комнина, кн. I, гл. 7 и 9.

[9]) Ibidem, гл. 9.

[10]) Ibid. гл. 8.

Неизгладимо сильно было впечатлѣніе на Грековъ отъ занятія Өессалоники Латинянами, позволявшими себѣ при этомъ неожиданное варварство. Это впечатлѣніе, кромѣ греческаго историка, прекрасно изображено тогдашнимъ греческимъ писателемъ митрополитомъ Евстаөіемъ Өессалоникійскимъ, современникомъ, описавшимъ это горестное событіе въ сочиненіи: «о завоеваніи Өессалоники Латинянами» [11]). Къ тому, что нами сказано о завоеваніи Өессалоники, на основаніи историка Никиты, можно прибавить еще слѣдующія характеристическія черты, встрѣчаемыя у Евстаөія: улицы покрылись трупами, которые всѣ, благодаря хищничеству завоевателей, оставались въ обнаженномъ положеніи. Мало того: Латиняне позволили себѣ самое наглое поруганіе надъ трупами побѣжденныхъ Грековъ. Человѣческія тѣла

[11]) Eustathii. Narratio de Thessalonica urbe a Normannis capta. Это сочиненіе сначала издано въ нынѣшнемъ столѣтіи Тафелемъ, и затѣмъ перепечатано въ Патрологіи Миня (Gr. ser., tom. 136). Тотъ же Тафель сдѣлалъ полный переводъ этого сочиненія (снабдивъ его примѣчаніями) въ своей книгѣ: Komnenen und Normannen (s. 73 – 202), Ulm. 1852. Произведеніе Евстаөія, при изданіи его Тафелемъ, раздѣлено на множество мелкихъ главъ, которыя и будемъ цитировать въ нашей дальнѣйшей рѣчи. Нужно сказать, что Никита Хоніатъ несомнѣнно имѣлъ подъ руками разсматриваемое произведеніе Евстаөія при составленіи своей Исторіи, какъ это доказано учеными (проф. Успенскій: «Византійскій писатель Никита Акоминатъ», стр. 150—151; Tafel, Komnenen, s. 232—234), да и притомъ тоже самое нетрудно замѣтить при сличеніи извѣстій Никиты съ извѣстіями Евстаөія. (Такъ вышеприведенныя извѣстія Никиты о взятіи Өессалоники Латинянами, для указанной цѣли, лучше всего сравнить со слѣдующими главами: De Thessalonica urbe: 99, 101, 103, 109, 115, 121). Впрочемъ, нужно сказать, что у Никиты есть и такія свѣдѣнія, какихъ нѣтъ у Евстаөія (такъ его замѣчаніе о томъ низкомъ употребленіи, какое дѣлали Латиняне изъ мура св. Димитрія, взяты не изъ Евстаөія).

умышленно были расположены рядомъ съ палыми ослами, убитыми собаками и кошками, и притомъ имъ даны были такія позы, какъ будто они хотятъ обняться и удовлетворить чувственной похоти (cap. 98). Трупы умершихъ долгое время оставались непогребенными, и когда завоевателей просили исполнить этотъ общечеловѣческій долгъ, они съ насмѣшкой отвѣчали: «мы привыкли къ этому; притомъ же такое зрѣлище и такой запахъ доставляютъ намъ наслажденіе». Наконецъ тѣла погибшихъ были сожжены, но вмѣстѣ съ трупами разныхъ животныхъ (cap. 107). Греческіе храмы не только не останавливали неистовства побѣдителей, но кажется еще болѣе разжигали его. Многіе изъ побѣжденныхъ, въ виду тяжести бѣдствій, искали себѣ, если не защиты, то утѣшенія въ храмахъ, и возглашали: κύριε ἐλέησον, но Латиняне врывались въ храмы и, нимало не уважая святости мѣста, рѣзали богомольцевъ, приговаривая: «что это значитъ: κύριε ἐλέησον» и безумно хохотали при этомъ (cap. 99). Женщины и дѣвы дѣлались добычей скотской страсти солдатъ, причемъ цинизмъ не зналъ себѣ границъ (ibid). Многіе мущины и женщины изъ числа Ѳессалоникійцевъ, не имѣя силъ перенести несчастіе, бросались съ крышъ и разбивались или тонули въ колодцахъ (cap. 104). Кто остался живъ послѣ завоеванія города Латинянами, для тѣхъ началась ужасная жизнь: носы у побѣжденныхъ были или разбиты или отрѣзаны побѣдителями, такъ что пріятель не могъ узнать въ лицо своего пріятеля и долженъ былъ спрашивать: да кто онъ (cap. 111); одежды почти ни у кого не было: многіе считали себя счастливыми, что имѣли обрывокъ рогожки, которымъ могли прикрыть свои чресла (cap. 108); хлѣба не было, и если Грекъ обращался къ Латинянину съ просьбой о хлѣбѣ, то

получалъ въ отвѣтъ названіе: «чорта» — и удары (сар. 113).

Но взятіе Өессалоники было не единственнымъ случаемъ проявленія неистовства Латинянъ надъ Греками. Что было при занятіи Латинянами Өессалоники, тоже позднѣе повторилось при нашествіи тѣхъже Латинянъ на Византію. Событіе это, совершившееся въ началѣ XIII вѣка и имѣвшее печальное слѣдствіе для столицы, переполнило чашу страданій, какую пришлось выпить до дна Грекамъ, по винѣ своихъ западныхъ братій по вѣрѣ. Завоеваніе Константинополя латинскими крестоносцами, обратившими свой мечъ, вмѣсто невѣрныхъ, на такихъ же христіанъ, какъ и они сами, произошло 1204 года 13-го апрѣля. Нужно знать, съ какою гордостью и восторгомъ смотрѣли на свою столицу — Константинополь Греки, съ ея священными памятниками древности, съ ея замѣчательнѣйшими произведеніями искусствъ, чтобы понять, какою непримиримою ненавистью должны были дышать они на Латинянъ послѣ указаннаго событія. Греки любили называть Византію «общей столицей всей вселенной и всеобщимъ пританеемъ» [12]). Но гордость Грековъ—Византія не только завоевана Латинянами, но и разграблена, но и поругана; могли ли когда-либо Греки простить это Латинянамъ? Никита Хоніатъ, современникъ и очевидецъ событія, оставилъ намъ какъ живое изображеніе той скорби, какою проникнутъ былъ каждый Грекъ при видѣ несчастія, такъ и описаніе самаго неистовства Латинянъ въ Византіи. Никита пишетъ: «вотъ разметаны по нечистымъ мѣстамъ останки мучениковъ! О чемъ и слышать страшно, это самое можно было видѣть тогда: именно, какъ божественная Кровь и Тѣло Хри-

---

[12]) Gregorae. Byzant. Historia, tom. II, p. 678. Edit. Bonn.

стово повергались и проливались на землю. Расхищая драгоцѣнные сосуды, Латиняне одни изъ нихъ разбивали, пряча за пазуху бывшія на нихъ украшенія, а другіе обращали для обыкновеннаго употребленія за своимъ столомъ, вмѣсто корзинокъ для хлѣба и кубковъ для вина, какъ истинные предтечи Антихриста», замѣчаетъ историкъ. «Драгоцѣнный престолъ Софійскаго храма, состоящій изъ разнообразныхъ веществъ, при посредствѣ огня слитыхъ въ одно прекрасное цѣлое, крестоносцы изрубили на части и раздѣлили между собою. Всѣ украшенія, золото, серебро, драгоцѣнные камни были сорваны съ своихъ мѣстъ. Въ храмъ вводили вьючныхъ животныхъ, на которыхъ вывозились сокровища церковныя, доводили ихъ до самаго алтаря, и такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ поскальзывались и не могли подняться на ноги по гладкости полировки каменнаго пола, то здѣсь же и закалывали ихъ кинжалами, оскверняя такимъ образомъ ихъ пометомъ и разлившеюся кровью священный церковный помостъ. Вотъ какая-то женщина,—продолжаетъ живописать историкъ,—исполненная грѣхами, гудокъ неприличныхъ, соблазнительныхъ и срамныхъ напѣвовъ, усѣлась на патріаршемъ мѣстѣ (сопрестоліи), распѣвая свою визгливую мелодію, а потомъ бросилась въ пляску, быстро кружась и потрясая ногами. И не эти только беззаконія совершались, а другія нѣтъ, — или эти болѣе, а другія менѣе; но всякаго рода преступленія съ одинаковымъ рвеніемъ совершались всѣми» (т. е. побѣдителями). И вотъ мы видѣли—замѣчаетъ историкъ—много такого, что совершенно противоположно было тому, что у христіанъ называется благочестивымъ и сообразнымъ съ словомъ вѣры» [13]).

---

[13]) Никиты Хоніата. Царствованіе Алексѣя Мурцуфла, гл. 3—4.

Замѣчательно: въ грабежѣ участвовали не одни солдаты, но и духовныя лица изъ Латинянъ. Константинополь издревле славился не однимъ богатствомъ, но и обиліемъ святыни. Императоры Греціи отовсюду собирали сюда священные и досточтимые предметы христіанской древности [14]). И вотъ, въ то время, какъ солдаты расхищали золото и серебро и драгоцѣнности [15]), Латинскіе монахи и аббаты хищнически устремились на драгоцѣнныя сокровища святыни, и для достиженія цѣли не пренебрегали никакими насильственными средствами. Одинъ изъ таковыхъ, парижскій аббатъ Мартинъ Литцъ, получилъ извѣстность своею наглостію въ грабежѣ святыни, и однакожъ западными хроникерами этотъ человѣкъ именуется за все это хотя и хищникомъ, но святымъ хищникомъ—praedo sanctus [16]). Такимъ способомъ

---

[14]) Сами Латиняне приходили въ изумленіе отъ обилія святынь въ Константинополѣ. Такъ Виллегардуинъ, современникъ и очевидецъ сознается: что касается святынь, то «въ одномъ этомъ городѣ ихъ столько, сколько въ остальномъ мірѣ». Извлеченіе изъ сочиненія его: «О завоеваніи К—поля», у Стасюлевича: «Исторія среднихъ вѣковъ». Томъ III, стр. 596. Изд. 2-ое.

[15]) Тотъ же Виллегардуинъ свидѣтельствуетъ, что говоря «по совѣсти и по истинѣ, въ теченіе многихъ вѣковъ никогда не находили столько добычи въ одномъ городѣ», сколько нашли въ Константинополѣ: «золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней» и пр. Ibid., стр. 600.

[16]) Медовикова. Латинскіе императоры въ Константинополѣ, стр. 20. М. 1849.—Самъ тогдашній папа Иннокентій осуждалъ свое духовенство за то, что оно выражало необыкновенную страсть къ наживѣ при раззореніи Константинополя. Когда папскій легатъ, кардиналъ Петръ, безъ позволенія папы переплылъ изъ Іерусалима въ Константинополь, чтобы участвовать здѣсь при раздѣлѣ добычи, папа сильно обличаетъ его за его ненасытное корыстолюбіе и забвеніе своихъ духовныхъ обязанностей. Innocentii epistola Petro legato. Migne, Lat., tom. 215, p. 699—700.

многія изъ священныхъ сокровищъ греческой церкви перешли на Западъ; особенно обогатились ими церкви въ Римѣ, Парижѣ и Венеціи [17]). Чтó могъ чувствовать, кромѣ крайней ненависти, народъ Греческій, видя все это? Общественное положеніе Грековъ въ Константинополѣ доходитъ до невыносимой крайности. Никита Хоніатъ замѣчаетъ: «Латинскіе солдаты не давали пощады никому и ничему; они не хотѣли имѣть общенія съ покоренными даже въ пищѣ и содержаніи, держали себя въ отношеніи къ нимъ высокомѣрно и несообщительно, обращали ихъ въ рабство или выгоняли изъ дому». Жены и монахини разсматривались грубыми завоевателями, какъ естественная добыча для ихъ чувственности [18]). — Приведенный нами разсказъ о завоеваніи Константинополя могъ бы пожалуй подвергаться сомнѣнію, такъ какъ онъ заимствуется отъ свидѣтеля Грека, если бы сама современная церковь западная съ своей стороны не давала намъ свидѣтельства, что разсказанное греческимъ писателемъ не напраслина, не клевета на Латинянъ. Папа Иннокентій III писалъ на Востокъ къ кардиналу Петру слѣдующее письмо, направляя рѣчь противъ крестоносцевъ, забывшихъ свои обѣты: «Вы дали обѣтъ употребить старанія для освобожденія св. земли изъ рукъ невѣрныхъ, а вмѣсто того безразсудно уклонились отъ чистоты вашего обѣта. Вы

---

[17]) П. Смирнова. Состояніе церкви въ имперіи Греческой во время владычества Латинянъ въ Константинополѣ. Прибавл. къ Твор. св. отц. XVI, 555. Съ вопросомъ о бѣдствіяхъ Константинопольской церкви во время господства Латинянъ можно знакомиться также по сочиненію Зенкевича: «состояніе Константинопольской церкви въ XIII вѣкѣ» (Душеполезн. Чтеніе, 1875, т. II и III).

[18]) Никиты Хоніата. О событіяхъ по завоеваніи Константинополя. Приложено къ его исторіи, гл. 2.

подняли оружіе не противъ невѣрныхъ, но противъ христіанъ, возжелали не возвращенія Св. земли, но обладанія Константинополемъ, предпочитая земныя богатства небеснымъ благамъ. Но всего хуже то, что нѣкоторые изъ васъ не пощадили ни религіи, ни возраста, ни пола, но совершая въ глазахъ всѣхъ блудодѣянія и прелюбодѣянія, предавали насилію не только простыхъ женъ, но и дѣвъ, посвятившихъ себя Богу. Недостаточно вамъ было сокровищъ императорскихъ и имущества людей знатныхъ и простыхъ, вы простерли свои руки на богатства церковныя и, что всего преступнѣе, — на предметы священные, ибо вы похищали священныя одежды и уносили иконы, кресты и мощи, такъ что греческая церковь при всѣхъ своихъ страданіяхъ не пожелаетъ возвратиться къ апостольскому престолу, и видя въ Латинянахъ пагубные примѣры и дѣла тьмы, по справедливости возненавидитъ ихъ болѣе, чѣмъ псовъ» [19]). Иннокентій, какъ видимъ, въ описаніи разграбленія Константинополя Латинянами почти буквально повторяетъ свидѣтельство Никиты Хоніата о томъ же событіи, и тѣмъ поставляетъ внѣ всякаго сомнѣнія разсказъ греческаго историка. Папа не ошибался, когда говорилъ, что за эти поступки Греки возненавидятъ Латинянъ, какъ псовъ. Греки глубоко были возмущены насиліями и неуваженіемъ къ ихъ религіознымъ убѣжденіямъ со стороны Латинянъ! И въ самомъ дѣлѣ, какъ было не возмущаться? По мнѣнію одного новѣйшаго историка, «это завоеваніе Константинополя Латинянами вело за собою величайшія измѣненія въ положеніи Греческаго народа, какъ никакое другое событіе. Господство римскаго права и гражданскихъ учрежденій теперь подорвано на Вос-

---

[19]) Innocentii epistola Petro. Migne, ibid., p. 700—701.

токѣ, и отсюда-то, по нему, должно производить всѣ позднѣйшія печальныя и неблагопріятныя явленія въ отношеніи Византійскаго царства, православной церкви и Греческой націи» [20]). Видя странное поведеніе своихъ западныхъ собратій о Христѣ, Никита Хоніатъ восклицалъ, обращая вниманіе своихъ современниковъ на событія въ Константинополѣ: смотрите, таковы-то Латиняне, «этотъ народъ, который считаетъ себя болѣе благочестивымъ и праведнымъ, болѣе точнымъ блюстителемъ Христовыхъ заповѣдей, чѣмъ Греки; вотъ эти ревнители, поднявшіе на рамена свой крестъ; они—замѣчаетъ Хоніатъ—оказались полнѣйшими лицемѣрами» [21]). Безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ сознанія тяжести бѣдствій, какимъ подвергли Латиняне Византійцевъ, подъ предлогомъ освобожденія Св. земли, этотъ историкъ прямо и рѣшительно заявляетъ: «непомѣрная ненависть къ намъ Латинянъ и крайнее несогласіе наше съ ними не допускаютъ между нами ни на одну минуту мысли о дружелюбіи» [22]). Отъ Латинянъ Греки стали ожидать только одного худого и притомъ въ высшей степени: «какого самаго ужаснаго зла не сдѣлаютъ люди—говоритъ Никита о Латинянахъ, которые собрали въ своемъ сердцѣ такую злобу къ Грекамъ,—какой никогда не имѣлъ самъ древній змѣй, врагъ рода человѣческаго» [23])? Послѣ этого, можно-ли было ожидать, чтобы разъединеніе церкви христіанской, совершившееся въ XI вѣкѣ, пришло снова къ цѣлости, уврачевалось въ вѣка, послѣдующіе за этимъ печальнымъ событіемъ. И не Греки тому виною!

---

[20]) Finlay. Die Geschichte Griechelands (1204—1461), s. 95. Übersetzt von Reiching. Tübingen. 1853.

[21]) Никиты Хоніата. Царствованіе Алексѣя Мурцуфла, гл. 4.

[22]) Ibid. гл. 2.

[23]) Ibid. Царствованіе Андроника Комнина, кн. I, гл. 8.

Лишь только совершился фактъ завоеванія Константинополя Латинянами, какъ начался рядъ мѣръ, направленныхъ къ стѣсненію и подавленію православной вѣры и церкви; и это продолжалось во все, болѣе чѣмъ пятидесятилѣтнее правленіе латинскихъ императоровъ въ Константинополѣ. Оказалось, что самъ папа Иннокентій лишь исполнялъ пустую формальность, когда порицалъ крестоносцевъ за взятіе Византіи; въ душѣ же онъ былъ радъ такому событію и восхищался возможностью важныхъ религіозныхъ послѣдствій. Эти свои задушевныя мысли Иннокентій выразилъ въ письмѣ на имя епископовъ и аббатовъ, бывшихъ въ средѣ крестоносцевъ въ Константинополѣ. Папа патетически писалъ: «въ писаніи сказано, Богъ премѣняетъ времена и поставляетъ царства; въ наше время, къ нашей радости, это видимо исполняется на царствѣ Греческомъ. Богъ передалъ Византійскую имперію отъ гордыхъ смиреннымъ, отъ неповинующихся послушнымъ, отъ отдѣлившихся—вѣрнымъ сынамъ церкви, т. е. отъ Грековъ Латинянамъ» [24]). Въ другомъ письмѣ на Востокъ папа выражаетъ надежду, что съ завоеваніемъ Константинополя обратятся къ римской вѣрѣ не только Византійцы, но и Іерусалимъ съ Александрійской церковію [25]). Съ этой цѣлію Иннокентій дѣлаетъ распоряженія, которыя грозили опасностью и вѣрѣ и церкви Греческой. Еще въ томъ же году, когда совершилось занятіе Константинополя западными, папа предписывалъ поставить въ Константинополѣ священниковъ и клириковъ для исполненія латинскаго богослуженія; при этомъ папа внуши-

---

[24]) Innocentii epistola episcopis, abbatibus in exercitu crucesignatorum apud Constantinopolim existentibus. Migne. ibid., p. 456.

[25]) Innocentii epistola съ тѣмъ же адресомъ, ibid., p. 514.

тельно замѣчалъ, что было бы достойно порицанія оставаться безъ богослуженія по римскому обряду тамъ, гдѣ, быть можетъ, латинскому народу навсегда суждено оставаться властителемъ [26]). Подъ вліяніемъ такихъ идей, латинскій патріархъ въ Константинополѣ, котораго поспѣшили поставить западные, приходитъ скоро къ вопросу: ужъ не слѣдуетъ-ли насильственно обратить Грековъ къ латинству? Съ этимъ вопросомъ патріархъ адресуется къ Иннокентію. На первый разъ папа отвѣчаетъ на этотъ вопросъ не совсѣмъ опредѣленно, но во всякомъ случаѣ съ явнымъ наклоненіемъ въ пользу положительнаго рѣшенія предложеннаго ему вопроса. Иннокентій писалъ патріарху: «если Греки не могутъ быть отклонены тобою отъ ихъ богослуженія и отъ ихъ совершенія таинствъ, то оставь имъ и то и другое, — пока я по зрѣломъ размышленіи не положу относительно этого дѣла что-либо другое» [27]). Этого зрѣлаго размышленія недолго ждали Греки со стороны папы. Въ 1213 году возгорѣлось сильное гоненіе на греческихъ христіанъ со стороны Латинянъ. Это гоненіе получило особенную напряженность по прибытіи въ Константинополь папскаго легата Пелагія (кардинала, епископа Албанскаго), поразившаго Грековъ какъ своею надменностію, такъ и пышностью свиты, блиставшей пурпуровымъ цвѣтомъ одежды, на который, по понятію туземцевъ, имѣли исключительное право только императоры. Онъ началъ свою дѣятельность угрозами и преслѣдованіемъ всѣхъ, отказавшихся повиноваться уставамъ Римской церкви; запретилъ греческое богослуженіе, ввергнулъ въ

---

[26]) Innocentii epist. съ тѣмъ же адресомъ, ibid. p. 471.

[27]) Innocentii epist. Constantinopolitano patriarchae (конечно — латинскому) ibid. p. 965.

темницу православныхъ священниковъ и монаховъ, грозя упорнымъ даже смертною казнью. Многіе изъ нихъ искали спасенія въ бѣгствѣ, между тѣмъ какъ знатнѣйшіе Византійцы, встревоженные жестокими мѣрами, требовали отъ тогдашняго латинскаго императора въ Константинополѣ Генриха (Эрика, по греческому произношенію), — отвращенія гоненія. Они прямо говорили императору: — «мы признаемъ твою власть, но во внѣшнихъ только дѣлахъ, а не въ духовныхъ и дѣлахъ совѣсти. Мы не можемъ отказаться отъ своихъ обрядовъ и отъ того, что считаемъ священнымъ для себя». Опасаясь возмущенія въ самыхъ стѣнахъ столицы, императоръ Генрихъ велѣлъ отпереть греческія церкви и освободить изъ темницы монаховъ и священниковъ, пострадавшихъ за приверженность къ православію [28]). Но конечно, эта мѣра не изгладила того тяжелаго, мучительнаго впечатлѣнія, какое должны были производить и производили на Грековъ самоуправство и нетерпимость Латинянъ.

Въ такихъ-то чертахъ изображается историками отношеніе Латинянъ къ Грекамъ въ XII и XIII вѣкахъ. Что, кромѣ чувства глубочайшаго нерасположенія, могли въ себѣ воспитывать Греки въ отношеніи къ западнымъ христіанамъ? Рознь, которая все болѣе и болѣе устанавливалась между двумя христіанскими народами, дѣлалась еще рѣзче, рѣшительнѣе, когда и Греки съ своей стороны въ разсматриваемое время не упускали также случая вредить Латинянамъ на Востокѣ. Они пользовались представлявшимся случаемъ, чтобы на заносчивость и грубость Латинянъ отвѣчать причиненіемъ имъ непріятностей. Ихъ терпѣніе, въ особенности съ теченіемъ времени, истоща-

---

[28]) Акрополита. Лѣтопись, гл. 17. Русскій переводъ.

лось и жестокость являлась возмездіемъ этому народу за его дѣянія. Если прочтемъ у Никиты Хоніата разсказъ объ отношеніи Грековъ при императорѣ Мануилѣ къ арміи одного вождя кретоносцевъ, Конрада III, то увидимъ, что еще до разграбленія Константинополя Греки подозрительно и не дружественно смотрѣли на полчища Латинянъ, пугавшія первыхъ своими передвиженіями чрезъ области восточной имперіи. Жители греческихъ городовъ затворяли ворота, когда приближались къ нимъ крестоносцы; продажу съѣстныхъ припасовъ вели особымъ образомъ: Греки спускали веревки со стѣны и требовали, чтобы крестоносцы привязывали къ нимъ монеты, слѣдующія за продаваемыя вещи, а затѣмъ уже спускали на тѣхъ же веревкахъ хлѣбъ и прочіе съѣстные припасы, при чемъ продавцы не только обвѣшивали и обмѣривали покупателей, но даже и вовсе ничего не давали, получивъ деньги впередъ, или же примѣшивали къ проданной мукѣ известь, вредную для здоровья. Самъ императоръ не оставался въ сторонѣ отъ этихъ дѣйствій. Онъ или приказывалъ дѣлать тайныя засады противъ проходившихъ войскъ, или же подговаривалъ Турокъ напасть врасплохъ на крестоносцевъ [29]). Такъ относились Греки къ крестоносцамъ, временнымъ гостямъ своихъ странъ, такъ же или даже хуже относились они къ Латинянамъ, еще ранѣе того осѣвшимъ въ Византійской имперіи. Достоинъ историческаго вниманія слѣдующій случай взрыва народнаго негодованія со стороны Грековъ противъ Латинянъ во второй половинѣ XII вѣка. На престолъ Византійскій вступаетъ Андроникъ I, имѣвшій поводъ къ неудовольствію на Латинянъ.

---

[29]) Никиты Хоніата. Исторія. Царствованіе Мануила, кн. I, гл. 5—6.

Этого достаточно для Византійцевъ, чтобы произвести избіеніе Латинянъ въ Константинополѣ. По словамъ Никиты Хоніата, «жители Византіи поднялись противъ Латинянъ, согласившись между собою на дружное нападеніе,—началась битва на сушѣ и морѣ. Латиняне бросились спасать себя, кто какъ могъ, оставивъ на произволъ грабителей свои дома, полные богатства. Одни изъ нихъ разсѣялись по городу, другіе укрылись въ знатныхъ домахъ, иные искали спасенія на корабляхъ единоплеменниковъ. А кто былъ пойманъ, тѣ всѣ были осуждены на смерть, и всѣ безъ исключенія лишились имущества»[30]). Западный историкъ того времени Вильгельмъ Тирскій передаетъ разсказы объ ужасныхъ вещахъ, случившихся въ это возстаніе Грековъ на Латинянъ. «Цѣлая часть города, населенная Латинянами—говоритъ онъ—была выжжена. Также церкви, въ которыхъ многіе изъ нихъ искали себѣ убѣжища, были преданы огню. Въ латинскомъ госпиталѣ больные были посброшены съ своихъ кроватей. Даже кости умершихъ Латинянъ были вырыты изъ могилъ и влачимы по улицамъ и переулкамъ. Папскій легатъ, кардиналъ Іоаннъ, былъ обезглавленъ, и голова его была привязана къ хвосту собаки, которая и разгуливала по городу. Греческіе священники и монахи, по словамъ Вильгельма, показывали при этомъ самое дѣятельное участіе. Они награждали деньгами убійцъ, ходили по домамъ и отыскивали скрывшихся въ нихъ Латинянъ и отдавали ихъ палачамъ. Болѣе 4,000 Латинянъ, въ качествѣ рабовъ, было продано Туркамъ и другимъ варварамъ. Латиняне съ своей стороны, убѣгая на корабляхъ изъ Константинополя,

---

[30]) Никиты Хоніата. Царствованіе Алексѣя, сына Мануилова, гл. 11.

грабили всѣ греческіе города, какіе только встрѣчались на пути, а жителей избивали мечемъ [31]).

Вотъ тѣ факты глубокой національной вражды, въ какихъ въ XII и XIII вѣкахъ выражалось взаимное нерасположеніе Латинянъ и Грековъ. Эти факты имѣли мѣсто собственно въ политическихъ и общественныхъ отношеніяхъ двухъ христіанскихъ народовъ; но они совершенно естественно въ то же время полагали новыя неодолимыя препятствія къ братолюбивому сближенію Востока съ Западомъ и въ области религіозной. Заклятые враги въ жизни не могли быть друзьями по убѣжденіямъ. Латиняне видѣли въ Грекахъ людей негодныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, и слѣдовательно низко цѣнили и религіозные обряды и убѣжденія ихъ; въ свою очередь Греки видѣли въ Латинянахъ варваровъ во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая религіи.

Теперь, въ какихъ церковно-историческихъ фактахъ выражалась все болѣе и болѣе возраставшая непріязнь латинской церкви къ греческой и наоборотъ въ разсматриваемое время,—непріязнь, которая и до этого времени была сильна, а вслѣдствіе разсказанныхъ нами обстоятельствъ еще удесятерилась?

Уже при самомъ началѣ крестовыхъ походовъ находимъ, что религіозная рознь между Латинянами и Греками была глубока и рѣшительна. Одинъ изъ первыхъ вождей крестоносцевъ писалъ другому вождю (Боэмундъ Готфриду): «знай, мой возлюбленный, что ты имѣешь дѣло съ самыми опасными звѣрями и съ самыми недостойными людьми—такъ назвалъ онъ Грековъ,—всѣ ихъ помыслы обращены лишь къ тому,

---

[31]) Guillelmus (Willh.) Tyrensis archiep. Historia rerum in partibus transmarinis gestarum, lib. XXII, cap. 12—13 (Migne, lat. tom. 201, p. 859—861).

чтобы погублять весь народъ латинскій. Я знаю злобу и непримиримую ненависть Грековъ къ Латинянамъ». Въ отвѣтъ на это письмо было получено увѣдомленіе такого рода: «обо всемъ этомъ я зналъ и раньше на основаніи общественныхъ толковъ, а теперь въ этомъ же убѣдился самымъ дѣломъ». Слѣдовательно, съ слѣпою ненавистью къ Грекамъ Латиняне и приходили съ Запада на Востокъ. Неудивительно послѣ этого, если латинскіе хронисты съ постыднымъ равнодушіемъ разсказываютъ о сожженіи Латинянами городовъ греческихъ, съ ихъ, какъ они называли, *еретическими* жителями [32]). Съ своей стороны Греки считали и называли Латинянъ прямыми еретиками и отступниками отъ церкви.

Исторія взаимныхъ отношеній церкви римской и византійской въ дальнѣйшія времена ясно указываетъ, что подобныя непріязненныя чувства двухъ родственныхъ по духу вѣры церквей не только не ослабѣвали, но и сильно возросли. Римскіе первосвященники не упускали никакого случая выразить свое пренебреженіе, свое презрѣніе, свое горделивое и враждебное отношеніе къ церкви греческой. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно любопытно посланіе папы Адріана IV отъ средины XII вѣка, которое этотъ отсылаетъ къ Өессалоникійскому архіепископу Василію. Здѣсь папа сравниваетъ себя съ Сыномъ Божіимъ, благоволившимъ снизойти отъ неба на землю, а Грековъ уподобляетъ евангельской потерянной драхмѣ, заблудшей овцѣ, сравниваетъ съ смердящимъ Лазаремъ, которого онъ, папа, по своему милосердію хочетъ воскресить [33]). Само по себѣ понятно, что та-

---

[32]) Guill (Wilih) elmus Tyr. Historia, lib. II, cap. 10. Ibid. p. 260. cf. Pichler. Geschichte der Kirchlich. Trennung. B. I, s. 282.

[33]) Mansi. Consilia, tom. XXI, p. 797 (Pichler. B. I, s. 290).

кой тонъ въ высшей степени долженъ былъ оскорблять религіозное чувство Грековъ. Въ такихъ же оскорбительныхъ для православнаго чувства Грека чертахъ позволяетъ себѣ описывать Восточную церковъ и знаменитый папа Иннокентій III, въ концѣ XII вѣка. Этотъ папа, въ письмѣ къ греческому императору Алексѣю III, представляетъ греческую церковь глубоко падшей и нераскаянной грѣшницей [34]). Еще съ большею горделивостью сталъ относиться къ той же греческой церкви Иннокентій по завоеваніи Латинянами Константинополя. Онъ называетъ ее—въ посланіи къ латинскому духовенству на Востокѣ—Самаріею, отступившею отъ Іерусалима, Даномъ и Веѳилемъ, чуждающимися Сіона [35]). Въ томъ же посланіи къ тому же духовенству папа, разсматривая апостольскую дѣятельность Петра и Іоанна, и унижая дѣятельность второго предъ дѣятельностью перваго, конечно съ цѣлію представить Римскую церковь, основанную Петромъ, выше, чѣмъ церкви азійскія, основанныя Ап. Іоанномъ, — писалъ: «Петръ основалъ одну только церковь, но за то вѣдь это глава всѣхъ церквей, а Іоаннъ основалъ многія церкви въ Азіи, какъ бы многіе члены единой главы. Марія Магдалина возвѣстила воскресеніе Господа Петру и Іоанну, но этотъ, т. е. Іоаннъ, хотя и пришелъ прежде ко гробу (Христа), но только посмотрѣлъ, а не вошелъ въ него; подобнымъ образомъ и Греческій народъ, хотя принялъ проповѣдь Евангелія ранѣе, чѣмъ народъ Латинскій, но онъ не усвоилъ

---

[34]) Innocentii epistola Constantinopolitano imperatori. Migne. Lat. tom. 214, p. 327.

[35]) Innocentii epistola episcopis, abbatibus in exercitu crucesignatorum apud Constantinopolim existentibus. Migne, tom. 215, p. 456.

ея, потому что учители греческіе ни прежде, ни теперь не достигли полнаго пониманія Ветхаго и Новаго Завѣта, не постигли глубокихъ тайнъ Божества; исключеніе представляли развѣ очень немногія лица въ Греціи, между тѣмъ какъ Латинскій народъ—самохвальствуетъ папа—проникъ до внутреннѣйшихъ и глубочайшихъ тайнъ» (по аналогіи съ Петромъ, который вошелъ во внутренность гроба Христова). «Не себѣ—въ осужденіе, а именно-де имѣя въ виду Грековъ, Евангелистъ Іоаннъ говоритъ, что онъ (?!) еще *не зналъ Писанія* (20, 9). Латинскій народъ есть—въ духѣ самомнѣнія писалъ папа—есть образъ самого Христа, Господа неба и земли, а Греческая церковь есть образъ Св. Духа; и какъ Духъ Святый исходитъ отъ Сына, такъ и Греческая церковь должна поучаться отъ Латинской» [36]). Латиняне готовы были считать Греческую церковь даже какимъ-то царствомъ сатаны, разрушить которое есть священное назначеніе Западныхъ. Первый Латинскій императоръ въ Константинополѣ Балдуинъ писалъ папѣ въ 1204 г.: «мы напередъ убѣждены, что все, что̀ мы ни сдѣлаемъ съ Греками—это есть дѣло Божіе, все же, что̀ по своей коварности предпримутъ Греки, нужно считать дѣлами діавола (daemonum opera). Затѣмъ, выставивъ пункты разногласій Грековъ съ Латинянами, какъ величайшія преступленія восточнаго христіанскаго народа, Балдуинъ замѣчалъ: «эти преступленія переполнили всякую мѣру, и Богъ содѣлался отмстителемъ для Грековъ; а служителями Божескаго мщенія сдѣлались мы, будучи призваны изгнать враговъ Божіихъ изъ земли, которая отъ нихъ отъемлется и передается намъ» [37]). При такой религіозной

---

[36]) Ibidem, p. 457—9.

[37]) Epistola Balduini imperatoris ad papam. Помѣщено между письмами Иннокентія. Migne, ibid. tom. 215, p. 447. 452.

ненависти къ Грекамъ, Латиняне не хотѣли имѣть никакого общенія съ первыми въ общественномъ богослуженіи. Присутствованіе Латинянъ при богослуженіи вмѣстѣ съ Греками представлялось дѣломъ соблазнительнымъ. Лица, славившіяся ученостью между Латинянами, разсуждали такъ: неприлично Латинянамъ (Франкамъ) входить въ богослужебное общеніе съ Греками, отлученными отъ церкви [38]).

Такое частію притязательное, частію презрительное, частію горделивое, частію враждебное отношеніе церкви Римской къ церкви Восточной вело за собой, какъ естественное слѣдствіе, то именно, что приверженцы Восточной церкви не оставались безотвѣтны при видѣ такого глумленія надъ ними. Приверженцы Греческой церкви со всею ревностію доказывали полныя права ихъ церкви на уваженіе и почтеніе въ мірѣ христіанскомъ; иногда при этомъ они заходили такъ далеко, что безъ должныхъ основаній унижали церковь Римскую и весьма нерѣдко за явное нерасположеніе, какое выказывала церковь Латинская къ Греческой, платили ей тою же монетой. Приводимъ нѣсколько фактовъ. Порфирородный историкъ Анна Комнина, писавшая свою исторію въ XII вѣкѣ, конечно—руководясь тою рознью, которая установилась между церквами Греческою и Латинскою, вводитъ въ свою исторію разсужденія, въ которыхъ выражается желаніе принизить столь высоко поднявшійся тогда авторитетъ папы и перенести на лицо и власть Константинопольскаго патріарха то, что самоувѣренно присвоивали себѣ папы. Вотъ эти разсужденія историка: «Латиняне думаютъ и говорятъ, что римскій первосвященникъ есть глава и владыка

---

[38]) Pichler, ibid. s. 289. Anmerk (на основаніи одной древне-французской хроники).

всей вселенной; это не болѣе, какъ выраженіе ихъ высокомѣрія. Знайте, что когда царскій престолъ, сенатъ и всѣ государственныя учрежденія перенесены были изъ Рима въ Константинополь, сюда также перенесено было и іерархическое преимущество. Съ того времени было предоставлено первенство каѳедрѣ Константинопольской, а особенно Халкидонскій соборъ (разумѣется 28 правило) возвысилъ эту каѳедру на первую степень, подчинивъ ей діоцезы во всей землѣ» [39]). Т. е. Комнина хочетъ сказать, что, не смотря на всѣ происки папскіе, Константинопольскій патріархъ въ глазахъ Греціи остается не только выше всѣхъ патріаршихъ каѳедръ Востока, но и выше апостольскаго папскаго престола. Мысль притязательная, но она возникла подъ вліяніемъ распри между церковію Греческою и Латинскою. Это воззрѣніе историка мы встрѣчаемъ часто повторяющимся у разныхъ греческихъ церковныхъ писателей изучаемаго періода. Такъ дѣлаетъ въ срединѣ XII вѣка греческій писатель Нилъ Доксопатръ. Онъ развиваетъ мысль, что съ тѣхъ поръ, какъ Римъ отпалъ отъ Восточной имперіи, этотъ послѣдній пересталъ быть столицею и съ тѣмъ вмѣстѣ первенствующею каѳедрою въ христіанскомъ мірѣ. Доксопатръ говоритъ: «каждое живое тѣло управляется пятью чувствами, и если хоть одного изъ этихъ чувствъ недостаетъ, то организмъ чуждъ совершенства; такъ и церковь Христова, образуя изъ себя единое тѣло Его, управляется пятью патріархами, какъ-бы пятью чувствами. Поэтому, такъ какъ для церкви необходимы были пять патріарховъ, то второй вселенскій соборъ въ присутствіи четырехъ (?) патріарховъ опредѣлилъ,

---

[39]) Анны Комниной. Сказаніе о дѣлахъ царя Алексѣя Комнина, кн. I, гл. 13, стр. 60. Переводъ.

чтобы Константинополь имѣлъ равныя права съ древнимъ Римомъ». Затѣмъ, приводя 28 правило Халкидонскаго собора, которое усиливаетъ предыдущее узаконеніе II-го вселенскаго собора, Доксопатръ замѣчаетъ: «видишь, какъ этимъ правиломъ опровергается нелѣпое утвержденіе тѣхъ, кто настаиваетъ на мысли, что Римъ ради апостола Петра получилъ свое преимущество. Здѣсь ясно говорится, что преимущество Рима основывалось на томъ, что этотъ городъ былъ императорской столицей. И конечно, послѣ того, какъ Римъ пересталъ быть столицей, онъ вмѣстѣ съ лишеніемъ императорскаго престола лишился и привиллегій, съ этимъ престоломъ соединенныхъ. Заключеніе Доксопатра: Константинополь теперь сталъ тѣмъ, чѣмъ раньше былъ Римъ въ іерархическомъ отношеніи [40]).—Немного позднѣе Доксопатра Василій, архіепископъ Ѳессалоникійскій, съ цѣлію уколоть папу, доказывалъ, что существуетъ два высшихъ первосвященника въ христіанскомъ мірѣ,—это папа Римскій на Западѣ и Константинопольскій патріархъ (то же своего рода папа, по мысли Василія) на Востокѣ. [41])—Знаменитый греческій канонистъ Вальсамонъ не безъ явнаго намѣренія принизить достоинство Римской церкви въ сравненіи съ Константинопольскою, слѣдующимъ образомъ высказывается о значеніи Римской церкви въ христіанскомъ мірѣ. «Пять патріаршихъ каѳедръ остаются и до днесь въ почитаніи, какъ верховныя главы церкви во всей землѣ; и самовольное исключеніе папы древняго Рима изъ числа патріарховъ не испразднило подобнаго каноническаго порядка.» Тѣмъ не менѣе, по разсужденію Вальсамона, Римъ теперь занимаетъ не первое мѣсто въ ряду патріар-

---

[40]) Pichler. B. I, s. 268.
[41]) Mansi. Consilia. Tom. XXI, p. 801 (Pichler, ibid. s. 290).

шихъ каѳедръ; это первенство принадлежитъ Константинопольскому патріарху. Приводимъ доказательство, которымъ пользуется этотъ канонистъ для подтвержденія своего воззрѣнія; напередъ должны сказать, что аргументъ Вальсамона очень искусственъ и страненъ. Вальсамонъ разсуждаетъ такъ: верховная власть церкви, патріархи называются греческимъ словомъ: κάραι (множественное отъ слова: κάρα—голова). Въ этомъ словѣ κάραι Константинополь обозначается первою буквою (каппа), а Римъ—третьею (ρ). Отсюда Вальсамонъ заключаетъ, что Римъ уступилъ теперь іерархическое первенство Константинополю, занявъ третье мѣсто въ ряду патріаршихъ каѳедръ. Прочія буквы въ словѣ κάραι канонистъ считаетъ иниціалами названій прочихъ патріаршихъ каѳедръ, при чемъ онъ замѣчаетъ, что патріархи Александріи и Антіохіи не спорятъ о томъ, кому изъ нихъ принадлежитъ первая и кому вторая изъ двухъ альфъ, имѣющихся въ словѣ κάραι, такъ какъ, по словамъ Вальсамона, какъ пять чувствъ у человѣка мирно уживаются въ совмѣстности, такъ нѣтъ никакого спора о рангѣ и между патріархами. Въ заключеніе своихъ разсужденій Вальсамонъ даетъ понимать, что хотя римскую каѳедру онъ и не выдѣляетъ изъ ряда прочихъ, но тѣмъ не менѣе смотритъ на нее какъ на уклонившуюся съ праваго пути. Эту мысль Вальсамонъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «какъ какое-нибудь ползущее растеніе, напр. плющъ, обвивается вокругъ древеснаго ствола, такъ и я крѣпко держусь за римскаго папу, и надрывается мое сердце объ отпаденіи его, страстно ожидая дня его обращенія». [42]) Изъ этихъ разсу-

---

[42]) Βαλσαμῶνος. Μελετὴ χάριν τῶν πατριαρχικῶν προνομίων. Rahlly et Potly. Syntagma canonum. Tom. IV, p. 543—4. 547. Athenae. 1854.

жденій Вальсамона видно, что въ XII вѣкѣ вопросъ о раздѣленіи церквей понимали какъ-то странно: папа въ одно и то-же время занималъ опредѣленное мѣсто въ ряду прочихъ патріарховъ: на него смотрѣли какъ на одну изъ главъ церкви, и въ то же время выражали сожалѣніе объ его отпаденіи отъ общаго союза съ церковію. Во всякомъ случаѣ этотъ канонистъ, желая принизить авторитетъ римской церкви или точнѣе—ея первосвященника, отводитъ ему совершенно незаконно третье мѣсто въ ряду патріарховъ: каноническое право требовало или признавать папу первымъ патріархомъ, или — какъ скоро считаютъ его отдѣлившимся отъ церкви — не признавать его совсѣмъ патріархомъ вселенской церкви. Одно ясно видно въ сужденіяхъ Вальсамона: на притязанія, какія позволялъ себѣ Римъ въ отношеніи къ церкви Константинопольской, восточный писатель хочетъ отвѣчать тѣмъ-же епископу римскому. Еще сильнѣе и рѣшительнѣе дѣлаетъ нападеніе на римскую церковь въ лицѣ ея первосвященника Византійскій патріархъ того-же XII вѣка Михаилъ Анхіалъ. Этотъ патріархъ—позволимъ себѣ выразиться такъ - хочетъ втоптать въ грязь церковное значеніе римской каѳедры; онъ вполнѣ отрицаетъ у ней такое значеніе. Именно онъ доказывалъ императору Мануилу Комнину, что папа потерялъ свое епископское достоинство, что онъ сталъ теперь міряниномъ и самъ нуждается въ благодатномъ освященіи отъ другихъ (посредствомъ таинствъ), что онъ не можетъ преподавать освященіе другимъ, что онъ не можетъ рукополагать во священники, діаконы, возводить на высшія степени іерархическія и быть судіею священниковъ. При этомъ Анхіалъ прибавляетъ: «что̀ священники, поставленные папою, имѣютъ право разрѣшать грѣхи, я считаю это мнѣніе по крайней мѣрѣ

за величайшую нелѣпость. Отсюда слѣдуетъ, по словамъ этого восточнаго патріарха, что римскій епископъ не пастырь, но овца, и притомъ паршивая овца (πρόβατον φωριῶν), которая нуждается въ излеченіи, овца, во многомъ худшая всѣхъ прочихъ, остающихся здоровыми, овецъ стада Христова». [43]) Замѣчательныя черты, въ которыхъ выражается степень нерасположенія Грековъ къ Латинской церкви, можно находить также въ одномъ анонимномъ фрагментѣ, относящемся къ XII вѣку, съ такимъ заглавіемъ: «къ тѣмъ, кто утверждаетъ, что Римъ есть первая каѳедра». Здѣсь у неизвѣстнаго автора встрѣчаемъ такія разсужденія: если папскую власть производить отъ апостола Петра, бывшаго епископомъ римскимъ, то съ этой точки зрѣнія Антіохія будетъ выше Рима, ибо Петръ сначала епископствовалъ въ Антіохіи, а потомъ уже въ Римѣ. Если Латиняне скажутъ, что Римъ потому получилъ первенство, что здѣсь умеръ мученически Петръ, то Іерусалимъ выше Рима, ибо здѣсь пострадалъ самъ Господь. И во всякомъ случаѣ Византія выше Рима, потому что здѣсь епископствовалъ старшій братъ Петра Андрей, [44]) первозванный апостолъ, епископствовалъ раньше, чѣмъ Петръ отправился въ Римъ. Происхожденіе папской власти авторъ производитъ отъ языческаго императора III вѣка Авреліана, который поручилъ римскому епископу рѣшить споръ, изъ-за обладанія Антіохійскою церковію, между еретикомъ Павломъ Самосатскимъ, лишеннымъ епископской каѳедры, но

---

[43]) Свидѣтельство патріарха Михаила сохранилось у Льва Аллація: Pichler, ibid. s. 270—271.

[44]) Конечно, недостовѣрное преданіе. См. статью проф. И. И. Малышевскаго: «Спутники и ученики св. Андрея». Труды К. Д. Ак. 1889, декабрь, стр. 564.

не оставлявшимъ ея, и Домномъ, по соборному опредѣленію назначеннымъ во епископа Антіохіи вмѣсто Павла. «Отсюда мы видимъ, заявляетъ авторъ, что никто другой, а именно языческій императоръ дарствовалъ первенство епископу своей столицы и поставилъ его тираномъ надъ всѣми». [45]).

Разсмотримъ теперь другіе факты, изъ которыхъ видно, какъ далеко простиралось нерасположеніе приверженцевъ церкви Восточной и церкви Латинской въ изучаемое нами время. Отчужденіе Восточной церкви отъ церкви Западной между прочимъ начало выражаться въ томъ, что восточные христіане стали устранять Латинскихъ христіанъ отъ своего богослуженія. Ѳеодоръ Вальсамонъ на вопросъ Марка, патріарха Александрійскаго: можно-ли Латинянамъ дозволять присутствовать при греческомъ богослуженіи и причащаться св. даровъ, отвѣчалъ отрицательно, ссылаясь на евангельское изреченіе: «кто не со Мною, тотъ противъ Меня» (Мѳ. 12, 30). [46]) Съ другой стороны, патріархъ Константинопольскій Германъ II (XIII в.) считалъ достойными отлученія тѣхъ Грековъ, которые примутъ просфору изъ рукъ греческихъ-же священниковъ, но изъявившихъ покорность папѣ во время обладанія Латинянъ Константинополемъ. [47]) Вообще, касательно отношеній Гре-

---

[45]) Фрагментъ находится въ Синопсисѣ Алексѣя Аристина (ок. 1150 г.). Pichler, ibid. s. 274—5. Точный разсказъ объ отношеніи Авреліана къ папѣ см. въ Церковн. Исторіи Евсевія, VII, 30 ad fin.

[46]) Balsamon. Quaest. 16 ad Marc. patr. alexandr. Rhally et Potly. Syntagma, t IV, 460.

[47]) Allatii. De libris ecclesiasticis graecis, p. 182 (Игумена Арсенія объ отношеніяхъ церкв. Латинской и Греческой въ періодъ крестовыхъ походовъ: журналъ Минист. Нар. Просвѣщ. 1867, т. 133, стр. 520).

ковъ къ Латинянамъ можно было встрѣчать такія разсужденія: «такъ какъ римская церковь уже давно отпала отъ общенія съ четырьмя святѣйшими патріархами и уклонилась къ ученію и обычаямъ, далекимъ отъ православной церкви, то Латиняне не могутъ принимать святыхъ тайнъ отъ греческихъ священниковъ, если напередъ не обѣщаются отказаться отъ Латинскихъ догматовъ и обрядовъ» [48]). Одинъ западный хроникъ—Одонъ, упоминаетъ, что въ разсматриваемое время Греки омывали тѣ алтари, на которыхъ совершали богослуженіе Латиняне; онъ увѣряетъ, что Греки уже перекрещивали Латинянъ (въ случаѣ перехода въ греческую церковь) [49]). Канонистъ Вальсамонъ запрещаетъ отдавать гречанокъ въ замужество за Латинянъ, и считаетъ непозволительнымъ, чтобы Латиняне были воспріемниками дѣтей у православныхъ, уравнивая въ настоящемъ случаѣ Латинянъ съ Монофизитами (Армянами), Монофелитами и Несторіанами [50]). Если вѣрить латинскимъ писателямъ, которые жили въ это именно время, то уже въ XII вѣкѣ антипатія Грековъ къ Латинянамъ доходитъ до рѣшительной вражды первыхъ къ послѣднимъ. Епископъ Мюнстерскій, въ качествѣ посла отъ императора Фридриха I-го, прибывшій въ Константинополь къ императору Исааку Ангелу, извѣщалъ Фридриха, что Византійскій патріархъ Никита Мунтанъ въ Софійской церкви, въ присутствіи его, епископа Мюнстерскаго, и другихъ пословъ, слѣдую-

---

[48]) Balsamon. Quaest. 16 ad Marc. Alexandr.: Rhally. Synt., IV, 460.

[49]) Pichler. B. I, s. 288 Anmerk.

[50]) Правила съ толкованіями (изд. Общ. Любит. Дух. Просвѣщ.), стр. 368 (толкованіе на 14-е пр. Халкидонскаго собора); Quaest. 35 ad Marc. Alexandr.: Rhally. Synt, tom IV, p. 476.

щее говорилъ въ своей проповѣди: «если Грекъ убьетъ сотню латинскихъ пилигримовъ, то получитъ отпущеніе своего грѣха, хотя бы онъ въ то же время запятналъ себя убійствомъ десяти Грековъ» [51]). Разсказъ о такой проповѣди, нужно сказать, представляется невѣроятнымъ [52]), но онъ всетаки очень характеристиченъ.

Къ нашему утѣшенію, нужно сказать, что во всѣхъ приведенныхъ фактахъ религіознаго нерасположенія Грековъ къ Латинянамъ выражается не какой-нибудь слѣпой фанатизмъ, но глубочайшая приверженность къ вѣрѣ ихъ отцевъ, къ вѣрѣ Греческой. Нѣтъ спору, у Византійцевъ было много недостатковъ въ религіозномъ отношеніи, но, съ другой стороны должно признать: не было въ то время народа, привязаннаго столь тѣсными узами къ своей религіи, къ своей церкви, какъ именно Византійцы. Эта-то ревность къ своей вѣрѣ и церкви и руководила ими, когда они чуждались Латинянъ и обнаруживали къ нимъ враждебныя чувства. Объ такой ревности Грековъ свидѣтельствуютъ многіе факты, которые встрѣчались при ихъ столкновеніяхъ съ Латинянами. Были безъ сомнѣнія и между Греками люди, которые, прельщаясь мірскими выгодами, отпадали къ религіи Латинянъ, временныхъ завоевателей Византійскаго царства, но большая часть народонаселенія твердо стояла за православіе, и, уступая все прочее, не измѣняла ему. Раньше мы имѣли случай отмѣтить такой фактъ: Византійцы, по завоеваніи Константинополя Латинянами, говорили одному изъ латинскихъ императоровъ здѣсь (Генриху), что ему принадлежитъ

---

[51]) Pichler. B. I, s. 297.

[52]) Сами Латиняне убійство схизматика-Грека считали дѣйствительно за ничто. Pichler, ibidem.

владычество надъ тѣломъ, а не надъ душою и совѣстію ихъ, и прибавляли, что они готовы умереть за него съ оружіемъ въ рукахъ, но объявляли о рѣшительной невозможности отречься отъ вѣры предковъ» [53]). Или еще фактъ: лучшіе жители Мореи (т. е. собственной Греціи), соглашаясь содѣйствовать Готфриду Виллегардюэну въ завоеваніи укрѣпленныхъ мѣстъ страны, первымъ дѣломъ потребовали отъ него клятвеннаго письменнаго обѣщанія, которое они могли бы передать дѣтямъ своимъ, что ни одинъ Франкъ не будетъ принуждать ихъ къ перемѣнѣ вѣры, не потребуетъ, чтобы они сдѣлались Латинянами [54]). Далѣе, когда на островѣ Кипрѣ утвердились Латиняне и латинскій митрополитъ началъ требовать отъ греческихъ кипрскихъ епископовъ, чтобы они давали ему клятву въ послушаніи, въ родѣ того, какъ это дѣлаютъ вассалы, кипряне обратились къ патріарху Византійскому, жившему тогда въ Никеѣ, съ просьбой объяснить имъ, какъ поступить въ подобномъ случаѣ. Патріархъ, Германъ (II), отвѣчалъ кипрянамъ, что подобнаго рода клятва была бы отступничествомъ отъ вѣры. Онъ увѣщавалъ кипрскую церковь соревновать собратіямъ въ Константинополѣ (тогда уже завоеванномъ Латинянами), которые, будучи разлучены отъ своихъ пастырей, однакожъ твердо сохраняютъ свою вѣру [55]). По сужденію одного новѣйшаго нѣмецкаго историка, католика по вѣрѣ, «въ этомъ отвѣтѣ греческаго патріарха выразилась высокая нравственная сила и достоинство. Пренe-

---

[53]) Георгія Акрополита, гл. 17.

[54]) Медовикова. Латинскіе императоры въ Константинополѣ, стр. 70—71.

[55]) Germani patriarchae epistola missa in insulam Cyprum: Cotelerii. Monumenta ecclesiae Graecae. Tom II, p. 462—472.

бреженіе земнымъ ради религіи есть, по замѣчанію этого же историка, существенное отличіе церкви Греческой отъ Латинской» [56]). И дѣйствительно, кипряне оказались достойными того увѣщанія, какое далъ имъ Византійскій патріархъ. Самая исторія латинскаго владычества въ Греческой имперіи показываетъ, что оно было прочнѣе и долговѣчнѣе тамъ, гдѣ не было вовсе или было по крайней мѣрѣ менѣе притѣсненій въ религіозномъ отношеніи. Однако, нужно замѣтить, что и мѣры кротости, какія папы и католическіе государи употребляли для обращенія Грековъ, оставались тоже безплодными [57]).

Но продолжаемъ разсказывать: въ чемъ, въ какихъ явленіяхъ въ изучаемую нами эпоху выражалась все болѣе и болѣе увеличивавшаяся взаимная религіозная непріязнь между Греками и Латинянами.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ выраженій взаимнаго отчужденія Латинской и Греческой церкви, взаимной религіозной непріязни было изобличеніе писателями, принадлежащими къ одной церкви, въ различныхъ религіозныхъ отступленіяхъ отъ нормы вѣры и церковныхъ обычаевъ, приверженцевъ другой. Только слишкомъ скептическое отношеніе одной церкви къ другой могло породить у писателей латинскихъ и греческихъ ту скрупулезность, съ какою писатели Латинской церкви выискивали поводы къ обличенію неправильностей въ строѣ Греческой церкви, и наоборотъ. Обвиненія часто притомъ же переходятъ въ напраслину, клевету. Каждый писатель-полемистъ Латинской или Греческой церкви предъявлялъ другой длинный до безконечности списокъ ея религіозныхъ

---

[56]) Pichler. B. I, s. 320.

[57]) Медовикова. Латинскіе императоры въ Константинополѣ, стр. 71—72.

погрѣшностей. Соперничество на этомъ полѣ между писателями было очень усердное, но лучше было бы, если бы такого соперничества вовсе не было. Латинскій писатель XII вѣка Гугонъ Этеріанъ, родомъ итальянецъ, но долго жившій въ Константинополѣ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ императору Мануилу, ведшій не разъ диспуты какъ съ этимъ императоромъ, такъ и знаменитѣйшими Греками, искусный богословъ, съ прилежаніемъ пчелы (по его выраженію) изучившій греческую и латинскую церковную литературу [58]), въ приписываемомъ ему сочиненіи: graecorum malae consuetudines, получившемъ извѣстность въ XIII вѣкѣ [59]), возводитъ многочисленныя обвиненія на церковь Греческую. Мы не будемъ критически разбирать, при какихъ условіяхъ могло появиться то или другое обвиненіе, насколько оно вѣрно или невѣрно,—это увлекло бы насъ слишкомъ далеко; да и нерѣдко наши поиски въ подобномъ родѣ должны были бы имѣть въ результатѣ болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы, а не какія-либо точныя разъясненія. Ограничимся однимъ объективнымъ изложеніемъ Гугоновыхъ обвиненій. Для большей ясности дѣла раздѣлимъ эти обвиненія на нѣсколько классовъ. Къ первому классу относятся обвиненія касательно догматическаго ученія Грековъ. Такъ, Гугонъ объявлялъ, что Греки, отрицая исхожденіе Духа Святаго отъ Сына, тѣмъ самымъ признаютъ Сына меньшимъ Отца, подобно Арію дѣлятъ божественную сущность, уничтожаютъ различіе между рожденіемъ и исхожденіемъ. По части таинствъ Греческой церкви обвиненія Гугона также немногочисленны, какъ и въ отношеніи къ догматикѣ. Обви-

---

[58]) Hergenröther. Photius Patriarch von Constantinopel. B. III, s. 791.

[59]) Ibidem, s. 175. 833.

ненія эти касаются таинствъ крещенія и евхаристіи. О крещеніи по греческому обряду Гугонъ пишетъ: при крещеніи у Грековъ соблюдается два весьма суевѣрныхъ обычая: священники мажутъ все тѣло крещаемаго масломъ, чтобы къ нему не приставала вода, потомъ они нагрѣваютъ воду, чтобы сдѣлать чистымъ младенца, чего ни Христосъ, ни ученики Его не дѣлали. Касательно евхаристіи, кромѣ упрека въ совершеніи ея на квасномъ хлѣбѣ, Гугонъ ставитъ въ вину Грекамъ, что они освящающую силу приписываютъ въ этомъ таинствѣ самому хлѣбу квасному (и одушевляемому закваской), а не словамъ благословенія. При этомъ случаѣ Гугонъ упрекаетъ восточныхъ христіанъ за то, что они при совершеніи евхаристіи не ставятъ своимъ образцомъ Христа, вливаютъ въ чашу не холодную, а теплую воду, какъ будто бы благословеніе само по себѣ недостаточно, чтобы содѣлать вино кровію Христовою; далѣе, по словамъ Гугона, во дни Пасхи, по причащеніи народа, остатки евхаристическаго хлѣба Греки зарываютъ въ землю, потому что онъ не можетъ сохраняться неповрежденнымъ; причащающимся они преподаютъ намоченный хлѣбъ и раздаютъ кусочки ложечкой,—чего Христосъ не дѣлалъ.—Вообще, въ богослуженіи Греческомъ латинскій полемистъ находитъ для себя множество случаевъ къ нападкамъ на греческую церковь,—нападкамъ, часто страннымъ и нелѣпымъ. Исчислимъ нѣкоторыя изъ этихъ нападокъ. По сужденію Гугона, Греки думаютъ, что имя *Господь* значитъ болѣе, чѣмъ имя Христосъ, почему они никогда за службами не поютъ: Христе помилуй, но Господи помилуй—весьма часто. Тотъ же полемистъ ставитъ въ упрекъ Грекамъ, что будто бы они изъ всѣхъ субботъ постятся лишь въ одну великую субботу, а во всѣ прочія дозволяютъ себѣ

пиршества, удовольствія и баню; что Греки въ нѣкоторыя изъ пятницъ безъ зазрѣнія совѣсти ѣдятъ даже мясо; что они только семь дней постятся въ продолженіе года: пять дней вмѣсто всей четыредесятницы, въ великую субботу да еще наканунѣ Богоявленія. Ибо въ продолженіе четыредесятницы они никогда не постятся до вечера, притомъ четыредесятница у нихъ состоитъ изъ 30 дней, или лучше сказать — пишетъ полемистъ: у нихъ совсѣмъ нѣтъ четыредесятницы. Много и другихъ сторонъ, заслуживающихъ порицанія, усматриваетъ полемистъ въ богослужебной практикѣ Грековъ. Греки, объявляетъ Гугонъ, мажутъ свое чело бумагой, пропитанной масломъ отъ лампадъ, горящихъ предъ образами, и окропляются водой, которой они омываютъ мощи святыхъ; притомъ, въ первый день каждаго мѣсяца (in singulis calendis — указаніе на языческое происхожденіе обычая) съ большимъ тщаніемъ они святятъ воду. Эту освященную воду они разносятъ по домамъ и не только окропляются ею, но и моются въ ней. Греки, по словамъ Гугона, допускаютъ себѣ еще слѣдующее: они молятся предъ образами Богоматери, когда желаютъ имѣть потомство мужскаго пола, и дѣлаютъ Ее при посредствѣ того же образа своей кумой, именно они вѣшаютъ полотно на ея образъ, чтобы Она, подобно дѣйствительной воспріемницѣ, приняла крещаемаго ребенка изъ рукъ священника. Къ разряду такого же рода профанаціи Гугонъ относитъ нѣкоторые религіозные греческіе обряды, относящіеся до святыхъ угодниковъ. Между тѣмъ какъ Греки, пишетъ полемистъ, живыхъ братьевъ ненавидятъ, они дѣлаютъ своими братьями святыхъ угодниковъ, вопреки ихъ волѣ. Это происходитъ такъ: они даютъ деньги священнику, и этотъ во время литургіи возноситъ молитву за побратимство

между живымъ грѣшникомъ и святымъ небожителемъ. Для того, чтобы святой угодникъ вступилъ въ это родство, желающій побрататься зажигаетъ предъ образомъ святого по крайней мѣрѣ двѣ свѣчки, помазывается масломъ отъ иконы его, и обнимаетъ икону, на которой изображенъ святой, избираемый въ братья. Продолжая свои нападки на богослужебную практику Грековъ, латинскій полемистъ порицаетъ Грековъ за ихъ обычаи при погребеніи умершихъ. «Когда они собираются на похороны — говоритъ полемистъ—то родственники и знакомые цѣлуютъ трупъ, въ чемъ они поступаютъ какъ язычники, которые говорили умершимъ: «иди, куда призвала тебя природа, и мы за тобой послѣдуемъ». (Т. е. полемистъ послѣднее цѣлованіе истолковываетъ въ смыслѣ невѣрія въ будущую загробную жизнь). Полемистъ находитъ непристойнымъ обыкновеніе совершать службу въ будни, когда мало народу въ церкви, и глумится надъ этимъ обыкновеніемъ. Вотъ слова полемиста: «у Грековъ священники совершаютъ службу безъ слушателей, и что всего страннѣе—будучи окружены женою и сыномъ, говорятъ, привѣтствуя отсутствующихъ вѣрующихъ: «миръ вамъ». Жены священниковъ у Грековъ, по увѣренію Гугона, вступаютъ на алтарное возвышеніе (chorum), берутъ хлѣбъ съ жертвенника (de altari), исполняютъ діаконское служеніе и приготовляютъ все необходимое для литургіи.—Въ заключеніе своихъ нападокъ на богослужебную практику Грековъ Гугонъ упрекаетъ послѣднихъ въ нетерпимости къ Латинянамъ. Онъ указываетъ, во-первыхъ, на то, что если латинскій священникъ совершилъ евхаристію на ихъ престолѣ, то греческій священникъ не прежде будетъ литургисать на немъ, какъ по омовеніи его; во-вторыхъ—на то, что если Латинянинъ переходитъ въ Греческую цер-

ковь, то онъ или тайно или публично напередъ долженъ быть снова крещенъ.

Весьма обширный и богатый матеріалъ для упрековъ въ отношеніи Греческой церкви и для издѣвательства надъ нею даютъ Гугону факты дѣйствительные или же перетолкованные вкось и вкривь—изъ жизни духовенства и монашества. Гугонъ неистощимъ во всякаго рода обвиненіяхъ на греческое духовенство и монашество. Епископы греческіе, по словамъ полемиста, принадлежатъ къ послѣдователямъ Симона Волхва, такъ какъ они даромъ никому не отворятъ храма, безъ платы не совершатъ ни одной службы, не отправятъ погребенія. Духовенство греческое, по мнѣнію полемиста, вполнѣ зависитъ отъ мірянъ, ибо ихъ патріархи, епископы и архимандриты возводятся въ свое достоинство мірянами (здѣсь безъ сомнѣнія разумѣется византійское отношеніе государства къ церкви). По замѣчанію полемиста, Греки только монаховъ считаютъ обладающими священствомъ по преимуществу, такъ какъ у нихъ только монахи даютъ разрѣшеніе грѣховъ. Полемистъ порицаетъ греческое духовенство за рощеніе волосъ. Онъ пишетъ: «вопреки заповѣди апостола, изрекшаго: если мужъ раститъ волосы, то это безчестіе для него (1 Коринѳ. 11, 14), Греки заботятся объ отращиваніи волосъ, въ особенности клирики и монахи; эти послѣдніе (клирики и монахи) не подстригаютъ волосъ въ формѣ круга на темени, но дѣлаютъ проборъ на челѣ, подобно женщинѣ. Въ томъ же родѣ порицаніе Гугономъ греческаго духовенства и за ращеніе бороды. Греческіе священники, по мнѣнію его, отращиваютъ бороду, которую они смачиваютъ (по неосторожности) въ крови Господней при вкушеніи ея. Полемистъ не оставляетъ безъ вниманія и брачнаго состоянія духовенства; онъ утверж-

даетъ, что діаконы у Грековъ женятся, для того, чтобы достигнуть высшихъ церковныхъ степеней и не потерять своего сана. Гугонъ ставитъ въ упрекъ Греческой церкви ея неразборчивость въ поставленіи священниковъ; по его словамъ, во многихъ мѣстахъ у Грековъ ихъ священники суть мужи крови, они своими руками наносятъ раны другимъ. Гугонъ рисуетъ, наконецъ, самую жалкую картину состоянія греческаго монашества. Монахи у нихъ, жалуется Гугонъ, ночуютъ внѣ монастырей, подобно звѣрямъ, и ѣдятъ каждую минуту на улицѣ; у нихъ во рту и рукахъ постоянно какіе-нибудь плоды и что-нибудь съѣстное. Они заходятъ въ харчевни. Монахи у нихъ не имѣютъ общей кассы, но каждый имѣетъ свою собственную, отдѣльную.

Гугонъ находитъ очень много недостатковъ въ религіозномъ состояніи народа—и старается выставить ихъ на видъ, съ цѣлію униженія Греческой церкви. О греческомъ народѣ онъ говоритъ: Греки не воздаютъ своимъ священникамъ должной чести и заставляютъ ихъ стоять во время обѣдовъ, на какихъ этимъ послѣднимъ приходится быть. По самымъ ничтожнымъ поводамъ Греки подвергаютъ священниковъ и клириковъ, какъ дѣлали язычники, тяжелымъ наказаніямъ и бьютъ плетьми, въ насмѣшку сшибаютъ и комкаютъ шляпы своихъ священниковъ, тогда какъ написано: «кто наложитъ руку на клирика безъ причины или подъ вымышленнымъ предлогомъ, таковой да будетъ анаѳема» (похоже на 27 пр. Апост.). Латинскій полемистъ порицаетъ Греческій народъ за невоздержность въ пищѣ: Греки, говоритъ Гугонъ, отличаются неумѣренностью и ѣдятъ не дважды въ день, а столько, сколько представляется къ тому случаевъ. Они не воздерживаются отъ крови и удавленины, ибо они ѣдятъ дроздовъ и другихъ птицъ, за-

душенныхъ силками, и употребляютъ въ пищу внутренности, т. е. кишки, наполненныя свиною кровью (колбасы), и это считается лакомымъ блюдомъ. По увѣренію полемиста, Греки, лечащіе посредствомъ кровопусканія, отдаютъ въ этомъ случаѣ человѣческую кровь свиньямъ.—По словамъ того же Гугона, Греки ни во что ставятъ брачныя узы: какъ скоро одинъ изъ супруговъ не нравится другому, они заявляютъ объ этомъ претору городскому, уничтожаютъ брачные документы и поясъ (instrumentis et cingulis praecisis), и безъ всякаго противодѣйствія вступаютъ въ новый бракъ. Полемистъ находитъ у Грековъ недостатокъ вниманія къ общественнымъ святилищамъ. По этому поводу полемистъ замѣчаетъ: «въ своихъ домахъ Греки имѣютъ молельни, украшенныя образами святыхъ и лампадами, и свѣчами; образа чествуются куреніемъ; и напротивъ мало заботятся о томъ, что церкви, построенныя ихъ предками, приходятъ въ упадокъ и почти въ запустѣніе. Женщинъ онъ упрекаетъ въ пристрастіи къ фальшивымъ волосамъ и притираніямъ [60]).

Итакъ, мы видимъ, что Латиняне предъявляли весьма много обвиненій противъ Грековъ въ религіозномъ отношеніи, но то же дѣлали и Греки съ своей стороны противъ Латинянъ въ XII, XIII и XIV вѣкахъ. Число обвиненій на Латинянъ у Грековъ быстро возрастаетъ. Во времена отъ Фотія до Керуларія число

---

[60]) Сочиненіе: Graecorum malae consuetudines напечатано среди текста другого анонимнаго сочиненія подъ заглавіемъ: Tractatus contra Graecos—въ видѣ приложенія къ этому послѣднему: Maxima Bibliotheca veterum patrum et antiquorum scriptorum ecclesiasticarum, a Bigne edita, tom. 27, p. 609 611. Lugduni. 1677. Очевидно, сочиненіе: Tract. contra Gr. есть компиляція.

пунктовъ заблужденій латинскихъ колебалось между 10 и 22-мя. Керуларій вмѣстѣ съ греческимъ полемистомъ Никитою Стифатомъ число обвиненій на Латинянъ значительно увеличили. Въ началѣ XII вѣка Никита Сеидъ зналъ уже 32 пункта отступничества Латинянъ; въ XIII вѣкѣ сумма заблужденій тѣхъ же Латинянъ болѣе чѣмъ удвоилась. А въ XIV вѣкѣ Греки говорили уже о безчисленныхъ ересяхъ латинскихъ [61]).—Просмотримъ главнѣйшія обвиненія, какія дѣлались церковію Греческою противъ Латинской. Мы при этомъ преимущественно будемъ касаться такихъ сторонъ дѣла, которыя представляютъ что-либо новое въ сравненіи съ греческой полемикой до XII вѣка. Нужно сказать, нѣкоторыя изъ такихъ обвиненій лишены основанія, безпочвенны или же странны, такъ какъ они мало понятны. — Что касается латинскаго вѣроученія, то Греки не предъявляютъ никакихъ новыхъ обвиненій въ этомъ случаѣ, за исключеніемъ того, что съ XIII вѣка они начинаютъ упоминать объ особенностяхъ западнаго ученія относительно состоянія умершихъ до всеобщаго воскресенія и относительно чистилища. — Но зато Греки усматриваютъ много погрѣшностей въ церкви Латинской — въ богослужебномъ отношеніи. Такъ въ XIII вѣкѣ они прежде всего упрекали Латинянъ за многія уклоненія отъ нормы въ совершеніи таинства евхаристіи. Они говорили: 1) Латиняне пріобщаются только въ великую пятницу и еще на смертномъ одрѣ, и при томъ только обыкновенными, а не освященными опрѣсноками, защищая себя въ подобной практикѣ тѣмъ, что неизвѣстно: кто достоинъ евхаристическаго дара; 2) пріобщающійся полоскаетъ водою ротъ, выплевываетъ потомъ ее на полъ, попираетъ ногами и

---

[61]) Hergenröther, B. III, s. 820.

такимъ образомъ безчеститъ святѣйшее; 3) еще раньше обвиняли Латинянъ въ томъ, что они въ праздникъ Пасхи полагали ягненка на алтарѣ (?), теперь же къ этому прибавляли, что по заколеніи ягненокъ этотъ съѣдался, остатки сожигались, а пепелъ хранился въ теченіе года (очевидно обычай этотъ являлся какимъ-то добавленіемъ самой торжественной пасхальной литургіи,—можетъ быть, въ воспоминаніе о тайной вечери евангельской); 4) обличалось причащеніе подъ однимъ видомъ.—Слѣдуетъ еще замѣтить, что нѣкоторые изъ Грековъ очень строго стали смотрѣть на совершеніе Латинянами евхаристіи на опрѣснокахъ, до такой степени строго, что греческій писатель XII вѣка Николай, епископъ Метонскій, сравниваетъ греческую евхаристію съ жертвой Авеля, а латинскую, совершаемую на опрѣснокахъ,—съ жертвой Каина [62]).—Касательно таинства крещенія Греками указывались слѣдующія отступленія Латинянъ: 1) что они крестятъ единократнымъ погруженіемъ, и такимъ образомъ три лица Божества смѣшиваются въ одно; 2) что крещаемому младенцу кладутъ въ ротъ соль и смазываютъ его слюной, а не помазываютъ его елеемъ, какъ предписано церковію; 3) что они крещаютъ дважды, потому что возрастныхъ, при разрѣшеніи ихъ грѣховъ, мажутъ масломъ (?); 4) въ позднѣйшее время ставили въ вину Латинянамъ, что они крещаютъ не чрезъ погруженіе, а чрезъ окропленіе, и въ особенности—чрезъ обливаніе. — Что касается таинства покаянія, то Латиняне обвинялись въ томъ, что у нихъ нѣтъ духовныхъ отцевъ, такъ какъ иначе они должны были бы знать, кто достоинъ евхаристіи (при-

---

[62]) Чельцовъ М. Полемика между Греками и Латинянами по вопросу объ опрѣснокахъ, стр. 86. СПБ. 1879. Сочиненіе, изъ котораго занято авторомъ это замѣчаніе Николая, извѣстно лишь въ рукописи.

помнимъ одно изъ прежде указанныхъ обвиненій), а также въ томъ, что когда получалъ разрѣшеніе отлученный, то его бичевали по голому тѣлу. — Таинство священства Латинской церкви было также предметомъ нападокъ со стороны Грековъ, именно— послѣдніе заявляли, что у Латинянъ не во всякое время совершается это таинство, а только четыре раза въ годъ,—при чемъ вдругъ посвящается большое число діаконовъ и епископовъ. Еще утверждали, что папа по избраніи его соборомъ рукополагался въ свой санъ чрезъ наложеніе руки умершаго его предшественника.—Бракъ въ латинской церкви даетъ также не мало Грекамъ простора для различнаго рода обвиненій на Западныхъ христіанъ. Въ этомъ отношеніи указывалось прежде всего на допущеніе браковъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства, затѣмъ на то, что у нихъ вполнѣ позволителенъ второй и третій бракъ.—Посты западной церкви давали поводъ ко многимъ укорамъ противъ нея; но новыхъ упрековъ немного. Отмѣтимъ въ особенности то, что Греки въ саркастическихъ чертахъ описывали такъ называемый у Латинянъ день пепла, которымъ открывался у нихъ постъ четыредесятницы. Восточные полемисты утверждали, что Латиняне по веснѣ начинали собирать кости всякихъ нечистыхъ животныхъ, потомъ сожигали ихъ, пепелъ смѣшивали съ водой, которой окроплялись въ видахъ освященія. Этою смѣсью, говорили Греки, латинскіе духовные помазывали вѣрующихъ въ началѣ поста, именно помазывали голову, лобъ и лицо, въ томъ предположеніи, что это придаетъ силы для пощенія.— Другія порицанія Греками Латинянъ касаются образа жизни и поведенія духовенства. Греки указывали на слѣдующій странный обычай, который будто-бы существовалъ въ латинской церкви: высшіе изъ епи-

скоповъ, когда идутъ въ храмъ совершать литургію, имѣютъ при себѣ нагихъ мальчиковъ, ихъ они окропляютъ, утверждая, что этотъ обрядъ придаетъ имъ неуязвимость и непобѣдимость на войнѣ, по достиженіи ими зрѣлаго возраста. Затѣмъ Греки осуждали частое перемѣщеніе епископовъ, симонію, безнравственность духовенства, непочтительное обращеніе съ евхаристіей, которую духовные носили съ собой въ дорожныхъ сумкахъ, разнообразіе монашескихъ орденовъ.—Обыденная жизнь латинскихъ христіанъ не оставалась безъ полемическихъ замѣчаній со стороны Грековъ. Ихъ изобличали въ томъ, что они ѣдятъ кровь и удавленину, вообще нечистую пищу, что они часто клянутся, что клятвопреступленіе у нихъ въ обычаѣ, что они не читаютъ св. Писанія и церковныхъ постановленій, что они ѣдятъ съ собаками, даютъ имъ облизывать тарелки, а потомъ опять ѣдятъ изъ нихъ, что они моются уриной и пьютъ ее.—Вообще Греки считали Латинянъ въ религіозномъ отношеніи не выше еретической церкви Армянской. [62]) Нѣкоторые изъ Грековъ считали Латинянъ до такой степени закоренѣлыми въ заблужденіяхъ, что находили безполезнымъ вести съ ними какія-бы то ни было разсужденія и пренія о предметахъ религіозныхъ; ихъ почитали слишкомъ далеко уклонившимися отъ образа воззрѣній и мнѣній православныхъ людей. Извѣстный Византійскій историкъ Никифоръ Григора разсказываетъ о себѣ, что когда (въ 1333 г.) въ Византію пришли двое латинскихъ

---

[62]) Всѣ эти обвинительные пункты указаны у Hergenröther'a: Photius, III, 820—826, причемъ авторомъ собраны и приняты во вниманіе весьма многочисленныя свидѣтельства: Николая Метонскаго, Никиты Сенда, Θеодора Вальсамона, Симеона Θессалоникійскаго, Марка Ефесскаго, ритора Мануила, разныхъ анонимовъ мюнхенскія рукописи и пр.

епископовъ для разсужденій о вѣрѣ, то онъ сказалъ рѣчь, въ которой всѣми способами доказывалъ, что отнюдь не слѣдуетъ вступать въ разсужденія съ прибывшими Латинянами. Доказывая свою мысль, онъ раскрывалъ, что Латиняне любятъ спорить и никогда не исправляются; онъ утверждалъ, что дѣло рѣшенное: «Латиняне никогда не согласятся съ нашими мнѣніями, хотя-бы въ нашу пользу заговорили всѣ камни и всѣ деревья»; раскрывалъ, что въ основу разсужденій и преній латиняне полагаютъ силлогизмъ, который однакожъ непримѣнимъ при разъясненіи предметовъ божественныхъ; что Греки держатся вѣры, преданной Спасителемъ и утвержденной соборами и св. отцами и что, поэтому, Грекамъ нѣтъ нужды вступать въ совершенно безполезныя разглагольствованія; что, наконецъ, Латиняне вступаютъ въ пренія не затѣмъ, чтобы принять правую сторону, а затѣмъ, чтобы послѣ диспутированія, хотя безо всякаго основанія, хвастаться своею мнимою побѣдой. [64]).

Говоря доселѣ о томъ, при какихъ условіяхъ развивалась и въ какихъ формахъ выражалась религіозная вражда двухъ церквей — латинской и греческой въ XII, XIII и XIV вѣкахъ, мы не должны однакожъ думать, что въ это время дѣйствительно порваны всѣ связи Запада съ Востокомъ въ религіозномъ отношеніи. Такое представленіе должно имѣть нѣкоторыя ограниченія. Мы хотимъ указать факты изъ времени, изучаемаго нами, которые свидѣтельствуютъ, что, случалось, самые видные представители той и другой церкви забывали о своей взаимной религіозной непріязни, относясь одни къ другимъ какъ члены единой, нераздѣльной церкви.

---

[64]) Никифора Григоры. Византійская исторія, кн. X, гл. 8. Переводъ.

Къ такимъ фактамъ мы причисляемъ частые браки Латинянъ съ Греками и наоборотъ, причемъ религіозныя разногласія не препятствуютъ заключенію брачныхъ узъ. Такъ въ XII вѣкѣ первая и вторая жена императора Мануила Комнина были латинянки. Племянница этого императора Марія Комнина была въ замужествѣ за Фридрихомъ Барбароссой, а потомъ за венгерскимъ принцемъ Стефаномъ. Сынъ того же Мануила Алексѣй II Комнинъ былъ повѣнчанъ съ французской принцессой Агнессой. [65]) Многочисленные примѣры подобныхъ браковъ можно находить и позднѣе. Къ такому-же ограниченію представленія о всецѣломъ разрывѣ между Греческой и латинской церковію ведетъ и то обстоятельство, что въ это время еще встрѣчаются случаи богослужебнаго общенія Грековъ съ Латинянами. Это видимъ при посѣщеніи Константинополя въ половинѣ XII вѣка французскимъ королемъ Людовикомъ VII, Конрадомъ III и другими Западными князьями. Въ царствованіе императора Іоанна Комнина аббатъ Петръ Клюнійскій обращается къ императору и патріарху византійскимъ съ просьбой о возстановленіи находившагося въ Константинополѣ монастыря, принадлежащаго Клюнійской конгрегаціи, а это предполагаетъ болѣе или менѣе дружелюбное расположеніе между церквами. Далѣе слѣдуетъ упомянуть, что императоръ Мануилъ въ письмѣ къ Конраду III называетъ Латинянъ и Грековъ: ὁμοθρήσκους, т. е. единовѣрными. Жившимъ въ Константинополѣ по дѣламъ торговли Венеціанцамъ, Пизанцамъ, Генуэзцамъ, во времена этого императора, отведено было

---

[65]) Киннама, кн. II, гл. 4; кн. V, гл. 4; кн. IV, гл. 1. кн. V. гл. 1.—Никиты Хоніата. Царствованіе Андроника, кн. I, гл. 1.

почетное мѣсто при богослуженіи въ знаменитомъ Софійскомъ храмѣ. При дворѣ императора Мануила жили многіе Латиняне, и никакого отреченія отъ заблужденій не требовалось отъ нихъ. Два италіанца— Гугонъ Этеріанъ и его братъ Левъ пользовались у Мануила большимъ значеніемъ. [66]) — Такова была практика, но и въ теоріи нѣкоторые греческіе писатели и богословы тѣхъ временъ смотрѣли снисходительно на церковь латинскую съ ея теологическими и обрядовыми особенностями, и наоборотъ — нѣкоторые латинскіе писатели такими-же глазами смотрѣли на церковь греческую. Тѣ и другіе изъ этихъ писателей отстраняли отъ себя мысль, что раздѣленіе церквей есть дѣло рѣшительное и безповоротное. Съ латинской стороны въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія воззрѣніе Петра Клюнійскаго и Бернгарда Клервосскаго. Первый въ XII вѣкѣ писалъ византійскому патріарху Іоанну Халкедонію: «хотя мы и раздѣлены съ вами пространственно и различіемъ языковъ, однакожь мы соединены неразрывно единствомъ вѣры и любви. Я желаю заключить съ тобою неразрывный союзъ дружбы, если ты не станешь стыдиться этого» [67]). Западный святой Бернгардъ Клервосскій въ томъ же XII вѣкѣ писалъ папѣ Евгенію III: «строптивые греки и съ нами и не съ нами, соединены въ вѣрѣ, раздѣлены въ любви, хотя то же и въ вѣрѣ они кой въ чѣмъ заблуждаются» —тонъ вообще мягкій [68]).— Приведемъ въ томъ же родѣ свидѣтельства Грековъ. Греческій философъ Ѳеоріанъ, которому императоръ Мануилъ поручалъ столь многія миссіи по дѣламъ

---

[66]) Hergenröther. B. III, s. 791—792.

[67]) Baronius. Annales. Ann. 1119, n. 20. (Pichler. B. I, s. 286).

[68]) Pichler, ibid.

религіознымъ и который, случалось, вступалъ въ споры съ Латинянами, увѣщавалъ монаховъ смотрѣть на Латинянъ, какъ на братьевъ и притомъ православныхъ; большую часть пунктовъ разногласія онъ считалъ касающимися вопросовъ только дисциплинарныхъ и не имѣющими отношенія къ вѣроученію [69]). Епископъ Іоаннъ (конца XII вѣка) Китрскій (въ Македоніи) на вопросъ: можно-ли присутствовать при Латинскомъ богослуженіи, отвѣчалъ, что раздоры между церквами касаются только двухъ пунктовъ— filioque и опрѣсноковъ, но чтеніе св. Писанія, молитвы, пѣснопѣнія, храмы, почитаніе честнаго креста и св. иконъ,—все это у Латинянъ не отличается отъ того, что есть у насъ. Латинское богослуженіе (собственно погребальное) не языческое (φαλμῳδία οὐκ ἐστιν ἐθνική), но сообразное съ свящ. Писаніемъ [70]). Не безъ христіанскихъ симпатій относится къ Латинянамъ также и Димитрій Хоматинъ, архіепископъ болгарскій (XIII в.). Ему предложенъ былъ вопросъ, считать-ли святою или не святою евхаристію, совершаемую Латинянами на опрѣснокахъ, а также — нужно-ли считать священными церковные сосуды и одежды Латинянъ. Отвѣчая на вопросъ, Димитрій не одобряетъ латинскаго обычая совершать евхаристію на опрѣснокахъ, но находитъ, что многіе изъ Грековъ выказываютъ преувеличенную ревность въ борьбѣ съ этимъ обычаемъ. При этомъ указываетъ, что нѣкоторые изъ Грековъ болѣе снисходительно смотрятъ на латинскій обычай совершать евхаристію, и только по вопросу объ исхожденіи Духа Св. не дѣлаютъ уступокъ и не соглашаются съ Латинянами. Димитрій далѣе дѣлаетъ такой выводъ: ни евхаристію Лати-

---

[69]) Hergenröther. B. III, s. 792.
[70]) Rhally et Potly. Syntagma, tom. V, p. 404. Athenae. 1855.

нянъ, ни церковные сосуды и принадлежности нельзя считать нечистыми. Затѣмъ, тому же Димитрію приходилось отвѣчать и на другой вопросъ: можно-ли православному епископу входить въ храмы латинскіе и молиться здѣсь, и позволительно-ли преподавать евхаристію Латинянамъ, если они приходятъ въ греческіе храмы. Отвѣтъ Димитрія былъ таковъ: если кого приглашаютъ придти въ латинскую церковь, то онъ безъ всякаго сомнѣнія долженъ идти туда, ибо Латиняне поставляютъ иконы въ своихъ храмахъ и почитаютъ ихъ; а также нѣтъ препятствій преподавать евхаристію Латинянамъ, если они приходятъ въ православную церковь. Италія — замѣчаетъ Димитрій — полна храмами, значительнѣйшій изъ которыхъ есть храмъ Петра въ Римѣ. Въ эту церковь входятъ какъ наши духовныя лица, такъ и наши міряне, молятся здѣсь, причемъ они не терпятъ никакого вреда отъ того, что они находятся въ латинскихъ церквахъ [71]). Въ духѣ терпимости говоритъ о Латинянахъ и Симеонъ, архіепископъ Ѳессалоникійскій, а замѣтимъ: онъ жилъ въ XV вѣкѣ, когда рознь между греческою и латинскою церковью зашла очень далеко [72]). Съ какою снисходительностію представители церкви Греческой относились еще въ изучаемое время къ церкви латинской, и съ какой благосклонностью относились представители церкви латинской къ церкви восточной, объ этомъ хорошо можно судить по тѣмъ толерантнымъ воззрѣніямъ, какія высказывались въ литературѣ какъ греческой, такъ и латинской, по одному изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ между двумя церквами — говоримъ объ опрѣснокахъ. Между писателями греческими данной

---

[71]) Rhally, ibid. p. 430—435.
[72]) Pichler. B. I, s. 418—419.

эпохи мы встрѣчаемъ не только такихъ, которые не думали строго судить Латинянъ за употребленіе у нихъ опрѣсноковъ, но даже и такихъ, которые не прочь были признать, что вѣроятнѣе всего и Христосъ совершилъ евхаристію на опрѣснокахъ, но не видѣли необходимости держаться опрѣсноковъ въ дальнѣйшее время жизни церкви. Къ такимъ писателямъ относится прежде всего Ѳеофилактъ Болгарскій (умершій въ началѣ XII вѣка). Вотъ какъ писалъ по этому вопросу Ѳеофилактъ: «употребленіе опрѣсноковъ (у Латинянъ) вызываетъ во многихъ великое соперничество, и какъ говорятъ—жарче огня, такъ что нѣкоторые готовы скорѣе испустить духъ, чѣмъ отстать отъ своего протеста». Онъ находитъ, что такая чрезмѣрная ревность не можетъ заслуживать похвалы и считаетъ своимъ долгомъ разъяснить, какъ на самомъ дѣлѣ маловажно то, что ревнующіе считаютъ особенно важнымъ. Онъ высказываетъ опасеніе, чтобы споры изъ-за опрѣсноковъ не разожгли болѣе и болѣе вражды къ Латинянамъ. Мало того: онъ признавалъ, что такъ какъ вечеря Христова происходила въ одно время съ ветхозавѣтною пасхой, то Христосъ употреблялъ на вечери опрѣсноки. «Я полагаю, говоритъ онъ, что сначала Господь вкусилъ законной пасхи, а потомъ предалъ своимъ ученикамъ и таинство своей пасхи, совершивъ его очевидно отъ того хлѣба, который тогда находился, а тогда находился безквасный» [73]).—Другой видный представительдГреческой церкви XII вѣка Никита, архіепископъ Никомидійскій, диспутируя съ однимъ западнымъ епископомъ объ опрѣснокахъ, высказываетъ слѣдующій гу-

---

[73]) Will. Acta et scripta... (Lipsiae. 1861): Theophilacti Bulgar. libellus, cap. X—XI (Чельцовъ. Полемика, стр. 92—94; 180—181).

манный взглядъ на вопросъ: предлагая какъ лучшее средство къ рѣшенію вопроса собраніе вселенскаго собора (изъ восточныхъ и западныхъ епископовъ), Никита хочетъ, чтобы этотъ соборъ постановилъ: или то, чтобы всѣ приняли обрядъ употребленія квасного хлѣба, или то, чтобы всѣ стали употреблять опрѣсноки, или же—если не послѣдуетъ на это общаго согласія, то по крайней мѣрѣ согласились-бы, чтобы ни Греки не осуждали безразсудно Латинянъ—слова Никиты—изъ-за опрѣсноковъ, ни Латиняне не осуждали Грековъ изъ-за квасного хлѣба. Онъ вообще призываетъ и Грековъ и Латинянъ къ миру и взаимной любви. Никита, наприм., говорилъ: «необходимо, чтобы всѣ стеклись къ богатству любви, ибо какъ любовь при святомъ приношеніи (евхаристіи), такъ и святое приношеніи при истинной любви покрываютъ множество грѣховъ, и какъ спасительная жертва не доставляетъ спасенія безъ любви, такъ и совершенная любовь не соблазняется при различномъ приношеніи той же жертвы» [74]). Подобный взглядъ, умѣренный и кроткій, на разность употребленія хлѣба для евхаристіи иногда встрѣчался въ тѣ-же времена и у богослововъ Западныхъ. Знаменитый Анзельмъ Кентерберійскій (въ XII в.) писалъ касательно хлѣба квасного такъ: «относительно жертвоприношенія, въ чемъ Греки такъ не соглашаются съ нами, по многимъ основаніямъ можно видѣть, что они совершаютъ его не противно христіанской вѣрѣ, такъ какъ одинаково приноситъ жертву и благословляющій квасный и благословляющій прѣсный хлѣбъ. Когда повѣствуется о Господѣ, какъ Онъ сдѣлалъ изъ хлѣба свое тѣло, принявъ хлѣбъ и благословивъ его, то не поясняет-

---

[74]) D'Achery. Spicilegium. Tom. I: Anselmi episcopi, liber tert., cap. XIX (Чельцовъ, ibid. 94—97).

ся—прѣсный ли то былъ хлѣбъ или квасный». Анзельмъ желаетъ одного со стороны Грековъ, чтобы они не порицали совершающихъ евхаристію на опрѣсноках[75]).

Къ сожалѣнію, эти немногіе голоса, на Востокѣ и на Западѣ, призывающіе ко взаимному миру и любви членовъ Греческой и Латинской церкви, не были настолько сильны, чтобъ заглушить голоса, иначе настроенные,—и разъединеніе между церквами не могло смѣниться согласіемъ и братствомъ.

---

[75]) Anselmus, De tribus Waleranni (episcopi) quaestionibus. Migne. Lat. tom. 158, p. 541—547. (Чельцовъ, ibid. стр. 158—159).

III. Религіозно нравственный характеръ Византійской имперіи отъ конца XI до половины XV в.

Изученіе религіозно-нравственнаго характера христіанскаго общества, какого-бы то ни было времени, представляетъ большія трудности. Нравственность и религіозность составляютъ собою факты не столько внѣшней, сколько внутренней, сокровенной жизни человѣка. Историкъ только тогда могъ-бы съ правомъ утверждать, что онъ достаточно изучилъ эти предметы, еслибы былъ въ состояніи проникать въ душу и внутреннее расположеніе прошедшихъ поколѣній, но такъ какъ это невозможно, то ему остается довольствоваться лишь изученіемъ внѣшнихъ фактовъ, отмѣченныхъ лѣтописцами, фактовъ случайныхъ, разрозненныхъ, нерѣдко противорѣчивыхъ, переданныхъ разказчиками, быть можетъ, весьма неточно.

Одну изъ трудностей при изученіи вопроса составляетъ то, что въ разсказахъ о прошедшемъ черты темныя, непривлекательныя выступаютъ всегда на первый планъ. Это и понятно, ибо истиннаго нрав-

ственность и религіозность, если онѣ не выражаются въ громкихъ подвигахъ, остаются незамѣтными, между тѣмъ какъ пороки и нарушенія требованій религіи, по свойственному человѣку стремленію отыскивать недостатки въ другомъ, чтобы оправдать собственные недостатки—пересказываются на разные лады и весьма часто въ преувеличенномъ видѣ. Вслѣдствіе этого и историки, описывавшіе прежнее время, ярче отмѣчаютъ религіозно-нравственные недостатки общества, чѣмъ его достоинства и добродѣтели. Этого мало. Въ распоряженіи историка нашего времени находится не мало такихъ документовъ, изъ которыхъ онъ и можетъ извлекать только свѣдѣнія о непривлекательныхъ сторонахъ жизни общества того или другого вѣка. Таковы записи судебныхъ процессовъ. Во всякой подобной записи есть не мало указаній на тѣ или другія правонарушенія и безнравственные поступки членовъ общества, но въ нихъ ничего не говорится—по самому существу документовъ—о добродѣтеляхъ и свѣтлыхъ явленіяхъ въ области нравственной жизни общества. Восполненіемъ этого пробѣла не могутъ служить ни панегирическія рѣчи, ни описанія знаменитыхъ подвижниковъ, ибо панегирическія рѣчи весьма рѣдко даютъ правильную оцѣнку изображаемыхъ личностей, а описанія подвижниковъ имѣютъ дѣло съ исключительными явленіями.

Еще философъ Сенека говорилъ: «мы жалуемся, предки жаловались и потомки будутъ жаловаться, что нравы испортились и все святое попрано». Это очень вѣрное замѣчаніе. Приложимо оно не къ одному языческому, а и къ христіанскому міру. За исключеніемъ первыхъ двухъ вѣковъ христіанской исторіи, (да и тутъ еще не нужно упускать изъ вниманія такого явленія, какъ монтантизмъ, который

отчасти возникаетъ изъ тѣхъ-же причинъ, какъ и позднѣйшее монашество—изъ протеста противъ нравственнаго разслабленія жизни христіанской) моралистъ остается недоволенъ жизнью христіанъ рѣшительно всѣхъ временъ.

Послѣ всего этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и историкъ, описывающій исторію христіанской нравственности за періодъ отъ конца XI до половины XV вѣка, за періодъ явнаго и непрекаемаго упадка Византійскаго государства почти во всѣхъ отношеніяхъ, съ одной стороны не можетъ не жаловаться на упадокъ общественной нравственности, а съ другой принужденъ рисовать больше печальныя картины нравственной испорченности, чѣмъ отрадныя картины нравственной высоты и религіознаго совершенства.

Во всякомъ случаѣ указанный историкъ не можетъ изъявлять притязаній, что онъ вполнѣ правильно понялъ описываемую имъ сторону и безошибочно раскрылъ ее. Ни одинъ историкъ нравственныхъ отношеній того или другого вѣка не можетъ похвалиться, что онъ проникъ въ глубины вопроса и въ состояніи исчерпать его. Мы съ своей стороны сочтемъ свое дѣло исполненнымъ удовлетворительно, если знающіе Византійскую исторію не найдутъ возможности упрекнуть насъ въ недостаткѣ безпристрастія и признаютъ наше описаніе религіозно-нравственнаго характера византійскаго общества указанныхъ вѣковъ относительно вѣрнымъ и дающимъ достаточное понятіе о предметѣ рѣчи.

Всѣ свѣтлыя и темныя черты религіозно-нравственныхъ отношеній отъ конца XI до половины XV вѣка легко наблюдать на образѣ жизни и поведенія царственныхъ лицъ этихъ вѣковъ. Многочисленные Византійскіе историки сохранили для потомства бога-

тые матеріалы для ознакомленія съ указанной стороной вопроса. Нужно только жалѣть о томъ, что они были слишкомъ скупы на характеристику общественной или народной нравственности; но и въ этомъ случаѣ историкъ нашего времени не остается безпомощнымъ: чего не договариваютъ Византійскіе историки, о томъ даютъ хоть и не очень полныя, но все-же драгоцѣнныя свѣдѣнія нѣкоторые другіе памятники, такъ что совокупность источниковъ даетъ возможность составить приблизительное понятіе и о религіозно-нравственномъ характерѣ общества, народа.

Странное зрѣлище представляютъ Византійскіе императоры изучаемой нами эпохи въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Это какое-то безконечное царство контрастовъ. Добродѣтель и благочестіе то восходятъ на императорскій тронъ и отсюда дѣйствуютъ въ свойственномъ имъ духѣ, то будто совсѣмъ оставляютъ царскій тронъ. Одинъ Византійскій императоръ—благочестивъ, образцово-нравственъ, другой же, рядомъ слѣдующій, представляетъ собой чуть не чудовище нечестія и порока. Этого мало: одно и то-же царственное лице дѣйствуетъ столь различно въ нравственно-религіозномъ отношеніи, что приходишь въ истинное изумленіе отъ такого соединенія подобныхъ крайностей. Смѣна и смѣсь добра и зла, смѣсь и смѣна неуловимая и постоянная—вотъ религіозно-нравственный характеръ царственныхъ лицъ разсматриваемаго періода. Показное благочестіе беретъ верхъ надъ благочестіемъ сердца;—это-то и можетъ объяснять, почему у описываемыхъ лицъ такое непостоянство въ жизни и поступкахъ. Что мы видимъ? храмы великолѣпно украшаются, но какъ будто бы для того, чтобы было что́ грабить въ нихъ; прилагаются заботы о томъ, чтобы имѣть тонкое богословское образованіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ

подчасъ предаются забвенію самыя элементарныя истины христіанскія; создаются превосходныя благотворительныя заведенія, а рядомъ съ этимъ подвергается угнетенію весь остальной христіанскій народъ; устрояются великолѣпнѣйшія религіозныя процессіи, но сквозь всю эту помпу часто проглядываетъ грубочувственная религіозность; издаются законы, воспрещающіе монахамъ роскошь и обогащеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ для этихъ-же монаховъ, какъ-бы въ расчетѣ на неминуемое искушеніе для нихъ, устраиваются такія пиршества, о которыхъ, какъ явленіи небываломъ, считаютъ долгомъ оповѣстить потомство историки; царственное покровительство монашеству, какъ училищу цѣломудрія, мирно уживается съ самымъ беззазорнымъ, грубымъ развратомъ самихъ покровителей цѣломудрія; прилежно и тщательно изучается Св. Писаніе, но какъ будто только за тѣмъ, чтобы хвастаться этимъ знаніемъ, а не за тѣмъ, чтобы исполнять заповѣди Божіи и проч.. Словомъ, это какой-то свѣтъ во тьмѣ, причемъ тьма готова, нужно сознаться, объять свѣтъ.....

Рядъ царственныхъ лицъ, о которыхъ мы хотимъ говорить, открывается *Алексѣемъ I Комниномъ* (1080—1118). Алексѣй возшелъ на императорскій Византійскій простолъ, не какъ законный наслѣдникъ, а какъ счастливый узурпаторъ. И самъ по себѣ подобный поступокъ, конечно, не дѣлаетъ чести этому Византійскому императору; но непривлекательность его (поступка) еще больше возрастаетъ вслѣдствіе того, что войска, помогшія Алексѣю сдѣлаться императоромъ, въ вознагражденіе своего усердія въ этомъ отношеніи позволили себѣ буйство, грабежъ и другія безобразія въ столицѣ[1]). Самъ Алексѣй

---

[1]) Безобразное поведеніе войска очень живо описано Зонарой. Zonarae. Annales, lib. XVIII, cap. 20 (Migne, tom. 135,

чувствовалъ, какъ далеко его пособники зашли за ту черту, которая раздѣляетъ позволительное и терпимое отъ непозволительнаго и нетерпимаго, а потому, желая смягчить общественные толки, онъ вынужденъ былъ принять на себя очистительную эпитимію[2]).

Сообщимъ важнѣйшія свѣдѣнія, которыя могутъ служить къ характеристикѣ нравственности и религіозности императора Алексѣя. По свидѣтельству Зонары онъ отличался слѣдующими нравственными качествами, опредѣлявшими общій характеръ его жизни и поведенія. Онъ былъ спокойнаго нрава и не надмененъ, свободенъ отъ корыстолюбія, разборчивъ при назначеніи наказаній и доступенъ чувству снисходительности при оцѣнкѣ проступковъ; удовольствіями онъ пользовался очень умѣренно, былъ ласковъ и доступенъ въ обращеніи съ лицами, окружавшими его и имѣвшими въ немъ нужду[3]).— Склонность къ воздержанію и нетребовательность Алексѣй въ особенности умѣлъ обнаруживать во время военныхъ походовъ: подобно лучшимъ полковод-

---

р. 293). Хотя Зонара жилъ въ XII вѣкѣ и описалъ царствованіе Алексѣя, какъ очевидецъ, но мы въ обзорѣ источниковъ изучаемаго періода не дали ему мѣста, потому что этотъ историкъ не описывалъ спеціально этого царствованія, а пишетъ общую исторію, начиная отъ сотворенія міра. Поэтому разсказы его объ Алексѣѣ—кратки и могутъ служить лишь къ уясненію и отчасти исправленію показаній Анны Комниной: трудъ Зонары нельзя разсматривать какъ первостепенное пособіе при изученіи царствованія Алексѣя. О трудѣ Зонары можно находить замѣчанія у Скабалановича: «Визант. государство и церковь» стр. XVII—XX; тотъ же трудъ Oster (Anna Comnena, Theil III) оцѣниваетъ, сравнивая его съ сочиненіемъ Анны Комниной, по скольку то и другое сочиненіе касаются одной и той-же темы.

[2]) См. первую главу этихъ «Очерковъ», тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ историческомъ трудѣ Анны Комниной.

[3]) Zonaras. Annales, lib. XVIII, cap. 29 (Migne, p. 324—325).

цамъ древности, онъ дѣлилъ съ солдатами всѣ лишенія и недостатки. Во время войнъ, а этихъ войнъ было при немъ много, онъ являлъ собою примѣръ поучительный для своего войска[4]). Такимъ онъ являлся, какъ полководецъ. Многими прекрасивыми качествами отличался онъ и какъ правитель и распорядитель судьбами подчиненныхъ ему лицъ. Онъ щадилъ и даже награждалъ такихъ людей, которые имѣли въ своемъ сердцѣ самыя злобныя намѣренія противъ императора, если эти люди чувствовали раскаяніе въ своихъ преступныхъ намѣреніяхъ[5]); тѣмъ меньше производили на него впечатлѣніе хульные отзывы и оскорбительныя замѣчанія, какія позволяли себѣ дѣлать противъ императора его враги: за нихъ онъ не мстилъ[6]) съ тѣмъ эгоистическимъ упорствомъ и рѣшительностью, на какія бываютъ способны мелкія натуры. Правиломъ Алексѣя было извинять и прощать какъ явныхъ, такъ и тайныхъ враговъ его царствованія, если покушенія враговъ не соединялись съ нарушеніемъ высшихъ государственныхъ интересовъ, а ограничивались непріятностями лично для самого государя[7]). Вообще пролитіе крови при такихъ случаяхъ, гдѣ другіе считали это дѣломъ самымъ естественнымъ—чуждо было душѣ императора Алексѣя. Онъ щадилъ военноплѣнныхъ, когда видѣлъ, что избіеніе ихъ не имѣло-бы никакой цѣли. При одномъ случаѣ довѣренное лице императора—Сенезій предложилъ Алексѣю казнить военноплѣнныхъ Печенеговъ; но императоръ не согла-

---

[4]) Анны Комн. Сказаніе о дѣлахъ Алексѣя. Кн. II, гл. 7, Русск. пер.

[5]) Анны. Сказаніе. Кн. IX, гл. 7 стр. 425.

[6]) Ibid. кн. V, гл. 6, стр. 241—2.

[7]) Anna Comnena. Alexias. Lib. XIV. Migne. tom. 131, p. 1057.

сился на такое предложеніе, сказавъ прекрасныя слова: «хоть это и скиѳы, но все-же люди, хоть это и враги, но все-же они достойны милости». Правда, эти Печенеги въ туже ночь были перебиты, но повѣствователь утверждаетъ, что случай этотъ произошелъ безъ вѣдома императора[8]). Во время сраженій, щадя жизнь своихъ воиновъ, Алексѣй очень заботился о томъ, чтобы не было пролито ни капли лишней крови, принадлежащей его воинамъ; побѣда, стоившая слишкомъ много крови, ему доставляла не радость, а печаль[9]).—Очень выдающуюся черту въ нравственномъ характерѣ Алексѣя составляло стремленіе помогать бѣднымъ и несчастнымъ. Алексѣй извѣстенъ въ этомъ отношеніи, болѣе, чѣмъ многіе другіе Византійскіе императоры. Онъ хотѣлъ, чтобы плоды его филантропическихъ стремленій пережили его самого и сдѣлались дорогимъ наслѣдіемъ его потомковъ и всего Византійскаго народа. Историки говорятъ слѣдующее: въ Константинополѣ съ давнихъ поръ существовалъ на Босфорѣ домъ призрѣнія бѣдныхъ. Алексѣй улучшилъ и расширилъ это убѣжище и превратилъ его въ великолѣпное и огромное зданіе. Здѣсь въ одно и тоже время помѣщались и пріютъ для сиротъ и богадѣльня для немощныхъ и престарѣлыхъ. Въ богадѣльнѣ существовали отдѣленія для мущинъ и женщинъ. Особыя попеченія прилагалъ императоръ о сиротахъ: онъ хотѣлъ быть для нихъ какъ-бы отцемъ. Сироты, кромѣ содержанія, получали образованіе религіозное и научное. Ихъ образованіе ввѣрено было учителямъ, назначаемымъ по волѣ императора. По обширности и великолѣпію учрежденіе въ его цѣломъ походило на особый го-

---

[8]) Анны. Сказаніе. Кн. VIII. гл. 6, стр. 385.
[9]) Annae. Alexias. Lib. XIV. Migne, tom. 131, p. 1081.

родъ, находящійся среди столицы. Въ филантропическомъ учрежденіи Алексѣя содержалось 10,000 человѣкъ. При нихъ было чуть не такое-же число докторовъ, хирурговъ, учителей и прислуги того или другого пола. Здѣсь находилась церковь, украшенная весьма богато; при церкви былъ особый церковный причтъ многочисленный. На издержки этого человѣколюбиваго учрежденія императоръ отпускалъ большія суммы денегъ. Управителями здѣсь назначались по личному выбору Алексѣя люди испытанной честности и отличавшіеся умомъ; между ними встрѣчаемъ лицъ сенаторскаго званія, даже царскихъ родственниковъ[10]).

О религіозности Алексѣя даетъ нѣсколько не безъинтересныхъ указаній историкъ Анна, его дочь. Въ трудовыя минуты военныхъ предпріятій онъ возлагалъ надежду только на Бога, о чемъ и говорилъ открыто предъ лицами, составлявшими его свиту[11]). Въ этомъ отношеніи особенно заслуживаетъ вниманія разсказъ о томъ, какъ императоръ приготовлялся къ битвѣ съ печенегами и команами. Историкъ говоритъ: «не думая откладывать болѣе сраженіе, Алексѣй сталъ призывать себѣ въ помощники Бога. На закатѣ солнца имъ первымъ вознесена была молитва, при великомъ освѣщеніи и пѣніи гимновъ. Не дозволялъ онъ покоиться и всему стану, но каждому благоразумному совѣтовалъ дѣлать тоже самое, а грубыхъ заставлялъ. Молитвенные голоса воиновъ, кажется, долетали до самыхъ небесныхъ сводовъ или точнѣе—возносились къ самому Владыкѣ Богу. Въ

---

[10]) Anna Comnen. Alexias. Lib. XV, Migne p. 1154—1167 (подробно, но риторитно); Zonaras. Annales. Lib. XVIII, cap. 24, Migne, p. 306—7 (очень кратко, указаны лишь главныя черты).

[11]) Анна Комн. Сказаніе, кн. VII, гл. 3, стр. 330—31.

самомъ дѣлѣ онъ уповалъ не на воиновъ и коней и не на военное искусство, но все относилъ къ волѣ всевышней. И это продолжалось до полуночи»[12]). При одномъ случаѣ во время сраженія, желая наглядно выразить свою вѣру въ помощь Божію, онъ въ одной рукѣ держалъ мечъ, а въ другой знамя— омофоръ Матери Божіей, одну изъ священнѣйшихъ реликвій Византійскихъ[13]) (подъ омофоромъ здѣсь разумѣется головное покрывало Богородицы). Алексѣй былъ хорошо свѣдущъ въ священномъ Писаніи и любилъ при случаѣ цитировать болѣе подходящія къ случаю мѣста изъ библіи[14]).

Въ такихъ чертахъ можно представлять себѣ лучшія стороны религіозно-нравственнаго характера Алексѣя. Къ сожалѣнію, его нравственная жизнь не была чужда недостатковъ, а религіозность не была столь искренна, какъ можно было бы это думать. Такъ по отношенію къ его нравственности нужно замѣтить слѣдующее: хотя самъ Алексѣй былъ умѣренъ и воздерженъ въ пищѣ, напиткахъ и удовольствіяхъ, былъ совершенно не корыстолюбивъ, но онъ мало заботился о сбереженіи общественнаго достоянія. Его родня и приближенные поглощали множество общественныхъ денегъ, жили въ роскоши, отчего страдали государственные интересы[15]). Супружеская жизнь Алексѣя не отличалась цѣломудренностію. По крайней мѣрѣ въ молодости, но уже на престолѣ, онъ нерѣдко измѣнялъ своей женѣ Иринѣ и тѣмъ причинялъ ей великія муки, вызываемыя чувствомъ ревности[16]). Производитъ непріятное

---

[12]) Ibid. кн. VIII, гл. 5, стр. 380—381.
[13]) Ibid. кн. VII, гл. 3. стр. 328—9.
[14]) Ibid. кн. IX, гл. 7, стр. 423 и друг.
[15]) Zonaras. Annal. Lib. XVIII, cap. 29. Migne 325.
[16]) Zonaras. Lib. XVIII, cap. 24. Migne, p. 309. Само собою понятно, Анна объ этомъ совершенно молчитъ.

впечатлѣніе то издѣвательство, которое учинялось надъ нѣкоторыми лицами, виновными въ одномъ заговорѣ противъ Алексѣя, издѣвательствѣ, конечно, по волѣ этого послѣдняго. Такъ какъ заговоръ былъ своевременно открытъ, то виновные, Михаилъ Анема и другія лица, подвергнуты были не тяжкимъ наказаніямъ, но въ числѣ этихъ наказаній было и такое: преступникамъ острижены были волоса на головѣ и бородѣ, но острижены были какимъ-то мерзостнымъ инструментомъ, называвшимся «дропакъ»[17]). Изъ этихъ фактовъ видно, что нравственныя достоинства Алексѣя нельзя такъ ставить высоко, какъ это дѣлаетъ историкъ Анна Комнина.

Что касается религіозности Алексѣя, то сомнительно, чтобъ она была вполнѣ искренна и истекала отъ чистаго сердца. Нужно сказать, что Зонара, который ясно указываетъ нравственныя достоинства Алексѣя, почему то ничего не говоритъ о благочестіи императора. Едвали это простая случайность. Во всякомъ случаѣ его религіозность едвали не носила хотя въ нѣкоторой степени той особенности, которая отличала дѣятельность этого императора, особенности, состоявшей въ хитрости и тонкомъ расчетѣ; благодаря этой чертѣ характера, императоръ весьма нерѣдко являлся не тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Замѣчательно, когда Алексѣй былъ на смертномъ одрѣ, Ирина, жена его, не смотря на торжественность и знаменательность минуты, обманувшаяся относительно престолонаслѣдія, не могла воздержаться, чтобы не воскликнуть, обращаясь къ умирающему: «мужъ, ты и при жизни отличался все-

---

[17]) Zonaras. Annal. Lib. XVIII, cap. 24, p. 308. Объ этомъ «дропакѣ» здѣсь-же замѣчено, что это инструментъ, которымъ mulieres apud Turcos pudentorum pilos evellunt.

возможнымъ коварствомъ, любя говорить не то, что думалъ, и теперь, разставаясь съ жизнью, не измѣняешь тому, что любилъ прежде». Историкъ, передающій намъ эти слова Ирины, съ своей стороны не считаетъ нужнымъ молчать, что онъ почитаетъ Алексѣя «человѣкомъ, какъ нельзя болѣе, скрытнымъ», т.-е. такимъ, у котораго поступки не находились въ соотвѣтствіи съ внутренними расположеніями. Стòитъ еще замѣтить, что вышеприведенныя слова императрица Ирина говорила вслѣдъ затѣмъ, какъ увидала, что Алексѣй «поднялъ руки къ небу»[18]) въ знакъ благодарности за то, что ему удалось-таки обмануть надежды своей жены, не смотря на свои обѣщанія исполнить желанія этой послѣдней. Положимъ, разрушая надежды жены, Алексѣй поступалъ на этотъ разъ правильно; но всеже весьма странно встрѣчать одновременно—нарушеніе обѣщаній, обманъ и молитву.

Не смотря на нѣкоторыя ограниченія, Алексѣя по его религіозно-нравственному характеру нужно относить не къ худшимъ, а къ лучшимъ государямъ Византійскимъ изучаемаго періода.

Считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ Иринѣ, супругѣ Алексѣя. Историкъ Анна восхваляетъ добродѣтели и благочестіе Ирины, своей матери[19]). Нѣтъ основаній отрицать показанія историка. Ирина, дѣйствительно, во многихъ отношеніяхъ представляетъ отрадное явленіе. Между другими ея дѣлами благочестія, видное мѣсто занимаетъ ея заботливость о распространеніи и благоустроеніи женскаго иночества въ Константинополѣ. Такъ она извѣстна

---

[18]) Никиты Хоніата. Исторія царствованія Іоанна Комнина, кн. I, гл. 2. Русск. переводъ.

[19]) См. первую главу этихъ «Очерковъ»,—тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ историкѣ Аннѣ.

учрежденіемъ женскаго монастыря въ Константинополѣ во имя Пресвятой Дѣвы Благодатной. Этотъ монастырь состоялъ подъ личнымъ смотрѣніемъ самой императрицы Ирины. Она составила для монастыря уставъ, имѣвшій цѣлью поставить эту обитель на высотѣ нравственно-религіозной жизни. Уставъ этотъ подробно и тщательно составленъ[20]). Возможно, что онъ начертанъ рукой самой Ирины, женщины очень образованной и начитанной въ богословскихъ сочиненіяхъ.—Но признавая достоинства жизни и поведенія Ирины, въ особенности ея благочестіе, не слѣдуетъ въ то-же время преувеличивать ихъ, какъ это дѣлаетъ пристрастный историкъ Анна. Несомнѣнно, Ирина была горда и надменна, если сравнивать простоту и доступность Алексѣя Комнина съ черезъ чуръ большою приверженностью Ирины къ строгому придворному этикету, стѣснительному для лицъ, окружавшихъ эту царственную особу. Видно, что эта послѣдняя очень любила давать знать, что она царица, и что всѣ должны предъ ней трепетать и чувствовать свое ничтожество[21]). Но еще важнѣе то, что Ирина, любя до страсти свою дочь Анну, ради этой любви готова была преступить законность и справедливость. Она употребляла всѣ старанія къ тому, чтобы мужъ ея Алексѣй призналъ Анну преемницей его власти, обойдя законнаго наслѣдника

---

[20]) Уставъ Ирины извѣстенъ и въ русской литературѣ. Его перевелъ покойный проф. Казанскій, а издалъ проф. Мансветовъ, снабдивъ переводъ примѣчаніями ученаго содержанія. («Типикъ женскаго монастыря Пресвятой Богородицы Благодатной, основаннаго и устроеннаго императрицею Ириною» и проч. См. Труды Моск. археол. общ. за 1878 г.). Это единственный уставъ женскаго монастыря, дошедшій до насъ отъ древности.

[21]) Zonaraе. Annales. Lib. XVIII, cap. 29. Migne p. 325.

Іоанна, своего сына[22]). Такое стремленіе Ирины естественно вносило дисгармонію въ семейныя отношенія царскаго дома и заставляло членовъ семьи становиться другъ къ другу почти во враждебныя отношенія. Конечно, никто не поставитъ такихъ плановъ Ирины и слѣдствій, вытекавшихъ изъ этихъ плановъ,—въ достоинство этой царственной особы. Правда Ирина не достигла своей цѣли: Іоаннъ сдѣлался наслѣдникомъ своего отца; но кто прочтетъ историческія сказанія, повѣствующія объ обстоятельствахъ восшествія Іоанна на престолъ, тотъ сознается, что Ирина не можетъ претендовать на высокое мѣсто въ ряду достойнѣйшихъ императрицъ Византіи. Вообще она была немного лучше своего мужа[23]).

Сынъ и преемникъ Алексѣя Комнина *Іоаннъ Комнинъ* (1118—1143) представляетъ собою одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ примѣровъ высоко-нравственныхъ императоровъ, занимавшихъ Византійскій императорскій тронъ. Нелюбимый почему-то своей матерью Ириной, онъ тѣмъ не менѣе пріобрѣлъ общую любовь народа. Іоаннъ—это былъ императоръ, о которомъ историки не говорятъ ни одного дурного слова[24]). Въ теченіе 25-лѣтняго его царствованія кротость и милосердіе составляли правила государственнаго управленія. Подъ его скипетромъ смертная казнь перестала проявлять свое могущество, какимъ она ознаменовала себя въ прежніе вѣка. За-

---

[22]) Zonarae Annal. Lib. XVIII, cap. 24, 27. Migne p. 310. 319. Никиты Хоніат. Исторія. Царствованіе Іоанна, кн. I, гл. 2.

[23]) Zonarae. Lib. XVIII, cap. 28—9. Migne, p. 322—323.

[24]) Нужно впрочемъ сказать, что царствованіе Іоанна по какой-то причинѣ не было описано ни однимъ современникомъ; всѣ извѣстія о немъ находимъ у позднѣйшихъ Византійскихъ историковъ (Киннама и Никиты).

мѣчательные примѣры кротости и милосердія императоръ показалъ при слѣдующихъ случаяхъ. Сестра его, извѣстная Анна Комнина не хотѣла примириться съ совершившимся фактомъ, восшествіемъ Іоанна на престолъ; она не хотѣла примириться съ тѣмъ, что императорскій тронъ, на который она разсчитывала, благодаря содѣйствію въ этомъ отношеніи матери,— занятъ другимъ. Спустя около года послѣ вступленія Іоанна на престолъ она сдѣлала попытку путемъ революціи отнять царскій престолъ у своего брата. И это дѣлаетъ Анна, та самая Анна, которая въ извѣстномъ историческомъ трудѣ повсюду проявляетъ такую скромность и женственность! Но планы ея не осуществились, кажется, благодаря совѣстливости ея мужа, о которомъ она по этому случаю съ непристойной ироніей («въ самыхъ срамныхъ выраженіяхъ») отзывалась, что природа по ошибкѣ перемѣшала полы людей и Вріеннію дала вмѣсто мужской душу женскую. По Византійскимъ обычаямъ Анну слѣдовало казнить, а ея имущество конфисковать. Но императоръ Іоаннъ милостиво рѣшаетъ сохранить ея жизнь и только присуждаетъ конфисковать ея имущество. Но и это послѣднее распоряженіе не было приведено въ исполненіе: по ходатайству приближеннаго къ нему человѣка (Аксуха) Іоаннъ отмѣнилъ свое приказаніе[25]) и ограничивается въ отношеніи къ виновной упреками и порицаніями. Съ такою-же безпримѣрною снисходительностію относится Іоаннъ и къ брату своему Исааку, позволившему поступокъ, очень похожій на поступокъ Анны. Поссорившись изъ-за какихъ-то пустяковъ съ своимъ братомъ, Исаакъ удалился за предѣлы государства, тамъ перебывалъ у различныхъ

---

[25]) Никиты Хон. Царствованіе Іоанна, гл. 3.

пародовъ съ цѣлью найти себѣ союзниковъ, которые помогли-бы ему отнять престолъ у брата. Но поиски Исаака оказались безплодны. Онъ съ повинной головой возвратился къ царю въ Византію. Какъ-же царь принялъ преступнаго брата? Вмѣсто всякихъ наказаній, «онъ обласкалъ его и сердечно обнялъ; онъ не скрывалъ и въ душѣ никакой тайной непріязни къ Исааку; онъ не больше радовался о побѣдѣ, чѣмъ о возвращеніи брата»[26]). Никита Хоніатъ дѣлаетъ слѣдующую характеристику Императора Іоанна въ нравственномъ отношеніи. «Это былъ человѣкъ, который и царствомъ управлялъ превосходно и жилъ богоугодно», онъ былъ далекъ отъ распущенности, воздерженъ, щедрость была чертой его характера. По замѣчанію того-же историка, Іоаннъ являлся врагомъ безумной роскоши, которая почти всегда господствовала при Византійскомъ дворѣ, и служилъ прекраснымъ образцемъ простоты жизни для всей Византіи. Никита такъ говоритъ: «какъ убійственную заразу, онъ изгналъ изъ царскаго дворца празднословіе (лесть?) и чрезмѣрную роскошь въ одеждѣ и столѣ; и желая, чтобы всѣ домашніе подражали ему, онъ не переставалъ упражняться во всѣхъ видахъ воздержанія»[27]). Вообще императоръ Іоаннъ, даже по отзыву Гиббона, столь далекаго отъ всякой лести Византійскимъ императорамъ, въ нравственномъ отношеніи «былъ строгъ къ самому себѣ и снисходителенъ къ другимъ, онъ былъ цѣломудренъ и воздерженъ и даже философъ Маркъ Аврелій не пренебрегъ-бы его безъискусственными доблестями, истекавшими изъ сердца, а не заимствованными отъ школъ. Подъ властью такого монарха невинности

---

[26]) Ibidem, гл. 9.
[27]) Царствованіе Іоанна, гл. 12.

нечего было опасаться, а для личныхъ достоинствъ было открыто самое широкое поприще. Добродѣтели Іоанна были благотворны и ничѣмъ не запятнаны. Это былъ, по сужденію историка, самый лучшій и самый великій изъ Комниновъ»[28]).—Съ другой стороны религіозность и набожность Іоанна служатъ предметомъ восхваленія для историковъ. Теплая вѣра, усердная молитва къ Пресвятой Богородицѣ составляли для него укрѣпленіе въ бѣдахъ и услажденіе среди радостей жизни. Такъ если случалась опасность во время войны, «онъ становился, по свидѣтельству Никиты, предъ иконой Богоматери и съ воплемъ и умоляющимъ взоромъ смотря на нее, проливалъ слезы болѣе горячія, чѣмъ потъ воиновъ». Побѣда надъ врагомъ побуждала императора выражать его религіозное чувство въ какихъ-либо видимыхъ для всѣхъ знакахъ благочестія. Такъ, одержавъ однажды побѣду надъ печенѣгами, онъ, по возвращеніи въ Константинополь, учредилъ въ знакъ благодарности Богу особый праздникъ, называвшійся у византійцевъ праздникомъ Печенѣговъ[29]). Или при другомъ случаѣ, одолѣвъ враговъ, царь слѣдующимъ образомъ выразилъ свою благодарность Богу за ниспосланную побѣду, ясно показывая, что религіозность Іоанна далеко оставляла за собою гордость побѣдителя. Византійскіе историки вотъ какъ описываютъ тріумфальный въѣздъ Іоанна въ Византію послѣ побѣды надъ Персами. Когда наступилъ день для торжественнаго шествія, улицы украсились коврами, испещренными золотомъ и пурпуромъ, тутъже развѣвались ткани, на которыхъ художественною рукою вышиты были лики Христа и Святыхъ. Ве-

---

[28]) Гиббона. Исторія. т. V, 366, 381. Русск. перев.
[29]) Никиты. Царств. Іоанна. гл. 4—5.

ликолѣпная тріумфальная колесница, которую везли лошади шерстью бѣлѣе снѣга, назначалась для царя. Но царь, не желая показаться гордымъ побѣдителемъ, не сѣлъ на нее, а помѣстилъ на нее икону Богородицы, такъ какъ эта икона сопровождала его въ походахъ. Приказавъ первѣйшимъ вельможамъ вести подъ узду коней и поручивъ своимъ близкимъ роднымъ надзоръ за колесницей, онъ самъ пошелъ впереди, неся крестъ. А придя въ Софійскій храмъ, онъ предъ лицемъ всего народа воздалъ благодареніе Богу. Какъ ни привыкли Византійцы къ религіознымъ церемоніямъ, но все же это соединеніе пышности съ царской благочестивой скромностью вызвало такое удивленіе, что о немъ считаетъ нужнымъ замѣтить одинъ изъ историковъ[30]). Историкъ Никита Хоніатъ, принимая во вниманіе высокія достоинства Іоанна, признаетъ его идеаломъ царей Византійскихъ. Онъ говоритъ: «Іоанна и до сихъ поръ (начал. XIII в.) всѣ прославляютъ хвалами и считаютъ такъ сказать, вѣнцомъ всѣхъ царей, возсѣдавшихъ на Византійскомъ престолѣ изъ рода Комниновъ. Но и по отношенію ко многимъ изъ древнихъ и лучшихъ императоровъ можно сказать, что онъ съ одними изъ нихъ сравнялся, а другихъ даже превзошелъ»[31]). Этотъ лестный отзывъ тѣмъ замѣчательнѣе, что Никита строго судитъ другихъ императоровъ XII вѣка.—Жена императора Іоанна, по сказанію другаго историка Киннама, представляла собою тоже образецъ высоко-нравственной жизни. Родомъ иностранка (она дочь венгерскаго короля) Ирина, по его словамъ, была государыней, отличав-

---

[30]) Киннамъ. Царствов. Іоанна и Мануила, кн. 1, гл. 5. Никиты, гл. 5.

[31]) Царств. Іоанна, гл. 12 (кон.).

шеюся предъ всѣми другими скромностью и исполненною добродѣтели. Все, что ни получала отъ царя-супруга и изъ государственной казны, она не сберегала подобно скупцу, но и не тратила на наряды и роскошь, но въ теченіе всей своей жизни оказывала благодѣянія каждому, кто просилъ ея помощи. Она построила въ Византіи во имя Вседержителя монастырь, который, по увѣренію историка, былъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчателенъ[32]).

Остается жалѣть, что такія глубоко-религіозныя и высоконравственныя личности, какъ императоръ Іоаннъ и его супруга Ирина, были явленіями весьма не частыми на императорскомъ Византійскомъ тронѣ. Уже наслѣдникъ Іоанна, сынъ его *Мануилъ Комнинъ* (1143—1180 г.), былъ человѣкомъ другого характера и направленія. Народъ Византійскій, восхищаясь статностью и красотою новаго императора, въ простотѣ души воображалъ, что съ силами юности будетъ соединяться у новаго властителя и мудрость старости [33]). Но это была жестокая ошибка. Онъ наслѣдовалъ отъ отца военные таланты, но общественныя добродѣтели Іоаннъ какъ будто унесъ съ собою въ гробъ. Большую часть своего 37-лѣтняго царствованія Мануилъ проводитъ въ безконечныхъ войнахъ, а въ Византію является, казалось, только для того, чтобы сорить деньгами, предаваться роскоши и разврату. Онъ окружилъ себя иностранцами, которые обирали его — сколько хотѣли; назначивъ управлять финансовою частью государства людей строгихъ и бережливыхъ, Мануилъ однакоже въ тщетномъ стремленіи прославиться щедростью, по словамъ историка (Никиты)

---

[32]) Киннам., кн. I, гл. 4.

[33]) Никиты Хоніат. Исторія. Царствованіе Мануила, кн. I, гл. 1.

«безъ всякой мѣры раздавалъ и расточалъ скопленное. Его пышность и роскошь, какъ бездна, поглощали государственные доходы». Онъ находился въ позорной и открытой связи съ своею родною племянницею, съ которой пировалъ и веселился на прекрасныхъ островахъ Пропонтиды. Эта страсть императора ложилась тяжкимъ бременемъ на государство. По словамъ историка, «сынъ, родившійся царю отъ Ѳеодоры, (такъ звали его племянницу), а потомъ и другія дѣти переводили на себя цѣлыя моря денегъ»[34]). Мануилъ представляетъ собою первый ясный образецъ изъ описываемаго нами времени—образецъ той смѣси хорошихъ и дурныхъ качествъ, о которой мы замѣчали, какъ о характеристической чертѣ Византійскихъ императоровъ отъ XII до полов. XV вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, онъ является чистымъ аскетомъ во время военныхъ походовъ, спитъ на палящемъ солнцѣ, на снѣгу, терпѣливо и спокойно переноситъ всѣ неудобства походной жизни — и даже умышленно лишаетъ себя всѣхъ удобствъ. Напротивъ, среди мира, въ Византіи онъ можетъ жить лишь въ роскоши, утопаетъ въ сладострастныхъ оргіяхъ[35]). Въ религіозномъ отношеніи онъ представляетъ ту же смѣсь добра и зла. Мануилъ глубоко привязанъ къ вѣрѣ и церкви, онъ смиренно преклоняетъ свою буйную голову предъ святостью церкви, но это не мѣшаетъ ему въ то же время быть жалкимъ, но убѣжденнымъ суевѣромъ. Въ качествѣ факта, доказывающаго благочестіе Мануила, историкъ Киннамъ описываетъ поведеніе императора при перенесеніи въ Византію одной, впрочемъ весьма подозрительной, священной реликвіи. Этотъ историкъ разсказываетъ: «Мануилъ съ большимъ тор-

---

[34]) Ibidem кн. VII, гл. 2.
[35]) Ibidem, гл. 3.

жествомъ перенесъ въ Византію священный, издавна лежавшій въ Ефесѣ камень и присоединилъ его къ другимъ священнымъ памятникамъ столицы. Что это былъ за камень, говоритъ историкъ, открывается изъ слѣдующаго разсказа. Когда Христосъ умеръ и положенъ былъ на камень, то Богородица, припавъ къ нему, горько плакала. Эти слезы, упавъ тогда на камень, остаются и донынѣ неизгладимы. Взявъ этотъ камень, Марія Магдалина плыла на немъ прямо въ Римъ, чтобы явившись предъ лицемъ императора Тиверія обвинить предъ нимъ Пилата и Іудеевъ—убійцъ Христа. Но какимъ-то образомъ занесенная въ Ефесскую гавань, она оставила камень здѣсь. Съ того времени до настоящаго камень оставался въ Ефесѣ. Этотъ-то камень перенесенъ былъ теперь съ свѣтлымъ торжествомъ. Въ торжественной процессіи участвовалъ весь сенатъ, все духовенство и монашество столицы; участвовалъ и царь Мануилъ. «Мануилъ, отмѣчаетъ съ особеннымъ удареніемъ историкъ,—даже поддерживалъ камень своимъ плечемъ», а по другому сказанію: «царь возложилъ камень себѣ на хребетъ», «ибо въ подобныхъ случаяхъ—продолжаетъ Киннамъ, Мануилъ смирялся болѣе, чѣмъ сколько нужно, и къ такимъ предметамъ обыкновенно приступалъ *съ уничиженіемъ*[36]). Но повидимому преданный христіанской религіи, Мануилъ въ то же время является человѣкомъ, насквозь пропитаннымъ суевѣріями. Онъ вопрошаетъ у гадателей, сколь долго продолжится рядъ царей изъ фамиліи Комниновъ; получаетъ отвѣтъ, что греческое слово: ἅμα опредѣляетъ продолжительность царствованія его фамиліи; отсюда онъ заключаетъ, что послѣ того, какъ царствовали уже Ком-

---

[36]) Киннамъ. Кн. VI, гл. 8. Слич. Никиты. Царствов. Мануила, кн. VII, гл. 7.

нины съ именами, начинающимися «съ буквъ: α (альфа)—Алексѣй, ι (йота)—Іоаннъ, и буквы μ (ми)—онъ самъ Мануилъ; еще остается царствовать одному съ именемъ, имѣющимъ начальную букву: α (альфа); безпокоится, кто это будетъ царствовать послѣ него, такъ какъ у него сначала не было дѣтей мужскаго пола; недовѣрчиво смотритъ на родственниковъ съ именами, начинающимися этой подозрительной буквой: альфа; называетъ потомъ сына своего Алексѣемъ, чтобы въ исполненіе предреченія именно его сынъ—Алексѣй съ начальною буквою: Альфа въ имени, царствовалъ послѣ него; совѣтуется со звѣздочетами, во время беременности своей жены [37]) и т. д.—Подъ конецъ жизни Мануилъ принимаетъ монашество, но почему? не потому, что хотѣлъ подвигами благочестія загладить пороки своей жизни, а единственно потому, что постигшая его болѣзнь смертельна. Съ какою неожиданностію умирающій Мануилъ захотѣлъ облечься въ иноческій чинъ, это видно изъ того, что во дворцѣ не оказалось монашеской одежды, пригодной для этого случая, почему на Мануила надѣли гдѣ то въ торопяхъ найденную ветхую и короткую мантію, которая едва достигала до колѣнъ новопосвященнаго инока [38]).

Послѣдній императоръ изъ фамиліи Комниновъ, занимавшій царскій престолъ въ Византіи во второй половинѣ XII вѣка, въ нравственномъ отношеніи былъ не въ примѣръ хуже Мануила. Въ немъ замѣчается уже рѣшительный перевѣсъ зла и безнравственности надъ лучшими качествами души. Таковъ былъ двоюродный братъ Мануила *Андроникъ Комнинъ*, занимавшій краткое время (1183—1185 г.) Византійскій

---

[37]) Никиты, царствов. Мануила, кн. IV, гл. 6, стр. 186; кн. V, гл. 7, стр. 217.

[38]) Никиты. Ibid. Кн. VII, гл. 7.

императорскій тронъ. Молодость Андроника—это была какая-то эпопея распутства. Преступныя связи съ женщинами то завязывались, то прерывались, словомъ, мѣнялись, какъ одежды. Свои подвиги по этой части онъ началъ кровосмѣшеніемъ съ своей двоюродной племянницей Евдокіею [39]). Когда его упрекали за подобную связь, онъ преспокойно оправдывался тѣмъ, что весь его родъ таковъ; онъ говорилъ, что люди одной и той-же породы всегда какъ то бываютъ похожи одни на другихъ и что онъ лишь подражаетъ своимъ роднымъ (ироническій намекъ на тогдашняго императора Мануила) [40]). Въ видахъ любовныхъ похожденій, Андроникъ предпринимаетъ путешествіе въ Антіохію, такъ какъ онъ наслышался о существованіи тамъ необыкновенной красавицы, по имени Филиппы [41]). Съ цѣлью плѣнить эту красавицу, онъ съ увлеченіемъ отдается роскоши, доходитъ до крайней изысканности въ нарядахъ, съ помпою ходитъ по улицамъ, окруженный тѣлохранителями съ серебряными луками, словомъ, по замѣчанію Никиты, онъ вполнѣ «посвящаетъ себя служенію Афродиты». Этимъ онъ старался, по выраженію того-же историка, плѣнить ту, которая его плѣнила,—въ чемъ онъ и успѣлъ [42]). Продолжая рисовать нравственно—распущенный образъ Андроника,—Никита слѣдующими чертами описываетъ его дальнѣйшія похожденія. «Изъ Антіохіи Андроникъ отправляется въ Іерусалимъ, вспоминая, какъ кошка о мясѣ, о прежнихъ своихъ побѣдахъ и занимается новыми продѣлками. А такъ какъ онъ не

---

[39]) Евдокія была сестрой той Ѳеодоры, которая пользовалась фаверомъ Мануила.

[40]) Никит. Царствов. Мануила, кн. III, гл. 2.

[41]) Филиппа—сестра императрицы Маріи, второй жены Мануила—и дочь латинскаго принца Раймунда.

[42]) Никиты, Царствов. Мануила, кн. IV, гл. 5.

привыкъ стѣсняться въ жизни, и до безумія любя женщинъ, безъ разбора, какъ конь, удовлетворялъ своей похоти, то и здѣсь вступаетъ въ преступную любовную связь съ Θеодорой»[43]), а эта Θеодора была дочь его двоюроднаго брата[44]).—И этому-то жуиру судьба предназначила сдѣлаться императоромъ Византіи. Его царствованіе было истиннымъ несчастіемъ для имперіи. Сначала онъ приближается къ престолу въ качествѣ опекуна малолѣтняго императора Алексѣя, сына Мануилова (1180—1183 г.), и затѣмъ преступленіями пролагаетъ себѣ путь къ престолу. Андроникъ вкрался въ довѣріе неразсудительнаго Византійскаго народа, и вмѣстѣ съ этимъ довѣріемъ похитилъ царскую корону. Одною изъ первыхъ жертвъ жестокости Андроника была императрица Марія, жена Мануила, и тиранъ былъ настолько изобрѣтателенъ, что мучилъ несчастную женщину предъ смертію и заставилъ сына ея, малолѣтка Алексѣя, подписать смертный приговоръ матери[45]). За нею слѣдовала очередь ея безпомощнаго сына, не смотря на то, что Андроникъ торжественно клялся, что будетъ заботиться о благѣ малолѣтняго императора. Несчастнаго юношу задушили тетивой ночью, и Андроникъ съ презрѣніемъ попирая ногами трупъ, приказалъ отрубить у него голову, представить ее себѣ и отмѣтивъ императорскою печатью, велѣлъ бросить голову въ одно, а трупъ въ другое мѣсто[46]). Съ юной женой Алексѣя, съ которой этотъ послѣдній вступилъ въ бракъ лишь фиктивно,—малолѣтокъ не могъ быть дѣйствительнымъ мужемъ,—съ этой особой Андроникъ, пре-

---

[43]) Никиты. Царствов. Мануила. Ibidem.

[44]) Θеодора — правнука императора Алексѣя Комнина и вдова Іерусалимскаго короля Балдуина.

[45]) Никиты. Царствов. Алексѣя II, Комнина, гл. 17.

[46]) Ibidem, гл. 18.

старѣлый, сгорбившійся, износившійся и хилый, не постыдился насильственно вступить въ бракъ [47]). Но странный этотъ бракъ, конечно, не уцѣломудрилъ безпутнаго Андроника. Съ утвержденіемъ на Византійскомъ престолѣ, онъ даетъ полный просторъ своимъ страстямъ. Историкъ Никита пишетъ: «часто оставлялъ онъ столицу и съ толпою блудницъ и наложницъ проводилъ время въ уединенныхъ мѣстахъ, гдѣ воздухъ благорастворенѣе; любилъ выбирать въ этомъ случаѣ поэтическія природныя пещеры въ горахъ и прохладныя рощи и водилъ съ собою любовницъ, какъ пѣтухъ куръ или козелъ козъ на пастбищѣ. Лишь своимъ придворнымъ, и то немногимъ, онъ показывался, а пѣвицамъ и блудницамъ у него всегда былъ открытый доступъ: ихъ онъ принималъ во всякое время. Нѣгу и роскошь онъ любилъ, продолжаетъ историкъ, подобно Сарданапалу, написавшему на своей могилѣ: я имѣю только то, что я ѣлъ и студодѣйствовалъ. Словомъ, говоритъ историкъ, онъ остался Епикурейцемъ, человѣкомъ крайне развратнымъ и до неистовства преданнымъ сладострастію» [48]). Къ тому, что нами сказано, присоединялись и многія другія весьма невыгодныя черты, характеризующія Андроника. Для него ничего не стоило держать себя самымъ униженнымъ образомъ, если ему нужно было достигнуть какого либо благопріятнаго результата: тогда, по выраженію историка, онъ «ласкался какъ собака» [49]).

---

[47]) Никиты. Царствованіе Андроника, кн. I, гл. 1.

[48]) Никиты Хон. Царствов. Андроника Комнина, кн. II, гл. 2. Замѣчательно, что Андроникъ дѣлалъ нѣкоторыхъ благородныхъ Византіянокъ своими любовницами противъ ихъ воли и потомъ противъ же ихъ воли постригалъ въ монахини, не смотря на то, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣли мужей. Толкованіе Вальсамона на 3 пр. Анкирскаго собора. См. русское изданіе правилъ съ толкованіями. Стр. 911—912.

[49]) Никиты. Царствов. Алексѣя II, гл. 12.

Онъ умѣлъ такъ жалобно заплакать при случаѣ, что своимъ искусствомъ притворяться могъ ввести въ заблужденіе и не простодушныхъ людей [50]). Но рядомъ съ этимъ онъ являлся неумолимо жестокъ, когда онъ зналъ, что его жестокость легко сойдетъ ему съ рукъ. Казни и ссылки — составляли главный предметъ его царскихъ распоряжеій. Вскорѣ по вступленіи его въ управленіе государственными дѣлами, «одни изъ людей знатныхъ, по словамъ историка, были изгнаны изъ дома и отечества и разлучены со всѣмъ дорогимъ сердцу; другіе заключены были въ темницы и желѣзныя оковы, иные лишены зрѣнія—и всегда безо всякой явной вины» [51]). Самые усерднѣйшіе его слуги не могли быть увѣрены ни на часъ въ своей безопасности. «Кому вчера подносилъ онъ кусокъ хлѣба, замѣчаетъ Никита, кого поилъ благовоннымъ, цѣльнымъ виномъ, съ тѣмъ сегодня поступалъ злѣйшимъ образомъ» [52]). Убійства смѣняли убійства; его тираннія простиралась рѣшительно на всѣхъ. «День, пишетъ историкъ, когда онъ возвращался въ Византію отъ своихъ безумныхъ оргій на островахъ Пропонтиды, былъ самымъ несчастнымъ днемъ. Казалось, ни съ чѣмъ другимъ возвращался онъ, какъ только съ тѣмъ, чтобы губить и рѣзать людей, которыхъ подозрѣвалъ въ злоумышленіи противъ себя. Будучи до глубины души проникнутъ жестокостью, этотъ человѣкъ считалъ погибшимъ тотъ день, когда онъ не ослѣпилъ кого-либо. Не было пощады даже и слабому полу» [53]). Византійскій народъ, преимущественно высшихъ классовъ, вышелъ наконецъ изъ терпѣнія — и

---

[50]) Ibidem, гл. 13.
[51]) Ibidem, гл. 14.
[52]) Ibidem.
[53]) Никиты, Царствован. Андроника, кн. II гл. 2.

Андроникъ сдѣлался жертвою народнаго бунта [54]).— Но даже въ Андроникѣ, этомъ потерянномъ человѣкѣ, можно наблюдать характеристическую черту другихъ императоровъ Византійскихъ — присутствіе въ немъ добраго элемента рядомъ со зломъ. Объ Андроникѣ разсказываютъ, что онъ обыкновенно зачитывался посланіями ап. Павла, любилъ испещрять свои письма изреченіями великаго апостола—и не щадилъ драгоцѣннаго металла на украшеніе его иконъ. По выраженію Никиты Хоніата, Андроникъ походилъ на сфинкса: «будучи отчасти звѣремъ, украшеннымъ всеже лицемъ человѣческимъ, не совсѣмъ пересталъ онъ быть человѣкомъ» [55]) и, прибавимъ, даже христіаниномъ.

Не лучше послѣднихъ Комниновъ, а много хуже были въ нравственномъ отношеніи немногіе представители новой династіи Ангеловъ, занимавшіе Византійскій престолъ въ концѣ XII и въ самомъ началѣ XIII вѣка. Это были люди порока и чувственныхъ утѣхъ. Укажемъ на нѣкоторыхъ императоровъ изъ фамиліи

---

[54]) Повидимому злодѣянія Андроника не даютъ мѣста для благопріятныхъ сужденій о немъ. Не такъ однакоже на самомъ дѣлѣ. Если Гиббонъ называетъ Андроника «чудовищемъ» и «Нерономъ» (т. V, стр. 378; т. VI, 569), то Фалльмерайэръ (Oster. Anna I, 2) серьезно сравниваетъ Андроника съ Карломъ Великимъ и Петромъ Вел. и называетъ его величайшимъ между Византійскими императорами. Главную его заслугу видятъ въ томъ, что онъ хотѣлъ сокрушить испорченный классъ аристократовъ; дѣйствительно Андроникъ стремился къ этому (Никиты. Царствов. Алексѣя II, гл. 14. Eustathii Narratio de Tessalonica urbe a Normannis capta, cap. 33, 36). Но справедливо можно возражать, что средство спасенія государства было столь же опасно, какъ и то зло, какое хотѣли искоренить (Oster. Ibid.). Впрочемъ вопросъ о цѣляхъ безчисленныхъ убійствъ, совершенныхъ Андроникомъ, не принадлежитъ къ области церковной исторіи.

[55]) Никиты. Царствов. Андроника кн. II, гл. 13.

Ангеловъ. *Исаакъ Ангелъ* (1185—1195 г.) все время проводилъ въ пиршествахъ. По мѣткому выраженію Никиты, «всѣ мысли свои онъ погружалъ въ опоражняемыя блюда»[56]). Самыми обычными гостями за Соломоновскими, какъ называетъ ихъ историкъ, обѣдами Исаака были нѣкоторые испорченные монахи константинопольскіе; это были люди, по словамъ Никиты, «въ насмѣшку надъ собой принявшіе иноческій образъ, гонявшіеся только за царскими обѣдами, поглощавшіе, какъ и самъ Исаакъ, разнаго рода самую свѣжую, самую жирную рыбу и попивавшіе самое цѣльное, старинное, душистое вино»[57]). Эти пиршества называли «Соломоновскими», потому что они «представляли цѣлыя горы хлѣбовъ, царство звѣрей (по множеству мясныхъ снѣдей), море рыбъ и океанъ вина»[58]). Иногда эти пиры сопровождались самыми дикими, варварскими развлеченіями. Когда «однажды пошла, по остроумному выраженію историка, самая жаркая осада блюдъ во дворцѣ, Исаакъ въ видѣ веселаго эпизода или въ видѣ дессерта приказалъ подать голову одного убитаго возмутителя Враны; ее принесли съ искаженнымъ ртомъ, съ закрывшимися глазами, бросили на полъ и какъ мячъ начали дротиками перекидывать изъ стороны въ сторону въ разныхъ направленіяхъ»[59]). Другія пріят-

---

[56]) Царствов. Исаака Ангела. кн. I, гл. 7 (историкъ цитируетъ слова человѣка, близкаго къ Исааку).

[57]) Царствов. Исаака вмѣстѣ съ сыномъ его Алексѣемъ гл. 3.

[58]) Никиты. Царствов. Исаака Ангела, кн. III, гл. 6. Роскошь Исаака Гиббонъ описываетъ въ такихъ чертахъ: «его пиршества превосходили все, что когда либо придумывала царская роскошь: число его евнуховъ и служителей доходило до двадцати тысячъ, а на содержаніе двора и столъ онъ тратилъ ежедневно по 40.000 р., что составляло ежегодный расходъ въ 40,000,000 руб.» Т. VI, 569.

[59]) Никиты. Царствов. Исаака, кн. I, гл. 9.

ныя занятія царствующаго Исаака состояли въ слѣдующемъ: «онъ увѣшивался разными одеждами какъ корабль съ галантерейными товарами; завивался. Наряжаясь подобно павлину, онъ не позволялъ себѣ надѣвать одного и того же платья дважды. Любя забавы и услаждаясь пѣснями нѣжной музы, царь наполнилъ дворецъ шутами и карликами, раскрывалъ широко двери для всякихъ комендіантовъ и скомороховъ». Все это сопровождалось пьянствомъ и наглымъ сладострастіемъ[60]).—Какъ ни странно это, Исаакъ, при всей своей нравственной распущенности, показывалъ себя человѣкомъ религіознымъ и другомъ страждущихъ и неимущихъ. Въ отношеніи къ церквамъ и монастырямъ онъ отличался замѣчательною щедростію. Одни изъ нихъ онъ украшалъ, другіе поправлялъ. Онъ сдѣлалъ множество драгоцѣнныхъ окладовъ на иконы. Одинъ обширный домъ Исаакъ обратилъ въ страннопріимницу, устроивши въ ней столъ на сто человѣкъ, равное число кроватей и столько-же стойлъ для лошадей; такъ что останавливающіеся здѣсь бѣдняки-путешественники могли жить въ убѣжищѣ безо всякой платы нѣсколько дней. Одинъ дворецъ Исаакъ также обратилъ въ больницу и устроилъ отличную богадѣльню. Когда пожаръ истребилъ сѣверную часть Константинополя, онъ приказалъ раздавать деньги для облегченія пострадавшихъ. Въ страстную недѣлю онъ разсыпалъ подарки бѣднымъ вдовамъ, неимущимъ невѣстамъ[61]). Но рядомъ съ такими обнаруженіями благочестія и милосердія—въ исторіи царствованія Исаака встрѣчаемъ и грабежи церковныхъ сокровищъ. Такіе кон-

---

[60]) Никиты. Царствов. Исаака Ангела, кн. III, гл. 6. Здѣсь же передается одна изъ тѣхъ циническихъ шуточекъ, какими забавлялись Исаакъ и гости за вкуснымъ обѣдомъ.

[61]) Никиты. Царствов. Исаака Ангела, кн. III, гл. 7.

трасты могли существовать, кажется, только у Византійскихъ императоровъ, которыми благочестіе понималось въ чисто-формальномъ смыслѣ. Историкъ Никита передаетъ, что Исаакъ отбиралъ у церквей священные сосуды и давалъ имъ житейское употребленіе. Вмѣсто бражныхъ кубковъ, у него за столомъ служили драгоцѣнныя чашеобразныя издѣлія, какія висѣли надъ царскими гробницами; священническія умывальницы превращались въ его рукомойники; снимая съ крестовъ и Евангелія дорогіе оклады, онъ дѣлалъ изъ нихъ ожерелья и цѣпи. Когда же кто-либо замѣчалъ императору, что это святотатство, то Исаакъ отвѣчалъ, что онъ дѣлаетъ тоже, что дѣлалъ и Константинъ, который гвозди Христовы вдѣлалъ въ узду своего коня и шлемъ [62]). Съ его фальшивымъ благочестіемъ мирно уживалось суевѣріе самаго нисшаго сорта. Въ одномъ изъ городовъ по сѣверо-западному берегу Мраморнаго моря проживалъ нѣкій полоумный шарлатанъ, по имени Васильюшка; онъ слылъ предвѣщателемъ будущаго; въ хижинѣ его всегда толпилось много празднаго народа, въ особенности изъ низшихъ классовъ: пастуховъ, крестьянъ, матросовъ; его пророчества были запутанной, обрывочной болтовней; иногда этотъ гадатель позволялъ себѣ дикія и неприличныя выходки—въ особенности въ обраніи съ женщинами. И тѣмъ не менѣе, когда Исаакъ былъ въ городѣ, гдѣ жилъ этотъ Васильюшка, онъ не преминулъ посѣтить этого, какъ онъ называлъ его, отца Василія. Предвѣщатель будущихъ судебъ ничего толковаго не напророчилъ императору, а ограничился тѣмъ, что обезобразилъ палкой портретъ императора, нарисованный у него на стѣнѣ.

---

[62]) Ibidem.

Присутствовавшіе истолковали это впрочемъ какъ дурное предзнаменованіе для императора[63]).—Вторымъ императоромъ Византійскимъ изъ дома Ангеловъ былъ братъ Исаака—*Алексѣй III* (1195—1203 г.). Онъ не можетъ быть причисленъ къ хорошимъ государямъ. Безграничная расточительность, отличавшая царствованіе Алексѣя Ангела, приводитъ къ истощенію государственнаго казначейства. Очутясь въ безденежьѣ, онъ хочетъ отобрать у церквей всѣ драгоцѣнные священные сосуды, за исключеніемъ потировъ. Но онъ встрѣтилъ сопротивленіе и ограничился разграбленіемъ царскихъ гробницъ[64]). Историкъ Никита отдаетъ честь этому жалкому императору по крайней мѣрѣ за то, что «онъ не выкалывалъ глазъ, не отрѣзывалъ ни рукъ, ни ногъ, какъ грозды съ винограда, не былъ мясникомъ по отношенію къ подданнымъ»[65]). Значитъ и это уже считалось современниками большимъ благодѣяніемъ судьбы. Жена этого императора Евфросинія съ ея любовными похожденіями была предметомъ неистощимыхъ разсказовъ, восполнявшихъ собою и безъ того богатую скандальную хронику Византіи[66]).

Въ началѣ XIII вѣка Константинополь подпалъ подъ власть латинянъ крестоносцевъ. Императорскій Византійскій тронъ перенесенъ былъ въ Никею. Это несчастіе образумило, шедшихъ по пути нечестія, Византійскихъ государей. Громъ ударилъ, Византійцы встрепенулись. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ Византійскихъ императоровъ въ Никеѣ показали себя образцами нравственности и религіозности. Такимъ

---

[63]) Ibidem. Гл. 8.

[64]) Никиты. Царствованіе Алексѣя, брата Исаака, кн. I, гл. 8.

[65]) Ibidem, кн. III, гл. 10.

[66]) Никиты, ibidem, кн. I, 3; кн. II, гл. 2.

былъ въ особенности императоръ *Іоаннъ Ватаца* (1222—1255) [67]). Вмѣсто безумной расточительности, отличавшей многихъ императоровъ Византійскихъ XII вѣка, онъ показываетъ собою примѣръ чисто-сельской жизни. Оно заводитъ у себя хлѣбопашество, разводитъ коровъ, овецъ, лошадей, занимается продажей естественныхъ произведеній своего хозяйства. Невиданная идиллическая простота нравовъ господствуетъ во дворцѣ императора. Всѣ родственники Іоанна и его вельможи слѣдуютъ примѣру царя. Роскошь изгнана была какъ изъ дворца царскаго, такъ и изъ домовъ вельможъ. Императоръ запретилъ покупку дорогихъ иностранныхъ тканей, изготовленныхъ Итальянцами, Вавилонянами и Ассиріянами [68]). Дѣла благотворенія и религіозности заняли въ дѣятельности Іоанна Ватацы первое мѣсто. Онъ заводитъ больницы и богадѣльни, доходъ съ нѣкоторыхъ участковъ земли, принадлежащихъ къ вотчинѣ императора, назначенъ былъ для пропитанія престарѣлыхъ, больныхъ и убогихъ. Тамъ и здѣсь императоръ строилъ храмы въ честь св. креста, Богоматери и Предтечи; снабдилъ ихъ имѣніями и доходами; не оставлялъ безъ своего вниманія и монастыря. Какъ на слабость въ поведеніи Іоанна Ватацы, историкъ Никифоръ Григора, подробно описывающій это царствованіе, указываетъ на случай увле-

---

[67]) Іоаннъ Ватаца (Дука) былъ зятемъ Θеодора Ласкаря перваго императора, правившаго имперіей изъ Никеи.

[68]) Дѣйствительно до нашего времени дошла новелла Іоанна Ватады съ подобнымъ содержаніемъ. Императоръ запрещаетъ употребленіе иностраннаго приготовленія одеждъ — Вавилонскихъ и Ассирійскихъ, подъ опасеніемъ слѣдующей угрозы за неисполненіе приказанія: «сами-же они—не послушные—и ихъ родъ признаются лишенными чести» (ἄτιμος). Zachariae. Ius Graecoromanum. Pars III, p. 574.

ченія царя одной придворной дамой до забвенія своихъ семейныхъ обязанностей; но тотъ же историкъ замѣчаетъ, что Іоаннъ не остался нераскаяннымъ и въ этомъ проступкѣ; онъ, по замѣчанію историка, чувствовалъ укоры отъ совѣсти, какъ отъ иглы, и просилъ у Бога прощенія грѣха [69]).—Съ выгодной стороны историки изображаютъ и другого императора Никейскаго періода сына Іоанна Ватацы—*Θеодора* II (1255—1258 г.). Историкъ Пахимеръ такъ характеризуетъ этого государя: «не было ни дня, ни ночи, ни времени скорбей, ни часовъ радости, ни восхода, ни захода солнечнаго, когда видѣли бы или слышали, что царь не расточаетъ благодѣяній или самъ лично, или располагая къ тому другихъ». Не смотря на то, по замѣчанію историка, онъ однакоже для своихъ вельможъ казался тяжелымъ государемъ, потому что назначалъ людямъ должности и удостоивалъ ихъ почестей, обращая вниманіе не на благородство происхожденія и родственныя связи съ царскимъ домомъ, а на отличныя качества. Кто былъ съ нимъ въ родствѣ, тому, по мнѣнію царя Θеодора, уже очень довольно было и одного этого преимущества. Историкъ, кромѣ того, похваляетъ этого государя за то, что онъ любилъ науки и благодѣтельствовалъ всѣмъ ученымъ [70]).

Но къ концу, если можно такъ выразиться, Никейскаго заточенія Византійскихъ императоровъ, съ перенесеніемъ во второй половинѣ XIII вѣка столицы въ Константинополь, императоры являютъ собою большею частью печальные примѣры нравственной испорченности, нравственнаго разслабленія. *Михаилъ*

---

[69]) Никифора Григоры. Византійская (Римская) исторія, кн. II, гл. 6—7. Русск. перев.

[70]) Пахимера. Исторія о Михаилѣ и Андроникѣ Палеологахъ, кн. I, гл. 13. Русск. перев.

Палеологъ (1261—1282), заставившій латинянъ покинуть Константинополь и занявшій опять тронъ Константина Великаго, далеко не былъ любителемъ добродѣтели. Путемъ преступленія достигаетъ онъ престола. Онъ приказываетъ ослѣпить ввѣреннаго его попеченію малолѣтняго императора Іоанна, сына Ѳеодора Ватацы, и тѣмъ отдѣлывается отъ этого своего соперника дитяти. Это преступленіе тѣмъ менѣе рекомендуетъ нравственный характеръ Михаила-Палеолога, чѣмъ изобрѣтательнѣе оно было. Найдено нужнымъ сдѣлать неспособнымъ къ царствованію Іоанна—и для этого избирается ослѣпленіе его—путемъ медленнаго разрушенія его зрѣнія. «Ему испорчены глаза—пишетъ историкъ Пахимеръ—не раскаленнымъ желѣзомъ вдругъ, а какой-то накаляемой и обращаемой предъ глазами побрякушкой, такъ что зрѣніе дитяти сперва ослабѣвало, а потомъ мало-помалу совершенно погасло». Затѣмъ ослѣпленный вѣнценосецъ былъ заключенъ въ крѣпость подъ стражу. «А тѣ клятвы, замѣчаетъ историкъ, какія давалъ Михаилъ-Палеологъ касательно охраненія жизни Іоанна, были проглочены царемъ, какъ огурецъ». Царственный отрокъ Іоаннъ былъ не единственной жертвой жестокой души Михаила; много потерпѣли отъ него и приверженцы Іоанна. «Однихъ изъ нихъ онъ выгналъ изъ службы, другихъ подвергалъ наказаніямъ» [71]). Особенно много потерпѣлъ риторъ по имени Оловолъ: ему отрѣзываютъ носъ и губы и постригаютъ его въ монахи. Впослѣдствіи Оловолу пришлось перенести еще многія поруганія отъ жестокости тирана. Разгнѣвавшись однажды на Оловола, Михаилъ приказалъ «обвѣшать его овечьими внутренностями со всѣми находящимися въ нихъ нечистота-

---

[71]) Пахимеръ. Ibid. кн. III, гл. 10—11.

ми, приказалъ не переставая бить его по устамъ овечьею печенью и въ такомъ видѣ водить его вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами по улицамъ Византіи» [72]). Михаилъ Палеологъ вообще былъ человѣкомъ, умѣвшимъ чисто-іезуитскимъ способомъ успокоивать свою грѣшную совѣсть. Съ такою священной вещью, какъ клятва, онъ обходился своеобразно. Разскажемъ одинъ случай. Сынъ его Андроникъ, посланный съ войскомъ противъ Сербовъ, склонилъ сербскаго вождя Котаницу сдаться, причемъ далъ клятвенное обѣщаніе, что онъ не потерпитъ отъ царя ничего дурного. Михаилъ Палеологъ однако же задумалъ ослѣпить Котаницу. «Вѣдь не я клялся», разсуждалъ онъ, «а мой сынъ безъ моего соизволенія». Узнавъ о намѣреніи отца, Андроникъ явился къ нему съ ходатайствомъ за несчастнаго Котаницу. Отецъ въ отвѣтъ на ходатайство сына и на приведенный имъ аргументъ, что если Котаница будетъ ослѣпленъ, то чрезъ это онъ, Андроникъ, будетъ клятвопреступникомъ, сталъ ему доказывать, что никакого клятвопреступничества не будетъ, потому что онъ то Андроникъ сохранитъ клятву, а царь, какъ свободный отъ клятвы, данной безъ сношенія съ нимъ, можетъ поступить такъ, какъ того требуетъ безопасность. Къ чести Андроника нужно сказать, что онъ старался принять мѣры къ спасенію Котаницы отъ опасности [73]).—А какъ мало Михаилъ дорожилъ религіозными интересами, это видно изъ того, что онъ употреблялъ всѣ усилія для подчиненія церкви Греческой—Латинской въ такъ назыв. уніи. Таковъ былъ Михаилъ Палеологъ. Но несправедливо было бы думать, что Михаилу чужды были дѣла благочестія.

---

[72]) Пахимеръ. Ibid. кн. V, гл. 20.
[73]) Пахимеръ. Ibidem. кн. VI, гл. 27.

И этотъ государь, подобно многимъ его предшественникамъ, умѣлъ соединять, повидимому, несоединимое—порочность и зыбкость нравственныхъ началъ съ религіозностью. До насъ сохранилась автобіографія Михаила Палеолога, въ которой онъ показываетъ рѣдкую заботливость о благоустройствѣ монастырей. Онъ возобновилъ монастырь св. мученика Димитрія въ Византіи, снабдилъ его неоскудѣвающими доходами, заботливо выработалъ для него нѣчто въ родѣ устава, опредѣлилъ штатъ монастыря, назначилъ ему на вѣчныя времена быть подъ покровительствомъ Византійскихъ государей и т. д. Подобнымъ же образомъ онъ позаботился и о многихъ другихъ монастыряхъ, перечисленныхъ въ его автобіографіи [74]). Михаилъ заботился объ украшеніи и обогащеніи знаменитаго Софійскаго храма [75]) и проч.

Лучше былъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи преемникъ Михаила, сынъ его *Андроникъ* II *Палеологъ* (1282—1328 г.). Какъ правитель имперіи, Андроникъ считается малоспособнымъ государемъ. Но въ этомъ отношеніи нельзя очень строго судить Андроника: запутанныя и тяжелыя обстоятельства времени сдѣлали-бы затруднительнымъ управленіе государствомъ Византійскимъ и для императора болѣе умнаго и искуснаго. Кроткій, любящій науку и просвѣщеніе, желавшій для всѣхъ быть полезнымъ, Андроникъ стоялъ-бы на высотѣ своего призванія, еслибы онъ жилъ и царствовалъ въ болѣе мирныя и покойныя времена, напримѣръ хотя бы въ XII вѣкѣ. Но во всякомъ случаѣ, что касается религіозно-нравственнаго характера этого императора, то

---

[74]) «Автобіографія Михаила Палеолога» въ греческомъ текстѣ и русск. переводѣ. Напечатана съ греческой рукописи въ «Христ. Чтен.» 1885, т. II, см. стр. 560—562, 565—568.

[75]) Пахимеръ, кн. III, гл. 2.

онъ заслуживаетъ уваженія и похвалы. Личныя его добродѣтели не запятнаны ни однимъ историкомъ. Его общественныя добродѣтели тоже рисуютъ образъ Андроника съ лучшихъ сторонъ. Григора говоритъ о преемникѣ Михаила: «на престолѣ возсѣдалъ умъ степенный, не любившій лицемѣрія и взвѣшивавшій все по совѣсти, какъ предъ Богомъ»[76]). И нельзя думать, что историкъ хочетъ льстить Андронику. Андроникъ дѣйствительно былъ таковъ. Въ этомъ отношеніи очень замѣчателенъ слѣдующій примѣръ— разсказанный другимъ историкомъ — Пахимеромъ. Однажды императоръ получилъ анонимный памфлетъ, въ которомъ заключалось великое множество клеветъ, а въ томъ числѣ и какія-то клеветы и обвиненія на самого императора. Какъ-же поступилъ Андроникъ? Другой на его мѣстѣ разорвалъ-бы рукопись, не обративъ вниманія, или-же принялъ-бы мѣры къ отысканію клеветника. Не такъ поступилъ царь. Чувствуя себя невиновнымъ во взводимыхъ на него обвиненіяхъ, онъ рѣшается публично прочесть и разоблачить выдумки памфлетиста. Для этого онъ собираетъ во дворецъ епископовъ, клириковъ, монаховъ, допускаетъ на засѣданіе и народъ. Здѣсь онъ по порядку разбираетъ параграфъ за параграфомъ въ памфлетѣ. Въ этомъ случаѣ императоръ хочетъ дѣйствовать въ свою защиту словомъ и доводами разсудка, а не авторитетомъ власти[77]). По нашему сужденію, указанный поступокъ доказываетъ, что императоръ дѣйствительно хотѣлъ «все взвѣшивать по совѣсти». Благочестіе Андроника тоже не можетъ подлежать сомнѣнію. Въ печаляхъ и радостяхъ

---

[76]) Григора. Византійская исторія, кн. VII, гл. 12. Русск. перев.

[77]) Pachymeris. De Michaële et Andronico Palaeologis, tom II, Lib III, cap. 22; p. 244—5. Edit. Bonn.

жизни онъ обращается съ молитвою къ Богу. Особенно онъ пламенно молился предъ иконой Богородицы; устраивалъ въ честь Богородицы торжественныя процессіи, при чемъ самъ показывалъ примѣръ самаго глубокаго благоговѣнія къ небесной Заступницѣ[78]). Возстановленіе и украшеніе храмовъ было его любимымъ дѣломъ; это онъ дѣлалъ съ такою щедростію, что построеніе новыхъ храмовъ не потребовало бы больше издержекъ, чѣмъ какія онъ употреблялъ на возстановленіе и украшеніе уже существующихъ храмовъ[79]). Его ревностію къ благочестію объясняется то, что онъ показывалъ такую заботливость о дѣлахъ церкви и ихъ благоустроеніи, какою могли похвалиться немногіе Византійскіе императоры. Пахимеръ говоритъ: «какъ близко къ сердцу царя лежали дѣла церкви, какъ онъ заботился о мирѣ и спокойствіи, это доказывается многими примѣрами исторіи его царствованія»[80]). Правда, эта заботливость императора рѣдко приводила къ благимъ результатамъ, но въ этомъ нельзя винить Андроника, съ чѣмъ соглашается и Пахимеръ[81]), безпристрастный цѣнитель этого царствованія.— Если справедлива мысль, что достоинства человѣка познаются въ несчастіяхъ, то мы должны признать Андроника обладающимъ высокими качествами души. Подъ конецъ жизни онъ былъ свергнутъ съ престола своимъ внукомъ, Андроникомъ же, и долженъ былъ проводить жизнь въ забвеніи и среди матеріальныхъ лишеній. Но послѣднее обстоятельство не убило его склонности къ щедролюбію. Разскажемъ два случая, въ которыхъ выразилась эта склонность

---

78) Pachymeris. ibid. Lib. III, cap. 13, p. 231.
79) Григоры. кн. VII, гл. 12.
80) Pachymeris, ibid. Lib. III, cap. 22, p. 244.
81) Ibid.

въ очень яркой и самоотверженной формѣ. «Незадолго до смерти, говоритъ Григора, Андронику по болѣзни нужно было теплое одѣяло; всѣхъ денегъ у царя оказалось три золотыхъ, на нихъ-то и нужно было сдѣлать покупку. Но въ это время одинъ изъ слугъ разсказываетъ ему о своей крайней бѣдности. Растроганный царь отдаетъ ему свои послѣднія три монеты». А вотъ и другой случай, разсказанный тѣмъ-же историкомъ. Однажды на послѣднія деньги онъ купилъ себѣ какого-то сладкаго аравійскаго напитка, предписаннаго ему докторомъ. Но прежде чѣмъ отвѣдать питье, одинъ изъ слугъ государя просилъ его помочь ему чѣмъ-либо въ облегченіе долговременной его болѣзни. Не имѣя ничего, Андроникъ отдалъ ему свой напитокъ. «Такъ онъ былъ скоръ на помощь страждущимъ, говоритъ историкъ, и по смерти у него ничего не осталось, кромѣ долга»[82]). Нельзя умолчать о томъ, что при многихъ достоинствахъ, Андроникъ имѣлъ тотъ недостатокъ, что онъ былъ суевѣренъ не менѣе простолюдиновъ[83]).

Не вдаваясь въ утомительныя подробности относительно остальныхъ императоровъ, занимавшихъ Византійскій престолъ въ XIV и первой половинѣ XV в., скажемъ объ императорахъ этого времени очень кратко. — Преемникомъ Андроника II или Старшаго былъ его внукъ *Андроникъ* III или *Младшій* (1328—1341), какъ онъ называется въ отличіе отъ предшественника. Ничего хорошаго нельзя сказать объ этомъ Андроникѣ. Въ молодости онъ запятналъ себя распутствомъ и показывалъ себя непочтительнымъ къ дѣду. Его распутство было пря-

---

[82]) Григоры. Кн. X, гл. 1 (ad fin.). Этими двумя фактами въ жизни Андроника тронутъ даже Гиббонъ (VII, 98).

[83]) Примѣры въ этомъ родѣ будутъ упомянуты впослѣдствіи.

мой причиной смерти его брата Мануила и косвенной—его отца, Михаила [84]). Онъ доходитъ до такой нравственной распущенности, что разъ приходитъ къ своему дѣду во дворецъ съ цѣлію убить этого послѣдняго, и только ласковость дѣда останавливаетъ его злодѣйскій умыселъ[85]). Что хорошаго можно ожидать отъ такого человѣка? Разумѣется, ничего. И дѣйствительно его царствованіе было самымъ жалкимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Охоту и ловчихъ онъ любилъ больше самой царской власти[86]). Григора указываетъ нѣкоторыя немногія добрыя качества въ Андроникѣ Младшемъ[87]), но они меркнутъ предъ его нравственной распущенностью.—Андроникъ былъ другомъ Іоанна Кантакузина, того Кантакузина, который потомъ на нѣкоторое время становится императоромъ Византійскимъ (1347—1355). Трудно сказать, на чемъ утверждалась эта дружба, ибо между Андроникомъ и Кантакузиномъ ничего не было общаго. Другъ Андроника совсѣмъ былъ другого характера. Честность, семейныя добродѣтели, благочестіе и замѣчательное трудолюбіе составляли отличительные признаки Кантакузина[88]).

О послѣднихъ Византійскихъ императорахъ—Іоаннѣ, Мануилѣ, опять Іоаннѣ и Константинѣ Палеологахъ—едва-ли стоитъ говорить. Они представляютъ собою печальные образы религіозно нравственныхъ несовершенствъ[89]). Нѣкоторое исключеніе пред-

---

[84]) Григоры, кн. VIII, гл. 1.

[85]) Григоры, Ibid. гл. 6.

[86]) Гиббонъ. Т. VII, 97.

[87]) Кн. XI, гл. 11, стр. 561.

[88]) Понтанъ начерталъ очень лестный образъ Кантакузина въ Vita Ioannis Cantacuseni (приложена къ 1-му тому боннскаго изданія исторіи Кантакузина). См. также первую главу нашихъ «очерковъ».

[89]) Достаточно прочесть двѣ страницы у Гиббона (VII,

ставляетъ развѣ одинъ Константинъ Палеологъ, послѣдній Византійскій императоръ, но о немъ будемъ имѣть случай говорить впослѣдствіи.

Теперь сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о религіозно-нравственномъ состояніи Византійскаго общества въ цѣломъ его видѣ въ ту же эпоху (отъ конца XI до пол. XV в.). Византійскіе историки, какъ ни скупы они на замѣчанія касательно нравственно-религіозной жизни народа, все же даютъ нѣсколько интересныхъ извѣстій въ указанномъ отношеніи; къ этому присоединимъ данныя, находимыя въ другихъ историческихъ документахъ, относящихся къ изучаемымъ нами вѣкамъ. Не завидна была, какъ мы видѣли, религіозно-нравственная репутація Византійскихъ императоровъ. Отсюда смѣло можно заключать, что и само общество было не лучше императоровъ. И это заключеніе будетъ вѣрно, потому что оно подтверждается историческими фактами. Естественно, поэтому, что и въ дальнѣйшемъ нашемъ повѣствованіи изображеніе некрасивыхъ сторонъ жизни займетъ самое видное мѣсто [99]).

166—167), на которыхъ говорится объ императорѣ Іоаннѣ Палеологѣ (XIV в.) и его сынѣ Мануилѣ, чтобы убѣдиться, до какого нравственнаго паденія доходятъ послѣдніе Палеологи.

[99]) Въ *Христіанск. Чтеніи*, 1886 г. т. I, помѣщена довидно большая статья (стр. 544—592) проф. Скабалановича подъ заглавіемъ: «о нравахъ Византійскаго общества въ средніе вѣка». Очеркъ этотъ интересенъ и богатъ фактами. Но онъ главнымъ образомъ посвященъ изученію XI вѣка (очевидно, статья автора есть ничто иное, какъ заключительная глава его диссертаціи: «Византійское государство и Церковь въ XI в.», 1884 г., но не вошедшая почему—то въ составъ его книги), а дальнѣйшимъ вѣкамъ авторъ удѣляетъ немного вниманія. При этомъ нужно замѣтить, что подъ «средними вѣками» Византіи—онъ разумѣетъ эпоху отъ X вѣка (почему?) до паденія Константинополя подъ власть Турокъ. По существу нашей задачи, мы займемся преимущественно тѣми вѣками, которые менѣе интересовали автора разсматриваемой статьи.

Одной изъ очень прочныхъ опоръ нравственности служитъ уваженіе человѣка къ своей личности, не то самоуваженіе, которое выражается въ гордости и надменности, а то, которое заставляетъ его избѣгать всего такого, что унижало бы его въ глазахъ другихъ, и въ особенности всего, что не гармонируетъ съ его извѣстными общественными обязанностями. Можно утверждать, что Византійцы, не смотря на свойственное имъ надменіе, мало заботились о сохраненіи чувства собственнаго достоинства. Исторія знаетъ не мало такихъ примѣровъ. Вотъ какъ, по описанію Никиты Хоніата, нѣкоторые сенаторы выражали свою радость (вѣроятно, притворную) при извѣстіи о восшествіи на престолъ Андроника Комнина. Дѣло происходило на улицѣ. «Сбросивъ съ себя сенаторскіе головные покровы и взявшись за висѣвшіе на спинѣ бѣлольняные плащи, сенаторы распустили ихъ на подобіе шаровъ, составили изъ простонародья хороводъ и принявъ надъ ними начальство, стали пѣть на пріятный и мѣрный напѣвъ, выпрыгивали впередъ и, сводя руки какъ бы для рукоплесканія, слегка потрясали ногами, кружились посрединѣ и сопровождая свою пляску пѣніемъ и кликами, колотили землю. Какая глупость и безуміе!» восклицаетъ историкъ [91]). Не всегда заботились о сохраненіи своего достоинства даже и патріархи Византійскіе [92]). Послушаемъ, что разсказываетъ Григора о возвращеніи патріарха Исаіи (XIV в.) изъ заточенія въ Манганскомъ монастырѣ, куда онъ былъ заключенъ Андроникомъ Старшимъ, на Византійскую патріаршую каѳедру, на что послѣдовала воля новаго

---

[91]) Исторія царствованія Алексѣя II Комнина, гл. 18.

[92]) Говоря о Византійскомъ обществѣ, мы будемъ касаться и состоянія духовенства, такъ какъ не видимъ основанія выдѣлять это сословіе изъ ряда прочихъ сословій.

царя, Андроника младшаго. «Взявъ Исаію отсюда, говоритъ историкъ, и посадивъ на одну изъ царскихъ колесницъ съ пурпуровыми украшеніями, царь возвратилъ его на патріаршую каѳедру. Въ этой процессіи никто ни изъ епископовъ, ни изъ пресвитеровъ не шелъ ни впереди, ни позади; шли-же съ веселыми пѣснями флейтщики и флейтщицы (онѣ-же, замѣтимъ, играли въ Византіи и роль гетеръ), танцоры и танцовщицы. Одна изъ флейтщицъ — живописуетъ историкъ—выдававшаяся изо всѣхъ красивою наружностью, сѣвъ на коня въ мужской одеждѣ, ѣхала то впереди воиновъ, то впереди патріарха, при чемъ безстыдными и пошлыми шутками легко возбуждала нескромный смѣхъ, какъ въ патріархѣ (sic!), такъ и другихъ»[93]). Патріархъ ѣдетъ по улицамъ Византіи, въ обществѣ флейтщицъ — гетеръ, внемлетъ сальнымъ шуткамъ одной изъ нихъ — невозможная, но дѣйствительная картина! Какимъ нравственнымъ безчувствіемъ нужно обладать, чтобы не понимать, какъ это было съ патріархомъ Исаіей, что подобное сообщество роняетъ достоинство пастыреначальника столицы? Если такъ мало думали о своемъ достоинствѣ патріархи, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что клирики еще менѣе думали объ этомъ. И дѣйствительно, нѣкоторые клирики, забывая о своей чести и служеніи, нерѣдко брали на себя пріятное занятіе—развлекать публику скоморошествомъ. Вальсамонъ, на основаніи наблюденій надъ современнымъ ему (XII в.) обществомъ, передаетъ такія извѣстія о клирикахъ своего времени: «нѣкоторые изъ клириковъ въ нѣкоторые праздники (?) иногда ходятъ въ видѣ монаховъ или даже въ видѣ четвероногихъ животныхъ. А иные изъ клириковъ,

---

[93]) Григоры. Кн. IX, гл. 6.

подражая всадникамъ, бьютъ по воздуху пальцами, красятъ себѣ щеки и притворно исполняютъ нѣкоторыя дѣйствія, свойственныя женщинамъ и другія неприличія, чтобы возбудить тѣмъ смѣхъ въ зрителяхъ». «Когда я спрашивалъ—говоритъ канонистъ—какимъ образомъ это дозволяется, то не услышалъ ничего другого, кромѣ того, что это дѣлается по давнему обычаю»[94]). Отъ клириковъ въ этомъ случаѣ не отставали и учителя дѣтей, не смотря на то, что имъ слѣдовало бы не менѣе клириковъ заботиться о сохраненіи своего достоинства. «Учителя дѣтей—по словамъ того-же свидѣтеля — ходили по площадямъ въ сценическихъ личинахъ и совершали неприличныя дѣйствія»[95]). Мы не хотимъ причислять къ лицамъ, сохраняющимъ свое достоинство и тѣхъ, кто въ суетномъ желаніи казаться краше и моложе, придумывали всякія средства казаться такими. Если въ женщинахъ подобное стремленіе хоть сколько-нибудь извинительно, то, встрѣчаясь среди мущинъ, оно возбуждаетъ презрѣніе. А въ Византіи именно мущины-то такъ и поступали, «прилагая все стараніе о томъ, чтобы волоса были у нихъ длинны и чтобы, подобно какъ у женщинъ, имѣлись у нихъ кудри, спускающіеся, если возможно, до пояса». Мущины заботились о томъ, чтобы не походить на самихъ себя! Можетъ-ли дальше простираться забвеніе о своемъ достоинствѣ? Сохранились точныя свѣдѣнія и о томъ, какимъ образомъ Византійцы достигали такого самоуродованія. «Это достигается у нихъ—говоритъ другой канонистъ XII в. Зонара—не однимъ

---

[94]) Вальсамона. Толков. на 62 правило Трулльскаго собора. См. Правила съ толкованіями, изданіе общества люб. дух. просв., стр. 650. Это-же изданіе будемъ цитировать и ниже, когда будемъ приводить свидѣтельства изъ канонистовъ Вальсамона и Зонары.

[95]) Ibidem.

только тѣмъ, что не стригли излишнихъ волосъ, но ими употребляемо было все, что обыкновенно способствуетъ рощенію волосъ и что производитъ ихъ густоту. Чтобы волосы казались кудрявыми, они подвиваютъ ихъ щипцами и чтобы были русыми или золотистыми, для этого подкрашиваютъ. Другіе намачиваютъ волосы на головѣ водою и даютъ имъ сохнуть на солнечномъ припекѣ, чтобы измѣнился у нихъ черный цвѣтъ волосъ. А есть и такіе, которые накладываютъ на себя поддѣльныя кудри, обстригая свои собственные природные волосы. Такъ нынѣ по большей части располагаютъ и убираютъ волосы на головѣ. А по отношенію къ бородѣ поступаютъ совершенно наоборотъ; ибо какъ только у кого появится юношескій пушекъ, тотчасъ сбриваютъ его, чтобы не перешелъ въ волосъ, но чтобы бросалась въ глаза гладкость ихъ лица, и они могли бы уподобляться женщинамъ и казаться нѣжными. А у кого съ теченіемъ времени волосы на бородѣ растутъ уже постоянно, тѣ, чтобы не носить длинной бороды, хотя и не употребляютъ бритвы, но вмѣсто того, раскаливъ на угольяхъ кусокъ черепка, подносятъ его къ бородѣ и выжигаютъ имъ всѣ длинные волосы, такъ чтобы казалось, будто волосы едва начинаютъ пробиваться и чтобы мущины, достигшіе уже зрѣлаго возраста, походили на юношей. И это дѣлается не у простыхъ только людей, но и у людей высшаго состоянія. Почему, это зло, распространившись, сдѣлалось, *всенароднымъ*, и какъ какая-нибудь епидемическая болѣзнь, заразившая носящихъ Христово имя, пожираетъ *почти всѣхъ*». Канонистъ полагаетъ, что слѣдовало бы такихъ модниковъ лишать св. причастія [96]). Можетъ показаться, что по-

[96]) Зонары. Толков. на 96 правило Трул. собора. Правила съ толкованіями. Стр. 753—4.

добное требованіе слишкомъ строго; но съ этимъ нельзя согласиться. Люди, столь забывающіе о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, желающіе быть не тѣмъ, чѣмъ они созданы, легко становятся на скользскій путь, отклоняющій ихъ отъ здравыхъ нравственныхъ требованій.—Итакъ мы видимъ, что у Византійцевъ мало было развито чувство собственнаго достоинства. Это могло имѣть то опасное слѣдствіе, что такіе люди могли не очень зорко смотрѣть за своимъ личнымъ поведеніемъ и за своими отношеніями къ прочимъ согражданамъ. Факты, къ сожалѣнію, не опровергаютъ, а подтверждаютъ подобное предположеніе.

Добродѣтели, основывающіяся на обязанностяхъ человѣка и христіанина къ самому себѣ и служащія опорой семейнаго или домашняго благополучія—не довольно процвѣтали среди христіанъ Византійскаго государства. Требованія цѣломудренной жизни и трезвости исполнялись Византійцами не въ той мѣрѣ, въ какой можно было ожидать этого отъ людей, издавна принадлежащихъ къ высоконравственной религіи. «Не смотря на заключеніе женщинъ въ теремахъ, развратъ свилъ себѣ гнѣздо и въ семейной жизни» [97]). Если въ Византійскомъ обществѣ между мущинами развита была страсть придавать себѣ вѣчно юный видъ и всячески украшать свою шевелюру, о чемъ говорить Зонара, то это дѣлалось не спроста. Многіе изъ модниковъ, завивавшихъ себѣ волосы съ искусствомъ «Венеры», ухаживали за Византійскими дамами, добиваясь ихъ взаимности» [98]). Одинъ Византійскій императоръ, Андроникъ Комнинъ, зло

---

[97]) Скабалановича. О нравахъ Византійскаго общества, стр. 572.

[98]) Никиты. Царствов. Алексѣя II Комнина. гл. 1.

смѣялся надъ тѣми мужьями въ столицѣ, которые, благодаря измѣнѣ своихъ женъ, сдѣлались рогоносцами — терминъ, который и тогда употребляли съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и теперь. «Такъ онъ вѣшалъ на портикахъ форума большіе и чѣмъ нибудь замѣчательные рога изловленныхъ имъ оленей, повидимому для того, чтобы показать величину пойманныхъ звѣрей, на самомъ же дѣлѣ, по словамъ повѣствователя, — чтобы наругаться надъ гражданами и осмѣять распутство ихъ женъ» [99]). Кромѣ возможности склонить замужнюю женщину на измѣну, для Византійцевъ открывалась полная возможность находить удовлетвореніе своей чувственности и внѣ семейныхъ кружковъ. «Въ Византіи было множество публичныхъ домовъ и большой наплывъ женщинъ легкаго поведенія» [100]). Само собою разумѣется, что предложеніе подобнаго сорта опредѣлялось спросомъ. — Недовольствуясь естественнымъ возбужденіемъ эротическаго чувства, богатые Византійцы развѣшивали по стѣнамъ своихъ жилищъ сладострастныя картины. «Преданные любострастію изображали на доскахъ или на стѣнахъ или на другихъ какихъ предметахъ любовныя сцены или другія какія гнусности, дабы, смотря на нихъ, возбуждать свои половыя пожеланія; кромѣ картинъ встрѣчались вылѣпленныя изъ гипса человѣкообразныя изображенія. Все это дѣлалось съ полнымъ безстыдствомъ» [101]). Самое распутство сопровождалось иногда такими аксесуарами, которые показываютъ, что нѣкоторые подъ вліяніемъ эротическаго опьяненія доходили положительно до какого-то безумія, наприм. «лобзали женскій стыдъ». Кано-

---

[99]) Никиты. Царствов. Андроника, кн. II, гл. 2.

[100]) Скабалановича, 571.

[101]) Вальсамона. Толков. на 100 прав. Трул. собора. Правила съ толков., 767.

нисты тѣхъ временъ съ точностію психіатровъ описываютъ обнаруженія эротической психопатіи своего времени[102]).—Все это конечно заслуживаетъ строгаго осужденія и представляетъ печальные историческіе факты. Но есть еще одна сторона, которая даетъ разсматриваемому явленію еще болѣе грустный отпечатокъ. Всю отвѣтственность за расшатанность нравовъ несла одна женщина, а мущина не раздѣлялъ этой отвѣтственности. Съ женщиной, если она была замужемъ и нарушала вѣрность или даже подозрѣвалась въ нарушеніи вѣрности, но запиралась,—нимало не раздумывая поступали жестоко: ее принуждали испытать на себѣ то, что тогда называлось «судомъ Божіимъ». Вотъ разсказъ въ подобномъ родѣ, записанный однимъ Византійскимъ историкомъ. Одинъ гражданинъ Дидимотиха съ достаточными основаніями заподозрѣлъ свою жену въ невѣрности; но жена, понятно, не сознавалась въ этомъ. Тогда мужъ ея объявилъ, что онъ только тогда повѣритъ ей, что она не измѣнила ему, когда она возьметъ въ руки и будетъ держать раскаленное желѣзо. Жена испугалась такого предложенія и не желала принять его. А съ другой стороны она не могла и признаться мужу въ своемъ грѣхопаденіи, боясь смертной казни за это. Находясь въ такомъ положеніи, она отправилась къ епископу, передала ему все дѣло, просила его, чтобы онъ отклонилъ ея мужа отъ такого опыта надъ нею и взялся бы увѣрить его, что она не виновата. Но епископъ не согласился на это, а убѣдилъ ее не страшиться опыта и обѣщалъ ей, что въ случаѣ, если она потомъ будетъ жить честно и непорочно, раскаленное желѣзо не повредитъ ей. Жен-

---

[102]) Наприм. Вальсамонъ. Толков. на 70 пр. Вас. Велик., стр. 347.

щина послѣ этого приняла предложеніе своего мужа. Оба они безъ постороннихъ свидѣтелей отправились въ одинъ храмъ; здѣсь мужъ раскжегъ сколько могъ сильнѣе желѣзо, бросилъ его въ руки жены и приказалъ ей пронести его извѣстное пространство. Женщина осталась невредима, какъ будто бы она и не касалась желѣза [103]). Дѣйствительный это фактъ или анекдотъ—для насъ на этотъ разъ все равно. Но изъ этого разсказа видно, какой отвѣтственности подвергалась женщина въ случаѣ подозрѣнія въ невѣрности. Разсказъ этотъ хорошо характеризуетъ духъ времени, который только отъ женщины требовалъ чистоты и цѣломудрія, не поставляя этого требованія мущинѣ. Мущина, въ случаѣ грѣхопаденія и запирательства въ этомъ—ни кѣмъ не призывался къ «Суду Божію». Не было ли это однимъ изъ условій, благопріятствовавшихъ нравственной разнузданности Византійцевъ?

Трезвость тоже не принадлежала къ числу добродѣтелей Византійцевъ. Если архіереи обращались съ своими пастырскими посланіями къ пасомымъ, то въ числѣ другихъ пороковъ, пятнавшихъ христіанское общество того времени, не послѣднее мѣсто занимало обличеніе въ недостаткѣ трезвости. Такъ патріархъ Іоаннъ Калекасъ (XIV в.), обращая вниманіе клира на распространеніе между константинопольцами различныхъ пороковъ, какъ навлекающихъ на нихъ гнѣвъ Божій, говоритъ и о распространеніи пьянства въ столицѣ [104]). Дѣйствительно, Византійцы всѣ, особенно простонародье, были очень наклонны къ злоупо-

---

[103]) Cantacuseni Historiae. Tom. II, Lib. III, cap., 27 p. 172—3. Edit. Bonn.

[104]) Miklosich et Müller. Acta patriarchatus Constantinopolitani. Tom. I, p. 185.

требленію виномъ. «Съ давнихъ временъ, говоритъ Никита Хоніатъ, многіе острили на счетъ пристрастія Византійцевъ къ разливанному морю. Сложилась пословица: «въ Византію кто ни пріѣдетъ, будетъ пьянъ, тамъ по цѣлымъ ночамъ пьянствуютъ». «Вино лучше всякаго вождя возбуждало Византійцевъ къ битвѣ»; «никакія сирены—очаровательницы» не могли отвлечь Византійца отъ какого-либо предпріятія, предначатаго подъ вліяніемъ одуряющихъ напитковъ. Ради вина чернь готова была ограбить богача: добыча грабителей шла въ кабакъ [105]). Пьянство находитъ себѣ доступъ и въ сословіе духовенства. Въ документахъ, относящихся къ XIV вѣку, встрѣчается не мало указаній въ подобномъ родѣ [106]). Случалось, что къ соблазну и вреду для своихъ пасомыхъ священники сами заводили шинки, роняя тѣмъ свой санъ и достоинство [107]). Пьянство проникало иногда въ среду монашества и находило себѣ здѣсь жертвы. Самое тяжкое наказаніе—лишеніе сана за невоздержность примѣнялось иногда къ лицамъ, облеченнымъ іеромонашествомъ [108]).

Вышеуказанные недостатки нравственной жизни Византійскаго общества въ разсматриваемый періодъ встрѣчаемъ даже тамъ, гдѣ, казалось бы, меньше

---

[105]) Никиты. Царствов. Исаака Ангела. Кн. I, гл 10 (см. примѣчаніе Вольфа къ этому мѣсту: Migne, tom. 139, p. 757); царствов. Алексѣя II, гл. 6.

[106]) Въ Acta patriarchatus Constantinopolitani нерѣдко можно находить указаніе, что тотъ или другой священникъ даетъ обѣщаніе, что онъ перестанетъ шататься по питейнымъ домамъ и пьянствовать. Tom. I, 577; II, 31. 134. 141.

[107]) Ibidem. Tom. II, 76.

[108]) Ibid. Tom. II, p. 51. Здѣсь въ документѣ говорится, что одинъ іеромонахъ за пьянство лишенъ священства, которое такъ же «не пристало ему, какъ золотая серьга рылу свиньи».

всего можно было ожидать этого. Разумѣемъ среду Аѳонскаго монашества. Явленіе было временнымъ, но все же, къ-сожалѣнію, оно было и продолжалось не краткое время. Въ теченіе столѣтія отъ конца XI до конца XII вѣка (отъ 1080 до 1177 г.) на Аѳонѣ появляется и распространяется, какъ называютъ его, «скоромное зло».—Это скоромное зло описано современникомъ; заимствуемъ изъ этого описанія нѣкоторыя характеристическія черты [109]). — Въ началѣ VIII вѣка на монашескій Аѳонъ пришли и поселились тамъ нѣсколько Валаховъ съ женами и дѣтьми; вмѣстѣ съ этимъ на Аѳонѣ появился скотъ — коровы, овцы, мулы. По временамъ Византійскіе императоры—покровители аѳонитовъ—выгоняли мірскихъ жителей съ Аѳона; но сами аѳониты мало по малу такъ привыкли къ этимъ пришельцамъ, что не только не тяготились ими, а даже сами зазывали ихъ къ себѣ на гору, получая большія выгоды отъ сожительства съ мірянами. Число пришельцевъ постепенно увеличивалось, такъ что въ началѣ царствованія Алексѣя Комнина (кон. XI в.) на Аѳонѣ находилось уже 300 семействъ валашскихъ. Съ этой поры и началась скоромная драма Аѳонская. Валахи доставляли въ святогорскіе монастыри молоко, сыръ и шерсть. Между ними и монахами завязывались мѣновыя сдѣлка и торговля. «Со временемъ, по выраженію древняго дѣеписателя, явились пиршества и діавольскія попойки; діаволъ вошелъ въ сердца Валаховъ, и они держали при себѣ женъ своихъ, одѣтыхъ въ мужское платье, въ видѣ пастуховъ. Эти женщины

---

[109]) Документальныя извѣстія объ этомъ явленіи беремъ изъ извѣстнаго труда преосв. Порфирія: «Исторія Аѳона», часть III, отдѣленіе I (Кіевъ, 1877). Воспроизводимъ слова преосвящ. автора буквально, но конечно съ большими сокращеніями, такъ какъ авторъ разсказываетъ повѣсть очень подробно.

пасли овецъ и прислуживали въ монастыряхъ, принося туда сыръ и молоко, мѣся хлѣбы, и были онѣ весьма любы монахамъ, по замѣчанію того-же дѣеписателя. А что между ними дѣлалось, о томъ стыдно говорить и слушать», заявляетъ этотъ послѣдній [110]). Насколько измѣнилась жизнь аѳонитовъ въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, объ этомъ повѣствователь такъ говоритъ: «нѣкогда умиралъ одинъ монахъ въ скитѣ, на Аѳонѣ, и попросилъ у окружающихъ его уксусу, чтобы понюхать его и быть въ состояніи побесѣдовать съ ними. Но въ всемъ скитѣ не нашли и стакана уксуса. А теперь у святогорцевъ большіе погреба, наполненные эссенціями и старыми наливками, и отъ того они скачутъ, какъ жеребята дикихъ ословъ» [111]). На столѣ у нихъ появилось мясо. Нѣкоторые изъ монаховъ, пострадавъ отъ грѣха, потомъ раскаялись и донесли обо всемъ тогдашнему патріарху Николаю Грамматику (1080 — 1110). Въ запискѣ говорилось о злочинствѣ Валаховъ, о пагубѣ отъ женъ ихъ и дочерей, о грѣхѣ съ животными и о многомъ другомъ, что изобрѣла злоба бѣсовъ. Узналъ о скоромномъ злѣ и императоръ Алексѣй Комнинъ. Онъ приказалъ переселить съ Аѳона всѣхъ Валаховъ и животныхъ. Какъ же приняли монахи это распоряженіе? Дѣеписатель говоритъ: «монахи, по изгнаніи Валаховъ и животныхъ съ св. горы, начали плакать и горевать, и былъ на св. горѣ великій плачъ Египетскій. Какъ Евреи плакали о мясахъ Египетскихъ и котлахъ, такъ и святогорцы не могли забыть Валаховъ». «Аѳонскій безмолвникъ—продолжаетъ дѣеписатель—шелъ къ другимъ безмолвникамъ, и игумены переходили отъ одного игу-

---

[110]) Исторія Аѳона. Ч. III, отд. I, стр. 228—230,
[111]) Ibidem, стр. 236—237,

мена къ другому и говорили: «отнынѣ ни житья намъ нѣтъ, ни покоя, потому что изгоняютъ Валаховъ и животныхъ». Появились сходки, раздѣленія. И наконецъ множество монаховъ рѣшилось уйти вслѣдъ за Валахами. Только и слуховъ было: такой-то безмолвникъ, страшный бѣсамъ, уходитъ съ Аѳона съ такимъ-то Валахомъ и такой-то игуменъ удаляется съ такимъ-то игуменомъ. Изъ монастырей, утверждаетъ дѣеписатель, всѣ полнымъ домомъ выходили съ своими пріятелями Валахами. Въ иныхъ монастыряхъ оставались хромцы да слѣпцы [112]). — Изгнали съ Аѳона Валаховъ, ихъ женъ, коровъ, овецъ, а скоромное зло все продолжало царить на Аѳонѣ. Черезъ нѣсколько времени аѳониты доносили императору Алексѣю: «у святогорцевъ нѣтъ овецъ и коровъ, но зато находятся дѣти и безбородые. По причинѣ дѣтей и соблазновъ отъ нихъ мы не можемъ установить начальства въ монастыряхъ, потому что дѣти стали выше старцевъ и потеряли страхъ Божій». Патріархъ Константинопольскій осыпалъ аѳонитовъ за это упреками, обзывалъ ихъ орудіями бѣсовъ и сѣдалищами діавола и чрезъ посланіе заповѣдалъ имъ твердо помнить древнее монашеское правило: «не приближай къ себѣ отрока, не говори съ нимъ послѣ стола, и даже въ церкви не цѣлуй его» (лобзаніемъ мира) [113]). При другомъ случаѣ нѣкоторые Аѳонскіе игумены повѣдали патріарху, что монахи учатся пѣть пѣсни въ своихъ келейныхъ монастыряхъ. Патріархъ призвалъ къ себѣ виновныхъ и такъ сталъ укорять ихъ: «развѣ пѣть пѣсенки дали обѣтъ вы? Ужъ не хотите ли вы быть пѣсенниками, а не монахами? Справедливо, добавилъ онъ, царь Але-

---

[112]) Ibid, 230—237.
[113]) Ibid. 239—244. 248.

кеѣй говоритъ, что на васъ можно дѣйствовать только суровыми наказаніями и порицалъ васъ [114]). Еще при другомъ случаѣ указано было «что даже Аѳонскіе безмолвники бражничаютъ по питейнымъ домамъ и попадаютъ въ полицейскую часть. Дѣла пришли въ порядокъ на Аѳонѣ лишь чрезъ сто лѣтъ отъ начала скоромнаго зла. Послѣдній документъ, относящійся къ этому прискорбному явленію, принадлежитъ 1177 году [115]).

Обратимся къ другимъ сторонамъ нравственнаго состоянія Византійскаго общества.

Добродѣтели, основывающіяся на обязанностяхъ человѣка и христіанина къ ближнимъ и создающія общественное благополучіе, тоже не были высоко цѣнимы Византійцами и нерѣдко рѣшительно попирались.—Искренности, взаимнаго довѣрія и честности,

---

[114]) Ibid., 246.

[115]) Ibid., 246. 254.—Послѣдующая высокая жизнь Аѳонитовъ и ихъ подвиги за православіе заставляютъ забыть печальную «скоромную драму», какъ называетъ все это дѣло преосв. Порфирій. Въ XIII вѣкѣ Аѳониты явили себя поборниками православія противъ уніонныхъ затѣй Михаила Палеолога и много пострадали за свою твердость въ вѣрѣ (греческій ученый Димитракопулъ нашелъ и отпечаталъ повѣсть о страданіяхъ аѳонитовъ изъ-за уніи при Михаилѣ; документъ этотъ не современенъ событію, но это отчасти оговариваетъ и самъ издатель въ примѣчаніи: Δημητρακόπυλος. Ἱστορία τοῦ σχισμάτος ο. 70—74. Λειψία. 1867. См. еще Христ. Чт. 1869, т. II, 1025 — 1026, у проф. Троицкаго). Въ XIV вѣкѣ извѣстный Григора, не смотря на несогласіе съ аѳонитами въ спорныхъ религіозныхъ вопросахъ того времени (они были сторонниками т. называемыхъ Паламитовъ, съ которыми жарко спорилъ Григора)—отзывается съ восхищеніемъ о нравственныхъ достоинствахъ святогорцевъ; онъ говоритъ, что они съумѣли, «на землѣ устроить жизнь, подобную небесной» и носили въ душѣ «истинную философію». Gregorae. Hist. Byzantina, Lib. XIV, cap. 7. Tom. II, 716—717,

безъ которыхъ не можетъ процвѣтать общественное благо, не замѣтно у Византійцевъ изучаемой эпохи. Византійцы поставляли себя другъ къ другу въ такое фальшивое положеніе, что они искали охраны противъ обмана не въ нравственной природѣ ближняго, а въ клятвѣ, которою они другъ друга связывали и при томъ, къ сожалѣнію, большей частью напрасно. Византійцы давали клятвы другъ другу, кажется, только для того, чтобы усыпить бдительность и осторожность другого и эксплотатировать его. Въ какомъ распространеніи была клятва, какъ средство обезопасить себя отъ обмана, это видно изъ тѣхъ разнообразныхъ формъ, въ какихъ давалась клятва Византійцами. Давались клятвы громко произносимыя и письменныя, предъ Евангеліемъ, иконами или даже на тѣлѣ Господнемъ (Евхаристіи) [116]). Клянущійся подробно высчитывалъ, чего именно онъ не будетъ дѣлать [117]), какъ будто-бы одного обѣщанія во имя Божіе, что будетъ исполняться законъ совѣсти и заповѣди христіанскія, было недостаточно. Клятва имѣла мѣсто тамъ, т.-е. между такими лицами, гдѣ встрѣчать примѣненіе этого способа утверждать довѣріе, повидимому, нельзя было бы. Патріархъ даетъ клятву царю, царь патріарху, ограждая себя взаимно отъ извѣстнаго рода посягательствъ [118]). Еще страннѣе видѣть примѣненіе взаимной клятвы между царемъ и его кровными родными. Такъ въ 1381 году императоръ Іоаннъ Палеологъ и сынъ его Андроникъ связываютъ себя соборною клятвою, что они будутъ жить въ мирѣ и не затѣвать ничего, что́ по-

---

[116]) Cantacuseni. Historiae. Tom. III, p. 8. 145; tom. II, 96—97; tom. I, 72.

[117]) Ibid. Tom I, 72—3.

[118]) Cantacuseni. Ibid. Tom. II. 51, 67.

служило бы къ нарушенію мира; другими словами: даютъ клятву, что они не отстранятъ одинъ другого отъ престола Византійскаго [119]). Такое же странное впечатлѣніе производитъ клятва, данная Андроникомъ Старшимъ и Андроникомъ Младшимъ другъ другу. Первый далъ второму,—своему внуку—клятву, что онъ не сдѣлаетъ никого наслѣдникомъ, кромѣ его, внука; а другой клянется, что онъ ничего не будетъ замышлять противъ дѣда [120]). Клятвы, какъ мы замѣтили выше, такъ же часто и нарушались, какъ часто онѣ давались. Да иначе и быть не могло. Сами современники нерѣдко сомнѣвались: «станутъ-ли соблюдать клятву такіе люди, которые хоть и давали ее, но не боялись ни молній небесныхъ, ни срама людского»? [121]). Побоятся-ли такіе люди нарушить клятву, хоть бы за минуту предъ тѣмъ они за нарушеніе своей клятвы накликали на себя «самыя великія и ужасныя бѣды», которыя нерѣдко призывали на себя клянущіеся для возбужденія довѣрія въ другомъ [122]).

Уваженіе къ чужой собственности и въ особенности къ общественному достоянію весьма мало развито было въ средѣ Византійцевъ изучаемаго времени. Обогащеніе на счетъ казны — это почти никто не считалъ дѣломъ, заслуживающимъ осужденія. Историки того времени не рѣдко указываютъ на такое

---

[119]) Miklosich. Acta patriarchatus Constantinopolitani. Tom II, p. 25—26. Если говоря объ обществѣ Византійскомъ, мы передаемъ извѣстія о дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ императоровъ, то смотримъ на эти дѣйствія лишь какъ на образцы, повтореніе которыхъ нерѣдко встрѣчалось, конечно, и среди общества.

[120]) Григора. Византійск. исторія. Кн. VIII, гл. 6.

[121]) Ibidem.

[122]) Gregorae. Histor. Byzant. Lib. XII, cap. 8, pag. 600.

общественное зло, какъ на явленіе самое обыкновенное. «Люди жадные до денегъ, обкрадывали казну», какъ скоро представлялся къ тому случай и дѣлались «народными грабителями». Правители, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалось распоряженіе государственной казной, не только не заботились объ экономіи, «но придумывали новые государственные расходы, чтобы чрезъ это ихъ собственный мѣшокъ, вчера пустой и тощій, сегодня наполнить и биткомъ набить» [123]). Сборщики денегъ, завѣдывавшіе взиманіемъ податей, являлись первыми казнокрадами. Они доставляли въ казну царскую самую малую часть сбора и какъ бы какіе остатки, а большую часть присвоивали себѣ. По ироническому замѣчанію Никиты Хоніата: «добрый и вѣрный рабъ у царя изъ муки, хотя бы и золотой, сперва замѣшиваетъ хлѣбы себѣ, а потомъ дѣлится съ товарищемъ и только остатокъ шелъ въ казну» [124]). Сборщики податей, при раскладкѣ ихъ, брали взятки и чрезъ то наживали себѣ «огромныя богатства» [125]). Это было расхищеніе чужой собственности, расхищеніе прикрытое внѣшними формами благоприличія. Но встрѣчались въ Византійской имперіи того времени проявленія хищническихъ аппетитовъ и не въ такихъ еще формахъ. Хищники чужого достоянія иногда не думали скрывать своего безчестнаго дѣла; они смотрѣли на свое дѣло, какъ на нѣкотораго рода призваніе. Въ Византійской имперіи образовался значительный классъ пролетаріата, который не пропускалъ ни одного общественнаго безпорядка, чтобы подъ шумокъ не разорить сколько возможно больше своихъ

---

[123]) Никиты. Царствов. Алексѣя, II, гл. 1.
[124]) Царствов. Мануила. кн. VII, гл. 2.
[125]) Никиты, Царствов. Іоанна Комнина. гл. 3.

согражданъ. Эти паразиты общества въ особенности гнѣздились въ двухъ великихъ городахъ имперіи — Константинополѣ и Ѳессалоникахъ. Никита Хоніатъ, характеризуя эти подонки общества, по скольку онъ ихъ наблюдалъ въ Византіи, говоритъ: «Во всѣхъ городахъ (имперіи) толпа бываетъ безразсудна и чрезвычайно необуздана въ своихъ стремленіяхъ; но въ Константинополѣ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь эта толпа склонна къ возмущеніямъ, отличается дерзостью и любовью къ кривымъ путямъ. Этотъ сбродъ людей, ни самъ для себя никогда не придумалъ и не сдѣлалъ ничего хорошаго, ни другихъ не слушалъ, когда кто хотѣлъ ввести какую нибудь общеполезную и благотворную мѣру». Никита приводитъ очень поучительный примѣръ той противообщественной хищнической дѣятельности, какою они заявили себя во время политическихъ смутъ въ царствованіе малолѣтняго императора Алексѣя II. «Чернь взбунтовалась (безъ какихъ-либо достаточныхъ причинъ) и бросилась грабить и разрушать прекраснѣйшіе дома, а въ томъ числѣ былъ и домъ городскаго эпарха: самъ онъ только бѣгствомъ спасъ свою жизнь, а все имѣніе его было разграблено. Мятежники даже не пощадили публичныхъ документовъ, въ которыхъ изложены были права гражданъ, и которыя въ обществѣ были полезны для многихъ, между тѣмъ какъ прибыль отъ присвоенія ихъ была ничтожна и не простиралась даже настолько, чтобы пьяная чернь могла за нихъ напиться» [126]). Подобнымъ же грабежомъ, соединеннымъ при томъ-же съ кровопролитіемъ, пролетаріатъ ознаменовываетъ себя въ Ѳессалоникѣ, въ малолѣтство императора Іоанна Палеолога въ XIV вѣкѣ. Григора, передавая свѣдѣнія о событіи, гово-

---

[126]) Царствов. Алексѣя II Комнина, гл. 2—3.

ритъ: какъ будто страшная буря пронеслась по городу, возмущеніе охватило городъ; жители домовъ выброшены за дверь, а съ лицами богатыми толпа обращалась хуже, чѣмъ внѣшніе враги. Богатства, находимыя въ домахъ, необузданная толпа расхищала точно разбойники, а если открывала кого изъ самихъ богачей, то варварски ихъ умерщвляла,—кровь согражданъ обагряла улицы [127]). По этому-ли или по другому подобному случаю извѣстный Григорій Палама говорилъ горячую проповѣдь, въ Ѳессалоникѣ, проповѣдь, въ которой онъ яркими чертами описываетъ неистовство и безчеловѣчіе дерзкой и безразсудной черни. «Кто и кто бѣгаетъ по сему городу, говорилъ ораторъ, разбиваетъ дома, расхищаетъ имущество и съ бѣшенствомъ за носъ водитъ хозяевъ и кричитъ на нихъ безжалостно и безчеловѣчно? Какая обширность бѣдствія? Городъ самъ противъ себя воюетъ, своими ногами швыряется, своими руками подкапывается, своими криками оглашается послѣ того, какъ лучшіе граждане его пали, а чернорабочіе и пошляки стали начальниками» [128]).

Немного было у Византійцевъ и тѣхъ качествъ, которыми условливается крѣпость государственныхъ порядковъ и благоденствіе государства. Византійцы не могутъ похвалиться ни преданностію верховной власти, ни самоотверженіемъ. Истино преданными своему государю Византійцы были не часто. Одинъ изъ Византійскихъ императоровъ, характеризуя вѣрноподданническія чувства своего народа, говорилъ: «вѣрность большей части подданныхъ окоченѣла на маскѣ (т.-е. была фальшива и лицемѣрна) и притомъ,

---

[127]) Gregorae. Historia Byzant. XIII, cap. 10, tom, II, 675.
[128]) Труды К. Д. Академіи. 1880, т. 1. Епископа Порфирія: «Проповѣдники въ Греціи», стр. 669.

пока царь благоденствуетъ, а какъ скоро онъ униженъ, подданные непремѣнно становятся дерзки и нападаютъ». По представленію этого императора царь Византіи «окруженъ лишь кознями»[129]). Чуть народъ недоволенъ императоромъ, онъ не переноситъ своего недовольства терпѣливо; нѣтъ, онъ сейчасъ-же начинаетъ такъ сильно порицать царя, какъ рѣшительно наканунѣ восхвалялъ его. «Неуваженіе къ властямъ народъ (разумѣется здѣсь преимущественно низшій классъ) удерживаетъ за собой, какъ врожденное ему зло; ибо кого сегодня превозносятъ, какъ законнаго властителя, того на другой день поносятъ, какъ злодѣя»[130]). Склонность къ революціямъ, какъ извѣстно, составляла характеристическую черту Византійцевъ. Хоть преувеличенно, но очень выразительно говоритъ по этому поводу Никита: «Греки каждую минуту готовы возвести на престолъ новаго царя, и при самомъ возведеніи обдумывать уже, какимъ-бы образомъ его низвергнуть,—и справедливо, замѣчаетъ историкъ, они слывутъ народомъ матереубійственнымъ, чадами проклятія, сынами беззаконія»[131]). Если возникало междоусобіе въ государствѣ, что встрѣчалось нерѣдко, то политическія страсти достигали высшаго напряженія, при чемъ приверженцы партій забывали о близкомъ родствѣ, если оно было, и о священныхъ своихъ обязанностяхъ, если адептами партій были духовныя лица. Такъ въ одно изъ междоусобій, описанныхъ Григорой, вотъ что произошло: «возстали другъ противъ друга: дѣти противъ родителей, родители противъ дѣтей, братья противъ братьевъ, сосѣди на сосѣдей и—что еще

---

[129]) Это слова Михаила Палеолога. См. Пахимера, исторія о Мануилѣ и пр. кн. IV, гл. 1. Русск. пер.

[130]) Никиты. Царствов. Алексѣя II, гл. 5.

[131]) Никиты. Исторія. Томъ II, стр 418. Русск. пер.

важнѣе—епископы и пресвитеры противъ епископовъ и пресвитеровъ и монахи противъ монаховъ»[132]). А въ результатѣ этого и подобныхъ явленій было то, что «частныя революціи развратили нравственность народа; у большинства подданныхъ подавлена была привязанность къ родинѣ и готовность дѣятельно служить благу соотечественниковъ»[133]).

Отъ нравственнаго положенія Византійскаго общества перейдемъ къ религіозному. Религіозность составляла одну изъ выдающихся чертъ жизни Византійцевъ. Но нельзя сказать, чтобы въ религіозныхъ отношеніяхъ Византійскаго народа все заслуживало одобренія и служило къ назиданію. Благочестіе Византійцевъ не исключало существованія въ средѣ ихъ такихъ явленій, которыя должны были сильно оскорблять глубоко-религіозное чувство. Власть церковная часто вынуждена была бороться съ непорядками, прокравшимися въ самое совершеніе богослуженія. Такъ въ Константинопольскомъ синодѣ XII вѣка постановлены были «опредѣленія противъ тѣхъ архіереевъ, которые, совершая богослуженіе во дни памяти усопшихъ благородныхъ и великихъ людей, позволяли себѣ говорить похвальныя молитвы въ стихахъ»[134]). Замѣчательно: такихъ архіереевъ оказалось много. Подобнаго-же свойства непорядки найдены были и среди чтецовъ. Нѣкоторые «чтецы въ тѣ-же дни памяти выполняли музыкальныя и органныя мелодіи и обращали похоронную пѣснь въ свадебную»[135]). Еще болѣе непристойныя дѣйствія

---

[132]) Византійск. исторія IX, 6.

[133]) Никиты. Царствов. Алексѣя, брата Исаака Ангела, кн. II, гл. 5.

[134]) Вальсамона толкован. на 115 пр. собора Карфагенскаго. Правила съ толкованіями, стр. 1581.

[135]) Ibid.

позволяли себѣ нѣкоторые клирики, превращая церковь во что то въ родѣ театра. По словамъ Вальсамона, въ его время, иные «изъ клириковъ въ нѣкоторые праздники надѣвали на себя разныя личины (маски), а иногда вооружившись мечами, въ воинскихъ одеждахъ выходили на средину церкви»[136]). Нѣкоторые священники позволяли себѣ неблагоговѣйное обращеніе съ святой Евхаристіей. Такъ одинъ священникъ по какой-то причинѣ—небрежности или еще чему—оставлялъ дары непотребленными, причемъ онъ допускалъ странные поступки: хлѣбы предложенія валялись въ алтарѣ, гдѣ случится; а къ чашѣ съ виномъ онъ или подзывалъ мальчика и поилъ его, или же оставлялъ ее безо всякаго употребленія[137]). Другой священникъ въ минуту сильнаго гнѣва въ самомъ алтарѣ прибилъ служку, но такъ неосторожно, что при этомъ пролилъ св. дары на землю[138]). Случалось, священники относились къ таинствамъ и храму съ такимъ неблагоговѣніемъ, что повидимому для нихъ не было ничего святаго. Вотъ что знаемъ изъ одного документа о какомъ-то священникѣ XIV вѣка. Однажды, когда этотъ священникъ началъ службу (литургію), въ церковь вошла собака; ее стали выгонять, но священникъ сказалъ: «оставьте ее она услыхала «пріидите» и вошла». Въ другой разъ, тому-же священнику пришлось въ храмѣ освящать воду; для этой цѣли приготовлено было большое корыто (σκάφη); увидя, что корыто было велико, священникъ, окончивши водосвятіе, сказалъ: «вотъ теперь посадите сюда и свинью». Еще въ другой разъ при встрѣчѣ съ

---

136) Толков. на 62 пр. Трульск. собора. Правила съ толков., 650.

137) Miklosich. Acta patriarchatus Constantinop. Tom. I, 540.

138) Acta patr. Const. Tom II, p. 115.

священникомъ, съ которымъ онъ былъ въ дурныхъ отношеніяхъ, сказалъ: «тебя хиротонисала не благодать Св. Духа, а благодать (!) діавола»[139]). Недостатокъ уваженія къ святости храма проявлялся иногда у Византійскаго духовенства въ фактахъ очень крупныхъ. Безчинствомъ въ храмахъ заявляли себя не отдѣльные клирики, а за разъ многія духовныя лица, не исключая архіереевъ. Вотъ одинъ изъ очень видныхъ случаевъ, записанныхъ историками. Въ царствованіе Андроника Старшаго такъ называемые арсениты, получивъ силу и означеніе, заняли митрополичьи и другія высшія мѣста, а для посрамленія своихъ противниковъ изъ архіереевъ и другихъ клириковъ устроили слѣдующее: Арсениты «собрали ихъ, какъ овецъ, въ великій Влахернскій храмъ» въ Константинополѣ. Что-же послѣдовало дальше? нѣчто невѣроятное. «У кого найдется, говоритъ Григора, такое жестокое и такое каменное сердце, чтобы разсказать о той наглости, какую они (арсениты) обнаружили въ отношеніи къ несчастнымъ епископамъ и другимъ священнымъ лицамъ? Послѣ ругательствъ, предсѣдатели приказали прислужникамъ снимать съ головъ повинныхъ лицъ покрывала и бросать ихъ на землю съ троекратнымъ провозглашеніемъ: ἀνάξιος— у другихъ-же снимать другія одежды и, заворачивая имъ подолы на голову, возглашать тоже, а потомъ толчками, пинками и пощечинами, какъ какихъ-нибудь убійцъ, выгонять изъ храма»[140]). И все это безобразіе совершалось въ храмѣ и самими-же архіереями и ихъ приспѣшниками!

Въ религіозномъ состояніи Византійскаго общества

---

[139]) Acta. Ibid. Tom I, 41. Въ подобнаго же рода неблагочинныхъ поступкахъ изобличаемъ былъ и одинъ протопопъ. Ibid. Tom II, 52—53.

[140]) Кн. VI, гл. 2.

разсматриваемаго времени можно находить много своеобразнаго, страннаго и суевѣрнаго. Въ Византійцахъ мы видимъ людей, у которыхъ чистыя и свѣтлыя религіозныя идеи были въ смѣшеніи съ представленіями, не согласными съ этими идеями. Религіозное самосознаніе Византійцевъ стояло на не высокой степени развитія. Прежде всего отмѣтимъ неудержимое стремленіе ихъ такъ или иначе дознаваться: что каждаго изъ нихъ ожидаетъ въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ. Суетное любопытство замѣняло у нихъ христіанскую преданность волѣ Провидѣнія. Византійцы любили гадать. Гадали они на всемъ. Первое мѣсто при этомъ гаданьи занимали у нихъ предметы наиболѣе священные. Они любили гадать на Евангеліи и гаданье это было очень распространено. Гаданья на Евангеліи не чуждались сами епископы. Вотъ, напримѣръ, какъ происходило гаданье епископовъ касательно судьбы, ожидающей новопоставляемаго патріарха Константинопольскаго. Когда на голову посвящаемаго возлагается разверстое Евангеліе, то смотрѣли, какими словами начинаются тѣ страницы, на которыхъ разверсто Евангеліе; и по этимъ словамъ заключали о будущемъ. Такъ когда при посвященіи въ патріархи Аѳанасія (кон. XIII в.) митрополитъ Никомидійскій возложилъ на него Евангеліе, то оказалось, что разверстыя страницы начинались словами: «діаволу и ангеламъ его». Одинъ изъ посвящающихъ архіереевъ, митрополитъ Никейскій, первый увидалъ эти слова, но нашелъ неловкимъ, чтобы о нихъ узнали и другіе; поэтому онъ взялъ Евангеліе въ свои руки, ловко смѣшалъ страницы и открылъ книгу въ другомъ мѣстѣ, гдѣ читалось: «и птицы небесныя привитаютъ въ немъ» (притча о сѣмени горчичномъ). По сужденію лицъ, узнавшихъ о тѣхъ словахъ, которыя сначала открылись при по-

священіи Аѳанасія, его ожидали вѣчныя муки. Во время посвященія другого патріарха, Арсенія (въ сред. XIII в.), при подобномъ же случаѣ открылись слова: «скрежетъ зубовъ». Ясно, что, по этимъ словамъ, Арсенія какъ и Аѳанасія, въ будущемъ ожидали адскія мученія. Но такого толкованія указаннымъ словамъ дать не хотѣли, такъ какъ Арсеній былъ очень благочестивый человѣкъ, поэтому относили ихъ къ тѣмъ несчастіямъ, которыя ожидали его въ патріаршествѣ [141]). Иногда гаданіе происходило лишь при помощи Евангелія, но совершалось по другой священной книгѣ—Псалтыри. Разъ это гаданье происходило такъ: какой-то священникъ привязалъ Евангеліе къ дереву, такъ что оно свободно вращалось, затѣмъ гадалъ на Псалтыри, давалъ отвѣтъ на тѣ или другіе вопросы, читая вѣроятно то, что открывалось случайно [142]). Иногда гаданье совершалось чрезъ записочки, полагаемыя на св. престолъ. Такъ дѣлалъ императоръ Алексѣй I Комнинъ. Однажды, во время военной экспедиціи, онъ былъ въ большемъ затрудненіи: какъ ему поступить, такъ или иначе? Для рѣшенія вопроса онъ сдѣлалъ слѣдующее: взялъ два лоскутка бумаги, на одномъ написалъ, что слѣдуетъ поступить такъ, а на другомъ, что слѣдуетъ поступить иначе. Обѣ записочки вечеромъ отнесъ въ храмъ, положилъ на престолъ. Ночь Алексѣй проводитъ въ молитвѣ. На утро священникъ, по приказанію царя, отправляется въ церковь, беретъ первую попавшуюся записочку. Такимъ образомъ и рѣшается затруднительный вопросъ [143]).

---

[141]) Pachymeris. De Michaële et Andronico Palaeolog. Lib. II, cap. 15. Tom II, p. 146—7, edit. Bonn.

[142]) Толкованіе Вальсамона на 61 пр. Трульск. соб. Прав. съ толкованіями, стр. 644.

[143]) Annae. Alexias. Lib. XV. Migne, tom. 131, p. 1133.

Изъ другихъ родовъ гаданій на предметахъ не священныхъ особенно видное мѣсто занимало гаданье на зернахъ. Гаданье это было очень распространено. По словамъ Вальсамона многіе изъ монаховъ и даже членовъ синода (?) хаживали къ женщинамъ, которыя по ячменнымъ зернамъ возвѣщали будущее другимъ [144]). Такого рода гаданьемъ занимались лица, слывшія благочестивыми. Ворожеями на зернахъ были старухи женщины, славившіяся добродѣтелью и святостію, сопровождавшія свои нашептыванія пѣніемъ псалмовъ; этимъ же дѣломъ занимались и монахи, благообразные, «съ красивыми волосами и бородами», носившіе власяницы и вретища, заявлявшіе, что они предсказываютъ будущее по ангельскому откровенію [145]). Существовалъ цѣлый разрядъ женщинъ, называвшихся: χρίτριαι, которыя имѣли своей профессіей предсказаніе будущаго. Они почитали свое дѣло дѣломъ благочестивымъ. Эти ворожеи «сидѣли у церквей и у св. иконъ и объявляли, что отъ нихъ можно узнать будущее, какъ будто имѣли онѣ духъ Пиѳона» [146]). Иногда гаданье производилось въ опредѣленное время года и совершалось публично. Разумѣемъ гаданье, совершавшееся въ Византіи въ ночь «подъ Иванъ-Купалу». Ворожба на этотъ разъ происходила такъ: «вечеромъ 23 іюня собирались на морскихъ берегахъ и въ нѣкоторыхъ домахъ мущины и женщины и какую-нибудь перворожденную дѣвицу убирали, какъ невѣсту. Затѣмъ послѣ пиршества и неистовыхъ плясокъ, послѣ пѣнія и криковъ, наливали въ мѣдный сосудъ съ узкимъ горломъ морскую

---

[144]) Толков. Вальсамона см. выше цитированное мѣсто.

[145]) Вальсамона. Толкованіе на 72 пр. Васил. Велик. Правила съ толкован. стр. 351.

[146]) Вальсамона на 61 пр. Трульскаго собора. Правила съ толков., стр. 644.

воду и клали туда нѣкоторыя вещи, принадлежащія каждому изъ гадальщиковъ». Затѣмъ они спрашивали ее: съ кѣмъ будетъ то-то или то-то, упоминая при этомъ какое либо радостное или печальное событіе. Затѣмъ дѣвица, вынувъ изъ вложенныхъ въ сосудъ вещей какую-нибудь наудачу попавшуюся, показывала. Тотъ, кому принадлежала вещь, оставался въ увѣренности, что съ нимъ въ самомъ дѣлѣ случится что либо счастливое или несчастное. Въ это же время происходило и другаго рода гаданье. Оно состояло въ слѣдующемъ: «всю ночь жгли груды сѣна, скакали чрезъ нихъ и ворожили, гадая о счастьи или несчастьи» [147]).

Кромѣ перечисленныхъ способовъ гаданія, носившихъ въ томъ или другомъ отношеніи религіозный оттѣнокъ, въ Византіи было безчисленное множество гадателей, считавшихъ себя волхвами и магами въ строгомъ смыслѣ этихъ словъ. Для того, чтобы снискать себѣ довѣріе въ обществѣ, они обставляли себя предметами, поражавшими воображеніе. Такъ одинъ изъ такихъ магиковъ имѣлъ у себя изображеніе черепахи, вмѣщавшей въ себѣ человѣческую фигуру, у которой обѣ ноги были въ кандалахъ, а грудь насквозь пронзена гвоздемъ [148]).

Суевѣрія, какъ какія то тенета со всѣхъ сторонъ окружали Византійца того времени—будетъ ли то высокопоставленное лице или простолюдинъ—и дѣлали его жизнь тревожною и жалкою. Въ религіи онъ не умѣлъ черпать бодрости и утѣшенія, а знаній, кото-

---

[147]) Вальсамона. Толков. на 65 пр. Трул. соб. Правила съ толкованіями 660—661.

[148]) Никиты. Царствов. Манупла, кн. IV, гл. 6, стр. 187. См. подробности объ этого рода гаданіяхъ и соединенныхъ съ ними дѣйствіяхъ у проф. Скабалановича. Хр. Чт. 1886, т. I, стр. 580—581.

рыя бы дѣлали его хоть сколько нибудь увѣреннымъ въ себѣ, у него не было. Всѣ непонятныя явленія заставляли его трепетать, жизнь становилась какой то тяготой. Въ Византійской имперіи почти относительно каждаго значительнаго лица ходили темныя, неясныя предсказанія; конечно, эти предсказанія наполовину, а можетъ быть и больше—были тревожнаго характера. Приходилось жить не только остерегаясь дѣйствительныхъ опасностей, но и воображаемыхъ. Не вѣрить подобнаго рода предсказаніямъ было нельзя. Даже умные люди, въ родѣ Никифора Григоры, вотъ какъ разсуждали на этотъ счетъ: «можетъ быть кто нибудь недоумѣваетъ—разсуждаетъ онъ—откуда берутся и какъ появляются оракулы, которые ходятъ между людьми. Всѣ историки и писатели замѣчаютъ только, что въ то или другое время ходилъ оракулъ въ народѣ и впослѣдствіи оправдался тѣмъ или другимъ событіемъ. А кому обязанъ своимъ происхожденіемъ каждый изъ этихъ оракуловъ, этого рѣшительно никто не можетъ сказать и объяснить, если только не хочетъ солгать. По мнѣнію нѣкоторыхъ, какія то служебныя силы, однѣ добрыя, другія напротивъ злыя, обтекаютъ воздухъ и землю, присматриваясь къ тому, что происходитъ здѣсь и, получивъ свыше знаніе о будущихъ событіяхъ, передаютъ его людямъ, то въ сновидѣніяхъ, то при пособіи звѣздъ, то съ какого нибудь Дельфійскаго треножника, а иногда, — чтобы не распространяться много, посредствомъ голоса, сначала неопредѣленно раздающагося въ воздухѣ, а потомъ раздѣльно въ ушахъ каждаго; этотъ-то голосъ древніе и называли божественнымъ. Часто случалось также, что на скалахъ или стѣнахъ находили письмена, безъ всякаго указанія на того, кто ихъ написалъ». Григора нимало не сомнѣвается, что оракулы эти истинны и что отъ

нихъ даже проистекаетъ польза. Но онъ въ то же время не можетъ не сказать, что «для людей малодушныхъ ожиданіе грядущихъ бѣдствій становится сущимъ наказаніемъ» [149]). А такъ какъ людей слабохарактерныхъ больше, чѣмъ мужественныхъ, то понятно, сколькимъ лицамъ эти вздорные оракулы отравили счастіе жизни. Во всѣхъ болѣе замѣчательныхъ явленіяхъ міра физическаго Византійцы старались находить указаніе на что-то невѣдомое, темное, на что-то такое, что должно было непремѣнно случиться. Какихъ взглядовъ держались Византійцы на затмѣніе солнца, съ этимъ можно познакомиться на основаніи того-же Григоры, человѣка, повторяемъ, весьма не глупаго. Въ 1267 году произошло затмѣніе солнца въ Константинополѣ. Оно было такое глубокое, что показались звѣзды. По разсужденію Григоры, затмѣніе это было не съ проста; «оно указывало на величайшія и тягчайшія бѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ—констатируетъ историкъ—начались страданія народа и возрастали непрерывно, хотя и мало-помалу». Затѣмъ Византійскій ученый прибавляетъ: «А что такія знаменія небесныхъ свѣтилъ предъуказываютъ на земныя страданія, этого я думаю не станетъ опровергать никто, развѣ кто любитъ по пусту спорить» [150]). Для удостовѣренія въ справедливости его словъ Григора раскрываетъ свои космологическія представленія, но ихъ излагать мы, разумѣется, не станемъ. Византійцы подчасъ пугались воображаемыхъ явленій и поражались ихъ необычайностію. Однажды императоръ Андроникъ Старшій услышалъ въ полночь во дворцѣ ржаніе лошади и вообразилъ себѣ, что ржала та самая лошадь, которая была нарисо-

---

149) Григоры. Визант. ист., V, 7.
150) Кн. IV, гл. 8.

вана на одной дворцовой стѣнѣ. Онъ очень обезпокоился, что значило бы такое явленіе? Для разрѣшенія вопроса онъ приглашаетъ ученаго друга своего, великаго логоѳета Метохита, и начинаетъ съ нимъ разслѣдовать загадочный феноменъ по его значенію. Эту замѣчательную конференцію въ слѣдующихъ выразительныхъ чертахъ описываетъ Григора: «великій логоѳетъ пришелъ къ царю, но о чемъ они разсуждали наединѣ, никто не могъ узнать; только по нѣкоторымъ признакамъ послѣ могли мы заключать, что они разсмотрѣли сначала какія-то гадательныя книги, въ которыхъ неизвѣстные авторы темно и загадочно говорятъ о будущемъ, и потомъ сдѣлали астрологическія выкладки, посредствомъ которыхъ люди узнаютъ теченіе звѣздъ и догадываются о своемъ будущемъ, и изъ нихъ вывели такое заключеніе, что надобно ожидать нашествія непріятеля, смутъ въ государствѣ и опасности для царской власти» [151]). Вотъ сколько слѣдствій суевѣрная мысль Византійца вывела изъ фантастическаго факта — ржанія нарисованной лошади.

Такъ какъ суевѣрному Византійцу часто представлялось, что его со всѣхъ сторонъ ожидаютъ бѣды, непредвидѣнныя, разнообразныя и ужасныя, то онъ старался напередъ застраховать себя отъ подобныхъ напастей, но искалъ себѣ помощи не въ преданности волѣ Божіей и молитвѣ, а въ различныхъ талисманахъ, которые особые спеціалисты изготовляли въ большомъ обиліи для желающихъ навѣрняка предотвратить грядущія напасти. Дѣлатели талисмановъ, по словамъ Вальсамона, даютъ обманываемымъ ими паціентамъ какія-то плетенья изъ шолковыхъ нитокъ или мѣшечки, внутри которыхъ иногда находились

---

[151]) Кн. VIII, гл. 5.

записочки, а иногда какая-нибудь пустячная вещь; эти спеціалисты увѣряли, что получающіе талисманы, если станутъ непрестанно носить ихъ на шеѣ, то будутъ предохранены отъ всякаго зла. «Если бы я имѣлъ время, замѣчаетъ этотъ канонистъ—патріархъ конца XII вѣка, разсказать, сколько я видѣлъ такихъ случаевъ въ синодѣ, на судѣ, то составилъ бы о нихъ *большую* повѣсть». Такими талисманами не пренебрегали даже лица духовныя, а тѣмъ болѣе простонародье. Такъ, напр., оказалось, что одинъ игуменъ монастыря носилъ за пазухою сорочку новорожденнаго младенца и говорилъ, что она дана ему одною женщиною для отвращенія и загражденія устъ тѣмъ, которые покусились бы говорить противъ него [152]). Въ жизни простаго народа играли важную роль въ качествѣ спеціалистовъ по части доставки талисмановъ вожаки медвѣдицъ и другихъ потѣшныхъ животныхъ. Канонистъ Зонара такъ говоритъ объ этомъ предметѣ: къ вышеуказаннымъ животнымъ «привѣшиваютъ сосуды съ жидкостями и выстригаютъ съ животныхъ волосы; то и другое дается женщинамъ, какъ предохранительные талисманы, обладающіе силою помогать въ болѣзняхъ или предохранять отъ завистливыхъ глазъ. Женщины принимаютъ это какъ что-то необходимое и просятъ, чтобы дѣтей ихъ посадили на спину звѣря, какъ будто и этимъ отъ дѣтей ихъ будутъ отвращены бѣдствія» [153]). Въ тяжкихъ, опасныхъ болѣзняхъ не только простой народъ, но и лица царскаго рода не брезгали леченіемъ посредствомъ разнаго рода волшебныхъ дѣйствій «даже въ томъ случаѣ, когда подобнаго рода знахарей мож-

---

[152]) Толк. Вальсамона на 61 пр. Трульск. собора. Правила съ толков., стр. 643—644.

[153]) Толкованіе Зонары на 61 пр. Трульск. собора. Ibid., стр. 641.

но было заподозрѣвать въ чисто языческихъ наклонностяхъ. Вотъ разсказъ о леченіи Зои, жены принца Алексѣя, сына императора Іоанна Комнина. Зоя тяжко захворала, врачи поставлены были въ затрудненіе предъ сложностью болѣзни и пришли въ отчаяніе. Казалось, что оставалось больной искать утѣшенія лишь въ религіи. Но она обращается за помощью къ какимъ-то шарлатанамъ, которые взялись ее вылечить, убѣдивъ ее, что больна она вслѣдствіе колдовства. И вотъ началось леченіе: непризванные врачеватели «тайно разбросали по угламъ восковыхъ идоловъ и совершили множество другихъ странныхъ вещей, въ поруганіе Бога и въ напасть многимъ людямъ», которымъ пришлось отвѣчать предъ церковнымъ судомъ за допущеніе подобнаго суевѣрія [154]).

Такъ много было недостатковъ въ религіозномъ состояніи Византійцевъ. Но было бы несправедливо, указавъ темныя стороны въ религіозной жизни этихъ людей, не указать и свѣтлыхъ явленій той-же жизни. Византійцы, при всѣхъ недостаткахъ, были глубоко и искренно преданы православію; эту преданность можно назвать образцовою. Нельзя не замѣчать даже того явленія, что чѣмъ больше слабѣло государство, какъ политическій организмъ, тѣмъ сильнѣе возрастала въ Византійцахъ привязанность въ вѣрѣ отцевъ. Историкъ Григора, ни мало несклонный восхвалять достоинства своихъ согражданъ, однакоже даетъ слѣдующій замѣчательный отзывъ о приверженности грековъ къ православной вѣрѣ: «народъ (греческій) такъ твердъ и крѣпокъ въ вѣрѣ, что скорѣе желѣзо измѣнится въ своихъ свойствахъ, чѣмъ онъ допуститъ незначительное отступленіе отъ отеческихъ догма-

---

154) Толкованіе Вальсамона на 83 пр. Васил. Велик. Правила съ толков., 376.

товъ» [155]). За одно это достоинство Византійцевъ можно простить имъ множество недостатковъ, внѣдрившихся въ ихъ бытъ и жизнь. Но греки имѣли и другія почтенныя качества, характеризовавшія ихъ религіозное состояніе. За вѣру они готовы были вынести страданія и смерть [156]). Византійцы никогда не забывали возблагодарить Бога за оказанную милость; примѣровъ—безъ числа; но они же терпѣливо покорялись волѣ Божіей въ тяжкихъ народныхъ бѣдствіяхъ (наприм., во время латинскаго владычества въ Константинополѣ). Лучшіе люди въ тяжкихъ обстоятельствахъ своей личной жизни искали помощи и заступленія въ религіи и получали отсюда помощь, которую напрасно надѣялись имѣть отъ людей [157]). Одною изъ достохвальныхъ чертъ въ Византійцахъ того времени нужно признать ихъ преданность и подчиненіе авторитету лицъ іерархическихъ. Разскажемъ коротко одинъ случай въ подобномъ родѣ. Патріархъ Византійскій Аѳанасій, по строптивости характера, вынужденъ былъ оставить патріаршую каѳедру (въ концѣ XIII в.). Но этотъ іерархъ не захотѣлъ примириться съ своей долей. Въ отмщеніе обществу, недовольному имъ—Аѳанасіемъ, этотъ послѣдній пишетъ отлученіе на народъ Византійскій, и грамоту тайно скрываетъ гдѣ то на вершинѣ стѣнъ св. Софіи, въ какой-то трещинѣ. Само по себѣ, подобное прещеніе, какъ канонически неправильное и

---

155) Визант. Исторія, кн. X, гл. 8, стр. 512.

156) Измѣна вѣры встрѣчалась рѣдко. Она совершалась не вслѣдствіе предпочтенія чужой вѣры своей вѣрѣ, а ради выгодъ и политическихъ разсчетовъ. Такъ было съ племянникомъ императора Іоанна Комнина, по имени тоже Іоанномъ. Никиты царствов. Іоанна., гл. 10.

157) Разумѣемъ, напр., разсказъ Зонары о патріархѣ Іоаннѣ Халкидоніи (XII в.). Annales, lib. XVIII, cap. 25, Migne, p. 313.

несправедливое, не имѣло значенія. Но оно тѣмъ не менѣе произвело великій переполохъ въ обществѣ, когда случайно открыли грамоту Аѳанасія въ трещинѣ стѣны. Народъ и императоръ глубоко заинтересованы были вопросомъ: не стали они въ самомъ дѣлѣ отлученными отъ церкви? Нужно было успокоеніе со стороны самого Аѳанасія, чтобы народъ избавился отъ нестерпимой для него тревоги [158]). Нужно-ли еще добавлять, что Греки благоговѣйно чтили всѣ уставы церкви—праздники, посты? и т. д. Краткая молитва: «Господи помилуй» сопровождала каждое полезное дѣло, надъ которымъ трудился хозяйственный поселянинъ [159]).

Не смотря на то, что Византійцамъ присущъ былъ духъ церковности, если безпристрастно станемъ оцѣнивать: чего больше было въ религіозно-нравственной жизни Византійцевъ—хорошаго или худаго, то, къ сожалѣнію, должны будемъ сознаться, что отъ стеченія различныхъ причинъ очень много зла накопилось въ греческомъ христіанскомъ народѣ изучаемыхъ нами вѣковъ. Болѣе наблюдательные изъ грековъ, когда имъ приходилось высказывать свое сужденіе о нравственно-религіозномъ положеніи роднаго общества, сурово и скептически отзывались относительно этого положенія. Какой-то анонимный греческій писатель, принадлежащій изображаемой эпохѣ, въ написанномъ имъ сочиненіи подъ заглавіемъ: «какія причины постигшихъ насъ бѣдствій», представляетъ печальную картину жизни грековъ. Онъ говоритъ: «Большая часть изъ насъ не знаетъ, что значитъ быть христіаниномъ, а если и знаютъ, не спѣшатъ жить

---

158) Pachymeris. De Mich. et Andron. Palaeolog., lib. III, 24 (Tom. II, 249—257 Bonn.).

159) Вальсамон. Толков. на 62 прав. Трульск. собора. Правила съ толков. 650.

сообразно съ этимъ; священники наши поставляются за деньги; они, какъ и прочій народъ, еще до брака вступаютъ въ связи съ ихъ будущими женами; за подарокъ духовные отцы прощаютъ грѣхи и допускаютъ до причастія; монахи, хвалящіеся дѣвственностію, безъ стыда живутъ вмѣстѣ съ монахинями [160]); мы не отмщеваемъ за оскорбленіе имени Божія, за которое должны бы положить душу; имя врага креста (діавола) не сходитъ у насъ съ языка: имъ мы обзываемъ другъ друга; мы анаѳематствуемъ и проклинаемъ каждый день и самихъ себя и другихъ; не испытывая страха, даемъ какую угодно клятву и ежечасно нарушаемъ ее; мы оскорбляемъ, какъ не дѣлаютъ того и нечестивцы, православную вѣру, законъ, святое; за деньги мы отдаемъ своихъ малолѣтнихъ дочерей на растлѣніе; гадаемъ на иконахъ, по встрѣчамъ людей, по крику птицъ, по карканью воронъ; празднуемъ календы, носимъ мартовскіе амулеты, вопрошаемъ о будущемъ, прыгаемъ чрезъ зажженный костеръ (языческій обычай); носимъ талисманы на шеѣ и ворожимъ на зернахъ. Добродѣтель все больше и больше исчезаетъ, а грѣхъ все усиливается. Наши власти несправедливы, чиновники корыстолюбивы, судьи подкупны, всѣ безнравственны, дѣвы хуже блудницъ, священники невоздержны [161]). Не лучше рисуются нравы Византійцевъ и у другихъ, болѣе авторитетныхъ лицъ. Въ пастырскомъ увѣщаніи, съ которымъ повидимому патріархъ обращается къ жителямъ Константинополя въ началѣ XIV вѣка, помѣщенъ очень длинный списокъ пороковъ и грѣховъ,

---

[160]) На о. Критѣ дѣйствительно монахи и монахини жили въ общихъ монастыряхъ. Miklosich. Acta patr. Const. Tom. II, 477.

[161]) Hersenröther. Photius patr. von Constantinop. B. III, 838—839. Нѣмецкій авторъ излагаетъ содержаніе сочиненія, хранящагося въ рукописи въ Мюнхенѣ.

которыми были заражены обличаемые [162]). Историкъ Григора съ своей стороны не находилъ словъ, чтобы выразить ту степень паденія, какой достигли его соотечественники. «Съ теченіемъ времени, скорбитъ онъ, исчезли добрые обычаи, которые точно погрузились на дно морское; и вотъ души всего христіанскаго міра блуждаютъ точно по какой-нибудь непроходимой и безводной пустынѣ. Безсовѣстность дошла до того, что за одинъ оболъ даютъ страшнѣйшія клятвы, которыя даже не посмѣетъ передать перо писателя. Люди впали въ безсмысленное состояніе и не стало человѣка, который могъ бы самъ рѣшить, что́ полезно, и какими признаками отличается благочестіе отъ нечестія». Историкъ спрашиваетъ: «Кого это не поставитъ въ недоумѣніе? Какой души не потрясетъ, хотя бы она была тверда, какъ желѣзо» [163])? Для лицъ, на которыхъ въ особенности лежали духовныя попеченія о Византійцахъ, уже казалось, что общество перестало бояться Бога и стыдиться людей» (μήτε θεόν φοβούμενοι, μήτε ἀνθρώπους αἰσχυνόμενοι) [164]).

IV. Отношенія государственной власти къ церкви.

Отношенія, въ какія становились Византійскіе императоры къ церкви, на языкѣ западныхъ писателей обыкновенно называются цезаропапствомъ. Это значитъ, что указанные писатели находятъ въ положеніи Византійско-восточной церкви самыя ненормальныя отношенія между государствомъ и церковію, при которыхъ императоры выражаютъ себя какъ полно-

---

162) Miclosich Acta. Tom. II, 464—5.
163) Византійская. Истор. кн. VI, гл. 5.
164) Acta patr. Const. I, 368.

властные главы и владыки церкви, при которыхъ — иначе сказать—они являются вмѣстѣ царями и первосвященниками. Представленія эти о Византійскихъ отношеніяхъ государства и церкви—частію несправедливы, частію справедливы. Они несправедливы, когда хотятъ видѣть въ подобныхъ отношеніяхъ какую-то систему, будто-бы принятую и утвердившуюся, какъ законъ, въ Византійской имперіи; но они справедливы, если съ этими представленіями соединяется лишь мысль о томъ, что въ Византіи нормальныя отношенія государства къ церкви весьма часто переходили въ ненормальныя, что здѣсь императоры въ религіозныхъ дѣлахъ брали на себя болѣе, чѣмъ сколько того требовали благо церкви и польза ея, и что забывалось истинное понятіе о императорѣ, какъ членѣ церкви, подчиненномъ голосу пастырей въ вопросахъ религіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ разсматриваемый нами періодъ Восточной церкви отъ начала крестовыхъ походовъ до окончательнаго паденія Константинополя, мы встрѣчаемся съ такими государями, которые смотрѣли на себя какъ на верховныхъ распорядителей въ дѣлахъ церкви, ставили себя выше ея іерарховъ. Подобныя неправильныя, спутанныя понятія объ отношеніи высшей свѣтской власти къ церкви съ замѣчательнымъ самообольщеніемъ выражаетъ императоръ Исаакъ Ангелъ, когда говоритъ: «царямъ все позволительно дѣлать, потому что на землѣ нѣтъ никакого различія во власти между Богомъ и царемъ; царямъ все позволительно дѣлать и можно нераздѣльно употреблять Божіе наряду съ своимъ, такъ какъ самое царское достоинство они получили отъ Бога и между Богомъ и ними нѣтъ разстоянія» [1]).

---

[1]) Никиты Хоніата. Исторія. Царствованіе Исаака, кн. III, гл. 7 (текстъ и варіантъ). Рус. переводъ.

При другомъ случаѣ въ одной изъ своихъ новеллъ тотъ же Исаакъ прямо именуетъ себя Επιστημονάρχης'омъ церкви, т. е. опытнѣйшимъ правителемъ церкви, при чемъ онъ приписываетъ себѣ власть исправлять то, что совершается въ церкви вопреки каноническихъ постановленій [2]). Нѣкоторые императоры Византійскіе въ своемъ царскомъ титулѣ употребляли выраженіе «святый», которое обыкновенно прилагали къ себѣ патріархи, и весьма недовольны были, если кто-либо въ титулованіи ихъ опускалъ этотъ терминъ; право на такое титулованіе себя императоры основали на томъ, что они лица миропомазанныя царскимъ помазаніемъ [3]). Къ чему-же приводило то воззрѣніе императоровъ на самихъ себя, на которое мы указываемъ? А вотъ къ чему. По словамъ Никиты Хоніата, для «большей части Византійскихъ царей рѣшительно невыносимо только повелѣвать государствомъ, ходить въ золотѣ, пользоваться общественнымъ достояніемъ, какъ своимъ. Они почитаютъ для себя крайнею обидою, если ихъ не считаютъ мудрецами, богомудрыми подобно Соломону, богодухновенными руководителями, вѣрнѣйшимъ правиломъ изъ правилъ, однимъ словомъ: непогрѣшимыми судіями дѣлъ божескихъ и человѣческихъ» [4]).

Лица, приближенныя къ императорамъ и непосредственно зависимыя отъ нихъ, изъ лести или суетныхъ разсчетовъ, нерѣдко старались поддерживать въ

---

[2]) Isaaci. Novella de electionibus pontificum. Migne. tom. 135, col. 440. Слич. Пахимера. Исторія о Михаилѣ и Андроникѣ, кн. IV, гл. 4.

[3]) Пахимера. Исторія о Михаилѣ и Андроникѣ. Кн. VI, гл. 31.

[4]) Исторія. Царствованіе Мануила, кн. VII, гл. 5.

Византійскихъ императорахъ указанное самомнѣніе; при столкновеніи церковной власти съ государственною, различные сановники и судіи брали сторону гражданской власти въ ущербъ для авторитета церковнаго, ссылаясь на то, что власть царская стоитъ превыше всего. Если какой-нибудь Византійскій императоръ по своему произволу издавалъ какую-либо новеллу, оказывающуюся въ противорѣчіи съ древними, принимаемыми церковію, правилами и узаконеніями, то приспѣшники нѣкоторыхъ Византійскихъ императоровъ, находя дѣломъ неважнымъ, что новелла не согласуется съ церковнымъ законодательствомъ, отдавали предпочтеніе новеллѣ предъ всѣмъ остальнымъ; они настаивали, что «новелла издается для всѣхъ, для всякаго дѣла (и значитъ церковное и гражданское общества одинаково должны исполнять ихъ) и есть общее законоположеніе» [5]). Въ церкви издревле существовало правило, по которому священникамъ и діаконамъ воспрещалось принимать на себя мірскія должности, въ родѣ сборщиковъ податей или какихъ-либо управителей. Но въ изучаемое нами время нѣкоторыя изъ лицъ, приближенныхъ къ Византійскимъ императорамъ, извращали смыслъ церковныхъ опредѣленій по указанному вопросу и говорили: «это имѣетъ мѣсто тогда, когда кто-либо изъ священнослужителей будетъ выполнять мірскую службу безъ царскаго повелѣнія; ибо если кто по царскому усмотрѣнію приметъ на себя какую-либо мірскую службу, то это не будетъ воспрещено ему указанными правилами и онъ не подвергнется наказанію», и при этомъ тѣ же лица прибавляли: «царь не подлежитъ ни законамъ, ни правиламъ» (!) [6]). Подобнаго-же рода

---

[5]) Правила съ толкованіями. Изд. Общества Любителей Дух. Посвѣщ. стр. 190.

[6]) Правила съ толкованіями, стр. 1331—1332.

чрезмѣрные цѣнители Византійской царской власти нерѣдко въ тѣ времена заявляли, что лица духовныя, подлежащія суду, могутъ безпрепятственно вмѣсто соборнаго суда обращаться за разбирательствомъ своихъ дѣлъ къ суду гражданскому, и мотивировали свое заявленіе тѣмъ, что власть царская выше власти церковной; они разсуждали такъ: «царская власть можетъ дѣлать все; она можетъ назначать гражданскаго судью, чтобы судить епископа или другое посвященное лице, привлекаемое къ суду; эта же власть, по законному усмотрѣнію, церковный судъ можетъ замѣнять свѣтскимъ» [7]).

Если лица свѣтскія, имѣвшія свои побужденія поддерживать самообольщеніе Византійскихъ императоровъ по вопросу объ отношеніи ихъ къ церкви, нерѣдко выражали мысли, неблагопріятныя для свободы и самостоятельности церковнаго авторитета, то это явленіе болѣе или менѣе понятно. Но, къ нашему удивленію, отъ мірянъ въ этомъ случаѣ не отстаютъ и лица іерархическаго чина. Отдѣльныя іерархическія лица съ своей стороны, случалось, не только не шли противъ вышеуказанныхъ преувеличенныхъ воззрѣній государей относительно широты ихъ власти, но даже поддерживали ихъ своимъ авторитетнымъ голосомъ. Здѣсь мы должны привесть прежде всего весьма замѣчательныя въ данномъ случаѣ мнѣнія извѣстнаго греческаго канониста XII вѣка, патріарха Антіохійскаго Вальсамона. Вальсамонъ говоритъ: «императоры и патріархи должны быть уважаемы, какъ учители (церкви) ради ихъ достоинства, которое они получили чрезъ помазаніе мѵромъ. Отсюда то происходитъ власть правовѣрныхъ императоровъ наставлять христіанскій народъ и, подобно іереямъ, прино-

---

7) Ibidem, стр. 1317.

сить Богу куреніе. Въ этомъ ихъ слава, что, подобно солнцу, блескомъ своего православія они просвѣщаютъ міръ съ одного его конца до другого. Мощь и дѣятельность императора—касаются тѣла и души (человѣка), тогда какъ мощь и дѣятельность патріарха касаются только одной души (εἰς μόνην ψυχικὴν λυσιτέλειαν). Императоръ и патріархи подобны молотильщикамъ на гумнѣ: они какъ бы лопатой отдѣляютъ мякину отъ настоящей пшеницы, или подобны крѣпкимъ осямъ колесницы, или корабельнымъ мачтамъ и парусамъ; частію чрезъ императорское благопопеченіе, частію чрезъ духовную власть они спасаютъ міръ» [8]). При другомъ случаѣ тотъ же Вальсамонъ перечисляетъ нѣкоторыя церковныя функціи, которыя, по его мнѣнію, принадлежатъ власти императорской; эти функціи очень ясно роднятъ, по сужденію греческаго патріарха, авторитетъ царскій съ авторитетомъ іерархическимъ. «Православные императоры», говоритъ Вальсамонъ, «невозбранно, когда захотятъ, входятъ во св. алтарь, и ходятъ и дѣлаютъ знаменія креста съ трикиріемъ, какъ и архіереи. Они предлагаютъ народу и катехизическое поученіе, что предоставлено однимъ мѣстнымъ архіереямъ». Вообще Вальсамонъ пишетъ: «Какъ царствующій императоръ есть помазанникъ Господень по причинѣ помазанія на царство, а Христосъ и Богъ нашъ есть между прочимъ и архіерей, то благословно и императоръ украшается архіерейскими дарованіями» [9]). Вальсамонъ любитъ останавливаться на разъясненіи мысли, почему императору принадлежатъ права, усвояемыя обыкновенно епископу. Такъ, по одному поводу Валь-

---

[8]) Rhally et Potly. Syntagma. Tom. IV, p. 544—546. Athenae, 1854.

[9]) Вальсамона толков. на 69 прав. Трульскаго собора. Правила съ толкован., стр. 670.

самонъ царское мѵропомазаніе уравниваетъ съ хиротоніей епископской и находитъ, что и послѣдствія этихъ актовъ одни и тѣ же въ извѣстномъ отношеніи. Онъ приводитъ слово Константинопольскаго патріарха X вѣка Поліевкта, который говорилъ, что какъ помазаніе въ крещеніи изглаждаетъ содѣланные прежде того грѣхи, каковы-бы и сколько-бы ихъ ни было, такъ и помазаніе на царство изглаждаетъ даже убійство, совершенное помазывающимся до помазанія. А отъ себя Вальсамонъ разсуждаетъ: «какъ цари называются и суть помазанники Господни, таковы же суть и именуются и архіереи. Вмѣсто же елея, по древнему правилу вливаемаго на царей, для архіереевъ служитъ иго Евангелія и призываніе Св. Духа. Хиротонія архіереевъ и помазаніе царей изглаждаютъ содѣянные прежде хиротоніи и царскаго помазанія грѣхи, каковы бы они ни были» [10]).

Въ томъ же родѣ, какъ и Вальсамонъ, судитъ о власти и значеніи государей въ Византійской церкви и другой представитель церковнаго авторитета—Димитрій Хоматинъ, архіепископъ Болгарскій (XIII в.) [11]). Онъ пишетъ: «императоръ, который есть и называется всеобщимъ верховнымъ правителемъ церквей, стоитъ выше опредѣленій соборовъ; этимъ опредѣлені-

---

[10]) Замѣчательно: Вальсамонъ затѣмъ продолжаетъ: «а рукоположеніе священниковъ и другихъ посвященныхъ лицъ изглаждаетъ малые грѣхи, напр., поползновеніе ко грѣху, ложь и другіе подобные, но не изглаждаетъ прелюбодѣянія». Вальсамона толков. на 12 пр. Анкирскаго собора. Правила съ толков., стр. 935—936.

[11]) Этотъ Димитрій былъ сначала Константинопольскимъ хартофилаксомъ, отличался независимостію и самостоятельностію характера и въ качествѣ архіепископа Болгарскаго имѣлъ значительное вліяніе на дѣла церкви. До насъ дошло его каноническое сочиненіе: Различные вопросы Константина митрополита Диррахійскаго и отвѣты на нихъ Димитрія Хоматина.

ямъ онъ доставляетъ надлежащую силу. Онъ есть мѣрило въ отношеніи къ церковной іерархіи, законодатель для жизни и поведенія священниковъ; его вѣдѣнію подлежатъ споры епископовъ и клириковъ и право замѣщенія вакантныхъ каѳедръ. Епископовъ онъ можетъ дѣлать митрополитами, а епископскія каѳедры митрополичьими каѳедрами. Однимъ словомъ, за исключеніемъ единственнымъ—говоритъ Димитрій Хоматинъ—совершать богослуженіе (ἱερουργεῖν), императору предоставлены всѣ остальныя епископскія привиллегіи (τὰ λοιπὰ ἀρχιερατικὰ προνόμια), на основаніи каковыхъ его церковныя распоряженія получаютъ каноническій авторитетъ. Какъ древніе римскіе императоры подписывались: pontifex maximus, таковымъ же должно считать и теперешнихъ императоровъ, какъ помазанниковъ Господнихъ, ради царскаго помазанія. Подобно тому, какъ Спаситель, будучи помазанникомъ, есть и чтится, какъ первосвященникъ: такъ и императоръ, какъ помазанникъ, украшается благодатію первосвященства» (ἀρχιερατικοῖς κατακοσμεῖται χαρίσμασιν) [12]). Въ воззрѣніи на власть императорскую въ церкви съ Димитріемъ Хоматиномъ согласенъ и писатель церковный Макарій Анкирскій (XIV в.) [13]). Этотъ писатель, ссылаясь на авторитетъ Григорія Нисскаго, Григорія Богослова, IV-го и VI-го вселенскихъ соборовъ, старается доказать, что императоръ, будучи помазанникомъ Божіимъ, освящаясь чрезъ помазаніе мѵромъ, становится архіереемъ, іереемъ и учителемъ вѣры» [14]).

---

[12]) Rhally et Potly. Syntagma canonum. Tom, V, p. 429. Athenae, 1855.

[13]) О личности его неизвѣстно. Выдержки изъ его сочиненій сообщаетъ Левъ Алляцій.

[14]) Apud Allat. De Consensione... p. 219 (Pichler. Geschichte der Trennung, B. I, S. 416).

При такихъ воззрѣніяхъ на чрезмѣрно важное религіозное значеніе императора въ дѣлахъ церковныхъ,—воззрѣніяхъ, какія встрѣчались не только среди болѣе просвѣщенныхъ мірянъ, но и среди представителей тогдашней церкви,—нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если пренебреженіе законовъ церкви со стороны императоровъ и вмѣшательство ихъ въ дѣла вѣры представляли явленія нерѣдкія. Императоры поднимаютъ догматическіе вопросы, императоры дѣятельно участвуютъ въ богословскихъ спорахъ, императоры наклоняютъ въ этихъ случаяхъ рѣшенія церковныя въ пользу своихъ мнѣній и проч. Но особенными злоупотребленіями сопровождалась присвоенная императорами власть по своему желанію и расчетамъ назначать патріарховъ. Желая быть неограниченными распорядителями въ церкви, они нарочно избирали въ патріархи столицы такихъ лицъ, которыя были бы безгласны и послушны. Георгій Акрополитъ прямо заявляетъ, что «обладающіе верховною властію при избраніи патріарховъ соображаются съ своими расположеніями къ извѣстнымъ лицамъ, чтобы не имѣть въ этихъ людяхъ противниковъ своимъ желаніямъ» [15]). При другомъ случаѣ, какъ бы разъясняя эту мысль, Акрополитъ пишетъ: «цари (Византійскіе) вообще хотятъ, чтобы патріархами были люди смиренные, недалекіе по уму, которые легко бы уступали ихъ желаніямъ, какъ законодательнымъ постановленіямъ. А это всего чаще — разъясняетъ историкъ—случается съ людьми необразованными: будучи невѣждами въ словѣ, они не способны на смѣлое слово и преклоняются предъ императорскими распоряженіями» [16]). Историкъ Никифоръ Григора почти

---

[15]) Лѣтопись, гл. 42, Рус. пер.
[16]). Ibidem, гл. 53.

тѣми же словами говоритъ о своекорыстныхъ намѣреніяхъ императоровъ, какими они руководились въ выборѣ патріарховъ. Онъ пишетъ: «цари на такія высокія мѣста (патріаршія) выбираютъ людей (простыхъ, необразованныхъ), чтобы они безпрекословно повиновались ихъ приказаніямъ, какъ рабы, и чтобы не оказывали имъ никакого противодѣйствія» [17]). Византійскіе историки и писатели настолько свыклись съ такими и подобными фактами въ исторіи Византійскаго государства, что перестали видѣть въ этомъ что-либо ненормальное, несообразное съ правилами. Такъ, Георгій Акрополитъ нисколько не удивляется тому, что императоръ Θеодоръ Ватаца умышленно выбираетъ въ патріархи лицо необразованное, хотя имѣлъ возможность поставить на этотъ высокій постъ лицо достойное по своимъ умственнымъ дарованіямъ [18]). Іоаннъ Киннамъ находитъ самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, что одинъ изъ описанныхъ имъ императоровъ давалъ сообразное съ своими личными желаніями направленіе въ рѣшеніи нѣкоторыхъ богословскихъ вопросовъ; этотъ историкъ былъ увѣренъ, что «изслѣдовать божественное имѣютъ право лучшіе изъ іереевъ да цари» [19]). Писатель и ораторъ XIII в. Никифоръ Хумнъ прославляетъ одного императора за самовольное низверженіе имъ одного патріарха, уподобляя его за это Слову Божію (Λόγε θεοῦ) и именуя его архіереемъ [20]).

Если одни изъ Византійскихъ императоровъ присвоивали себѣ права въ церкви, какія имъ не при-

---

[17]) Византійская исторія. Кн. VIII, гл. 2. Русск. переводъ.

[18]) Лѣтопись, глава 53.

[19]) Іоанна Киннама. Обозрѣніе царствованія Іоанна и Мануила Комниновъ. кн. VI, гл. 2.

[20]) Nicephorus Chumn. Encomium in Andronic. Palaeolog. (Pichler, B. I. S. 416).

надлежали въ этой области, и въ такомъ же родѣ обнаруживали свои притязанія; если многіе церковные писатели съ своей стороны высказывались болѣе или менѣе въ пользу самыхъ широкихъ привиллегій для императора въ церковныхъ дѣлахъ, то однакожъ это не было какимъ-либо правиломъ безъ исключенія. Иные изъ Византійскихъ императоровъ, иные изъ писателей восточной церкви высказывались въ другомъ родѣ. Они ясно понимали, гдѣ, въ видахъ блага церковнаго, должна кончаться власть императора въ дѣлахъ религіи и начинаться исключительно сфера церковной дѣятельности. Между императорами, въ XII вѣкѣ, встрѣчаемъ съ такими именно идеями Іоанна Комнина. Въ одномъ письмѣ къ папѣ Гонорію этотъ государь пишетъ: «два предмета въ продолженіе моего царствованія признавалъ я совершенно отличными одинъ другаго: одинъ—это власть духовная, которая отъ Великаго и Высочайшаго Первосвященника, князя міра, Христа, дарована Его апостоламъ и ученикамъ, какъ благо неизмѣнное, чрезъ которое (благо), по божественному праву, они получили власть вязать и рѣшить всѣхъ людей; а другой предметъ—это власть мірская, власть обращенная ко временному по божественному слову: воздадите Кесарю, что ему принадлежитъ, власть, заключенная въ принадлежащей ей сферѣ. Эти двѣ, господствующія въ мірѣ, власти, хотя раздѣльны и различны, но дѣйствуютъ къ обоюдной пользѣ въ гармоническомъ соединеніи, вспомоществуя и пополняя одна другую. Онѣ могутъ быть сравниваемы съ двумя сестрами—Маріей и Мареой, о которыхъ повѣствуется въ Евангеліи. Изъ согласнаго обнаруженія этихъ двухъ властей проистекаетъ общее благо, а изъ враждебныхъ отношеній ихъ проистекаетъ ве-

ликій вредъ» [21]). Такъ мыслили лучшіе изъ Византійскихъ императоровъ.

Нѣкоторые изъ церковныхъ писателей изучаемыхъ нами вѣковъ возвышали сильный голосъ противъ того, невсегда нормальнаго, положенія, въ какомъ цари стояли къ духовной власти; они открыто говорили, что отношенія, при какихъ власть духовная унижается предъ свѣтскою, суть ничто иное какъ злоупотребленія, отъ которыхъ слѣдуетъ избавиться, какъ отъ болѣзненнаго нароста. Къ такимъ писателямъ принадлежитъ извѣстный св. Симеонъ, митрополитъ Ѳессалоникійскій (XV вѣка). Его мысли въ данномъ случаѣ состоятъ въ слѣдующемъ: «многіе благочестивые цари, какъ наприм. Константинъ Великій, богато одаряли епископовъ и оказывали имъ различныя почести. Теперь же случается совсѣмъ противное. Епископъ не удостоивается никакой чести ради Христа, а скорѣе достигаетъ безчестія; онъ считается неизмѣримо ниже императора, получающаго отъ архіерея благословеніе. Епископъ въ настоящее время падаетъ ницъ предъ императоромъ и цѣлуетъ его правую руку. Освященными устами, которыми онъ недавно прикасался къ священнѣйшей жертвѣ, онъ рабски цѣлуетъ мірскую руку, назначеніе которой держать мечъ, и, о срамъ, епископъ стоитъ, когда императоръ сидитъ! Для епископа, какъ намѣстника Христова, все это неприлично, и посрамленіе простирается на самого Христа. Эти нелѣпые обычаи— говоритъ Симеонъ—введены впрочемъ не самими императорами, но льстецами, которые безразсудно внушаютъ имъ, чтобы они во зло употребляли божественное, чтобы они присвоивали себѣ власть—и по-

---

[21]) Pichler. Geschichte der Trennung. B. I. S. 286—7 (источникъ, откуда занято свѣдѣніе—рѣдкій).

ставлять и низвергать епископовъ. Увы, какое безуміе! Если низверженіе епископа необходимо, то должно совершиться это чрезъ Св. Духа, которымъ освященъ епископъ, а не чрезъ мірскую власть. Отсюда то всѣ наши бѣды и несчастія; отсюда-то мы сдѣлались предметомъ презрѣнія у всѣхъ народовъ. Если мы будемъ воздавать Кесарю Кесарево, а Богу—Божіе, то благословеніе Божіе будетъ почивать на всемъ; церковь долучитъ миръ, благосостояніе государства возрастетъ» [22]). Изъ этихъ словъ Симеона видно, что если въ Византійскомъ государствѣ царская власть допускала себѣ злоупотребленія въ отношеніи къ церкви, то это не почиталось какимъ-нибудь закономъ, а разсматривалось, какъ послабленіе, отступленіе отъ надлежащей нормы.—Случалось, и патріархи безбоязненно заявляли предъ лицемъ императора, что въ религіозныхъ дѣлахъ не церковь должна идти за императоромъ, но императоры вслѣдъ церкви. Такъ патріархъ Іосифъ (XV в.) замѣчалъ императору Іоанну Палеологу: «церковь должна идти впереди императорской власти или подлѣ нея, но никакъ не сзади ея» [23]). Случалось даже, иные патріархи доходили до такого дерзновенія, что требовали себѣ права, во имя церкви, вліять на дѣла государственныя наравнѣ съ императоромъ. Такъ патріархъ Исаія (XIII в.) говоритъ императору Андронику Старшему: «ты приказываешь мнѣ заниматься только дѣлами церкви, а себѣ предоставляешь по своей личной волѣ править государствомъ. Но это тоже самое, какъ если бы тѣло говорило душѣ: «я не

---

[22]) Pichler. B. I, 417—418 (изъ сочиненія Симеона, подъ заглавіемъ: τὰ ἅπαντα εἰς ἕξ μέρη διαιρεθέντα).

[23]) Pichler I, 419—20 (изъ Сиропула, автора исторіи Флорентійскаго собора).

нуждаюсь въ твоемъ содѣйствіи при отправленіи моихъ функцій; я свое дѣло дѣлаю, какъ хочу, а ты дѣлай свое, какъ умѣешь» [24]).

Отъ общаго очерка воззрѣній, мнѣній, желаній и требованій, какія высказывались въ Византійскомъ обществѣ касательно отношенія власти государственной къ церкви, переходимъ къ обозрѣнію болѣе или менѣе подробному замѣчательнѣйшихъ явленій, въ которыхъ въ то или другое царствованіе выразились отношенія государства къ церкви въ эти времена.

Въ концѣ XI и началѣ XII вѣка императоръ *Алексѣй Комнинъ*, открывающій собою изучаемую нами эпоху, принимаетъ очень живую дѣятельность въ дѣлахъ церкви и вѣры. Въ этомъ отношеніи, кажется, можно до извѣстной степени сравнивать его съ знаменитымъ Юстиніаномъ: то же рвеніе къ дѣламъ церкви, та же охота къ спорамъ, то же желаніе содѣйствовать благу церкви, та же неутомимость въ преслѣдованіи еретиковъ—какъ у Юстиніана, такъ и у Алексѣя Комнина. Для характеристики отношеній Алексѣя къ церкви скажемъ о тѣхъ спорахъ съ еретиками, какіе любилъ Алексѣй, и о степени успѣховъ, достигнутыхъ имъ на этомъ поприщѣ. Двѣ замѣчательныхъ ереси обращали на себя вниманіе Алексѣя—Павликіане и Богомилы, изъ которыхъ послѣдняя сильно волновала современную церковь; съ обѣими онъ боролся какъ могъ и какъ умѣлъ, хотя далеко не за все можно одобрять царственнаго полемиста [25]).

На 1115-й годъ падаетъ борьба Алексѣя съ Па-

---

[24]) Cantacuseni. Historiae. Tom. I, p. 219. Bonn.

[25]) О борьбѣ Алексѣя съ двумя современными ему еретиками—Іоанномъ Италомъ и Ниломъ—нами уже были сообщены свѣдѣнія въ «Очеркахъ исторіи Византійско-восточной церкви въ IX, X и XI вѣкахъ», стр. 162—164 (Москва, 1878).

вликіанами [26]), еретиками, уже давно появившимися въ имперіи. Дѣло происходило такъ. Въ этомъ году императору, вслѣдствіе войны съ однимъ изъ варварскихъ народовъ (Команы), пришлось провести зиму въ Филиппополѣ, еще въ X вѣкѣ заселенномъ Павликіанами. Свободнымъ отъ своихъ военныхъ дѣлъ временемъ Алексѣй воспользовался для борьбы съ этими еретиками. Онъ устроялъ публичные диспуты съ ними, призвавъ къ себѣ на помощь въ этомъ случаѣ зятя своего кесаря Никифора Вріеннія и двухъ архіереевъ, епископа Филиппопольскаго и митрополита Никейскаго, изъ которыхъ послѣдній—извѣстный Евстратій—былъ замѣчательнымъ ученымъ. Диспуты происходили въ императорскомъ дворцѣ; главамъ еретиковъ позволено было свободно и безпрепятственно высказывать свои мнѣнія во время споровъ. Императоръ отличался неутомимостію въ диспутахъ, въ нихъ онъ проводилъ цѣлые дни, забывая о пищѣ, а иногда и большую часть ночи; съ терпѣніемъ выслушивалъ возраженія, съ терпѣніемъ-же отвѣчалъ на вопросы. Если тревоги со стороны военныхъ враговъ прерывали бесѣды царя, то возвратившись съ поля брани, онъ снова и тотчасъ-же принимался за прерванное дѣло. Успѣхъ императорскихъ диспутовъ съ Павликіанами былъ очень значителенъ. Тѣхъ, кто отказался отъ ереси, императоръ награждаетъ сообразно съ ихъ общественнымъ положеніемъ и ихъ происхожденіемъ. Однимъ назначилъ пенсіи, другимъ почетныя мѣста въ военной службѣ, а остальныхъ, и такихъ было большинство, онъ поселилъ во вновь устроенномъ городѣ, близъ Филиппополя, названномъ по имени императора: Алексіополь; онъ построилъ здѣсь для ново-

---

[26]) Ученіе Павликіанъ изложено въ тѣхъ же «Очеркахъ», стр. 257 и дал.

обращенныхъ дома, отрѣзалъ имъ пахотной земли, насадилъ виноградники и особымъ юридическимъ актомъ утвердилъ подаренное за владѣльцами и ихъ потомствомъ на вѣчныя времена. Наиболѣе упорными оказались трое Павликіанъ; они не думали поддаваться убѣжденіямъ Алексѣя. Ихъ приказалъ онъ отправить въ Константинополь и дать имъ жительство близъ дворца. Когда императоръ изъ Филиппополя возвратился въ столицу, онъ снова принялся за увѣщанія этихъ трехъ непреклонныхъ Павликіанъ. Императору удалось одержать побѣду только надъ однимъ изъ нихъ; двое не внимали увѣщаніямъ императора и были брошены въ темницу, гдѣ и умерли. [27]).—Такъ боролся Алексѣй съ Павликіанами. Образъ дѣйствованія императора конечно заслуживаетъ похвалы, но не во всемъ; остается непонятнымъ: за что награждены оставившіе свое заблужденіе Павликіане и почему поступлено такъ строго съ двумя болѣе ожесточенными еретиками?

Не столь удачно была борьба Алексѣя Комнина съ другими только что явившимися еретиками; говоримъ о Богомилахъ, которые по своимъ воззрѣяніямъ были родственны съ Павликіанами. Богомильство въ концѣ XI и началѣ XII вѣка распространяется въ Константинополѣ между мірянами и духовенствомъ и проникаетъ даже въ сферу аристократическихъ фамилій, но распространяется тайно. Это обезпокоиваетъ императора. Онъ хочетъ разузнать: въ чемъ состоитъ новое ученіе, и вступить въ борьбу съ ересью.

---

[27]) Annae Comn. Alexias. Lib. XIV. Migne Gr. tom. 131, p. 1104—1110.—О болѣе раннихъ отношеніяхъ императора Алексѣя къ Павликіанамъ было уже сказано въ первой главѣ настоящихъ очерковъ,—тамъ, гдѣ говорилось о историческомъ сочиненіи Анны Комниной.

Ему удается узнать, что главой этихъ еретиковъ въ Константинополѣ одинъ монахъ, бывшій прежде врачемъ, по имени Василій. Императоръ съ умысломъ призываетъ его тайно во дворецъ, оказываетъ ему всякія почести, раздѣляетъ съ нимъ свою царскую трапезу, открываетъ ему, что будто онъ самъ хочетъ перейти въ общество, образованное Василіемъ, и для этого желаетъ знать подробности богомильскаго ученія. Василій сначала недовѣрчиво относится къ этимъ признаніямъ Алексѣя, а потомъ настолько поддается, что разсказываетъ ему касающееся ереси. Между тѣмъ императоръ посадилъ въ то же время за занавѣсъ скорописца, который всѣ рѣчи Василія занесъ въ протоколъ. Каково-же было изумленіе Василія, когда императоръ вдругъ отдергиваетъ занавѣсъ, и глазамъ Василія представляется цѣлое собраніе высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ Константинополя; во главѣ первыхъ былъ патріархъ Николай. Еретику предъявленъ былъ протоколъ, въ которомъ съ точностію были записаны его признанія. Василій не отказался отъ своихъ словъ и объявилъ, что онъ за свое ученіе готовъ умереть. Еретикъ брошенъ былъ въ темницу. Множество народа изо всѣхъ сословій по соприкосновенности къ ереси также было арестовано. Изъ арестованныхъ одни сознались, что они дѣйствительно принадлежатъ къ ереси, а другіе заперлись. Чтобы отдѣлить виновныхъ отъ невиновныхъ, Алексѣй употребляетъ слѣдующую хитрость: онъ назначаетъ торжественное собраніе всѣхъ лицъ высшихъ сословій на открытой площади; посреди собранія былъ устроенъ тронъ для самаго императора; сюда онъ велѣлъ привести всѣхъ арестованныхъ, но не сознающихся въ принадлежности къ тайному обществу, еретиковъ. Въ тоже время устроены и зажжены два большихъ костра, надъ однимъ изъ нихъ

былъ поставленъ крестъ; а на другомъ—нѣтъ. Нужно знать, что Богомилы отвергали почитаніе креста. Когда все было готово, императоръ объявилъ обвиняемымъ: «такъ какъ нѣтъ возможности отдѣлить правыхъ отъ неправыхъ, то я рѣшился всѣхъ васъ сжечь. Тѣ, кто желаетъ умереть православными, должны приблизиться къ костру, надъ которымъ утвержденъ крестъ». Послѣ того, какъ произошло дѣленіе осужденныхъ на двѣ партіи, изъ чего императоръ могъ съ безошибочностію заключать: кто изъ предстоящихъ былъ дѣйствительно приверженъ къ ереси и кто нѣтъ, Алексѣй отпустилъ на свободу желавшихъ умереть съ крестомъ, признавая ихъ православными, а остальныхъ снова заключилъ въ темницу. Затѣмъ императоръ, при помощи патріарха, употреблялъ всѣ усилія къ обращенію заблуждающихся; относительно нѣкоторыхъ это дѣйствительно удалось императору. Упорныхъ Алексѣй продолжалъ держать въ темницѣ, а главу Богомиловъ монаха Василія приказалъ сжечь на кострѣ [28]). Казнь произошла уже по смерти Алексѣя, въ 1119 году.—Конечно, едва-ли кто похвалитъ Алексѣя Комнина, который въ настоящемъ случаѣ ревность къ церкви проявлялъ въ коварствѣ и безцѣльной жестокости. При этомъ мы должны припомнить, что къ такимъ страннымъ мѣрамъ не прибѣгали въ лучшую пору жизни церкви, наприм. въ IV, V-мъ вѣкахъ.

Близко интересуясь состояніемъ дѣлъ церковныхъ, императоръ Алексѣй заявлялъ себя изданіемъ цѣлаго ряда новеллъ, которыми онъ старался достигнуть благоустройства церковнаго. Въ этомъ случаѣ опять нельзя

---

[28]) Annae Comn. Alexias. Lib XV. Migne, p. 1167—1186. Zonarae. Annales. Lib. XVIII, cap. 23. Migne. Gr., tom. 135, p. 305.

не находить нѣкоторой параллели между Юстиніаномъ и этимъ императоромъ. Хотя Алексѣй въ одной изъ своихъ новеллъ, съ которой онъ обращается къ патріарху и синоду, и называетъ себя по сравненіи съ патріархомъ и синодомъ «менѣе разумнымъ, чѣмъ они», когда дѣло идетъ о благоустройствѣ церкви [29]), но это не мѣшаетъ ему въ дѣйствительности говорить съ патріархомъ и епископами въ новеллахъ такъ, какъ будто бы онъ былъ равенъ имъ или даже выше ихъ по значенію и авторитету въ дѣлахъ церкви. Познакомимся съ содержаніемъ нѣкоторыхъ новеллъ Алексѣя. Особенное вниманіе обращаетъ на себя новелла, изданная этимъ императоромъ въ 1107 году и имѣющая цѣлію регулировать избраніе какъ епископовъ, такъ и прочихъ клириковъ [30]). Императоръ даетъ знать въ этой новеллѣ, что много безпорядковъ вкралось въ сословіе духовенства; онъ даже рѣшается сказать, что «христіанская церковь доведена до опаснаго положенія, поскольку іерархическій чинъ ежедневно приходитъ все къ худшему и худшему состоянію». Императоръ, почитая себя какъ бы высшимъ блюстителемъ церковныхъ порядковъ, высказываетъ различныя вразумленія по адресу іерарховъ и даетъ ясно понимать, что ихъ дѣятельность не соотвѣтствуетъ высотѣ ихъ призванія. Въ новеллѣ нѣтъ какихъ-либо новыхъ предписаній относительно избранія епископовъ, но тѣмъ больше настойчивыхъ и довольно новыхъ указаній относительно прочихъ клириковъ. Императоръ не одобряетъ того, что при избра-

---

[29]) Alexii Comneni novella de electionibus. Migne, Gr., tom. 127 p. 945.

[30]) Вотъ полное заглавіе Новеллы: Novella lex imperatoris Alexii, sanciens de electionibus, qualesque esse oporteat qui per orbem sunt pontifices, itemque sacerdotes, in provinciis, metropolibus et episcopalibus. Ibidem.

ніи клириковъ и дальнѣйшемъ возвышеніи ихъ въ церковныхъ степеняхъ не обращается вниманія на достоинства ихъ жизни и церковно-учительныя способности. Онъ порицаетъ обыкновеніе, по которому движеніе въ пріобрѣтеніи высшихъ должностей опредѣляется старшинствомъ службы, а не дѣйствительными заслугами. Лицъ, занимающихъ опредѣленныя церковныя степени, но не показывающихъ себя достойными этого положенія, императоръ прямо предписываетъ лишать ихъ должностей. Такъ какъ новелла обращаетъ особенное вниманіе на способность лицъ, принадлежащихъ къ клиру, къ учительству церковному, то здѣсь довольно мѣста удѣляется вопросу о учителяхъ церковныхъ. Законодатель подробно регламентируетъ положеніе этихъ учителей. Императоръ назначаетъ имъ опредѣленное жалованіе, онъ поощряетъ ихъ къ принятію сана іерейскаго, выражая при этомъ сожалѣніе, что не у всѣхъ учителей есть стремленіе занимать церковныя степени; онъ настойчиво указываетъ, что монахи не должны быть предпочтительно предъ лицами мірскими выбираемы въ учители церковные, разъясняя, что міряниръ въ этомъ случаѣ ни въ чемъ не уступаетъ монаху, если первый обладаетъ несомнѣнными способностями къ прохожденію должности учителя [31]). Есть новелла, которою императоръ хочетъ защитить право хартофилаксовъ отъ притязаній нѣкоторыхъ архіереевъ. Нѣкоторые архіереи, проживавшіе въ Константинополѣ, вмѣсто того, чтобы жить въ своихъ епархіяхъ, — изъ честолюбія пришли къ мысли, что хартофилаксу непристойно возсѣдать вмѣстѣ съ епископами въ синодѣ; они хотѣли дать ему какое-то особое, менѣе почетное мѣсто на соборѣ. Императоръ

---

[31]) Ibid., p. 945—968.

рѣшился ограничить такое притязаніе. Онъ доказываетъ, что хартофилаксъ засѣдаетъ наравнѣ съ епископами въ синодѣ по древнимъ правиламъ. И какъ бы въ наказаніе архіереямъ, позволившимъ себѣ несправедливыя домогательства, императоръ даетъ распоряженіе, чтобы провинціальные архіереи, проживавшіе въ столицѣ, выѣхали въ свои епархіи для исполненія своего прямого пастырскаго долга [32]). Въ числѣ новеллъ встрѣчаемъ и такую, которой частію подтверждается, частію вновь узаконяется размѣръ сбора, который долженъ былъ получать епископъ съ своихъ пасомыхъ въ виду его матеріальнаго обезпеченія (издана въ 1086 г.). Трудно сказать, чѣмъ вызванъ этотъ законъ — тѣмъ-ли, что епископы старались получать отъ пасомыхъ больше опредѣленнаго, или же тѣмъ, что пасомые неусердно вносили извѣстную плату въ пользу епископа. Возможно, что законодатель имѣетъ въ виду случаи и того и другаго рода. Епископъ, по новеллѣ Алексѣя, получаетъ извѣстную плату отъ пасомыхъ, какъ деньгами, такъ и натурой. Размѣры сбора довольно значительны, если принять во вниманіе разнообразіе вносимаго въ качествѣ подати архіерею. Въ этой же новеллѣ опредѣленъ размѣръ платы, вносимой въ пользу архіерея извѣстнымъ лицемъ, посвящаемымъ во священники. Такое лице обязывалось платить архіерею семь золотыхъ монетъ: одну, когда архіерей дѣлаетъ его чтецомъ (или: λιτὸν παπᾶν (?), три при посвященіи во діакона и еще три при посвященіи во священника [33]). Другія новеллы Алексѣя имѣютъ въ виду расширить власть и вліяніе патріарха Константинопольскаго, на-

---

[32]) Novella de chartulario. Migne, ibidem, p. 968—972.

[33]) Alexii—De canonico et consuetudinibus, quae ordinationibus nomine dantur, deque benedictione nuptiarum—aureae bullae sanctio. Migne, tom. 127. p. 925—7.

прим. подчиненіемъ его вѣдѣнію всѣхъ монастырей со включеніемъ монастырей, принадлежащихъ другимъ епархіямъ, и такъ называемыхъ царскихъ; частію обезопасить церковныя драгоцѣнности отъ незаконнаго ихъ употребленія — въ цѣляхъ мірскихъ [34]); частію уравновѣсить права высшей церковной и государственной власти при рѣшеніи вопроса о возведеніи епископіи на степень митрополіи [35]) и т. д.

Болѣе смѣлымъ и рѣшительнымъ, чѣмъ императоръ Алексѣй Комнинъ, является въ своихъ отношеніяхъ къ религіи и церкви второй преемникъ его [36]) *Мануилъ Комнинъ*. Никита Хоніатъ, приступая къ описанію многихъ богословскихъ споровъ, которые во времена Мануила открывались, этимъ императоромъ поднимались или имъ поддерживались, пишетъ: «для большей части Византійскихъ императоровъ рѣшительно невыносимо только повелѣвать государ-

---

[34]) Случай, по поводу котораго изданъ этотъ указъ, подробно разсказанъ въ нашихъ «Очеркахъ Византійско-восточной церкви IX—XI в.», стр. 72—75.

[35]) Всѣ эти новеллы можно находить у Миня, въ 127 томѣ. Кромѣ того первая изъ нихъ помѣщается въ «Правил. съ толков.», I, 883—885.

[36]) Первымъ преемникомъ Алексѣя былъ сынъ его *Іоаннъ Комнинъ*, но объ его отношеніи къ церкви нельзя сказать ничего опредѣленнаго, за недостаткомъ прямыхъ фактовъ въ подобномъ родѣ. Нѣмецкій ученый Остеръ (Oster. Anna Komnena. Theil I, S. 60—61) утверждаетъ, что Іоаннъ не былъ чуждъ симпатій къ папизму и былъ главой партіи на Востокѣ, расположенной къ соглашенію съ Западной, тогда уже отпадшей отъ союза съ Востокомъ, церковію; но это мнѣніе Остера едвали справедливо. Пихлеръ, анализируя письма Іоанна къ папѣ Гонорію второму, замѣчаетъ, что письма эти едва ли были пріятны для папской куріи (Piehler I, 286—7). А помимо этихъ писемъ, мы ничего не знаемъ объ отношеніяхъ Іоанна къ Западной церкви. Вообще мнѣніе Остера есть ничто иное, какъ безосновательная догадка.

ствомъ, ходить въ золотѣ, пользоваться общественнымъ достояніемъ, какъ своимъ. Они считаютъ для себя крайнею обидой, если ихъ не признаютъ мудрецами, людьми, подобными богамъ по виду, богомудрыми подобно Соломону, богодухновенными руководителями, вѣрнѣйшимъ правиломъ изъ правилъ, однимъ словомъ: непогрѣшимыми судіями дѣлъ Божескихъ и человѣческихъ. Поэтому вмѣсто того, чтобы предоставить обличеніе людей неразумныхъ и дерзкихъ, вводящихъ новое и неизвѣстное въ церкви ученіе, вмѣсто того, чтобы предоставить это тѣмъ, кто по своему призванію должны знать и проповѣдывать о Богѣ (т. е. іерархамъ), они отнюдь не желая и въ этомъ случаѣ занимать второе мѣсто, сами бываютъ въ одно и тоже время и провозвѣстниками догматовъ и ихъ судіями и установителями, а часто и карателями тѣхъ, кто съ ними не соглашается. Такимъ же былъ, говоритъ историкъ, и императоръ Мануилъ. Онъ сочинялъ проповѣди (такъ называемыя σελεντια) и читалъ ихъ вслухъ всѣхъ (въ своемъ дворцѣ). А впослѣдствіи продолжая идти этимъ путемъ, онъ дошелъ и до существеннѣйшихъ христіанскихъ догматовъ и началъ разсуждать о нихъ. Представляясь часто недоумѣвающимъ, онъ предлагалъ вопросы изъ св. Писанія, доискивался ихъ рѣшенія, собиралъ и спрашивалъ всѣхъ, кто отличался ученостію. Но и за это его еще можно было бы похвалить, еслибы простирая такъ далеко свою пытливость, онъ вовсе не касался, говоритъ Никита, непостижимыхъ догматовъ, или даже и касаясь ихъ, не былъ упоренъ въ своихъ мысляхъ и не перетолковывалъ во многихъ случаяхъ смысла св. Писанія примѣнительно къ своимъ цѣлямъ и еслибы онъ не постановлялъ своихъ толкованій тамъ, гдѣ уже смыслъ опредѣленъ отцами, — какъ будто бы онъ, Мануилъ, всецѣло обнялъ своимъ умомъ

Самого Христа, и отъ Него Самого совершеннѣе и яснѣе наставленъ во всемъ, что касается Христа» [37]). Такой взглядъ на Мануила, за его отношенія къ церкви, высказываетъ свѣтскій писатель—Никита Хоніатъ,—взглядъ, какъ само по себѣ понятно, очень не лестный для этого государя. Но существуетъ и другой взглядъ на Мануила, взглядъ отличный отъ сейчасъ приведеннаго, и принадлежащій лицу духовному и притомъ очень почтенному—Евстаѳію, митрополиту Ѳессалоникскому, современнику Мануила. Евстаѳій пишетъ: «случалось, что Мануилъ при разсужденіяхъ по вопросамъ вѣры принималъ другую сторону, противоположную той, какой держались присутствующіе на собраніи, видоизмѣнялъ вопросъ, разсматривалъ предметъ обсужденій съ другой точки зрѣнія; дѣло получало иное направленіе, неожиданный оборотъ; неотразимая сила убѣдительности доводовъ государя скоро склоняла на его сторону и мысли слушателей. Эти послѣдніе одинъ за другимъ не только соглашались съ нимъ, но и всѣ наконецъ одобряли его сторону. Обсужденіе повидимому заканчивалось; цѣль собранія казалась достигнутой». Но императоръ въ интересѣ обстоятельнаго уясненія дѣла «возвращался еще разъ къ рѣшенію того же вопроса, оставлялъ неожиданно свою и вмѣстѣ общую точку зрѣнія и снова принималъ другую сторону, снова взвѣшивалъ представленныя доказательства, строго разграничивалъ въ дѣлѣ вѣроятное, кажущееся отъ дѣйствительнаго, истиннаго, привносилъ нѣчто новое тамъ, гдѣ вопросъ казался исчерпаннымъ, и опять въ концѣ концовъ съ принудительною силой убѣдительности торжествовалъ побѣду». Затѣмъ Евстаѳій

---

[37]) Никиты Хоніата. Исторія. Царствованіе Мануила, кн. VII, гл. 5.

прибавляетъ и тѣмъ поясняетъ сущность своей характеристики: «Мануилъ, замѣчаетъ этотъ писатель, не былъ подобенъ древнимъ греческимъ софистамъ, которые мало заботились объ уясненіи предмета рѣчи. Нѣтъ, онъ былъ философомъ, искателемъ истины и какъ бы искуснымъ музыкантомъ». Этого мало. Тотъ же самый Евстаѳій свидѣтельствуетъ, что при рѣшеніи богословскихъ вопросовъ «никогда не случалось, чтобы послѣ Мануила, т. е. послѣ того, какъ онъ высказалъ свое мнѣніе по извѣстному вопросу,—чтобы послѣ него кто-либо могъ придумать что-либо лучшее»[38]). Очевидно, замѣчательный ученый XII вѣка Евстаѳій не согласенъ осуждать Мануила за его вмѣшательство и страсть къ богословскимъ спорамъ[39]). Не будемъ разбирать: кто правѣе—Никита или Евстаѳій во взглядѣ на Мануила; замѣтимъ одно: Мануила за иное можно дѣйствительно похвалить, а за иное и осуждать, если разсматривать безпристрастно его отношенія къ церкви. Что это такъ, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ исторія богословскихъ споровъ при этомъ императорѣ. Обращаемся къ изложенію этихъ споровъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ XII вѣка возникаетъ въ Византійской церкви споръ объ Евхаристіи, какъ жертвѣ. Именно о томъ, нужно-ли думать, что Евхаристія, какъ жертва, которая есть тѣло и кровь Христа, Сына Божія, приносится только Богу Отцу и Духу Святому или-же вмѣстѣ съ этими лицами она приносится и Сыну Божію, т.-е. всей пресв. Трои-

---

38) Eustathii metrop. Thessalon. Laudatio funebris Manuelis Comneni, cap. 13. Migne, Gr., tom. 135, p. 980—981.

39) Нужно помнить впрочемъ, что рѣчь Евстаѳія, изъ которой приведена вышеизложенная цитата, сказана была «въ память» Мануила, уже по смерти его. Этимъ быть можетъ и уясняется тонъ рѣчи.

цѣ? Вопросъ этотъ породилъ продолжительныя изслѣдованія, появилось раздѣленіе мнѣній, посыпались возраженія [40]). Поводъ къ возникновенію спора, по свидѣтельству Киннама, былъ неваженъ и случаенъ. Въ числѣ оффиціальныхъ проповѣдниковъ въ Византіи былъ одинъ діаконъ Василій, человѣкъ, какъ кажется, завистливый и задорнаго характера. Онъ поставилъ себѣ цѣлію унижать двухъ очень видныхъ представителей учености: Михаила, митрополита Өессалоникійскаго, по какому-то случаю проходившаго въ то время должность преподавателя риторики въ столицѣ и проповѣдника въ Софійскомъ храмѣ, и Никифора Василака, славившагося ученостію и извѣстнаго своими экзегетическими сочиненіями. Этихъ-то двухъ лицъ вышеназванный діаконъ Василій сдѣлалъ предметомъ своихъ нападокъ. Замѣчательно, что этотъ Василій поражалъ своихъ недруговъ не въ сочиненіяхъ какихъ-либо, и не въ разговорахъ, а именно въ проповѣдяхъ, какія онъ произносилъ по своей обязанности. По словамъ Киннама, діаконъ Василій, по возложенной на него обязанности, объясняя народу слово Божіе на различныхъ службахъ, «позволялъ себѣ въ этихъ бесѣдахъ намекать и прикровенно безчестить тѣхъ, кто хотя немного былъ съ нимъ не въ ладу», и въ особенности такимъ способомъ старался язвить Михаила Өессалонійскаго и Никифора Василака [41]). Само по себѣ понятно, эти двое послѣднихъ задѣты были за житое выходками Василія, считали себя оскорбленными и униженными и старались отомстить обидчику. Они стали усердно посѣщать тѣ церкви, въ которыхъ приходилось проповѣдывать ему,

---

[40]) Никиты Хоніат. Царствованіе Мануила, кн. VII, гл. 5.

[41]) Киннама. Обозрѣніе царствованія Іоанна и Мануила. Кн. IV, гл. 16.

слѣдили за каждымъ его словомъ, прислушивались «слухомъ лукавымъ». Разъ имъ показалось, что Василій проводитъ въ сознаніе слушателей мнѣнія неправильныя. Именно, проповѣдуя въ Византійскомъ храмѣ евангелиста Іоанна, Василій говорилъ, что «одинъ и тотъ-же Сынъ Божій Христосъ и бываетъ жертвою (въ Евхаристіи) и вмѣстѣ съ Отцемъ пріемлетъ эту жертву». Лица, обиженныя Василіемъ, схватили эти слова его и, возвращаясь отъ службы, взаимными усиліями подвергли проповѣдь жесточайшей критикѣ; они находили, что Василій впадаетъ въ ересь; они говорили, что «если принесть жертву, значитъ одно, а принять ее—другое, то Василій вводитъ двѣ ипостаси во Христѣ». Ко мнѣнію критиковъ Василія присоединились и нѣкоторыя другія лица и возгорѣлся споръ [42]). Къ мнѣнію Михаила Өессалоникійскаго и Никифора Василака присоединился между прочимъ Евстаөій, епископъ Диррахійскій. Для точнѣйшаго уясненія вопроса и утвержденія церковнаго ученія по спорному пункту собранъ былъ въ Константинополѣ соборъ, въ январѣ 1156 года, въ присутствіи царя и патріарха Константина Хліарена [43]). На соборѣ высказано было два мнѣнія: одно принадлежало Михаилу Өессалоникійскому и Евстаөію Диррахійскому и состояло въ томъ, что, по ихъ воззрѣнію, Евхаристія приносится Отцу и Св. Духу, но не Сыну Божію, такъ какъ Христосъ принесъ себя въ жертву Отцу, а не Себѣ самому; а кто думаетъ иначе—утверждала эта партія богослововъ—тотъ вводитъ несторіанскую ересь, дѣлитъ единаго

---

[42]) Ibidem.

[43]) Synodus Graecae ecclesiae de dogmate circa illa verba: tu es qui offers, et qui offerentis, et qui resipis et cet. — Maii, Spicilegium Romanum. Tom. X, Romae 1844.

Христа на два лица—на лице жертвующее и принимающее жертву. Большинство отцевъ собора было противъ этого мнѣнія [44]). Это протоположное мнѣніе особенно хорошо раскрылъ на соборѣ новоназначенный митрополитъ Руси, конечно Грекъ, Константинъ; онъ доказывалъ, что крестная жертва Спасителя принесена не одному какому-либо лицу Божества, но цѣлому Божеству, слѣдовательно эта жертва принесена была нераздѣльной Троицѣ, и точно такимъ-же образомъ и ежедневно приносится Евхаристическая жертва. Большинство членовъ собора вполнѣ согласилось съ разъясненіемъ митрополита Константина [45]). Для подтвержденія этого ученія соборъ занимался изслѣдованіемъ писаній Св. Отцевъ и извлекъ отсюда два ряда свидѣтельствъ: въ однихъ святоотеческихъ свидѣтельствахъ доказывалось, что въ Евхаристіи приносится въ жертву истинный агнецъ Божій, Сынъ Божій, а въ другихъ свидѣтельствахъ найдено было ученіе, что Сынъ Божій въ одно и то же время есть и жертва Богу и жертвующій и пріемлющій жертву. Въ послѣднемъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣли слова Василія Великаго въ литургійной молитвѣ его: «ты еси приносяй, и приносимый и пріемляй» [46]). Соборъ произнесъ анаѳему на защитниковъ противнаго мнѣнія, кто бы они ни были, если они остаются при своемъ мнѣніи [47]).—Но споры на этомъ не прекратились. Вско-

---

[44]) Ibidem, p. 1—2.

[45]) Ibidem, p. 18—21, 65.

[46]) Ibidem, p. 26—58. Впрочемъ приведены были не одни свидѣтельства Св. Отцевъ; наприм. встрѣчаемъ цитаты изъ сочиненій Козьмы Индикоплевста и даже «Силлогизмъ великаго друнгарія Стефана» — Византійскаго сановника, присутствовавшаго на Соборѣ.

[47]) Ibid., 25. Отказались отъ своего мнѣнія Михаилъ Ѳессалоникійскій и Евстаѳій Диррахійскій, послѣдній послѣ замѣтнаго колебанія. Ibidem, 22—24.

рѣ ко мнѣнію, осужденному соборомъ, присоединилось очень видное и ученое лице. Это Сотирихъ, діаконъ Софійской церкви, человѣкъ престарѣлый и уважаемый, только что назначенный [48]) на видное мѣсто— патріарха Антіохійскаго. Этотъ Сотирихъ издалъ сочиненіе, прекрасно написанное въ формѣ Платоновскаго діалога; въ сочиненіи доказывалась неистинность ученія церкви по спорному вопросу, какъ это ученіе было выражено на соборѣ [49]). Сотирихъ своимъ сочиненіемъ произвелъ большое волненіе въ Константинополѣ. Вотъ нѣсколько мыслей Сотириха: защитники церковнаго ученія говорили: если жертва приносится Божеству Отца, а оно есть и Божество Единороднаго Сына, то что мѣшаетъ говорить, что жертва приносится и Божеству Единороднаго? На это Сотирихъ отвѣчалъ: «конечно, мы признаемъ божество нераздѣльнымъ въ трехъ лицахъ. Но мы утверждаемъ, что приношеніе было не естеству Отца, а ипостаси Отца, такъ что и приносящій — принесъ ипостасно (лично) и пріемлющій — принялъ не иначе, какъ ипостасно. Потому вдвойнѣ погрѣшаемъ, когда и нераздѣльную природу съ вашей точки зрѣнія раздѣляемъ (что дѣлаютъ несторіане) и природамъ приписываемъ свойства ипостасей. Кромѣ того, если на томъ основаніи, что у Отца и Сына природа общая, обще и принятіе жертвы, то необходимо слѣдуетъ, что и воплощеніе обще обоимъ» (Отцу и Сыну) [50]) и т. д. Въ диспутахъ съ Сотирихомъ принималъ участіе и самъ императоръ Мануилъ [51]).

---

[48]) Но еще не рукоположенный. Киннамъ, IV, 16.

[49]) Діалогъ Сотириха напечатанъ въ томъ-же томѣ Spicilegium Romanum, въ актахъ разбираемаго собора, p. 3—15. Отзывъ о достоинствахъ діалога у Киннама: IV, 16.

[50]) Pag. 11—12.

[51]) Киннамъ. IV, 16.

Появились сочиненія противъ Сотириха. Такъ по этому случаю было издано сочиненіе лучшимъ богословомъ послѣдняго періода Византійской имперіи—Николаемъ, епископомъ Метонскимъ [52]). — Императоръ рѣшился собрать новый соборъ въ Константинополѣ. Этотъ соборъ происходилъ въ 1158 году [53]), 12 и 13 мая, во Влахернскомъ дворцѣ, въ присутствіи императора. Это былъ соборъ торжественный. На немъ присутствовали двое патріарховъ: Константинопольскій—Лука Хризовергъ — и Іерусалимскій, архіепископы Болгарскій и Кипрскій, многіе епископы, временно пребывавшіе въ Константинополѣ (а такихъ здѣсь было всегда много со времени завоеванія нѣкоторыхъ восточныхъ провинцій Сарацинами), высшіе сановники государства [54]). Побужденіемъ къ созванію собора акты собора указывали то, что нѣкоторыя свящ. лица, какъ относительно крестной жертвы Христа, такъ и евхаристической жертвы, открыто высказываютъ такія мысли, которыя противорѣчатъ правой вѣрѣ. Высшіе представители собора, двое патріарховъ, архіепископы болгарскій и кипрскій уже напередъ объявили, что они согласны съ опредѣленіями собора 1156 года, въ которыхъ выражена мысль, что жертва приносится всей нераздѣльной Троицѣ.

---

[52]) Арсенія архим. «Николай Метонскій и его сочиненія». Христ. Чтен. 1883, т. I, стр. 309 и дал. Dräseke. Zu Nicolaos von Methone: Zeitschrift für Kirchengesch. B. IX, S. 428 (Gotha, 1888).

[53]) До послѣдняго времени всѣ ученые думали, что соборъ этотъ происходилъ въ 1156 году, но Dräseke (op. cit. S. 418—421) основательно доказалъ, что соборъ собирался въ 1158 году.

[54]) На соборѣ, кромѣ высшихъ духовныхъ особъ, присутствовали разные Палеологи, Комнины, Кантакузины, Ангелы и пр., Synodus et cet. p. 58—62.

Тогда императоръ Мануилъ потребовалъ, чтобы всѣ участники собора духовнаго сана до послѣдняго діакона были спрошены, какъ они думаютъ касательно спорнаго вопроса. Всѣ выразили свое согласіе со взглядомъ патріарховъ. Исключеніе представляли Никифоръ Василакъ, одинъ изъ первыхъ виновниковъ спора, повидимому носившій санъ діакона—и извѣстный Сотирихъ [55]). Сотирихомъ соборъ особенно занялся. Этотъ избранникъ въ патріархи, видя единогласное мнѣніе собора, пришелъ въ смущеніе, но не тотчасъ уступилъ. Онъ то просилъ времени для размышленія, то вступалъ въ пренія съ членами собора, стараясь защитить свое мнѣніе. Долго ли продолжалось бы такое неопредѣленное положеніе — неизвѣстно, если бы не выступилъ на сцену императоръ Мануилъ, ловкій спорщикъ и человѣкъ значительнаго богословскаго образованія. Императоръ выступаетъ жаркимъ защитникомъ соборнаго мнѣнія и Сотирихъ не счелъ возможнымъ вести неравную борьбу съ авторитетнымъ полемистомъ; онъ не только отказался отъ своего воззрѣнія, но и осудилъ собственное сочиненіе. Но эта уступчивость не спасла Сотириха. По иниціативѣ императора соборъ осудилъ его: Сотирихъ не только признанъ недостойнымъ занять патріаршій престолъ, но и лишенъ былъ всякой священной должности [56]). На слѣдующій день 13 мая происходило второе и послѣднее засѣданіе собора.

---

[55]) Synodus, p. 71—2.

[56]) Ibidem. p. 73—78. Нѣкоторые изъ членовъ собора не захотѣли однакожъ теперь же подписать осужденія Сотириха, требуя болѣе тщательнаго разсмотрѣнія дѣла — такими были митрополиты: Ираклійскій, Кизическій, Ѳессалоникійскій, Кесарійскій, Филиппійскій, Лаодикійскій (p. 83). Впослѣдствіи впрочемъ и они дали свою подпись (на засѣданіи собора 13 мая).

Рѣшено было прочесть на немъ торжественно опредѣленія предыдущаго засѣданія. Сочли нужнымъ пригласить сюда и Сотириха. Къ этому послѣднему отправлена была депутація съ письменнымъ приглашеніемъ явиться на соборъ. Въ пригласительной запискѣ между прочимъ говорилось: «еще вчера императоръ назначилъ въ нынѣшній день всѣмъ присутствовать на соборѣ и нынѣ онъ сидитъ на своемъ престолѣ, ожидая твоего прибытія». Но Сотирихъ не пошелъ на соборъ. Этотъ шестидесятилѣтній старецъ, разбитый нравственно, въ лихорадкѣ лежалъ на своемъ одрѣ—и отказался идти на соборъ. Соборъ въ отсутствіи Сотириха сдѣлалъ, что нужно было. И всѣ присутствующіе подписали низложеніе Сотириха [57]).

Никита Хоніатъ недоволенъ Мануиломъ за его участіе въ этомъ спорѣ. Онъ старается доказать, что и самыя стихіи, по манію высшей таинственной руки, направлялись, хотя и безуспѣшно, къ тому, чтобы вразумить императора, бравшагося не за свое дѣло. Онъ разсказываетъ, что когда Мануилъ съ нѣкоторыми своими совѣтниками рѣшалъ дѣло о томъ, чтобы разсмотрѣніе богословскаго спора передать собору, вдругъ раздался страшный громъ, такъ что иные изъ присутствовавшихъ попадали. Никита добавляетъ, что этотъ случай далъ поводъ какому-то тогдашнему чернокнижнику—погадать на какой-то таинственной

[57]) Ibid. p. 83—88. Изъ архіерейскихъ подписей подъ дѣяніями собора выдѣляется подпись архіепископа Кипрскаго. Этотъ архіерей хотя и подписываетъ дѣянія собора, но заявляетъ протестъ по тому поводу, что къ униженію его достоинства его заставили подписаться послѣ архіепископа Болгарскаго (судя потому, что Болгарскій архіепископъ названъ Іоанномъ Комнинымъ, можно думать, что онъ былъ родня императору и что ради этого родства его и предпочли архіепископу Кипрскому), p. 89.

книгѣ о значеніи явленія и что таинственная книга будто отвѣтила: *паденіе мудрыхъ*, т. е. нужно ожидать паденія мудрыхъ. Историкъ съ своей стороны пишетъ: «и точно умнѣйшіе люди того времени были извержены изъ церкви» (разумѣются Сотирихъ и другіе [58]). Иначе смотритъ на участіе Мануила въ разбираемомъ спорѣ знаменитый богословъ того времени Николай Метонскій. Онъ прославляетъ царя, какъ искуснаго врача, который дѣлаетъ въ нужное время спасительную операцію [59]). Кто-же изъ этихъ лицъ правѣе — Никита или Николай Метонскій? По нашему сужденію и тотъ и другой—не правы. Можно сказать одно: Мануилъ держалъ себя прилично въ теченіе спора. Не хорошо только то, что съ несчастнымъ Сотирихомъ, по иниціативѣ императора, поступлено слишкомъ жестоко; забыто мудрое правило: повинную голову мечъ не караетъ.

Другой еще болѣе замѣчательный споръ возгорѣлся въ Византіи спустя 5 или 6 лѣтъ отъ начала предыдущаго. Дѣйствующимъ лицомъ въ немъ былъ самъ императоръ Мануилъ. Споръ касался того, какъ понимать изреченіе Христа: «*Отецъ болій мене есть* (Іоанн. 14, 28). Поводомъ къ происхожденію спора было слѣдующее: нѣкто Димитрій, человѣкъ имѣвшій незначительное общее образованіе, но не чуждый религіозныхъ познаній, возмнилъ себя богословомъ, началъ разсуждать по богословскимъ вопросамъ или, по выраженію Киннама «болтать до безконечности». Этотъ самый Димитрій нерѣдко былъ отправляемъ посломъ на Западъ и каждый разъ возвращался оттуда съ за-

---

[58]) Царствованіе Мануила, VII, 5.

[59]) Dräseke (op. cit.). S. 422. Евстаѳій Ѳессалоникійскій также находитъ, что своимъ участіемъ въ вышеизложенномъ спорѣ Мануилъ засвидѣтельствовалъ о принадлежащей ему мудрости (Laudatio funebris Manuelis, cap. 37).

пасомъ богословскихъ новостей или—какъ выражается Киннамъ—съ «сильнымъ нравственнымъ насморкомъ». Однажды побывавъ по своимъ обязанностямъ въ Германіи, онъ вывезъ оттуда обвиненіе на западную церковь, что будто бы въ ней учили, что «одинъ и тотъ же Сынъ Божій и меньше и равенъ Раждающему Его Богу-Отцу». Очевидно, Димитрій что-то перетолковалъ по своему. Онъ сталъ доказывать въ Византіи, что на Западѣ появилась ересь, вступалъ съ Византійцами въ собесѣдованія по этому поводу, наконецъ даже написалъ какую-то книгу и представилъ ее императору. Въ чемъ заключалось собственное мнѣніе Димитрія—сказать трудно. Мануилъ не одобрилъ книги Димитрія, потому-ли, что она заключала вздоръ, или же потому, что императоръ не желалъ новаго разгара богословскихъ споровъ—неизвѣстно. Императоръ сказалъ новому богослову Димитрію: «если можно скрыть эту книгу въ землю, то немедленно закопай ее, чтобы не сдѣлаться тебѣ виновникомъ погибели многихъ». Но Димитрій на этомъ не успокоился. Онъ сдѣлался еще смѣлѣе, читалъ свое сочиненіе, какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и въ собраніяхъ, даже вошелъ въ сношенія со многими архіереями и другими духовными лицами. Вслѣдствіе этого споръ «сдѣлался общимъ и чрезвычайно усилился, такъ что тогда не было никого, кто не говорилъ бы и не дѣлалъ изслѣдованій по этому предмету, къ какой бы сторонѣ спорящихъ ни принадлежалъ» [60]). По связи

---

[60]) Киннама, VI, 2. Въ сохранившихся до насъ актахъ собора, бывшаго по поводу разсматриваемаго спора, говорится слѣдующее о волненіи умовъ: любопрительность охватила не только епископовъ, но и монаховъ; проникла въ среду сановниковъ, сенаторовъ и всѣхъ придворныхъ; мало того: проникла въ массы народа. Составлялись партіи. Споры слышались на улицахъ, большихъ дорогахъ, узкихъ проходахъ—

указаннаго Димитріемъ западнаго ученія съ текстомъ: «Отецъ болій мене есть» всѣ изысканія именно и обратились на разъясненіе этого текста. Образовалось въ Византіи нѣсколько партій, не сходившихся одна съ другой въ воззрѣніяхъ на спорный пунктъ. Такихъ партій было не меньше пяти. Одни думали, что Отецъ называется бо́льшимъ Сына *только* потому, что Отецъ есть принципъ Сына, причина его вѣчнаго рожденія. Эта партія ссылалась, въ доказательство своего воззрѣнія на многія мѣста изъ Отцевъ церкви, которые въ этомъ именно смыслѣ понимали спорное евангельское изреченіе. Другіе изслѣдователи вопроса, составлявшіе вторую партію, не соглашались съ такимъ рѣшеніемъ и говорили: Христосъ меньше Бога Отца не только потому, что Отецъ виновникъ Сына, но и потому, что Христосъ почиталъ себя меньшимъ Отца, принимая во вниманіе свою человѣческую природу. Эти двѣ партіи стали господствующими. Онѣ жарко нападали одна на другую, обзывая другъ друга именемъ еретиковъ. Послѣднюю партію честили наименованіемъ несторіанъ, такъ какъ она раздѣльно приписывала меньшинство Сыну предъ Отцемъ — и по божеству и по человѣчеству. Другую партію, которая находила, что Отецъ *болій* Сына *только* по божеству, именовали противники ея монофизитскою, такъ какъ эта партія будто бы допускала одно божеское естество во Христѣ. Рядомъ съ этими двумя главными партіями появились еще третья, четвертая и пятая. *Третья* партія доказывала, что Христосъ употребилъ выраженіе: «Отецъ болій мене есть» только въ отношеніи къ

вездѣ въ домахъ. Maii, Scriptorum veterum nova collectio, tom. IV, Romae, 1831: Synodus, habita propter illum dictum: «quia Pater meus maior Me est», p. 2.4.

Его самоуничиженію, поскольку Онъ, пребывая въ лонѣ Отца вошелъ во чрево Маріи Богородицы. Четвертая партія спорное евангельское изреченіе относила только къ человѣческой природѣ Христа. Защитники этого мнѣнія говорили, что Христосъ, произнося слова: «Отецъ болій мене есть», въ мысли своей раздѣлялъ Божество и человѣчество Свое и лишь къ человѣчеству относилъ свое меньшинство предъ Отцемъ. Наконецъ, какъ мы сказали, была и пятая партія. Она раскрывала мысль, что Христосъ, говоря извѣстныя слова, имѣлъ въ виду не собственное лице, а говорилъ лишь какъ представитель всего человѣчества вообще, подобно тому, какъ Онъ говорилъ въ этомъ же смыслѣ: «Боже, Боже мой, вскую мя оставилъ» [61]).

Императоръ Минуилъ, разумѣется, не остался въ сторонѣ отъ этихъ споровъ. Онъ дѣятельно въ нихъ участвовалъ [62]). Онъ присталъ къ той партіи, которую мы назвали второю и которая утверждала, что Сынъ меньше Отца, такъ какъ Отецъ виновникъ вѣчнаго рожденія Сына, и такъ какъ Сынъ сдѣлался человѣкомъ. Это мнѣніе Мануилъ считалъ своимъ собственнымъ мнѣніемъ, и возможно, что оно обязано ему своимъ происхожденіемъ. Онъ крѣпко держался за него, не хотѣлъ ни на шагъ отъ него отступить. Императоръ рѣшительно объявлялъ: «мнѣ надобно крѣпко держаться высказываемаго мною ученія, да я думаю, и не легко кому-либо отклонять меня отъ него». Тотъ-же Мануилъ при другомъ случаѣ объявлялъ, обращаясь къ остальнымъ партіямъ по вопросу: «вооружайтесь, постарайтесь сразиться со мною, — со мною, выступающимъ противъ васъ

---

[61]) Maii. Ibidem. p. 3—4. 68. 78 et cet.

[62]) Въ актахъ о немъ замѣчено, что желая уяснить себѣ вопросъ, Мануилъ ночью не спалъ, а дни проводилъ въ размышленіяхъ. Pag. 36.

всѣхъ,—сразитесь не силою рукъ, а дѣйственностію слова» [63]). Очевидно, партія царя сначала была очень мала. Императоръ пожелалъ наконецъ доставить торжество принятому имъ ученію надъ остальными толками. Съ этою цѣлію онъ тщательно собираетъ изреченія отеческія, которыя такъ или иначе подтверждали его ученіе, именно свидѣтельства Аѳанасія Великаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Златоуста, Амвросія, Августина и т. д. [64]) и разсылаетъ этотъ сборникъ изреченій патріархамъ и епископамъ. Съ тою же цѣлію онъ вступаетъ со многими богословами въ личныя словопренія и старается, пользуясь своею ученостію и діалектическою тонкостію, склонить ихъ въ пользу своего мнѣнія. Императоръ приглашалъ къ себѣ по-два, по-три, а иногда и болѣе своихъ противниковъ, входилъ съ ними въ собесѣдованія, и имѣя «языкъ изворотливый и сужденіе гибкое», привлекалъ ихъ на свою сторону. Предъ иными изъ своихъ противниковъ онъ притворялся человѣкомъ въ высшей степени ревнующимъ объ истинѣ и говорилъ: «я одно только имѣю въ виду, какъ бы не оскорбить Бога; за Него я готовъ тысячекратно терпѣть оскорбленія». И такія слова конечно не оставались безъ должнаго вліянія. Когда всѣ подобныя средства не приводили къ цѣли, когда извѣстное духовное лице оставалось непреклоннымъ въ своихъ воззрѣніяхъ, царь начиналъ грозить ему изверженіемъ изъ сана и т. д. Такимъ образомъ большинство духовенства оказалось на сторонѣ Мануила. Но нужно сказать, многіе присоединялись къ нему не искренно. Такъ, нѣкоторые хотя и не спорили много съ Мануиломъ, однако въ душѣ были увѣрены,

---

[63]) Кинамма, VI, 2.
[64]) Maii, p. 5.

что «если не теперь, то послѣ смерти—тамъ Мануилъ будетъ непремѣнно преданъ анаѳемѣ» [65]).

Но главнымъ средствомъ, помощію котораго Мануилъ даетъ торжество своему мнѣнію надъ прочими, былъ соборъ, собранный императоромъ въ 1166 году, въ Константинополѣ. Въ этомъ соборѣ должны были принять участіе патріархи: Константинопольскій (Лука), Антіохійскій и Іерусалимскій, а также всѣ епископы, какіе только проживали въ Константинополѣ. Соборъ имѣлъ семь засѣданій. На первыхъ засѣданіяхъ предсѣдателемъ былъ самъ императоръ, окруженный принцами и дворомъ [66]). Соборъ открылся 2 марта 1166 года. На первомъ [67]) засѣданіи дѣятельность собора состояла въ томъ, что каждый изъ епископовъ, за исключеніемъ патріарховъ, по одиночкѣ былъ спрашиваемъ: какъ понимаетъ онъ слова Господа: «Отецъ болій мене есть». Большая часть епископовъ, подъ давленіемъ императорскаго авторитета, высказала себя въ пользу мнѣнія, коему благопріятствовалъ Мануилъ. Впрочемъ, нѣкоторые епископы осмѣлились поддерживать и другія изъ прежде изчисленныхъ нами воззрѣній по вопросу, но они не держались за эти воззрѣнія настойчиво, а изъ предосторожности прибавляли, что они не отказываются принимать и другія толкованія отцевъ. Въ заключеніе дали свои объясненія трое

---

[65]) Киннама, VI, 2.

[66]) На соборъ императоръ явился окруженный представителями лучшихъ фамилій: Дуки, Ватацы, Кантакузиновъ, Ангеловъ и т. д. Маіі, p. 36—37.

[67]) Въ актахъ подъ заголовкомъ: «первое засѣданіе» указаны побужденія къ собору и описано все, что сдѣлано самимъ императоромъ для уясненія спорнаго дѣла. Изображеніе исторіи самого собора въ актахъ начинается съ описанія собственно второго засѣданія.

патріарховъ и прежде другихъ—Константинопольскій. Патріархи высказались въ смыслѣ мнѣнія Мануилова, т. е., что Христосъ называетъ Себя меньшимъ въ сравненіи съ Отцемъ по своей божественной природѣ, но *также* и по человѣческой природѣ. При этомъ патріархи потребовали, чтобы и другіе епископы, которые высказались нерѣшительно, прямо и безъ обиняковъ выразили свое мнѣніе по вопросу. Это требованіе повело къ тому, что всѣ епископы согласились съ императорскимъ воззрѣніемъ [68]). Въ слѣдующее засѣданіе собора, подъ опредѣленіями его подписались императоръ Мануилъ, три патріарха и 50 митрополитовъ и епископовъ [69]). На третьемъ засѣданіи въ виду того, что на ближайшее воскресеніе падалъ извѣстный, установленный въ Греціи, въ память побѣды надъ иконоборцами, праздникъ Православія, положено было къ другимъ анаѳематствованіямъ и возглашеніямъ вѣчной памяти, совершаемымъ въ этотъ день, присоединить новыя четыре опредѣленія, заключавшія въ себѣ или анаѳему или возглашеніе вѣчной памяти тѣмъ партіямъ, которыя такъ или не такъ относились къ спорному вопросу. Положено было и на будущее время всегда читать эти опредѣленія въ недѣлю православія [70]). Дальнѣйшія дѣянія собора заключались въ слѣдующемъ: на одномъ изъ нихъ опредѣленнѣе провозглашена была анаѳема противъ всѣхъ, кто не раздѣлялъ мнѣнія императора, именно объявлена была «анаѳема всякому, кто большинство Отца предъ Сыномъ не относитъ *также* и къ человѣческой природѣ Сына [71]). На другомъ изъ засѣданій митрополитъ Никейскій

---

[68]) Maii, p. 40—54.
[69]) Ibidem, 54—63.
[70]) Ibidem, p. 63—67.
[71]) Ibidem, p. 67—71.

Георгій за сопротивленіе возобладавшему мнѣнію подвергнутъ былъ запрещенію на годъ [72]). Мануиломъ изданъ былъ указъ, которымъ всѣ подданные императора подъ опасеніемъ наказаній обязывались слѣдовать соборному опредѣленію [73]). Объ этомъ Никита Ханіатъ говоритъ такъ: «утвердивъ свое опредѣленіе, какъ пламеннымъ мечемъ, красною грамотою, угрожавшею смертію и отлученіемъ отъ церкви тому, кто осмѣлится даже самъ про себя вникнуть въ этотъ предметъ,—не говоримъ уже о тѣхъ, кто сталъ бы явно противорѣчить и роптать, императоръ Мануилъ вслѣдъ за тѣмъ, по совѣту нѣкоторыхъ своихъ приверженцевъ и льстецовъ, вырѣзалъ это опредѣленіе на каменныхъ доскахъ и поставилъ ихъ въ Софійской церкви» [74]).—Разсказывая вкроткѣ этотъ споръ Никита Хоніатъ сильно порицаетъ Мануила за участіе въ немъ, указывая въ императорѣ упорство и деспотическія поползновенія, и всякій согласится, что историкъ правъ. Но вотъ вопросъ: можно-ли похвалить Византійскую іерархію, столь склонную слѣдовать постороннимъ внушеніямъ по вопросамъ богословскимъ? [75]).

---

[72]) Ibidem, p. 92.

[73]) Ibid., p. 75—85. Тотъ же указъ (Novella) отпечатанъ у Миня, въ 133 томѣ.

[74]) Царствов. Мануила, VII, 5. Евстаѳій Ѳессалоникійскій однакожъ воздаетъ хвалы Мануилу за то, что онъ обнаружилъ много мудрости при рѣшеніи спорнаго вопроса (Laudatio funebris, cap. 38).

[75]) Любители споровъ не скоро успокоились на томъ рѣшеніи вопроса, какое дано при Мануилѣ. Вотъ что, по словамъ Никиты Хоніата, имѣло мѣсто въ царствованіе втораго преемника Мануила — императора Андроника: «Андроникъ крайне не одобрялъ бывшаго въ прежнее время и нынѣ существующаго обычая спорить о божественныхъ догматахъ и отнюдь не любилъ слышать что-либо новое о Богѣ. Поэтому

Третій замѣчательный богословскій споръ, возникшій и волновавшій Византійское общество при императорѣ Мануилѣ, составляетъ споръ *о богѣ Магометовомъ*. Это уже было подъ конецъ царствованія Мануила. Дѣло было такъ. Императору не нравилась и казалась подозрительною слѣдующая формула, находившаяся въ греческихъ требникахъ, которую должны были произносить обращенные отъ магометанства къ христіанству: «Анаѳема Богу Магометову, о которомъ Магометъ говоритъ, что Онъ есть Богъ олосфиросъ, что Онъ не раждаетъ и не рожденъ и Ему никто не подобенъ». Мануилъ предложилъ уничтожить эту формулу въ требникахъ: во 1-хъ потому, что анаѳема на Магометова Бога есть въ существѣ дѣла анаѳема на Бога вообще (т. е. Мануилъ хочетъ сказать, что Богъ одинъ и тотъ же у магометанъ и христіанъ); во 2-хъ, потому, что подобная формула могла служить соблазномъ для обращающихся изъ магометанства въ христіанство (и такимъ образомъ задерживать переходъ магометанъ въ истинную вѣру). Для разсмотрѣнія дѣла императоръ назначилъ соборъ. Собрались многіе епископы, которые проживали въ Константинополѣ и во главѣ ихъ патріархъ столицы Ѳеодосій, прибылъ и самъ императоръ. Мануилъ держалъ краснорѣчивую рѣчь въ защиту своего требованія. Но его краснорѣчіе на этотъ разъ лилось понапрасну. Патріархъ и епископы на этотъ разъ не хотѣли соглашаться съ Мануиломъ, не хотѣли даже

онъ не только разбранилъ Евѳимія, епископа Новопатрскаго, мужа ученѣйшаго, и Іоанна Киннама (?) за то, что они въ царскомъ дворцѣ разсуждали о словахъ Богочеловѣка: «Отецъ болій мене есть», но и съ крайнимъ гнѣвомъ сказалъ имъ, что броситъ ихъ въ рѣку Риндакъ (дѣло было въ Лопадіи), если они не перестанутъ спорить о Богѣ» (царствов. Андроника Комнина, кн. II, гл. 5).

и слышать объ его предложеніи. Они объявляли, что въ принятой формулѣ подвергается анаѳемѣ не Богъ вообще, Творецъ неба и земли, а измышленный бреднями Магомета Богъ — олосфиросъ, нерожденный и нераждающій; да и при томъ, говорили они—мы не совсѣмъ хорошо понимаемъ слово: ὁλοσφῦρος. (Замѣтимъ, что это слово по филологическому его смыслу значитъ: всеокованный и повидимому указываетъ на единство божества). Но императоръ оставался при своемъ мнѣніи и рѣшился отстоять его. Онъ избираетъ другой путь къ достиженію цѣли, именно обращается къ общественному мнѣнію, хочетъ привлечь на свою сторону свѣтское образованное общество Византіи и такимъ образомъ обезоружить іерархію. Съ этимъ намѣреніемъ онъ составляетъ краснорѣчивый и обстоятельный императорскій указъ; въ немъ онъ старался доказать, что прежніе цари и архіереи допустили существованіе извѣстной формулы о Богѣ Магометовомъ лишь по неосмотрительности и неразумію. Этотъ указъ объявленъ былъ публикѣ во дворцѣ; на этомъ чтеніи обязательно присутствовали родственники царя, члены сената, вельможи, вообще образованнѣйшія лица столицы. Это произведеніе Мануилова пера произвело наилучшее впечатлѣніе на слушателей. Никита Хоніатъ, который при всякомъ удобномъ случаѣ порицаетъ Мануила за его теологическое совопросничество, на этотъ разъ отдаетъ полную дань уваженія грамотѣ царя. Это произведеніе Мануила—говоритъ историкъ—«приправленное краснорѣчивыми доводами, имѣло такую силу убѣжденія, что едва могли оторвать свой слухъ отъ него не только люди, обращавшіе вниманіе на изящную и пріятную оболочку, но даже и тѣ, которые вникали въ смыслъ написаннаго». Аудиторія задрожала отъ грома рукоплесканій. Такимъ образомъ общественное мнѣніе

образованнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ людей въ Византіи стало на сторону императора. Но отъ этого мало выиграло дѣло. Представители Церкви оставались глухи къ общественному мнѣнію. Патріархъ не сдавался. Онъ не только не соглашался съ указомъ Мануила, но и другихъ убѣждалъ остерегаться его, какъ яда. Императоръ оскорбился такимъ отношеніемъ іерархіи къ его предпріятію, осыпалъ епископовъ бранью и называлъ ихъ—по словамъ Никиты, самыми унизительными именами [76]). Онъ не смутился противодѣйствіемъ іерархіи и повелъ дѣло дальше. Издаетъ второй указъ, въ которомъ снова настаиваетъ на своемъ мнѣніи и затѣмъ назначаетъ новый соборъ въ Скутари, куда императоръ удалился по случаю болѣзни, для пользованія чистымъ загороднымъ воздухомъ. Сюда вызваны были императоромъ патріархъ и епископы, но императоръ по болѣзни не могъ вступить въ личное собесѣдованіе съ отцами: дѣло велось чрезъ любимаго царскаго секретаря. Этотъ послѣдній отъ лица императора предъявилъ собору двѣ бумаги: это была, во-первыхъ, грамота, въ которой Мануилъ излагалъ свое воззрѣніе по спорному вопросу, а во-вторыхъ, письмо Мануила къ патріарху. Императоръ требовалъ, чтобы епископы подписали указанную грамоту. А письмомъ онъ всячески укорялъ патріарха и архіереевъ за упорство и настойчивость, грозилъ даже собрать соборъ, на которомъ предсѣдательство хотѣлъ поручить не иному кому, а Римскому папѣ (понятно, что папа въ этомъ письмѣ Мануила служилъ лишь чѣмъ-то въ родѣ пугала). Въ томъ же письмѣ къ патріарху императоръ писалъ: «я былъ бы неблагодаренъ Богу, если бы не

---

[76]) Μωρὰ τῇ κόσμῳ τίτας (homines omnium mortalium stultissimos) ὠνόμαζεν.

употребилъ все стараніе съ своей стороны для того, чтобы Его, истиннаго Бога, не подвергали анаѳемѣ». Но патріахъ и епископы и теперь не хотѣли раздѣлять мнѣнія царскаго. Съ особенною ревностію выступаетъ на этотъ разъ противъ царскихъ требованій знаменитый Евстаѳій, митрополитъ Ѳессалоникійскій, мужъ широкой учености, отличавшійся даромъ краснорѣчія. Этотъ Евстаѳій съ жаромъ объявилъ: «я счелъ бы себя вовсе лишившимся мозгу и былъ бы недостоинъ этой архіерейской одежды, еслибы призналъ истиннымъ какого-то Магометова Бога, руководителя и наставника на всѣ гнусныя дѣла». Необыкновенная смѣлость, съ которой сталъ противиться императору Евстаѳій, повергла всѣхъ въ ужасъ. Слушатели едва не оцѣпенѣли при этихъ словахъ Евстаѳія. Царскій секретарь ту же минуту отправился доложить объ этомъ случаѣ Мануилу. Императоръ пришелъ въ неописанное удивленіе и счелъ себя глубоко оскорбленнымъ словами Евстаѳія. Онъ говорилъ: «или я оправдаюсь и докажу, что я не вѣрую въ Бога, учителя всякаго нечестія, и тогда подвергну заслуженному наказанію того, кто изрыгаетъ хулу на помазанника Божія, или же я буду уличенъ въ томъ, что я прославляю иного Бога, а не истиннаго, и тогда буду благодаренъ, что меня отвратили отъ ложнаго мнѣнія». Патріархъ Ѳеодосій отправился въ покои императора, долго уговаривалъ его извинить проступокъ Евстаѳія и наконецъ для укрощенія гнѣва царскаго обѣщалъ, что онъ, патріархъ, и епископы будутъ согласны принять исключеніе изъ требниковъ формулы о Богѣ Магометовомъ. И повидимому, на самомъ дѣлѣ соборъ пересталъ противиться волѣ царя. Мануилъ былъ въ восторгѣ, простилъ Евстаѳія и съ миромъ отпустилъ епископовъ въ Константинополь. Но императоръ нѣсколько обманулся

въ своихъ надеждахъ. На другой день рано поутру является къ патріарху императорскій гонецъ, который съ нетерпѣніемъ требовалъ, чтобы епископы собравшись подписали царское опредѣленіе. Епископы быстро собрались у патріарха, но подписаться подъ опредѣленіемъ отказывались. Хотя епископы наканунѣ, вѣроятно, изъ-за опасенія ради Евстаѳія и соглашались вполнѣ принять мнѣніе Мануила, но теперь, когда опасность миновала, они снова стали противорѣчить императору. Они начали критиковать опредѣленіе, нашли здѣсь неточности, стали требовать перемѣны въ изложеніи. Узнавъ объ этомъ, императоръ сильно гнѣвался на епископовъ и осыпалъ ихъ неприличною бранью, обзывалъ ихъ: «чистыми дураками». Что за этимъ послѣдовало — исторія не знаетъ. По крайней мѣрѣ конецъ продолжительнаго спора совсѣмъ неожиданный. Объ окончаніи спора историкъ Никита говоритъ лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Наконецъ епископы—говоритъ онъ—кое-какъ согласились уничтожить формулу, соблазнявшую императора, и замѣнили ее новою, въ которой вмѣсто анаѳемы на Бога Магометова провозглашалась анаѳема на самого Магомета, его ученіе и его приверженцевъ [77]).—Нужно впрочемъ признать, что наши документы слишкомъ блѣдно и отрывочно передаютъ исторію этого интереснаго спора [78]).

---

[77]) Никиты. Царствованіе Мануила, кн. VII, гл. 6.

[78]) Источникомъ, откуда почерпаются свѣдѣнія, служитъ одинъ Никита. Другіе историки и писатели почему то молчатъ объ этомъ богословскомъ диспутѣ при Мануилѣ. Даже Евстаѳій Ѳессалоникійскій въ своей «Laudatio funebris» ни слова не говоритъ о спорѣ изъ-за «Бога Магометова». Не служитъ-ли послѣднее обстоятельство указаніемъ, что участіе Евстаѳія въ спорѣ было дѣйствительно таково, какимъ изображаетъ его Никита?

Никита Хоніатъ по обыкновенію порицаетъ Мануила и за этотъ богословскій споръ. Онъ указываетъ въ императорѣ «безразсудную настойчивость», а мнѣніе Мануила считаетъ противоположнымъ истинѣ, «настоящимъ и самымъ худшимъ безуміемъ» [79]). Въ этихъ словахъ историка справедливо то, что императоръ недостойно и неприлично обращался въ данномъ случаѣ съ высшимъ Византійскимъ духовенствомъ [80]).

Тотъ же императоръ Мануилъ оставилъ по себѣ достаточное число законодательныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ, что дѣла церкви его сильно интересовали. Говоримъ о новеллахъ Мануила по различнымъ вопросамъ церковнымъ. Изъ новеллъ этого императора познакомимся, впрочемъ, съ немногими, именно съ такими, въ которыхъ наиболѣе отражаются духъ эпохи и стремленія императора. Новеллы Мануила прежде всего свидѣтельствуютъ, что онъ очень заботился объ огражденіи неприкосновенности недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ церкви. Такъ въ новеллѣ, выданной въ 1148 году, онъ объявляетъ очень важныя привиллегіи по части владѣнія недвижимымъ имуществомъ какъ знаменитой Софійской церкви, такъ и различныхъ митрополій, архіепископій и епископій. «Симъ хрисовуломъ — говорится здѣсь — утверждается и поставляется въ безопасность всякій, принадлежащій церквамъ, состоящимъ

---

[79]) Никиты Ibid. VII, 7.

[80]) О стараніяхъ Мануила и представителей церкви его времени къ возвращенію Армянъ въ нѣдра Православія можно находить извѣстія въ сочиненіи проф. Троицкаго: «Изложеніе вѣры Армянскія» (Петерб. 1875). А объ отношеніяхъ Мануила къ латинянамъ можно составлять понятіе по диспуту его съ кардиналами. Hergenröther. Photius, B. III. S. 811—814.

подъ управленіемъ епископовъ и самой первой между ними (Софійской), всякій документъ на недвижимыя имущества ихъ, въ чемъ бы они ни состояли, гдѣ бы не находились. А все, что есть въ хрисовулахъ-ли различныхъ императоровъ, или грамматахъ, или въ простыхъ повелѣніяхъ и актахъ (относительно имущества какихъ-либо церквей) нетвердаго и въ чемъ-нибудь не имѣющаго точной и должной сообразности съ законами, теперь все это исправляется, и на будущее время опредѣляется, чтобы отъ этого не было для всѣхъ указанныхъ церквей никакого предосужденія (препоны) во всѣ вѣка». Замѣчательно по своей энергичности заклятіе, которымъ оканчивается хрисовулъ. «Если кто захочетъ, по любви къ деньгамъ или по другой какой причинѣ, оказать пренебреженіе къ опредѣленіямъ настоящаго хрисовула, тотъ во-первыхъ не узритъ свѣта пресвятой Троицы, когда престанемъ предъ страшнымъ судилищемъ; затѣмъ, отпадетъ отъ части христіанъ, какъ Іуда отъ двоюнадесяти; и сверхъ того, навлечетъ на себя проклятіе отъ всѣхъ почившихъ, праведныхъ и богоносныхъ отцевъ» [81]). Въ особенности императоръ старался блюсти интересы великой или Софійской церкви. Когда чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ предыдущей новеллы Мануилъ узналъ (въ 1153 году), что выходятъ какія-то затрудненія во владѣніи этой церкви недвижимыми имуществами, то онъ выдалъ новую новеллу, въ которой рѣшительно и безусловно утверждались за великою церковію всѣ ея недвижимыя владѣнія, причемъ законодатель прибавляетъ: «хотя бы жили здѣсь купцы или ремеслен-

---

[81]) Novella de instrumentis omnium, quae ubique sunt, ecclesiarum, ob possessionem immobilium. Migne, Gr. tom. 133, p. 717—724. Правила съ толкован., стр. 849—852.

ники, хотя бы въ какомъ-нибудь изъ нихъ построены были укрѣпленія, хотя бы находилось въ нихъ и что либо другое принадлежащее казнѣ». Имѣнія эти при томъ навсегда освобождались ото всякихъ податей. Законодатель говоритъ: «не должно быть дозволено сборщику податей ни въ какое время, никакимъ образомъ входить во всѣ эти имѣнія, ни привлекать къ какому бы то ни было взысканію и изслѣдованію» [82]). Мануилъ заботился также и о возвышеніи личныхъ правъ духовенства. Ему принадлежитъ новелла, въ силу которой «всѣмъ священникамъ, гдѣ бы они ни находились въ странахъ греческихъ, священникамъ, которые платили общественныя подати (вѣроятно съ личнаго имущества) онъ не только предоставилъ свободу отъ всякой общественной повинности, но и свободу отъ поземельной подати» [83]). Такъ значительна была заботливость Мануила о церквахъ и духовенствѣ. Но нельзя сказать, чтобы равнымъ же покровительствомъ пользовались со стороны этого императора и многочисленные монастыри Византійскаго государства. Можно догадываться, что Мануилъ не питалъ симпатій къ монашеству въ томъ его видѣ, какой оно приняло къ его времени. Правда, сохранилась до насъ одна новелла Мануила (1158 г.), которая утверждаетъ за монастырями почти тѣже самыя привиллегіи, которыя новеллою отъ 1148 года предоставлены относительно владѣнія недвижимыми имуществами всѣмъ церквамъ, начиная съ Софійской церкви, но нужно сказать, что подобныя привиллегіи даются законодателемъ *не всѣмъ* монастырямъ, но нѣкоторымъ, хотя можетъ быть и многимъ, которые и исчи-

---

[82]) Aurea bulla de possessionibus magnae ecclesiae. Migne, tom. 133, p. 724—728. Правила съ толкованіями, стр. 846—849.

[83]) Правила съ толкованіями, стр. 801—802.

слены императоромъ [84]). Такимъ образомъ, на монастыри и монашество Мануилъ не простеръ тѣхъ милостей, какія изливались отъ него на церкви и духовенство. Мало этого: есть основанія утверждать, что этотъ императоръ желалъ очень сильно ограничить права монастырей пріобрѣтать недвижимыя имущества. По свидѣтельству историка Никиты Хоніата, Мануилъ возобновилъ законъ, выданный въ X вѣкѣ императоромъ Никифоромъ Фокою, въ которомъ запрещалось монастырямъ увеличивать ихъ недвижимыя имущества — будь то чрезъ покупку или дареніе. «Этотъ законъ — говоритъ Никита, — отъ времени превратился въ мертвую букву и потерялъ силу, но Мануилъ воскресилъ его, согрѣвъ какъ бы кровію красными царскими чернилами» [85]). Вотъ главныя черты указа Никифора Фоки: «Божественный Искупитель, такъ говорится въ указѣ, — имѣя попеченіе о нашемъ спасеніи и указывая пути къ нему, научаетъ насъ, что многое стяжаніе служитъ существеннымъ къ тому препятствіемъ. Предостерегая насъ противъ излишняго, Спаситель запрещаетъ даже пещись о пищѣ на завтрашній день, а не только что о жезлѣ, сумѣ и новой перемѣнѣ одежды. И вотъ наблюдая теперь совершающееся въ монастыряхъ и замѣчая явную болѣзнь (ибо лучше всего назвать это болѣзнію), которая въ нихъ обнаруживается, я не могъ придумать, какимъ врачевствомъ можетъ быть исправлено зло и какимъ наказаніемъ слѣдуетъ наказать чрезмѣрное любостяжаніе. Кто изъ святыхъ отцовъ учитъ этому и какимъ внушеніямъ они слѣдуютъ, дошедши до такого излише-

---

[84]) Aurea bulla de possessionibus monasteriorum. Migne, p. 727—733. Правила съ толкованіями, стр. 839—844.

[85]) Царствов. Мануила, VII, 3 (fin.).

ства, до такого, по слову Давидову, суетнаго безумія? Не каждый-ли часъ они стараются пріобрѣтать тысячи десятинъ земли, строятъ великолѣпныя зданія, разводятъ безконечные табуны лошадей, стада воловъ, верблюдовъ и другого скота, обращая на это всю заботу своей души, такъ что монашескій чинъ ничѣмъ уже не отличается отъ мірской жизни со всѣми ея суетами. Развѣ Слово Божіе не гласитъ нѣчто тому противоположное и не заповѣдуетъ монахамъ полную свободу отъ попеченій? Развѣ оно не поставляетъ въ посрамленіе намъ беззаботность птицъ? Взгляни, какой образъ жизни вели св. отцы, которые возсіяли въ Египтѣ и Палестинѣ, и ты найдешь, что жизнь ихъ была до такой степени проста, какъ будто они имѣли лишь душу и достигли безтѣлесности ангеловъ. Христосъ сказалъ, что царствіе небесное пріобрѣтается многими скорбями. Но когда я посмотрю на тѣхъ, кто хотя и даетъ обѣтъ удаляться отъ сей жизни, но лишь перемѣною одежды свидѣтельствуетъ о перемѣнѣ жизни, и затѣмъ вижу; какъ они обращаютъ въ ложь свои обѣты и какъ противорѣчатъ поведеніемъ своимъ наружному виду, то я не знаю, какъ назвать это, какъ не комедіей, придуманною для посрамленія имени Христова? Не апостольская это заповѣдь, не отеческое это преданіе— пріобрѣтеніе громадныхъ имѣній и множество заботъ о плодахъ, приносимыхъ деревьями». Послѣ этихъ разсужденій законодатель опредѣляетъ: «не должно жертвовать на монастыри—поля, помѣстья или угодья, таковыхъ, замѣчаетъ законодатель, за ними довольно уже числится отъ прежняго времени—а можно жертвовать въ пользу монастырей рабовъ, воловъ, стада овецъ и иного скота, такъ какъ при этихъ пособіяхъ монастыри могутъ заняться обработкой втунѣ лежащей земли». Этими послѣдними словами указа

запрещалось увеличивать недвижимыя имущества монастырей. Въ этомъ же указѣ Никифоръ запрещаетъ строить новые монастыри среди населенныхъ мѣстностей, а позволяетъ ихъ сооружать въ мѣстахъ пустынныхъ [86]).—Вотъ этотъ-то указъ императора Никифора Фоки и возстановляетъ Мануилъ [87]). Мануилъ, по разсказу Никиты, порицалъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, не исключая дѣда своего и отца, за то, что они устрояя монастыри, приписывали къ нимъ цѣлыя десятины плодородной земли и луга; Мануилъ находилъ, что его предшественники, поступая такъ, дѣлали хорошее дѣло нехорошо [88]). Этотъ императоръ на собственномъ примѣрѣ показалъ, какъ слѣдуетъ устроять монастыри въ матеріальномъ отношеніи. Онъ создалъ одинъ монастырь, во имя Архангела Михаила, на Понтѣ, въ уединенной мѣстности. Собравъ сюда самыхъ лучшихъ монаховъ, онъ

[86]) Лебедева. Царствованіе Никифора Фоки въ церковно-историческомъ отношеніи, стр. 30—33 (Москва, 1887).

[87]) Какой либо новеллы Мануила съ такимъ точно содержаніемъ до насъ не дошло. Но такая новелла въ свое время несомнѣнно существовала. Вальсамонъ, канонистъ конца XII вѣка, свидѣтельствуетъ, что Мануилъ (въ 1176 году) «выдалъ повелѣніе, которымъ почти отмѣнялся благодѣтельнѣйшій хризовулъ (разумѣется хризовулъ 1158 года о монастырскихъ имѣніяхъ), почему всѣ монастырскія недвижимыя имущества подверглись расхищенію со стороны составителей переписей» (Правила съ толк. стр. 844). Нѣтъ-ли здѣсь указанія на изданіе новеллы, сходной съ указомъ Никифора Фоки? При томъ же, въ самой новеллѣ 1158 года ясно открывается намѣреніе Мануила слѣдовать вышеприведенному закону Никифора Фоки, ибо здѣсь говорилось: «монастыри нынѣшнія свои владѣнія—состоятъ-ли эти послѣднія изъ поселенцовъ или изъ участковъ земли и угодій—не будутъ имѣть права умножать и увеличивать» (Правила съ толков., стр. 843. Migne, tom. 133, p. 733.

[88]) Царствованіе Мануила, VII, 3.

обезпечилъ имъ жизнь, ничѣмъ не развлекаемую. Именно, хорошо понимая, что владѣніе недвижимымъ имуществомъ, какъ сопряженное съ разными хлопотами, не соотвѣтствуетъ монашескимъ обѣтамъ, онъ не далъ такихъ имуществъ своему монастырю, не подарилъ ему ни полей, ни виноградниковъ, а взамѣнъ того, положилъ производить монахамъ изъ царской казны столько жалованья, сколько нужно для безбѣднаго существованія.—Современники чрезвычайно одобряли Мануила за то, что онъ возстановилъ извѣстный указъ императора Никифора. Историкъ Никита находитъ, что монахи тѣхъ временъ такъ испортились, что необходимы были самыя строгія мѣры къ улучшенію жизни монашеской. Мануилъ, по сужденію Никиты, такъ поступилъ по тому, что не находилъ полезнымъ того порядка вещей, когда монахи, принимая на себя обѣтъ монашества, въ то же время стремились жить богато, и бывали больше развлечены хлопотами, чѣмъ люди мірскіе. «Монахамъ, говоритъ Никита, вообще слѣдовало бы устроять себѣ жилища въ неизвѣстныхъ мѣстахъ и въ пустынныхъ странахъ, въ углубленныхъ пещерахъ или на высокихъ скалахъ; а они вмѣсто того—жалуется историкъ—воздвигаютъ монастыри на площадяхъ и перекресткахъ Константинополя; да притомъ же въ этихъ монастыряхъ живутъ не дѣйствительные подвижники, а люди, которые потому и монахи, что они остригли волосы, перемѣнили платье, отпустили себѣ бороду» [89]). Такъ же и знаменитый мужъ тѣхъ временъ Евстаѳій Ѳессалоникійскій, одобряя какого-то царя за его строгія распоряженія относительно монашества и въ особенности за то, что онъ отнялъ у монаховъ управленіе монастырскими имуществами,

---

[89]) Ibidem.

вѣроятнѣе всего разумѣетъ подъ этимъ царемъ—именно Мануила [90]).

Заслуживаетъ вниманія еще новелла Мануила (1166 года), которою императоръ опредѣлилъ дѣленіе праздниковъ церковныхъ на большіе и малые. Побужденіемъ къ изданію этой новеллы послужило то, что чиновники, заправлявшіе судебною частію въ государствѣ, по небреженію о своемъ долгѣ установили для себя очень широкій кругъ праздниковъ, въ теченіи которыхъ должно было пріостанавливаться производство судебныхъ дѣлъ: всѣ многочисленные праздники церковные сдѣлались для нихъ днями свободными отъ гражданскихъ обязанностей. Отъ такого порядка вещей разумѣется выигрывали сами чиновники, обязанные заниматься судопроизводствомъ, но страдали истцы и отвѣтчики, вообще страдало правосудіе. Чтобы положить конецъ произволу, императоръ Мануилъ и выдалъ новеллу, которая дѣлила церковные праздники на великіе и малые (тѣ и другіе перечислены въ новеллѣ). Въ большіе праздники судопроизводство совсѣмъ пріостанавливалось, а въ малые лишь относительно; именно, въ послѣднемъ случаѣ служители правосудія обязаны были исполнять возложенный на нихъ долгъ, какъ до литургіи, такъ и послѣ литургіи; они освобождались въ малые праздники лишь въ теченіе тѣхъ часовъ, когда совершалась литургія, чтобы они могли участвовать въ общественномъ богослуженіи. Объ этой новеллѣ слѣдуетъ замѣтить слѣдующее: императоръ не самъ производилъ классификацію праздниковъ на великіе и малые, но при участіи въ этомъ религіозномъ дѣлѣ—представителей церкви, патріарха и епископовъ; далѣе:

---

90) Eustathii. De emendanda vita monastica, cap. 124. Migne Gr. tom. 135, p. 832.

замѣчательно, что къ числу большихъ праздниковъ, кромѣ Господскихъ, Богородичныхъ и Предтечи, отнесены дни памяти всѣхъ двѣнадцати апостоловъ (подъ разными числами разныхъ мѣсяцевъ) мало святителей и ни одного мученика и чудотворца. Очевидно, дни памяти св. апостоловъ отнесены къ великимъ праздникамъ потому, что эти святыя лица имѣютъ вселенское значеніе, какъ послужившія усвоенію спасенія для всего міра; изъ дней, посвященныхъ памяти святителей, къ праздничнымъ въ собственномъ смыслѣ отнесены лишь тѣ дни, въ которые совершается память такихъ лицъ, которыя своимъ ученіемъ и борьбою за православіе стали всемірно-извѣстными, напримѣръ, Іоаннъ Златоустъ, Аѳанасій Вел., Кириллъ Александрійскій. Нѣтъ сомнѣнія, дѣленіе праздниковъ на большіе и малые произведено съ полнымъ разумѣніемъ. Стоитъ упомянуть еще о томъ, что императоръ такъ называемые высокоторжественные или царскіе дни (день рожденія государя и день восшествія его на престолъ) не относитъ къ праздничнымъ днямъ: императоръ положилъ, что въ эти дни онъ самъ будетъ заниматься принадлежащими ему, какъ царю, дѣлами и требуетъ, чтобы по его примѣру поступали и служители правосудія [91]).

Второй преемникъ Мануила *Андроникъ I* Комнинъ, проложившій себѣ путь къ престолу убійствомъ малолѣтняго Алексѣя, сына Мануилова, въ его отношеніяхъ къ церкви—извѣстенъ почти только съ дурной стороны. Это и совершенно естественно, если возьмемъ во вниманіе его религіозно-нравственный характеръ, съ которымъ мы уже знакомы. Онъ вспоминаетъ о церкви, кажется, только тогда, когда ему нужно какое-либо нечистое свое дѣяніе прикрыть авторите-

---

[91]) Novella de diebus feriatis. Migne, tom. 133, p. 749—760.

томъ церкви. Такъ извѣстно, что когда Андронику захотѣлось выдать свою побочную дочь Ирину за Алексѣя, побочнаго же сына императора Мануила, то онъ во что-бы то ни стало рѣшился обойти преграды къ такому браку; а преграды эти заключались въ томъ, что бракъ этотъ представлялся несообразнымъ съ церковными правилами: Андроникъ и Мануилъ были двоюродные братья [92]). Въ виду этого императоръ отсылаетъ къ патріарху Ѳеодосію съ синодомъ коротенькую записочку, въ которой требуетъ разрѣшенія брака, во имя государственной пользы. И когда болѣе ревностные изъ іерарховъ не соглашались разрѣшить совершеніе противозаконнаго брака, то Андроникъ повелъ дѣло такъ, что патріархъ долженъ былъ оставить каѳедру. Удаленіе патріарха Ѳеодосія императоръ «принялъ за прекрасный подарокъ судьбы» — воспользовавшись этимъ случаемъ для осуществленія своего желанія [93]). Патріархъ и ранѣе того не мало терпѣлъ непріятностей отъ этого необузданнаго государя, такъ что Ѳеодосію въ самомъ дѣлѣ ничего не оставалось дѣлать — какъ удалиться на покой. Извѣстенъ слѣдующій случай, прекрасно рисующій отношенія императора къ патріарху. Андронику, который сначала управлялъ государствомъ во имя малолѣтняго императора Алексѣя II, нужно было во что-бы то ни стало отдѣлаться отъ матери этого послѣдняго, которая мѣшала ему распоряжаться дѣлами по своему. Андроникъ рѣшился изгнать ее изъ дворца и изъ столицы. Для оправданія своего поступка онъ пожелалъ, чтобы и патріархъ Ѳеодосій одобрилъ эту мѣру. А между тѣмъ, Ѳеодосій ничего

---

[92]) Да и матери жениха и невѣсты тоже были родня между собою.

[93]) Никиты. Царствованіе Алексѣя, сына Мануилова, гл. 15.

такого не ожидалъ. При такихъ обстоятельствахъ Андроникъ дѣлаетъ слѣдующее: онъ натаскиваетъ народъ противъ патріарха, заставляетъ толпу требовать отъ архипастыря согласія на изгнаніе вдовствующей императрицы [94]). Выходитъ дикая сцена: буйный и наглый народъ, по иниціативѣ правительства, шумнымъ потокомъ стекается къ патріаршимъ покоямъ, и здѣсь неистовствуетъ. Случай характерный, не требующій дальнѣйшихъ комментаріевъ [95]).

Столь-же дурно, какъ и Андроникъ I, относился къ церкви и императоръ *Исаакъ Ангелъ*. Его десятилѣтнее царствованіе было цѣлымъ рядомъ случаевъ, когда императоръ самовольно низвергалъ съ каѳедры одного за другимъ Византійскихъ патріарховъ. Исаакъ такъ хотѣлъ, и этого было достаточно, чтобы патріархи мѣнялись то и дѣло. Не даромъ историкъ говорилъ объ Исаакѣ: «царь при своей безразсудности и силѣ никакъ не могъ воздерживаться отъ того,

---

[94]) Ibid., гл. 17.

[95]) Впрочемъ и объ Андроникѣ нельзя сказать, чтобы онъ рѣшительно не заботился о благѣ церкви. До насъ сохранилось на латинскомъ языкѣ его сочиненіе подъ заглавіемъ: Dialogus contra Iudaeos (Migne, Gr. tom. 133, p. 797—924). (Ошибочно утверждаетъ проф. Успенскій, что «Діалогъ» Андроника еще не изданъ. Въ статьѣ: «Царь Алексѣй II и Андроникъ Комнины»: Журн. Мин. Нар. просв. 1881, мартъ, стр. 56). Побужденіемъ къ составленію этого сочиненія для Андроника было то, что въ Константинополѣ, Адріанополѣ и Ѳессаліи (ibid. 798) появились какіе то юристы, взявшіе на себя защиту Іудейской религіи; очевидно они были приверженцами іудаизма. Значитъ Андроникъ писалъ свой трудъ съ цѣлію послужить интересамъ церкви. Затѣмъ извѣстно, что Андроникъ съ достаточными основаніями старался воздерживать нѣкоторыхъ лицъ отъ продолженія спора по поводу текста: «Отецъ болій мене есть,» хотя и не умѣлъ самъ держаться при этомъ случаѣ въ границахъ приличія и уваженія къ духовному сану (см. выше примѣч. 75).

чтобы по своему произволу не превращать и не переиначивать всѣхъ дѣлъ не только человѣческихъ, но и божескихъ», т. е. религіозныхъ. Вотъ списокъ патріарховъ, безвинно низверженныхъ Исаакомъ съ Византійской каѳедры. Едва вступивъ на престолъ, онъ первымъ дѣломъ низводитъ съ каѳедры патріарха Василія Каматира, несмотря на то, что этотъ послѣдній много содѣйствовалъ къ возвышенію Исаака на императорскій тронъ. Причиною низложенія было то, что онъ позволилъ снять монашеское платье многимъ благороднымъ женщинамъ, которыя пострижены были насильственно императоромъ Андроникомъ. Вмѣсто Василія возведенъ былъ на патріаршество Никита Мунтанъ; это былъ человѣкъ уже престарѣлый. Императоръ низвергаетъ его, несмотря на то, что Никита сталъ патріархомъ по волѣ самого же Исаака; онъ былъ низверженъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ уже старъ и безполезенъ. По низверженіи Никиты патріаршую каѳедру занялъ монахъ Леонтій. Исаакъ по поводу назначенія въ патріархи этого, дотолѣ ничѣмъ неизвѣстнаго монаха, съ клятвою разсказывалъ, что онъ этого человѣка никогда прежде не зналъ, но что Божія Матерь ночью указала ему на него въ откровеніи, не только описавъ видъ и доблести его, но и указавъ мѣсто, гдѣ онъ проживалъ. Хотя такое, такъ сказать, сверхъестественное избраніе монаха Леонтія въ патріархи, повидимому, обезпечивало прочность его патріаршества, однакожъ на дѣлѣ случилось не такъ: не прошло и года, какъ Леонтій былъ низвергнутъ Исаакомъ. Историкъ замѣчаетъ, что императоръ только «осрамилъ Леонтія». Нужно было назначить новаго патріарха. Исаакъ рѣшился возвести на Византійскій патріаршій престолъ тогдашняго іерусалимскаго патріарха Досиѳея, разыгравъ при этомъ, по выраже-

нію историка, «цѣлую драму». Досиѳей былъ человѣкъ пустой, но большой проныра. Сначала онъ былъ простымъ монахомъ въ Студійскомъ монастырѣ въ Константинополѣ; втерся въ расположеніе Исаака, когда этотъ еще не былъ императоромъ, и конечно совершенно наобумъ, предсказалъ ему императорскую корону (мы знаемъ, что тогда такія пророчества были въ ходу). Предсказаніе сбылось. Это еще болѣе сдружило Исаака съ Досиѳеемъ. Когда сдѣлалась вакантною патріаршая каѳедра въ Іерусалимѣ, императоръ постарался посадить на нее своего любимца. Теперь же по низверженіи Византійскаго патріарха Леонтія, Исаакъ этого самого Досиѳея захотѣлъ возвести на столичную патріаршую каѳедру. Но къ этому нашлось препятствіе, именно церковь запрещала перемѣщеніе епископовъ съ одной каѳедры на другую. Тогда Исаакъ пустился на хитрость. Онъ призвалъ къ себѣ во дворецъ извѣстнаго канониста Вальсамона, патріарха Антіохійскаго, который только по имени былъ Антіохійскимъ патріархомъ, а проживалъ въ Византіи (въ виду того, что Антіохія давно была во власти латинянъ-крестоносцевъ). На единѣ въ бесѣдѣ съ Вальсамономъ, такъ разсказываетъ историкъ Никита, Исаакъ притворился горюющимъ о томъ, что церковь оскудѣла людьми благочестивыми и разумными, что трудно найти человѣка, который съ достоинствомъ могъ бы занимать патріаршую каѳедру въ Византіи. Поговоривъ такъ, царь въ заключеніе объявляетъ, что онъ давно имѣетъ намѣреніе перевести съ каѳедры Антіохійской на Константинопольскую—его, Вальсамона, какъ лице, сіяющее всѣми достоинствами, но что одно затрудняетъ его, именно то, что подобнаго рода перемѣщенія возбранены канонами. Другого рода дѣло было бы, прибавилъ Исаакъ, еслибы Вальсамонъ, какъ

знатокъ церковныхъ правилъ и церковной исторіи, доказалъ, что перемѣщенія епископовъ съ одной каѳедры на другую и прежде бывали и теперь могутъ быть при извѣстныхъ случаяхъ и взялся бы убѣдить въ этомъ прочихъ архіереевъ; тогда онъ —говорилъ императоръ Вальсамону—съ величайшею радостію и безо всякаго замедленія сдѣлалъ бы Вальсамона изъ патріарха Антіохійскаго—Константинопольскимъ. Ничего не подозрѣвая, Вальсамонъ горячо принялся за дѣло [96]). На слѣдующій же день въ синодѣ онъ постарался убѣдить епископовъ, что перемѣщеніе съ одной каѳедры на другую дѣло дозволительное и не представляетъ непобѣдимаго затрудненія. Объ этомъ опредѣленіи синода доведено было до свѣдѣнія императора, и оно, конечно, принято было имъ. Но что-же случилось? Императоръ переводитъ въ Константинополь Досиѳея, патріарха Іерусалимскаго, а Вальсамонъ, жестоко обманувшійся, такъ и остается титулярнымъ патріархомъ Антіохійскимъ. При этомъ извѣстіи, по словамъ историка, «архіереи, омороченные, понапрасну нарушившіе каноны, только рты разинули отъ изумленія». Разсматриваемое распоряженіе императора Исаака встрѣчено было съ неудовольствіемъ не только епископами, но и народомъ. Ненавидимый всѣми, Досиѳей, хотя въ сопровожденіи великолѣпной свиты, и пріѣхалъ въ столицу, но отказывается отъ каѳедры Константинопольской. Императоръ однакожъ стоитъ на своемъ, онъ не хочетъ выносить сопротивленія; отдаетъ приказаніе, чтобы Досиѳей, въ сопровожденіи военной силы, введенъ былъ въ Софійскій храмъ, каѳедральную церковь Византіи, и такимъ образомъ

---

[96]) Вальсамонъ дѣйствительно доказывалъ, что перемѣщенія архіереевъ «ради благословной вины» позволительны (Правила съ толкованіями, стр. 25).

сдѣлался патріархомъ столицы. И вотъ Досиѳей — патріархомъ въ Византіи, но не надолго. Царь не могъ сломить общаго сопротивленія. Патріархъ былъ отставленъ, но Исаакъ не порвалъ съ нимъ дружбы: Досиѳей проживалъ въ столицѣ и пользовался такимъ вліяніемъ на Исаака, что онъ «водилъ императора, какъ всѣ говорили, не то, чтобы за носъ, а за уши» —[97]) замѣчаетъ историкъ [98]).

Жалкое царствованіе брата Исаакова *Алексѣя III Ангела* не заслуживало бы вниманія и разсмотрѣнія, если бы ко времени этого царствованія не относилась исторія одного очень страннаго богословскаго спора въ Византіи, въ которомъ принималъ болѣе или менѣе активное участіе названный императоръ. Въ царствованіе императора Исаака при патріархѣ Георгіи Ксифилинѣ начался, а въ царствованіе Алексѣя III, при содѣйствіи патріарха Іоанна Каматира, благополучно закончился споръ о томъ: евхаристическое «тѣло Христово, котораго мы пріобщаемся, такъ-ли нетлѣнно (ἄφθαρτον), какимъ оно стало послѣ страданій и воскресенія Христа, или-же тлѣнно (φθαρτόν), какимъ оно было до времени страданій и смерти Его?»

---

[97]) Никиты Хоніата. Царствованіе Исаака, кн. II, гл. 4—5.

[98]) Съ именемъ Исаака извѣстны двѣ довольно замѣчательныя по своему содержанію новеллы: одна—de electionibus pontificum (Migne, Gr. tom. 135, p. 440—448), въ которой пресѣкаются нѣкоторыя злоупотребленія въ избраніи епископовъ; а другая: ut tondeantur electorum pontificum uxores (ibid. 448—452), въ которой подтверждается, чтобы жены лицъ, избираемыхъ въ архіереи, еще ранѣе хиротоніи этихъ послѣднихъ, поступали въ монастыри; новелла имѣетъ въ виду такіе случаи: извѣстное лицо предъизбрано въ архіереи, а жена его не только не поступала въ манахини, но даже позволяла себѣ одѣваться пышнѣе, чѣмъ обыкновенно она одѣвалась. Обѣ новеллы изданы въ 1187 году и суть опредѣленія синода, подкрѣпленныя авторитетомъ царской власти и изданныя отъ лица императора.

Такъ формулируетъ историкъ Никита Хоніатъ вопросъ, взволновавшій умы Византійскихъ богослововъ конца XII вѣка. Но такое формулированіе вопроса недостаточно разъясняетъ сущность спора. На дѣлѣ, споръ объ евхаристіи, возникшій въ указанное время, носитъ всѣ признаки спора такъ называемыхъ стеркоранистовъ (stercoranistae) и ихъ противниковъ, спора, получившаго свое начало далеко отъ Византіи. Въ Византійскомъ спорѣ вопросъ касался, точнѣе сказать, того: пріемлемая нами Евхаристія подлежитъ ли обычнымъ физіологическимъ процессамъ, какимъ подвергается всякая вкушаемая человѣкомъ пища, или же она (Евхаристія) не подчиняется этимъ физіологическимъ процессамъ? По самому существу вопроса, естественно выдѣлились двѣ партіи споривших; одна давала отрицательный отвѣтъ на вопросъ, другая положительный. Защитники отрицательнаго, болѣе благоговѣйнаго и благовиднаго, рѣшенія вопроса въ доказательство своего мнѣнія ссылались на святоотеческіе авторитеты. Они въ защиту своего воззрѣнія ссылались на богословіе св. Кирилла (Іерусалимскаго); въ этомъ богословіи, по словамъ приверженцевъ разсматриваемаго мнѣнія, раскрывается, что Евхаристія есть исповѣданіе и воспоминаніе того, что Христосъ ради насъ умеръ и воскресъ, т. е. тѣхъ моментовъ въ исторіи Христа, когда Его тѣло стало прославленнымъ, духовнымъ. У другихъ отцевъ церкви и писателей церковныхъ они находили указаніе на то, что, пріемля евхаристическую частицу, мы пріемлемъ не какую нибудь часть Христову, а всецѣлаго Христа, да и пріемлемъ послѣ воскресенія Христа, когда тлѣнное тѣло Христа навѣки преобразилось въ нетлѣнное. Защитники разбираемаго воззрѣнія въ этомъ случаѣ ссылались на ученіе объ Евхаристіи св. Іоанна Златоуста. Въ твореніяхъ Златоуста они обращали вниманіе на слѣдующія его слова: «О, чудо! Возсѣ-

дающій одесную Отца пріемлется нашими грѣшными руками». Онъ-же говорилъ: «Онъ расцвѣлъ въ законѣ, возросъ въ пророкахъ, созрѣлъ на крестѣ, снѣдается по воскресеніи». Въ твореніяхъ Евтихія (патр. Константинопольскаго) защитники «нетлѣнности» обращали вниманіе на слѣдующія слова его: «пріобщающійся, принимая часть даровъ, принимаетъ всецѣло святое тѣло и всю честную кровь Господа, ибо тѣло Христово въ таинствѣ пріобщенія раздѣляется всѣми нераздѣлимо, подобно тому, какъ какая-нибудь печать, оставивши на разныхъ предметахъ множество оттисковъ и отпечатковъ своей формы, остается по отпечатаніи ихъ одна и та же, не уменьшаясь и не измѣняясь отъ числа оттисковъ, сколько бы ихъ ни было, и какъ звукъ голоса, бывъ произнесенъ кѣмъ-либо и разлившись въ воздухѣ, всецѣло весь остается въ устахъ (?) того, кто его произнесъ, и въ тоже время по мѣрѣ своего разлитія въ воздухѣ, всецѣло весь достигаетъ слуха разныхъ лицъ, такъ что никто изъ слушателей не воспринимаетъ его болѣе или менѣе въ извѣстной части, но всѣ одинаково усвояютъ въ совершенно полной и нераздѣльной цѣлости, сколько бы тысячъ или десятковъ тысячъ ихъ ни было, хотя онъ такъ же есть тѣло (?), потому что звукъ есть ничто иное, какъ сотрясающійся воздухъ. Равнымъ образомъ никто не можетъ допускать сомнѣнія, чтобы нетлѣнное, по совершеніи таинственнаго жертвоприношенія и послѣ святаго воскресенія, тѣло и безсмертная, святая и животворящая кровь Господня, содержащаяся въ видимыхъ веществахъ, вслѣдствіе многократныхъ совершеній таинственнаго священнодѣйствія, могли утрачивать полноту своихъ силъ, а не пребывали одинаково всецѣлыми во всѣхъ». Опредѣляя процессъ, какому подвергается въ человѣческомъ организмѣ Евхаристія, разсматриваемые

богословы думали, что съ нею дѣлается то же, что происходитъ и съ закваской, входящей въ тѣсто, при чемъ ссылались на слова Христа о закваскѣ. Съ этими воззрѣніями защитниковъ «нетлѣнности» не соглашались приверженцы ученія о «тлѣнности» евхаристическихъ даровъ, нами принимаемыхъ Они разсуждали слѣдующимъ образомъ: таинство Евхаристіи не есть исповѣданіе воскресенія Христова; оно есть только жертвоприношеніе (значитъ подобно ветхозавѣтнымъ жертвамъ) и потому тѣло Христово въ таинствѣ тлѣнно, безжизненно и бездушно; приступающій къ пріобщенію—разсуждали они — пріемлетъ не всего Христа, но только часть Его, такъ какъ части только и причащается. «Въ самомъ дѣлѣ — резонировали они — еслибы тѣло Христово было нетлѣннымъ и одушевленнымъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно было бы неосязаемо и невидимо; его невозможно было бы тогда раскусывать и разжевывать зубами и при подобномъ раздробленіи его на части не чувствовалось бы никакого усилія или напряженія». Они утверждали, что въ Евхаристіи мы принимаетъ не то тѣло Христово, какимъ оно стало по воскресеніи Его и какимъ станетъ наше тѣло послѣ страшнаго суда, такъ какъ это тѣло не подлежитъ осязанію, зрѣнію и не имѣетъ какой-либо опредѣленной человѣческой формы». Защитники тлѣнности приводили и еще какія-то доказательства и соображенія, но историкъ Никита не считаетъ нужнымъ приводить ихъ, находя ихъ пустыми и ничтожными. Съ точки зрѣнія приверженцевъ «нетлѣнности» сторонники этой послѣдней партіи являлись льдьми «дерзкими», дозволяющими себѣ «поруганіе» надъ благомыслящими христіанами [99]).

---

[99]) Никиты Хоніата. Царствов. Алексѣя, брата Исаакова, кн. III, гл. 3.

Появленіе споровъ въ Византіи о «тлѣнности и нетлѣнности» евхаристическихъ даровъ нужно приписывать вліянію Запада на Восточную церковь. Мы не думаемъ, чтобы самостоятельно могли появиться подобные споры въ Византіи, ибо Греки сами по себѣ не расположены были вносить эмпирическій элементъ при рѣшеніи богословскихъ вопросовъ. Напротивъ на Западѣ не только не чуждались такой разработки религіозныхъ вопросовъ, но и прямо ставили вопросъ о «тлѣнности» и «нетлѣнности» евхаристическихъ даровъ. Споры эти давно уже начались на Западѣ и не прекращались и въ концѣ XII вѣка. Въ IX вѣкѣ на Западѣ появились лжеучители, которые утверждали, что принимаемая нами Евхаристія подлежитъ тѣмъ же процессамъ, какъ и обыкновенная пища. Противъ нихъ писалъ Пасхазій Ратбертъ [100]). Въ первой половинѣ XII вѣка противъ такихъ же лжеучителей полемизировалъ Алгеръ изъ Люттиха, называя подобное заблужденіе: haeresis foedissima stercoranistarum [101]). На Западѣ не прекращались разбираемые споры и около того времени, когда они появились и на Востокѣ. Такъ, знаменитый папа Иннокентій III (1198—1216 г.) въ сочиненіи De mysteriis missae разрѣшаетъ между прочимъ вопросъ и о томъ, что происходитъ съ евхаристическимъ хлѣбомъ послѣ того, какъ онъ принятъ нами внутрь, въ таинствѣ; онъ отвѣчаетъ, что какъ скоро «тѣло Христово принято нами, то оно теряетъ всѣ признаки чувственности и становится духовнымъ: Христосъ чрезъ уста вѣрующаго переходитъ

---

[100]) Онъ говорилъ въ своемъ сочиненіи о «Тѣлѣ и Крови Господнихъ»: friuolum est ergo, in hoc mysterio cogitare de stercore, ne commisceatur in digestione alterius cibi.

[101]) Herzog—Hauck. Encykl. B. XIV, s. 688 (Leipz. 1884).

въ сердце вѣрующаго» [102]). — Мы полагаемъ, что споры о тлѣнности и нетлѣнности евхаристическаго тѣла и крови Христовой имѣютъ въ Византіи заносный характеръ. Появленіе крестоносцевъ на Востокѣ легко могло служить къ ознакомленію Грековъ съ такими сторонами латинскаго богословія, о которыхъ они раньше ничего не знали. Главнымъ представителемъ ученія о «тлѣнности» пріемлемой нами Евхаристіи былъ въ Византіи какой-то монахъ по имени Сикидитъ. Изъ кого состояли его приверженцы—неизвѣстно.

Особенною ревностью въ борьбѣ съ лжеучителемъ Сикидитомъ и его приверженцами заявилъ себя тогдашній патріахъ Іоаннъ Каматиръ. Въ своихъ катехизическихъ поученіяхъ Іоаннъ старался указать на то, что предметъ настолько таинственъ, что онъ превышаетъ силы ограниченнаго разума человѣческаго; вообще онъ раскрывалъ въ борьбѣ съ заблужденіемъ, что таинство потому и есть таинство, что его смыслъ и дѣйствіе «вышеестественны». Патріархъ вооружился наконецъ противъ вышеуказаннаго лжеучителя самымъ сильнымъ средствомъ—предалъ его анаѳемѣ. Самъ тогдашній императоръ Алексѣй Ангелъ не оставался въ сторонѣ отъ этого спора. Онъ поддерживалъ патріарха въ борьбѣ съ лжеученіемъ и весьма вѣроятно голосъ царя много значилъ, когда церковь брала на себя заботу прекратить «дерзновенное поруганіе» истины. Никита Хоніатъ, конечно не случайно отмѣчаетъ, что Алексѣй «въ поднятомъ богословскомъ спорѣ подалъ свой голосъ въ пользу болѣе справедливаго мнѣнія» [103]). Такимъ образомъ хотя Алексѣй и принадлежитъ къ числу незамѣчатель-

[102]) Chastel. Histoire du christianisme. Tome III, p. 262—263. Paris, 1882.

[103]) Никиты. Царствов. Алексѣя, кн. III, гл. 3—4.

ныхъ императоровъ, но все же нельзя отказать ему въ томъ, что онъ показывалъ ревность къ охраненію православія.

Опускаемъ безъ обозрѣнія нѣсколько царствованій, именно царствованія Византійскихъ императоровъ, жившихъ въ Никеѣ, такъ какъ ничего характеристическаго ни въ хорошую, ни въ дурную сторону нельзя сказать объ этихъ царствованіяхъ. Обращаемся прямо къ правленію *Михаила Палеолога*, который хотя началъ править царствомъ еще въ Никеѣ, но главная дѣятельность котораго развивается уже въ Константинополѣ. Михаилъ Палеологъ, при которомъ и при содѣйствіи котораго возникаетъ такъ-называемая Ліонская унія, конечно не могъ быть такимъ императоромъ, при которомъ дѣла церковныя имѣютъ правильное теченіе, и дѣйствительно не былъ. Самоуправленіе церковное было попираемо Михаиломъ въ весьма значительной степени. Разскажемъ два случая изъ отношеній Михаила къ двумъ патріархамъ Византійскимъ его времени [104]). Михаилъ, какъ мы знаемъ, былъ человѣкомъ, который ради своекорыстныхъ цѣлей готовъ былъ на все. Онъ заявилъ себя тягчайшимъ преступленіемъ въ отношеніи къ девятилѣтнему царственному младенцу Іоанну, именемъ котораго Михаилъ сначала правилъ; онъ приказалъ ослѣпить его, чтобы захватить въ свои руки императорскую власть. Этотъ случай глубоко

---

[104]) Пускаться въ подробную характеристику отношеній Михаила къ церкви нѣтъ необходимости, такъ какъ это уже сдѣлано въ нашей литературѣ проф. А. Л. Катанскимъ и проф. Троицкимъ. Первый описалъ его отношенія къ уніи Ліонской («Исторія попытокъ къ соединенію церквей,» стр. 127 и дал.), а второй подробно изобразилъ роль Михаила въ исторіи Византійскаго раскола арсенитовъ (Христ. Чтеніе: «Арсеній и арсениты», 1867 и 1869 годы—въ нѣсколькихъ №№).

опечалилъ тогдашняго патріарха Арсенія. Ревностный пастырь не могъ простить Михаилу этого преступленія. Онъ подвергъ императора церковному отлученію, хотя и не вычеркнулъ его имени изъ церковныхъ молитвъ, боясь какъ бы такимъ дѣйствіемъ не вызвать слишкомъ большаго соблазна въ народѣ. Царь былъ крайне недоволенъ образомъ дѣйствій патріарха. Сначала онъ старался лицемѣрною покорностію и смиреніемъ снискать прощеніе у Арсенія; когда же ему это не удалось, онъ рѣшился низвергнуть съ престола суроваго патріарха. Случай къ этому для деспотическаго и нечестнаго императора представился скоро [105]). Одинъ изъ клириковъ, бывшій секретаремъ у патріарха, по всей вѣроятности, по наущенію самого Михаила представляетъ послѣднему обвинительную записку, въ которой исчислялись различныя обвиненія на патріарха. Записка изложена была по статьямъ въ слѣдующемъ порядкѣ: во-первыхъ, патріархъ произвелъ перемѣны въ чинѣ утрени: въ началѣ утренняго богослуженія псаломъ, положенный за царя, Арсеній велѣлъ исключить и начинать трисвятымъ [106]); во-вторыхъ султанъ Иконійскій Азатинъ находится въ дружественныхъ отношеніяхъ съ патріархомъ, такъ что нерѣдко Арсеній позволялъ ему со свитою—съ невѣрующими Агарянами — мыться въ церковной банѣ [107]), въ банѣ, гдѣ находятся мраморныя изображенія св. креста; въ третьихъ, патріархъ приказывалъ своему іеромонаху преподавать сыновьямъ султана части св. Евхаристіи, тогда какъ неизвѣстно—были ли они

---

105) Григоры. Византійская Исторія, кн. IV, гл. 4.

106) Вѣроятно, рѣчь идетъ здѣсь о псалмѣ: «Господи, силою твоею возвеселится царь».

107) Что такое церковныя бани, см. объ этомъ въ моей статьѣ: «Соборъ при Дубѣ» (Дух. Чтен. 1889, Январь).

крещены, и кромѣ того во время утрени въ свѣтлое воскресеніе самъ султанъ приходилъ къ нему съ своими сатрапами и присутствовалъ при его молитвословіи. Патріархъ, какъ скоро узналъ о содержаніи поданной противъ него обвинительной записки, безъ особеннаго труда оправдался во всѣхъ взводимыхъ на него проступкахъ. Во-первыхъ, относительно псалма Арсеній оправдывался тѣмъ, что онъ самъ первый ввелъ его въ церковное употребленіе, по обычаю монастырскому, и самъ же потомъ отмѣнилъ, считая достаточнымъ для полноты молитвы за царя трисвятое съ поминовеніемъ; при этомъ патріархъ присовокуплялъ, что въ настоящее время царь и не вправѣ жаловаться на это, такъ какъ, будучи отлученъ отъ церкви, онъ недостоинъ ея молитвъ. А что султанъ со свитой мылся въ церковной банѣ, касательно этого патріархъ замѣчалъ, что онъ не давалъ подобнаго разрѣшенія. Притомъ же онъ не видитъ здѣсь ничего преступнаго: позволяется же мыться султану и агарянамъ въ другихъ баняхъ столичныхъ, гдѣ также есть изображенія креста и иконы; если другія бани открыты для нихъ, то почему нужно удалять ихъ изъ церковной? Достаточно оправдывался патріархъ и въ томъ, что онъ имѣлъ церковное общеніе съ султаномъ и его сыновьями. Нужно сказать, что султанъ Азатинъ происходилъ отъ христіанскихъ родителей и былъ крещенъ, а потомъ по какому-то случаю принялъ притворно мусульманство, сдѣлался султаномъ, но не отказался отъ христіанства, — по крайней мѣрѣ, когда онъ бывалъ въ Константинополѣ, онъ почиталъ иконы и соблюдалъ другіе христіанскіе обряды. Въ виду этого, въ свое оправданіе патріархъ указывалъ на то, что султана и его сыновей онъ считаетъ христіанами, но не самъ по себѣ, а на основаніи свидѣтельства епископа Писидій-

скаго, ихъ крестившаго. Хотя всѣ обвиненія противъ патріарха были или неосновательны или неважны, царь однакожъ домогается суда надъ патріархомъ. Михаилъ созываетъ соборъ противъ Арсенія и самъ присутствуетъ на немъ. По правиламъ церковнымъ, Арсеній трижды призывался на соборъ для отвѣта по поводу возводимыхъ на него преступленій; но онъ отказывался послѣдовать приглашенію. Арсеній писалъ въ отвѣтъ на приглашеніе, что онъ отвергаетъ соборъ, собранный по приказанію царя, царя, отлученнаго отъ церкви, но занимающаго на соборѣ предсѣдательское мѣсто. Историкъ Пахимеръ находитъ Арсенія совершенно правымъ, когда онъ не захотѣлъ явиться на соборъ,—и пишетъ: «судить патріарха въ присутствіи царя, вельможъ и мірянъ, въ царскихъ чертогахъ и подъ непосредственнымъ вліяніемъ царя, вооруженнаго мщеніемъ, вовсе не слѣдуетъ и незаконно». Это однакожъ не помѣшало императору добиться отъ собора того, что Арсеній, какъ ослушникъ церкви (онъ не явился на соборъ, несмотря на приглашеніе), лишенъ былъ патріаршества и каѳедры [108]).—Не лучше обращается Михаилъ Палеологъ и съ другимъ патріархомъ его времени Іоанномъ Веккомъ, несмотря на содѣйствіе этого послѣдняго уніоннымъ стремленіямъ императора. Веккъ былъ замѣчательною личностью между прочимъ потому, что являясь ревностнымъ пастыремъ, онъ весьма часто отправлялся во дворецъ ходатайствовать за то или другое лице предъ императоромъ, испрашивая у Михаила какой-либо милости для нуждающихся и несчастныхъ. Ходатайства патріарха сильно на-

---

108) Пахимера. Исторія о Михаилѣ Палеологѣ, кн. IV, гл. 3—4. Григоры. Византійская исторія, кн. IV, гл. 4 Русск. перев.

скучили Михаилу, человѣку жестокому, не знавшему, что такое христіанская любовь. «Онъ ненавидѣлъ патріарха, говоритъ Пахимеръ, за его настойчивость, ибо ревность его считалъ сварливостію, а ходатайства за невинно осужденныхъ вмѣнялъ себѣ въ безпокойство». Императоръ пожелалъ чѣмъ-либо досадить патріарху за его великую пастырскую ревность. Какъ скоро царь пожелалъ этого, нашлись лица, которыя съ удовольствіемъ взялись помочь императору въ выполненіи подобнаго намѣренія. Явились клеветники, обвинявшіе патріарха въ блудодѣяніи, въ расхищеніи церковныхъ имуществъ и въ томъ наконецъ, что онъ проклиналъ царя. Послѣднее обвиненіе основывалось на томъ, что патріархъ, часто безуспѣшно ходатайствуя предъ императоромъ за кого-либо невинно страждущаго, въ свое оправданіе говорилъ подобному лицу: «Богъ свидѣтель, какъ я старался за тебя предъ царемъ». Эти возгласы Векка истолковывались клеветниками въ томъ смыслѣ, что будто патріархъ призывалъ гнѣвъ Божій на голову немилосердаго императора. Какъ ни важны были всѣ эти обвиненія, но они не вели къ цѣли, потому, что патріархъ былъ выше подобныхъ обвиненій. Тогда императоръ рѣшился какимъ-либо другимъ способомъ причинить крупную непріятность Іоанну Векку. Онъ рѣшился сократить размѣръ патріаршей юрисдикціи. Михаилъ издалъ новеллу, въ силу которой всякаго рода мѣста, подчиненныя дотолѣ патріарху, въ какихъ бы областяхъ и обителяхъ они ни были, впредь зависѣли только отъ епископовъ тѣхъ областей, гдѣ находятся. Императоръ хотѣлъ отнять у патріарха значеніе «вселенскаго патріарха». Веккъ не могъ снести такого стѣсненія священныхъ правъ, удалился въ монастырь, желая покинуть каѳедру, и если впослѣдствіи снова возвращается къ патріаршеству, то

дѣлаетъ это по желанію церкви, а не императора [109]).

Михаилу Палеологу наслѣдовалъ сынъ его *Андроникъ II*. Переходя отъ царствованія перваго къ царствованію втораго, мы такимъ образомъ переходимъ отъ правленія болѣе удачнаго къ менѣе удачному въ политическомъ отношеніи и отъ энергическаго къ очень скромному въ общественномъ отношеніи. Андроникъ не имѣлъ ни способностей, ни энергіи отца. Но это отнюдь не даетъ права съ сожалѣніемъ смотрѣть на преемника Михаилова. По крайней мѣрѣ, что касается дѣлъ церковныхъ, то по отношенію къ нимъ Андроникъ стоялъ выше своего отца. Какія неудачи ни преслѣдовали Андроника, во всякомъ случаѣ ему нужно вмѣнить въ похвалу слѣдующее: Михаилъ хотѣлъ руководить церковію и потому нерѣдко являлся деспотомъ; Андроникъ напротивъ, хотѣлъ доставить церкви ту самостоятельность въ дѣйствіяхъ, какая ей по праву должна принадлежать. Михаилъ насильственно давалъ дѣламъ церкви такое направленіе, какое ему хотѣлось; Андроникъ напротивъ позволялъ церкви и ея представителямъ открыто заявлять о ихъ желаніяхъ и требованіяхъ. Нельзя отрицать того, что занятое Андроникомъ положеніе причиняло ему иногда очень много заботъ и безпокойствъ. Но во всякомъ случаѣ онъ шелъ болѣе прямой и правильной дорогой, чѣмъ его отецъ. Михаилъ оставилъ Андронику въ наслѣдство два очень непріятныхъ дѣла: во первыхъ, заключенную имъ съ папой унію, во вторыхъ, раздоръ арсенитовъ съ господствующей Византійской церковію. Уладить первое дѣло было нетрудно: Восточная церковь не сочувствовала уніи (Ліонской), и Андроникъ легко могъ разрушить это непріятное дѣло, признавъ унію разор-

---

[109]) Пахимера, кн. VI, гл. 10—13; 17.

ванною [110]). Не такъ просто было уладить дѣло съ расколомъ арсенитовъ. Арсениты въ началѣ стояли за правое дѣло, не хотѣли имѣть общенія съ тѣми изъ патріарховъ Византійскихъ, которые сквозь пальцы смотрѣли на узурпаторское занятіе Михаиломъ престола, на убіеніе имъ законнаго наслѣдника престола, и не обращали вниманіе на отлученіе, которое по этому поводу наложено было на него патріархомъ Арсеніемъ. Но тѣ же арсениты впослѣдствіи заявили себя такими неумѣренными и незаконными притязаніями, на которыя не стоило обращать серьезнаго вниманія. Ошибка Андроника въ борьбѣ съ арсенитами заключалась въ томъ, что онъ придалъ этой партіи слишкомъ много значенія и тѣмъ поддерживалъ въ ней упорство, которое тѣсно переплеталось у арсенитовъ съ ревностію ихъ объ охраненіи интересовъ церкви. Какъ извѣстно, Андроникъ такъ далеко простиралъ уступчивость арсенитамъ, что позволялъ имъ дѣлать много такого, чего разрѣшать имъ не слѣдовало [111]). Такъ, напримѣръ, онъ дозволилъ имъ устроить слѣдующее состязаніе съ православными: арсениты написали на бумагѣ свои претензіи въ отношеніи къ православнымъ, заставили и православныхъ съ своей стороны изложить на бумагѣ же ихъ взгляды на арсенитовъ; ту и другую бумагу, по настоянію арсенитовъ, нужно было публично предать огню; они предполагали, что ихъ грамота, какъ заключающая въ себѣ законныя требованія, не сгоритъ. Само собою понятно, что огонь пожралъ гра-

---

[110]) Подробности см. въ сочиненіи проф. А. Л. Катанскаго: «Исторія попытокъ къ соединенію церквей,» стр. 171 и далѣе.

[111]) Фактическая исторія отношеній Андроника къ арсенитамъ весьма обстоятельно изложена въ преждеупомянутыхъ статьяхъ проф. Троицкаго (Хр. Чт. 1871 годъ).

моты и арсенитовъ и православныхъ [112]). Результатъ,— какого и слѣдовало ожидать. Но, разумѣется, не было надобности допускать арсенитовъ до подобнаго опыта, ибо онъ давалъ имъ горделивую мысль, что арсенитская партія есть что-то равноправное съ самою церковью. Расколъ арсенитовъ не пережилъ времени царствованія Андроника. Онъ успѣлъ въ это время высказать себя всецѣло, со всѣми его слабыми сторонами. Очень возможно, что этотъ расколъ прекратился бы еще быстрѣе, еслибы Андроникъ меньше обращалъ вниманія на притязанія арсенитовъ, но во всякомъ случаѣ, можно и утверждать, что благодаря Андронику и его отношеніямъ къ раскольникамъ арсенитскій расколъ исчезъ потому, что этотъ послѣдній для всѣхъ ясно показалъ свою внутреннюю несостоятельность.—Изъ другихъ фактовъ, въ которыхъ выразились отношенія Андроника II къ церкви, укажемъ на его борьбу съ симоніею въ Византійской церкви. Дѣло происходило такъ. Андроникъ объявилъ своего сына Михаила соправителемъ и наслѣдникомъ. А для того, чтобы болѣе обезпечить престолонаслѣдіе своему сыну, онъ потребовалъ отъ епископовъ, чтобы они издали грамоту, которая угрожала бы отлученіемъ отъ церкви всякому, кто осмѣлился-бы возстать противъ объявленнаго соправителя и дѣлать противъ него заговоры. Неизвѣстно почему, но только епископы, къ неудовольствію Андроника, не согласились на его предложеніе; они говорили, что церковь, покровительница мира и любви, и не должна становиться на сторонѣ суровости и наказаній. Императоръ хотя и принужденъ былъ примириться съ неудачей, но какъ бы въ отмщеніе за неисполненіе

---

[112]). Pachymeris. De Andronico Palaeologo, lib. I, cap. 22 (p. 61—62). Edit. Bonn.

его воли епископами рѣшился провести одну мѣру, которая была для нихъ очень непріятна. Однажды онъ собралъ соборъ епископовъ, сказалъ имъ рѣчь, въ которой доказывалъ, какъ непристойно архіереямъ брать деньги за посвященіе въ священныя должности и объявлялъ, что это зло нужно прекратить. Члены собора однако не соглашались съ этимъ. Они раскрывали мысль, что съ уничтоженіемъ этого источника доходовъ епископы будутъ терпѣть матеріальную скудость; утверждали, что самое священнослуженіе, въ случаѣ принятія предложенія императора, потерпитъ большой уронъ, такъ какъ только немногіе отважатся при такихъ условіяхъ брать на себя епископскія обязанности; наконецъ, они ссылались на то, что плата за хиротонію узаконена давнишними царскими указами (Юстиніанъ, Исаакъ и Алексѣй Комнины), и что вообще это обыкновеніе вошло во всеобщую практику. Императоръ не внималъ этимъ доводамъ. Спустя нѣсколько дней онъ выдалъ новеллу, которою запрещалось взимать что бы то ни было за хиротонію, не исключая простой восковой свѣчи. Только немногіе епископы рѣшились протестовать противъ распоряженія Андроника [113]). Само собою разумѣется, законъ этотъ недолго исполнялся. Какъ скоро обстоятельства перемѣнились, плата за хиротонію опять возобновилась. Приведенный указъ Андроника по своей идеѣ прекрасенъ, но едвали можно одобрять законодателя за то, что онъ выдалъ его не по сознанію его полезности, а единственно потому, что императоръ захотѣлъ изданіемъ закона наказать строптивость епископовъ [114]).

---

[113]) Pachymeris. Ibidem, lib. III, cap. 3, p. 197—200.

[114]) Андронику между прочемъ принадлежитъ новелла: De festo assumptionis per totum mensem Augustum celebrando. Co-

Царствованіе *Андроника III* или Младшаго, который, въ качествѣ внука, былъ преемникомъ Андроника II, ничѣмъ не замѣчательно по отношеніямъ этого царя къ церкви. При немъ больше правилъ дѣлами его другъ Іоаннъ Кантакузинъ, чѣмъ самъ царь. Что же касается Кантакузина, то его отношенія къ церкви, не смотря на его религіозность и достойное похвалы поведеніе, не сопровождалось должнымъ уваженіемъ къ правамъ церкви. Разскажемъ одинъ случай, имѣвшій мѣсто въ правленіе Андроника III и доказывающій, что Кантакузинъ не чуждъ былъ наклонности попирать права іерархіи. По смерти патріарха Псаіи нужно было выбрать новаго архипастыря столицы. Кантакузинъ захотѣлъ доставить это высокое мѣсто своему придворному священнику Іоанну Калекасу. Соборъ воспротивился этому, принимая во вниманіе, что Калекасъ имѣлъ жену, дѣтей и былъ низкаго происхожденія. Тогда Кантакузинъ чрезъ нѣсколько дней собралъ вторичный соборъ. На немъ заявилъ свое согласіе съ отцами собора касательно отверженія кандидатуры Калекаса. Но при этомъ Кантакузинъ просилъ соборъ возвести Калекаса по крайней мѣрѣ въ митрополита Ѳессалоники. Соборъ, чтобы сдѣлать пріятное Кантакузину, выразилъ свое согласіе на это и въ этомъ родѣ было составлено соборное опредѣленіе. Но предложеніе Кантакузина было просто ловушкой. Когда отцы рѣшились возвести Калекаса въ митрополиты, Кантакузинъ сказалъ: если вы возводите его въ митрополиты, то конечно онъ способенъ быть и патріархомъ, такъ

держаніе ея не совсѣмъ понятно: ею предписывалось праздновать Успеніе Богородицы не одинъ только день (15 августа), какъ утвердилось это издревле, а распростирать празднованіе отъ перваго числа названнаго мѣсяца до его конца. Migne, Gr. tom. 161, p. 1095—1107.

какъ благодать Св. Духа одна и таже у епископовъ всѣхъ ранговъ. Развѣ—прибавилъ онъ—императоръ не можетъ по своей волѣ сдѣлать митрополита Ѳессалоникскаго патріархомъ? Итакъ Іоаннъ Калекасъ сдѣлался патріархомъ [115]).

Сдѣлавшись императоромъ, *Кантакузинъ* держался той же тактики. Онъ вмѣшивался въ дѣла церкви и направлялъ ихъ сообразно своимъ желаніямъ. Такъ онъ властно вмѣшивается въ споры такъ называемыхъ Паламитовъ и Варлаамитовъ; онъ предсѣдательствуетъ на соборахъ по поводу этихъ споровъ, наклоняетъ рѣшеніе ихъ въ извѣстную сторону, не давая противникамъ свободно выражать свои мнѣнія; онъ даже сквозь пальцы смотритъ на то, что торжествующая партія позволяетъ себѣ надругательство надъ противниками [116]). Смѣна патріарховъ совершалась не въ интересахъ церкви, а въ личныхъ интересахъ самого Кантакузина. Когда патріархъ Каллистъ отказался короновать сына Кантакузина — Матѳея (Кантакузинъ въ существѣ дѣла былъ соправителемъ молодого императора Іоанна Палеолога), то онъ сказалъ патріарху: «если ты упорствуешь, то мы выберемъ другого патріарха» [117]). Такъ и было. — Кантакузинъ—значитъ—былъ не лучше разныхъ Мануиловъ, Исааковъ, Михаиловъ.

---

115) Замѣчательно: всю эту исторію разсказываетъ самъ Кантакузинъ. Cantacuseni. Historiae, lib. II, cap. 21. Tom. I, p. 431—435. Edit. Bonn.

116) Gregorae. Historia Byzantina, lib. XVIII, cap. 3, p. 882—884; lib. XXI, cap. 3, p. 1011.

117) Cantacuseni. Historiae, lib. IV, cap. 37. Tom. III. 270—272.—Обширная статья проф. Флоринскаго: «Андроникъ Младш. и Іоаннъ Кантак.», вопреки ожиданіямъ, почти вовсе не касается отношеній Кантакузина къ церкви (Жур. М. Н. Просв., т. 204—205. 1879 г.).

Не будемъ разсказывать объ отношеніяхъ къ церкви трехъ послѣднихъ императоровъ: Іоанна, Мануила и опять Іоанна Палеологовъ: мѣняются лица, система же—назовемъ такъ—остается таже [118]).

Общій выводъ изо всѣхъ приведенныхъ нами фактовъ, въ которыхъ выражались отношенія государства къ церкви, понятенъ: Византійская церковь много терпѣла отъ деспотизма императоровъ.

---

118) Болѣе существенное касательно этихъ отношеній будетъ передано впослѣдствіи, когда будетъ идти рѣчь о Византійскихъ патріархахъ въ частности.

V. Іерархи, преимущественно Константинопольскіе, и ихъ церковно-общественная дѣятельность.

При обозрѣніи церковной іерархіи изучаемой нами эпохи займемся преимущественно изученіемъ іерархіи въ патріархатѣ Константинопольскомъ. Почему — это понятно безъ разъясненій. Константинопольскій патріархатъ и ранѣе былъ, а теперь въ особенности становится центромъ церковно-исторической жизни Востока. Всѣ достопримѣчательныя церковныя событія тѣхъ временъ происходятъ именно въ Константинопольскомъ округѣ. Этотъ патріархатъ остается самымъ вліятельнымъ на Востокѣ: въ немъ церковно-историческая жизнь имѣетъ болѣе нормальное и полное теченіе, чѣмъ гдѣ-либо на Востокѣ; а это зависѣло отъ того, что здѣсь церковь и государство все же оставались въ лучшихъ взаимныхъ отношеніяхъ, чѣмъ въ другихъ патріархатахъ, плѣненныхъ магометанами и частію наводненныхъ крестоносными латинскими полчищами. При томъ же и церковно-историческіе источники, касающіеся XII—XV вѣковъ, много передаютъ свѣдѣній о патріархатѣ Константинопольскомъ и очень мало о другихъ патріархатахъ.

Считаемъ нужнымъ напередъ сдѣлать оговорку, что, разсуждая о важности Константинопольскаго патріархата въ ряду другихъ патріархатовъ изучаемой нами эпохи, мы не хотимъ утверждать, что имѣемъ въ виду разсказывать о какихъ-либо великихъ, замѣчательнѣйшихъ событіяхъ, здѣсь происходившихъ. Это будетъ напраснымъ ожиданіемъ. Жизнь и Константинопольскаго патріархата была жизнію заурядною, однообразною, а главное—она проходитъ безъ особенныхъ замѣчательныхъ движеній; здѣсь не встрѣчаемъ никакихъ, такъ сказать, міровыхъ событій, никакихъ явленій, составляющихъ эпоху въ церковно-историческомъ развитіи.

Мы уже знаемъ, что религіозно-нравственная жизнь обозрѣваемаго періода стояла на довольно низкой степени совершенства; [1]) мы также знаемъ, что Византійская государственная власть слишкомъ много вмѣшивалась въ дѣла церкви, встрѣчая себѣ здѣсь очень мало сопротивленія [2]). Все это явленія не радостныя. Чѣмъ же они объясняются? Больше всего — состояніемъ Византійской іерархіи. Вожди церкви въ большинствѣ случаевъ очень невысоко стояли въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Такимъ образомъ предпринимаемый нами обзоръ состоянія іерархіи, въ значительной степени, долженъ уяснить для насъ то печальное положеніе церковно-исторической жизни, съ которымъ мы достаточно познакомились въ предшествующихъ очеркахъ.

Идеалъ истиннаго пастыря церкви, украшеннаго достоинствами, необходимыми въ его дѣятельности, ясно рисовался въ сознаніи лучшихъ, болѣе образованныхъ и проницательныхъ Византійцевъ нашего пе-

---

[1]) См. выше—очеркъ III-й.
[2]) См. выше—очеркъ IV-й.

ріода. Одинъ изъ нихъ (историкъ Пахимеръ) находилъ, что пастыри церкви должны отличаться въ особенности двумя качествами—любовью къ пасомымъ и милосердіемъ къ согрѣшающимъ. Раскрывая мысль, что любовь къ пасомымъ должна быть наиболѣе всего присуща пастырямъ, Византійскій писатель въ доказательство ссылается на слова Іисуса Христа, сказанныя Имъ Петру при возстановленіи этого послѣдняго въ апостольскомъ достоинствѣ: «если любишь Меня, паси овцы Мои»—говорилъ Христосъ Петру, внушая ему, что пастырь церкви долженъ имѣть въ своей душѣ любовь Христову. А раскрывая мысль, что пастырь церкви долженъ быть проникнутъ милосердіемъ къ согрѣшающимъ, тотъ же писатель въ удостовѣреніе вѣрности своей мысли указываетъ на примѣръ ап. Павла, который, будучи сначала гонителемъ церкви, заслуживалъ гнѣва Божія, но по милосердію Божію прощенъ и сдѣлался великимъ апостоломъ. «Христосъ—замѣчалъ этотъ писатель—милосердіе возводитъ въ законъ». [3]) Вотъ какой идеалъ пастыря церкви предносился мысленному взору одного Византійскаго писателя XIV вѣка. Другой Византійскій писатель того же вѣка (Никифоръ Григора), дорисовывая указанный идеалъ пастыря, требуетъ еще, чтобы духовный руководитель христіанскаго народа обладалъ въ одно и тоже время и высокою духовною опытностію и способностію къ общественной дѣятельности. «Желательно было бы—разсуждаетъ Григора—чтобы то и другое не находилось во взаимной враждѣ, какъ бываетъ съ тѣломъ и духомъ, съ элементами естественнымъ и сверхъестественнымъ. Хотѣлось бы, чтобы въ томъ,

---

[3]) Pachymeris. De Andronico Palaeologo. Lib. II, cap. 13, p. 140—141. Edit. Bonn.

кто управляетъ церковію, было смѣшеніе и соединеніе того и другаго, какъ это мы видимъ на музыкальныхъ инструментахъ, когда они находятся въ рукахъ знатоковъ музыкальнаго дѣла. Знатоки музыки не въ одинаковый тонъ натягиваютъ всѣ струны, иначе не было бы гармоніи, но одну струну налаживаютъ на низкій тонъ, другую—на высокій; эту натягиваютъ больше, а ту меньше, и такимъ образомъ достигаютъ гармоніи. Тому, кто занимаетъ свой умъ—продолжаетъ развивать свою мысль историкъ—одною религіею, однимъ созерцаніемъ божественнаго, слѣдуетъ жить подвижнически въ горахъ и пещерахъ, такъ какъ онъ не интересуется связями съ обществомъ и сдѣлался совершенно чуждъ житейскихъ дѣлъ. А кто, отличаясь добродѣтелью (и духовною опытностію), имѣетъ нравъ общительный, не чуждается дѣлъ гражданскихъ и опытенъ въ практической дѣятельности, на такого можно вполнѣ положиться, что онъ будучи пастыремъ душъ, поведетъ ввѣренный его попеченію народъ ко всему лучшему и спасительному. И Спаситель нашъ и Богъ,—прибавляетъ Григора,—если бы не снисходилъ къ человѣческимъ слабостямъ, не ѣлъ вмѣстѣ съ мытарями, не имѣлъ общительнаго нрава и не былъ по возможности для всѣхъ всѣмъ, не легко, думаю, привелъ бы народы и города къ тому, что полезно и спасительно.» [4]) Такими-то чертами рисовался идеалъ пастыря въ сознаніи лучшихъ Византійцевъ изучаемаго періода. Чтобы осуществлять подобный идеалъ, пастырямъ церкви нужно было обладать многими и разнородными достоинствами; но, къ сожалѣнію, далеко не таковы были въ дѣйствительности пастыри церкви въ XII—XV вѣкахъ.

---

[4]) Григоры. Византійская Исторія. Кн. III, гл. 3, стр. 64—65. Русск. переводъ.

Опишемъ состояніе высшихъ іерарховъ обозрѣваемой эпохи—патріарховъ Константинопольскихъ, и мы увидимъ, насколько дѣйствительность соотвѣтствовала вышеуказанному идеалу. Принимая на себя задачу ознакомить читателя съ патріархами Константинопольскими, мы однако же не имѣемъ въ виду излагать свѣдѣнія обо всѣхъ нихъ. Это было бы слишкомъ длинно, да и не цѣлесообразно, потому что не обо всѣхъ патріархахъ мы имѣемъ достаточныя свѣдѣнія. Поэтому мы поведемъ рѣчь о патріархахъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ или о такихъ, о которыхъ сохранилось побольше свѣдѣній [5]).

Первый классъ патріарховъ, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію, составляютъ тѣ, которые управляли Византійскою церковію отъ конца XI вѣка (со временъ царствованія Алексѣя Комнина) до подпаденія Константинополя подъ власть латинянъ-крестоносцевъ. О нихъ прежде всего и будемъ говорить. Напередъ должны замѣтить, что между ними весьма мало такихъ, которые отличались бы личными или пастырскими доблестями. Незамѣчательные берутъ явный перевѣсъ предъ замѣчательными чѣмъ-либо. Вотъ главнѣйшія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ этихъ патріарховъ.

Слѣдуя хронологическому порядку, надлежало-бы сообщить извѣстія о патріархѣ *Евстратіи Гаридѣ* (1081—1084 гг.), но о немъ почти нечего сказать [6]).

---

[5]) О другихъ патріархахъ ограничимся краткими замѣчаніями подъ строкой.

[6]) Свѣдѣнія о немъ можно находить у Анны Комниной: «Сказаніе о дѣлахъ Алексѣя Комнина», кн. III, гл. 2; кн. X, стр. 705 (Migne, Gr., tom. 131). Всѣ вообще свѣдѣнія о Евстратіи: (Cuperi) Ad historiam patriarcharum Constantinopolitanorum (Acta Sanctorum. August. T. 1, cap. 80). (Это сочиненіе и ниже будемъ цитировать въ нужныхъ случаяхъ).

Больше свѣдѣній, притомъ довольно характеристическихъ, имѣемъ о слѣдующемъ Константинопольскомъ патріархѣ—*Николаѣ Грамматикѣ* (1084—1111). Николай извѣстенъ былъ добродѣтельною жизнію и не чуждъ былъ образованія, но все-таки не можетъ быть названъ человѣкомъ опытнымъ въ наукѣ [7]). Нельзя утверждать о немъ, что онъ отличался и пастырскимъ искусствомъ. Едва-ли онъ способенъ былъ благотворно вліять на такое нравственно расшатанное общество, какъ Византійское. Относительно Николая сохранилось даже очень любопытное свидѣтельство, изъ котораго видно, что сами архипастыри тѣхъ временъ не знали, что дѣлать съ такимъ обществомъ, которое, какъ говорится, отъ рукъ отбилось и которое ни во что ставило не только увѣщанія, а и духовныя наказанія. До патріарха дошли печальныя извѣстія о нравственныхъ безпорядкахъ среди Аѳонскихъ монаховъ [8]),—царь Алексѣй Комнинъ предложилъ патріарху наложить на виновныхъ сильныя наказанія. Но, какъ оказалось потомъ, патріархъ не сочувствовалъ очень строгимъ мѣрамъ въ борьбѣ со зломъ, потому что находилъ, что эпитиміи перестали уже оказывать свое дѣйствіе на народъ, да и сами пастыри, по сознанію патріарха, были не лучше своихъ пасомыхъ. Предъ концомъ своей жизни патріархъ съ такими словами обращается къ императору: «есть апостольское правило (33), которое гласитъ: «ежели который епископъ или пресвитеръ или діаконъ не постятся во св. четыредесятницу или въ сре-

---

Слич. Le-Quien. Oriens christianus, Tom. I, p. 264. Выше нами уже сообщены были нѣкоторыя извѣстія о Евстратіи. См. очеркъ I: историкъ Анна Комнина.

7) Zonarae, Annales, lib. XVIII, cap. 21 (Migne, Graec., tom. 135, p. 299).

8) См. выше въ очеркѣ III: «скоромная Аѳонская драма».

ду и пятокъ, да будетъ низложенъ, а міряниниъ да отлучится». А теперь—заявлялъ Николай—найдешь ли ты постящихся іереевъ или царей? Всѣ извиняются немощію—даже сами законники и церковные проповѣдники. Кто теперь постится? Развѣ гдѣ какой затворникъ или пустынникъ, да и то рѣдко. Какъ же налагать прещенія на легкомысленный и необразованный народъ просто и когда случится, и притомъ, когда никто не соблюдаетъ ихъ». Разъясняя эту послѣднюю мысль, патріархъ говорилъ еще царю: «я не налагалъ продолжительныхъ эпитимій или прещеній, потому что никто не соблюдаетъ ихъ. Я давно зналъ, что ничего не соблюдаетъ человѣческое естество... безумно (?) налагать эпитиміи на людей» [9]). Такимъ образомъ въ лицѣ патріарха Николая Грамматика встрѣчаемъ интересный типъ патріарха, отказывающагося дѣйствовать на народъ силою духовной власти, такъ какъ отъ этого рода дѣйствій нельзя уже было ожидать никакой пользы. Кто въ этомъ случаѣ больше виноватъ—отбившійся отъ рукъ народъ или патріархъ, не умѣвшій приняться за нравственное воспитаніе ввѣреннаго ему духовнаго стада—не будемъ разбирать. Остается въ наличности фактъ—бездѣйствующей духовной власти [10]).

---

[9]) Преосвящ. Порфирія. Исторія Аѳона. Т. III, стран. 250—252.

[10]) Въ правленіе Николая Грамматика появилось нѣсколько соборныхъ опредѣленій, но всѣ они не имѣютъ большаго историческаго значенія. Кромѣ нѣсколькихъ опредѣленій по вопросамъ брачнаго права (Migne, Gr., tom. 119, p. 761—65), Николаю принадлежитъ еще синодальное опредѣленіе: de praestatione canonicorum, въ которомъ объясняется, что и плата съ посвящаемыхъ во священники, и сборъ въ пользу духовенства съ пасомыхъ (какъ то и другое опредѣлено одною новеллою Алексѣя Комнина. См. очеркъ IV), не представляютъ ничего противозаконнаго, противнаго Св. Писанію и прави-

Бывали на Византійской патріаршей каѳедрѣ даннаго времени и такіе патріархи, которые очень скоро приходили къ мысли, что они не на своемъ мѣстѣ и удалялись въ тотъ монастырь, изъ котораго они были взяты на патріаршество. Такимъ былъ одинъ изъ пріемниковъ Николая Грамматика, *Михаилъ Оксійскій* (1143—1146 г.). [11]) Характеристика его личности очень сходна съ вышеприведенной характеристикой Николая Грамматика. Историкъ (Киннамъ) замѣчаетъ о немъ: «Михаилъ былъ человѣкъ добродѣтельный, отличался чистотою нравовъ, зналъ Св. Писаніе, но не имѣлъ достаточнаго образованія и познанія въ наукахъ». [12]) Но этотъ патріархъ очень

ламъ прежнихъ соборовъ (Migne, t. 119, p. 860—64). Разсматриваемое опредѣленіе при Николаѣ дано вслѣдъ за подобнаго же рода новеллою императора Алексѣя (чрезъ два мѣсяца, въ 1086 г.). Съ именемъ того же Николая существуетъ соборная грамата къ Алексѣю Комнину по вопросу о возведеніи императорскою властію епископовъ въ архіепископы или митрополиты (Migne, tom. 119, p. 864 et cet.). Грамата эта написана въ отвѣтъ на новеллу Алексѣя по тому же вопросу (См. Migne, tom. 127, p. 928, nota 7). Сводъ общихъ свѣдѣній о Николаѣ можно находить: Cuperi. Ad histor. patriarch. Constantinop. cap. 81. Сличи. Le—Quien. Oriens christianus. T. I, p. 264—266.

[11]) Опускаемъ безъ обозрѣнія правленіе двухъ ближайшихъ Николаевыхъ преемниковъ: Іоанна Халкидонія (1111—1134) и Льва Стиніота (1134—1143). Ни о томъ (Cuperi. Ad histor. patr., cap. 82. Le—Quien, I, p. 266), ни о другомъ (Cuperi, cap. 83. Le—Quien, I, p. 266—7) не сохранилось сколько нибудь интересныхъ свѣдѣній. Заслуживаетъ вниманія лишь слѣдующее: Куперъ, говоря о Львѣ Стиніотѣ, доказываетъ, что ни этотъ патріархъ, ни современный ему императоръ, Іоаннъ Комнинъ, не были склонными къ уніи съ Латинскою церковію (доказываетъ—въ противоположность, наприм., Остеру, который смотритъ иначе на этотъ вопросъ, но безъ должныхъ основаній).

[12]) Киннама. Царствованіе Іоанна и Мануила Комниновъ, кн. II, гл. 2. (Рус. пер.). Хотя Никита Хоніатъ (Исторія

скоро понялъ, что, обладая добродѣтелями, но не имѣя образованія и пастырскаго искусства, весьма трудно править такимъ своенравнымъ стадомъ, какъ Византійцы. Онъ добровольно покинулъ патріаршую каѳедру, возвратился на о. Оксію, гдѣ съ молодыхъ лѣтъ онъ проводилъ подвижническую жизнь. Мало того: Михаилъ произвольно наложилъ на себя нѣкое унизительное наказаніе за то, что онъ сидѣлъ на патріаршемъ престолѣ, гдѣ сидѣть ему совсѣмъ не подобало. Историкъ (Никита) говоритъ: «Михаилъ простерся на землѣ при входѣ въ преддверіе монастырскаго храма и отдалъ выю свою на попраніе всякому входящему монаху—въ сознаніи той мысли, что онъ напрасно оставлялъ жизнь простаго монаха и безъ всякой пользы восходилъ на высокій патріаршій престолъ». [13]) Исторія почти ничего не говоритъ о патріаршествѣ Михаила; да и не удивительно: патріархъ, сознававшій, что онъ попалъ не на свое мѣсто, едва ли могъ быть дѣятельнымъ архипастыремъ.

Больше подробностей извѣстно о слѣдующемъ патріархѣ, *Косьмѣ Аттикѣ* (1146—1147), но эти подробности рисуютъ упомянутаго Византійскаго патріарха чаще всего со стороны невыгодной. Косьма былъ избранъ изъ діаконовъ. Къ патріаршей каѳедрѣ его приблизили нѣкоторыя его добродѣтели, но отнюдь не умственныя или какія-либо практико-пастырскія достоинства. Онъ обращалъ на себя вниманіе своимъ милосердіемъ и состраданіемъ къ бѣднымъ; за это у многихъ онъ былъ въ большомъ почтеніи. Историкъ Никита Хоніатъ повѣствуетъ: «Косьма былъ

царствованія Мануила, кн. I, гл. 2) съ нѣкоторою похвалою отзывается относительно образованія Михаила, но Киннаму нужно больше вѣрить, какъ современнику этого патріарха.

[13]) Никиты. Царствованіе Мануила, кн. II, гл. 3 (initium).

до того сострадателенъ къ людямъ, что и верхнюю и нижнюю одежду съ своего тѣла, и льняное покрывало съ своей головы отдавалъ бѣднымъ, и не только самъ раздавалъ свое имущество, но и другихъ побуждалъ помогать нуждающимся». [14]) Но этимъ и ограничивались достоинства патріарха. Едва ли онъ имѣлъ хоть какое-нибудь образованіе. Историкъ Киннамъ говоритъ о Косьмѣ, что «онъ былъ излишне простъ». [15]) Полагаемъ, что слова эти нужно понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. въ томъ смыслѣ, что Косьма былъ простецомъ, какъ человѣкъ, чуждый науки и просвѣщенія. Кромѣ того, Косьма не имѣлъ никакого понятія объ осторожности и благоразуміи, качествахъ, необходимыхъ въ его положеніи, такъ что въ короткое свое патріаршествованіе съумѣлъ сильно себя скомпрометировать въ глазахъ византійскаго общества. На свое несчастіе Косьма вошелъ въ тѣсныя, самыя дружественныя связи съ однимъ монахомъ, по имени Нифонтомъ, сближеніе съ которымъ сдѣлало патріарха притчею во языцѣхъ и разрѣшилось низверженіемъ патріарха съ каѳедры. Но скажемъ нѣсколько подробнѣе объ этомъ Нифонтѣ и отношеніяхъ къ нему патріарха. Въ правленіе Косьмина предшественника, прежде упомянутаго нами патріарха Михаила, Нифонтъ навлекъ на себя

---

[14]) Никиты. Ibidem. Никита, какъ еще увидимъ ниже, слишкомъ пристрастно оцѣниваетъ достоинства этого патріарха (отчасти изъ предубѣжденія къ императору Мануилу, современнику Косьмы); и потому, кажется, извѣстія этого историка о необыкновенной нестяжательности патріарха не чужды преувеличенія.

[15]) Киннама. Кн. II, гл. 10 (fin). Напротивъ, Никита называетъ Косьму «очень ученымъ» (Царствованіе Мануила, II, 3) — сужденіе, рѣшительно ничѣмъ не подтверждающееся и противорѣчащее извѣстіямъ Киннама, который зналъ Косьму въ качествѣ своего современника.

всю строгость церковнаго суда. При патріархѣ Михаилѣ открылось, что Нифонтъ былъ приверженцемъ богомильской ереси: подобно другимъ представителямъ богомильства этого времени, онъ отвергалъ таинство Евхаристіи, почитаніе св. креста и иконъ, порицалъ употребленіе въ пищу мяса, молока и вина, утверждалъ, что только въ монашествѣ можно найти спасеніе, допускалъ, что женщины-діакониссы имѣютъ право принимать дѣятельное участіе въ богослуженіи, напримѣръ читать Евангеліе и пр. За все это Нифонтъ и другіе богомилы подвергнуты осужденію на соборѣ при патріархѣ Михаилѣ. Нифонтъ былъ лишенъ бороды, простиравшейся у него до земли, и заключенъ въ такъ называемую патріаршую тюрьму. [16]) Но судьба этого Нифонта скоро перемѣняется къ лучшему. Лишь только Косьма взошелъ на патріаршую каѳедру Константинополя, онъ отворилъ двери темницы, гдѣ заключенъ былъ осужденный соборомъ монахъ. Новый патріархъ объявилъ соборное осужденіе, произнесенное на Нифонта, незаконнымъ и несправедливымъ. Нифонтъ свободно началъ появляться на улицахъ столицы,собиралъ вокругъ себя множество народа на площадяхъ; ничего не хотѣлъ дѣлать, кромѣ распространенія своего ученія. Самъ патріархъ души не чаялъ въ Нифонтѣ: онъ поселилъ его на патріаршемъ подворьѣ, сажалъ его съ собою за столъ, велъ съ нимъ безконечныя бесѣды. Словомъ, по замѣчанію Киннама, «Косьма чуть не боготворилъ разстригу» [17]). Понятно, что

---

[16]) Киннама. Кн. II, гл. 10. Архим. Арсенія. Лѣтопись церковныхъ событій, стр. 423. Петербургъ, 1880.—Патріаршая тюрьма, находившаяся при патріаршемъ подворьѣ, устроена была Михаиломъ Оксійскимъ и ввѣрена охраненію особенно суровой стражи (Никиты. Царствов. Алексѣя, сына Мануилова, гл. 11).

[17]) Киннама. Ibidem. Никиты. Царствов. Мануила, кн. II, гл. 3.

такое поведеніе патріарха производило скандалъ. Осужденный еретикъ оказывается вдругъ самымъ близкимъ человѣкомъ къ патріарху! Многіе доброжелатели Косьмы приходили къ нему съ тѣмъ, чтобы убѣдить его отказаться отъ связей съ Нифонтомъ. Они говорили патріарху: «Что это значитъ, святѣйшій пастырь, что ты ввѣрился волку? Развѣ не знаешь, что за это не хорошо посматриваетъ на тебя паства? Расторгни гибельную связь». Но Косьма ни на что не обращалъ вниманія. Онъ пренебрегалъ укоризнами, не хотѣлъ покидать Нифонта, что ни вышло бы изъ этого. Вскорѣ скандалъ разросся до грандіозныхъ размѣровъ. Чтобы положить конецъ народному говору, императоръ Мануилъ приказалъ схватить и снова заключить Нифонта въ тюрьму. Патріархъ такъ былъ пораженъ этимъ, что въ первую минуту безпрекословно повиновался царю. Но когда полицейскіе увели Нифонта, Косьма почувствовалъ себя глубоко потрясеннымъ разлукою съ своимъ другомъ... Онъ устремился вслѣдъ за арестованнымъ и, не помня себя, хотѣлъ отнять его силою у полицейскихъ. Понятно, что побѣда оставалась не на сторонѣ патріарха... Тогда Косьма пошелъ по стопамъ Нифонта и вызвался лучше раздѣлять съ нимъ темничное заключеніе, чѣмъ лишиться сообщества своего друга. Историкъ замѣчаетъ, что эта выходка патріарха «произвела въ церкви волненіе». Это и понятно. Но на этомъ не кончилась исторія Косьмы. Для прекращенія церковныхъ смутъ императоръ Мануилъ собралъ соборъ въ Константинополѣ, на которомъ присутствовалъ и Косьма. Императоръ обратился къ членамъ собора, епископамъ, съ вопросомъ: какъ они смотрятъ на Нифонта? Отвѣтъ получился единодушный: всѣ они объявили его нечестивцемъ. Тогда Мануилъ обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ самому патріарху: «а ты, владыко, какъ

думаешь объ этомъ человѣкѣ?» Косьма, въ отвѣтъ, произнесъ длинное похвальное слово Нифонту, открыто называлъ его мужемъ неподражаемо добродѣтельнымъ. Выслушавъ эту рѣчь, соборъ вскричалъ: Косьма недостоинъ оставаться патріархомъ. Мануилъ согласился съ этимъ, и патріархъ былъ низверженъ [18]). Оставляя залу соборныхъ засѣданій, патріархъ бросилъ порицаніе на собравшихся: онъ назвалъ себя Лотомъ, которому пришлось жить среди Содома... [19]). Мы не будемъ распространяться о томъ, какимъ вліяніемъ могъ пользоваться въ церкви такой неразсудительный архипастырь, какъ Косьма — дѣло понятное и безъ комментарія [20]).

---

[18]) Киннама. Ibidem. Никиты Ibidem.

[19]) Выраженіе заимствуется изъ дѣяній соборныхъ противъ Нифонта: Cuperi. Ad histor. patriarch., cap. 85, p. 135.

[20]) Описаніе исторіи Косьмы и его отношеній къ Нифонту нами сдѣлано главнымъ образомъ на основаніи Киннама. Но нужно сказать, что Никита Хоніатъ иначе освѣщаетъ разсматриваемую исторію, чѣмъ какъ это дѣлаетъ современникъ Косьмы (Киннамъ). Никита думаетъ, что Мануилъ и епископы только воспользовались отношеніями Косьмы къ Нифонту, чтобы погубить патріарха, хотя, по разумѣнію историка, въ этихъ отношеніяхъ не было ничего преступнаго; основаніе же для Мануила питать нерасположеніе къ Косьмѣ историкъ этотъ находитъ въ томъ, что будто бы патріархъ очень любилъ Исаака, брата Мануилова, въ чемъ видѣли политическую опасность для царствующаго государя (Никиты. Царствов. Мануила, II, 3). Что сказать по поводу взглядовъ Никиты на дѣло патр. Косьмы? Во-1-хъ, Никита вообще неблагосклонно относится къ Мануилу, и мы не имѣемъ основаній во всемъ вѣрить этому историку, когда у него рѣчь идетъ о Мануилѣ; во-2-хъ, ясно видно, что Никита не имѣлъ никакихъ особливыхъ источниковъ, которые давали бы ему возможность поправлять Киннама: Никита просто-на просто варіируетъ извѣстія Киннама, освѣщая ихъ сообразно своимъ тенденціямъ; въ 3-хъ, разсказывая о Косьмѣ и его дѣлѣ, историкъ впадаетъ въ явныя преувеличенія, заставляющія изслѣдователя не слишкомъ довѣрять Ви-

Переходимъ къ исторіи патріарха *Николая Музалона*, преемника Косьмина (1147—1151). Само по себѣ патріаршество Николая ничѣмъ не замѣчательно [21]). Но патріархъ этотъ фактомъ своего восшествія на Византійскую каѳедру возбудилъ споры въ церкви, которые знакомятъ насъ съ каноническими представленіями, неизвѣстными или же утратившими силу въ настоящее время. Николай Музалонъ взошелъ на патріаршую каѳедру въ 1147 году, а за нѣсколько лѣтъ предъ этимъ онъ былъ архіепископомъ Кирпскимъ, но потомъ отказался отъ этой (т. е. Кирпской) каѳедры и жилъ долгое время на покоѣ въ одномъ изъ столичныхъ монастырей. Отсюда

зантійскому пессимисту, напр., Никита пишетъ: «общество тогдашнихъ архіереевъ не терпѣло добродѣтели и потому враждовало противъ благочестивѣйшаго мужа» (т. е. Косьмы). Но развѣ можно признать безпристрастною такую огульную характеристику всѣхъ епископовъ временъ Мануила? въ 4-хъ, до насъ сохранился протоколъ дѣяній соборныхъ противъ Нифонта (у Льва Алляція). Этотъ протоколъ подписанъ болѣе чѣмъ тридцатью тогдашнихъ епископовъ. Изъ этихъ дѣяній видно, что Киннамъ ничѣмъ не погрѣшилъ въ описаніи дѣла Косьмы и Нифонта (Отрывокъ изъ вышеупомянутаго протокола смотри у Купера: Ad hist, part., cap. 85, p. 135). Конечно, можно возражать противъ значенія этого протокола, считать его проявленіемъ ненависти епископовъ къ патріарху,—положимъ такъ; но не слѣдуетъ упускать изъ вниманія вотъ чего: по всѣмъ извѣстіямъ отношенія патріарха къ Нифонту представляются преступно—близкими.

[21]) Если не считать соборнаго опредѣленія, сдѣланнаго при этомъ патріархѣ касательно нѣкоторыхъ вопросовъ брачнаго права (Migne, Gr., tom. 119) и слѣдующаго патріаршаго распоряженія: «Николай, увидѣвъ, что житіе св. Параскевы, чтимой въ Калликратійской области, написано однимъ мѣстнымъ жителемъ неискусно и недостойно праведной жизни святой, приказалъ предать это писаніе огню и поручилъ написать новое житіе діакону Василику» (Правила съ толков. Вальсамона толков. на 63 правило Трулльскаго собора).

онъ взятъ былъ въ патріархи. Возведеніе его въ этотъ санъ состоялось по волѣ императора Мануила и съ согласія епископовъ. Но прошло очень немного времени, какъ среди архіереевъ возникли несогласія изъ-за поднятаго кѣмъ-то вопроса: законно ли патріархъ занимаетъ каѳедру, когда онъ раньше самъ отказался отъ архіерейской власти и проживалъ въ монастырѣ? Епископъ ли онъ по достоинству? Съ отказомъ отъ каѳедры не отрекся ли онъ и отъ епископскаго достоинства? Говоримъ: поднялись споры. Только немногіе сочли долгомъ защищать Музалона [22]), а большинство епископовъ и самъ императоръ возстали на патріарха и говорили, что онъ не епископъ. Николай Музалонъ долженъ былъ оставять патріаршую каѳедру [23]). Съ перваго взгляда представляется непонятнымъ: изъ за чего собственно споръ? Въ чемъ вина патріарха? Для точнаго пониманія эпизода нужно припомнить одно каноническое правило, которое издано было въ IX вѣкѣ, именно на соборѣ при Фотіи, въ 879 году, и которое гласило: «если какой епископъ или кто иной архіерейскаго сана захочетъ низойти въ монашество, таковый впредъ да не присвояетъ себѣ архіерейскаго достоинства. Ибо обѣты

---

[22]) Сколько извѣстно, на защиту Музалона выступилъ извѣстный богословъ того времени Николай, еписк. Метонскій; онъ произноситъ рѣчь предъ императоромъ: «о пререканіяхъ по поводу постановленія патріарха и объ іерархіи». Здѣсь пастырь Метонскій раскрывалъ такія мысли: отреченіе отъ частной каѳедры не есть отреченіе отъ іерархическаго сана, подобно тому какъ выходъ изъ состава какой-либо частной церкви не есть разрывъ съ единою вселенскою церковію; частная церковь нуждается въ епископѣ, но личность какого-либо епископа не связывается съ нею неразрывно. Архим. Арсенія: статья—«Николай Метонскій» (Христ. Чтеніе, 1883, т. I, стр. 356).

[23]) Киннама, кн. II, гл. 18.

монашества заключаютъ въ себѣ долгъ повиновенія и ученичества, а не учительства или начальствованія; ибо они (монахи) обѣщаются не иныхъ пасти, а быть пасомыми. Посему постановляемъ: да никто изъ находящихся въ званіи архіереевъ и пастырей не низводитъ самъ себя на мѣсто пасомыхъ и кающихся. Если кто дерзнетъ сдѣлать такъ, таковый самъ себя (то-есть произвольно) устранилъ отъ архіерейскаго сана и да не возвращается къ прежнему достоинству» [24]). Этимъ то правиломъ очевидно и воспользовались архіереи и императоръ для низверженія патріарха Николая Музалона. Разсказанный фактъ патріаршаго низложенія, хотя, повидимому, и основанъ на каноническомъ правилѣ, въ существѣ же дѣла не особенно рекомендуетъ тогдашнихъ іерарховъ. Въ самомъ дѣлѣ: здѣсь что-то не чисто. Или архіереи выбрали Музалона въ патріархи вопреки церковнымъ постановленіямъ, и въ такомъ случаѣ они сами являются нарушителями церковныхъ законовъ, или же, избирая Николая, они не придавали дѣйствительнаго значенія вышеприведенному канону и только воспользовались этимъ канономъ, какъ уловкой для низверженія патріарха. Какъ бы ни происходило дѣло, во всякомъ случаѣ видно, что церковный строй въ Византіи не былъ въ порядкѣ.—Разсказанный нами фактъ—фактъ низверженія патріарха Николая Музалона подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ нѣкогда былъ архіереемъ, а потомъ произвольно отказался отъ своей каѳедры и поступилъ въ монастырь—побуждаетъ насъ, пользуясь случаемъ съ Николаемъ Музалономъ, собрать нѣкоторыя данныя, относящіяся къ вопросу, возбужден-

---

[24]) 2-е правило Софійскаго собора. См. А. Лебедева: «Исторія Константинопольскихъ соборовъ IX вѣка», стр. 210—211.

ному монашествомъ Музалона, принятымъ имъ на себя уже въ архіерействѣ, и разъясняющія, какъ смотрѣла Греческая церковь послѣдующаго времени на вопросъ, такъ неблагопріятно отразившійся на судьбѣ вышеуказаннаго патріарха. Нужно сказать, что подобный же вопросъ не разъ поднимался въ томъ же XII, а потомъ XIII и XIV вѣкахъ. Въ XII вѣкѣ онъ возбуждался при патріархахъ Константинопольскихъ: Лукѣ Хризовергѣ и Михаилѣ Анхіалѣ. Каждый разъ въ это время вопросъ возбуждался тѣми или другими фактами изъ церковной практики. Вотъ случай, бывшій при патріархѣ Лукѣ и разсказанный Вальсамономъ. Когда нѣкто Николай Музалонъ (странное совпаденіе въ именахъ!), бывшій епископомъ Амиклійскимъ, потомъ былъ постриженъ въ монахи, по принужденію свѣтской власти, и много хлопоталъ объ отмѣнѣ сдѣланнаго съ нимъ по насилію и о разрѣшеніи ему опять пользоваться епископскими правами, то патріархъ Лука, видя его явившимся въ синодъ въ епископскомъ одѣяніи, не призналъ его епископомъ, указывая на то, что Николай Музалонъ могъ бы разсчитывать на помощь себѣ со стороны патріарха, если бы ожидалъ соборнаго разсмотрѣнія его дѣла, а такъ какъ онъ, Николай, не соблюдши порядка, самъ отложилъ монашескую одежду и сдѣлался самъ себѣ судьею, то его хлопоты о возвращеніи ему правъ должны оставаться безъ всякаго результата. Впрочемъ слѣдующій Константинопольскій патріархъ, Михаилъ Анхіалъ, смиловался надъ Николаемъ Амиклійскимъ, соборно призналъ его обладающимъ правами епископскими. Замѣчательно: то самое, что воспрепятствовало Лукѣ признать Николая епископомъ,—появленіе его въ синодъ въ архіерейской одеждѣ,—это самое послужило для патріарха Михаила основаніемъ рѣшить дѣло въ пользу проси-

теля, въ пользу Николая. Патріархъ Михаилъ разсуждалъ: если бы Николай Музалонъ явился въ синодъ въ монашескомъ одѣяніи, то этимъ онъ показалъ бы, что онъ считаетъ свое монашество совершившимся фактомъ, и я—говоритъ о себѣ патріархъ—не возвратилъ бы ему епископскихъ правъ [25]). Изъ сейчасъ приведеннаго факта, съ которымъ знакомитъ насъ Вальсамонъ, видно: во 1-хъ, принятіе монашества епископомъ считалось равнымъ отреченію его отъ правъ архіерейскихъ; во 2-хъ, епископъ, принявшій монашество, если желалъ обладать архіерейскими правами, долженъ былъ хлопотать о признаніи его въ этомъ достоинствѣ предъ патріархомъ и синодомъ; въ 3-хъ, соборный (синодскій) судъ могъ вовратить такому лицу архіерейское достоинство, но могъ—смотря по обстоятельствамъ—и отказать просителю въ исполненіи его просьбы. Удовлетвореніе или неудовлетвореніе просьбы бывшаго епископа зависѣло не столько отъ какихъ либо опредѣленныхъ правилъ, сколько отъ воли, расположенія и взглядовъ патріарха. Всё указанія на такіе историко-каноническіе факты, которые представляются очень любопытными. Другой случай, имѣвшій мѣсто въ правленіе Константинопольскою церковію Михаила Анхіала, разсказанъ намъ опять Вальсаномомъ. Въ патріаршество Луки Хризоверга Ѳеодулъ, епископъ Макры, принялъ монашество и по соборному опредѣленію признанъ былъ потерявшимъ права епископскія. Вышеупомянутый греческій канонистъ находилъ, что соборъ при патріархѣ Лукѣ поступилъ правильно: «епископы, замѣчаетъ онъ, въ случаѣ постриженія и избранія монашеской жизни, тѣмъ самымъ отрекаются

---

[25]) Правила съ толков. Вальсамона толков. на 3 пр. Анкирскаго собора.

отъ архіерейскаго достоинства». Но Θеодулъ изъ Макры не навсегда лишился высокихъ архіерейскихъ правъ; при патріархѣ Михаилѣ ему возвращено было потерянное имъ достоинство. При этомъ патріархъ обратилъ въ пользу Θеодула нѣкоторую неопредѣленность выраженій, въ которыхъ говорилось о фактѣ отложенія епископства Θеодуломъ [26]). Выводы изъ сейчасъ разсказаннаго случая получаются тѣ же, какіе сдѣланы выше изъ другаго повѣствованія Вальсамона.

Изъ XIII вѣка намъ извѣстны два случая, служащіе иллюстраціей къ затронутому нами вопросу. Эти случаи слѣдующіе. Оба они разсказаны историкомъ начала XIV вѣка Пахимеромъ. Наступилъ конецъ жизни Константинопольскаго патріарха Никифора: онъ лежалъ уже на одрѣ смертномъ. Близкій къ патріарху человѣкъ началъ уговаривать умирающаго къ принятію монашества, но умирающій—по словамъ историка—«не только не соглашался на это, а еще съ неудовольствіемъ принялъ напоминаніе и хотѣлъ умереть архіереемъ» [27]). Очевидно, по церковнымъ воззрѣніямъ XIII вѣка, принять архіерею монашество значило то же, что перестать быть архіереемъ. Нѣсколько позднѣе временъ патріарха Никифора произошелъ случай, очень аналогичный съ тѣмъ, что произошло нѣкогда въ патріаршество Луки Хризоверга. Епископъ Сардскій Андроникъ, по нѣкоторымъ мелочнымъ соображеніямъ, «вздумалъ перемѣнить одежду архіерейскую на монашескую и избрать жизнь уединенную и бездѣйственную» [28]). Андро-

---

[26]) Правила съ толков.—Вальсамона, толков. на 16 прав. Двукратнаго собора.

[27]) Пахимера. Исторія о Михаилѣ Палеологѣ, кн. II, гл. 22. (Рус. пер.).

[28]) II, 18.

никъ сдѣлался монахомъ, принялъ имя Аѳанасія и отказался отъ архіерейства. Но потомъ тотъ же Андроникъ пожелалъ снять съ себя монашескій чинъ и снова сдѣлаться архіереемъ. Начались хлопоты, но они остались безъ успѣха. Патріархъ Константинопольскій Арсеній, расположенный къ Андронику, обѣщается всячески содѣйствовать осуществленію плановъ его, совѣтуетъ ему надѣть архіерейскую одежду и въ такомъ видѣ добиться позволенія явиться въ синодъ. Андроникъ такъ и хотѣлъ поступить, какъ совѣтовалъ Арсеній, но изъ этого ничего не вышло. Когда члены Константинопольскаго синода узнали, что Андроникъ въ архіерейской одеждѣ пришелъ къ дверямъ синодальной залы, то рѣшительно отказались впустить его на засѣданіе, не признавая его архіереемъ. Все усердіе, съ которымъ патріархъ Арсеній старался склонить прочихъ епископовъ въ пользу Андроника, не имѣло ожидаемыхъ послѣдствій. Одинъ изъ синодальныхъ епископовъ показалъ письмо Андроника, въ которомъ онъ собственноручно подписался своимъ монашескимъ именемъ: «Аѳанасій». Это послужило доказательствомъ, что архипастырь Сардскій добровольно, а не по принужденію принялъ монашество и не имѣлъ уже основаній домогаться возвращенія ему прежняго сана [29]). Изъ разсмотрѣннаго происшествія съ Андроникомъ Сардскимъ видно, что изслѣдуемый нами вопросъ и въ XIII вѣкѣ оставался въ томъ же видѣ, какъ это было вѣкъ тому назадъ.—Принципіально вопросъ этотъ рѣшенъ только въ концѣ XIV вѣка, на Константинопольскомъ соборѣ при патріархѣ Антоніи (1388—1397 г.). На указанномъ соборѣ опредѣлено было: «если кто, будучи облеченъ въ малую схиму (простое монаше-

---

[29]) Пахимера, ibidem, кн. II, гл. 18; кн. IV, гл. 10.

ство), будетъ призванъ къ архіерейскому сану, таковый освобождается отъ принятыхъ имъ на себя обѣтовъ (λύεται τῶν συνταγῶν), освобождается—но не чрезъ одно призваніе, а и чрезъ архіерейское совершенство. Если же кто, будучи архіереемъ не изъ монаховъ (ἐκ κοσμικοῦ ἀρχιερεύς), сдѣлается потомъ монахомъ, таковый не можетъ быть вторично архіереемъ и освободиться отъ принятыхъ на себя обѣтовъ (т. е. послушанія и ученичества). Если бы его призывали къ архіерейской должности, этого недостаточно для разрѣшенія его отъ обѣтовъ: его и призывать не слѣдуетъ, и онъ долженъ довольствоваться тѣмъ низшимъ положеніемъ, въ которое низошелъ» [30]). Это постановленіе довольно ясно и опредѣленно и, можно думать, послужило къ рѣшенію запутаннаго въ Греческой церкви вопроса о соединеніи архіерейства и монашества въ одномъ и томъ же лицѣ.

Но продолжаемъ прерванную нами рѣчь о Византійскихъ патріархахъ XII вѣка. Между преемниками Николая Музалона заслуживаетъ нѣкотораго вниманія *Лука Хризовергъ* (1156—1169 г.) [31]). Его прав-

---

[30]) Γεδεών. Κανονικαὶ διαταξεις. Γόμος I, σελ. 23 (Константинополь. 1888).

[31]) Ближайшими преемниками Николая Музалона были патріархи: Θеодотъ (1151—1153), но о немъ ничего особеннаго неизвѣстно (Cuperi Ad hist. patr., cap. 87; Le—Quien, p. 268); Неофитъ: онъ считался патріархомъ нѣсколько мѣсяцевъ, но не былъ посвященъ въ патріархи, хотя и былъ избранъ законнымъ порядкомъ: дѣло въ томъ, что по избраніи его въ патріархи открылось, что нѣкогда онъ былъ чтецомъ, носилъ принадлежащія этому званію церковныя одежды, но потомъ произвольно отказался отъ этого званія и возвратился къ мірскому состоянію; это открытіе имѣло слѣдствіемъ то, что Неофитъ, избранный въ патріархи, не былъ посвященъ въ это достоинство (подробное изслѣдованіе по вопросу о Неофитѣ: Cuperi, pag. 137—8); третьимъ преемникомъ Музалона

леніе повидимому ознаменовано было довольно широкимъ развитіемъ церковно-законодательной дѣятельности; по крайней мѣрѣ отъ времени патріаршества Луки дошло до насъ нѣсколько соборныхъ опредѣленій, имѣвшихъ цѣлію какъ исправить нѣкоторые недостатки въ положеніи клира, такъ и разрѣшить нѣкоторые вопросы, не лишенные общаго церковнаго значенія. Отъ правленія Луки дошло до насъ довольно подробное опредѣленіе относительно клириковъ, принимавшихъ на себя мірскія занятія и должности; — такъ клирики брали на себя управленіе домами, служили въ магистратурѣ или управляли чужими помѣстьями, исправляли должности сборщиковъ податей и т. д. Всѣ такія занятія соборъ при Лукѣ осуждаетъ, какъ противорѣчащія правиламъ церковнымъ, а преступникамъ этихъ законовъ угрожаетъ наказаніями [32]). Изъ другого соборнаго опредѣленія при томъ же патріархѣ видно, что нѣкоторые клирики принимали на себя званіе адвокатовъ, что соборъ также запрещаетъ [33]). Еще въ другомъ соборномъ опредѣленіи, состоявшемся при патріархѣ Лукѣ, указывается, что иные клирики были настолько неразборчивы въ выборѣ средствъ для пропитанія, что содержали бани, даже питейныя заведенія и даже публичные дома. Само собой понятно, что патріархъ все подобное запретилъ. Онъ запретилъ также священникамъ и діа-

---

былъ Константинъ Хліаренъ (1154—1156 г.), но о немъ нѣтъ подробныхъ свѣдѣній. Извѣстно, что при немъ составлено было соборное опредѣленіе по вопросу «о тѣхъ, кто убиваетъ разбойниковъ» (Migne, Gr., tom. 119, p. 768), а также извѣстно, что въ его правленіе происходилъ соборъ, лишившій сана Сотериха, къ которому патріархъ отнесся такъ же строго, какъ и самъ императоръ Манулъ (Spicilegium Romanum, tom. X, p. 78).

[32]) Migne, Gr. Tom. 119, p, 773—779.

[33]) Migne. Ibidem, pag. 784—785.

конамъ заниматься медицинской практикой, въ виду того, что клирики этого рода снимали платье, присвоенное ихъ званію, и надѣвали мірскую одежду, чтобы ничѣмъ не отличаться отъ прочихъ врачей [34]). При томъ же патріархѣ Лукѣ положены строгія прещенія, сообразныя съ церковными правилами, на тѣхъ клириковъ, которые въ случаѣ смерти епископа извѣстнаго города позволяли себѣ присвоивать какъ имущество, принадлежащее церкви, такъ и наслѣдство, остающееся по смерти епископа [35]). Во времена патріаршествованія Луки поднято было нѣсколько частныхъ церковныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ могло имѣть общецерковное значеніе. Напримѣръ, въ Византіи было обыкновеніе просвѣщать святымъ крещеніемъ мальчиковъ-магометанъ, взятыхъ въ плѣнъ во время войнъ съ невѣрными. Но въ правленіе патріарха Луки возникъ по этому поводу такой вопросъ: нужно ли ихъ крестить, когда, по словамъ лицъ магометанской религіи, уже они были крещены на родинѣ. На соборѣ при Лукѣ произведено было изслѣдованіе: что такое за крещеніе, какое принимали иногда магометане? Оказалось, что дѣйствительно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ магометане крестили своихъ дѣтей у православныхъ священниковъ—въ томъ суевѣрномъ убѣжденіи, что такимъ способомъ ихъ дѣти будутъ избавлены отъ демонскихъ напастей и не станутъ пахнуть по-собачьи. Произведши это изслѣдованіе, соборъ постановилъ: крещеніе, совершаемое магометанами надъ своими дѣтьми, считать не таинствомъ, а волшебствомъ и нѣкотораго рода врачеваніемъ, и опредѣлилъ крестить снова магометанскихъ мальчиковъ, взятыхъ въ плѣнъ [36]). Другой случай. Какой-то

---

[34]) Migne. Ibidem, pag. 787.
[35]) Migne, ibid., p. 884—885.
[36]) Migne. Ibid., pag. 785.

именитый человѣкъ былъ въ крайнемъ затрудненіи— какъ ему поступить: онъ далъ обѣтъ проводить въ постѣ всѣ среды въ постѣ — въ честь Іоанна Крестителя, между тѣмъ на середу падалъ праздникъ Рождества Христова—великій христіанскій праздникъ. О своемъ недоумѣніи этотъ Византійскій аристократъ сообщилъ императору Мануилу. Мануилъ передалъ разсмотрѣніе вопроса Константинопольскому собору (синоду). Соборъ, хотя одобрилъ обѣтъ аристократа поститься, но освободилъ его отъ поста въ день Рождества Христова, въ виду величія праздника [37]). Въ правленіе патріарха Луки, по иниціативѣ этого патріарха, запрещенъ слѣдующій соблазнительный обычай: въ праздникъ св. Нотаріевъ (?) учителя, учившіе дѣтей чистописанію (нотаріи), имѣли обыкновеніе рядиться въ сценическія маски и въ такомъ видѣ появляться въ публичныхъ мѣстахъ. Патріархъ запретилъ дѣлать это на будущее время [38]).

Въ отношеніяхъ къ правительству патріархъ Лука иногда проявлялъ приличное его сану дерзновеніе, но иногда унижался до непозволительной лести. Патріархъ является лицомъ, охраняющимъ церковные интересы, когда онъ противится Мануилу по слѣдующему случаю: Мануилъ, по поводу военнаго тріумфа, рѣшился устроить религіозную процессію въ храмъ Софіи, при чемъ онъ желалъ, чтобы въ этой процессіи принялъ участіе и гостившій въ это время въ Византіи султанъ Кличесланъ; но Лука воспротивился волѣ царя [39]). Патріархъ въ этомъ случаѣ показываетъ себя съ лучшей стороны. Но едва ли кто похвалитъ этого патріарха, позволившаго закон-

---

[37]) Migne. Ibid., p. 781.
[38]) Migne. Ibid., p. 780.
[39]) Киннама, кн, V, гл. 3.

чить «дѣянія» одного собора, бывшаго при немъ (если эти «дѣянія» писаны въ патріаршей, а не царской канцеляріи), слѣдующими льстивыми словами императору Мануилу: «молимся и съ царемъ Давидомъ поемъ: да положитъ Богъ престолъ его (Мануила), какъ дни неба, и уготоваетъ сѣмя его (Мануила) въ вѣкъ, и исполнитъ всѣ желанія сердца его, всѣ народы да послужатъ ему» и пр. [40]) Особенно странно читать это потому, что самъ Лука не вдругъ и не охотно склонился къ мнѣнію императора, провозглашенному на указанномъ соборѣ.

Лукѣ Хризовергу въ правленіи Константинопольскою церковію преемствовалъ *Михаилъ Анхіалъ* (1169—1177). Этотъ патріархъ прежде всего извѣстенъ рѣшительною непріязнью къ Латинянамъ-католикамъ. О немъ говорятъ, что онъ такъ нерасположенъ былъ къ уніи съ латинянами, въ которой нѣкоторые Греки тогда видѣли средство спасенія отъ напастей со стороны магометанъ, все болѣе и болѣе увеличивавшихъ свои владѣнія на Востокѣ,—что соглашался лучше видѣть Восточныхъ христіанъ во власти агарянскаго (магометанскаго) султана, чѣмъ идти въ унію съ католиками: Михаилъ считалъ будто магометанъ менѣе нечестивыми, чѣмъ Латинянъ. [41]) Между Латинянами хорошо было извѣстно нерасположеніе патріарха Михаила къ католикамъ, и потому среди нихъ возникъ на счетъ этого патріарха анекдотъ слѣдующаго содержанія: проповѣдуя будто бы въ Софійскомъ храмѣ, въ Византіи, Михаилъ Анхіалъ говорилъ Грекамъ: «если кто изъ васъ погубитъ сто Латинянъ-крестоносцевъ и въ то же время

---

[40]) Maii. Scriptorum veterum nova collectio. Tom. IV, p. 93—94.

[41]) Le—Quien. Oriens christianus, I, 270—271.

запятнаетъ себя убійствомъ десяти Грековъ, то таковый заслужитъ прощеніе отъ Бога.» [42]) Михаилъ Анхіалъ извѣстенъ былъ у своихъ современниковъ съ именемъ «начальника (ипата) философовъ,» но почему ему дано было такое титло, сказать трудно. По крайней мѣрѣ ни изъ чего не видно, чтобы онъ отличался глубокимъ образованіемъ.—Подобно патріарху Лукѣ Хризовергу, Михаилъ Анхіалъ оставилъ послѣ себя нѣсколько опредѣленій, которыя составлены имъ въ совокупности съ Константинопольскимъ синодомъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ опредѣленій. Можно догадываться, что Михаилъ Анхіалъ имѣлъ цѣлію искорененіе нѣкоторыхъ недостатковъ, проникшихъ и утвердившихся въ сословіи клириковъ. Такъ Михаилъ постановилъ, чтобы не только священники и діаконы (о чемъ старался и Лука Хризовергъ), но и чтецы не принимали на себя мірскихъ обязанностей—[43]) ко вреду для своего достоинства и ревностнаго служенія своему дѣлу. Другимъ опредѣленіемъ тотъ же патріархъ старается уничтожить тотъ безпорядокъ, что нѣкоторые архіереи производили въ священныя должности такихъ лицъ, которыя мало были извѣстны по своему поведенію и которыя по своему происхожденію принадлежали совсѣмъ другой епархіи; безпорядокъ этотъ былъ тѣмъ больше, что такіе ставленники возвращались въ свои прежнія епархіи и домогались здѣсь имѣть мѣста. Изъ редакціи этого опредѣленія видно, что Михаилъ въ этомъ случаѣ подтверждаетъ распоряженіе, сдѣланное на этотъ счетъ при патріархѣ Лукѣ Хризовергѣ. [44]) Патріархъ Михаилъ рѣшился уничтожить

---

[42]) Cuperi. Ad hist. patr. Constantinop., cap. 90.
[43]) Migne. Gr., tom. 119, p. 788.
[44]) Migne, ibid., p. 788—793.

еще безпорядокъ, касающійся преимущественно священно-иночества. Встрѣчалось, и встрѣчалось нерѣдко, въ практикѣ Византійской церкви слѣдующіе явленіе: нѣкоторые изъ бѣлыхъ священниковъ (ἱερέων λαϊκῶν) дѣлались монахами и однакожь, не смотря на то, потомъ, какъ будто бы они оставались бѣльцами, брали на себя различныя церковно-административныя должности [45]) и почти ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ бѣлыхъ священниковъ. Патріархъ отмѣнилъ этотъ стародавній обычай, находя, что церковно-административныя должности могутъ принимать на себя только обыкновенные священники, а монахи должны знать только свои монастыри. [46]) Патріарху Михаилу принадлежитъ нѣсколько постановленій по части брачнаго права. [47]) Наконецъ, Михаилъ Анхіалъ извѣстенъ дѣятельностію по части искорененія народныхъ суевѣрій. Въ Константинополѣ и нѣкоторыхъ другихъ приморскихъ городахъ было обыкновеніе подъ праздникъ «Ивана Купалы» (24 іюня) устроять разнаго рода гаданія, при чемъ ради ворожбы зажигались костры и допускалось много другаго крайне суевѣрнаго. Михаилъ обратилъ вниманіе на этотъ «демонскій обрядъ» и вступилъ въ борьбу съ нимъ. Онъ распорядился, чтобы впередъ ничего такого не происходило. Распоряженіе патріарха имѣло успѣхъ,—вѣроятно временный. Суевѣріе скрылось. Успѣху патріаршаго распоряженія содѣйствовало то, что Михаилъ приказалъ ближайшимъ къ мѣсту суевѣрныхъ гаданій начальникамъ и священникамъ вся-

---

[45]) Такими должностями были, напр., должности хартофилакса, великаго эконома, скевофилакса, періодевта (благочиннаго) и пр.

[46]) Migne, ibid., p. 793.

[47]) Migne, ibid., p. 793—6.

чески заботиться о прекращеніи нехристіанскаго обычая [48]).

Изъ прочихъ патріарховъ, управлявшихъ Константинопольскою церковію въ XII вѣкѣ, до завоеванія Константинополя крестоносцами, заслуживаютъ вниманія только двое: Θеодосій I и Іоаннъ Каматиръ.

Θеодосія (1178—1183) едва ли можно причислять къ мужамъ, блещущимъ умомъ и образованіемъ. Но за то несомнѣнно—это была высоконравственная личность. О немъ справедливо отзывались, какъ о «мужѣ, выросшемъ среди добродѣтелей и дышавшемъ добромъ, какъ воздухомъ» [49]). Его называли также «великимъ Θеодосіемъ, другомъ вѣрной истины» [50]). Этотъ патріархъ пользовался большимъ уваженіемъ и значеніемъ и въ свое непродолжительное патріаршествованіе съумѣлъ выказать себя съ лучшей стороны, какъ пастырь нрава твердаго и какъ охранитель церковныхъ интересовъ. Разскажемъ нѣсколько случаевъ изъ жизни Θеодосія, въ которыхъ выражались сейчасъ указанныя качества этого патріарха. Θеодосій сдѣлался патріархомъ въ царствованіе Мануила Комнина, этого деспотическаго императора, любившаго и въ дѣлахъ церкви ставить свою волю выше духовной власти. Тѣмъ не менѣе Θеодосій отнюдь не сдѣлался послушнымъ орудіемъ царской своенравной воли. Онъ даетъ отпоръ Мануилу, когда этотъ хочетъ

---

48) Правила съ толков.: Вальсамона толков. на 65 прав. Трулльскаго собора.—О преемникѣ Михаила, патріархѣ Харитонѣ, только упомянемъ, ибо онъ правилъ церковію лишь одиннадцать мѣсяцевъ—отъ марта 1177 года до февраля 1178 года. (Cupeгi, cap. 91).

49) Изъ житія Леонтія, патріарха Іерусалимскаго XII вѣка. См. Палестинскій сборникъ, т. VIII, вып. 2, стр. XXXIV.

50) Eustathii Thessal. De Thessalonica urbe, a Normannis capta, cap. 39.

уничтожить въ церковныхъ требникахъ формулу, заключавшую проклятіе на бога Магометова. Можно полагать, что Ѳеодосій противился Мануилу главнымъ образомъ потому, что считалъ вмѣшательство царя въ дѣла церкви не полезнымъ. Что же касается до самаго предложенія Мануилова, то можно думать, что въ принципѣ оно не представлялось Ѳеодосію лишеннымъ справедливости; объ этомъ можно догадываться отчасти на томъ основаніи, что патріархъ въ концѣ концовъ принялъ предложеніе императора [51]). — Въ дальнѣйшія царствованія Ѳеодосій заявляетъ себя въ подобномъ же родѣ. Въ правленіе малолѣтняго сына Мануилова Алексѣя случилось слѣдующее: протосевастъ (особый чинъ въ Византійской придворной іерархіи) Алексѣй, недовольный тѣмъ, что Ѳеодосій мѣшаетъ его честолюбивымъ намѣреніямъ и ревностно охраняетъ благо общественное,—имѣя въ своихъ рукахъ большую власть, рѣшился низвергнуть Византійскаго святителя. Подъ выдуманнымъ предлогомъ протосевастъ Алексѣй выслалъ патріарха въ заточеніе въ Пантепонтовъ монастырь. Но Ѳеодосій, какъ видно, пользовался большимъ уваженіемъ въ Византійскомъ обществѣ. На сторонѣ патріарха оказалось очень много вліятельныхъ лицъ. Его сторону держали: царица, вдова Мануила Комнина, многіе царскіе родственники. И протосевастъ вынужденъ былъ согласиться на возвращеніе Ѳеодосія изъ ссылки. Патріархъ возвращается на свою каѳедру. При этомъ Византійское общество устрояетъ патріарху рѣдкія оваціи. На встрѣчу ему въ торжественной процессіи вышло Византійское духовенство, высшіе государственные сановники, множество народа. Улицы опрыскивались духами, сжигались благовонныя индійскія рас-

---

[51]) Никиты Хоніата. Царствованіе Мануила. Кн. VII, гл. 6.

тенія и душистые ароматы. Церемоніалъ былъ до того пышенъ, что патріархъ только вечеромъ успѣлъ вступить въ Софійскій храмъ, хотя началъ свой путь раннимъ утромъ [52]). Твердость воли и пастырская ревность, нужно сказать, не вытѣсняли изъ сердца патріарха христіанскаго милосердія. О немъ разсказываютъ, что когда тотъ самый протосевастъ Алексѣй, который домогался низверженія Θеодосія, потомъ въ силу превратности судьбы самъ попалъ въ тюрьму и тяжко здѣсь страдалъ, то сердобольный патріархъ, не помня прошлаго, много облегчилъ страдальца. Онъ навѣщалъ его въ тюрьмѣ и приказалъ стражѣ мягче обращаться съ узникомъ [53]). Послѣдній случай выраженія Θеодосіемъ пастырской ревности имѣлъ мѣсто въ правленіе Андроника Комнина. Самоувѣренный и взбалмошный Андроникъ захотѣлъ сочетать бракомъ двухъ лицъ, стоявшихъ между собою въ близкомъ родствѣ. Патріарху предложено было разрѣшить этотъ бракъ, но Θеодосій, какъ и слѣдовало ожидать, воспротивился беззаконію. Историкъ Никита говоритъ по этому случаю: «патріарха не поколебало ни величіе Андроника, ни угрозы не устрашили. Онъ былъ непоколебимъ какъ скала, около которой вѣчно вздымаются огромныя волны и бушуетъ море, разбивая волны въ пѣну и пренебрегая ревомъ шумящаго моря». Θеодосій захотѣлъ лучше разстаться съ патріаршимъ жезломъ, чѣмъ поступиться церковными законами и удалился въ монастырь [54]).

Послѣднимъ Византійскимъ патріархомъ, занимавшимъ столичную каѳедру предъ завоеваніемъ Константинополя Латинянами, былъ *Іоаннъ Каматиръ*

---

52) Никиты. Царствов. Алексѣя, сына Мануилова, гл. 8.
53) Никиты, ibid., гл. 11.
54) Никиты, ibid., гл. 15. См. выше—«очеркъ» IV.

(1198—1206). Онъ принадлежалъ къ числу достойнѣйшихъ патріарховъ Константинопольскихъ. Іоаннъ отличался какъ умомъ, такъ и нравственными качествами, а равно и пастырскою дѣятельностію. Никита Хоніатъ, говоря объ этомъ своемъ современникѣ, всегда и неизмѣнно хвалитъ его. Дальнѣйшіе историки Византійскіе, писавшіе послѣ Никиты, даютъ относительно Іоанна Каматира самые лестные отзывы. Они называли его «человѣкомъ, украшеннымъ всякою мудростію и науками, и великимъ знатокомъ церковныхъ догматовъ» [55]). Новѣйшіе церковные историки признаютъ Іоанна «опытнымъ и искуснымъ патріархомъ» [56]). Патріархъ извѣстенъ весьма удачною борьбою съ лжеучителями, учившими неправильно относительно пріемлемой нами Евхаристіи и считавшими ее «тлѣнною» (это былъ родъ стеркораристовъ) [57]). Во главѣ этихъ лжеучителей стоялъ какой то монахъ Михаилъ Сикидитъ [58]). Патріархъ вос-

---

[55]) Ephraemii. De imperatoribus et patriarchis, p. 410. Edit. Bonn. Самъ по себѣ Ефремій, писатель XIV вѣка, не особенно авторитетенъ, но онъ на этотъ разъ приводитъ извѣстіе хотя съ чужаго, но свѣдущаго голоса.

[56]) Hergenröther. Part. Photius. B. III, S. 840.

[57]) См. выше: «Очеркъ IV — объ отношеніи государственной власти къ церкви».

[58]) Личность этого Михаила Сикидита весьма мало извѣстна. О немъ только и знаемъ, что въ началѣ онъ разыгрывалъ изъ себя мага, затѣмъ, быть можетъ въ чувствѣ раскаянія, постригся въ монахи и, наконецъ, началъ развивать въ сочиненіяхъ и распространять свое вышеуказанное лжеученіе (Никиты. Царствованіе Мануила Комнина, кн. IV, гл. 7). Но нѣкоторые новѣйшіе ученые не хотятъ удовлетворяться этими недостаточными свѣдѣніями о Михаилѣ Сикидитѣ и стараются отожествить этого лжеучителя съ довольно извѣстнымъ Византійскимъ историкомъ,—какъ думаютъ—XII вѣка,—Михаиломъ Гликою. (Le—Quien. Oriens, I, p. 275. Fabricius у Migne'я, tom. 158, gr. ser., p. I—II). Основаніемъ для та-

пользовался всѣми зависящими отъ него средствами, между которыми видное мѣсто заняло его проповѣдничество съ церковной каѳедры—въ борьбѣ съ лжеученіемъ. Безъ сомнѣнія только подъ вліяніемъ патріарха императоръ Алексѣй Ангелъ ко благу церкви

кого отожествленія Михаила еретика съ Михаиломъ историкомъ служитъ: 1) то, что въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Михаилъ Глика именуется «Сикеліотомъ», каковое названіе будто бы правильнѣе будетъ читать: «Сикидитъ»; во-2-хъ, Михаиломъ Гликою написано очень большое число богословскаго содержанія писемъ, между которыми, по мнѣнію одного изслѣдователя, есть не мало и такихъ, которыя трактуютъ о томъ же предметѣ и въ такомъ же родѣ, какъ это дѣлалъ Михаилъ Сикидитъ (Le—Quien, ibid.). Можно ли соглашаться съ такимъ мнѣніемъ о тождествѣ Михаила еретика и Михаила историка? Думаемъ, что нельзя. Прежде всего, дѣло совершенно произвольное—поправлять названіе «Сикеліотъ» и читать: «Сикидитъ»; такая поправка, а затѣмъ и отожествленіе двухъ лицъ тѣмъ менѣе умѣстны, что еще не доказано съ полною рѣшительностію: когда жилъ Михаилъ Глика—въ XII или же въ XIV вѣкѣ? Во-вторыхъ, что касается писемъ Михаила Глики, то въ изданныхъ письмахъ его нѣтъ и рѣчи о «Евхаристіи, ея тлѣнности или нетлѣнности» (Migne, Gr., tom. 158). Остается опредѣлить: нѣтъ ли ученія, принадлежащаго Михаилу Сикидиту, въ письмахъ Глики, находящихся еще въ рукописяхъ. Рукописныя собранія писемъ Глики извѣстны ученымъ и въ этихъ письмахъ дѣйствительно есть одно, въ которомъ рѣчь касается вопроса объ Евхаристіи, именно—«изслѣдуется, тлѣнно или нетлѣнно евхаристическое принятіе нами Христа» (Migne, ibid., p. XLVIII), но мы не имѣемъ никакихъ основаній думать, что въ этомъ письмѣ авторъ рѣшаетъ вопросъ въ смыслѣ Михаила Сикидита, а не въ противоположномъ духѣ. Вообще, мы находимъ весьма справедливымъ слѣдующее сужденіе Іоанна Ламія, издателя писемъ Глики: «удивляюсь, на какомъ основаніи сказанное Никитою Хоніатомъ о Михаилѣ Сикидитѣ прилагаютъ къ Михаилу Гликѣ: перелистуйте всю лѣтопись Глики, перечитайте всѣ его письма, и вы ничего не найдете здѣсь, кромѣ духа благочестія, знанія Св. Писанія, полнаго разумѣнія св. отцевъ» (Migne, ibid., p. XX).

высказалъ себя противъ лжеученія Сикидита [59]). Обнаруживая умъ и пастырскую ревность въ дѣлахъ религіозныхъ, Іоаннъ Каматиръ обнаруживалъ тѣ же качества и въ общественныхъ отношеніяхъ. Наприм., извѣстенъ слѣдующій фактъ. Одинъ Византійскій банкиръ, Каломодій, человѣкъ чрезвычайно богатый, своимъ богатствомъ вовбуждалъ алчность въ нѣкоторыхъ правительственныхъ лицахъ,—дѣло дошло, наконецъ, до того, что царскіе казначеи разъ схватили Каломодія и посадили подъ арестъ—съ намѣреніемъ воспользоваться золотомъ арестованнаго. Но этотъ беззаконный поступокъ вызвалъ народное волненіе. Византійскій народъ обратился къ патріарху съ просьбою защитить Каломодія. Іоаннъ принялъ сторону Каломодія и спасъ несчастнаго отъ бѣды. Паріархъ сказалъ народу краснорѣчивое слово и утишилъ волненіе; затѣмъ онъ написалъ сильное письмо императору, и патріарху удалось «возвратить Каломодія, *какъ овча обрѣтенное* и притомъ такъ, что похитившіе его волчата не успѣли ни содрать съ него золотой шкурки, ни даже остричь серебряную шерстку» [60]). Тотъ же Іоаннъ Каматиръ явилъ себя стойкимъ борцомъ противъ папства. Въ отвѣтъ на приглашеніе папы Иннокентія III вступить въ унію съ Латинянами патріархъ отвѣчалъ письмами, въ которыхъ подвергалъ критикѣ ученіе о папскомъ главенствѣ въ церкви [61]). Къ сожалѣнію, на долю Іоанна Каматира выпалъ тяжелый жребій—видѣть завоеваніе Константинополя Латинянами (въ 1204 г.) и испытать на себѣ слѣдствія этого народнаго несчастія. Никита

---

[59]) Никиты Хоніата. Царствованіе Алексѣя, брата Исаакова, кн. III, гл. 3—4.

[60]) Никиты. Царствованіе Алексѣя Ангела, брата Исаакова, кн. III, гл. 5.

[61]) Cuperi. Ad hist. patr., cap. 98.

Хоніатъ, свидѣтель завоеванія Византіи крестоносцами, въ слѣдующихъ выразительныхъ чертахъ описываетъ удаленіе патріарха изъ завоеванной столицы. «Впереди насъ ѣхалъ вселенскій архипастырь, не имѣя ни дорожной сумы, ни денегъ въ карманѣ, безъ жезла и безъ сандалій, въ одномъ хитончикѣ, какъ совершенный евангельскій апостолъ» [62]). Изгнанникъ недолго пережилъ указанное народное бѣдствіе; онъ скончался въ городѣ Дидимотихѣ, во Ѳракіи, мирною смертію [63]).

---

[62]) Никиты. О событіяхъ по взятіи Константинополя, гл. 5 (при русскомъ изданіи «Исторіи» Никиты).

[63]) Ibid, гл. 14.—Объ остальныхъ патріархахъ изучаемой эпохи скажемъ кратко. Между патріархами Ѳеодосіемъ и Іоанномъ Каматиромъ Константинопольскою церковію правили слѣдующіе архипастыри: Василій Камитиръ (1183—1186). Этотъ патріархъ, по словамъ Евстаѳія Ѳессалоникійскаго, «обладалъ даромъ все обращать къ своей выгодѣ» (Eustathii. De Thessalonica urbe a Normannis capta, cap. 39), о немъ говорятъ, что будто онъ далъ императору Андронику письменное обѣщаніе безпрекословно во всемъ исполнять волю царскую (Никиты. Царствованіе Алексѣя, сына Мануилова, гл. 15). Отъ такого патріарха, конечно, нельзя ожидать ничего путнаго. О патріархахъ Никитѣ Мунтанѣ (1186—1189), Леонтіи (нѣсколько мѣсяцевъ въ 1190 г.), Досиѳеѣ (1190—1191) мы имѣли уже случай говорить, когда уясняли отношенія власти государственной къ церкви при императорѣ Исаакѣ Ангелѣ («Очеркъ» IV) — и прибавлять къ этому что-либо считаемъ лишнимъ. Можно было бы войти въ нѣкоторыя подробности относительно слѣдующаго патріарха, Георгія Ксифилина (1191—1198 г.), но эти подробности такого рода, что больше хочется изложить ихъ какъ можно короче. При немъ появилось лжеученіе Сикидита, но онъ ничего не сдѣлалъ для его пораженія. Въ отношеніи къ свѣтскому правительству Георгій являлся весьма угодливымъ. Императоръ Алексѣй Ангелъ приказалъ Ксифилину посвятить во діаконы одно лице, остававшееся на свѣтской придворной службѣ, и патріархъ исполняетъ волю царя. Мало того: онъ издаетъ опредѣленіе о томъ, что дозволяется соединять въ одномъ лицѣ и служеніе Богу и царю, и храмъ

Мы изложили — подробно или коротко — всѣ важнѣйшія свѣдѣнія о патріархахъ Византійскихъ изучаемой нами части періода. Между патріархами въ теченіе всего XII вѣка, какъ мы видѣли, не было ни одного, который дѣйствительно блисталъ бы познаніями и образованіемъ, хотя иные изъ нихъ имѣли свѣтлый умъ. Большинство изъ нихъ лишено было и нравственныхъ доблестей. За исключеніемъ патріарховъ Михаила Анхіала, Ѳеодосія и Іоанна Каматира, ни одинъ архипастырь Византійскій не заявилъ себя истинно пастырскою ревностію, не показалъ себя истинно-достойнымъ своего высокаго мѣста. А одинъ изъ патріарховъ, Косьма, заявилъ себя неосторожностію, соблазнительною для церкви.

Второй классъ патріарховъ изучаемой нами эпохи составляютъ патріархи Константинопольскіе, правившіе церковію изъ города Никеи, куда перенесена была столица изъ Византіи, по завоеваніи послѣдней Латинянами. Что извѣстно о патріархахъ этихъ временъ? Мало свѣдѣній имѣемъ мы о Византійскихъ патріархахъ XII вѣка, еще меньше знаемъ о тѣхъ временахъ, когда патріархи имѣли резиденціей Никею и почти въ теченіе 60-ти лѣтъ управляли религіозными дѣлами изъ этой временной столицы. Особенно скудны наши познанія относительно первыхъ четырехъ патріарховъ, жившихъ въ Никеѣ. Главнымъ источникомъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности этихъ и послѣдующихъ патріарховъ въ Никеѣ служитъ Византійскій историкъ Георгій Акрополитъ, современникъ большей части этихъ патріарховъ; а второстепеннымъ источникомъ такого же рода свѣдѣній должны быть признаны Византійскіе историки XIV вѣка—

и дворцу безъ какого-либо наказанія по канонамъ (Никиты. Царствованіе Алексѣя, брата Исаакова, кн. II, гл. 4).

Никифоръ Григора и Ефремій. Но извѣстія Акрополита о патріархахъ такъ отрывочны, что мы рѣшительно не можемъ дать себѣ яснаго отчета въ томъ, за что иногда историкъ хвалитъ однихъ изъ патріарховъ и порицаетъ другихъ; а другіе двое историковъ явно стоятъ подъ вліяніемъ Акрополита и сообщаютъ нѣчто значительное въ сравненіи съ первымъ только относительно самыхъ послѣднихъ годовъ пребыванія патріарховъ въ Никеѣ. Сколь скудны наши свѣдѣнія о первыхъ четырехъ патріархахъ Никейской имперіи, ясно видно изъ слѣдующихъ извѣстій, какія о нихъ дошли до насъ. Георгій Акрополитъ говоритъ о первомъ патріархѣ въ Никеѣ: «*Михаилъ Авторіанъ* (1206—1212) былъ человѣкъ ученый, знакомый не только съ нашей, но и иностранной литературой». [64]) И больше ничего не говоритъ Акрополитъ о Михаилѣ. Никакого представленія о патріархѣ невозможно составить себѣ на основаніи подобнаго рода извѣстій. Еще меньше свѣдѣній находимъ у Акрополита о слѣдущемъ патріархѣ *Θеодоръ Ириникъ* (1212 или 1213—1215). Онъ пишетъ: «по смерти патріарха Михаила патріаршую каѳедру занялъ Θеодоръ Ириникъ» [65]). Ефремій къ этому прибавляетъ, что онъ былъ начальникъ (ипатъ) философовъ» [66]). По какой причинѣ дается Θеодору такой пышный титулъ—рѣшить невозможно [67]). О третьемъ

---

[64]) Лѣтопись его, гл. 6. Confer: Ephraemii. De imperatoribus et patriarchis, p. 410.

[65]) Лѣтопись его, гл. 19.

[66]) Ephraemii. Ibidem.

[67]) Историкъ Никита, говоря о царствованіи Алексѣя, брата Исаака Ангела, упоминаетъ о какомъ-то Θеодорѣ Ириникѣ, который состоялъ на государственной службѣ и былъ, по словамъ историка, «человѣкомъ старательнымъ, любезнаго характера, изысканно-краснорѣчивымъ, умѣвшимъ ко всякому

патріархѣ *Максимѣ* (1215—1216—правилъ не полный годъ) тотъ же Акрополитъ говоритъ: «Максимъ изъ монаховъ, большой угодникъ женщинъ (гинекея—вѣроятно придворнаго), которыя въ свою очередь сильно ему покровительствовали, и этимъ только покровительствомъ можно объяснить возведеніе его въ столь высокій санъ» [68]). Очевидно, историкъ не хвалитъ Максима, но однако мы не знаемъ: ни того, какъ Максимъ вошелъ на каѳедру, ни того какъ онъ управлялъ. О преемникѣ Максима, *Мануилѣ I* (1217—1222), Акрополитъ отзывается хорошо, но онъ въ то же время не даетъ никакихъ подробностей. «Мануилъ, по словамъ Акрополита, смотрѣлъ философомъ, какъ многіе его и называли.» [69]) И только! Мы даже не можемъ уяснить себѣ, почему Мануилъ называется философомъ. Не потому ли, что онъ былъ аскетомъ? Ибо въ древности философъ и аскетъ часто считались синонимами. Ефремій къ этому прибавляетъ: Мануилъ «точный сторожъ законовъ и каноновъ» [70]). Полагаемъ что эта замѣтка не составляетъ поэтической вольности Ефремія, а основана на слѣдующемъ фактѣ, вскользь упомянутомъ въ лѣтописи Акрополита. Греческій императоръ Ѳеодоръ

снизойти и примѣниться» (Царствованіе Алексѣя, брата Исаакова, кн. II, гл. 4). Но одно ли и то же лицо Ѳеодоръ Ириникъ, описанный Никитою, и Ѳеодоръ патріархъ—утверждать не беремся, хотя и склоняемся больше въ пользу тождества этихъ лицъ.

[68]) Лѣтопись его, гл. 19. У Ефремія, извѣстія котораго о патріархахъ отличаются панегирическимъ характеромъ, сейчасъ приведенное замѣчаніе опущено. Къ тому же нужно сказать, что Ефремій написалъ свое лѣтописаніе стихами, или, точнѣе, виршами, а стихотворцы, какъ извѣстно, отличаются поэтическою вольностію въ сообщеніи извѣстій.

[69]) Лѣтопись, гл. 19.

[70]) Ephraemii, p. 411.

Ласкарь, женатый вторымъ бракомъ на сестрѣ Латинскаго императора въ Византіи-Роберта, потомъ задумалъ было выдать свою дочь отъ перваго брака за этого Роберта. Это обстоятельство привело къ столкновенію императора Θеодора съ патріархомъ Мануиломъ. «Возникла говоритъ Акрополитъ ссора между Θеодоромъ и патріархомъ Мануиломъ, который никакъ не соглашался на такой непозволительный бракъ» [71]). Отсюда видно что, Ефремій весьма усердно читалъ Акрополита и по возможности крѣпко держался за этотъ историческій авторитетъ.

Гораздо больше имѣемъ свѣдѣній о послѣдующихъ патріархахъ въ Никеѣ. Мануилу I преемствовалъ въ управленіи церковію *Германъ II* (1222—1240). Онъ былъ родомъ изъ Навплія въ Пропонтидѣ (Пелопонесѣ) и, говорятъ, происходилъ изъ низшаго сословія—былъ сынъ рыбака [72]). Такое происхожденіе не помѣшало Герману получить достаточное образованіе, благодаря которому онъ дѣлается выдающимся патріархомъ. Византійскіе историки очень скупы на извѣстія о Германѣ. Однако же они единодушно отзываются о немъ съ самой лучшей стороны. Акрополитъ говоритъ только: «Германъ свято жилъ и хорошо управлялъ паствою» [73]). И таковой отзывъ вполнѣ подтверждается документами, имѣющими полную цѣнность. Историки Ефремій и Григора говорятъ о Германѣ, какъ человѣкѣ умномъ и не лишенномъ познаній, и эта характеристика также подтверждается документами. Ефремій говоритъ: «великій Германъ былъ великъ и жизнію, и словомъ». [74]) Григора почти буквально повторяетъ слова Ефремія (хотя остает-

---

71) Лѣтопись, гл. 18.
72) Le—Quien, I, p. 278.
73) Лѣтопись, гл. 42.
74) Ephraemii, p. 411.

ся вопросомъ нерѣшеннымъ: не Ефремій ли говоритъ въ данномъ случаѣ со словъ Григоры?): «Германъ былъ человѣкъ умный, украшавшій свою жизнь и словомъ и дѣломъ.» [75]) Утверждаемъ: это не пустыя слова—они подтверждаются фактами. Прежде всего извѣстно, что Германъ велъ сильную и рѣшительную борьбу съ папскимъ престоломъ. Папа Григорій IX домогался уніи Восточной церкви съ Римомъ и въ этомъ направленіи дѣйствовалъ на Греческаго императора и патріарха; онъ посылалъ своихъ легатовъ въ Никею. Но папскія затѣи не имѣли успѣха благодаря замѣчательному мужеству Германа [76]). Германъ написалъ внушительное письмо къ папѣ, въ которомъ прекрасно доказывалъ, что схизматики не греки, а латиняне, и что, слѣдовательно, о соединеніи грековъ съ латинянами и рѣчи быть не можетъ. Для посрамленія папы патріархъ бралъ примѣры изъ современной ему исторіи—указывалъ на притѣсненія латинянами православныхъ грековъ на о. Кипрѣ. Корреспондентъ выводитъ отсюда заключеніе, совершенно противоположное уніоннымъ стремленіямъ папы [77]). Папа удостоилъ Германа отвѣтнаго письма, которое не разрѣшало ни одного изъ тѣхъ возраженій противъ папства, какія находились въ письмѣ патріарха, и которое заключало въ себѣ избитыя разсужденія о папской власти, о двухъ мечахъ римскаго первосвященника—нисколько не убѣдительныя для разумнаго восточнаго іерарха [78]). Германъ извѣстенъ своими двумя посланіями къ кипріотамъ, которые несли разныя притѣсненія въ религіозномъ отношеніи

---

[75]) Григоры. Византійская исторія. Кн. III, гл. 1.

[76]) Le-Quien. I, 278. Cuperi. Ad hist. patr., cap. 103.

[77]) Sathas. Bibliotheca Graeca medii aevi. Vol. II, p. 39—46. Venet. 1873.

[78]) Sathas. Ibidem, p. 46—49.

отъ латинянъ, завоевавшихъ Кипръ подъ предлогомъ крестоваго похода. Въ первомъ изъ своихъ посланій Германъ даетъ различные практическіе совѣты какъ пастырямъ кипрскимъ, такъ и тамошнимъ христіанамъ касательно ихъ религіозныхъ отношеній къ латинскому духовенству [79]); второе письмо къ кипріотамъ исполнено также практическихъ совѣтовъ религіознаго характера, причемъ особенное вниманіе патріарха обращено на то, какъ должны относиться кипріоты къ тѣмъ изъ греческихъ священниковъ, которые подчинились латинской іерархіи [80]). Такъ заботился Германъ объ охранѣ чистоты православія въ эти тяжкія времена. Въ управленіи церковію патріархъ обнаруживалъ стремленіе къ соблюденію требованій, заключающихся въ церковныхъ правилахъ. До насъ дошло нѣсколько опредѣленій, появившихся въ правленіе Германа и по его волѣ [81]). Этотъ же патріархъ проявлялъ большую ревность къ утвержденію своихъ непосредственныхъ пасомыхъ въ истинахъ вѣры и благочестія. Отъ него до нашего времени дошло много проповѣдей и часть ихъ напечатана. Изъ напечатанныхъ его проповѣдей иныя сказаны были

---

[79]) Migne, Gr., tom. 140, p. 602—613.

[80]) Migne. Ibidem, p. 614—622.

[81]) Содержанія этихъ опредѣленій не приводимъ, такъ какъ они касаются частныхъ вопросовъ: въ нихъ находимъ разборъ одной жалобы епископа, рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ о ставропигіи и т. д. Migne. Gr. tom. 119, p. 798—808. Напрасно въ изданіи Миня, по примѣру Леунклавія, къ имени патріарха Германа сдѣлано примѣчаніе: «этотъ патріархъ сначала былъ епископомъ Адріанопольскимъ» (798). Здѣсь очевидно перемѣшаны два Германа: Германъ II, о которомъ мы говоримъ, съ Германомъ III, который былъ патріархомъ Константинопольскимъ по возвращеніи столицы изъ Никеи въ Константинополь и который дѣйствительно сначала былъ епископомъ Адріанопольскимъ.

патріархомъ въ слѣдующіе праздники: въ день Воздвиженія креста — противъ богомиловъ, въ недѣлю крестопоклонную великаго поста (двѣ проповѣди), въ недѣлю православія и пр. [82]). О рукописныхъ проповѣдяхъ Германа сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія извѣстный анатокъ христіанскаго Востока покойный преосвященный Порфирій. Этотъ писатель говоритъ: «Германъ II составилъ свой киріакодроміонъ — это годовой кругъ церковныхъ бесѣдъ его; онъ былъ разсмотрѣнъ мною въ рукописи въ библіотекѣ монастыря Аѳоно-Иверскаго. Бесѣды въ немъ начинаются съ недѣли всѣхъ святыхъ и продолжаются до пятидесятницы». Нашъ ученый авторъ приводитъ нѣкоторыя выдержки изъ этихъ проповѣдей и въ заключеніе говоритъ: «проповѣди Германа, какъ замѣтно, отличаются простотою слога» [83]). Послѣднее замѣчаніе, конечно, клонится къ похвалѣ проповѣдника.

Вторымъ преемникомъ Германа былъ патріархъ *Мануилъ II Харитопулъ* (1243—1255 г.) [84]). Мануилъ не тотчасъ былъ избранъ по смерти предшествующаго патріарха. Это произошло по слѣдующему случаю: «императоръ Іоаннъ Ватаца, не спѣшившій въ подобныхъ дѣлахъ, не могъ найти въ скорости человѣка, достойнаго этого мѣста, или, лучше, такого, который могъ бы ему понравиться, потому

---

[82]) Migne, Gr., tom. 140, p. 622—758.

[83]) Преосв. Порфирія. Проповѣдники въ Константинополѣ и Адріанополѣ. Труды К. Д. А. 1880, II, стр. 498—500.— Герману, кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій, принадлежитъ еще письмо къ деспоту Мануилу (написано въ 1232 году), но оно не замѣчательно. Miklosich. Acta et diplomata. Tom. III, 62—65.

[84]) Первымъ преемникомъ Германа былъ *Меѳодій II*, но онъ правилъ церковію только три мѣсяца (въ 1240 г.). Акрополитъ дѣлаетъ нелестную характеристику Меѳодія: «Меѳодій слылъ за человѣка многосвѣдущаго, но на самомъ дѣлѣ онъ зналъ очень немногое» (Лѣтопись, гл. 42).

что обладающіе верховною властію обыкновенно въ подобныхъ обстоятельствахъ соображаются съ своимъ расположеніемъ къ лицамъ, чтобы не имѣть въ этихъ людяхъ противниковъ своимъ желаніямъ. Такимъ образомъ времени прошло не мало, а все еще не было архипастыря» (вдовство церкви продолжалось болѣе 3-хъ лѣтъ) [85]). Если императоръ Іоаннъ ничего такъ не желалъ какъ того, чтобы избранъ былъ въ патріархи человѣкъ покорливый, то понятно въ лицѣ патріарха Мануила императоръ очевидно нашелъ, чего искалъ. Дѣйствительно, Георгій Акрополитъ описываетъ новаго патріарха, Мануила, въ чертахъ весьма блѣдныхъ. Онъ пишетъ: «кормиломъ патріаршества началъ править Мануилъ, мужъ благочестивый, святой жизни, хотя онъ и имѣлъ жену, и настолько незнакомый съ науками, что случалось не понималъ того, что читалъ» [86]). Въ приведенной характеристикѣ могутъ возбуждать недоумѣніе слова: «хотя онъ и имѣлъ жену». Это выраженіе нужно понимать такъ, что Мануилъ былъ выбранъ въ патріархи изъ женатыхъ, но что онъ оставилъ свою жену по избраніи въ патріархи [87]). Изъ словъ Акрополита, въ которыхъ онъ высказываетъ сужденіе о

---

[85]) Акрополита. Лѣтопись, гл. 42. Историкъ Пахимеръ увѣряетъ, что будто прежде, чѣмъ избранъ былъ Мануилъ, соборъ хотѣлъ поставить въ патріархи нѣкоего Никифора, впослѣдствіи дѣйствительно бывшаго патріархомъ столицы, и что будто бы царь воспротивился этому выбору (Царств. Михаила Палеолога, кн. II, гл. 16). Но это — басня, выдуманная Пахимеромъ и не заслуживающая исторической вѣры. (См. выше—Очеркъ I-й: «приложеніе къ трактату о Георгіи Акрополитѣ).

[86]) Лѣтопись, гл. 51.

[87]) Указаніе на нерѣдкіе случаи въ этомъ родѣ можно находить въ новеллѣ Исаака Ангела, приведенной въ очеркѣ IV-мъ.

Мануилѣ, не слѣдуетъ однакожъ заключать, что патріархъ былъ много ниже своего призванія. Историческіе документы свидѣтельствуютъ, что Мануилъ обнаруживалъ и извѣстнаго рода церковную дѣятельность и не былъ лишенъ даже политическаго вліянія. О церковной дѣятельности Мануила свидѣтельствуютъ нѣкоторыя дошедшія до насъ опредѣленія, составившіяся на соборахъ при этомъ патріархѣ. Такъ на одномъ соборѣ при немъ разсмотрѣно было нѣсколько каноническихъ и богослужебныхъ вопросовъ. Патріархъ внесъ на соборъ эти вопросы по желанію митрополита Диррахійскаго Романа, которому они въ свою очередь предложены были еще другимъ епископомъ. Вотъ вопросы, какіе внесены были на соборъ, а равно и тѣ рѣшенія, какія послѣдовали здѣсь. Вопросъ первый: случается, что нѣкоторые мужья, по ненависти къ своимъ женамъ или по другимъ причинамъ, оставляютъ этихъ послѣднихъ и уходятъ неизвѣстно куда, пребывая въ безвѣстной отлучкѣ пять и даже болѣе лѣтъ. Должно ли позволять такимъ женамъ вступать въ новый бракъ? Соборъ даетъ отвѣтъ отрицательный, если вышеуказанныя жены не могутъ представить удостовѣренія, что ихъ мужья взяты въ плѣнъ или инымъ подобнымъ же образомъ исчезли, не менѣе пяти лѣтъ. Другой вопросъ. Нѣкоторые міряне уже дважды женились, но овдовѣли и, хотя достигли сорокалѣтняго возраста, однакожъ желали вступить въ третій бракъ, выставляя предлогомъ то, что у нихъ есть дѣти, для воспитанія которыхъ имъ необходимо имѣть жену. Можно ли дозволять таковымъ третій бракъ безпрепятственно? Рѣшеніе собора по этому вопросу послѣдовало такое: достигшіе сорокалѣтняго возраста и домогающіеся вступить въ третій бракъ тѣмъ показываютъ, что они желаютъ многобрачія, непри-

стойнаго христіанину и заслуживаютъ укоризнъ; если же будутъ стоять на своемъ, подвергаются (обычной) эпитиміи. Еще другіе вопросы касаются разнаго рода безпорядковъ, допускаемыхъ священниками—особенно по части совершенія таинствъ. Первый вопросъ въ подобномъ родѣ. Нѣкоторые священники въ великую четыредесятницу, заготовляя дары для преждеосвященныхъ литургій, полагаютъ ихъ въ дарохранительницы (ἐν ἀρτοφορίοις), но случается, что, по демонскому навожденію или мыши похищаютъ изготовленное, или же собака, врываясь въ отворенную ею дверь; или же случается, что священникъ, совершивъ проскомидію, отходитъ къ трапезѣ Господней и совершаетъ здѣсь службу, а въ это время мышь похищаетъ хлѣбъ съ проскомидійнаго стола. Какого наказанія заслуживаетъ за это священникъ? Соборъ даетъ такое рѣшеніе вопроса. Если собаки проберутся не смотря на затворенную дверь храма и похитятъ преждеосвященные дары, то священнику должно быть запрещено служеніе на срокъ, какой будетъ указанъ епископомъ—за явную небрежность. Въ случаѣ же похищенія мышью священнаго хлѣба, надъ которымъ совершена проскомидія, священники, по опредѣленію собора, должны быть признаны невиновными; ибо такіе случаи, замѣчаетъ соборъ, весьма часто (!) встрѣчаются. Въ указанномъ положеніи священникъ долженъ взять новый хлѣбъ и освятить его по чину. (Третій изъ преждеупомянутыхъ случаевъ соборъ почему то обходитъ молчаніемъ). Второй вопросъ, касающійся безпорядковъ, допускаемыхъ священниками, формулированъ былъ такъ: нѣкоторые священники въ теченіе великой четыредесятницы тайкомъ преподаютъ брачное благословеніе хотящимъ вступить въ бракъ; какому наказанію подлежатъ такіе священники? Резолюція собора по этому весьма важному во-

просу замѣчательно снисходительна. Соборъ опредѣляетъ если какой священникъ дѣлаетъ это по простотѣ (! ἐξ ἀφελείας), то онъ подлежитъ умѣренной эпитиміѣ; если же поступающій такимъ образомъ священникъ дѣйствуетъ по злоумышленію, таковый заслуживаетъ бо́льшихъ наказаній, налагаемыхъ по волѣ епископа. Еще серьезнѣе и важнѣе слѣдующій безпорядокъ, встрѣчавшійся въ іерейской практикѣ. Нѣкоторые священники, будучи подъ архіерейскимъ отлученіемъ и неся эпитиміи, позволяютъ себѣ однако же совершать богослуженіе. Спрашивается: какому наказанію они подлежатъ? Отвѣтъ дается такой: священники отлученные, но дерзающіе совершать богослуженіе, достойны низверженія [88]). Такова была законодательная дѣятельность Греческой церкви въ правленіе патріарха Мануила. Эта дѣятельность интересна въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ, она свидѣтельствуетъ о пастырской ревности патріарха; во 2-хъ, даетъ указаніе на довольно непривлекательное дисциплинарное положеніе Греческаго духовенства средины XIII вѣка При томъ же Мануилѣ составле-

---

88) Migne, Gr., tom. 119, p. 808 — 812. Законодательная дѣятельность церкви при Мануилѣ, выражавшаяся въ отвѣтахъ на различные практическіе, возбуждаемые отдѣльными лицами, вопросы, не представляетъ явленія необыкновеннаго. Съ подобнаго рода законодательною дѣятельностію около этого времени встрѣчаемся и въ Греціи, и въ Россіи. Въ Греціи—достаточно указать на каноническіе отвѣты Димитрія Хоматина, архіеп. Болгарскаго (XIII в.) на вопросы Константина Кавасилы, и на отвѣты Іоанна, епископа Китрскаго (въ Македоніи) — конца XII в. — на вопросы того же Кавасилы. Въ русской церкви къ подобнаго же рода законодательнымъ памятникамъ относится извѣстное «Вопрошеніе Кириково» (XII в.), т. е. собраніе отвѣтовъ, полученныхъ іеромонахомъ Кирикомъ преимущественно отъ епископа Нифонта (Е. Е. Голубинскаго. Исторія русской церкви, т. I, полов. 1, стр. 372).

ны были опредѣленія и по нѣкоторымъ другимъ церковнымъ вопросамъ, но эти опредѣленія не представляютъ важности [89]). Что касается политическаго вліянія патріарха Мануила, то оно выразилось, напримѣръ, въ слѣдующемъ: императоръ Іоаннъ Ватаца сталъ подозрѣвать въ политической неблагонадежности Михаила Палеолога (впослѣдствіи императора), нарядилъ судъ надъ обвиняемымъ, но судьи не выразили опредѣленнаго сужденія о виновности Михаила: подсудимый оставался въ подозрѣніи. Чтобы окончательно успокоить свой смущенный духъ, императоръ отправилъ Михаила Палеолога къ патріарху Мануилу, а этотъ послѣдній долженъ былъ связать обвиняемаго клятвами, что «онъ никогда не будетъ замышлять невѣрности и сохранитъ въ чистотѣ свою преданность къ державному». Мануилъ исполнилъ желаніе царя, послѣ чего Іоаннъ Ватаца примирился съ Палеологомъ. Очевидно, императоръ высоко ставилъ патріаршій авторитетъ и вліяніе даже въ чисто-политическихъ вопросахъ [90]).

Изъ числа двухъ остальныхъ патріарховъ, изъ которыхъ одинъ правилъ своимъ патріархатомъ частію изъ Никеи, а другой исключительно изъ Никеи—скажемъ лишь о первомъ, Арсеніи, какъ болѣе замѣчательномъ мужѣ. Онъ дважды восходилъ на патріаршую каѳедру: началъ править церковію въ Никеѣ

---

[89]) Разумѣемъ опредѣленія о перемѣщеніи епископовъ съ одной каѳедры на другую (Migne, ibid., p. 812 — 815) и о правѣ патроната или ктиторскомъ (ibid., p. 816—817),

[90]) Акрополита. Лѣтопись, гл. 50—51. Позднѣйшій историкъ, Пахимеръ (Царствованіе Михаила Палеолога, кн. I, гл. 7), иначе разсказываетъ эту исторію и приписываетъ еще большее значеніе Мануилу въ дѣлѣ столкновенія Михаила Палеолога съ Іоанномъ Ватацею; но мы не можемъ рѣшить вопроса: вѣрно ли передаетъ разсказанную исторію Пахимеръ по сравненію съ Акрополитомъ?

(1255—1260), но потомъ, по вторичномъ принятіи каѳедры, продолжалъ патріаршествовать уже въ Византіи (1261—1264). О восшествіи его на патріаршій престолъ въ Никеѣ историкъ разсказываетъ слѣдующее: когда умеръ патріархъ Мануилъ, то многіе указывали императору Ѳеодору Ватацѣ на архимандрита Никифора Влеммида, [91]) какъ на самаго достойнаго кандидата въ патріархи, ибо Влеммидъ отличался и ученостью на рѣдкость и строго-нравственнымъ, неподкупнымъ характеромъ. Императоръ съ своей стороны отчасти желалъ, отчасти не желалъ видѣть патріархомъ Влеммида. Онъ желалъ этого, потому что убѣжденъ былъ въ высокихъ достоинствахъ Никифора, но онъ и не желалъ, потому что у царя были свои разсчеты. Объ этихъ разсчетахъ историкъ говоритъ такъ: «цари вообще хотятъ, чтобы патріархами были люди смиренные, недалекіе поуму, которые легко уступали бы ихъ желаніямъ, какъ законнымъ постановленіямъ. А это всего чаще — разсуждаетъ историкъ отъ лица императора—случается съ людьми необразованными: будучи невѣждами въ словѣ, они неспособны на смѣлое слово и преклоняются предъ императорскими распоряженіями.» Къ счастію для императора, Никифоръ Влеммидъ «былъ болѣе чѣмъ равнодушенъ къ патріаршеству,» а Ѳеодоръ Ватаца конечно «не слишкомъ принуждалъ его.» И вотъ императоръ Ѳеодоръ, «сдѣлавши маленькую попытку съ Никифоромъ,» съ спокойною совѣстію «обратился искать патріарха среди другихъ лицъ.» Не вдругъ то императоръ нашелъ человѣка, который вполнѣ бы отвѣчалъ его желаніямъ. Наконецъ выборъ императора остановился на малоизвѣстномъ мо-

---

[91]) См. о немъ выше *Очеркъ I-й*: «Приложеніе къ трактату объ Атрополитѣ».

нахѣ Арсеніи, не имѣвшемъ никакой церковной степени и человѣкѣ малоученомъ. Ѳеодоръ Ватаца приказалъ какъ можно скорѣе посвятить его въ патріархи, что и было исполнено. [92]) Въ теченіе недѣли Арсенія послѣдовательно посвятили въ діакона, въ пресвитера и епископа [93]). Можно было бы думать, что неученый и не по достоинству возвышенный Арсеній станетъ послушнымъ орудіемъ Греческихъ императоровъ. Но этого не случилось. Разсчеты на простоту Арсенія сдѣланы были слишкомъ поспѣшно. Правленіе Арсенія ознаменовано необычными столкновеніями патріарха съ императоромъ и сдѣлалось причиною образованія сначала партіи, а потомъ и раскола «арсенитовъ». Въ нашу задачу не входитъ раскрывать подробно исторію патріаршества Арсенія [94]) этого «греческаго Никона,» какъ иногда называютъ его. Несомнѣнно, Арсеній проявилъ истинно-высокую ревность архипастырскую, отлучивъ императора Михаила Палеолога отъ церкви по той причинѣ, что онъ занялъ престолъ путемъ тяжкаго преступленія—онъ сначала отстранилъ, а потомъ лишилъ зрѣнія законнаго наслѣдника пре-

---

[92]) Акрополита, гл. 53. Слич. Григоры: Византійская Исторія, кн. III, гл. 1.

[93]) Такое быстрое возвышеніе въ патріархи всегда возбуждало негодованіе въ лицахъ, желавшихъ, чтобы каждая высшая степень давалась за заслуги. Но панегиристъ Ефремій какъ будто бы и знать не хочетъ о такого рода нерасположеніи къ Арсенію, какъ посвященному по волѣ царя «съ поспѣшностію». А потому, ни мало не сумнясь, разсматриваемый фактъ передаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «прошелъ онъ (Арсеній) всякую степень (!) и поднялся на вершину архипастырства» (р. 412).

[94]) Это уже раньше насъ сдѣлано въ превосходныхъ статьяхъ И. Е. Троицкаго: «Арсеній и Арсениты» (Христ. Чтен. 1867 и 1869 годы).

стола, малолѣтняго сына Ѳеодорова Іоанна Ватацу. За свою пастырскую ревность Арсеній поплатился тѣмъ, что дважды былъ низведенъ съ каѳедры патріаршей по волѣ разгнѣваннаго Михаила. Ревность Арсенія, разумѣется, заслуживаетъ всякой похвалы: онъ ратовалъ за правду и требованія христіанскаго закона. Но съ другой стороны весьма печально, что Арсеній не съумѣлъ пожертвовать своею личностію для блага церкви. Свое низверженіе съ каѳедры и соединенное съ этимъ поставленіе новыхъ патріарховъ на ту же Константинопольскую каѳедру онъ разсматривалъ какъ такія событія, которыя вели будто бы къ погибели церкви. Такіе взгляды самого Арсенія волновали общество; нашлись люди, какъ изъ духовенства, такъ и изъ мірянъ, которые примкнули къ этимъ взглядамъ Арсенія [95]). Возникли смуты, безпорядки. «Греческій Никонъ» началъ борьбою за правду, а кончилъ образованіемъ раскола «арсенитовъ,» который цѣлые десятки лѣтъ нарушалъ благоденствіе Греческой церкви. Арсеній, сдѣлавъ свое дѣло: изобличивъ царя нечестиваго, отлучивъ его отъ церкви—долженъ былъ мирно удалиться въ уединенную келлію,—отнюдь не связывать своего подвига съ *своею* личностію. Но онъ этого не сдѣлалъ. Онъ вообразилъ, что съ низверженіемъ его съ патріаршей каѳедры перестала существовать истинная церковь на землѣ. Какое самомнѣніе, какое заблужденіе! Арсеній умеръ въ ссылкѣ на одномъ островѣ. Но и на смертномъ одрѣ онъ помышлялъ не о благѣ церковномъ, а вспоминалъ о своихъ личныхъ обидахъ и помышлялъ о мести—легко сказать!—и госу-

---

[95]) Пахимера. Исторія о Михаилѣ Палеологѣ, кн. II, 15; кн. III, 2. 14. 19 и пр. Никифора Григоры. Византійская исторія, кн. III, гл. 3 и пр.

дарству, и церкви. До насъ сохранилось «духовное завѣщаніе» Арсенія, составленное имъ незадолго до смерти [96]). Какимъ духомъ нетерпимости проникнутъ этотъ удивительный документъ! Не о всепрощеніи, не о благословеніяхъ ведетъ рѣчь умирающій экс-патріархъ: онъ разсѣваетъ лишь проклятія — рука старца не оскудѣваетъ въ этомъ отношеніи. Разставаясь съ землей, подвижникъ думаетъ не о небѣ, а о землѣ. Въ своемъ «завѣщаніи» Арсеній довольно подробно разсказываетъ исторію своей жизни, при чемъ разсматриваетъ эту исторію съ своей личной точки зрѣнія. Но истинно поразителенъ конецъ завѣщанія. Вотъ послѣднія слова, какія сходятъ съ устъ человѣка, покидающаго землю для вѣчнаго покоя: «произношу анаѳему и предаю сатанѣ его (императора Михаила Палеолога), такъ какъ онъ и прежде предалъ уже себя сатанѣ своимъ вѣроломствомъ, а теперь своимъ гоненіемъ на церковь. Предаю также сатанѣ и архіереевъ (которыхъ онъ и называть архіереями не хочетъ) за то что они сочувствовали нечестію; равнымъ образомъ мірскихъ начальниковъ, которые содѣйствовали ему (Михаилу); а также священниковъ и всѣхъ его приспѣшниковъ. Что же касается простаго народа, не умѣющаго отличить правой руки отъ лѣвой, то, какъ ученикъ милосердаго Господа моего, говорю: Господи, не вмѣни имъ грѣха сего» (Дѣян. VII, 60). [97])

---

[96]) По вопросу о подлинности этого завѣщанія см. замѣтки у проф. И. Троицкаго (Христ. Чтен. 1869, т. II, 854—856). Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Арсенію приписывается сочиненіе «Поэмы на Воскресеніе Господне», но едва ли малограмотный патріархъ могъ и желалъ писать поэму. Эту поэму съ большимъ правомъ приписываютъ Арсенію, митрополиту Монемвасійскому, XVI вѣка (Migne, Gr., tom. 140, p. 936—940).

[97]) Testamentum Arsenii. Migne. Gr. tom. 140, p. (948—957) 957.

Вотъ слова, представляющія собою, какъ говорится послѣднюю волю Арсенія. Ясно видно, что самъ Арсеній не былъ неповиненъ въ образованіи раскола «арсенитовъ».

Между первымъ и вторымъ патріаршествомъ Арсенія каѳедру патріаршую въ Никеѣ на самое короткое время занималъ *Никифоръ II* (1260 г. не полный годъ), но его правленіе церковію не представляло ничего примѣчательнаго. [98])

Итакъ: изъ девяти патріарховъ, занимавшихъ патріаршую каѳедру столицы за время перенесенія этой послѣдней изъ Константинополя въ Никею, лишь одинъ Германъ II выдается природными дарованіями и достоинствами архипастырскаго правленія. Всѣ остальные не блещутъ ни умомъ, ни пастырскою дѣятельностію. Если о нѣкоторыхъ патріархахъ этого времени и встрѣчаемъ лестные отзывы, то однакожь эти отзывы не

---

[98]) Главнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ Никифорѣ сообщены были нами выше. См. Очеркъ I-й: «Приложеніе къ трактату о Георгіи Акрополитѣ», гдѣ у насъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, ведется не краткая рѣчь о двухъ Никифорахъ: Никифорѣ Влеммидѣ и Никифорѣ, патріархѣ. Замѣчательно, что Ефремій (De imparator. et patriarch., p. 412) говорилъ о патріархѣ Никифорѣ: это «мужъ непорочный, дѣвственникъ въ теченіе всей жизни». Подобная характеристика, не подходящая къ дѣйствительной личности Никифора, могла быть занята Ефреміемъ лишь изъ исторіи Пахимера, сообщающаго невѣрныя свѣдѣнія объ этомъ патріархѣ. Признакъ—что Ефремій писалъ послѣ Пахимера, имѣя въ рукахъ трудъ этого послѣдняго. — Никифору приписывается постановленіе подъ заглавіемъ: «противъ говорящихъ, что можно помазывать св. елеемъ умершихъ». Въ этомъ небольшомъ документѣ рѣчь идетъ о тѣхъ священникахъ, которые позволяли себѣ елеосвященіе уже умершихъ. Рѣчь патріарха, нужно сказать, нѣсколько грубоватая, но убѣдительная (Migne, Gr., tom. 140, p. 805—808).

подтверждены никакими фактами. Да и нечего удивляться тому явленію, что большинство патріарховъ, во время управленія церковію изъ Никеи, не выдѣлялось особенными достоинствами. Георгій Акрополитъ не разъ говоритъ, что императоры этого времени поставляли цѣлію возводить на патріаршую каѳедру лицъ не особенно умныхъ и чуждыхъ энергіи, чтобы видѣть въ нихъ послушное орудіе своей воли и даже самоволія.

Переходимъ къ третьему и послѣднему классу патріарховъ Константинопольскихъ изучаемой нами эпохи,—къ обозрѣнію патріарховъ, которые занимали Константинопольскую патріаршую каѳедру со времени отнятія Греками столицы у Латинянъ и до окончательнаго паденія ея подъ властью Турокъ. Въ этотъ промежутокъ времени—почти три вѣка—Византійскую каѳедру преемственно занимали двадцать четыре патріарха [99]). Остановимся съ особеннымъ вниманіемъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Первымъ патріархомъ, избраннымъ уже въ Византіи, по возвращеніи туда столицы былъ *Германъ III* (1266—1267) [100]). Онъ былъ до этого времени митрополитомъ Адріанопольскимъ. Его избраніе произошло по внушенію императора Михаила Палеолога, который немало размышлялъ, кого выбрать въ патріархи (послѣ вторичнаго низверженія Арсенія церковь Константинопольская оставалась безъ пастыря болѣе го-

---

[99]) Если не станемъ включать сюда Арсенія, который значительное время управлялъ церковью изъ Никеи, и о которомъ мы говорили выше.

[100]) Полагаютъ, что онъ правилъ церковію отъ мая 1266 до половины сентября 1267 года (Cuperi. Ad histor. patriarch. Constantinop. cap. 108, p. 165: Acta sanctor. August. tom. I). Но точная хронологія патріаршествованія Германа не установлена.

да) и остановился наконецъ своимъ вниманіемъ на Германѣ, съ которымъ Михаилъ былъ уже давно знакомъ, и который оказалъ ему немаловажную помощь въ тяжкую годину его жизни [101]). Впрочемъ при избраніи патріарха были соблюдены всѣ обычныя формальности; напримѣръ, Германъ былъ сначала предъизбранъ Синодомъ и потомъ уже утвержденъ царемъ [102]). Историкъ Пахимеръ, повѣствователь, отличающійся безпристрастіемъ, разсказываетъ о Германѣ очень много хорошаго. Этотъ патріархъ былъ отлично образованъ и славился ученостью. По словамъ историка, самъ Германъ «не былъ краснорѣчивъ, но за то съ уваженіемъ относился къ людямъ обладавшимъ этимъ даромъ, любилъ слушать краснорѣчивыхъ ораторовъ и былъ особеннымъ другомъ этихъ лицъ, такъ какъ отлично цѣнилъ все хорошее» [103]). Этимъ историкъ, повидимому, хочетъ сказать, что Германъ любилъ окружать себя людьми просвѣщенными. Историкъ очень хвалитъ и нравственныя качества этого патріарха. Онъ во многомъ, по наблюденію историка, отличался отъ другихъ патріарховъ, которые, изъ монашеской кельи переходя на патріаршую каѳедру, нерѣдко заявляли себя односторонними нравственными воззрѣніями. Но предоставимъ слово историку Пахимеру. Германъ «украшался добродѣтелью, но не тою, которая любитъ выставлять себя напоказъ и которая состоитъ въ томъ, чтобы различать: въ какой день какую пищу можно употреблять и какую нельзя—грѣшно,—не тою, которая предписываетъ длинныя путешествія съ цѣлію богомолья, не тою, которая предписываетъ имѣть

---

101) Григора. Визант. исторія кн. IV, гл. 4. (Рус. пер.). Пахимера. Исторія о Михаилѣ Палеологѣ, кн. IV, гл. 12—13.

102) Ibid.

103) Пахимера, IV, 12.

неумытыя ноги, возлежать на землѣ и довольствоваться единственной одеженкой на плечахъ. Эта добродѣтель, которою отличались тогдашніе монахи, нимало не привлекала Германа. Потому что эти люди не умѣли соединять съ своимъ аскетизмомъ христіанскую любовь и милосердіе, поставляя гуманность, сочувствіе и внимательность къ другимъ на второмъ планѣ, потому что эти аскеты въ дѣйствительности были людьми жестокими, любили поносить другихъ, а себя превозносить, считая самихъ себя единственными обладателями добродѣтели». Германъ, по словамъ историка, нимало не походилъ на этихъ quasi — подвижниковъ. «Его добродѣтель была истинно-человѣческая — говоритъ Пахимеръ, — которая характеризовала его, какъ истиннаго человѣка; онъ больше отличался умѣренностью (и снисхожденіемъ), чѣмъ аскетическимъ безстрастіемъ».—Отличительною чертою Германа было полнѣйшее безкорыстіе. Тотъ же историкъ свидѣтельствуетъ: «золото онъ презиралъ больше всего, такъ что не имѣлъ и кошелька. Если-же оно откуда нибудь притекало къ нему, то онъ приказывалъ класть его подлѣ него самого, подъ руки, чтобы патріархъ всегда могъ распорядиться золотомъ, по усмотрѣнію, на дѣла благотворенія». Германъ къ тому-же отличался простотою нрава, любилъ открытое обхожденіе со всѣми; въ средѣ его приближенныхъ бесѣды его носили характеръ добродушія и прямодушія [104]). Тотчасъ по вступленіи на патріаршую каѳедру, Германъ энергично принялся за дѣла и старался дать имъ теченіе, сообразное съ его расположеніями. Первымъ долгомъ онъ обращаетъ вниманіе на клириковъ, замѣчательныхъ или по своему образованію или нравственнымъ

[104]) Пахимера, IV, 12—13.

качествамъ: всѣмъ имъ даются соотвѣтствующія достоинства или награды. Онъ прекрасно сознавалъ, что церковь его времени особенно нуждается въ образованныхъ пастыряхъ, поэтому онъ позаботился объ открытіи школы въ Константинополѣ, которая доставляла-бы образованныхъ пастырей, могущихъ служить къ возвышенію церковнаго авторитета. Германъ ходатайствовалъ предъ императоромъ, чтобы этотъ оказалъ предпріятію патріарха всякое содѣйствіе; въ особенности онъ просилъ, чтобы императоръ снялъ опалу съ ученаго ритора Оловола, прогнѣвавшаго царя [105]) и дозволилъ Оловолу занять мѣсто учителя въ публичной школѣ, открываемой теперь по мысли патріарха. Михаилъ Палеологъ уступилъ желанію Германа, и вотъ появляется въ Константинополѣ первая школа [106]), по возстановленіи Византійской имперіи. Въ этой школѣ учились не только дѣти духовенства, но и всѣ желающіе [107]).

Въ управленіи церковію Германъ повидимому былъ слабъ, и нѣкоторые положительно злоупотребляли его снисхожденіемъ и мягкостію его нрава [108]). Тѣмъ не менѣе и въ управленіи церковію Германъ успѣлъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оставить по себѣ добрую память. Какъ истинный пастырь церкви, онъ счи-

---

105) Подробности объ Оловолѣ см. въ статьяхъ проф. Троицкаго, Христ. чт. 1869, т. II, 1017—19.

106) Если не считать что-то въ родѣ школы, открытой тотчасъ по завоеваніи Константинополя снова Греками и находившейся подъ руководствомъ историка Георгія Акрополита. Такъ какъ Акрополитъ былъ весьма важнымъ сановникомъ, то ему поручено было только временное завѣдываніе школы. Объ этой школѣ довольно говорится въ «Автобіографіи Григорія Кипрскаго»—въ произведеніи, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

107) Пахимера, IV, 13—14.

108) Пахимера, IV, 22.

талъ себя обязаннымъ неустанно предстательствовать предъ царемъ за обиженныхъ и страждущихъ; и хотя его предстательства не всегда увѣнчивались успѣхомъ, однако это не отнимало энергіи у ревностнаго архипастыря. Германъ что-то сдѣлалъ и для церковнаго благоустройства — вѣроятно озаботился истребленіемъ слѣдовъ пребыванія римско-католиковъ въ Византіи [109]). Германъ недолго правилъ паствою; онъ долженъ былъ уступить патріаршую каѳедру другому, такъ какъ онъ не во всемъ соотвѣтствовалъ видамъ Михаила Палеолога,—главною-же причиною, по которой Германъ долженъ былъ оставить каѳедру, были происки императорскаго духовника Іосифа, который, пользуясь своимъ вліяніемъ на государя, началъ подкапываться подъ Германа, чтобы самому ему, Іосифу, добиться патріаршества [110]), въ чемъ онъ и успѣлъ. Къ сожалѣнію, изъ послѣдующей исторіи жизни Германа извѣстенъ одинъ фактъ, который создаетъ ему печальную память. Германъ отправляется делегатомъ отъ Восточной церкви на извѣстный Ліонскій западный соборъ, на которомъ провозглашена была унія церкви Греческой съ Латинскою [111]).

Преемникомъ Германа былъ *Іосифъ 1.* Онъ дважды восходилъ на патріаршій престолъ (1267—1274 г. и 1282—1283 г.) [112]); но былъ человѣкомъ, не отличавшимся большими достоинствами. Къ патріаршеству онъ пробрался не прямыми путями. Зависть

---

[109]) Пахимера, IV, 13.

[110]) Пахимера, IV, 17—18. Григоры. Византійская исторія, кн. IV, гл. 8.

[111])Пахимера, V, 17. Confer: Cuperi. Ad histor. patriarch., cap. 108, p. 164—5.

[112]) Вторичное патріаршество Іосифа впрочемъ не слѣдуетъ брать въ расчетъ: оно продолжалось только нѣсколько мѣсяцевъ (отъ конца декабря 1282 до марта 1283 года).

и честолюбіе снѣдали Іосифа и побудили его, какъ мы уже говорили, вредить предшествующему патріарху Герману и способствовать его удаленію съ каѳедры, съ цѣлію занять ее самому. Это было тѣмъ легче сдѣлать Іосифу, что онъ былъ духовникомъ императора и духовникомъ не изъ строгихъ, что такъ важно было для Михаила Палеолога, имѣвшаго далеко не свѣтлую совѣсть [113]). Въ умственномъ отношеніи Іосифъ былъ ничтожествомъ. Историкъ Григора дѣлаетъ такую замѣтку о немъ: «Іосифъ былъ до нельзя простъ и вовсе не былъ причастенъ эллинской мудрости» [114]). Переводя эти слова на нашъ обычный языкъ выйдетъ, что патріархъ былъ круглый невѣжда. Впрочемъ нельзя думать, что Іосифъ былъ врагомъ образованности. Думается, что онъ съ молоду не былъ ученъ и оставался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ раньше. Нравы и привычки его едвали соотвѣтствовали тому положенію, какое судьба готовила этому человѣку. Правда, отъ лѣтъ юныхъ, когда онъ былъ клирикомъ при дворѣ, у него остался нѣкоторый внѣшній лоскъ; онъ умѣлъ, когда нужно, держать себя прилично, бойко говорилъ: что называется, не ходилъ въ карманъ за словомъ, зналъ, какъ нужно вести себя съ сильными міра сего, хорошо чуялъ: гдѣ можно найти и гдѣ потерять. [115]) Но, кажется, Іосифъ лучше всего чувствовалъ себя тогда, когда попадалъ въ общество такихъ-же невѣждъ, какъ и онъ: любилъ запросто

---

[113]) Пахимера, IV, 17—18. Григоры, IV, 8.

[114]) Григоры. IV, 8.

[115]) Замѣчаніе Григоры, что люди въ родѣ Іосифа «вовсе не отличаются осторожностію и ловкостію въ дѣлахъ гражданскихъ» (ibid.)—замѣчаніе это, кажется, взято—что называется—съ вѣтру: Іосифъ принадлежалъ къ другому типу патріарховъ.

покушать за столомъ мужика, вдосталь здѣсь похохотать, побалагурить и поострить. Историкъ Пахимеръ не можетъ понять, какъ съ такими нравами и привычками Іосифъ умѣлъ соединять аскетическія наклонности. Но это не такъ трудно понять, если допустимъ, что и естественно, что аскетизмъ его былъ больше наружный, чѣмъ внутренній[116]). Въ виду такихъ качествъ Іосифа[117]), о немъ не стоило-бы и говорить въ исторіи патріарховъ Константинопольскихъ. Но мы не исключили его изъ ряда другихъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ патріарховъ, единственно потому, что считаемъ весьма интереснымъ и поучительнымъ разсказать одну страницу изъ исторіи жизни патріарха Іосифа. Разумѣемъ въ высшей степени занимательныя обстоятельства, при которыхъ этотъ патріархъ снялъ съ императора Михаила Палеолога отлученіе, наложенное на него патріархомъ Арсеніемъ. Историкъ развертываетъ предъ нами слѣдующую картину. Когда Іосифъ изъявилъ согласіе снять эпитимію съ Михаила, то праздникъ Срѣтенія Господня (1268 г.) былъ назначенъ такимъ днемъ, въ который торжественнымъ образомъ должно было произойти возсоединеніе съ церковію отлученнаго Арсеніемъ грѣшника-императора. Наканунѣ этого дня совершена была торжественная всенощная, въ которой принималъ участіе патріархъ и всѣ архіереи, находившіеся въ столицѣ (а такихъ всегда было здѣсь мно-

---

116) Впрочемъ не слѣдуетъ преувеличивать аскетизмъ Іосифа. Пахимеръ говоритъ, что патріархъ «душевно расположенъ былъ къ монашеской жизни, проводимой въ постахъ, въ питьѣ воды, но при этомъ историкъ прибавляетъ ограничительное: *«когда нужно»*.

117) Пахимера. Царствованіе Михаила, кн. IV, гл. 23. Сходно съ Пахимеромъ характеризуетъ Іосифа и Ефремій. Ephraemii. De imperatoribus et patriarchis, p. 413. Edit. Bonn.

го); церковь была великолѣпно освѣщена, пѣніе было самое искусное, возносились особыя эктеніи за царя, вѣроятно, въ нихъ испрашивалось прощеніе прегрѣшившему царю. Такимъ-же образомъ совершена была на другой день и литургія. Наконецъ наступилъ самый актъ принятія царя въ лоно церкви. Отверзлись царскія двери—и взору присутствующихъ открылся цѣлый сонмъ архіереевъ, окружавшихъ св. престолъ. Начинается знаменательный актъ. Императоръ подходитъ къ царскимъ дверямъ, позади его видна великолѣпная свита—всѣ правительственныя лица Византіи, сенатъ, блестящая лейбгвардія. Царь снимаетъ съ своей головы діадему (калиптру), повергается къ ногамъ патріарха, громогласно исповѣдуетъ свой тяжкій грѣхъ (а грѣхъ этотъ, какъ мы знаемъ, состоялъ въ томъ, что императоръ сначала отстранилъ, а потомъ ослѣпилъ и заключилъ законнаго вѣнценосца Византійскаго отрока Іоанна), пламенно проситъ прощенія. Патріархъ держитъ въ правой рукѣ грамоту съ формулою прощенія, подробно излагаетъ во всеуслышаніе—въ чемъ именно заключается грѣхъ императора—и громогласно даетъ ему разрѣшеніе и отпущеніе. Но это еще не конецъ дѣла. Затѣмъ Палеологъ подходитъ къ другому, третьему, пятому, десятому архіерею, всѣмъ бросается имъ въ ноги, и у всѣхъ нихъ вымаливаетъ прощеніе. Архіереи по очереди читаютъ вышеуказанную грамоту и даютъ отпущеніе грѣха императору. Многіе, по словамъ историка, при этомъ зрѣлищѣ проливали слезы состраданія. [118]) Картина трогательная. Нужно впрочемъ полагать, что дѣло происходило такъ, какъ напередъ было условлено между патріархомъ и царемъ. Притомъ какъ ни трогательна картина, мы однако же не

---

[118]) Пахимера, кн. IV, гл. 25.

думаемъ считать ее какимъ либо проявленіемъ духовной силы и мощи Византійскаго патріарха — въ особенности патріарха Іосифа. Весь этотъ торжественный актъ понадобился — не для удовлетворенія какихъ либо дисциплинарныхъ требованій, предъявленныхъ патріархомъ, а для того, чтобы заставить народъ, массу, наконецъ забыть грѣхи царя, о которыхъ такъ много было непріятнаго для правительства говора народнаго. Пахимеръ замѣчаетъ, что Іосифъ «умѣлъ подойти къ сильнымъ правителямъ», т. е. умѣлъ входить въ ихъ виды и интересы, не особенно заботясь о какихъ-либо высшихъ интересахъ. Не даромъ же прощеніе Михаила, совершенное Іосифомъ, далеко не всѣхъ успокоило на счетъ царя. Нашлось много лицъ, которыя стали считать патріарха потворщикомъ... [119]) Въ сущности такія лица не обманывались, если догадывались, что разрѣшеніе грѣха царскаго было не больше, какъ парадной церемоніей. —Повидимому фактъ оставленія Іосифомъ патріаршей каѳедры рисуетъ намъ личность этого архипастыря съ лучшей стороны: онъ долженъ былъ покинуть каѳедру, потому что не хотѣлъ соглашаться на унію (Ліонскую) съ Римомъ, и значитъ проявилъ пастырскую ревность. Но въ дѣйствительности и на этотъ разъ патріархъ остался вѣренъ своему характеру—плыть по теченію. Іосифъ хотѣлъ какъ-то такъ устроить — и не принять унію, и остаться въ патріархахъ; но когда такая комбинація не удалась, то хотя онъ и оставляетъ каѳедру, [120]) но съ такою неохотою, которая свидѣтельствуетъ, что Іосифъ былъ чѣмъ угодно, но не «столпомъ православія» [121]). Вто-

---

[119]) Пахимера, кн. IV, гл. 28.

[120]) Все это ясно открывается изъ разсказа Пахимера, кн. V, гл. 17. 22,

[121]) Какъ его совершенно напрасно именуетъ Ефремій. Ephraemii, p. 412. 414.

ричное патріаршество Іосифа падаетъ уже на время преемника Михаилова Андроника, но, какъ мы замѣтили выше,—Іосифъ снова призванъ былъ на Византійскую каѳедру какъ будто единственно для того, чтобы съ честію умереть...[122]).

Патріархъ *Іоаннъ Веккъ* (1275—1282 г.).—Онъ вступилъ на патріаршую каѳедру, когда Іосифъ сошелъ съ этой каѳедры, не желая быть прямымъ пособникомъ Михаила Палеолога по введенію уніи въ Греческой церкви. Иныхъ взглядовъ на унію держался «хартофилаксъ великой церкви» Веккъ, и потому ему, какъ человѣку способному дѣйствовать въ интересахъ времени, и предоставлена была каѳедра послѣ Іосифа. Было бы напрасно думать, что Веккъ сразу-же сдѣлался сторонникомъ уніи. Прежде чѣмъ войти въ виды императора, Веккъ переживаетъ нелегкій душевный кризисъ, который однакожъ разрѣшился не такъ, какъ было бы желательно въ интересахъ церкви. Веккъ сначала противился волѣ царской, долго не соглашался поддерживать уніонныя стремленія Михаила Палеолога. За это сильно гнѣвался на него императоръ; мало того: бросилъ его въ смрадную тюрьму и притомъ не одного, а со всѣми родственниками его. Но и находясь въ такомъ тяжкомъ положеніи, Веккъ не вдругъ пошатнулся въ православіи. Въ этомъ случаѣ на него имѣло большое вліяніе чтеніе сочиненій тогдашняго греческаго ученаго и аскета Никифора Влеммида [123]), который несомнѣнно склонялся къ уніи и въ такомъ родѣ писалъ еще раньше Ліонскаго собора. Императоръ устроилъ такъ, что сочиненія такого достойнаго мужа, какъ Влеммидъ, доставлены были Векку въ тем-

---

[122]) Григоры, кн. VI, гл. 1.
[123]) О немъ мы уже не разъ упоминали выше.

ницу. Ознакомившись съ этими сочиненіями, Веккъ совершенно перемѣнилъ свои воззрѣнія. «И вотъ тотъ, кто былъ обоюдоострымъ мечемъ противъ латинянъ—говоритъ историкъ Григора — обратившись въ противную сторону, для нея-же подготовлялъ побѣду» [124]). Іоаннъ Веккъ не сдѣлался впрочемъ полнымъ латиняниномъ. Онъ сталъ сторонникомъ такъ называемаго въ Византіи ученія объ «экономіи», ученія, которое примѣнялось здѣсь всегда, когда нужно было какому либо неблаговидному общественному дѣлу дать благовидную личину [125]). Какъ понималъ это ученіе объ «экономіи» Веккъ, это онъ выразилъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, гдѣ онъ такъ разсуждаетъ: «нашимъ (свят.) отцамъ было извѣстно слово «экономія» и идея этимъ словомъ выражаемая, они оставили намъ письменныя увѣщанія, въ которыхъ боголюбезно ратуя за единеніе церквей, и насъ своихъ потомковъ, какъ-бы поощряютъ къ подобной ревности; поэтому, мы имѣемъ право считаться настоящими учениками этихъ отцовъ, мы по боголюбезной ревности держащіеся этой экономіи. Мое слово подтвердитъ св. Аѳанасій, который въ своемъ посланіи къ Антіохійцамъ доподлинно преподаетъ, какъ прекрасно и въ высшей степени боголюбезно оставлять безъ вниманія разности въ словахъ, лишь-бы только братья были согласны другъ съ другомъ въ мысляхъ. И что особенно замѣчательно, такъ это то, что св. мужъ говоритъ здѣсь не о другихъ какихъ либо, а о тѣхъ-же самыхъ народахъ и церквахъ, о которыхъ и у насъ рѣчь. Под-

---

124) Григоры, кн. V, гл. 2. Пахимера, кн. V, гл. 13—16.

125) Какъ понимали другіе, раньше XIII в., ученіе объ экономіи, см. сочиненіе *А. Лебедева*: «Исторія Константинопольскихъ соборовъ IX вѣка», стр. 9—10 (Москва. 1888).

тверждаетъ мое слово и Василій Великій, удерживавшійся нѣкоторое время прилагать наименованіе «Богъ» къ Животворящему Духу, имѣя въ виду единеніе братій и нѣкоторую прекрасную «экономію». Подтверждаетъ мое слово великій Максимъ (исповѣдникъ), свидѣтельствующій, что св. отцы часто дѣлали уступки относительно выраженій, но никогда относительно мыслей, такъ какъ тайна нашего спасенія не въ буквахъ, а въ мысляхъ и дѣлахъ. Всѣ эти отцы (а Веккъ еще именуетъ Григорія Богослова, Діонисія Ареопагита) охранители, точные блюстители нашей вѣры, подтвердятъ мое слово, которымъ я утверждаю, что нападающіе на изначальную «экономію», являются врагами этихъ отцовъ». Отсюда Веккъ выводитъ между прочимъ то заключеніе, что не слѣдуетъ спорить съ латинянами по вопросу объ исхожденіи Духа Святаго, если истолковывать это ученіе въ смыслѣ исхожденія Св. Духа *чрезъ* Сына [126]). Веккъ былъ унитъ; но за исключеніемъ этого грѣха (правда тяжкаго), онъ является человѣкомъ, котораго нужно поставить въ ряду самыхъ лучшихъ патріарховъ изучаемой эпохи. Образованность Векка была широка и глубока—на рѣдкость. Въ этомъ отношеніи изъ современниковъ едвали кто могъ съ нимъ равняться. По словамъ Пахимера, онъ отличался «ученостью», «краснорѣчіемъ» и церковно-административною «опытностью» [127]). Еще выше ставитъ Іоанна Векка Григора, онъ называетъ его «человѣкомъ умнымъ, питомцемъ краснорѣчія и науки, надѣленнымъ такими дарами природы, какими никто изъ его современниковъ. Свободною и плавною рѣчью, гиб-

---

[126]) Opera Ioanni Vecci: Migne, Gr. tom. 141, p. 868—869. Слич. Христ. Чтеніе, 1889, т. 1, 583—584.

[127]) Пахимера, кн. V, гл. 24.

кимъ и въ высшей степени находчивымъ умомъ — всѣмъ этимъ природа щедро надѣлила его, какъ-бы для того, чтобъ его имя съ уваженіемъ произносили цари, правители и всѣ ученые». Но что особенно важно для насъ: Веккъ былъ прекраснымъ знатокомъ богословія. По выраженію историка: «по части знанія церковныхъ дагматовъ, всѣ казались предъ нимъ дѣтьми» [128]). Характеръ Векка былъ въ значительной мѣрѣ благороденъ и не чуждъ гуманности.—Никакое подозрѣніе не могло коснуться его высоко-нравственной личности. «Обвинять въ наклонности къ блудодѣянію — въ чемъ нѣкоторые осмѣливались обвинять патріарха,—говоритъ Пахимеръ, скорѣе можно было бы Пелея (отца Ахиллесова, этого любимца боговъ) чѣмъ Іоанна Векка; а возводить обвиненіе въ сребролюбіи, можно было скорѣе на честнѣйшаго изъ людей — Аристида, чѣмъ на этого патріарха» [129]). До времени патріаршества, Веккъ занималъ должность, какъ мы уже упомянули, хартофилакса т. е. завѣдывалъ канцеляріей синода и патріарха [130]). Уже въ этой должности онъ пріобрѣлъ громадное вліяніе. Имѣя власть налагать дисциплинарное взысканіе на священниковъ, Веккъ не щадилъ даже придворнаго духовенства. Разъ Веккъ, въ качествѣ хартофилакса, наложилъ эпитимію на одно лице, принадлежащее къ придворному духовенству; такое дѣйствіе раздражило императора, который говорилъ: «такъ поступать — значитъ наносить обиду самому

---

128) Григоры, кн. V, гл. 2.

129) Пахимера, кн. VI, гл. 10.

130) См. подробнѣе о должности хартофилакса: Н. А. Заозерскаго. Формы устройства восточной православной церкви (Правосл. Обозр. 1890, т. III, стр. 299—304); Барсова. Константинопольскій патріархъ, стр. 270—275 (Петерб. 1878).

хозяину дворца» [131]). Въ Константинопольскомъ синодѣ не рѣшалось ни одно дѣло безъ участія Векка, какъ хартофилакса, такъ что нѣкоторые, будучи недовольны вліяніемъ хартофилакса на дѣла, говорили: «Іоаннъ Веккъ водитъ за носъ весь синодъ, который безъ него не знаетъ, что и дѣлать» [132]). Вообще еще до своего патріаршества Веккъ пользовался величайшею извѣстностію [133]). Понятно, насколько должно было возрасти вліяніе Іоанна Векка, когда онъ сталъ архипастыремъ столицы. Дѣйствительно, это значеніе было очень велико, и что особенно важно, такъ это то, что своимъ вліяніемъ Веккъ пользовался, насколько могъ, къ торжеству нравственныхъ принциповъ и христіанской справедливости. Похвальная черта въ характерѣ Векка. Одной изъ цѣлей своего архипастырскаго служенія Веккъ поставляетъ безпрестанное ходатайство предъ императоромъ, какъ за тѣхъ изъ пасомыхъ, кто нуждался въ помощи со стороны царя: за убогихъ и страждущихъ болѣзнями, такъ и за такихъ, кто хотѣлъ прибѣгать къ правосудію царя въ какомъ-либо судебномъ дѣлѣ. Ходатайства патріарха предъ царемъ Михаиломъ были дѣятельны, ревностны, а способы ходатайствъ отличались изобрѣтательностію. Если онъ ходатайствовалъ за убогихъ и больныхъ, то для того, чтобы сильнѣе подѣйствовать на царя, прибѣгалъ къ искусству актера: изображалъ изъ себя дряхлаго старца, нуждающагося въ помощи, или слѣпца, требующаго покровительства. Иначе поступалъ патріархъ, если ему нужно было защитить предъ царемъ лице, обиженное судомъ. Веккъ, въ такомъ случаѣ, отбиралъ отъ своихъ кліентовъ самыя

---

131) Пахимера, кн. III, гл. 24.
132) Ibid. кн. V, гл. 13.
133) Ibid. кн. V, гл. 24.

подробныя свѣдѣнія объ ихъ дѣлѣ и, представъ предъ царемъ, разбиралъ предъ нимъ дѣло по правиламъ судопроизводства, являясь какъ-бы дѣйствительнымъ адвокатомъ. Неудивительно послѣ этого, если лица несчастныя и убогія исполнены были самой твердой вѣры въ успѣшность ходатайствъ патріарха. «На этого человѣка, т. е. Векка, по словамъ Пахимера, многіе полагались съ такою-же увѣренностію, какъ-бы онъ самъ былъ царемъ». Кромѣ пасомыхъ, Іоаннъ являлся предъ царемъ и съ ходатайствомъ по нуждамъ духовенства. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести одинъ-два примѣра неусыпности патріарха въ предстательствѣ предъ императоромъ. Вотъ первый примѣръ. Былъ знойный лѣтній день. Патріархъ отправляется къ императору; застаетъ его спящимъ; терпѣливо ждетъ его пробужденія. И когда царь принялъ его, ходатайствуетъ за невинно осужденнаго. Царь отказываетъ въ просьбѣ патріарху. Веккъ настаиваетъ на своемъ. Начались продолжительныя препирательства между главою государства и главою церкви. Наконецъ Веккъ объявляетъ, что онъ будетъ дѣйствовать рѣшительно; но и императоръ стоитъ на своемъ; онъ объявляетъ, что не проститъ обвиненнаго, что ни сдѣлалъ-бы патріархъ. Тогда Веккъ восклицаетъ: «чѣмъ архіереи лучше поваровъ и конюховъ, которые слѣпо повинуются вамъ во всемъ, чего ни захотите», кинулъ жезлъ къ ногамъ царя и ушелъ вонъ. Напрасно императоръ посылаетъ догонять патріарха, Веккъ не пошелъ къ царю. Патріархъ чуть не рѣшился покинуть каѳедру. Другой случай. Веккъ напрасно хотѣлъ обратить милосердіе государя на какого-то несчастнаго человѣка. Царь отвѣчалъ все отказомъ. При такихъ обстоятельствахъ патріархъ пустился на хитрость. Былъ праздникъ, царь явился къ литургіи. При окончаніи ея

началась раздача антидора. Отворились царскія врата. Вышелъ патріархъ съ антидоромъ. Подходитъ царь и протягиваетъ руку, но патріархъ, взявъ предназначенную для царя частицу, удерживаетъ ее въ своей рукѣ. Всѣ присутствующіе видятъ необыкновенное зрѣлище. Съ одной стороны, царская рука протянута, а, съ другой, рука патріарха остается неподвижна. Веккъ проситъ царя за того обиженнаго, за котораго онъ просилъ уже не разъ. Царь упорствуетъ, патріархъ настаиваетъ. Зрители изумлены и не знаютъ, что подумать [134]). Вообще Веккъ не давалъ царю покоя своимъ предстательствомъ. Поэтому назначенъ былъ опредѣленный день въ недѣлю, который исключительно назначался на то, чтобы патріархъ могъ безпрепятственно являться къ императору съ своими просьбами за разныхъ лицъ. Описывая дѣятельность Векка, православный историкъ Пахимеръ восклицаетъ: «сколько добра получили люди отъ такой заботливости патріарха» [135]). А замѣтимъ, что дѣло происходитъ при такомъ строптивомъ и черствомъ по сердцу царѣ, какъ Михаилъ Палеологъ. Историкъ Григора очень высоко ставитъ положеніе Векка при сейчасъ названномъ императорѣ; онъ говоритъ, что Веккъ «сдѣлался для царя всѣмъ — и языкомъ, и рукою и тростью скорописца» [136]). И однакожь, не смотря на это, между царемъ и патріархомъ происходятъ не разъ столкновенія,—виною которыхъ отнюдь не самъ Веккъ, столкновенія, имѣвшія послѣдствіемъ очень крупныя непріятности для архипастыря [137]). — По внѣшности Веккъ отличался величавою красотой; объ его наружности дошли до

---

[134]) Пахимера, кн. V, гл. 24.
[135]) Ibidem, гл. 25.
[136]) Григоры, кн. V, гл. 2 (fin).
[137]) Пахимера, кн. VI, 10—13; 17. См. выше «очеркъ» IV.

насъ, какъ письменныя извѣстія, такъ и живописныя указанія [138]).

Іоаннъ Веккъ былъ низвергнутъ съ каѳедры вскорѣ по вступленіи на императорскій престолъ Андроника Старшаго, наслѣдника Михаила Палеолога,—Андроника, который былъ ревностнымъ приверженцемъ православія и врагомъ уніи съ Латинянами. По низверженіи Веккъ влачилъ печальную жизнь: онъ сначала былъ заключенъ въ монастырь, потомъ сосланъ въ ссылку и заключенъ въ крѣпость въ тюрьму, гдѣ и умеръ (1298 †) [139]). О печальной судьбѣ, постигшей его по низложеніи, Веккъ и самъ говорилъ въ своемъ «духовномъ завѣщаніи» [140]).

---

[138]) Григора говоритъ о пріятной и внушительной наружности патріарха и его высокомъ ростѣ (кн. V, гл. 2). У Купера (Ad histor. patriarch. cap. 110, p. 167) встрѣчаемъ рисунокъ, изображающій Іоанна Векка (рисунокъ этотъ взятъ Куперомъ изъ евхологія Гоара). На рисункѣ Веккъ изображенъ въ стоячемъ положеніи: поза его свободна, онъ нѣсколько избоченился влѣво (отъ зрителя). Лице серьезное и выразительное. На головѣ его надѣтъ невысокій клобукъ въ родѣ теперешняго единовѣрческаго, но онъ имѣетъ видъ усѣченнаго конуса. Въ правой рукѣ Векка архіерейскій жезлъ, при чемъ верхъ его образуютъ двѣ, обращенныя одна къ другой, головы змія. На Веккѣ хитонъ въ родѣ подрясника, но только уже и застегнутъ на множество пуговицъ сверху почти до колѣнъ. На плечахъ мантія съ полосами, довольно короткая, открывающая всю переднюю сторону хитона. Въ лѣвой рукѣ его шляпа, похожая на теперешнія широкополыя мужскія шляпы, съ изображеніемъ креста, покрывающимъ верхъ шляпы, и съ двумя широкими лентами съ задней стороны, вѣроятно для красоты. Объ архіерейской древней шляпѣ, ея формѣ, цвѣтѣ и употребленіи см. у Е. Е. Голубинскаго. Исторія Русской церкви. Первая половина, стр. 480—481.

[139]) Pachymeris. De Andronico Palaeol. Lib. I, cap. 4 (p. 19); liq. III; cap. 29 (p. 270). Edit. Bonn.

[140]) Téstamentum Vecci (Migne, Gr. tom. 141, p. 1029—1031). Здѣсь-же Веккъ объявляетъ, что онъ до смерти пре-

Преемникомъ знаменитаго Іоанна Векка, если не считать второго патріаршества Іосифа, продолжавшагося неполныхъ три мѣсяца, былъ тоже извѣстный богословъ конца XIII вѣка *Григорій* (въ міру—Георгій) *Кипрскій* (1283—1289 г.). Григорій на-

---

былъ вѣренъ уніи и присоединился къ этому движенію совершенно искренно.—Кромѣ духовнаго завѣщанія, Веккъ написалъ значительное число сочиненій (они занимаютъ мѣсто въ 141 томѣ Миня, отъ 15 до 1031 стр.). Подробное разсмотрѣніе ихъ возможно лишь въ отдѣльной монографіи, поэтому въ нашихъ очеркахъ ограничимся лишь краткими замѣчаніями о произведеніяхъ унита-патріарха. Какъ и естественно, сочиненія Векка посвящены исключительно вопросу объ уніи съ Латинянами и разъясненію главнѣйшаго изъ латинскихъ заблужденій — ученію объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына. У Векка есть сочиненія, въ которыхъ онъ разбираетъ всѣ возможныя возраженія и неправильности касательно этого ученія,—разумѣется, авторъ направляетъ свою рѣчь въ пользу латинскаго догмата (Migne, p. 157—276); есть также у него сочиненія, въ которыхъ сдѣланъ сводъ святоотеческихъ свидѣтельствъ объ исхожденіи Духа Святаго—опять рѣчь клонится въ ту-же пользу (p. 613—725). Въ особенности у Векка много такихъ сочиненій, въ которыхъ онъ вступаетъ въ полемику съ различными прежними писателями и современниками. Изъ прежнихъ писателей Веккъ съ особеннымъ вниманіемъ, какъ и слѣдуетъ ожидать,—останавливается на патріархѣ Фотіи. Ему онъ посвящаетъ отдѣльныя сочиненія: (напр., Refutatio libri Photii de processione spiriti sancti, p. 725—863). Онъ пересказываетъ исторію Фотія совершенно въ папскомъ духѣ (p. 925—941). Кромѣ того по поводу ученія Фотія Веккъ говоритъ весьма нерѣдко и при другихъ случаяхъ. Вообще, можетъ быть предметомъ отдѣльной диссертаціи тема: объ отношеніи Векка къ Фотію. Изъ прежнихъ писателей Веккъ разбираетъ еще Ѳеофилакта Болгарскаго (XI в.), Николая Метонскаго (XII в., p. 15—156), Андроника Каматира, друнгарія, жившаго при Мануилѣ Комнинѣ и писавшаго противъ Латинянъ по поводу прибытія папскихъ пословъ въ Византію съ цѣлію переговоровъ о соединеніи церквей (p. 395—613). Много пришлось бороться Векку противъ различныхъ современныхъ возражателей по

зывается Кипрскимъ потому, что онъ родился на островѣ Кипрѣ. Какъ Іосифъ былъ выбранъ на мѣсто Векка потому, что онъ проявилъ ревность противъ уніи (хотя и не очень сильную), такъ и Григорій былъ избранъ потому, что были основанія полагать, что онъ не другъ уніи. До посвященія въ патріархи Григорій не былъ ни клирикомъ, ни монахомъ. Только предъ посвященіемъ въ патріархи, онъ принялъ монашество и прошелъ всѣ іерархическія степени [141]). Не смотря на то, что Григорій предъ патріаршествомъ не носилъ духовнаго сана, ему поручено было управленіе церковью, прежде чѣмъ онъ сталъ настоящимъ патріархомъ [142]). Значитъ, онъ пользовался большимъ уваженіемъ у императора Андроника Старшаго. Дѣйствительно, онъ выдѣлялся въ ряду своихъ современниковъ образованностію. Его

поводу уніи. Такъ онъ писалъ противъ Ѳеодора, епископа Сугдейскаго (p. 289—337), Константина Мелитиніота (p. 337—395), Григорія (Георгія) Кипрскаго. (Сочиненія Векка противъ Григорія Кипрскаго недавно переведены на русскій языкъ профессоромъ И. Е. Троицкимъ, въ Хр. Чтеніи за 1889 г., т. I и II-й, въ статьяхъ подъ заглавіемъ: «Къ исторіи споровъ по вопросу объ исхожденіи Св. Духа». Переведены два слѣдующія сочиненія Векка: «Отвѣты I—II на свитокъ Кипрскаго противъ новоявленныхъ его ересей», т. I, стр. 581—605. Confer: Migne, p. 863—895; томъ II, стр. 520—545. Confer: Migne, p. 895—926), противъ великаго эконома Ксифилина (p. 281—289). Веккъ писалъ почтительное письмо къ современному ему папѣ Іоанну XXI— письмо благодарственное по случаю состоявшейся уніи (p. 943). Писалъ Веккъ и по случаю низверженія его съ каѳедры, въ защиту своей личности и главнымъ образомъ своего ученія (p. 949—969. Здѣсь авторъ нерѣдко совершенно откровенно говоритъ о тѣхъ великихъ смутахъ, какія вызвала унія на Востокѣ, p. 949. 951).

[141]) Pachymeris. De Andronico, lib. I, cap. 44. Григоры. Визант. Истор. кн. VI, гл. 1.

[142]) Григоры. Ibidem.

считали «человѣкомъ извѣстнымъ по учености» [143]). И такой отзывъ справедливъ. Григорій заявилъ себя составленіемъ нѣсколькихъ сочиненій, какъ догматическаго, такъ и ораторскаго характера. Кромѣ того, какъ человѣкъ образованный, онъ лучшими людьми считалъ тѣхъ, которые отличались ученостію; такихъ лицъ онъ считалъ первыми между іереями и архіереями, если находилъ ихъ въ духовенствѣ [144]). Время, въ которое пришлось править Григорію церковію, было очень смутнымъ. Раздѣленія въ Византійской церкви, возникшія изъ-за низверженія патріарха Арсенія, а также изъ за уніи не позволяли надѣяться на счастливое патріаршествованіе Григорія. Такъ и случилось. Хотя первое время Григорій правилъ церковію довольно спокойно; но это спокойствіе смѣнилось такимъ волненіемъ, которое низвергло Григорія съ каѳедры. Причинъ такого волненія было много. Одна изъ такихъ причинъ заключалась въ прошлой исторіи Григорія Кипрскаго. Въ царствованіе Михаила Палеолога Григорій среди уніоннаго движенія показалъ себя сторонникомъ уніи [145]). Правда, можно полагать, что Григорій принадлежалъ къ партіи уніонной неискренно, а изъ страха навлечь на себя гнѣвъ императорскій, тяжесть котораго могъ онъ наблюдать ежедневно на сотняхъ и тысячахъ ревностныхъ противникахъ уніи; а потому онъ легко могъ перейти при Андроникѣ на сторону ревнителей православія [146]). Но въ послѣдствіи, кому нужно было, припомнили, что Григорій нѣкоторое время стоялъ за унію. Это

---

143) Pachym. ibid. Григоры, Ibid.

144) Григоры, кн. VI, гл. 4.

145) Пахимера. О Михаилѣ Палеол. V, 12. 14. Григоры, V, 2.

146) Проф. Троицкаго. Къ исторіи споровъ объ исхожденіи Св. Духа. Христ. Чтен. 1889, т. II, 283.

обстоятельство, конечно, послужило съ теченіемъ времени—во вредъ Григорію. Затѣмъ, приверженцы патріарха Арсенія, не находя въ Григоріи того, чего они ожидали отъ него—признанія значенія ихъ притязаній,—волновались сами, волновали и другихъ [147]). Но самымъ главнымъ виновникомъ непріятностей и тяжкихъ безпокойствъ для патріарха сдѣлался Веккъ. За приверженность къ уніи, Векка не разъ судили на соборѣ. Самое разбирательство дѣла Векка, въ присутствіи самого этого экс-патріарха, было неблагопріятно для интересовъ Григорія: краснорѣчивый, ловкій, ученый Веккъ своими объясненіями производилъ впечатлѣніе, не всегда выгодное для враговъ уніи [148]). Но все это еще не большая бѣда. Истинное несчастіе для Григорія началось послѣ того, какъ этотъ патріархъ, по окончаніи одного собора противъ Векка, обнародовалъ свое сочиненіе, подъ заглавіемъ: «изложеніе свитка» (томоса) вѣры противъ Векка» (это въ существѣ дѣла было соборное опредѣленіе, изложенное однако-же патріархомъ, почему оно и можетъ быть разсматриваемо какъ сочиненіе Григорія). Въ этомъ произведеніи Григорій позволилъ себѣ нѣсколько рѣзкихъ отзывовъ о Веккѣ, напр., здѣсь читаемъ: «вы присные Богу (православные) продолжайте отвращаться и гнушаться на ряду съ другими враждебными истинѣ догматами и порожденій Векка. Отвращайтесь и его самого и его послѣдователей, изрыгавшихъ вмѣстѣ съ нимъ его хулы» [149]). Веккъ не пропустилъ безъ вниманія такого порицанія своей личности. Противъ

---

147) Pachymeris. De Andronico. Lib. I, cap. 21.

148) Григоры, кн. VI, гл. 2.

149) «Изложеніе свитка вѣры» въ русск. переводѣ проф. Троицкаго можно находить въ Христ. Чт. 1889. т. I, 344—366 (365).

«изложенія свитка» онъ написалъ (въ 1287 или 1288 г.) свое сочиненіе, въ которомъ всячески порицаетъ Григорія. Напримѣръ, Веккъ писалъ: «нужно раскрыть, что глава новоявленной ереси не принадлежитъ къ числу кровныхъ чадъ церкви, а напротивъ есть незаконный и чуждый ея болѣзней плодъ». «Этихъ немногихъ словъ—продолжаетъ авторъ—достаточно, чтобы понять, о комъ идетъ рѣчь; мы узнаемъ изъ нихъ, что зло пришло къ намъ изъ-за моря (изъ Кипра то есть), что это заморскій звѣрь, прожорливый китъ, возставшій отъ Кипра». «Кипрянинъ этотъ эхидный, ни предъ чѣмъ не останавливающійся человѣкъ, потому-ли, что привыкъ болтать своимъ языкомъ, или только для того, чтобы вымѣстить свою злобу, изблевалъ много хульнаго, равно какъ не мало повредилъ истину» [150]). Тотъ-же полемистъ въ томъ-же сочиненіи ниже, протестуя противъ отлученія, которому подвергаетъ въ своемъ свиткѣ Григорій Веккa и его сотоварищей, пишетъ: «въ самомъ дѣлѣ: кто и кого отсѣкаетъ отъ церкви? Кровныхъ ея дѣтей (т. е. Византійцевъ) отсѣкаетъ незаконнорожденный (т. е. островитянинъ) и навязывающійся ей въ родство. Пастырей отлучаетъ отъ стада Христова волкъ, исключаетъ священниковъ изъ сонма священниковъ человѣкъ, не имѣющій священства» [151]). Веккъ и на этомъ не останавливается. Воспользовавшись другимъ случаемъ, онъ пишетъ новое сочиненіе противъ Григорія, въ которомъ тоже всячески позоритъ патріарха; [152]) онъ называетъ его богословскія разсужденія «дурачествами»; находитъ, что единст-

---

[150]) Іоанна Векка «Отвѣтъ на свитокъ». Христ. Чт. 1889, т. 1, 582. Слич. выше прим. 42.

[151]) Очевидно, Веккъ по разнымъ основаніямъ не хочетъ признавать Григорія епископомъ. Ibidem, стр. 604.

[152]) Христ. Чт. 1889, т. II. 280.

венною цѣлію отлученій, произносимыхъ Григоріемъ, служитъ вотъ что: «онъ какъ-бы желаетъ возможно большее число людей убѣдить въ томъ, что ему нѣтъ никакого дѣла до благочестія» [153]). Нужно сказать, что полемика Векка, при всѣхъ ея крайностяхъ имѣла нѣкоторое право на существованіе. Григорій, въ борьбѣ съ унитами, началъ рѣшительно и съ негодованіемъ отвергать даже правильное пониманіе формулы: «Духъ Святый исходитъ отъ Отца чрезъ Сына», т. е. сталъ отвергать даже то толкованіе этого ученія, которое впослѣдствіи принято было православными защитниками вѣры на соборѣ Флорентійскомъ [154]). Напрасно Григорій старался оправдаться и писалъ противъ Векка [155]). Его авторитетъ, и какъ ученаго богослова, и какъ вселенскаго патріарха, началъ колебаться. Веккъ не довольствовался литературною полемикою противъ Григорія; онъ присоединилъ къ ней распространеніе слуховъ неблагопріятныхъ для патріарха. Напримѣръ, утверждалъ, что Григорій родомъ не Грекъ, а человѣкъ Латинской расы, что онъ будто-бы и по одеждѣ и по языку остается чужестранцемъ [156]). Дѣла Григорія пошли плохо. Годы 1287—9 проходятъ для него въ печаляхъ и разочарованіи. Даже друзья его, на которыхъ онъ возлагалъ самыя лучшія надежды, которыхъ онъ даже призываетъ придти изъ провинціи въ Константинополь для борьбы со врагами и которымъ поэтому писалъ: «поспѣшите сюда сами для утвержденія непорочной вѣры христіанской» [157]), даже и эти друзья

---

153) Векка, (второе слово) «въ отвѣтъ на свитокъ». Христ. Чтен. 1889, т. II, 520. 544. Слич. выше прим. 42.

154) Христ. Чтеніе, ibid. I, 340.

155) Объ этихъ сочиненіяхъ упомянемъ ниже.

156) Pachymeris. De Andronico, lib. I, cap. 33.

157) Письмо это издано Димитракопуломъ. См. проф. Троицкаго: «Арсеній» и пр. Христ. Чтен. 1871, т. I, 1086—1088.

отшатнулись отъ Григорія Кипрскаго [158]). Положеніе патріарха стало невыносимымъ. Вотъ какъ самъ онъ впослѣдствіи описываетъ трудность своего положенія. «Церковь была полна всякихъ смутъ и безпорядковъ, всѣмъ хотѣлось въ ней начальствовать и предписывать законы, а быть подначальными и подчиняться божественнымъ законамъ никто не хотѣлъ, такъ-что къ тогдашнему ея положенію было вполнѣ примѣнимо и оказывалось совершенно справедливымъ извѣстное изреченіе Платона, что «не для всѣхъ полезна свобода, а нѣкоторымъ полезно рабство и жизнь подъ страхомъ» (Платонъ). Среди такой-то путаницы въ дѣлахъ, будучи поставленъ въ самый центръ ея, я попалъ въ сферу власти, какъ бы на какую нибудь напасть и имѣлъ душу постоянно удрученную всѣмъ этимъ» [159])? Затруднительное, даже безвыходное положеніе, въ которомъ очутился патріархъ Григорій, побуждаетъ его обратиться чрезъ письмо за содѣйствіемъ къ самому императору Андронику Старшему. Это письмо одинъ изъ интереснѣйшихъ памятниковъ конца XIII вѣка, рисующій живыми чертами значительное разстройство дѣлъ въ церкви и государствѣ. Описывая положеніе церкви, корреспондентъ говоритъ: «сколько вдругъ постигло насъ напастей, ужасовъ, треволненій». Исчисляя различныхъ виновниковъ церковныхъ безпорядковъ, Григорій первое мѣсто отводитъ въ этомъ отношеніи неукротимому полемисту Векку. «Многіе были ошеломлены грамотой, составленной Веккомъ, и назван-

---

158) Григоры. VI, 4.

159) Изъ автобіографіи Григорія, существующей, кромѣ греческаго подлинника, въ переводахъ—латинскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ. См. переводъ ея у проф. Троицкаго: Хр. Чт. 1870, т. II, стр. 175. Confer: Migne, tom. 142, p. 28—29.

ной имъ энцикликой, грамотой [160]), которую онъ прислалъ въ огромномъ количествѣ для раздачи всѣмъ, если можно. Городъ (Византія) раздѣлился на два лагеря» [161]). Въ виду неурядицъ церковныхъ Григорій проситъ царя поскорѣе собрать соборъ,—поскорѣе «для того, чтобы зло не успѣло распространиться чрезчуръ, и чтобъ спасеніе обманутыхъ не сдѣлалось слишкомъ затруднительнымъ» [162]). Заботливость Григорія о церкви въ существѣ дѣла была заботливостью его о самомъ себѣ. Но на ряду съ этимъ въ томъ-же письмѣ встрѣчается нѣсколько интересныхъ указаній на грабительство, учиняемое надъ народомъ. Видно, что патріархъ не думалъ только о самомъ себѣ, но принималъ къ сердцу благо общества. Патріархъ указываетъ, что если царь находится гдѣ-либо за предѣлами столицы, то завѣдывающіе царскимъ столомъ начинаютъ грабить народъ въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, вымогая и захватывая у крестьянъ птицъ, просятъ и другую живность. Всего нахватываютъ множество для того, чтобы перепродать на сторону то, что окажется излишнимъ для кухни. Патріархъ проситъ царя положить предѣлъ безобразію. Еще болѣе онъ возмущенъ грабительствомъ въ отношеніи народа, допускавшемся въ самой столицѣ. Въ примѣръ патріархъ безбоязненно указываетъ случаи изъ практики какого-то очень важнаго лица въ Константинополѣ—деспота Іоанна. Григорій самъ видѣлъ—вотъ что происходило. Какой-то погонщикъ скота

---

160) Это конечно есть ничто другое, какъ отвѣтъ Векка на свитокъ — съ этимъ произведеніемъ экс-патріарха мы уже знакомы.

161) Письмо Григорія къ Андронику въ переводѣ проф. Троицкаго. Христ. Чтен. 1870, II, 512. О немъ нѣсколько словъ—ниже.

162) Ibid. 514.

пригналъ стадо овецъ въ шестьсотъ головъ къ воротамъ города; но едва стадо приблизилось къ городу, какъ слуги деспота Іоанна захотѣли отнять у скотопромышленника четвертую часть всего скота. Слухъ о происшествіи дошелъ до городскаго префекта, и этотъ послалъ полицейскихъ для возстановленія порядка. Но вмѣсто порядка вышелъ пущій безпорядокъ. Слуги деспота поколотили полицейскихъ. Стадо на ночь осталось за воротами. Но съ разсвѣтомъ появился тутъ самъ деспотъ и приказалъ отнять у скотопромышленника 200 овецъ. Случай возмутительный! Разсказывая объ этомъ царю, патріархъ прибавляетъ: «повсюду слышится ропотъ и негодованіе» [163]). Эти сообщенія патріарха о безпорядкахъ, выражавшихся въ грабительствѣ народа, потому особенно заслуживаютъ вниманія, что Григорій, не смотря на множество личныхъ непріятностей и церковныхъ смутъ, не забываетъ и объ исполненіи своихъ нравственныхъ обязанностей въ отношеніи къ государству и обществу. Это свидѣтельствуетъ о высотѣ и благородствѣ характера Константинопольскаго архипастыря. Но на Андроника письмо Григорія Кипрскаго, кажется, не произвело впечатлѣнія. Царь не думалъ оказывать помощи несчастному патріарху, и ему ничего не оставалось дѣлать, какъ выдти въ отставку. «Когда Григорій увидалъ,—говоритъ Григора,—что и самые надежные и любимые имъ люди вооружились противъ него, и что никто ему уже не помогаетъ—ни царь, ни другой кто изъ людей сильныхъ, то, наконецъ, призналъ это судомъ Божіимъ, свыше ему опредѣленнымъ. Онъ удалился на покой въ монастырь» [164]).

---

[163]) Ibidem, стр. 516—518.

[164]) Григоры, VI, 4. Conf. Pachymeris. De Andronico, lib. II, cap. 6.

Такъ кончилось патріаршество Григорія Кипрскаго, человѣка во многихъ отношеніяхъ достойнаго. Не легко было править разнузданной Византіей [165]).

---

[165]) Григорію Кипрскому чрезвычайно посчастливилось въ русской литературѣ въ томъ отношеніи, что почти всѣ его сочиненія появились въ прекрасномъ отечественномъ переводѣ. Этимъ русская наука одолжена трудолюбію двухъ нашихъ ученыхъ: проф. И. Е. Троицкаго и византиста—ветерана о. Архимандрита (Заиконоспасскаго монастыря) Арсенія. Первымъ изъ названныхъ ученыхъ переведены слѣдующія сочиненія Григорія: 1) Трактатъ объ исхожденіи Святаго Духа (антирретикъ) (Христ. Чт. 1889, т. II, стр. 288—352. Migne, tom. 142, p. 269—300; латинскаго перевода нѣтъ). Сочиненіе это написано противъ уніи и появилось до Григоріева патріаршества—еще въ царствованіе Михаила Палеолога (Христ. Чт. ibid. 282). 2) Изложеніе свитка (томоса) вѣры противъ Веккa (ibid. томъ I, 344—366. Migne. ibid. p. 233—246, опять безъ латинскаго перевода). О содержаніи и значеніи этого сочиненія было сказано выше, въ текстѣ. Изданіе Григоріемъ «изложенія свитка» относится къ 1287 или 1288 году. 3) Посланіе къ императору Андронику Палеологу противъ митроп. Ефесскаго Іоанна Хилы и Марка (ibid. I, 367—369. Migne, p. 267—270; опять безъ латинскаго перевода). 4) Исповѣданіе, составленное послѣ того, какъ случилось возстаніе противъ него (Григорія) клириковъ и пр. (ibid. т. I, 370—377. Migne, 247—252; тоже безъ латинскаго перевода). 5) Апологія (общая) противъ нападокъ на его свитокъ (ibid. II, 545—570. Migne, p. 251—270; безъ латинскаго-же перевода). Сочиненія Григорія, означенныя подъ № 3—5, написаны авторомъ, подъ конецъ его патріаршества—въ 1288—1289 годахъ. Всѣ вообще вышеупомянутыя сочиненія трактуютъ по вопросу объ исхожденіи Святаго Духа. 6) Письмо къ императору Андронику Палеологу (Христ. Чтеніе, 1870, II, 511—518. Въ патрологіи Миня этого письма нѣтъ. Переводчикомъ оно взято изъ отдѣльнаго Франкфуртскаго изданія Маттіэ). Съ содержаніемъ этого письма мы уже отчасти познакомили читателя выше. Письмо, очевидно, написано въ разгаръ борьбы Григорія съ Веккомъ, т. е. въ концѣ патріаршества перваго. 7) Автобіографія Григорія Кипрскаго (ibid. 1870, т. II, 164—177. Migne. tom.

Послѣ Григорія Кипрскаго патріаршую каѳедру въ Константинополѣ занимаетъ *Аѳанасій I.* Онъ дважды выходилъ на эту каѳедру и дважды оставлялъ ее, и умеръ не патріархомъ. Мы разсмотримъ

142, p. 19—30 съ латинскимъ переводомъ и подробнымъ комментаріемъ (p. 31—47) Де-Рубенса. Русскій переводчикъ имѣетъ въ виду отдѣльное изданіе Маттіэ). Съ этимъ произведеніемъ Григорія отчасти мы познакомились, но съ нимъ же будемъ имѣть дѣло еще разъ ниже. «Автобіографія» Григорія, нѣтъ сомнѣнія, составлена имъ уже по оставленіи патріаршаго престола— на покоѣ.—О. Архимандритомъ Арсеніемъ въ греческомъ оригиналѣ съ русскимъ переводомъ издана обширная проповѣдь Григорія Кипрскаго: «похвальное слово Св. Евѳимію епископу и чудотворцу Мадитскому (XI в.) (Чтенія въ Общ. люб. дух. просв. 1889 въ «приложеніи», стр. 1—70). Слово это до сихъ поръ не было нигдѣ напечатано, и издано достопочтеннымъ византистомъ на основаніи рукописи Московской Синодальной библіотеки. Она весьма интересно, и мы воспользуемся имъ въ одномъ изъ параграфовъ нашихъ очерковъ—ниже. По всѣмъ признакамъ, оно написано Григоріемъ до патріаршества. Нельзя не выразить глубокой признательности трудолюбивому ученому за этотъ подарокъ наукѣ.—Непереведенныхъ сочиненій Григорія остается немного, да и всѣ эти не имѣютъ большой научной цѣнности; безъ перевода остаются слѣдующіе труды разсматриваемаго патріарха: 1) Похвальное слово великомученику Георгію (Migne, ibid. p. 299—345). Нужно полагать, что Григорій написалъ это произведеніе еще будучи міряниномъ—въ похвалу Георгія, Никомидійскаго мученика Діоклитіанова гоненія, вслѣдствіе того, что онъ носилъ до монашества имя Георгія, данное ему, вѣроятно, въ честь этого святаго. Оно повѣствуетъ о мученическихъ подвигахъ этого великомученика. Малое значеніе повѣствованія опредѣляется уже тѣмъ, что вообще сказаніе о мученикѣ Георгіи не внесено въ собраніе Рюинара. 2) Панегирикъ императору Михаилу Палеологу (Migne, 345—385). Панегирикъ весь состоитъ изъ общихъ фразъ и не имѣетъ исторической цѣнности. По этому произведенію можно составить лишь превратное понятіе о Михаилѣ. Уже встрѣчающееся въ заглавіи выраженіе: «Михаилу новому Константину» (т. е. Великому) вы-

первое и второе патріаршество Аѳанасія особо. Въ первый разъ онъ пробылъ на каѳедрѣ четыре года (1289—1293). Патріаршествованіе Аѳанасія представляетъ много интереснаго: оно можетъ быть разсматриваемо какъ реакція по отношенію къ патріаршествованію Векка и Григорія Кипрскаго, лицъ отли-

---

чурно и непригоже. Написано до патріаршества. 3) Панегирикъ императору Андронику Палеологу (сыну Михаила). (Migne, 387—417). Такого-же достоинства, какъ и панегирикъ Михаилу. Замѣчательно одинакожъ, что авторъ именуетъ Андроника (какъ это дѣлаетъ позднѣе и Григора, Виз. Ист. VIII, 8.) «жаркимъ любителемъ науки и философомъ» (p. 412). Можно утверждать, что оно произнесено Григоріемъ (Георгіемъ)—міряниномъ, вскорѣ по вступленіи Андроника на престолъ. 4) Письмо къ другу (Migne, p. 125—128). Написано вскорѣ по низверженіи Григорія съ каѳедры и исполнено жалобъ на несправедливость судьбы. У Григорія есть и еще нѣсколько сочиненій, но они свѣтскаго содержанія. Всѣ сочиненія Григорія, не переведенныя на русскій языкъ, существуютъ, кромѣ греческаго оригинала, въ латинскомъ переводѣ (у того-же Миня).—Правдивый отзывъ о своихъ сочиненіяхъ сдѣлалъ самъ Григорій въ своей извѣстной «автобіографіи». Онъ говоритъ: «что не всѣ мои произведенія отдѣланы съ одинаковой тщательностію, это само собою разумѣется. Что замѣчаемъ мы у ремесленниковъ, то-же бываетъ и здѣсь: какъ ихъ послѣдующія издѣлія бываютъ лучше предыдущихъ, вслѣдствіе упражненія, такъ и у писателей и ригоровъ труды зрѣлыхъ лѣтъ бываютъ совершеннѣе первоначальныхъ. Что касается изложенія, то я не гонялся за изысканными формами, не ударялся и въ другую крайность—не писалъ, какъ повсюду пишутъ; больше всего я хлопоталъ объ ясности, возвышенности и благодарствѣ слога, добрыхъ правилахъ нравственности въ соединеніи съ нѣкоторымъ благозвучіемъ». (Христ. Чт. 176. Migne, p. 29. См. высокій отзывъ Григоры (—VI, 1—) о литературныхъ достоинствахъ сочиненій Григорія Кипрскаго). О внутреннихъ качествахъ этихъ-же сочиненій, какъ произведеній образованнаго богословскаго ума, свидѣтельствуетъ уже то обстоятельство, что почти всѣ они переведены на русскій языкъ серьезными учеными.

чавшихся широтою взглядовъ. Но какъ ни интересно время патріарха Аѳанасія, наука однакожъ лишена возможности сказать о патріархѣ Аѳанасіи слово твердое и несомнѣнное. Это главнымъ образомъ зависитъ отъ свойства нашихъ источниковъ [166]).

Лишь только узнано было въ Константинополѣ, что каѳедру Григорія займетъ почти никому неизвѣстный монахъ Аѳанасій—въ его пользу склонялся императоръ Андроникъ Старшій [167])—какъ въ столицѣ начали распространяться слухи о жестокости характера человѣка, предназначеннаго въ патріархи. Часть этихъ слуховъ записалъ Пахимеръ. Напримѣръ, объ Аѳанасіи разсказывали, что разъ разсердившись на осла, который зашелъ въ монастырскій огородъ и поѣлъ овощи, будущій патріархъ наказалъ безсловеснаго преступника тѣмъ, что выкололъ ему глаза. Или разсказывали о томъ, что онъ обладалъ такою силою воли, что будто-бы разъ заставилъ даже волка принести ношу съ овощами изъ огорода въ монастырь. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ разсказщики явно намекали, что и у самого будущаго патріарха волчья натура [168]). Даже о самомъ посвященіи Аѳанасія въ патріархи разсказывали нѣчто такое, что должно было

---

[166]) Объ Аѳанасіи сообщаютъ довольно подробныя извѣстія историки Пахимеръ и Григора. Но въ ихъ взглядахъ на этого патріарха есть существенная разница: Пахимеръ явно не одобряетъ Аѳанасія, а Григора держится средины. Кто-же изъ нихъ правѣе—рѣшить не легко. Сужденія историковъ мы можемъ провѣрять на основаніи собственныхъ писемъ Аѳанасія, до насъ сохранившихся, но такихъ писемъ къ сожалѣнію немного. Всё-же эти письма больше подтверждаютъ взгляды Григоры, чѣмъ Пахимера; поэтому намъ кажется болѣе основательнымъ, въ извѣстной мѣрѣ, держаться взглядовъ Григоры на Аѳанасія.

[167]) Pachymeris. De Andronico. Lib. II, cap. 13, p. 139.

[168]) Ibidem, cap. 14, p. 143.

настраивать общество въ отношеніи къ патріарху во враждебномъ тонѣ. Такъ Пахимеръ сообщаетъ, что когда Аѳанасія посвящали въ патріархи, и одинъ изъ участниковъ рукоположенія—Каракалъ митроп. Никомидійскій—заглянулъ въ разверстое на головѣ посвящаемаго Евангеліе, то ему бросились въ глаза страшныя слова, которыя приняты были всѣми, какъ пророчество о характерѣ управленія Аѳанасія церковью, слова: «діаволу и аггеламъ его» [169]). Изъ показаній историка Пахимера съ несомнѣнностію вытекаетъ то слѣдствіе, что въ Византіи далеко не радостно принято было извѣстіе о назначеніи монаха Аѳанасія въ патріархи. И дальнѣйшіе годы дѣйствительно подтвердили, что патріархъ, при многихъ его добрыхъ намѣреніяхъ, не достигъ никакихъ добрыхъ цѣлей; онъ больше смущалъ, чѣмъ назидалъ общество Византійское.

Аѳанасій былъ строгимъ монахомъ, съ дѣтства привыкшимъ къ аскетическимъ трудамъ, и проводилъ до патріаршества безмолвную жизнь въ горахъ. «Онъ незнакомъ былъ съ ученостію и жизнію въ обществѣ». Но за то онъ былъ человѣкомъ достойнымъ, «удивлявшимъ всѣхъ своею монашескою жизнію,—крайнею воздержанностію и всенощными бдѣніями. Спалъ онъ на голой землѣ, ногъ не умывалъ, всегда ходилъ пѣшкомъ, одежду носилъ жесткую, жизнь велъ самую бѣдную. Вообще онъ имѣлъ характеръ, которымъ отличаются люди (монахи), живущіе въ горахъ и пещерахъ». Даже Григора, при его извѣстной долѣ уваженія къ Аѳанасію, все-же находитъ, что такой человѣкъ не годился въ патріархи столицы. «Блаженнымъ онъ прожилъ-бы цѣлую жизнь,—

---

[169]) Ibidem, cap. 15, p. 146—7.

замѣчаетъ Григора,—еслибы навсегда остался въ уединеніи» [170]).

Аѳанасій, тотчасъ по вступленіи на каѳедру, занялся нѣкоторыми серьезными реформами въ подвѣдомой ему области. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на жизнь и образъ дѣйствій «ученыхъ клириковъ». Григора говоритъ: «ученымъ клирикамъ суждено было потерпѣть и поплатиться за прежніе свои неблагородные поступки. Взошедши на патріаршій престолъ, Аѳанасій къ нимъ первымъ обратилъ свое грозное лице, полное ревности и строгости. Люди благоразумные по первымъ признакамъ догадались, чего слѣдуетъ ожидать, и добровольно начали вести строгую жизнь дома. Другіе-же въ скоромъ времени вынуждены были бѣжать изъ столицы» [171]). Къ сожалѣнію, трудно понять, о какихъ «ученыхъ клирикахъ» говоритъ историкъ, и въ какомъ отношеніи патріархъ стѣснилъ ихъ. Если не ошибаемся, историкъ разумѣетъ тѣхъ образованныхъ клириковъ, какими окружали себя патріархи Германъ III-й и Іоаннъ Веккъ—клириковъ, расположенныхъ къ уніи, а потому непріятныхъ для Аѳанасія, конечно чуждавшагося уніи. Повидимому, Григора сочувствуетъ мѣропріятію патріарха, выразившемуся въ строгости противъ «ученыхъ клириковъ»; но мы не видимъ необходимости слѣдовать взгляду Византійскаго историка. Доводить «ученыхъ клириковъ» до того, что они лицемѣрно начали вести жизнь, слишкомъ суровую, не вызываемую настоятельными потребностями, или-же, что еще хуже—до того, чтобы они бѣжали изъ столицы, – намъ представляется недостойнымъ мудраго

---

[170]) Григоры, кн. VI, гл. 5. Pachymeris, ibid. lib. II, cap. 13, p. 139—140.

[171]) Григоры, ibid.

архипастыря. Аѳанасій, въ данномъ случаѣ, дѣйствовалъ неблагоразумно.

Другою важною мѣрою, къ которой прибѣгаетъ Аѳанасій для введенія порядка въ дѣлахъ, касающихся церкви,—было изгнаніе провинціальныхъ архіереевъ, проживавшихъ въ столицѣ. Тотъ-же Григора пишетъ: «Тому-же подверглись (т. е. вынуждены были оставить столицу) и многіе архіереи. Ихъ было—продолжаетъ историкъ—очень много, и все были люди ученые (?), знатоки церковныхъ законовъ. Итакъ тѣхъ архіереевъ, которые находились въ Константинополѣ по какой-либо надобности, Аѳанасій отправилъ въ ихъ митрополіи, гдѣ и должны были оставаться до конца жизни. Проживая здѣсь—говорилъ патріархъ,—пусть не наговариваютъ они другъ на друга и на меня самого,—они обязанные быть учителями мира. Что-же касается до тѣхъ, которые приходили со стороны подъ предлогомъ соборовъ, бывающихъ дважды или однажды въ годъ, для совѣщанія о догматахъ благочестія и разрѣшенія практическихъ церковныхъ вопросовъ, то имъ онъ воспретилъ въѣздъ въ Константинополь. Каждому слѣдуетъ, говорилъ патріархъ, пасти врученную ему паству и руководить своихъ овецъ, находясь при нихъ-же, а не проживать въ столицѣ и только получать оттуда доходы. Конечно, найдется, кто не похвалитъ ни той ни другой стороны, потому что ни та ни другая сторона—заявляетъ историкъ—не осталась въ предѣлахъ умѣренности и законности» [172]).

Мы не лишены возможности провѣрить это извѣстіе историка объ отношеніи патріарха къ архіереямъ, которые толклись въ столицѣ. Дошедшія до насъ письма Аѳанасія, главнымъ образомъ касаются этого рода дѣл-

---

172) Ibidem.

тельности патріарха [173]). Далѣе мы увидимъ: правъ ли былъ Григора полускептически отзываясь о разсматриваемомъ мѣропріятіи патріарха. Если читаемъ и изучаемъ письма Аѳанасія, то приходимъ къ тому заключенію, что въ борьбѣ съ архіереями, празднопроживавшими въ столицѣ, патріархомъ руководила исключительно ревность къ благу церковному. Въ нихъ даже не обнаруживается той суровости, которая составляла, повидимому, характеристическую черту Аѳанасія. Въ своихъ письмахъ, писанныхъ большею частію къ епископамъ, которыхъ ему хотѣлось удалить изъ столицы, патріархъ раскрываетъ совершенно вѣрныя мысли, что достойный своего званія архіерей долженъ жить среди своей паствы, а не проживать въ столицѣ часто безъ всякихъ поводовъ, кромѣ нежеланія жить гдѣ-нибудь въ глуши. Аѳанасій не разъ говоритъ въ своихъ письмахъ, что побужденіемъ къ пребыванію, архіереевъ въ столицѣ служитъ: вмѣшательство въ выборы патріарховъ Константинопольскихъ (какъ извѣстно быстро мѣнявшихся): они интриговали противъ управляющаго церковію патріарха, старались объ его низверженіи и съ живостію отдавались вопросу о выборѣ новаго патріарха [174]). По словамъ Аѳанасія, епископы, проживавшіе въ столицѣ, тотчасъ-же по выборѣ новаго патріарха начинали подкапываться подъ него, судить-рядить его

---

[173]) Письма Аѳанасія (у Миня) напечатаны частію въ оригиналѣ, а частію въ латинскомъ переводѣ. Хронологія писемъ совершенно не установлена. Это сырой матеріалъ, въ которомъ трудно разобраться. Вообще хронологія всего (двукратнаго) патріаршествованія Аѳанасія остается темной: въ письмахъ нѣтъ датъ, а историки, кажется, мѣшаютъ факты перваго патріаршества Аѳанасія съ фактами втораго.

[174]) Migne, Gr. tom. 142. Epist. 2, p. 517; epist. 4, p. 520; epist. 6 (къ императору), p. 526.

жизнь и дѣянія. Они постоянно выдумывали обвиненія на патріарха, безславили и марали его, чтобы только его низвергнуть [175]). Оставаясь въ столицѣ, они заработывали деньги участіемъ въ судѣ и вообще вмѣшивались во все происходящее [176]). О своихъ паствахъ и не помышляли эти мнимые пастыри. Патріархъ говоритъ: «увы, уже не пастыри пасутъ овецъ, а сами пасутся овцами, получая отъ нихъ хлѣбъ». Въ другомъ мѣстѣ Аѳанасій еще образнѣе выражается, пиша: «вы только и знаете одно—послать такого человѣка, который умѣлъ-бы доить (mulgere) стадо ваше» [177]). Епископами, не желавшими жить среди своей паствы, а желавшими оставаться въ столицѣ, изобрѣталось множество къ тому поводовъ: они утверждали, что имъ будто-бы нужно хлопотать о чемъ нибудь предъ гражданскимъ начальствомъ, дать подписку, участвовать въ хиротоніи, получить хризовулъ [178]). Письма Аѳанасія, по своему содержанію, иногда такъ близко совпадаютъ съ извѣстіями Григоры, что мы склонны думать, что историкъ пользовался этими матеріалами въ своемъ сочиненіи. Но если Григора и зналъ переписку Аѳанасія, то, во всякомъ случаѣ, онъ не исчерпалъ всего содержанія ея. Такъ изъ подлинныхъ писемъ самого Аѳанасія видимъ, что къ одному епископу (Апамейскому), онъ троекратно обращался съ увѣщаніемъ покинуть столицу и возвратиться къ паствѣ [179]). Назовемъ-ли черезъ чуръ строгимъ такого начальника, который троекратно обращается къ нисшему его лицу съ одной и той-же просьбой? Изъ тѣхъже писемъ видно, что всѣ личныя старанія патріарха

175) Ep. 4, 520.
176) Epist. 6, p. 526.
177) Epist. 4, p. 520.
178) Ibidem.
179) Epist. 4, pag. 519.

уничтожить зло, состоявшее въ томъ, что епископы слишкомъ долго загащивались въ столицѣ, не приводили къ цѣли; какъ, наконецъ, патріархъ вынужденъ былъ письмомъ умолять императора выгнать упорныхъ архіереевъ изъ столицы. «Почему ты не повелишь—пишетъ патріархъ Андронику,—чтобы каждый изъ нихъ оставался при своей паствѣ? И если ты самъ не захочешь этого сдѣлать; изъ уваженія къ нимъ, не станешь заставлять ихъ дѣлать, что они должны, я самъ, противъ ихъ воли, изгоню ихъ изъ города и дамъ отчетъ Богу въ своей смѣлости» [180]). Если въ патрологіи Миня письма Аѳанасія, по разсматриваемому вопросу, расположены въ хронологическомъ порядкѣ, то къ императору патріархъ обращается въ концѣ концевъ,—тогда, когда его увѣщанія оставались безъ дѣйствія. Итакъ мы видимъ, что нѣтъ основаній соглашаться съ Григорой, что «найдутся конечно такіе, кто не похвалитъ патріарха», изгнавшаго вышеупомянутыхъ епископовъ. Если-бы и нашлись такіе, то ихъ сужденіе поверхностно. Патріархъ дѣлалъ дѣло нужное и полезное для церкви. Не онъ первый началъ это, и не онъ, конечно, и кончилъ. Еще въ цвѣтущія времена церкви, святитель Іоаннъ Златоустъ буквально прогонялъ нѣкоторыхъ епископовъ-смутотворцовъ изъ Константинополя.

Одно повергаетъ насъ въ большое недоумѣніе. Историкъ замѣчаетъ, что Аѳанасій наложилъ тяжелую руку на «ученыхъ клириковъ» и изгонялъ епископовъ «людей ученыхъ». Если повѣствователь не фантазируетъ, то выходитъ, что патріархъ изгонялъ не всѣхъ архіереевъ, а по выбору—только такихъ, которые извѣстны были просвѣщеніемъ. Не значитъ-ли это, что патріархъ былъ врагомъ богословской

---

[180]) Epist. 6, p. 526.

науки? Изъ писемъ патріарха этого не видно, а потому извѣстіе Григоры оставимъ на совѣсти этого историка.

Третье архипастырское мѣропріятіе Аѳанасія составляетъ урегулированіе жизни монашеской—главнымъ образомъ въ столицѣ, гдѣ монахи слабо соблюдали правила аскетизма (какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ писатели XII, XIII и XIV вѣка: Евстаѳій Ѳессалоникскій, Никита Хоніатъ, Григора). Вотъ извѣстія по этому поводу историка Григоры: «Тѣмъ, которые рѣшились вести монашескую жизнь, Аѳанасій не позволялъ ни того, что доставляетъ удовольствія чреву, ни того, что требуетъ кошелька, ни того, что соединено съ большими хлопотами. Если-же оказывалось, что кто нибудь имѣлъ что нибудь такое, тотъ по неволѣ и со стыдомъ долженъ былъ разстаться съ нимъ. Онъ порицалъ тѣхъ, которые, избравъ монашество — этотъ простой и скромный образъ жизни, однакожъ не хотѣли ходить пѣшкомъ; онъ внушалъ имъ, чтобъ они довольствовались собственными ногами, если ихъ путь не заходилъ за черту города, впрочемъ онъ не позволялъ имъ расхаживать, когда вздумается, но предписывалъ въ этомъ отношеніи осторожность и запрещалъ имъ являться на площадяхъ, гдѣ можно насмотрѣться и наслушаться много такого, что не сообразно съ монашескимъ умонастроеніемъ. Во всякомъ случаѣ онъ не позволялъ выходить изъ монастыря безъ разрѣшенія настоятеля. Въ особенности онъ находилъ неприличнымъ ѣзду монаховъ на рьяныхъ коняхъ по шумнымъ улицамъ, площадямъ и зрѣлищамъ (?). Патріархъ увѣщевалъ монаховъ брать примѣръ съ него, такъ какъ онъ не ѣздилъ на животныхъ и ходилъ пѣшкомъ. Онъ не оставилъ безъ вниманія и тѣхъ одиночекъ-подвижниковъ, которые или заключа-

ли себя въ келлійкахъ или же, выдавая себя за подвижниковъ, ходили по знатнымъ домамъ, легко обольщали вѣтренницъ (?), овладѣвали ими, дѣйствуя на нихъ внѣшнимъ видомъ и имѣя наружность овецъ, тогда-какъ внутри были хуже хищныхъ волковъ. Встрѣчались между этими одиночками-подвижниками и такіе, которые принимали на себя видъ изступленныхъ, но въ дѣйствительности были людьми тщеславными и корыстными. Всѣхъ такихъ и подобныхъ лицъ Аѳанасій подчинилъ суровой монашеской дисциплинѣ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ помѣстилъ въ общежительные монастыри, предписывая имъ всецѣло соблюдать отреченіе отъ своей воли. А съ тѣми изъ нихъ, на которыхъ было мало надежды, и которые носили въ своемъ сердцѣ неизлѣчимую болѣзнь своеволія, онъ поступалъ такъ: или заключалъ въ строжайшій затворъ, спасая ихъ противъ ихъ воли, или выгонялъ изъ столицы. Такимъ образомъ, не видно стало на площадяхъ и улицахъ мущинъ и женщинъ, одѣтыхъ въ монашеское платье, но не бывшихъ дѣйствительными монахами, подчиненными строгимъ правиламъ». Передавъ эти свѣдѣнія о борьбѣ Аѳанасія съ безпорядками среди монашества, историкъ добавляетъ: «какъ было-бы хорошо, еслибы его правила и порядки сохранились и при его преемникахъ въ томъже видѣ, въ какомъ они были во время патріаршества Аѳанасія. И конечно, еслибы онъ подольше пробылъ на патріаршей каѳедрѣ, то заведенные порядки монашеской жизни утвердились-бы прочнѣе и остались на болѣе продолжительное время». Въ заключеніе историкъ съ сожалѣніемъ прибавляетъ, что старанія Аѳанасія объ улучшеніи монашескаго сословія не имѣли дѣйствительнаго успѣха, потому что послѣ его патріаршества «въ святыя обители вторглись снова

всѣ недуги, какіе только можетъ придумать діавольская злоба» [181]).

Исчислимъ нѣкоторыя и другія стороны дѣятельности патріарха Аѳанасія, въ которыхъ выразилось тоже желаніе его возвысить нравственный уровень Византійскаго общества. Патріархъ обличалъ всякаго, сдѣлавшагося ему извѣстнымъ, попрателя законовъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неумолимъ. Его обличеніе не щадило и лицъ высокопоставленныхъ. Историкъ Григора пишетъ: «негодованіе на законопреступниковъ въ немъ было такъ велико и открыто, что не только тѣ, которые доводились родней царю, но и сами его сыновья боялись его поразительной смѣлости и обличеній больше, чѣмъ приказаній самого царя». При чемъ, обличаемые патріархомъ, не осмѣливались противорѣчить ему, показывали сдержанность и опасливость, потому что Андроникъ уважалъ патріарха за его безукоризненную жизнь [182]). Между письмами патріарха Аѳанасія есть одно, которому издатели даютъ такое заглавіе: «письмо Аѳанасія къ императору Андронику о томъ, чтобы онъ наставлялъ дѣтей своихъ и всѣхъ подданныхъ тому, что угодно Богу». Письмо начинается такъ: «почему ты не учишь дѣтей своихъ тому, что пріятно Богу? почему ты не учишь должному подданныхъ, какъ подобаетъ отцу дѣтей» (дальше слѣдуютъ, впрочемъ, общія разсужденія) [183]). Видно, что строгая ревность патріарха обращалась и на самого царя. Всякій-ли патріархъ сдѣлалъ бы это?

Есть основанія полагать, что Аѳанасій очень ревностно заботился о водвореніи благочинія въ храмахъ,

---

181) Григоры, кн. VI, гл. 5.
182) Ibidem.
183) Migne, tom. 142, p. 512—513.

напр., въ знаменитомъ Софійскомъ. Издателямъ произведеній Византійской письменности извѣстны, къ сожалѣнію только по заглавію, между прочимъ два слѣдующія письма патріарха къ императору. Въ одномъ подвергаются порицанію тѣ, кои приходятъ съ императоромъ въ катехуменіи (верхнія отдѣленія древне-христіанскаго храма) [184]) и помышляютъ не о молитвѣ, а о сладострастіи» [185]). Въ другомъ письмѣ патріархъ ведетъ рѣчь «о достопочтенныхъ храмахъ», разъясняетъ, что «не должно никому позволять жить въ катехуменіяхъ» [186]), и что «божественные храмы не тоже, что и обыкновенные домы» [187]).

Всѣ эти и подобныя проявленія архипастырской дѣятельности Аѳанасія, вѣроятно слишкомъ суровой и рѣзкой въ нѣкоторыхъ случаяхъ, привели къ тому, что общество церковное и гражданское сильно вознегодовало на патріарха. Пахимеръ очень рѣшительно говоритъ о той ненависти, какую возбудилъ патріархъ въ Византійскомъ обществѣ своими мѣрами. По словамъ историка, Аѳанасій для всѣхъ сдѣлался крайне тяжелъ своею цензурою, простирающеюся до послѣднихъ мелочей [188]). Его необычную суровость объясняли строго-монашескою его предшествующею жизнію и незнаніемъ обычаевъ свѣта [189]). По замѣчанію Пахимера, явно не безпристрастному, въ Византійской церкви и государствѣ будто-бы отъ мѣропріятій патріарха вышелъ такой-же хаосъ, о какомъ говорилъ философъ Анаксагоръ, какъ первоначальной

---

184) О катехуменіяхъ см. А. Лебедева. «Исторія Константинопольскихъ соборовъ IX в.», стр. 64—65.

185) Migne, tom. 142, p. 474. № 27.

186) Подобныя-же дѣянія обличалъ еще Трулльскій соборъ.

187) Migne, ibid. p. 476. № 49.

188) Pachymeris. De Andronico. Lib. II, cap. 16, p. 148.

189) Ibidem 151.

стадіи бытія міра [190]). Патріархъ вынужденъ былъ подать прошеніе Андронику о своей отставкѣ. Даже и Григора не скрываетъ, что такое прошеніе вызвано было общимъ негодованіемъ на патріарха. «Оно, прошеніе, говоритъ историкъ, было вызвано возмущеніемъ всѣхъ архіереевъ, монаховъ и мірянъ, которые не могли долѣе сносить духовной суровости патріарха; они сначала бранили его тайно, сквозь зубы, а потомъ и открыто, почти въ глаза и въ его присутствіи; они готовы были даже растерзать его (sic!), если-бы онъ долѣе сталъ удерживать за собой патріаршество» [191]). Самъ императоръ не счелъ болѣе возможнымъ поддерживать патріарха, и онъ удалился въ одинъ монастырь.

Патріархъ оставилъ каѳедру, но не хотѣлъ помириться съ своею участью. Онъ задумалъ дѣло странное, нелѣпое—отомстить за свое униженіе всей Византійской церкви и отомстить самымъ удивительнымъ образомъ. Григора, возмущаясь этимъ нелѣпымъ дѣяніемъ патріарха, въ такихъ чертахъ описываетъ изумительный поступокъ Аѳанасія. «Взявъ листъ бумаги, Аѳанасій собственноручно написалъ на немъ эпитемію отлученія на все царское семейство, на архіереевъ, на клириковъ, на высшее сословіе и простой народъ за то, что не позволили ему удержать патріаршество до конца его жизни. Потомъ, положивъ грамоту въ половинки раковины, бросилъ ее въ какое-то углубленіе въ стѣнѣ Софійскаго храма. Здѣсь она и скрывалась цѣлый годъ. Затѣмъ, она неожиданно была найдена мальчиками, искавшими гнѣздъ во впадинахъ стѣнъ. Грамота была показана сначала клиру Св. Софіи, а наконецъ и царю. Молва о ней прозвонила уши

---

190) Ibid. 150.
191) Григоры, кн. VI, гл. 7.

всѣхъ, поднялся всеобщій ропотъ, и если-бы царь не успѣлъ сдержать волненіе, недовольные, пожалуй-бы, растерзали Аѳанасія. Это принесло, замѣчаетъ историкъ, большой срамъ бывшему патріарху и связало языки его защитниковъ». Григора далѣе разсуждаетъ, почему такая тайная епитимія должна быть признана не соотвѣтствующею своей цѣли — и его разсужденія вполнѣ вѣрны. Григора говоритъ о вышеупомянутой грамотѣ вообще, не раскрывая подробностей. Другой историкъ — Пахимеръ приводитъ большіе отрывки изъ этой хартіи, которые, по своему характеру, представляются болѣе мягкими, чѣмъ какъ представляется по Григорѣ [192]). Кромѣ этой грамоты Аѳанасій написалъ письмо къ императору, въ которомъ онъ отказывается отъ каѳедры, но при этомъ, какъ съ одной стороны выражаетъ горделивую увѣренность въ своей святости, такъ и подвергаетъ отлученію и анаѳемѣ своихъ враговъ въ сей и будущей жизни [193]). Но доскажемъ любопытную исторію съ грамотою отлученія. Императоръ Андроникъ, по открытіи ея среди птичьихъ гнѣздъ, послалъ ее къ экс-патріарху Аѳанасію и спрашивалъ, что это значитъ? Аѳанасій, къ чести его, не настаивалъ на важности своей грамоты, смягчился, просилъ й себѣ прощенія и прощалъ всѣхъ. «Такъ-то разыгралась, сверхъ всякаго чаянія, говоритъ Григора, эта драма» [194]). Нѣтъ сомнѣнія, ничѣмъ такъ Аѳанасій не повредилъ себѣ въ мнѣніи современниковъ и потомства, какъ этою странною грамотою. Аѳанасій, при всѣхъ его аскетическихъ достоинствахъ, нужно полагать—былъ не чуждъ честолюбія. Какъ скоро Аѳа-

---

192) Pachymeris. Lib. II, cap. 23.

193) Migne, tom. 142: Addicatio prioris patriarchatus, p. 482. Conf. Pachym. ibid, p. 171—173.

194) Григоры, VI, 7. Pachym. Lib. III, cap. 24, p. 249—253.

насій почувствовалъ себя сошедшимъ съ патріаршей каѳедры, онъ совершенно растерялся: началъ дѣйствовать какъ человѣкъ, потерявшій всякое самообладаніе и благоразуміе.

По отреченіи Аѳанасія отъ патріаршества, Константинопольскую каѳедру занялъ *Іоаннъ Созопольскій* (1294 — 1304). Онъ родомъ былъ изъ города Созополя. Вначалѣ онъ былъ простымъ священникомъ, не принадлежавшимъ, впрочемъ, ни къ какому приходу, (ἰδιῶς), былъ женатъ; но потомъ оставилъ жену и сдѣлался монахомъ въ одномъ Константинопольскомъ царскомъ монастырѣ Архангела Михаила. Будучи монахомъ, онъ проявилъ ревность по благочестію, не принялъ Ліонской уніи, а потому, по волѣ Михаила Палеолога, сосланъ былъ въ ссылку. Впослѣдствіи участь его была смягчена и онъ проводилъ жизнь въ уединенной келліи на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ. О доблести его и добродѣтеляхъ узналъ императоръ Андроникъ при посредствѣ одного важнаго сановника Тарханіота Главаса (Γλαβᾶς). Андроникъ вызвалъ его въ Константинополь и сдѣлалъ его здѣсь настоятелемъ одного монастыря. Императору онъ очень понравился; Андроникъ сдѣлалъ его духовникомъ своимъ и говорилъ: если церковь признаетъ Косьму (такъ онъ назывался до патріаршества) по его (Косьмы) кончинѣ святымъ, то онъ даетъ свое согласіе на это, а если церковь не сдѣлаетъ этого, то онъ самъ, императоръ, лично все-таки будетъ считать его за святого [195]). Византійскіе историки хвалятъ Іоанновы добродѣтели, простоту жизни, кротость, которыми онъ отличался до своего возвышенія въ патріархи. Но что касается образованности, то онъ былъ совершенно чуждъ ея [196]). Императоръ

---

[195]) Pachymeris. De Andronico, lib. II, cap. 27.
[196]) Pachymeris, ibid. Григоры, VI, 7 (fin).

весьма сильно желалъ видѣть Косьму патріархомъ и Константинопольскій синодъ исполнилъ царскую волю, избравъ его въ архипастыри столицы. Любопытно узнать, по какому случаю монахъ Косьма, при посвященіи его въ патріархи, переименованъ былъ «Іоанномъ». Разсказъ объ этомъ обстоятельствѣ находимъ у Пахимера. Одинъ монахъ Григорій, принадлежавшій къ братіи Пантенонтова монастыря, согласно распространенному обычаю того времени погадалъ на какой-то магической книгѣ, и книга эта сказала ему, что теперь будетъ патріархомъ «Іоаннъ». Началъ съ настойчивостью говорить, что будто ему было откровеніе, что патріархомъ долженъ быть именно «Іоаннъ». Когда-же избранъ былъ не Іоаннъ, а Косьма, онъ утверждалъ, что невозможно, чтобы избранный патріархъ остался съ именемъ Косьмы. И замѣчательно, на слова Григорія обращено было вниманіе и Косьма, въ самый день посвященія его въ патріархи, переименованъ «Іоанномъ» [197]). Странное суевѣріе!

Къ сожалѣнію, всѣ надежды, какія возлагались императоромъ на новаго патріарха, — не оправдались. Андроникъ воображалъ, что, благодаря достоинствамъ Іоанна Созопольскаго, въ церкви водворится миръ и благоденствіе: «зиму смѣнитъ пріятная весна, морскую бурю — тишина» [198]); но не то послѣдовало. Іоаннъ въ значительной мѣрѣ повторилъ собою Аѳанасія по его дѣятельности и направленію. Въ Іоаннѣ пришлось разочароваться и клиру и царю. Константинопольскіе клирики съ радостію приняли вѣсти объ избраніи Іоанна въ патріархи, потому что самимъ имъ случалось слышать отъ него, какъ несправед-

---

[197]) Pachymeris, ibid. cap. 28, p. 185—186.
[198]) Pachymeris, ibid. cap. 27, p. 184.

ливо поступаетъ Аѳанасій, предоставляя мѣста епископскія и болѣе видныя церковныя должности однимъ монахамъ, съ отстраненіемъ лицъ бѣлаго духовенства. Но что-же послѣдовало? Лишь только Іоаннъ самъ сдѣлался патріархомъ, какъ началъ говорить и дѣйствовать иначе, чѣмъ какъ можно было ожидать. Монахи опять получили явное и несправедливое преимущество предъ лицами Константинопольскаго клира. [199]) Даже самые епископы Константинопольскаго церковнаго округа настолько почувствовали на себѣ тяжесть деспотизма патріарха Іоанна, что рѣшились войти къ императору съ представленіемъ, направленнымъ противъ патріарха. Они жаловались царю, что патріархъ не обращаетъ вниманія на соблюденіе церковныхъ правилъ и пренебрегаетъ утвержденіемъ дисциплины въ управленіи церковію (нужно сказать, что патріархъ подъ впечатлѣніемъ какой-либо обиды имѣлъ обыкновеніе бросать управленіе церковію и заключаться въ монастырь «Всеблаженной»); заявляли, что всѣ дѣла патріархъ рѣшаетъ самъ и ни во что ставитъ голосъ прочихъ архіерсевъ; говорили, что рѣшенія, составленныя въ Константинопольскомъ соборѣ, онъ отмѣнялъ своею властію, произвольно и безъ всякаго основанія; выставляли на видъ даже его корыстолюбіе, вслѣдствіе котораго онъ оставлялъ незамѣщенными нѣкоторыя церковныя должности, присвояя себѣ доходы съ нихъ; наконецъ, вышеупомянутые епископы, какъ прямое злоупотребленіе со стороны патріарха выставляли то, что должность великаго эконома онъ поручилъ своему собственному сыну Ефрему, человѣку сребролюбивому, проводившему жизнь разсѣянную. [200])

---

[199]) Pachymeris, cap. 28, p. 186—187.
[200]) Pachymeris, lib. IV, cap. II, p. 300—301.

Съ самимъ императоромъ у патріарха происходили столкновенія и притомъ довольно крупныя. Иногда эти столкновенія, повидимому, не имѣютъ для себя никакой сколько нибудь твердой почвы и проистекаютъ изъ желанія патріарха не дѣлать того, чего желаетъ царь. Такъ императоръ Андроникъ, объявивъ сына своего Михаила соправителемъ, пожелалъ, чтобы патріархъ и синодъ издали опредѣленіе, направлявшееся противъ возможныхъ враговъ царской власти самого Андроника и сына его Михаила. Синодъ, руководимый патріархомъ, отказалъ императору въ этой просьбѣ, повидимому не заключавшей въ себѣ ничего несообразнаго съ законами. [201]) Другой случай столкновенія патріарха съ императоромъ возникъ изъ за того, что Іоаннъ никакъ не хотѣлъ допустить брака дочери императора Андроника съ королемъ Сербскимъ. Правда этотъ бракъ представлялся не натуральнымъ. Сербскій король былъ уже почтенныхъ лѣтъ, а дочь Андроника (Симонида) была малолѣтняя; вообще бракъ этотъ имѣлъ политическія цѣли. [202]) Конечно, было бы поступкомъ достойнымъ патріарха, если бы онъ старался разъяснить императору, что не слѣдовало-бы отдавать малолѣтнюю дѣвицу за пожилого человѣка, что не слѣдовало-бы такую священную вещь, какъ бракъ, дѣлать средствомъ къ достиженію мірскихъ и политическихъ разсчетовъ. Но патріархъ не объ этомъ печалился. Онъ всячески старался растор-

---

[201]) Pachymeris, lib. III, cap. III, p. 197—8. Подробнѣе объ этомъ было уже сказано въ очеркѣ—IV—тамъ, гдѣ говорилось объ отношеніи Андроника Старшаго къ церкви.

[202]) Симонида была обручена (что по Византійскимъ понятіямъ почти равнялось браку) съ королемъ и была увезена имъ въ Сербію. Во всякомъ случаѣ дѣло было сдѣлано и передѣлать его было трудно.

гнуть этотъ бракъ, ссылаясь на различнаго рода каноническія препятствія, которыя онъ усматривалъ въ исторіи жизни Сербскаго короля. Очевидно патріархомъ руководятъ не чувства гуманности и не представленіе о бракѣ, какъ святынѣ, а желаніе во что-бы то ни стало досадить царю по поводу брака, котораго такъ домогался Андроникъ. Что не одно желаніе охранять каноны церковные побуждало патріарха подвергать порицанію вышеупомянутый бракъ — это видно изъ того, что во время бесѣды царя съ патріархомъ по поводу этого вопроса, первый счелъ умѣстнымъ упрекать послѣдняго въ различнаго рода безпорядкахъ государственныхъ, допускаемыхъ и терпимыхъ Андроникомъ. Разсказывая эту исторію, мы не думаемъ обѣлять царя и, съ другой стороны, очернять патріарха. Для насъ достаточно констатировать тотъ фактъ, что патріархъ своимъ образомъ дѣйствованія раздражалъ Андроника. [203])

Всѣ вышеупомянутые факты даютъ видѣть, что Іоаннъ не оправдалъ ожиданій, возлагаемыхъ на него царемъ и духовенствомъ. Патріархъ со всѣми разошелся. Вслѣдствіе чего у императора явилось настойчивое намѣреніе лишить его патріаршей каѳедры, чего Андроникъ наконецъ и добился. Іоаннъ оставилъ каѳедру сильно разгнѣванный, такъ-что выѣхалъ изъ столицы, не простившись съ царемъ. Остатокъ дней своихъ экс-патріархъ провелъ на родинѣ въ Созополѣ, жалуясь на несправедливость царя и злобу враговъ. [204])

Едва успѣлъ Іоаннъ Созопольскій покинуть каѳедру патріаршую, какъ ее вторично занялъ *Аѳанасій* (1304—1311), бывшій архипастыремъ столицы предъ Іоанномъ. Императоръ Андроникъ Старшій еще въ

---

[203]) Pachymeris, lib. IV, cap. 8—9, p. 291—293.
[204]) Pachymeris, lib. V, cap. 3, p. 377. 381; cap. 7, p. 384.

правленіе церковію Іоанна пришелъ къ мысли о возстановленіи Аѳанасія на патріаршествѣ. Такое намѣреніе императора не можетъ не казаться страннымъ: развѣ первое патріаршество Аѳанасія удовлетворило церковь и общество Византійское? Для объясненія намѣренія императора историкъ разсказываетъ длинную исторію о томъ, какъ Аѳанасій будтобы предрекъ землетрясеніе въ Константинополѣ, какъ это пророчество исполнилось, какъ все это подѣйствовало на Андроника и побудило его рѣшиться призвать Аѳанасія снова на патріаршество [205]). Мы конечно должны были-бы удовлетвориться такимъ объясненіемъ страннаго факта — вторичнаго призванія Аѳанасія къ управленію церковію, еслибы захотѣли удовлетвориться всякимъ объясненіемъ, не претендуя на его серьезность и убѣдительность. Но, кажется, вышеуказаннымъ объясненіемъ удовлетвориться нельзя. Даже во времена Андроника и Аѳанасія не всѣ въ Византіи вѣрили тому, что будто пророчество Аѳанасія о землетрясеніи побудило царя призвать снова Аѳанасія къ кормилу церковному. Григора пишетъ: «почти всѣ архіереи и священники, всѣ клирики, можно сказать всѣ чиновники вспомнили суровость патріарха (когда распространилась молва о желаніи царя поставить Аѳанасія опять патріархомъ), какою онъ нѣкогда отличался. Поэтому не повѣрили рѣчамъ царя о землетрясеніи и пророчествѣ Аѳанасія и ворчали про себя, что это выдумка царя, который желая снова посадить его на патріашество и вмѣстѣ оправдать свое расположеніе къ нему, пустилъ о немъ такой ложный слухъ» [206]).

---

[205]) Pachymeris. De Andronico. Lib. IV, cap. 34—35, p. 359 et. cet. Григоры, кн. VII, гл. 1. Эта исторія со всѣми подробностями передана проф. Троицкимъ. Христ. Чт. 1871, т. II, 227—237.

[206]) Григоры, кн. VII, гл. 1.

Намъ думается, что подобные скептики были ближе къ истинѣ, чѣмъ тогдашніе историки, разсказывающіе о пророчествѣ Аѳанасія и значеніи этого пророчества въ судьбахъ разсматриваемаго архипастыря. Мы не рѣшаемся утверждать, что Андроникъ выдумалъ фактъ пророчества Аѳанасіева, но полагаемъ, что царь воспользовался, хотя дѣйствительнымъ, но не имѣвшимъ значенія фактомъ пророчества, какъ поводомъ къ возстановленію Аѳанасія. Очень возможно, не будь у Андроника желанія возстановить Аѳанасія онъ не обратилъ-бы вниманія на пророчество если-же теперь онъ обращаетъ вниманіе на него, то это доказываетъ, что царь и раньше склоненъ былъ возвратить Аѳанасія и потому воспользовался теперь первымъ представившимся предлогомъ къ осуществленію своего намѣренія. Остается однако вопросъ и притомъ не легкій: что заставляло царя призвать къ власти Аѳанасія, который раньше уже довольно показалъ себя неспособнымъ къ плодотворному властвованію? На это могли быть разныя причины: во первыхъ, патріархъ Аѳанасій и императоръ никогда не имѣли личныхъ столкновеній: можно утверждать, что они другъ-друга уважали, чего нельзя сказать объ отношеніяхъ императора и только что низвергнутаго Іоанна Созопольскаго; во вторыхъ, императоръ могъ предполагать, что наученный опытомъ перваго патріаршества, Аѳанасій при вторичномъ восшествіи на патріаршую каѳедру будетъ благоразумнѣе и мягче; въ третьихъ, почему не предположить, что и самое первое патріаршество Аѳанасія было не такъ жестоко и сурово, какъ оно изображено Пахимеромъ: сохранившіяся до насъ письма Аѳанасія, не даютъ права всегда и за все порицать Аѳанасія, какъ дѣлаетъ тотъ-же Пахимеръ. Такими и подобными причинами можно объяснить себѣ фактъ

вторичнаго призванія Аѳанасія на патріаршую каѳедру. Но если Андроникъ возлагалъ надежды на Аѳанасія, призывая его снова на патріаршество, то эти надежды не осуществились. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ историки того времени. Уже съ самаго начала второго патріаршества Аѳанасія ясно обнаружилось, что у него много враговъ и сладить съ ними не представлялось возможности. Григора очень опредѣленно говоритъ, что вступленіе Аѳанасія снова въ управленіе смутило многихъ: многіе «вспомнили его суровость, какою онъ нѣкогда отличался. Это обстоятельство не мало смутило почти всѣхъ (?) архіереевъ и священниковъ, всѣхъ настоятелей монастырей и всѣхъ клириковъ и всѣхъ (?) вообще состоявшихъ на общественныхъ должностяхъ»[207]). О такомъ отношеніи разныхъ классовъ общества къ Аѳанасію, по словамъ Пахимера, зналъ и самъ царь[208]). Одновременно съ возведеніемъ Аѳанасія на каѳедру множество духовенства совершенно отложилось отъ власти патріарха: цѣлая половина епископовъ, многіе игумены и нѣкоторые клирики рѣшили не имѣть общенія съ патріархомъ[209]); возникъ почти формальный расколъ. Въ числѣ лицъ, враждебно расположенныхъ къ новому патріарху, былъ и Александрійскій патріархъ, по имени тоже Аѳанасій, уже давно проживавшій въ Константинополѣ. Патріархъ Александрійскій очень уважался въ столицѣ за его разсудительность и ловкость. По своимъ религіозно-умственнымъ симпатіямъ, онъ больше тяготѣлъ къ бывшему патріарху Іоанну Векку, и теперь стоялъ во главѣ лицъ, хранившихъ лучшую память объ этомъ уче-

---

207) Григоры, VII, гл. 1.
208) Pachymeris, lib. IV, cap. 35, p. 365.
209) Pachymeris, lib. V, cap. 7, p. 384.

номъ, но увлекавшемся и злополучномъ патріархѣ. Какъ приверженецъ Векка, Аѳанасій Александрійскій не сочувствовалъ Аѳанасію Константинопольскому, представлявшему собою во многихъ отношеніяхъ противоположность Векку. По чувству нерасположенія къ нему, архипастырь Александрійскій сочинилъ даже ѣдкую сатиру на него и пустилъ ее въ ходъ. Сатирикъ дождался наконецъ того, что его выслали изъ столицы, но это ни мало не помогло Аѳанасію Константинопольскому [210]): остались въ столицѣ приверженцы Аѳанасія Александрійскаго, которые не переставали вредить Аѳанасію Константинопольскому. — Возстали на новаго патріарха Константинопольскаго и тѣ архіереи и клирики, которые приняли посвященіе отъ руки Іоанна Созопольскаго; они боялись, чтобы Аѳанасій, возстановленный на патріаршей каѳедрѣ и такимъ образомъ какъ-бы признанный несправедливо низверженнымъ, не объявилъ ихъ лишенными церковныхъ степеней, такъ какъ они посвящены такимъ патріархомъ, который на взглядъ Аѳанасія представлялся узурпаторомъ [211]).

Управленіе церковью, какъ оно происходило во второе патріаршество Аѳанасія, не только никого изъ враговъ не примирило съ нимъ, но еще болѣе раздуло взаимную вражду. Константинопольскіе клирики, по извѣстіямъ Пахимера, стѣснены были патріархомъ въ разныхъ отношеніяхъ до послѣдней степени. Патріархъ захотѣлъ поставить ихъ на строго-монашескую ногу. Онъ вздумалъ подчинить ихъ тѣмъ-же правиламъ, которыми должны руководиться дѣйствительные

---

210) Григоры, кн. VII, гл. 1. Pachymeris, lib. 1, cap. 19, p. 55; lib. II, cap. 5, p. 120—121; lib. V, cap. 20, p. 409; lib. VII, cap. 8, p. 579.

211) Pachymeris, lib. V, cap. 2, p. 372.

монахи. Такъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что клирикамъ приличо соблюдать евангельскія требованія о нестяжательности, патріархъ отнялъ у нихъ церковные доходы, приказавъ имъ выдавать самый скудный годовой окладъ. Въ Софійскомъ храмѣ заведены были какія-то денныя и ночныя службы, такъ-что клирики почти лишены были возможности отдохнуть отъ труда; бѣдность ихъ простиралась такъ далеко, что, возвратившись домой отъ церковныхъ службъ, они, за неимѣніемъ прислуги, сами себѣ должны были готовить скудную пищу. Нѣкоторые изъ клириковъ жаловались, что они дошли до такой бѣдности, что имъ остается одно: ходить по чужимъ домамъ и сбирать милостыню, къ униженію своего званія. Значительное число церковныхъ должностей занято было, по приказанію патріарха, монахами. Ропотъ среди Константинопольскихъ клириковъ все увеличивался и увеличивался. Они входили съ своими представленіями относительно тяжести и бѣдственности ихъ положенія и къ патріарху и самому царю, но ихъ жалобы оставлялись безъ вниманія [212]).

Но не одни Константинопольскіе клирики чувствовали тяжесть суроваго Аѳанасіева режима. Монахи и все вообще Византійское общество должны были извѣдать на себѣ строгость патріарха. Между неизданными письмами патріарха Аѳанасія есть одно съ такимъ заглавіемъ: «къ императору—въ которомъ испрашивается, чтобы изданъ былъ эдиктъ, которымъ запрещалось-бы съ субботы на воскресенье и въ воскресенье всѣмъ посѣщать бани и харчевни» [213]). Вѣроятно подъ вліяніемъ этого письма императоръ Андроникъ издалъ въ 1306 году новеллу, въ кото-

---

[212]) Pachymeris, lib. VII, cap. 35, p. 642—650.
[213]) Migne, Gr. tom. 142, p. 474.

рой приводится въ исполненіе сейчасъ указанное желаніе патріарха съ присоединеніемъ разнаго рода иныхъ прещеній, какъ кажется, тоже внушенныхъ царю Аѳанасіемъ-же. Приведемъ нѣкоторыя опредѣленія изъ этой новеллы Андроника. Здѣсь говорилось: «праздничные дни и въ особенности воскресные надлежитъ вѣрующимъ проводить не работая, посѣщать въ эти дни храмы Божіи, избѣгать пиршествъ и піянства; харчевни и бани должны быть закрыты, начиная отъ девятаго часа (вечеромъ въ субботу) до девятаго-же часа (вечеромъ) въ воскресенье; въ теченіе ночей харчевни должны быть закрыты съ заходомъ солнца: ибо виноторговцамъ достаточно дня для упражненія въ ихъ злѣ». Въ той же новеллѣ всѣ вообще христіане призываются помнить страхъ Божій и избѣгать всего того, что возбуждаетъ гнѣвъ Божій. Затѣмъ перечислены болѣе тяжкіе грѣхи, которые оскорбляютъ Бога, и замѣчено, что за эти грѣхи нужно судить по закону безъ всякаго лицепріятія. Новелла не оставляетъ безъ вниманія и монаховъ. О монахахъ здѣсь говорится: «монахи и монахини не должны безпорядочно жить въ городахъ, но сообразно съ законами и канонами. Если же кто изъ нихъ впадетъ въ прегрѣшеніе, и не думаетъ самъ о покаяніи, такихъ противъ воли сажать въ затворъ на хлѣбъ и на воду» [214]). Нѣкоторые монахи, подъ вліяніемъ строгостей, примѣняемыхъ къ нимъ патріархомъ, чувствуя себя несчастными, побѣжали изъ Константинопольскихъ монастырей и искали себѣ убѣжища у Фреріевъ, латинскихъ монаховъ въ Перѣ [215]).

Такимъ образомъ, Аѳанасій во вторичное патріар-

---

[214]) Andronici constitutio. Migne, Gr. tom. 161, p. 1065—1066.
[215]) Pachymeris, VII, cap. 23, p. 616.

шество повторилъ свое первое патріаршество [216]). Общее неудовольствіе противъ патріарха выразилось въ томъ, что ему стали наносить очень чувствительныя оскорбленія, а такъ какъ императоръ не особенно строго наказывалъ виновниковъ оскорбленій, то патріархъ не счелъ возможнымъ оставаться на каѳедрѣ и удалился на покой [217]).

Къ чести патріарха Аѳанасія нужно сказать, что онъ удалился отъ дѣлъ съ большимъ спокойствіемъ духа. До насъ сохранилась грамота Аѳанасія, въ которой онъ выражаетъ вторичное отреченіе отъ каѳедры. Какъ не похожа она на духовное завѣщаніе Арсенія, на тѣ рѣчи, съ которыми оставлялъ каѳедру Іоаннъ Созопольскій и др. Она проникнута духомъ примиренія со всѣми и всепрощенія. Онъ молитъ здѣсь, чтобы Богъ ниспослалъ Свою милость архіереямъ, сенату, священникамъ, монахамъ, воинамъ, всѣмъ согражданамъ — бѣднымъ и богатымъ, мущинамъ и женщинамъ [218]). Мы не можемъ отказать Аѳанасію въ величіи души и мужествѣ.

По отреченіи Аѳанасія отъ патріаршества Константинопольскаго, каѳедра почти два года оставалась вакантною. Наконецъ въ патріархи избранъ былъ митрополитъ Кизическій *Нифонтъ* (1312—1315 г.) — представлявшій собою курьезную личность въ ряду другихъ патріарховъ столицы. Въ немъ было много качествъ

---

[216]) Между сохранившимися письмами Аѳанасія есть одно, въ которомъ онъ проситъ императора изгнать евреевъ, армянъ и магометанъ изъ тѣхъ городовъ, гдѣ они живутъ совмѣстно съ христіанами (въ письмѣ встрѣчается просьба къ императору: interfice, но очевидно—это метафора). Написано это письмо въ первое или второе патріаршество Аѳанасія— рѣшать не беремся. Migne, Gr. tom. 142, p. 510—511.

[217]) Григоры, кн. VII, гл. 9.

[218]) Athanasii. Addicatio secundi patriarchatus. Migne, Gr. tom. 142, p. 491.

совершенно не нужныхъ для патріарха, и ни одного необходимаго для архипастыря. Нифонтъ былъ совершенно не образованъ. Онъ не только не обнаруживалъ знакомства съ наукой свѣтской и духовной, онъ былъ едва грамотенъ: своею рукою онъ не умѣлъ написать буквъ азбуки. Но за то Нифонтъ проявлялъ необыкновенныя хозяйственныя способности. Онъ искусно умѣлъ разводить деревья, ухаживать за виноградниками, производить всякія постройки, и вообще вести этого рода дѣла такъ, чтобы съ каждымъ годомъ «увеличивались его закрома для хлѣба, погреба для вина и кошельки для денегъ». Онъ любилъ внѣшній блескъ и помпу. Его платье отличалось пышностію, столъ роскошью, онъ холилъ свое тѣло, какъ женщина, заботился о томъ, чтобы не слишкомъ растолстѣть и не испортить цвѣта лица, любилъ разъѣзжать на статныхъ, но бѣшеныхъ лошадяхъ. У него была та странность, что онъ охотно занимался женскими рукодѣльями, онъ отдавался этому занятію со страстію, которой онъ не въ силахъ былъ противиться. Такая странность развила въ немъ любовь къ женскому обществу. О Нифонтѣ извѣстно, что онъ бралъ на себя завѣдываніе постройками въ женскихъ монастыряхъ; два побужденія руководили имъ въ этомъ случаѣ — онъ наживался, производя постройки, а главное—находился въ обществѣ женщинъ, по словамъ историка, ради кутежей и пирушекъ съ ними. Судя по тому, что мы о немъ сказали, можно было бы подумать, что мы имѣемъ дѣло съ очень вѣтреннымъ, но не злымъ человѣкомъ. Въ дѣйсвительности-же было не такъ. Нифонтъ былъ человѣкомъ завистливымъ и ненавистливымъ. Если кто нибудь дѣлался популярнымъ, начиналъ пользоваться уваженіемъ въ царской семьѣ, таковой дѣлался жертвой завистливаго патріарха. Онъ начиналъ нашептывать на та-

кого человѣка царю, сплеталъ на него небылицы, вообще поступалъ, по выраженію историка, «какъ ливійская змѣя» [219]). Нифонтъ не долго патріаршествовалъ. Онъ на соборѣ лишенъ каѳедры, потому что онъ позволялъ себѣ во всевозможныхъ видахъ святотатство и, при своемъ корыстолюбіи, открывалъ такіе источники доходовъ, которые унижали патріаршую каѳедру [220]). До насъ сохранилось изложеніе соборнаго дѣянія противъ Нифонта (соборъ происходилъ 1315 г., 11 апрѣля); въ этомъ изложеніи собрана такая масса обвиненій въ вышеуказанномъ родѣ, что приходится удивляться, какъ выбрали такого человѣка въ патріархи и какимъ образомъ онъ могъ держаться на патріаршествѣ около трехъ лѣтъ. На соборѣ открылось, что Нифонтъ многія епископскія мѣста оставлялъ вакантными, присвояя себѣ доходы съ нихъ, или: что онъ сдиралъ золотые и серебряные оклады съ церковныхъ иконъ и бралъ себѣ и пр. [221]). Лишившись патріаршества, Нифонтъ не могъ простить царю Андронику Старшему того, что этотъ не за-

---

219) Григоры, кн. VII, гл. 9.

220) Григоры, кн. VII, гл. 11.

221) Соборныя дѣянія противъ Нифонта очень подробно изложены въ одномъ сочиненіи Никифора Хумна (писателя XIV в.), въ сочиненіи, которое иногда заглавляется такъ: Querela adversus Niphonem ob male administratam patriarchatus sui provinciam. Здѣсь между прочимъ говорится, что, сдирая съ иконъ дорогіе камни, онъ вмѣсто нихъ ставилъ дешевенькіе; или: такъ какъ патріархъ былъ большой любитель лошадей, то онъ не иначе посвящалъ кого-либо въ священную должность, какъ получивъ красивую лошадь. Boissonade. Anecdota Graeca, vol. V. (Paris. 1833), p. 263. 269. Нѣкоторыя изъ соборныхъ обвиненій противъ Нифонта приведены въ «Лѣтописи церковныхъ событій» о. Архим. Арсенія (стр. 495), но безъ указанія источника, откуда берутся свѣдѣнія.

щищалъ его. Онъ всю жизнь злобствовалъ на Андроника. И когда этотъ имѣлъ несчастіе лишиться царскаго престола, Нифонтъ выражалъ неистовую радость, утѣшаясь тѣмъ, что есть на свѣтѣ не одни отставные патріархи, а есть и отставные цари. Григора называетъ этого Нифонта: «негоднымъ Нифонтомъ»— имя заслуженное этимъ патріархомъ [222]).

Послѣ патріарха Нифонта Византійская патріаршая каѳедра въ теченіе цѣлаго года остается безъ архипастыря. Затѣмъ, въ патріархи избранъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный человѣкъ *Іоаннъ Гликисъ* (1316—1320 г.). Этотъ патріархъ до возведенія въ санъ принадлежалъ къ мірянамъ и занималъ высокое положеніе въ государствѣ. Его мірская служба проходила среди блеска и въ славѣ. Тотчасъ по окончаніи образованія, онъ взятъ былъ во дворецъ и удостоенъ отъ императоровъ (Михаила и Андроника) большихъ почестей. Впослѣдствіи онъ занималъ «сенаторское кресло» и проходилъ высокую должность логоѳета дрома (что-то въ родѣ министра почты) [223]). Будучи міряниномъ, Гликисъ прославился какъ отличный писатель (онъ написалъ мемуары [224]). Гликисъ былъ избранъ въ патріархи при такихъ семейныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ тогда рѣдко избирали на такую почетную духовную должность. Онъ былъ женатъ и имѣлъ сыновей и дочерей. Какъ только Гликисъ избранъ былъ въ патріархи, онъ разстался съ своей женой, которая, по принятому въ такихъ случаяхъ обычаю, приняла иночество [225]). Умственныя и нравственныя качества новаго патріарха были очень высоки. Онъ обладалъ рѣдкою и об-

---

222) Григоры, кн. IX, гл. 7.
223) Григоры, кн. VIII, гл. 2.
224) Ibid. кн. VI, гл. 8.
225) Ibid. кн. VII, гл. 11.

ширною ученостію, какъ по части духовныхъ, такъ и свѣтскихъ наукъ [226]). Вообще онъ считался человѣкомъ ученѣйшимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отличался «чистотою жизни и готовностію на все полезное». Его безкорыстіе было такъ велико, что, когда впослѣдствіи ему пришлось оставить каѳедру, то у него оказалось очень мало денегъ, такъ что деньги его легко и скоро можно было сосчитать—этимъ онъ отличался отъ многихъ своихъ предшественниковъ, которые въ патріаршествѣ скопляли значительные капиталы [227]). При посвященіи Гликиса ему сдѣлана одна весьма существенная уступка. Онъ хотѣлъ, по обычаю, принять монашество, но императоръ Андроникъ удержалъ его отъ этого шага. Гликисъ издавна страдалъ какою то неизлѣчимою внутреннею болѣзнію, которая по временамъ укладывала его въ постель. А врачи находили, что въ виду его болѣзненности, ему нельзя отказываться отъ мяса; поэтому Гликису позволено было не принимать монашества и не соблюдать монашескихъ правилъ о пищѣ [228]).

Сдѣлавшись патріархомъ, Іоаннъ Гликисъ вполнѣ оправдалъ возлагаемыя на него надежды, хотя и не долго правилъ церковію. Какъ человѣкъ ученый, Гликисъ, и будучи патріархомъ, не отказывался дѣлиться своими знаніями съ людьми, желавшими у него учиться. Къ числу его усерднѣйшихъ учениковъ принадлежалъ историкъ Никифоръ Григора. Этотъ историкъ свидѣтельствуетъ: «я имѣлъ удовольствіе быть знакомымъ съ патріархомъ и своимъ знакомствомъ пользовался такъ часто, какъ только могъ; я бывалъ въ свободное у него время и днемъ и ночью, и отъ

---

226) Ibid. кн. VI, гл. 8.
227) Ibid. кн. VIII, гл. 2.
228) Ibid. кн. VII, гл. 11.

его разумныхъ рѣчей пріобрѣталъ много пользы» [229]). Патріархъ, значитъ, оставался другомъ науки.—Его церковно-административная дѣятельность была широка и плодотворна. При немъ Константинопольскій синодъ собирался чаще, чѣмъ при другихъ патріархахъ и число членовъ его было значительно больше, чѣмъ въ другое время, при другихъ патріархахъ [230]). Гликисъ не довольствовался присутствіемъ въ синодѣ епископовъ собственнаго Константинопольскаго патріарха, а желалъ, чтобы пріѣхали въ столицу патріархи Александрійскій и Антіохійскій, которыхъ онъ, съ разрѣшенія императора и вызвалъ къ себѣ—для совмѣстнаго съ ними обсужденія и устроенія церковныхъ дѣлъ [231]). Замѣчательно, что въ патріаршество Гликиса не была еще забыта Ліонская унія съ ея послѣдствіями для Востока; такъ, при Гликисѣ встрѣтился такой случай: нѣкоторыхъ священниковъ не хотѣли въ одномъ мѣстѣ признавать законными только потому, что ихъ рукоположеніе совершено при посредствѣ епископа, получившаго

---

229) Ibidem.

230) Такое заключеніе можно выводить на основаніи изданныхъ Миклошичемъ и Мюллеромъ: «Acta patriarchatus Constantinopolitani». Это есть главнымъ образомъ собраніе рѣшеній различныхъ дѣлъ, разсматривавшихся въ синодѣ при патріархахъ XIV вѣка, начиная отъ Гликиса и кончая Матѳѣемъ. Изданіе Миклошича имѣетъ большую научную цѣнность, но не столько для исторіи, сколько—каноническаго права. Историкъ въ разсматриваемомъ собраніи документовъ мало находитъ такихъ, на которыхъ отпечатлѣвается личность и направленіе самого извѣстнаго патріарха. Дѣла—большею частію мелкія—при данномъ патріархѣ, рѣшаются такъ, какъ они были бы рѣшены и при другихъ патріархахъ. Поэтому, хотя мы и будемъ ниже пользоваться этимъ источникомъ, но не обильно.

231) Miklosich. Acta patriarchatus Constantin. Tom. I, p. 2. 24.

этотъ санъ отъ другаго епископа, имѣвшаго отношеніе къ уніи [232]).

Вышеуказанная болѣзнь патріарха съ теченіемъ времени усилилась, и онъ долженъ былъ отказаться отъ каѳедры. Іоаннъ Гликисъ, принимая патріаршество, по его словамъ, уповалъ, что благодать Божія, даруемая въ архіерействѣ и «недугующая врачующая» поможетъ ему избавиться отъ его долговременной болѣзни. Но Богу неугодно было явить своего милосердія надъ нимъ, какъ сознается самъ онъ. Болѣзнь его, говоримъ, отъ трудовъ, соединенныхъ съ должностью патріарха, увеличилась. «Какъ піявка какая—говоритъ патріархъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи — не перестаетъ она высасывать соки изъ моего тѣла и мало по малу обѣими, какъ говорятъ, руками переводитъ мое имущество въ карманъ врачей, какъ будто въ свои кладовыя. Лѣчась, мы, по пословицѣ, только толкли воду.» Гликисъ нуждался въ покоѣ—и получилъ его. [233])

Іоанна Гликиса на патріаршей каѳедрѣ смѣнилъ *Герасимъ*, который правилъ церковію только одинъ годъ (отъ апрѣля 1320 до апрѣля 1321 года) и не былъ ничѣмъ замѣчателенъ. [234]) По смерти Гераси-

---

[232]) Miklosich. ibid. p. 37—38. По крайней мѣрѣ въ этомъ смыслѣ мы понимаемъ актъ, здѣсь помѣщенный. Прочіе акты, находящіеся въ изданіи Миклошича и относящіеся ко времени патр. Іоанна Гликиса касаются очень разнообразныхъ предметовъ: случаевъ изъ брачной практики, наслѣдства, перемѣщенія епископовъ, кощунства священниковъ, воровства, совершеннаго духовными лицами и т. д. Для характеристики личности патріарха и его дѣятельности эти акты однако не важны.

[232]) Григоры, кн. VIII, гл. 2.

[233]) По словамъ Григоры Герасимъ взятъ былъ на патріаршую каѳедру изъ іеромонаховъ Манганскаго монастыря. Это былъ старецъ простой и почти совершенно потерявшій отъ

ма, Византійская церковь, какъ это не рѣдко случалось, въ продолженіи двухъ лѣтъ и семи мѣсяцевъ остается безъ архипастыря. Преемникомъ Герасима сдѣлался престарѣлый *Исаія* (1323—1333). Исаія обладалъ столь незначительными достоинствами и имѣлъ такъ много недостатковъ, что представляетъ собою весьма нерадостное явленіе въ исторіи Константинопольскихъ патріарховъ. До возведенія на патріаршій престолъ Исаія былъ простымъ монахомъ на Аѳонской горѣ. Образованія у него не было никакого; даже нравственныя качества его представлялись сомнительными, такъ какъ «многіе смѣло и громко обвиняли его во многомъ.» Очевидно, онъ избранъ былъ въ патріархи единственно потому, что надѣялись видѣть въ немъ человѣка, отъ котораго правительство

старости чувство слуха. Онъ даже и ногтемъ, по выраженію того-же историка, не касался эллинской учености. За то, по своей необразованности и простотѣ, былъ послушнымъ орудіемъ воли царя. Цари на такое высокое мѣсто, прибавляетъ этотъ историкъ, и выбираютъ такихъ людей, чтобы эти безпрекословно подчинялись ихъ приказаніямъ, какъ рабы, и чтобы не оказывали имъ никакого противодѣйствія. (Григоры, кн. VIII, гл. 2 fin.). Повидимому, другого взгляда на этого патріарха держится историкъ Кантакузинъ. Онъ говоритъ: «Герасимъ исполненъ былъ божественной благодати, отличался монашескимъ подвижничествомъ, хотя совершенно неопытенъ былъ въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ». (Cantacuseni. Historiae, lib. I, cap. 14, p. 67. Edit. Bonn.). Но этотъ отзывъ согласенъ въ существѣ дѣла съ отзывомъ Григоры, ибо и этотъ послѣдній не отвергаетъ аскетическихъ достоинствъ и благочестія Герасима и подобно Кантакузину считаетъ его неподготовленнымъ къ общественной дѣятельности. Изъ времени патріаршества Герасима извѣстно только то, что онъ въ междоусобной борьбѣ двухъ Андрониковъ: Старшаго и царствующаго, и Младшаго, внука царя, домогавшагося престола, держалъ почему-то сторону внука царскаго (Григоры, кн. VIII, гл. 6). Объ обстоятельствахъ смерти Герасима можно находить свѣдѣнія у Григоры (ibid.).

не могло ожидать себѣ сопротивленія ни въ чемъ. [235]) Но и въ этомъ отношеніи императору Андронику Старшему пришлось въ послѣдствіи разочароваться. Подобно патріарху Герасиму, Исаія, въ междоусобной борьбѣ царя Андроника и его внука и наслѣдника Андроника Младшаго, — принимаетъ сторону этого послѣдняго, къ великому огорченію императора. Андроникъ Старшій, раздраженный непослушаніемъ и безобразнымъ поведеніемъ своего внука, хотѣлъ запретить молитвенное возношеніе имени непокорнаго—въ церквахъ. Но патріархъ не только воспротивился и не позволялъ духовенству слушаться въ этомъ случаѣ царской воли, но даже подвергъ наказаніямъ тѣхъ изъ духовныхъ лицъ, которыя считали волю царскую священной. Свое распоряженіе, противное намѣреніямъ императора Андроника, патріархъ объявилъ въ церкви съ особенною, необычною торжественностію. Исаія «колокольнымъ звономъ созвавъ великое множество народа, объявилъ отлученіе всякому, кто-бы рѣшился не поминать (въ церкви) имени Андроника Младшаго и отказывать ему въ чемъ-бы то ни было, что приличествуетъ царю». Извѣстіе о такомъ странномъ поступкѣ патріарха глубоко потрясло Андроника Старшаго. Онъ говорилъ: «если ужъ учитель мира такъ взбѣсился противъ насъ изъ видовъ корысти, обѣщанной ему моимъ внукомъ и, потерявъ всякій стыдъ и совѣсть, не затруднился сдѣлаться предводителемъ бунтовщиковъ, то кто-же сдержитъ направленное противъ насъ движеніе необузданной черни? Патріархъ сдѣлался нашимъ убійцей.» Часть архіереевъ и прочаго духовенства не послѣдовала примѣру патріарха, не рѣшалась поддерживать сторону императорскаго внука; мало

---

[235]) Григоры, кн. VIII, гл. 12 (init.).

того: эта часть іерарховъ и духовенства собрала соборъ противъ патріарха и провозгласила его и его приверженцевъ отлученными отъ церкви. Самъ императоръ не оставилъ безъ наказанія недостойнаго поведенія Исаіи. Онъ приказалъ арестовать патріарха, не налагая впрочемъ на него оковъ, и помѣстить его въ заключеніе въ Манганскомъ монастырѣ. [236]).

Послѣ этого событія не долго пришлось возсѣдать Андронику Старшему на престолѣ императорскомъ. Внукъ низвергъ его и занялъ его мѣсто. Положеніе заточеннаго патріарха тотчасъ-же перемѣнилось на лучшее. Новый императоръ приказалъ патріарху оставить монастырь и торжественно возвратиться на патріаршую каѳедру. Какъ понималъ торжественность новый императоръ, привыкшій ко всякимъ безобразіямъ и кутежамъ, это видно изъ слѣдующаго описаніи процессіи, съ которою возвратили патріарха на свое патріаршее мѣсто: патріархъ сидѣлъ на одной изъ царскихъ колесницъ съ пурпуровыми украшеніями; его сопровождали не епископы и священники, а лица совсѣмъ другаго сорта: съ веселыми пѣснями шествовали флейтщики и флейтщицы, танцоры и танцовщицы, причемъ одна изъ флейтщицъ, самая красивая, сидѣла на конѣ въ мужской одеждѣ (маскарадъ), ѣхала то впереди воиновъ, то подъѣзжала къ самому патріарху, потѣшая всѣхъ, не исключая патріарха, пошлыми и нескромными

---

236) Григоры, кн. IX, гл. 3. Кантакузинъ (Cantacuseni. Historiae, I, cap. 44, p. 217—218) въ основныхъ чертахъ сходенъ съ Григорою въ описаніи вышеизложеннаго столкновенія главъ государства и церкви, но только онъ, какъ приверженецъ Андроника Младшаго, старается оправдать упорство патріарха, приказавшаго поминать этого Андроника въ церквахъ—вопреки царской волѣ.

шутками. [237]) Патріархъ былъ слишкомъ радъ, что Андроникъ Старшій низверженъ съ престола и мало

---

[237]) Григоры, кн. IX, гл. 7.—Лебо не считаетъ заслуживающими серьезнаго вниманія извѣстія Григоры о нравственномъ ничтожествѣ и революціонныхъ замыслахъ Исаіи, онъ говоритъ: «Нужно помнить, что Григора отличается явнымъ пристрастіемъ: всѣ приверженцы Андроника Младшаго въ его глазахъ люди ни на что негодные, злые и безчестные, тогда какъ приверженцы Андроника Старшаго, по его сужденію, лица выше всякой похвалы». (Lebeau. Histoire du Bas—empire. Tom. 19, p. 358—359). Не споримъ: Григора не безпристрастенъ, но конечно не въ такой степени, какъ думаетъ Лебо. Въ особенности Лебо не вѣритъ, чтобы Исаія возвращался на каѳедру, сопровождаемый такою странною свитой, о какой говоритъ Григора. Онъ думаетъ, что такой нелѣпой сцены не допустилъ-бы новый императоръ, да и Кантакузинъ, другъ новаго царя, воспротивился бы ему, еслибы онъ вздумалъ устроить что-либо подобное. Лебо думаетъ, что истина заключается въ томъ, что въ виду поспѣшности церемонія устроена была не совсѣмъ такъ, какъ нужно было и что въ ней слишкомъ много дано было мѣста военному элементу (ibid. p. 383—4). Трудно съ точностію сказать, какъ происходило дѣло. Но во всякомъ случаѣ передѣлывать разсказъ Григоры такъ, какъ дѣлаетъ Лебо—нѣтъ основаній. Намъ представляется, что Григора развѣ немножко сгущаетъ краски. Дѣло, вѣроятно, происходило такъ: воцарившись на мѣсто дѣда, Андроникъ пожелалъ возстановить на патріаршествѣ Исаію. Сейчасъ-же и послалъ за патріархомъ. Но такъ какъ Андроникъ Младшій былъ извѣстный кутила, то не удивительно, что онъ за патріархомъ и отправилъ своихъ обычныхъ собутыльниковъ, веселыхъ и одѣтыхъ пышно. Патріархъ, съ своей стороны, подъ вліяніемъ восторга, что онъ снова глава Византійской церкви, безпрекословно послѣдовалъ царскому приглашенію, поѣхалъ въ столицу, совсѣмъ забывая о той свитѣ, которая, къ его стыду, его сопровождала. Фактъ психологически возможный. Замѣтимъ, что Кантакузинъ, описывая тоже самое событіе, подозрительно кратокъ. Онъ говоритъ: «Исаія на конѣ, украшенномъ по царски, пріѣхалъ во дворецъ» (lib. I, cap. 59, p. 305). Повидимому, этотъ историкъ, какъ личный другъ Андроника Младшаго, имѣлъ основанія не пускаться въ подробности....

думалъ о томъ странномъ обществѣ, въ какое онъ теперь попалъ. Историкъ утверждаетъ, что, возвратившись на патріаршество, «Исаія прыгалъ отъ радости и говорилъ рѣчи, обличавшія въ немъ жестокость души и сумасшествіе: «возвеселится праведникъ, когда увидитъ отмщеніе» (Пс. 57, 11), себя, такимъ образомъ, причисляя къ праведникамъ, а низверженіе царя считая Божескимъ отмщеніемъ за него, патріарха. [140]) Но этимъ еще не ограничилось торжество патріарха надъ низверженнымъ царемъ. Вѣроятно, по внушенію Исаіи, Андроникъ былъ постриженъ въ монахи—болѣе насильственно, чѣмъ по охотѣ. Исаія принудилъ также Андроника дать подписку, что онъ никогда не будетъ домогаться верховной власти. «Если-же ты не хочешь дать такой подписки, говорилъ патріархъ застращивая старца, то сегодня-же смерть тебѣ.» Тотъ-же патріархъ изобрѣлъ оскорбительную для Андроника формулу, въ какой церковь должна была поминать за богослуженіемъ экс-императора. [141]) Но и этого всего мало: чтобы сильнѣе досадить павшему вѣнценосцу, Исаія придумалъ различныя наказанія, которымъ и подвергнулъ тѣхъ изъ епископовъ и клириковъ, которые стояли на сторонѣ этого Андроника въ борьбѣ его съ непослушнымъ внукомъ Андроникомъ Младшимъ, который сдѣлался теперь императоромъ. [142])

---

[140]) Григоры, кн. IX, гл. 7.

[141]) Ibid. гл. 10.

[142]) Ibid. гл. 7. Кантакузинъ вмѣсто разсказа о тѣхъ эпитиміяхъ, какимъ подвергнулъ вышеуказанныхъ епископовъ и клириковъ Исаія, повѣствуетъ о тѣхъ будто-бы униженіяхъ, о томъ пресмыкательствѣ и ползаніи у ногъ патріарха этихъ-же самыхъ духовныхъ лицъ, какими будто-бы эти лица хотѣли умилосердить (и умилосердили) разгнѣваннаго Исаію. Кантакузинъ рисуетъ картину весьма не лестную для чести

О церковной дѣятельности Исаіи сообщаютъ свѣдѣнія, сохранившіеся до насъ акты синодскихъ засѣданій во времена этого патріарха и нѣкоторые другіе документы. Патріархъ неизвѣстно когда: въ правленіе ли Андроника Старшаго или въ правленіе его преемника—завязываетъ сношенія съ Армянскою церковію и Армянскимъ свѣтскимъ правительствомъ по вопросу о возсоединеніи Армянъ съ церковію. [143]) Усилія эти, какъ и раньше, не имѣли успѣха. Этотъже патріархъ заботился о томъ, чтобы возвысить матеріальное благосостояніе Константинопольской патріаршей церкви. На одномъ засѣданіи синода въ 1324 году, слѣдовательно, въ правленіе Андроника Старшаго, опредѣлено было обложить извѣстнымъ денежнымъ взносомъ (не въ одинаковыхъ размѣрахъ) въ пользу Константинопольской церкви многія митрополіи и архіепископіи. [144]) Выполнялось ли это опредѣленіе, сказать трудно. Скорѣе, впрочемъ, — нѣтъ, чѣмъ да. [145]).

разсматриваемыхъ лицъ (Cantacuseni, lib. II, cap. 2, p. 322). Но едва-ли можно довѣрять въ этомъ случаѣ Кантакузину, который очевидно является апологетомъ Андроника Младшаго и Исаіи и старается чернить сторонниковъ Андроника Старшаго.

[143]) Miklosich. Acta patr. Constantin. T. I, p. 158—164.

[144]) Miklosich. ibid. p. 126—128. Съ подробностями этого опредѣленія познакомимся ниже.

[145]) Въ правленіе Исаіи, въ синодѣ разсматривалось нѣсколько другихъ текущихъ дѣлъ, но эта сторона дѣятельности патріарха не представляетъ особеннаго интереса. Вообще акты, изданные Миклошичемъ и Мюллеромъ, могутъ приводить къ не совсѣмъ правильнымъ представленіямъ о дѣятельности патріарховъ, если не принимать въ разсчетъ еще показаній историковъ относительно того или другаго патріарха. Такъ по актамъ Миклошича и Мюллера легко поставить личность и дѣятельность Исаіи выше личности и дѣятельности Іоанна Гликиса, такъ какъ въ характерѣ отношеній этихъ патріар-

Исаія скончался, будучи на патріаршей каѳедрѣ, что рѣдко случалось въ тѣ времена, и пользуясь почетомъ со стороны императора Андроника Младшаго.

Послѣдующіе Константинопольскіе патріархи—Іоаннъ Калекасъ, Исидоръ, Каллистъ 1-й и Филоѳей Коккинъ (1333—1376 гг.) въ нѣкоторомъ смыслѣ составляли собою одну группу, такъ какъ въ дѣятельности каждаго изъ нихъ очень видное мѣсто занимаетъ такое или другое отношеніе ихъ къ возникшимъ и развившимся въ тѣ времена спорамъ, такъ называемыхъ, Варлаамитовъ и Паламитовъ; счастіе или несчастіе, которое выпадало на долю этихъ патріарховъ въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ того, куда они склонялись, къ той или другой изъ названныхъ богословскихъ партій.

Іоаннъ Калекасъ (1333—1347 г.). Хотя избраніе этого патріарха произошло въ царствованіе Андроника Младшаго, но своимъ возвышеніемъ на столичную каѳедру онъ одолженъ былъ Іоанну Кантакузину (впослѣдствіи императору), который былъ другомъ Андроника и пользовался большимъ вліяніемъ на дѣла церкви и государства. Константинопольскій синодъ, которому принадлежало право назначать кандидатовъ въ патріархи, вовсе не расположенъ былъ возводить въ патріархи Іоанна Калекаса, такъ какъ Іоаннъ былъ священникомъ, имѣвшимъ жену и дѣтей, и притомъ не отличался сколько нибудь серьезнымъ образованіемъ. Но тѣмъ

ховъ къ синодскимъ дѣламъ нѣтъ большой разницы, а между тѣмъ размѣры синодской дѣятельности при Исаіи шире, чѣмъ при Гликисѣ, да и дѣла, рѣшенныя при первомъ, важнѣе и могутъ указывать на большую предпріимчивость, чѣмъ дѣла, рѣшенныя при второмъ патріархѣ. Вообще, упомянутые «акты» больше полезны для опредѣленія характера всего вѣка, чѣмъ отдѣльныхъ патріарховъ, правившихъ церковію въ это время.

не менѣе Іоаннъ Кантакузинъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на дѣла и не пренебрегая даже хитростію и и коварствомъ, успѣлъ таки провести на патріаршую каѳедру Іоанна Калекаса, который былъ священникомъ при домѣ самого Кантакузина и отъ котораго этотъ послѣдній въ правѣ былъ ожидать послушанія, покорности и повиновенія. Самъ Кантакузинъ, описавшій обстоятельства избранія Іоанна въ патріархи, прямо замѣчаетъ, что безъ его содѣйствія Калекасъ никогда не могъ-бы попасть на патріаршее мѣсто [146]).

Къ неудовольствію Кантакузина, большія старанія его возвести въ патріархи Калекаса не были оцѣнены этимъ послѣднимъ такъ, какъ этого ожидалъ всемогущій царедворецъ. Патріархъ не сдѣлался послушнымъ орудіемъ Кантакузина. Правда, пока царствовалъ Андроникъ Младшій, между патріархомъ и Кантакузиномъ не видно столкновеній; но лишь только Андроникъ сошелъ со сцены, дѣла перемѣнились. Отъ имени малолѣтняго преемника Андроникова Іоанна Палеолога стала править дѣлами въ имперіи его мать Анна, образовавшая вокругъ себя партію, враждебную Кантакузину. Въ числѣ вождей партіи царицы Анны мы видимъ и Калекаса. Онъ заявилъ свои права на участіе въ регенствѣ по случаѣ малолѣтства императора. Это произошло вопреки желаніямъ и планамъ Кантакузина. Этотъ послѣдній не только былъ отстраненъ отъ дѣлъ правленія, но и объявленъ измѣнникомъ государству. Домъ его въ Константинополѣ былъ разрушенъ, имущество его было разграблено; приверженцы его подверглись си-

---

[146]) Cantacuseni. Historiae lib. II, cap. 21. Tom. 1, p. 431—435. Главные факты, касающіеся избранія Калекаса были приведены выше въ концѣ трактата: «Отношенія государственной власти къ церкви».

стематическому преслѣдованію, многіе изъ нихъ были брошены въ тюрьму. Самъ Кантакузинъ, находясь въ городѣ Димотихѣ, чрезъ особаго посла попросилъ-было объясненія по поводу переворота у императрицы Анны, но вмѣсто отвѣта онъ получилъ за государственною печатью предписаніе отказаться отъ всѣхъ государственныхъ должностей и вести жизнь частнаго человѣка. Все это произошло по волѣ Іоанна Калекаса, который окончательно объявилъ себя во главѣ регенства [147]). Вотъ какъ мало избранникъ Кантакузина Калекасъ оправдалъ надежды, какія имъ возлагались на патріарха.

Такъ держалъ себя Іоаннъ Калекасъ въ политическомъ отношеніи. Съ неменьшею независимостію и своенравіемъ онъ-же управляетъ и дѣлами церковными. Очень замѣтно, что и въ управленіи дѣлами церкви Калекасъ заботился больше всего о томъ, чтобы не показывать собою приверженца и сторонника Кантакузина. Въ спорахъ Варлаамитовъ и Паламитовъ патріархъ, хотя и не сразу—становится на сторону Варлаамитовъ, по тому побужденію, что противной партіи въ значительной мѣрѣ покровительствовалъ Кантакузинъ. Само собой разумѣется, что патріархъ такъ сталъ поступать только тогда, когда партіи царицы Анны удалось устранить Кантакузина отъ дѣлъ правленія. Въ 1345 году на соборѣ Константинопольскомъ Іоаннъ Калекасъ высказалъ себя въ пользу Варлаама и его ученика Акиндина, осудилъ Паламу митрополита Өессалоникскаго и произнесъ анаөему на его приверженцевъ [148]).

---

[147]) Флоринскаго. Андроникъ Младшій и Іоаннъ Кантакузинъ: Журн. Минист. Народ. Просв. т. 104 (1879 г.), стр. 220. 224.

[148]) De Gregorio Palama Graecorum sententiae. Migne, Gr. tom. 150, p. 863—864. Miklosich. Acta patriarchatus Constantinop., t. I, 248—9.

За всѣ эти поступки патріархъ дорого поплатился. Въ 1347 году Кантакузинъ сдѣлался императоромъ и лишилъ Калекаса патріаршества. Ему вмѣнено было въ вину какъ то, что онъ устроялъ ковы противъ своего благодѣтеля—Кантакузина [149]), такъ и то, что онъ держался стороны Варлаамитовъ, которые большинствомъ епископовъ и духовенства признавались мыслящими неправославно, еретически [150]).

Изъ вышеприведенныхъ фактовъ, рисующихъ жизнь Іоанна Калекаса, открывается, что этотъ патріархъ никакъ не можетъ быть причисленъ къ лучшимъ іерархамъ Константинопольскимъ. Но историкъ Григора указываетъ одну такую черту въ архипастырской дѣятельности Калекаса, которая заставляетъ, по видимому, не совсѣмъ низко цѣнить этого патріарха. Названный историкъ изображаетъ Калекаса, какъ замѣчательнаго знатока церковныхъ и гражданскихъ законовъ, разсказываетъ примѣчательныя вещи объ его громадной памяти, представляетъ его человѣкомъ учительнымъ, говорившимъ проповѣди такъ свободно, какъ будто онъ читалъ по книгѣ,—человѣкомъ, у котораго въ проповѣдяхъ мысль и слово находились въ полной гармоніи [151]). Но кажется самъ-же этотъ историкъ значительно ослабляетъ силу своего свидѣтельства, когда при другомъ случаѣ выражаетъ явное недовѣріе къ ораторскимъ способностямъ патріарха. Такъ тотъ-же Григора, разсказывая о прибытіи въ Константинополь двухъ западныхъ епископовъ для разсужденій съ восточными іерархами о соединеніи церквей, замѣчаетъ, что патріархъ

---

[149]) Gregorae. Historia Byzantina. Tom. II, lib. XV, cap. 10, p. 784.

[150]) Cantacuseni. Historiae, tom. III, p. 24. 170.

[151]) Gregorae. Historia Byzantina. tom. II, p. 813—814.

Іоаннъ Калекасъ не рѣшался принять участіе въ диспутѣ съ Латинянами, такъ-какъ, по словамъ историка, «онъ не имѣлъ дара слова, развитаго упражненіемъ» и соглашался играть во время диспута лишь пассивную роль—«молчать и дѣлать важный и глубокомысленный видъ, что будто не стоитъ и спорить съ Латинянами» [152]). Какое-же изъ двухъ показаній Григоры вѣрнѣе—первое или второе? Конечно, вопросъ было-бы не трудно рѣшить, еслибы дошли до насъ сочиненія Іоанна Калекаса, по которымъ мы могли-бы судить о степени его краснорѣчія и знаніи «божественныхъ законовъ» Калекасомъ. Но въ этомъ отношеніи мы не обладаемъ богатствомъ матеріаловъ. Хотя издатели Византійской литературы и свидѣтельствуютъ, что въ рукописяхъ существуетъ большое количество проповѣдей Калекаса на воскресные и разные праздничные дни (№№ 60) [153]), но въ печати извѣстно только двѣ проповѣди Калекаса: «на воскресенье предъ Воздвиженіемъ честнаго креста», и «На третье воскресенье Великаго поста» [154]). Судить по этимъ двумъ проповѣдямъ объ ораторскомъ талантѣ Калекаса трудно, тѣмъ болѣе, что послѣдняя изъ поименованныхъ проповѣдей нѣкоторыми издателями усвояется другому патріарху. [155]) Во всякомъ случаѣ похваламъ Григоры по отношенію къ Калекасу едва-ли можно довѣрять, такъ какъ Калекасъ былъ врагомъ Паламитовъ, а врагамъ Паламитовъ Григора слишкомъ симпатизировалъ.

Патріархъ *Исидоръ* (1347—1349 г.). Этотъ па-

---

[152]) Григоры. Византійская Исторія. Томъ 1, кн. X, гл. 8, стр. 497. Рус. пер.

[153]) Migne. Graec. ser., tom. 150, p. 249—252.

[154]) Ibidem, p. 253 et cet., 263 et. cet.

[155]) Филоѳею, одному изъ преемниковъ Калекаса. Ibid., p. 263 (annot.).

тріархъ былъ избранъ подъ вліяніемъ Кантакузина, бывшаго въ это время императоромъ, и Паламитовъ и показывалъ себя ревностнымъ слугою царя и приверженцевъ Паламы.

Относительно умственныхъ и нравственныхъ качествъ Исидора нельзя составить рѣшительнаго понятія. Враги его ставили ему въ упрекъ, что онъ, прежде посвященія въ епископы, проводилъ жизнь свѣтскую, чуждался монастырскаго уединенія, называютъ его «педагогомъ» и «дѣтскимъ учителемъ гимнастики» [156]). Изъ этого можно заключать, что онъ былъ болѣе или менѣе образованъ, ибо «педагогомъ» могъ быть только человѣкъ не чуждый науки. Что касается нравственнаго его образа, то сужденія современниковъ были въ этомъ отношеніи очень различны. Іоаннъ Кантакузинъ очень хвалитъ Исидора, называетъ его «мужемъ добрыхъ нравовъ, кроткимъ, исполненнымъ святости» (и даже не чуждымъ религіозныхъ знаній) [157]). Совершенно иначе отзывались объ Исидорѣ другіе современники. Историкъ Григора не находитъ у него никакихъ нравственныхъ понятій и необинуясь сравниваетъ его съ «свиньей, привыкшей барахтаться въ грязи» [158]). Епископы Константинопольскаго патріархата, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые были недовольны избраніемъ Исидора въ патріархи, изображаютъ нравственный характеръ патріарха въ чертахъ самыхъ непревлекательныхъ. Они называли его «глупѣйшимъ, безумнымъ, легкомысленнымъ, не умѣвшимъ какъ должно обращаться съ другими, совершенно не умѣвшимъ от-

---

156) De Gregorio Palama. Ex Allatii opere: De perpetua consensione. Migne. Gr. tom. 150, p. 881. Cuperi: Ad historiam patriarch. Constantin. cap. 119, p. 178.

157) Cantacuseni. Tom. III, lib. IV, cap. III, p. 25—26.

158) Gregorae. Hist. Byz. Tom. II, lib. XV, cap. 12, p. 792.

личить дурное отъ хорошаго». Кромѣ этой общей характеристики, тѣ-же епископы прямо возводили на Исидора разнаго рода обвиненія, направленныя къ очерненію его личности. Они разглашали, что онъ не соблюдаетъ постовъ, что будто когда-то онъ похитилъ драгоцѣнныя украшенія съ иконъ, а сосуды церковные серебряные передѣлалъ для домашняго употребленія; укоряли его и за то, что онъ позволялъ себѣ ходить въ баню въ теченіе страстной недѣли [159]). Такіе-то противоположные отзывы дѣлаются о нравственномъ характерѣ Исидора. Но историкъ не въ правѣ становиться ни на сторонѣ панегиристовъ, ни на сторонѣ хулителей нравственнаго образа патріарха. Похвалы слышатся отъ лицъ слишкомъ благорасположенныхъ къ патріарху (отъ Кантакузина), а хулы отъ явныхъ враговъ Исидора. Намъ кажется, что нельзя довѣрять ни тѣмъ ни другимъ изъ сейчасъ приведенныхъ отзывовъ, безъ должной критики ихъ. Если Кантакузинъ называетъ Исидора, между прочимъ, человѣкомъ кроткимъ, то это не подтверждается исторіею дѣятельности Исидора, если же, съ другой стороны, порицатели патріарха приписываютъ ему такія вещи, какъ несоблюденіе постовъ, святотатство, то такія обвиненія слѣдуетъ отрицать, ибо Паламиты, подъ вліяніемъ которыхъ происходило избраніе Исидора въ патріархи и которые отличались строго-аскетическимъ идеаломъ, не допустили-бы возвести въ патріархи столь зазорное лице. Выдѣлить истинное отъ неистиннаго, преувеличенное отъ дѣйствительнаго въ указанныхъ характеристикахъ едва-ли возможно. По всей вѣроятности Исидоръ представ-

---

159) De Gregorio Palama. Ex Allatii opere: De perpetua consensione. Migne, Gr. tom., 150 p. 881—882. Cuperi. cap. 119, p. 178.

лялъ собою типъ патріарха не высокихъ достоинствъ, но безъ сомнѣнія ему не слѣдуетъ приписывать такого вольнодумства и такого нарушенія нравственныхъ требованій, какія приписываютъ ему враги. Лучше всего удовлетвориться той характеристикой нравственной личности патріарха Исидора, какая слагается изъ наблюденій надъ его дѣятельностью, поскольку она извѣстна въ исторіи.

Будучи избранъ въ патріархи подъ вліяніемъ Кантакузина и Паламитовъ, Исидоръ былъ послушнымъ орудіемъ императора и Паламитовъ, это составляетъ самую характеристическую черту въ дѣятельности Исидора [160]). Первымъ дѣломъ патріархъ торжественно разрѣшилъ Кантакузина отъ анаѳемы, наложенной на него предшествующимъ патріархомъ въ пылу политической борьбы [161]). Затѣмъ онъ короновалъ его императорскою короною въ Константинополѣ [162]), не смотря на то, что дѣйствительный императоръ Іоаннъ Палеологъ былъ живъ и здоровъ и не вступалъ въ управленіе царствомъ частію по молодости лѣтъ, частію по причинѣ безконечныхъ политическихъ смутъ.—Столь-же услужливымъ являлся патріархъ и по отношенію къ Паламитамъ. Такъ какъ избраніе его произошло подъ вліяніемъ Паламитовъ, то противоположная партія отшатнулась отъ патріарха. При такихъ обстоятельствахъ, не задумываясь много, по наущенію партіи его избравшей, Исидоръ подвергъ различнымъ наказаніямъ своихъ противниковъ—епископовъ: одни изъ нихъ лишены были достоинства, другіе принадлежащаго имъ имущества [163]); нѣкоторыхъ изъ нихъ даже сажали въ

---

[160]) Cantacuseni. Tom. III, lib. IV, cap. 3, p. 25—27. Gregorae. Hist. Byzant. Tom. II, lib. XV, cap. 11, p. 786.

[161]) Cantacuseni. Ibidem.

[162]) Cantacuseni. ibid. cap. 4, p. 29.

[163]) Gregorae. ibid.

тюрьму и предавали мученіямъ [164]). Такихъ, такъ или иначе наказанныхъ, епископовъ и священниковъ было очень много; мѣста и должности ихъ патріархъ замѣстилъ другими лицами [165]), конечно Паламитскаго лагеря. Все это не могло не возбуждать громкихъ жалобъ на патріарха.

Иногда угодливость патріарха Исидора въ отношеніи къ лицамъ, отъ которыхъ зависѣло возвышеніе его на каѳедру, простиралась такъ далеко, что сами покровители его должны были сдерживать его неумѣренную ревность. Такъ, желая сдѣлать угодное Паламитамъ, Исидоръ сочинялъ какія-то церковныя пѣсни, приноровляя ихъ къ понятіямъ Паламитовъ по вопросамъ богословскимъ, вводилъ эти свои пѣсни въ церковное употребленіе взамѣнъ издревле употреблявшихся при богослуженіи. Но составленныя Исидоромъ пѣсни (или каноны) своимъ содержаніемъ возбуждали неудовольствіе даже у его сторонниковъ: въ нихъ раскрывалось ученіе Паламитовъ не безъ крайностей, на что указывали враги Паламитовъ; кончилось тѣмъ, что самъ Кантакузинъ приказалъ Исидору уничтожить написанныя имъ церковныя пѣсни [166]). Столь-же далеко простиралась угодливость патріарха и по отношенію къ самому императору Кантакузину. Исидоръ, подобно нѣкоторымъ изъ Паламитовъ, считалъ себя прозорливцемъ, способнымъ предугадывать будущее. Считая себя такимъ, Исидоръ началъ предсказывать Кантакузину блестящую побѣду въ борьбѣ съ Генуезцами. Но военнаго успѣха не послѣдовало. Возникъ народный ропотъ.

---

164) De Gregorio Palama. Migne, tom. 150, p. 882.

165) Gregorae. Hist. Byzant. Tom. II, lib. XV, cap. 12, p. 793.

166) Gregorae. Tom. II, lib. XVI, cap. 5, p. 827—828.

Патріархъ очутился въ очень неловкомъ положеніи, впалъ въ ипохондрію, заболѣлъ и вскорѣ затѣмъ умеръ [167]).

Преемникомъ Исидора въ патріаршествѣ былъ *Каллистъ* I-й. Онъ дважды восходилъ на патріаршую Константинопольскую каѳедру (1350—1354 г. и 1355—1362 г.). Избраніе Каллиста въ патріархи произошло при тѣхъ-же условіяхъ, какъ и избраніе на ту-же каѳедру Исидора. Паламиты, пользуясь вліяніемъ на императора Іоанна Кантакузина, всячески старались о томъ, чтобы патріаршее достоинство предоставлено было лицу имъ сочувствующему. Они указали императору нѣсколько кандидатовъ въ патріархи, на которыхъ они могли возлагать благопріятныя надежды; изъ числа этихъ кандидатовъ императоръ избралъ Каллиста Аѳонскаго монаха. Это былъ человѣкъ суровый и строгій, лишенный научнаго образованія. Его главное достоинство состояло въ томъ, что онъ былъ приверженецъ Паламитовъ [168]). Если вѣрить историку Григорѣ, который былъ недругомъ Паламитовъ и который довольно подробно изображаетъ дѣятельность этого патріарха, Каллистъ налагалъ свою тяжелую руку на многихъ лицъ въ Византіи, отличавшихся нерасположеніемъ къ монашеской партіи Паламитовъ и склонявшихся на сторону Варлаамитовъ; онъ сажалъ ихъ въ мрачныя тюрьмы, гдѣ они претерпѣвали голодъ и другія злостраданія. Если эти заключенники умирали въ тюрьмѣ, то они лишались пристойнаго ихъ общественному положенію погребенія, и если кто, вопреки распоряженіямъ

---

[167]) Gregorae. ibid. lib. XVIII, cap. I, pag. 870—871.

[168]) Gregorae, ibid. p. 871. Разсказъ Кантакузина объ избраніи Каллиста не даетъ никакихъ особенныхъ подробностей. Cantacuseni. Tom. III, p. 106.

патріарха, погребалъ ихъ съ честію, такихъ опять таки наказывали заключеніемъ въ тюрьму. Даже лица, которыя относились равнодушно къ партіи Паламитовъ, держались нейтральнаго положенія, и тѣ навлекали на себя гнѣвъ патріарха за свое несочувствіе партіи, которой держался самъ Каллистъ [169]). Конечно не оставались безъ должнаго возмездія и епископы, которые не сочувствовали возведенію Каллиста на патріаршую каѳедру и вообще сторонились Паламитовъ. Между недовольными патріархомъ епископами и самимъ Каллистомъ происходятъ споры и борьба, которые возмущаютъ миръ церкви. Нѣкоторые изъ вышеуказанныхъ епископовъ отложились отъ общенія съ патріархомъ, обвиняя его въ ереси мессаліанской, какъ они претолковывали приверженность Каллиста къ Паламитамъ. Конечно патріархъ старался оправдать себя отъ обвиненія въ ереси, но епископы не придавали значенія оправданіямъ патріарха. Въ свою очередь Каллистъ обвинялъ своихъ обвинителей въ различныхъ тяжкихъ преступленіяхъ; однихъ онъ обвинялъ въ ограбленіи гробницъ, другихъ въ блудодѣяніи, однихъ въ симоніи, выражавшейся въ томъ, что духовныя мѣста за деньги доставались лицамъ недостойнымъ, другихъ въ приверженности къ богомильскому лжеученію, вообще патріархъ не скупился на черныя краски, какими онъ въ глазахъ общества изображалъ своихъ враговъ. Соблазнъ настолько увеличился, что самъ императоръ долженъ былъ убѣждать какъ патріарха, такъ и епископовъ, чтобы они прекратили взаимныя укоризны, волновавшія общественное мнѣніе [170]). Въ это время не мало несчастій выпало на долю Ники-

---

[169]) Gregorae. Tom. II, lib. XVIII, cap. 1, p. 873—874.
[170]) Ibidem, p. 876.

фора Григоры, который не показывалъ расположенія патріарху и его воззрѣніямъ, объявлялъ распространеніе Паламитскихъ идей несчастіемъ для церкви. Этотъ историкъ за свою неуступчивость торжествующей партіи былъ посаженъ, какъ въ тюрьму, въ одинъ монастырь, гдѣ ему пришлось перенести немало непріятностей отъ монаховъ, не склонныхъ раздѣлять воззрѣнія Григоры [171]).

Правленіе Каллиста въ царствованіе Кантакузина ознаменовалось, какъ указано выше, сильнымъ преслѣдованіемъ епископовъ, не державшихся Паламитской стороны. Григора находитъ, что споспѣшники Каллиста, по духу преслѣдованія своихъ враговъ, напоминали Юліана императора и другихъ лицъ ему подобныхъ. По свидѣтельству того-же Григоры на мѣста низверженныхъ епископовъ поставлены были люди невѣжественные и сомнительной нравственности; отъ нихъ требовалось одно, чтобы они объявили себя сторонниками Паламы [172]).

Не смотря на близкія и дружественныя отношенія, связывавшія Каллиста съ Кантакузиномъ, патріархъ долженъ былъ оставить каѳедру, вслѣдствіе неудовольствія на него императора. Вѣнчавшись самъ императорскою короною въ столицѣ, Кантакузинъ захотѣлъ вѣнчать ею и сына своего Матѳія и такимъ образомъ окончательно устранить отъ престола законнаго наслѣдника Византійской короны—Іоанна Палеолога. Но патріархъ не разсудилъ исполнить желаніе Кантакузина. Императоръ чрезъ одного довѣреннаго ему епископа заявилъ патріарху: «если ты упорствуешь, то мы выберемъ другого патріарха» [173]). И Каллистъ былъ низверженъ [174]).

---

171) Ibid. lib. XXII, cap. 2, p. 1044—1045.

172) Gregorae, ibid. lib. XVIII, cap. 3, p. 883—884.

173) Cantacuseni. Tom. III, lib. IV, cap. 37, p. 271—272.

174) Въ одномъ изъ нашихъ духовныхъ журналовъ («Прав.

Паденіе Кантакузина и восшествіе на престолъ Византійскій Іоанна Палеолога, законнаго преемника царской власти, благопріятно отозвалось на судьбѣ Каллиста. Каллистъ снова возвращается къ управленію Константинопольской церковью, но объ его управленіи церковью, во второе патріаршество его, мы мало знаемъ [175]). Каллистъ скончался, будучи патріархомъ, въ 1362 году [176]).

Обозр.») напечатана о. Архимандр. Арсеніемъ статья, подъ заглавіемъ: «Очеркъ жизни и дѣятельности Каллиста, патр. Константинопольскаго» (1875, т. I, стр. 917 и дал.). Авторъ, принимая исходнымъ началомъ для своихъ сужденій нѣсколько замѣчаній Кантакузина, благопріятныхъ для Каллиста, изображать этого патріарха, какъ личность вполнѣ достойную своего призванія. Но такое изображеніе Каллиста возбуждаетъ недоумѣнія: во 1-хъ, почему авторъ не даетъ никакого значенія свидѣтельствамъ Григоры, почему не подвергаетъ ихъ критикѣ, что̀ мы были-бы вправѣ ожидать отъ автора; во 2-хъ, страннымъ представляется и то, что авторъ вполнѣ соглашается съ отзывомъ Кантакузина о Каллистѣ, а между тѣмъ самого Кантакузина описываетъ какъ человѣка вѣроломнаго, лишь способнаго прилагать беззаконія къ беззаконіямъ; спрашивается: можно-ли вѣрить свидѣтельству Кантакузина, когда онъ, по автору, былъ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ не надежнымъ? Очень возможно, что Григора преувеличилъ недостатки Каллиста, описалъ его въ чертахъ слишкомъ мрачныхъ, но все-же не вѣрить Григорѣ, какъ дѣлаетъ авторъ, нѣтъ основаній. Если нѣтъ основаній отвергать показаній Григоры о патріархѣ Исидорѣ, то почему мы будемъ отвергать свидѣтельства этого-же историка о Каллистѣ?

175) Онъ сурово и строго поступалъ съ тѣми епископами, которыми онъ былъ недоволенъ по случаю поставленія на его мѣсто Филоѳея (Gregorae. Hist. Byz., tom. III, lib. XXIX, p. 249). Григора разсказываетъ еще странный фактъ симоніи Каллиста, по дѣламъ Русской церкви (ibid., lib. 36, p. 520).

176) Перечень немногочисленныхъ сочиненій Каллиста (отчасти свидѣтельствующихъ, что этотъ патріархъ не былъ такъ

Патріархъ *Филоѳей Коккинъ*, подобно Каллисту то-же два раза восходилъ на Византійскую архипастырскую каѳедру (1354 — 1355 и 1362 — 1376). Онъ сначала былъ Аѳонскимъ монахомъ, а затѣмъ проходилъ должность митрополита Ираклійскаго, откуда и взятъ былъ на патріаршую каѳедру. Онъ избранъ былъ на мѣсто Каллиста, отказавшагося короновать Кантакузинова сына Матѳія. Филоѳей возведенъ былъ на высокое мѣсто архипастыря столицы подъ условіемъ, что онъ сдѣлаетъ для Кантакузина то, чего не хотѣлъ сдѣлать Каллистъ—короновать Матѳія. Коронація Матѳія и была первымъ дѣломъ въ патріаршей практикѣ этого іерарха [177]). Кантакузинъ, описывая, впрочемъ кратко, въ своей исторіи личность Филоѳея, расточаетъ ему всякія хвалы. Онъ называетъ его мужемъ святой жизни и приписываетъ ему замѣчательное краснорѣчіе и ученость какъ въ свѣтскихъ, такъ и богословскихъ наукахъ. Онъ находитъ, что Филоѳей своею жизнію и ученіемъ свѣтилъ людямъ подобно свѣтильнику на свѣщницѣ; по словамъ Кантакузина, Филоѳей успѣшно наставлялъ пасомыхъ въ вѣрѣ и благочестіи. Церковію управлялъ онъ, по тому-же свидѣтельству, прекрасно. Кантакузинъ въ доказательство пастырской доблести Филоѳея разсказываетъ одинъ примѣчательный случай изъ жизни архипастыря, впрочемъ изъ того времени, когда онъ былъ митрополитомъ

невѣжественъ, какъ представляетъ Григора, см. выше) сдѣланъ архимандр. Арсеніемъ въ прежде упомянутой статьѣ (стр. 944). Къ сказанному авторомъ можно присовокупить только слѣдующее: при изчисленіи сочиненій Каллиста о. Арсеній пропустилъ небольшое сочиненіе его въ видѣ внушеній о молитвѣ,—кажется,—монахамъ (Отпечатано въ 147 греческомъ томѣ Миня. Переведено въ «Христ. Чт.», 1832 г., т. 47).

[177]) Cantacuseni. Tom. III, lib. IV, cap. 38, p. 374—375.

Ираклійскимъ [178]). Первое патріаршество Филоѳея продолжалось короткое время. Въ 1355 году Іоаннъ Кантакузинъ палъ и долженъ былъ уступить престолъ Іоанну Палеологу. Это событіе устрашило Филоѳея. Онъ боялся мщенія со стороны новаго императора, такъ какъ полагалъ, что Іоаннъ Палеологъ не проститъ ему коронаціи Матѳія. Въ виду этого опасенія, Филоѳей тотчасъ по возшествіи Іоанна Палеолога на престолъ, покинулъ патріаршую каѳедру и скрылся [179]). Но какъ оказалось впослѣдствіи, Палеологъ не имѣлъ въ виду мстить и наказывать Филоѳея за его излишнюю угодливость Кантакузину. Это яснѣе всего открылось изъ того, что когда скончался Каллистъ, вторично возведенный въ патріархи по случаю произвольнаго бѣгства Филоѳея, императоръ призвалъ къ управленію церковію этого послѣдняго, вступивъ съ нимъ въ дружественныя сношенія еще ранѣе этого событія [180]). Изъ времени втораго патріаршествованія Филоѳея заслуживаетъ

---

[178]) Cantacuseni. Tom. III, lib. IV, cap. 16, p. 107; cap. 29, p. 217—218; cap. 32, p. 239; cap. 50, p. 363. Куперъ считаетъ (p. 180) подозрительными тѣ похвалы, какія расточаетъ Кантакузинъ Филоѳею, подозрительными, указывая на то, что императоръ прославляетъ всѣхъ патріарховъ, крѣпко державшихся Паламитской стороны, а такимъ и былъ Филоѳей. Но подозрѣнія Купера, выраженныя въ такой недоказательной формѣ, не могутъ заслуживать большаго вниманія. Слѣдуетъ однако замѣтить, что о нравственномъ характерѣ и пастырской дѣятельности Филоѳея мы не можемъ составить точнаго понятія, такъ какъ мы лишены возможности чѣмъ либо провѣрить показанія Кантакузина, историка не безпристрастнаго; (извѣстія Григоры очень бѣдны по содержанію); что-же касается образованности Филоѳея, то сохранившіяся до насъ сочиненія этого патріарха даютъ возможность составлять благопріятное сужденіе объ его образованности.

[179]) Cantacuseni. Ibid. cap. 40, p. 291.

[180]) Cantacuseni. Ibid. cap. 50, p. 363.

вниманія его дѣятельность въ борьбѣ съ Варлаамитами. Какъ человѣкъ болѣе образованный и ученый, онъ старался дѣйствовать на этихъ отщепенцевъ силою доводовъ и убѣжденія и поэтому въ значительной мѣрѣ умиротворилъ Византійскую церковь [181]). Филоѳей извѣстенъ также тѣмъ, что онъ причтилъ къ лику святыхъ Паламу—митрополита Ѳессалоникійскаго, главу Паламитовъ, и сочинилъ въ честь новоканонизованнаго святаго службу [182]). Вотъ краткія свѣдѣнія о Филоѳеѣ, какими располагаетъ церковный историкъ [183]).

Обозрѣвъ группу патріарховъ отъ Іоанна Калека-

---

[181]) Недѣтовскаго. Варлаамитская ересь. Труды Кіев. Д. А. 1872 г. т. I, 352.

[182]) Cuperi (на основаніи Алляція) Ad. histor. patriarch, p. 181.

[183]) Сообщимъ свѣдѣнія о литературной дѣятельности Филоѳея, которою онъ также извѣстенъ. Въ 154 греческомъ томѣ Миня отпечатано нѣсколько сочиненій этого патріарха, хотя замѣчательныхъ между ними и нѣтъ. Вотъ эти сочиненія: 1) Слово на Воздвиженіе Животворящаго Креста. 2) О заповѣдяхъ (De Mandatis) Христа; здѣсь рѣчь идетъ, впрочемъ, не о заповѣдяхъ блаженства, а вообще о различныхъ наставленіяхъ Христа нравственнаго характера. 3) Ordo sacri ministerii—это уставъ, какъ служить всенощное бдѣніе. 4) Похвала тремъ Святителямъ — длинное слово. Затѣмъ въ 151 томѣ Миня отпечатано сочиненіе Филоѳея 5) Противъ Никифора Григоры, XII-ть книгъ (антирретики); авторъ держится въ сферѣ представленій, около которыхъ вращались споры Паламитовъ и Варлаамитовъ — разсуждаетъ о различіи божественной сущности и энергіи, ихъ единеніи, о божественной силѣ, которою Богъ обладаетъ φυσιχῶς, о божественной естественной энергіи, что она не создана и т. д. Въ томъ-же томѣ Миня напечатано длиннѣйшее 6) Похвальное слово иже во святыхъ отцу нашему Григорію Паламѣ, съ исторіею нѣкоторыхъ его чудесъ (p. 531—656).—Очевидно, слово произнесено по кончинѣ Паламы. Тому-же Филоѳею приписываются и еще нѣкоторыя сочиненія.

са и до Филоѳея включительно, на основаніи историческихъ извѣстій до насъ дошедшихъ, въ дополненіе къ этому обзору присоединимъ нѣкоторыя свѣдѣнія касательно этой-же группы патріарховъ, находимыя въ собраніи документовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Acta patriarchatus Constantinopolitani» (изд. Миклошича и Мюллера). Не считаемъ нужнымъ долго останавливаться на этомъ собраніи документовъ, по причинамъ—о которыхъ нами было уже говорено прежде; извлечемъ изъ этого собранія лишь нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя могутъ давать возможность судить о характерѣ дѣятельности вышеуказанныхъ патріарховъ. Такъ какъ свѣдѣнія, какія мы извлекаемъ изъ «Актовъ Константинопольскаго патріархата» въ существѣ дѣла больше характеризуютъ самое время и духъ того времени, чѣмъ личности жившихъ тогда патріарховъ, то мы находимъ болѣе удобнымъ изложить эти свѣдѣнія въ систематическомъ, а не хронологическомъ порядкѣ.

Въ сословіе духовенства Константинопольскаго патріархата вкралось много недостатковъ, которые мѣшали ему благотворно вліять на пасомыхъ; лица духовныя принимали участіе въ дракахъ, смутахъ, бражничали съ мірянами, бродили, гдѣ случилось, занимались торговлею, къ униженію своего достоинства. Поэтому въ 1350 году при патріархѣ Каллистѣ найдено было нужнымъ учредить должность экзарховъ или благочинныхъ (visitatores), которые высшею духовною властію избирались изъ священниковъ, и которымъ порученъ былъ надзоръ за прочимъ духовенствомъ [184]). Въ чемъ именно заключались обязанности этихъ экзарховъ или благочинныхъ, это не

---

[184]) Miklosich et Müller. Acta patr. Constant. Tom. I, p. 306—308.

разъ разъясняемо было Константинопольскимъ синодомъ при посредствѣ патріарха [185]). Поставляемыя въ эту должность лица духовныя, давали собственноручныя подписки, что они будутъ исполнять свои обязанности со всѣмъ тщаніемъ подъ опасеніемъ наказаній [186]). Обращено было вниманіе на составъ духовниковъ для народа. Въ Греціи и до настоящаго времени духовниками считаются не всѣ священники, а только тѣ изъ нихъ, которые своею духовною опытностію и благоповеденіемъ выдѣляются изъ ряда прочихъ, и которые поэтому духовными властями утверждаются въ званіи духовниковъ. До временъ патріарха Каллиста, какъ можно догадываться, духовниками назначались лучшіе изъ лицъ бѣлаго духовенства. Но съ теченіемъ времени бѣльцы-священники, проходившіе должность духовниковъ, перестали оправдывать тѣ надежды, какія на нихъ возлагало духовное начальство. Названный патріархъ Каллистъ передаетъ должность духовника лицамъ монашескаго чина. Имъ вмѣнено было въ обязанность проходить это служеніе съ самоотреченіемъ и благоговѣніемъ, они должны были являться дѣлателями добродѣтели, быть чуждыми корысти и вообще они не должны были руководствоваться какими либо посторонними соображеніями, кромѣ служенія истинѣ. Въ случаѣ, если кто изъ нихъ не оправдаетъ благихъ ожиданій, такому угрожаемо было лишеніемъ церковнаго погребенія [187]). Въ документѣ не указано, почему бѣлые священники лишены были правъ очищать совѣсть людскую, т. е. въ какихъ отношеніяхъ они показали себя недостойными такой чести. Возможно думать,

---

185) Ibid. p. 318—320.
186) Ibid. p. 308—309.
187) Ibid. p. 309—312.

что Каллистъ распорядился такъ потому, что самъ онъ вышелъ изъ среды монаховъ, въ своей дѣятельности опирался на это сословіе, и естественно пожелалъ доставить какія-либо преимущества чернецамъ предъ бѣльцами.

Въ виду упадка нравственности народной и распространенія суевѣрій среди общества, духовная власть обращаетъ вниманіе на нравственныя и религіозныя потребности общества. Одинъ изъ патріарховъ обозрѣваемой группы Іоаннъ Калекасъ пишетъ для Константинопольскаго духовенства инструкцію, которою оно должно было пользоваться въ борьбѣ съ нравственными безпорядками въ народѣ, причемъ указываетъ на борьбу съ волшебствомъ и магіей, какъ на одну изъ необходимѣйшихъ задачъ въ дѣятельности духовенства. Патріархъ указываетъ народу, что за его грѣхи Богъ оставитъ его и предастъ въ руки враговъ [188]). Тотъ-же патріархъ отъ имени Константинопольскаго собора просилъ двухъ видныхъ представителей Константинопольской администраціи какого-то царскаго родственника Георгія Хумна и великаго друнгарія Димитрія Торника содѣйствовать Константинопольскому духовенству при исполненіи его задачъ по части исправленія нравовъ общества [189]). Многіе внушительные примѣры, занесенные на страницы «Актовъ Константинопольскаго патріархата», ясно показываютъ, что заботы патріарховъ разсматриваемаго времени объ исправленіи нравовъ и укрѣпленіи религіозности представляли собою насущную потребность. Такъ проступки противъ законовъ цѣломудрія встрѣчаемъ въ это время не только между мірянами, но и духовными вождями общества.

---

188) Miklosich et Müller. Acta. Tom. I, p. 184—187.
189) Ibid. p. 188—190.

Лишаемы были должности и сана за нарушеніе цѣломудрія епископы (наприм. митрополитъ Филиппопольскій)[190]), іеромонахи [191]) и монахи [192]). Что-же касается суевѣрной привязанности къ волшебству и магіи, то въ синодѣ Константинопольскомъ по этому поводу иногда разбирались очень сложные и соблазнительные процессы [193]). Въ одномъ изъ такихъ процессовъ замѣшаны были монахи и монахини, при чемъ эти лица не стыдились прибѣгать къ магическимъ средствамъ для сокрытія послѣдствій незаконныхъ связей между ними [194]).

Видна заботливость патріарховъ изучаемой нами группы и о сохраненіи чистоты вѣры между христіанами. Въ особенности причиняло безпокойство архипастырямъ распространеніе въ обществѣ сочиненій еретика Варлаама. Іоаннъ Калекасъ (въ началѣ своего патріаршествованія, когда онъ стоялъ еще на сторонѣ Паламитовъ) приказалъ разослать по монастырямъ окружное посланіе, которымъ требовалъ, чтобы всѣ монашествующіе, если они имѣютъ какія-либо богословскія сочиненія Варлаама, безъ промедленія представляли ихъ самому патріарху, подъ опасеніемъ отлученія за неисполненіе распоряженія духовной власти. Такого же рода окружное посланіе разослано было и міряномъ, какъ столицы, такъ и другихъ городовъ [195]).

Между прочими многочисленными документами, находящимися въ «Актахъ Константинопольскаго патріархата», обращаютъ на себя два, изъ которыхъ въ

---

190) Ibidem. p. 168—169.
191) Ibid. p. 323—326.
192) Ibid. p. 442—443.
193) См. напр. Synodi decretum de incantantionibus, p. 541—550 (при патріар. Филоѳеѣ).
194) Ibid. p. 548.
195) Acta... Tom. I, p. 201—202.

одномъ выражена чрезвычайно большая заботливость Константинопольскаго синода объ охраненіи недвимыхъ имуществъ церкви, а въ другомъ столь-же большая заботливость о христіанахъ, дѣлавшихся плѣнниками магометанъ-Турокъ. Содержаніе перваго документа таково: въ правленіе патріарха Филоѳея въ синодъ явился монахъ Макарій Тарханіотъ по порученію императора (Іоанна Палеолога) и заявилъ слѣдующее: «царь хочетъ устроить военный лагерь въ странахъ за Константинополемъ до Силистріи и хочетъ отдать воинамъ всю землю, какая здѣсь находится. Между тѣмъ здѣсь есть два участка, принадлежащіе великой церкви. Поэтому императоръ проситъ патріарха уступить эти два участка въ казну, причемъ царь обѣщается взнести въ церковь стоимость отчуждаемыхъ отъ церкви владѣній; если-же царю эти участки не понадобятся, то онъ, при извѣстныхъ условіяхъ, снова возвратитъ ихъ по принадлежности». Патріархъ отказался войти съ царемъ въ подобную сдѣлку. Филоѳей сказалъ: «что касается доходовъ съ церковныхъ имуществъ, то я полный господинъ и распорядитель ими, а относительно недвижимыхъ имуществъ церковныхъ я только стражъ не болѣе». Синодъ съ своей стороны подтвердилъ, что патріархъ правъ, когда отказывается уступить царю вышеуказанные участки; еслибы онъ это сдѣлалъ, то, говорили члены синода, онъ поступилъ бы противъ каноновъ. Тогда царскій уполномоченный, монахъ Макарій сдѣлалъ другое предложеніе: если не можете уступить царю церковныхъ владѣній, то отдайте ему ихъ въ аренду, подобно тому, какъ берутъ въ аренду церковныя владѣнія другія лица, причемъ царь, говорилъ царскій посланецъ, будетъ взносить десятину произрастеній, получаемыхъ съ этой земли (τὴν μορτὴν) въ пользу церкви». Но и на это патріархъ и синодъ не со-

гласились. Они говорили, что противно правиламъ церковнымъ отдавать церковныя имущества въ пользованіе кому-либо изъ лицъ власть имѣющихъ и самому царю. Патріархъ и синодъ въ заключеніе сказали: «Если же царь захочетъ взять церковныя владѣнія по собственной волѣ, то пусть возьметъ; онъ даровалъ ихъ церкви, онъ-же можетъ и снова взять ихъ и затѣмъ поступить съ ними, какъ ему заблагоразсудится» [196]). Такъ ревниво іерархи охраняли интересы церкви, вѣроятно въ томъ предположеніи, что всякіе счеты съ государствомъ были-бы затруднительны и неудобны.—Въ другомъ изъ прежде упомянутыхъ документовъ находимъ изложеніе опредѣленія Константинопольскаго синода по слѣдующему случаю: нѣсколько христіанъ было взято въ плѣнъ турками, но плѣнникамъ этимъ удалось бѣжать. Они достигли одного мѣстечка—Фаръ (Φάρον) и искали себѣ прибѣжища въ храмѣ этого мѣстечка, въ храмѣ, который находился въ вѣдѣніи іеромонаха (что въ то время нерѣдко случалось). Но жители указаннаго мѣстечка почему-то захотѣли выдать бѣглецовъ снова Туркамъ. Іеромонахъ-же не только не удержалъ ихъ отъ такого постыднаго намѣренія, но и ревностнѣе другихъ изгонялъ ихъ изъ храма, гдѣ они скрылись. Несчастные, при видѣ опасности, такъ какъ они хорошо знали, что ихъ какъ бѣглецовъ ждетъ наказаніе и даже смерть у Турокъ, всячески упрашивали своихъ собратій отпустить ихъ на свободу. Но ихъ просьбы не были уважены: ихъ предали въ руки Турокъ. Синодъ Константинопольскій, разсмотрѣвъ происшествіе, подвергнулъ заслуженному наказанію, какъ іеромонаха, такъ и жителей Фара. Мірянъ соборъ подвергнулъ эпитиміѣ, налагаемой обыкновенно на

---

196) Ibidem, p. 507—508.

убійцъ, а іеромонаха лишилъ священства [197]). Вышеизложенное разбирательство происходило въ правленіе патріарха Филоѳея. Соборное опредѣленіе, нѣтъ сомнѣнія, подсказано чувствомъ человѣколюбія и заботливостію о благѣ несчастныхъ христіанъ, и заслуживаетъ всякаго одобренія.

Прочіе многочисленные документы, помѣщенные въ разсматриваемыхъ актахъ, касаются разныхъ вопросовъ, наприм., патроната въ монастыряхъ, споровъ изъ за приданаго, споровъ изъ за земельнаго владѣнія монастырями, разныхъ проступковъ духовенства и т. д. или-же касаются управленія Русскою церковію въ разныхъ отношеніяхъ; но содержаніе перваго рода документовъ не представляетъ большого интереса, а документы имѣющіе значеніе въ исторіи Русской церкви излагать въ нашемъ трудѣ было-бы неумѣстно.

Обращаемся къ ознакомленію съ исторіею остальныхъ патріарховъ, правившихъ Византійскою церковію, послѣ патріарха Филоѳея до паденія Константинополя въ 1453 году, когда Византія сдѣлалась столицей Турецкой имперіи.

Византійскіе историки Никифоръ Григора и Іоаннъ Кантакузинъ въ своихъ историческихъ трудахъ остановились на шестидесятыхъ годахъ XIV-го столѣтія; непосредственныхъ продолжателей Григоры и Кантакузина не существуетъ. Слѣдующіе Византійскіе историки писали уже по паденіи Константинополя, взятаго Турками въ срединѣ XV вѣка. Поэтому, описатель судебъ Византійской церкви отъ средины XIV до средины-же XV вѣка чувствуетъ себя чрезвычайно обѣднѣвшимъ историческими матеріалами. Правда, продолжатели Григоры и Канта-

---

197) Ibidem, p. 592—593.

кузина, писавшіе послѣ паденія Константинополя, не совсѣмъ оставляютъ безъ вниманія указанное нами столѣтіе, но ихъ извѣстія очень скудны и малоцѣнны, такъ какъ эти историки не были современниками болѣе раннихъ событій, ими упоминаемыхъ.

Намъ остается описать жизнь и дѣятельность еще девяти патріарховъ, правившихъ Византійскою церковію до паденія Константинополя. Но мы не имѣемъ возможности характеризовать каждаго изъ патріарховъ разсматриваемаго времени, что̀ составляетъ долгъ историка, а можемъ сообщить нѣкоторыя извѣстія о нихъ, въ родѣ тѣхъ, какія сообщаются безпритязательными лѣтописцами. Сдѣлаемъ то, что для насъ возможно.

Преемникомъ патріарха Филоѳея былъ *Макарій*, но о немъ мы ничего не знаемъ кромѣ того, что онъ избранъ былъ изъ числа монаховъ (извѣстіе это у Купера) и еще того, что онъ дважды восходилъ на патріаршую Византійскую каѳедру; [198]) оба раза онъ правилъ церковію очень короткое время: первый разъ года два (1376—1378 г.), а второй разъ, повидимому, небольше года (1390—1391 г.).

Больше можемъ сообщить свѣдѣній о преемникѣ Макарія *Нилѣ* (1379—1388 г.). Нилъ пользовался большимъ почтеніемъ въ Византійской церкви. Имя

---

198) Изъ «Acta Miklosich»—а видно, что въ первый разъ онъ низверженъ былъ по разнымъ обвиненіямъ, а какъ кончилось второе патріаршество его — низверженіемъ или смертію изъ указаннаго собранія документовъ не видно (Tom. II, 142—147 и дал.). Вообще скудныя наши свѣдѣнія о *пяти* патріархахъ, правившихъ Византійскимъ патріархатомъ послѣ Филоѳея, нѣсколько восполняются «Актами Константинопольскаго патріархата» Миклошича, но какъ мы уже не разъ замѣчали, эти акты весьма мало даютъ матеріаловъ для описанія жизни и дѣятельности патріарховъ. Впрочемъ, хоть немногимъ изъ этихъ актовъ, мы все-же воспользуемся ниже.

Нила, по смерти этого патріарха, возносилось съ похвалами въ извѣстномъ церковномъ чинѣ въ недѣлю православія. При этомъ случаѣ возглашалось: «блаженно скончавшемуся Нилу святѣйшему патріарху, ревностно подвизавшемуся за церковь Божію и ея догматы словомъ, дѣломъ и ученіемъ, писаніями и добрыми дѣлами—вѣчная память». Здѣсь по всей вѣроятности разумѣется борьба его съ латинянами и защита ученія Паламитовъ [199]).

Патріархъ Нилъ принадлежалъ къ образованнымъ пастырямъ Константинопольской церкви. Онъ извѣстенъ былъ своими проповѣдями, списки съ которыхъ и донынѣ можно находить въ восточныхъ библіотекахъ. Одинъ изъ послѣдующихъ Византійскихъ патріарховъ знаменитый Геннадій Схоларій, человѣкъ ученый, сдѣлалъ такой отзывъ о проповѣдяхъ Нила: «если-бы кто сравнилъ проповѣди Нила съ проповѣдями великаго Іоанна Златоуста и призналъ ихъ сестрами, то не погрѣшилъ-бы противъ истины» [200]). Отзывъ, думаемъ, едва-ли не преувеличенный [201]). Присоединимъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія о патріаршествѣ Нила, заимствуемыя изъ «актовъ Константинопольскаго патріархата». Изъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ во времена этого патріарха въ Константинопольскомъ синодѣ—обращаетъ на себя вниманіе дѣло объ одномъ митрополитѣ, бѣжавшемъ къ туркамъ, которыми въ ту эпоху Византійская имперія окружена была съ разныхъ сторонъ. Синодское опредѣленіе по указанному случаю относится къ 1381 году и заключается въ

---

199) Le-Quien. Oriens, I, p. 304.

200) Преосв. Порфирія. Проповѣдники въ Константинополѣ. Труды Кіев. Дух. Акад. 1880, т. II, 503.

201) Изъ напечатанныхъ проповѣдей Нила мы знаемъ лишь его—«Панегирикъ Григорію Паламѣ». (Migne. Gr. tom. 151, p. 655 etc.)—не представляющій ничего особеннаго.

слѣдующемъ: митрополитъ Перитеорійской эпархіи (во Ѳракіи) Дороѳей по императорскому приказанію за что-то былъ посаженъ въ крѣпость, но онъ отсюда бѣжалъ, впрочемъ не къ императору, чтобы искать отъ него милости, и не къ патріарху съ синодомъ за помощію, какъ говорится въ документѣ, но къ туркамъ и, при содѣйствіи этихъ послѣднихъ, продолжалъ архипастырствовать въ городѣ Перитеоріѣ. Въ вознагражденіе за услуги, оказываемыя турками Дороѳею, экс-митрополитъ обѣщалъ невѣрнымъ, что онъ будетъ выдавать имъ всѣхъ плѣнныхъ христіанъ, если они будутъ искать убѣжища въ названномъ городѣ. Обѣщаніе это Дороѳей, къ стыду своему, неоднократно исполнялъ. Патріархъ Нилъ не разъ призывалъ Дороѳея явиться въ Константинополь для законнаго суда надъ нимъ, но онъ не думалъ исполнять воли патріарха. Тогда синодъ, принимая во вниманіе, что Дороѳей считаетъ турокъ и своими «царями, и патріархами, и заступниками» лишилъ его архіерейской власти и подвергъ его отлученію на всю жизнь. Впрочемъ, если, раскаявшись въ своихъ преступленіяхъ, онъ возвратится къ церкви, ему позволено было вступить въ монастырь въ качествѣ простаго міранина и замаливать здѣсь свое паденіе [202]). Кстати сказать изъ одного документа, находящагося въ разсматриваемомъ собраніи «Актовъ», вообще открывается, что турки не относились къ христіанамъ, жившимъ въ ихъ владѣніяхъ, такъ жестоко, какъ можно было-бы предполагать. На западѣ въ то время распространено было мнѣніе, что турки тиранствуютъ надъ христіанами, мѣшаютъ даже имъ получать письма, не позволяютъ имъ совершать богослуженіе. Патріархъ Нилъ, въ письмѣ къ папѣ Урбану VI, раз-

---

[202]) Miklosich. Acta... tom. II, p. 37—39.

сѣеваетъ это неправильное мнѣніе и говоритъ: хотя за грѣхи наши мы (христіане) и вынуждены подчиняться туркамъ, но неправда, будто письма, адресуемыя намъ, прежде насъ попадаютъ въ руки турокъ, мы пользуемся—заявляетъ патріархъ—полною свободою получать письма, отвѣчать на нихъ и посылать свои, совершать хиротоніи, отправлять епископовъ, куда хотимъ, «имѣемъ право безпрепятственно совершать все относящееся до церкви среди самихъ невѣрныхъ» [203]). Изъ церковныхъ распоряженій, сдѣланныхъ при этомъ патріархѣ, можетъ быть отмѣчено, пожалуй, то, которымъ уничтожено купножитіе монаховъ и монахинь въ какомъ-то монастырѣ св. Аѳанасія. Патріархъ запретилъ здѣсь жить монахамъ и монахинямъ вмѣстѣ и подѣлилъ ихъ владѣнія поровну. Отсюда видно, что тотъ безпорядокъ монашеской жизни, какой устранялся упомянутымъ распоряженіемъ патріарха, отличался замѣчательною устойчивостью: издавна принимались мѣры въ борьбѣ съ нимъ, а онъ всетаки продолжалъ существовать. Стоитъ упомянуть, что между причинами, заставляющими патріарха уничтожить купножитіе монаховъ и монахинь, онъ указываетъ, между прочимъ, и на то, что монахини въ такихъ монастыряхъ ничего не дѣлали. а монахи принимали на себя всѣ труды, такъ-что монахи работали не только за себя, но и за своихъ сожительницъ, вслѣдствіе чего раждались споры и свары [204]).

Двое дальнѣйшихъ преемниковъ патріарха Нила *Антоній* IV (1388—1390; 1391—1397 гг. [205]) и

---

[203]) Miklosich. Acta. Tom. II, 87.

[204]) Ibidem, p. 80—83.

[205]) Такъ какъ Антоній на нѣкоторое время долженъ былъ уступить свой престолъ одному изъ своихъ предшественни-

Каллистъ Ксанѳопулъ (1397 г. отъ мая до іюня) ничѣмъ не замѣчательны. Въ «Актахъ Константипольскаго патріархата» помѣщены тѣ исповѣданія вѣры, какія произносили они при восшествіи на патріаршую каѳедру; исповѣданія вѣры, какъ Антонія, такъ и Каллиста, почему-то до буквальности схожи между собой. Не видно однакожъ, чтобъ это была какая нибудь древняя формула, усвоенная Константинопольской церковію и повторяемая патріархами при ихъ вступленіи въ должность. Содержаніе исповѣданія показываетъ, что оно недавняго происхожденія. Здѣсь заключается порицаніе заблужденій Никифора Василака и Сотириха, осужденныхъ при императорѣ Мануилѣ въ XII вѣкѣ, а также Варлаама и Акиндина; замѣчательно, что въ этомъ исповѣданіи выражено обѣщаніе соблюдать, между прочимъ, Новеллу императора Андроника Старшаго, которою запрещались всякія поборы съ лицъ, поступающихъ въ духовныя должности [206]).

Мимолетное патріаршествованіе Каллиста смѣнилось довольно продолжительнымъ патріаршествованіемъ *Матѳея* (1397—1410 г.). Изъ исторіи жизни и дѣятельности этого патріарха мы ничего не знаемъ. Но между документами, входящими въ составъ «Актовъ Константинопольскаго патріархата», существуетъ одно письмо патріарха, повидимому писанное отъ лица синода Константинопольскаго къ паствѣ города Анхіала. Здѣсь для насъ не безъинтересно читать о томъ, какіе порядки существовали тогда въ патріархіи относительно выборовъ архіерея на ва-

---

ковъ, патріарху Макарію, то изъ «Acta patr. Constant.» (II, 146) открывается, на какихъ условіяхъ онъ долженъ былъ сложить съ себя патріаршую должность, уступая ее Макарію.

[206]) Miklosich. Acta... ibid., p. 112—114; conf. p. 293—294.

кантную каѳедру. Патріархъ пишетъ, что «каноническіе выборы происходили такъ: патріархъ объявляетъ архіереямъ (въ синодѣ), что такая-то церковь сиротствуетъ и что надлежитъ посвятить туда епископа, причемъ самъ (патріархъ) не поименовываетъ никакого лица. Затѣмъ, епископы уходятъ въ обычное мѣсто, гдѣ производилось избраніе, творятъ молитвословіе и наименовываютъ трехъ кандидатовъ и вносятъ это представленіе на усмотрѣніе патріарха, который и утверждаетъ изъ числа этихъ кандидатовъ, кого ему будетъ угодно, и потомъ рукополагаетъ». Очевидно, императоръ не принималъ никакого участія въ выборѣ и назначеніи епископовъ. Указанный порядокъ избранія однакоже не исключалъ и самой паствы отъ избранія епископа, если она хотѣла того. Патріархъ Матѳей затѣмъ разъясняетъ, какъ происходило дѣло въ томъ случаѣ, если сама паства имѣла въ виду достойнаго кандидата на должность архіерея. Паства въ этомъ случаѣ обращалась съ письменною просьбою на имя Константинопольскаго синода и патріарха, чрезъ которую рекомендовала своего кандидата, какъ человѣка достойнаго занять каѳедру и предоставляла синоду сдѣлать надлежащее разслѣдованіе относительно этого лица. При просьбѣ должно было быть приложено засвидѣтельствованіе отъ лица всѣхъ мѣстныхъ клириковъ. Всѣ этого рода грамоты долженъ былъ доставить въ Константинополь въ синодъ самъ кандидатъ лично, чтобы избиратели могли познакомиться съ нимъ и испытать его; буде-же окажется онъ человѣкомъ безукоризненнымъ, тогда синодъ избираетъ и назначаетъ его, и именно его, а не другаго кого [207]). Помимо интереса, какой возбуждаетъ анализированный нами до-

[207]) Acta... Tom. II, p. 345—347.

кументъ, ознакомляя насъ съ одной изъ важныхъ церковныхъ функцій, онъ, документъ, быть можетъ служитъ выраженіемъ попеченій патріарха Матѳея о соблюденіи законныхъ, каноническихъ порядковъ въ управленіи дѣлами церкви.

Къ сожалѣнію, патріархъ Матѳей былъ послѣднимъ архипастыремъ Византіи, правившимъ церковію въ духѣ православія. Всѣ прочіе патріархи Константинопольскіе—до самаго паденія столицы въ 1453 году—являются отступниками отъ православія, по направленію къ латинству и папству. Всѣ они, въ этомъ случаѣ, были послушными орудіями тогдашнихъ Византійскихъ императоровъ—Мануила и Іоанна Палеологовъ (1391—1448 г.), старавшихся сблизиться съ западомъ въ интересахъ защиты своего государства отъ Мосульманъ—Турокъ.

Такъ патріархъ *Евфимій*, управлявшій Византійской церковью послѣ Матѳея (1410—1416 г), ничѣмъ неизвѣстный по своей архипастырской дѣятельности, выставлялся впослѣдствіи императоромъ Іоанномъ Палеологомъ—въ качествѣ лица, проникнутаго желаніемъ соединенія церкви Греческой съ Латинской. Этотъ императоръ говорилъ представителямъ Греческой церкви, прибывшимъ на соборъ во Флоренцію: «вотъ мы прибыли въ Италію, но не мнѣ первому пришла эта мысль и не я первый принялся за это дѣло». Іоаннъ Палеологъ напоминаетъ, что и отецъ его императоръ тоже отправлялъ посольство въ Италію къ папѣ Іоанну, и что въ этомъ посольствѣ находился и патріархъ Евфимій, мужъ,—по словамъ оратора,—украшенный добродѣтелью и знаменитый богословъ. «Итакъ, и раньше насъ—говорилъ царь—были такіе знаменитые люди, думавшіе объ этомъ-же дѣлѣ и даже желавшіе исполнить его, но обстоятельства воспрепятствовали его испол-

ненію [208]).» Если императоръ, говорившій эту рѣчь, сообщаетъ вѣрныя извѣстія объ Евфиміи, а не представляетъ его сторонникомъ уніи въ личныхъ своихъ интересахъ, то мы должны признать патріарха Евфимія первымъ въ ряду другихъ патріарховъ, несомнѣнно и рѣшительно стоявшихъ за унію съ Римомъ, къ ущербу для православія и достоинства Греческой церкви.

Преемникомъ Евфимія былъ извѣстный патріархъ *Іосифъ* II (1416—1439 г.), отступничество котораго отъ православія не подлежитъ никакому сомнѣнію. До восшествія на патріаршую каѳедру, онъ былъ митрополитомъ Ефесскимъ. Болѣе извѣстныя обстоятельства изъ его жизни тѣсно связываются съ исторіею Флорентійскаго собора. Повидимому, онъ очень охотно отправляется на этотъ соборъ, ставъ во главѣ прочихъ греческихъ епископовъ, сопровождавшихъ императора Іоанна Палеолога, ѣхавшаго къ папѣ для заключенія уніи [209]). Іосифъ не мало былъ польщенъ тѣмъ, что папа распорядился, чтобы Византійскаго патріарха повсюду на западѣ встрѣчали съ великою честію [210]). На соборѣ Флорентійскомъ патріархъ сдѣлалъ все, чтобы помрачить славу Греческой церкви, этой носительницы православной истины; онъ безъ страха и угрызеній совѣсти подписался подъ тѣмъ опредѣленіемъ о заключеніи уніи между папою и Греческою церковію, которое выработано было на этомъ соборѣ [211]). Іосифъ, какъ извѣстно, не возвратился къ своей Константинопольской паствѣ; онъ

---

208) Cuperi. Ad historiam... cap. 127.

209) Ducae. Historia Byzantina. Cap. 31 (Migne, Gr. tom. 157, p. 1005.).

210) Frantzae. Chronicon majus, lib. II, cap. 16 (Migne, Gr. tom. 156, p. 795.).

211) Ducae. Hist. Byzantina. Cap. 31, p. 1012.

умеръ вслѣдъ за провозглашеніемъ уніи. Какъ-бы въ знакъ того, что, отпавъ отъ церкви Греческой, онъ уже не могъ болѣе принадлежать ей, трупъ Іосифа былъ погребенъ во Флоренціи въ церкви св. Маріи Novellae (?), бывшей во владѣніи Латинскаго ордена «Проповѣдниковъ» [212]). Думаютъ, что патріархъ Іосифъ потому такъ ревностно стоялъ за унію, что разсчитывалъ при помощи папы освободить Греческую церковь отъ порабощенія, въ какомъ она находилась у деспотическихъ Византійскихъ императоровъ [213]). Но еслибы и дѣйствительно Іосифъ руководился такою цѣлью, то онъ захотѣлъ выбрать изъ двухъ золъ не меньшее, а большее.—Что касается управленія со стороны патріарха Іосифа церковію Константинопольскою, то мы почти ничего не знаемъ объ этомъ. Если справедливо показаніе западнаго пилигрима, Бургундскаго рыцаря Бертранда, посѣтившаго Константинополь въ 1432 году и увѣрявшаго, что въ это время въ Софійской церкви давались драматическія представленія и исполнялись музыкальные концерты [214]), то должно думать, что разсматриваемый патріархъ отнюдь не принадлежалъ къ іерархамъ ревностнымъ и охраняющимъ интересы церкви.

По смерти Іосифа избраніе патріарха представляло собой дѣло не легкое. Пастыри, оставшіеся вѣрными православію и не принявшіе уніи, не желали браться за управленіе Константинопольскою церковію, безъ сомнѣнія, потому, что провозглашеніе уніи привело въ большой безпорядокъ дѣла Греческой церк-

---

212) Le-Quien. Oriens, I, 307.
213) Pichler. Geschichte der Kirchl. Trennung. B. I, 420.
214) Pichler. ibid., p. 413.

ви [215]). Пришлось избрать въ патріархи хоть кого нибудь и притомъ изъ лицъ сочувствующихъ уніи, т. е. которые не могли быть вѣрными пастырями Константинопольской паствы. Послѣ того, какъ отклонилъ предложеніе сдѣлаться патріархомъ митрополитъ Никейскій Виссаріонъ, унитъ, отличавшійся высокими умственными качествами и блестящимъ образованіемъ, въ патріархи Константинополя поставленъ былъ ничѣмъ неизвѣстный *Митрофанъ* епископъ Кизическій (1440—1443 г.) [216]), ревностнѣйшій унитъ. Его непродолжительное патріаршествованіе легло тяжелымъ бременемъ на церковь Греческую: онъ изгонялъ изъ эпархій тѣхъ епископовъ, которые оставались вѣрны православію, а на ихъ мѣсто поставлялъ приверженцевъ уніи. Даже за предѣлами Константинопольскаго патріархата Митрофанъ осмѣливался поступать подобнымъ-же образомъ. За все это прочіе восточные патріархи на особомъ соборѣ подвергли Митрофана и его споспѣшниковъ порицанію и наложили на нихъ анаѳему, а православныхъ христіанъ, подчиненныхъ этому патріарху и поставленнымъ отъ него епископамъ, освободили отъ необходимости подчиняться ихъ волѣ и распоряженіямъ [217]). Положеніе патріарха Митрофана, вслѣдствіе ревностной борьбы съ нимъ православныхъ епископовъ, сдѣлалось наконецъ крайне тяжелымъ. Почти никто изъ греческихъ архіереевъ не поддерживалъ съ нимъ общенія, не совершалъ съ нимъ богослуженія. Подъ вліяніемъ разочарованія, патріархъ заключился въ

---

[215]) Митрополитъ Ираклійскій, считавшійся кандидатомъ на вакантную каѳедру, отказался отъ этого почетнаго мѣста, ссылаясь на то, что онъ не принимаетъ уніи. Садова: Виссаріонъ Никейскій, стр. 119. (Петерб. 1883).

[216]) Frantzae. Chronicon, lib. II, cap. 17, p. 796.

[217]) Cuperi. Ad historiam, cap. 129 (изъ Алляція).

келлію, не отказываясь впрочемъ отъ патріаршества, гдѣ вскорѣ и скончался [218]).

По смерти Митрофана проходитъ два или три года, въ теченіе которыхъ каѳедра Константинопольская остается праздной. Наконецъ патріархомъ сдѣлался *Григорій Мамма* (1445 или 1446—1451 г.). Григорій, до времени возведенія въ патріаршее достоинство, имѣлъ должность великаго протосинкелла, былъ близокъ къ императору Іоанну Палеологу и сопровождалъ этого послѣдняго на соборъ Ферраро-Флорентійскій [219]). Повидимому, Мамма былъ человѣкомъ не безъ достоинствъ, хотя онъ и былъ рѣшительнымъ приверженцемъ уніи. Одинъ греческій православный историкъ, писавшій послѣ паденія Константинополя, дѣлаетъ о немъ очень мягкій и даже похвальный отзывъ, именуя его «человѣкомъ святѣйшимъ»; ему приписывается глубокое пониманіе политическихъ обстоятельствъ времени и предвидѣніе грядущихъ бѣдъ для имперіи; его возведеніе на каѳедру признается не добровольнымъ [220]). Мамму можно считать человѣкомъ отличающимся образованностію. Отъ него сохранилось нѣсколько сочиненій, свидѣтельствующихъ объ этомъ качествѣ патріарха [221]). Патріархъ Григорій впослѣдствіи по собственной волѣ отказался отъ каѳедры: волненія и

---

218) Le-Quien. Oriens, I, p. 308—309.

219) Erantzae. Chronicon majus, lib. II, cap. 15, p. 792.

220) Historia politica Constantinopoleos a 1391 ad 1578 ann., p. 10. Edit. Bonn. (по Crusius—у).

221) Всѣ его сочиненія впрочемъ направлены въ защиту Уніи. Вотъ заглавія ихъ: 1) Апологія противъ исповѣданія Марка Ефесскаго; 2) Отвѣтъ на окружное посланіе того-же Марка; 3) Къ императору Трапезунтскому о прибавкѣ, сдѣланной въ символѣ (Migne, Gr. tom. 160, p. 13—249). О времени ихъ написанія vid.: De Gregorio, cognomento Mamma, p. 11—12 (ibid.).

безпорядки, вызванныя въ Константинопольской церкви борьбою православныхъ съ унитами, а также неувѣренность въ политической прочности Имперіи, заставили Григорія покинуть каѳедру и Константинополь и бѣжать въ Римъ [222]). Преемникъ императора Іоанна Константинъ XI, послѣдній Византійскій императоръ—не чуждый уніатскихъ наклонностей, обращался было къ Григорію въ Римъ съ просьбой вернуться въ Константинополь и снова занять патріаршую каѳедру, но Григорій не принялъ этого приглашенія [223]). Онъ умеръ въ 1459 году.

Григорій Мамма былъ послѣднимъ патріархомъ Константинопольской церкви, правившимъ церковію при христіанскихъ императорахъ; послѣ него архипастырская каѳедра столицы оставалась безъ пастыря до самаго паденія имперіи (1453 г.). Есть впрочемъ мнѣніе, что Григорій былъ не послѣднимъ Константинопольскимъ патріархомъ предъ паденіемъ столицы, что онъ имѣлъ преемникомъ нѣкоего Аѳанасія, которымъ будто-бы и закончился длинный рядъ столичныхъ архипастырей Византійской державы. Это мнѣніе встрѣчается и въ нашей русской литературѣ. Такъ о. архимандритъ Арсеній говоритъ: «нѣкоторые писатели ставятъ послѣ него (Григорія Маммы) Аѳанасія (патріархомъ), о коемъ больше ничего неизвѣстно; по всей вѣроятности этотъ самъ вскорѣ отказался» отъ каѳедры [224]). Но допускать существо-

---

[222]) Historia politica, ibidem. — De Gregorio Mamma, p. 10 (гдѣ впрочемъ также высказывается и предположеніе, что онъ былъ изгнанъ изъ Константинополя).

[223]) Ducae Historia Byzantina, cap. 36, p. 1057. Le Quien. Oriens, I, p. 310.

[224]) Лѣтопись церковныхъ событій, стр. 549. (Петерб. 1880.). См. еще Архимандр. Сергія: полный мѣсяцесловъ Востока (т. II, приложеніе), гдѣ въ спискахъ Константино-

ваніе на свѣтѣ патріарха Аѳанасія, послѣдняго архипастыря самостоятельнаго Византійскаго государства, нѣтъ серьезныхъ основаній. Левъ Алляцій въ приложеніи къ его сочиненію «De ecclesiae occidentalis et orientalis perpetua consensione» помѣщаетъ акты Софійскаго собора, бывшаго по заключеніи собора Флорентійскаго и по смерти Іоанна Палеолога († 1448 г.). На этомъ будто-бы соборѣ и былъ поставленъ патріархомъ Константинопольскимъ Аѳанасій. Но акты Софійскаго собора считаются подложными [225]). Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на то, что ни одинъ изъ греческихъ писателей ближайшихъ къ тому времени не упоминаетъ, чтобъ какой-то Аѳанасій былъ сдѣланъ преемникомъ патріарха Григорія Маммы [226]). Лучшіе изслѣдователи хронологіи Константинопольскихъ патріарховъ Лекенъ и Куперъ рѣшительно считаютъ патріарха Аѳанасія фикціей. Что никакого преемника Григорія Маммы не существовало, что Аѳанасій—патріархъ есть фикція, въ этомъ удостовѣряетъ насъ авторитетное свидѣтельство одного православнаго греческаго историка, свѣдущаго относительно временъ завоеванія Константинополя Турками. Этотъ историкъ разсказываетъ слѣдующее: когда султанъ Магометъ II-ой завоевалъ столицу и сѣлъ на тронѣ Византійскихъ царей, то онъ очень удивился тому, что не является къ нему

польскихъ патріарховъ значится Аѳанасій, котораго авторъ заставляетъ дожить до паденія Константинополя.

[225]) Досиѳей, патр. Іерусалимскій, въ своей «Исторіи Іерусалимскихъ патріарховъ» (кн. 10, гл. 9) старается доказать подлинность актовъ этого противоуніоннаго собора; но авторъ при этомъ случаѣ показываетъ больше полемическаго усердія въ борьбѣ съ папствомъ, чѣмъ убѣждаетъ читателя въ подлинности защищаемыхъ имъ актовъ.

[226]) Le-Quien. I, p. 311—312.

патріархъ столицы и не привѣтствуетъ его какъ своего повелителя. Затѣмъ, по разсказу историка, Магометъ призываетъ къ себѣ нѣкоторыхъ Византійскихъ духовныхъ лицъ и говоритъ имъ: «гдѣ-же вашъ патріархъ? Почему онъ не идетъ воздать мнѣ подобающую честь»? Ему отвѣтили на это: «уже давно нѣтъ у насъ патріарха (ἀπὸ πολλῶν καιρῶν πατριάρχην οὐκ ἔχομεν); тотъ, кто былъ нашимъ патріархомъ—говорили они еще—добровольно отказался отъ каѳедры и до сихъ поръ еще живъ» [227]) (очевидно, рѣчь о Григоріѣ Маммѣ, умершемъ лишь въ 1459 г.).

Итакъ, послѣднимъ патріархомъ Византійскимъ христіанскаго періода былъ Григорій Мамма, а не Аѳанасій II-ой, который не долженъ занимать мѣста въ спискѣ Византійскихъ патріарховъ.

Всѣхъ патріарховъ, правившихъ Константинопольскою церковію, начиная съ царствованія Михаила Палеолога, при которомъ Византія, по отнятіи ея у крестоносцевъ, снова сдѣлалась столицей Греческаго царства до завоеванія ея Турками, насчитывается двадцать четыре. Изъ вышеизложенныхъ свѣдѣній о нихъ открывается, что между ними не было такихъ великихъ и знаменитыхъ, которые напоминали-бы собою славнѣйшихъ патріарховъ Византіи древнихъ временъ, которые напоминали-бы Григорія Богослова, Златоуста, Іоанна Постника, Тарасія, Меѳодія, Фотія. Образованныхъ глубоко и серьезно между патріархами изученнаго нами класса было немного (Григорій Кипрскій, Іоаннъ Гликисъ, Веккъ), большая же часть ихъ не возвышалась надъ среднимъ уровнемъ богословскаго просвѣщенія. Вліятельныхъ по своей пастыр-

---

[227]) Patriarchica Constantinopoleos historia a 1454 ad 1578 ann., p. 79 (издана вмѣстѣ съ прежде цитированной Historia politica—по Крузію).

[illegible] и по самому [illegible] [illegible] [illegible]

Византійскихъ церковныхъ сферахъ сложились и прочно держались двѣ партіи столь противоположныя одна другой, столь недружественныя одна съ другой, что являясь чуть не по очереди у кормила церковнаго правленія—въ лицѣ того или другаго патріарха, каждая изъ нихъ задачу своей дѣятельности поставляла въ томъ, чтобы уничтожать слѣды и плоды дѣятельности другой. Едва ли нужно говорить о томъ, какой вредъ могъ отсюда проистекать для дѣлъ церковныхъ. Одну изъ этихъ партій Византійскіе историки называли: «зилотами», т. е. строгими ревнителями [1]), а другую тѣ же историки называли «политиками» [2])—наименованіе, которое лучше всего можетъ быть передано современнымъ французскимъ парламентскимъ выраженіемъ: «оппортюниста», или, если хотите, эту партію можно назвать партіею умѣренныхъ.

Вотъ общія характеристическія черты той и другой партіи.

Партія зилотовъ или строгихъ заявляла себя поборницею свободы и независимости церкви, она хотѣла, чтобы государство отнюдь не посягало на права церкви, во всякомъ случаѣ, чтобы оно ограничивалось наименьшимъ вліяніемъ на дѣла церковныя и не позволяло себѣ вмѣшиваться въ сферу духовной власти. Зилоты не желали дѣлать никакихъ уступокъ царской власти, когда эта власть домогалась ихъ не только въ личныхъ интересахъ, но и въ интересахъ государства. Религіозныя и нравственныя

---

[1]) Τῶν Ζηλωτῶν συστήματα. Gregorae. Hist. Byzant. Lib. IV, cap. 1. N 7.

[2]) Ἀρετὴ, ἣν πολιτικὴν τινες λέγουσι καὶ τὸν κατ' αὐτὴν βιὸν πολιτικόν. Pachymeris. De Michaële, lib. IV, cap. 12, p. 280 (Edit. Bonn.).

требованія они ставили выше внѣшняго благоденствія государственнаго и общественнаго. Не только высокопоставленныхъ лицъ, но и самихъ императоровъ они желали подчинить строгой церковной дисциплинѣ. Они не боялись ради своихъ идей вступать въ столкновенія съ властями и обществомъ, хотя бы эти столкновенія вели къ смутамъ и безпорядкамъ.—Зилоты не отличались образованностію, потому что ставили не высоко науку, и не принимали попеченій о томъ, чтобы насаждать просвѣщеніе въ классѣ духовенства. Пастырей нравственно строгихъ они предпочитали ученымъ пастырямъ. Въ своей жизни Зилоты отличались не только нравственнымъ ригоризмомъ, но и подвижничествомъ, хотя не рѣдко случалось, что они удовлетворялись благочестіемъ внѣшнимъ и формальнымъ, не заботясь о развитіи и пріумноженіи благочестія сердца. Къ монахамъ Зилоты относились сочувственно, часто опирались на нихъ въ борьбѣ съ своими врагами, открывали имъ путь для вліянія и дѣятельности.

Не такова была другая партія политиковъ или умѣренныхъ. Политики искали для церкви поддержки въ государствѣ, отсюда они находили, что нѣтъ надобности мѣшать возможному сближенію церкви и государства и что не нужно препятствовать, если государство широко вліяетъ на церковь. Они глубоко уважали государственную власть; во всемъ давали знать, какое значеніе имѣетъ въ жизни общества, въ развитіи его благоденствія прочная свѣтская власть, не стѣсняемая стороннимъ вмѣшательствомъ. Политики, гдѣ нужно было, готовы были ради блага государственнаго сдѣлать уступки императорской власти, расположены были не строго судить императоровъ за ихъ погрѣшности, незаконные съ точки зрѣнія каноновъ поступки и дѣйствія, но они захо-

дили иногда въ этомъ отношеніи слишкомъ далеко и недостаточно пеклись о чисто церковныхъ интересахъ. — Партія умѣренныхъ насчитывала въ своей средѣ много лицъ образованныхъ, стояла за связи съ просвѣщенными классами общества; заботилась о томъ, чтобы духовныя должности были замѣщаемы людьми умственно развитыми, способными быть учителями народа. Въ нравственномъ отношеніи эта партія была не очень строга. Она стремилась стоять какъ можно ближе къ жизни и обществу, поэтому не пренебрегала благами міра сего; строгій аскетизмъ не былъ для нея привлекателенъ. Она мало обращала вниманія на успѣшное развитіе монашества и не содѣйствовала расширенію его вліянія. Въ противоположность зилотамъ, умѣренные опирались въ своей дѣятельности не на монаховъ, а на бѣлое духовенство и на интеллектуальный классъ общества.

Въ характерѣ дѣятельности той и другой партіи замѣчалась существенная разность: когда на церковной сценѣ дѣйствовали политики, они довольно тихо и сравнительно мирно проводили свои тенденціи въ жизнь; напротивъ, когда у кормила правленія являлись зилоты, то они, опираясь на такой подвижный элементъ въ Византіи, какъ монахи и отчасти чернь, всегда дѣйствовали шумно, не рѣдко бурно, а иногда даже мятежно.

Случалось, что раздоры партій изъ чисто церковныхъ сферъ переходили въ народъ и здѣсь производили великое волненіе умовъ. Дѣло доходило до того, что каждый отдѣльный домъ въ Византіи представлялъ собою какъ-бы военный лагерь, въ которомъ лицемъ къ лицу сошлись двѣ враждебныя силы. По словамъ историка Пахимера, расколъ въ церкви, создаваемый борьбою разномыслящихъ церковныхъ партій, иногда такъ «усиливался, что дѣлилъ домы:

иначе жилъ (и мыслилъ) отецъ, иначе сынъ, иначе мать и иначе дочь, иначе сноха и иначе свекровь» [3]).

Историкъ Никифоръ Григора причину появленія и развитія этихъ противоположныхъ партій въ церкви хочетъ объяснять тѣмъ соображеніемъ, что въ однихъ и тѣхъ же лицахъ, принадлежащихъ къ тогдашней іерархіи, не уживались вмѣстѣ религіозное совершенство, чуждающееся соблазновъ міра, на которое претендовали одни (зилоты), съ церковно-практическою опытностію и благоразуміемъ, какими хотѣли руководиться другіе (политики или умѣренные) [4]). Вслѣдствіе чего одна партія неминуемо должна была выдѣлиться отъ другой. Полагаемъ, что нѣтъ основаній оспаривать это наблюденіе Византійскаго историка [5]). Тотъ же историкъ, оцѣнивая церковно-общественную дѣятельность обѣихъ разсматриваемыхъ партій, замѣчаетъ при одномъ случаѣ: «можно находить много такихъ людей, которые не похвалятъ ни той, ни другой партіи, потому что ни та, ни другая не оставались въ предѣлахъ умѣренности и законности». [6]). А противъ этого замѣчанія историка и совсѣмъ не возможно ничего возразить, какъ это въ особенности покажетъ дальнѣйшее изученіе существа и свойствъ партій.

Охарактеризуемъ въ болѣе подробныхъ чертахъ

---

[3]) Пахимера. О Михаилѣ Палеологѣ, кн. IV, гл. 28, стр. 289. Русск. пер.

[4]) Византійская Исторія, кн. III, гл. 3, стр. 64. Русск. перев.

[5]) Начало этихъ партій можно возводить ко временамъ иконоборчества и споровъ Игнатіанскихъ и Фотіанскихъ (см. А. Лебедев.: Истор. Константинопольскихъ Соборовъ IX в., стр. 3 и дал.; 222 и дал.). Разумѣется, это—гипотеза, и мы не имѣемъ притязанія слишкомъ на ней настаивать.

[6]) Ibidem. кн. VI, гл. 5, стр. 175.

каждую изъ двухъ указанныхъ партій, при чемъ будемъ заботиться о томъ, чтобы характеристика наша основывалась на возможно ясныхъ и наиболѣе убѣдительныхъ историческихъ фактахъ.

Сначала скажемъ о *зилотахъ*. Въ умственномъ и научномъ отношеніи представители этой партіи, какъ мы уже сказали, стояли на низкой ступени. Вотъ какія свѣдѣнія сообщаютъ намъ историки о патріархахъ, принадлежащихъ къ числу зилотовъ. Объ одномъ патріархѣ историки пишутъ: «это былъ человѣкъ малоученый, онъ знакомъ былъ только съ элементарными правилами грамматики [7]); учился онъ немного: усвоилъ кое-что изъ начальнаго круга наукъ, чтобы не казаться въ нихъ совершеннымъ невѣждой, не знающимъ того, чѣмъ представлялся *пренебрегающимъ*» [8]); «по житейской опытности и пониманію жизни гражданской онъ отставалъ даже отъ тѣхъ, которые подъ вечеръ оставляютъ заступъ» [9]). О другомъ патріархѣ: «онъ незнакомъ былъ съ ученостію и жизнію съ обществѣ» [10]). О третьемъ патріархѣ: «онъ былъ простъ и вовсе не получилъ греческаго образованія» [11]). О четвертомъ: «онъ былъ человѣкъ простой, почти совсѣмъ потерявшій отъ старости слухъ, онъ даже и ногтемъ никогда не касался греческой учености» [12]). Еще энергичнѣе встрѣчаемъ отзывъ о пятомъ патріархѣ: «Онъ былъ слиш-

---

7) Акрополита. Лѣтопись, гл. 53 (объ Арсеніи).

8) Ibidem, гл. 84.

9) Григоры. Византійская Исторія, кн. III, гл. 3, стр. 64. Русск. перев.

10) Григоры. Ibidem, кн. VI, гл. 5, стр. 173 (объ Аѳанасіи).

11) Григоры. Ibidem, кн. VI, гл. 7, стр. 185 (объ Іоаннѣ Созопольскомъ).

12) Ibidem. Кн. VIII, гл. 2, стр. 283 (о Герасимѣ).

комъ семидесяти лѣтъ (когда сдѣлался патріархомъ), до патріашества не имѣлъ никакой іерархической степени и не умѣлъ правильно читать даже по складамъ» [13]). Но довольно. Невольно рождается вопросъ: зачѣмъ же на такое высокое мѣсто, какъ патріаршее, ставили столь непросвѣщенныхъ лицъ? Во первыхъ, это зависѣло отъ того, что императоры по своимъ личнымъ расчетамъ иногда очень желали видѣть у кормила церковнаго управленія лицъ, которые по своей необразованности оставались бы лишенными вліятельности (въ чемъ, кстати сказать, императоры большею частію обманывались, такъ какъ патріарху, даже и необразованному, открывалась возможность возбуждать различныя движенія столь нежелательныя для свѣтскаго правительства); во вторыхъ, ошибочно или нѣтъ, но у такого рода патріарховъ открывали достоинства нравственныя и добродѣтели, о которыхъ иногда думали, что таковыя болѣе приличествуютъ патріарху, чѣмъ образованность и ученость. Во всякомъ случаѣ, въ разсматриваемомъ нами явленіи можно находить одну изъ характеристическихъ чертъ, опредѣлявшихся теченіемъ самой жизни Византійскаго общества.

Сами не обладая ученостью, патріархи этого рода, какъ и естественно, не любили и вообще ученыхъ людей въ средѣ духовенства. Случалось, что, при вступленіи на Константинопольскую каѳедру патріарха зилота, люди ученые въ духовенствѣ, во избѣжаніе бѣды, принимали личину любителей подвижничества, а о своей любви къ наукѣ молчали, или же цѣлыми толпами уѣзжали изъ столицы въ провинцію,—ожидая перемѣны патріаршества [14]). Зилоты

[13]) Григоры — ibidem, кн. VIII, гл. 12, стр. 355. (Объ Исаіи).

[14]) Григоры—ibidem, кн. VI, гл. 5, стр. 173.

опасались богословской науки, какъ такого скользкаго пути, который удобнѣе всего приводитъ не къ утвержденію въ истинѣ, а къ ереси. Занимавшимся богословіемъ зилоты ставили въ преступленіе то, что они «слабымъ человѣческимъ разумомъ дерзали углубляться въ смыслъ божественныхъ изреченій, превышающихъ всякое разумѣніе и что, руководясь предосудительнымъ любопытствомъ, хотѣли проникнуть въ божественныя тайны, которыя должно чтить благочестивымъ молчаніемъ» [15]). О людяхъ, преданныхъ наукѣ, приспѣшники зилотовъ—патріарховъ старались распространять въ обществѣ самые нелестные для первыхъ слухи, разумѣется изъ желанія повредить ихъ репутаціи. Въ то время любили утверждать объ ученомъ человѣкѣ, что онъ будто измѣнилъ вѣрѣ и впалъ въ латинство. «По неблагородству зилотовъ, или же потому, что ихъ поджигалъ демонъ», слишкомъ энергически выражается Григора, приверженцы зилотической партіи распространяли слухи о людяхъ, занимавшихся наукою и просвѣщенныхъ, что и къ латинянамъ—то они путешествовали, и усвоили—то латинскіе обычаи, и получили—то они церковное посвященіе отъ латинянъ [16]). Не чувствуя симпатіи къ наукѣ и просвѣщенію, зилоты не заботились объ открытіи школъ и покровительствѣ образованнымъ клирикамъ. Ничего въ такомъ родѣ они не дѣлали, какъ это видно изъ исторіи ихъ дѣятельности.

Въ другомъ свѣтѣ представляются зилоты, по крайней мѣрѣ патріархи изъ числа ихъ,—въ нравственномъ отношеніи. О патріархахъ зилотической партіи весьма часто встрѣчаемъ замѣтки историковъ въ родѣ

---

[15]) Pachymeris. De Andronico, lib. I, cap. 8, p. 27. (Edit. Bonn).

[16]) Григоры. Ibid., кн. VI, гл. 1, стр. 157—158.

слѣдующей: «относительно благочестія и богоугодной жизни этотъ человѣкъ немногимъ чѣмъ уступаетъ людямъ самой высокой святости» [17]). Они славились напр. какъ величайшіе безсребренники. Такъ объ одномъ патріархѣ зилотѣ извѣстно, что, оставляя патріаршую каѳедру, онъ въ присутствіи всего Византійскаго клира говорилъ: «эту одежду и свитокъ, и три монеты, которые у меня были еще до вступленія на каѳедру и которые я пріобрѣлъ своимъ трудомъ: получилъ я ихъ за переписку псалтири—я беру и ухожу» [18]). Конечно, это прекрасно. Но сознаемся, намъ больше нравится, когда не сами безсребренники провозглашаютъ о своей нестяжательности, но когда объ этомъ возвѣщаютъ лица постороннія. Истинная добродѣтель не любитъ самохвальства. Представители зилотовъ выше всего ставили аскетическія лишенія: спали они на голой землѣ, въ банѣ не мылись, ходили пѣшкомъ, ночи простаивали на молитвѣ, безъ сна. Вообще, они напоминали собою отшельниковъ, живущихъ въ горахъ и пещерахъ, по замѣчанію историка [19]). Какъ лицамъ, которымъ не страшны были какія бы то ни было лишенія, которыхъ ничѣмъ нельзя было устрашить и запугать, они являлись—замѣчаніе историка—«мужами весьма сильными словомъ и дѣломъ» [20]). Они (по крайней мѣрѣ лучшіе изъ нихъ), совершенно искренно, съ полнымъ убѣжденіемъ, при встрѣчѣ съ самыми серьезными опасностями, могли говорить и говорили: «вотъ мы готовы (ко всему) и не испу-

---

17) Григоры. Ibid., кн. III, гл. 3, стр. 64.

18) Пахимера. О Михаилѣ Палеологѣ, кн. IV, гл. 7, стр. 247. Русск. пер.

19) Григоры. Визант. истор., кн. VI, гл. 5, стр. 173 (рѣчь объ Аѳанасіи).

20) Акрополита. Лѣтопись, гл. 84 (объ Арсеніи).

гаемся, чтобы ни задумали въ отношеніи къ намъ. Мы не будемъ противиться: мечъ ли приготовятъ намъ или смерть» [21]). Эту же черту зилотовъ очень образно описываетъ одинъ Византійскій историкъ въ слѣдующихъ словахъ: «патріархъ (зилотъ) былъ непоколебимъ какъ та скала, около которой вѣчно вздымаются огромныя волны и бушуетъ море, и которая, разбивая волны въ пѣну и пренебрегая ревомъ бурнаго моря, твердо стоитъ на томъ же основаніи» [22]). Представители зилотизма, не имѣя привычки покорливо склонять головы даже предъ вѣнценосцами и проводя свои идеалы въ жизнь безъ уступокъ и снисхожденія, энергично и рѣзко, казались «страшными», поселяли трепетъ въ другихъ и, прибавляетъ историкъ: «для многихъ были непріятны» [23]). Это, впрочемъ, довольно понятно. Патріархи разсматриваемаго направленія, дѣйствительно, возбуждали страхъ и ужасъ въ тѣхъ, съ кѣмъ они ближайшимъ образомъ встрѣчались по роду своей дѣятельности. Вотъ напримѣръ въ какихъ словахъ Григора описываетъ вступленіе на патріаршество патріарха-зилота. «Взошедши на патріаршій престолъ, онъ обратилъ къ архіереямъ и клирикамъ свое грозное лице, полное божественной ревности и строгости» [24]). Въ особенности патріархи зилоты любили,

---

[21]) Пахимера. Исторія о Михаилѣ Палеологѣ, кн. IV, гл. 7, стр. 247.

[22]) Никиты Хоніата. Царствованіе Алексѣя, сына Мануилова, гл. 15 (рѣчь о Ѳеодосіи).

[23]) Пахимера. Исторія о Михаилѣ Палеологѣ; кн. II, гл. 22, стр. 117. (Впрочемъ, какъ мы имѣли случай заявить объ этомъ, слова историка не могутъ быть въ дѣйствительности относимы къ тому патріарху, къ которому онъ относитъ ихъ. Во всякомъ случаѣ они не теряютъ значенія для характеристики изучаемой партіи).

[24]) Кн. VI, гл. 5, стр. 173 (объ Аѳанасіи).

чтобы предъ ними трепетали не какіе нибудь клирики и монахи, *а* и царскіе родственники, *а* и царскіе сыновья, *а* пожалуй и цари. Объ одномъ патріархѣ зилотическаго духа историкъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что «царскіе сыновья боялись его необыкновенной смѣлости и обличеній больше, чѣмъ приказовъ царя» [25]). Свои нравственныя качества, свою строгую воздержность, свою религіозность зилоты ставили очень высоко, при чемъ считали себя, въ сравненіи съ другими, чистыми праведниками, которымъ тяжело проводить жизнь среди многогрѣшнаго міра, какимъ казались имъ не только міряне, но и духовныя лица, хотя бы они стояли на высшихъ степеняхъ церковныхъ. Извѣстенъ случай, какъ патріархъ изъ числа зилотовъ бросилъ въ лице собора такіе слова: «я словно Лотъ въ Содомѣ» [26]). Сообразно своимъ личнымъ свойствамъ патріархи этого рода по большей части искали и находили себѣ опору во многочисленномъ Византійскомъ монашествѣ. За обиду, нанесенную любимому патріарху-зилоту, случалось, монахи вступались, какъ за личное дѣло. По поводу напр. низверженія угоднаго имъ патріарха они, какъ рой пчелъ, покидали свои монастыри, всюду бродили, волнуя умы и производя агитацію. Въ подобномъ случаѣ они отдѣлялись отъ новаго патріарха, если онъ не соотвѣтствовалъ ихъ видамъ, разводили схизму; всячески порицали его, судили-рядили о немъ публично. Вообще въ такихъ обстоятельствахъ монахи, по замѣчанію историка, иногда держали себя «смѣло и дерзко», «радовались при перемѣнахъ хода событій», наклоняющагося въ

---

[25]) Ibidem,—стр. 175.

[26]) Cuperi. Ad historiam patriarcharum, cap. 85, p. 135 (слова патр. Косьмы).

пользу ихъ интересовъ [27]). Въ вознагражденіе за такое усердіе патріархи-зилоты, случалось, смотрѣли сквозь пальцы на распущенность монаховъ (а такая распущенность въ особенности въ столицѣ — фактъ несомнѣнный); монахи получали возможность жить припѣваючи, или по выраженію Григоры—для нихъ наступала «весна жизни» [28]). Но разумѣется, такая весна, по волѣ тѣхъ же зилотовъ, иногда смѣнялась для нихъ суровой «зимою».

Скажемъ объ отношеніи патріарховъ-зилотовъ и ихъ сторонниковъ къ свѣтской правительственной власти. Зилоты неохотно слушались царскихъ приказаній, не отказывая себѣ однако-жъ въ правѣ прямо вмѣшиваться въ царское управленіе государствомъ, держали себя въ отношеніи къ главамъ свѣтской власти независимо и горделиво; ничѣмъ не хотѣли поступаться изъ своихъ религіозныхъ принциповъ, понимаемыхъ ими однакожъ въ условномъ смыслѣ. Когда одинъ императоръ приказывалъ патріарху-зилоту не вмѣшиваться въ дѣла государства, а довольствоваться самостоятельнымъ управленіемъ церкви, патріархъ съ гордостію говорилъ: «ты приказываешь мнѣ заниматься только дѣлами церкви, а себѣ предоставляешь по своей личной волѣ править государствомъ. Но это тоже самое, какъ еслибы тѣло говорило душѣ: я не нуждаюсь въ твоемъ содѣйствіи при отправленіи моихъ функцій, я свое дѣло дѣлаю какъ хочу, а ты дѣлай свое, какъ умѣешь» [29]). Патріархи-зилоты больше всего помнили о своихъ правахъ по отношенію къ государству,—но не

---

[27]) Пахимера. О Михаилѣ Палеологѣ, кн. IV, гл. 28, стр. 289—290.

[28]) Кн. VI, гл. 7, стр. 185 (при Іоаннѣ Созопольскомъ).

[29]) Cantacuseni. Historiae. Tom. I, lib. 1, p. 219. 249 (о патр. Исаіи).

о своихъ обязанностяхъ въ этомъ отношеніи. Проявлять свое значеніе въ дѣлахъ государственныхъ они любили, но подчиняться какимъ либо стѣсненіямъ, вызываемымъ потребностями государства, они не были расположены. Гдѣ дѣло касалось жертвъ въ пользу государства, они становились въ сторонѣ, а гдѣ возможно было выказать свою власть и авторитетъ, тамъ они не хотѣли упускать своего. Разсматривая отношенія патріарховъ-зилотовъ къ императорской власти, мы должны сказать о слишкомъ строгомъ, суровомъ, иногда даже мстительномъ отношеніи ихъ къ царямъ. Зилоты держались такого правила: въ церковной практикѣ всѣ каноническія постановленія имѣютъ одинаковую важность и безусловную обязательность; не можетъ быть мѣста снисхожденію въ случаѣ нарушенія ихъ—будутъ ли таковыми нарушителями обыкновенные смертные или цари; въ случаѣ нарушенія указанныхъ постановленій этими послѣдними пастырямъ слѣдуетъ быть неумолимо послѣдовательными въ примѣненіи дисциплинарныхъ каноническихъ взысканій [30]). Мы не будемъ представлять примѣровъ, иллюстрирующихъ практическое примѣненіе этого правила зилотовъ. Кому неизвѣстна исторія императора Михаила Палеолога? Важно лишь отмѣтить то, что патріархи-зилоты не просто хотѣли подвергать церковнымъ наказаніямъ преступныхъ царей, но хотѣли доводить ихъ до униженія, сдѣлать изъ церковнаго наказанія публичный скандалъ. Они старались о томъ, чтобы довести императоровъ, нарушавшихъ законы, до смиреннаго «молчанія,» до того, чтобы они, по выраженію историка, «запѣли палинодію», т. е. стали смиренно умолять

---

[30]) Слич. И. Е. Троицкаго: Арсеній и Арсениты. «Хр. Чтеніе» 1872 г., том. III, стр. 633.

о возвращеніи потерянныхъ ими правъ истиннаго христіанина; зилоты старались принизить ихъ такъ, чтобы, забывъ свое достоинство, они стали валяться въ ногахъ у суроваго патріарха [31]). И все это бывало. Нужно-ли это для достиженія религіозныхъ цѣлей? Уничижительное, слишкомъ смиренное отношеніе нѣкоторыхъ императоровъ къ зилотамъ патріархамъ иногда казалось смѣшнымъ и нетерпимымъ самому обществу Византійскому. Однажды Византійцамъ такъ надоѣлъ патріархъ-зилотъ, продѣлывавшій съ императоромъ многое по своему желанію, что они пустились на кощунственную штуку, лишь бы обезславить патріарха въ глазахъ царя. Здѣсь мы встрѣчаемся съ оригинальнымъ образчикомъ церковно-политической Византійской каррикатуры; къ сожалѣнію, эта каррикатура имѣетъ тотъ, крайне непріятный, недостатокъ, что она кощунственно дерзка, по крайней мѣрѣ въ деталяхъ. Византійскимъ проказникамъ нужно было сдѣлать такъ, чтобъ царь разсердился на патріарха и отставилъ бы его отъ должности. Для достиженія цѣли затѣйники устроили вотъ что: они похищаютъ подножіе отъ патріаршаго сѣдалища въ храмѣ Софіи, вырѣзываютъ на немъ ликъ Спасителя, а по бокамъ этого изображенія вырѣзываютъ съ одной стороны фигуру царя съ уздою во рту, а съ другой фигуру патріарха, который осаживаетъ царя, какъ кучеръ коня. Затѣмъ, непризванные художники потихоньку положили подножіе на прежнее мѣсто. Конечно, продѣлка огласилась и хотя косвенно, но достигла таки своей цѣли. Патріархъ удалился на покой [32]). Патріархи-зилоты,

---

[31]) Пахимера. Исторія о Михаилѣ Палеологѣ, кн. III, гл. 14, стр. 186; гл. 19, стр. 194—5.

[32]) Григоры, кн. VII, гл. 9, стр. 252—253.

кромѣ суровости отношеній къ царямъ, отличались, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ,—мстительностью, если императоръ своимъ образомъ дѣйствованія возбуждалъ ихъ гнѣвъ. Бѣда тому слабому царю, который попалъ въ опалу у зилотовъ. Мстительность ихъ поражаетъ изобрѣтательностью. Одинъ слабохарактерный императоръ возбудилъ неудовольствіе въ патріархѣ-зилотѣ, и послѣдній распорядился вотъ какъ: во-первыхъ, онъ велѣлъ, вопреки волѣ царя, поминать за богослуженіемъ имя его наслѣдника; во вторыхъ, подвергъ отлученію всякаго, кто не будетъ оказывать царскихъ почестей этому опальному наслѣднику; въ третьихъ, отлучилъ отъ церкви архіереевъ, державшихся стороны царствующаго государя. Эти революціонныя распоряженія архипастыря-зилота повергли царя въ недоумѣніе и ужасъ, и онъ съ горечью говорилъ: «если учитель мира такъ взбѣсился противъ меня и, потерявши всякій стыдъ и совѣсть, сталъ во главѣ возмутителей, то кто обуздаетъ разнузданную чернь. Патріархъ сдѣлался моимъ убійцей»! Но негодованіе и и злоба патріарха удвоились, когда столь революціоннаго патріарха царь велѣлъ посадить подъ стражу [33]). Позднѣе тотъ же патріархъ дошелъ до явнаго неистовства, когда этотъ самый императоръ былъ низверженъ съ престола; по извѣстіямъ Григоры, зилотъ прыгалъ отъ радости и говорилъ слова, обличавшія жестокость его души или, точнѣе, — сумасшествіе. «Возвеселится праведникъ, егда узритъ отмщеніе»—повторялъ онъ слова псалмопѣвца, приравнивая себя къ праведникамъ. Затѣмъ, онъ наказалъ всѣхъ епископовъ и священниковъ, сочувствовавшихъ впавшему въ несчастіе царю: однимъ за-

---

[33]) Григоры, кн. IX, гл. 3, стр. 398—399 (объ Андроникѣ и Исаіи).

претилъ священнослуженіе на нѣсколько лѣтъ, а другимъ до смерти [34]). А надъ самимъ царемъ жестоко и кощунственно надсмѣялся. Такъ какъ низверженный императоръ долженъ былъ принять иноческій санъ и сталъ называться Антоніемъ, то патріархъ приказалъ его поминать за богослуженіемъ слѣдующимъ образомъ: «благочестивѣйшаго и христолюбивѣйшаго государя нашего, монаха Антонія». Мало того: къ этому оскорбленію, по словамъ историка, зилотъ присоединилъ еще нѣсколько и другихъ [35]). Вполнѣ заслуженно страдалецъ-царь сравнивалъ зилота-мучителя съ «Нильскимъ крокодиломъ, который, по его словамъ, задушивъ животное, живущее вмѣстѣ съ крокодиломъ въ рѣкѣ, потомъ садится на трупъ и обливаетъ его голову слезами». Тотъ же царь вѣрно характеризовалъ патріарха, когда говорилъ, что «патріархъ поступилъ съ нимъ жесточе палача» [36]).

Какъ извѣстно, каждый принципъ, переходя отъ лицъ болѣе разумныхъ къ менѣе смыслящимъ, отъ подобнаго перехода извращается и получаетъ такія свойства, которыя дѣлаютъ его прямо возмутительнымъ. Такъ было съ тѣмъ началомъ, служить которому хотѣли патріархи—зилоты. Сдѣлавшась достояніемъ многихъ лицъ, зилотическій принципъ, въ приложеніи его къ практикѣ, теряетъ то, что было въ немъ лучшаго, и выпукло выставляетъ свои недостатки и крайности. Обращаемся къ характеристикѣ зилотической партіи, которая или самостоятельно, или

[34]) Ibidem, гл. 7, стр. 422.

[35]) Ibidem, гл. 10, стр. 440—441.

[36]) Ibidem, стр. 438.—Еще другой патріархъ зилотическаго духа (Косьма), въ виду угрожавшей ему опасности лишиться каѳедры, въ гнѣвѣ на царя «произнесъ заклятіе на утробу царицы, чтобы она не рождала дѣтей мужскаго пола (Никиты. О Мануилѣ Комнинѣ, кн. II, гл. 3, стр. 103).

во имя стоящаго во главѣ ея вождя, заявляла себя очень многими фактами и поступками большею частію некрасиваго и притязательнаго характера. Конечно, эта партія состояла изъ различныхъ степеней духовенства, хотя, какъ увидимъ потомъ, — не ими только она держалась. Въ какихъ же отношеніяхъ партія зилотовъ стояла къ правительственной власти? Если патріархи-зилоты въ отношеніи къ государственной власти больше помнили о своихъ правахъ, чѣмъ обязанностяхъ, то самая партія зилотовъ пошла въ этомъ отношеніи еще дальше, тѣмъ болѣе, что она нерѣдко принимала видъ раскола. Зилотическая партія, подъ предлогомъ полной исключительной преданности цѣлямъ религіи и благочестія, показывала холодность и пренебреженіе къ интересамъ государственнымъ. Благо государственное отходило для приверженцевъ этой партіи на послѣдній планъ. Если императоры выставляли на видъ предъ зилотами, что то или то должно сдѣлать для блага государственнаго, въ томъ то или этомъ показать примѣръ самопожертвованія; вообще если развивали предъ зилотами такъ называемую теорію экономіи, т. е. развивали ученіе о необходимости возможныхъ уступокъ со стороны послѣднихъ на пользу государственную [37]), то зилоты оставались глухи къ подобнымъ внушеніямъ и заявляли: «если угрожаетъ царству (обществу) опасность, то объ этомъ не церковь должна заботиться; на церкви лежитъ только обязанность молиться; а не допускать ничего угрожающаго бѣдствіями или устранять опасности—это обязанъ царь» [38]). Конечно, молитва дѣло великое, но зилоты, го-

[37]) Объ этой «теоріи» было говорено выше, гдѣ рѣчь идетъ о патр. Іоаннѣ Веккѣ и тамъ же примѣч. 27.

[38]) Пахимера. Истор. о Михаилѣ Палеологѣ, кн. V, гл. 18, стр. 358.

воря о молитвѣ,—какъ своей обязанности, очевидно хотѣли тѣмъ дать знать, чтобы ихъ оставили въ покоѣ и не возлагали на нихъ осязательныхъ заботъ и тревогъ по части государственныхъ потребностей. Если зилотамъ толковали о необходимости соблюденія мира и спокойствія въ государствѣ, которые ими нарушались, о необходимости всячески поддерживать этотъ миръ путемъ обузданія своихъ пожеланій, то зилоты, прикрываясь ревностію по благочестію, хотя и соглашались съ тѣмъ, что нужно охранять миръ общественный, но при этомъ давали понимать, что заботы о мирѣ имѣютъ въ ихъ глазахъ далеко не безусловное значеніе. «Нѣтъ спору», говорили они, что, «надобно стараться о мирѣ, но такъ, чтобы не оскорбить Бога, а если настоитъ опасность оскорбить Бога, то надобно бороться», т. е. выдти изъ состоянія пассивности и забыть о мирѣ. Разумѣется, эти слова, если понимать ихъ буквально, имѣютъ смыслъ библейскій, истинно христіанскій и благословный,— но Византійскій историкъ, сообщающій приведенныя слова, сопровождаетъ ихъ небольшимъ комментаріемъ, который лишаетъ ихъ этого буквальнаго смысла и придаетъ имъ такой, на какой мы указали выше. Историкъ, сообщая эти слова, замѣчаетъ: «всему своему ученію они (т. е. зилоты) давали *видъ* совершеннаго православія. Приводили они доказательства и изъ Писанія, на которое опирались непрестанно, если оно благопріятствовало ихъ ученію (т. е. могло быть перетолковано въ ихъ пользу) и покровительствовало собственно имъ» [39]). А самымъ лучшимъ и убѣдительнѣйшимъ комментаріемъ къ разбираемымъ словамъ зилотовъ служитъ ихъ дѣятельность,

---

[39]) Пахимера. Ibidem, кн. V, гл. 28, стр. 384.

о которой будемъ говорить сейчасъ и которая доказываетъ, что подъ предлогомъ благочестія они настойчиво обращались къ правительству съ своими часто странными и притязательными требованіями; во имя благочестія старались настоять на своемъ или же поставить въ затруднительное положеніе самихъ царственныхъ вѣнценосцевъ. Если что-либо предпринималось правительствомъ не въ ихъ интересахъ, и вообще если предпріятія правительственныя по какимъ-нибудь соображеніямъ имъ не нравились, они единодушно противились волѣ правительственной. Благодаря ихъ единодушію и настойчивости «опытъ какого бы то ни было предпріятія отклонить имъ было нетрудно» [40]). Лозунгомъ ихъ въ подобныхъ случаяхъ были слова: «мы стоимъ за церковь». Лозунгъ— импонирующій, внушительный. Къ сожалѣнію, такъ какъ понятіе о церкви у зилотовъ не отличалось широтою и здравомысліемъ (мы уже знаемъ, что, по замѣчанію ихъ современника они «придавали своему ученію лишь *видъ православія*»), то подъ предлогомъ «стоянія за церковь» они могли служить узкимъ партійнымъ интересамъ.

Посмотримъ, въ чемъ же именно выразились указанныя свойства партіи зилотической. Такъ какъ зилоты своимъ лозунгомъ сдѣлали слова, «стояніе за церковь», за благочестіе, то они желали давать своимъ дѣйствіямъ строго-религіозный характеръ. Они хотѣли во очію доказать, что покровительство неба обращено на ихъ сторону, а ни куда нибудь еще. Такъ зилоты, не имѣя общенія съ однимъ Византійскимъ патріархомъ, снявшимъ отлученіе съ императора Михаила Палеолога, для доказательства своей

---

[40]) Пахимера. Ibid., стр. 385.

предполагаемой правоты обращаются не къ авторитету Св. Писанія и Св. отцевъ и не къ разумнымъ доказательствамъ, а къ «суду Божію». Они рѣшительно и самоувѣренно требуютъ отъ императора, пожелавшаго, чтобы они, забывъ свою притязательность, вступили въ связи и единеніе съ большинствомъ предстоятелей церкви, не раздѣлявшихъ утрированной ихъ строгости, требуютъ, чтобы имъ была дана возможность путемъ «суда Божія» доказать, что напрасно ихъ считаютъ неправыми и сварливыми. Для устроенія этого «суда Божія» зилоты выпросили у императора такую церковь, въ которой не происходили службы во все время патріаршествованія зазорнаго въ глазахъ ихъ патріарха; здѣсь они надѣялись совершить одно чудо. Императоръ (это былъ Андроникъ) далъ имъ церковь всѣхъ святыхъ, которая была почему-то закрыта въ вышеуказанное патріаршество. Зилоты начали здѣсь богослуженіе, причемъ ими принята была предосторожность, чтобы кто нибудь изъ лицъ, не принадлежащихъ къ ихъ партіи, не проникъ сюда и тѣмъ не повредилъ чистотѣ и святости церкви. Для совершенія чуда зилоты пожелали имѣть у себя въ церкви мощи какого-либо святаго. Императоръ назначилъ выдать имъ мощи св. Іоанна Дамаскина. Чудо, которое хотѣли совершить зилоты, должно было состоять въ слѣдующемъ: они надумали положить свитокъ съ исчисленіемъ причинъ, по которымъ они отдѣлились отъ предстоятелей церкви, къ ногамъ угодника; затѣмъ совершать молитву, пока свитокъ чудеснымъ образомъ не передвинется отъ ногъ къ рукамъ угодника и появится въ нихъ. Какова затѣя! Императоръ сначала было соглашался на этотъ экспериментъ, но потомъ, быть можетъ, въ виду возможнаго обмана или какой нибудь продѣлки со стороны зилотовъ, отказалъ имъ въ производствѣ

эксперимента [41]). На этомъ дѣло однако же не кончилось. Впослѣдствіи зилоты [42]) опять возвратились къ мысли доказать свою правоту путемъ сверхъ-естественнымъ, «судомъ Божіимъ». На этотъ разъ зилотами предложено было императору уготовить треножникъ, могущій служить жаровней. Сюда предположено было бросить два свитка: зилотическій, въ которомъ они имѣли изобразить свои претензіи, и свитокъ со стороны православныхъ съ изъясненіемъ основаній, по которымъ представители церкви не раздѣляютъ претензій своихъ конкуррентовъ. Назначенъ былъ опредѣленный день для совершенія опыта. На зрѣлище прибыли: императоръ, придворные. Зилоты, подавшіе мысль о сожженіи свитковъ, конечно вполнѣ были убѣждены, что ихъ свитокъ спасется отъ разлагающаго дѣйствія огня. Но вотъ свитки брошены въ жаровню и до тла сгорѣли [43]). Замѣчательно, что этотъ неудачный опытъ зилотовъ нисколько ни въ чемъ не убѣдилъ ихъ: они по прежнему поддерживали свои претензіи.

Съ немалыми и часто странными претензіями об-

---

[41]) Pachymeris. Hist. de Andronico Palaeologo, lib. II, cap. 13, p. 39—42.

[42]) Григора (см. ниже) къ зилотамъ на этотъ разъ относитъ и арсенитовъ, несомнѣнныхъ зилотовъ, и Іосифитовъ, почитателей дѣятельнаго патріарха Іосифа, но мы не причисляемъ Іосифитовъ къ разсматриваемой партіи, потому что они въ дѣйствительности не раздѣляли принциповъ зилотизма.

[43]) Григоры. Визант. Ист. Кн. VI, гл. 1. Pachymeris. Ibid., cap. 22, p. 60—61. Нужно сказать, что и нѣкоторые патріархи—зилоты (напр. Исидоръ) были преисполнены горделивой мысли, что Богъ открываетъ имъ свою волю непосредственно, и въ этой увѣренности рѣшались, по своему произволу, дѣлать смѣлыя предсказанія царямъ, но и патріарховъ преслѣдовали неудачи въ этомъ отношеніи и тяжелое разочарованіе. Gregorae. Hist. Byzant. Tom. II, 870—871.

ращались зилоты къ свѣтской, правительственной власти и по поводу посвященія патріарховъ для Константинополя. Разскажемъ нѣсколько такихъ случаевъ. Послѣ того какъ совершилась унія Ліонская и вступилъ на престолъ преемникъ того императора, при которомъ происходила эта унія, открылась нужда посвятить новаго патріарха для столицы. Зилоты при этомъ настаивали предъ правительствомъ, чтобы патріархъ посвященъ былъ сообразно тѣмъ требованіямъ, какія возникли среди этой партіи. А эти требованія заключались въ слѣдующемъ: посвящать патріарха долженъ епископъ, не имѣвшій ни малѣйшихъ сношеній съ унитами (такого они нашли въ лицѣ епископа Козильскаго изъ Навпакской митрополіи) [44]); церемонія должна быть совершена въ такой церкви, въ которой не служило лице, имѣвшее соприкосновеніе съ дѣломъ уніи (для этой цѣли зилотами рекомендована была полузаброшенная церковь св. Предтечи, въ которой будущій патріархъ возведенъ былъ въ низшія церковныя степени—такъ какъ былъ міряниномъ). Самая хиротонія въ патріархи новоизбраннаго архипастыря столицы, быть можетъ, по нѣкоторой уступчивости зилотовъ, должна была совершиться въ знаменитомъ храмѣ св. Софіи, но зато по мысли представителей указанной партіи актъ долженъ былъ произойти при особенныхъ условіяхъ, разсчитанныхъ на то, чтобы унія и униты не имѣли ни малѣйшаго отношенія къ акту посвященія. Такъ они устроили слѣдующее: храмъ Софіи былъ вновь освященъ, какъ будто бы онъ былъ оскверненъ чѣмъ; въ хиротоніи имѣли принять участіе лишь архіереи,

---

[44]) Который былъ возведенъ въ митрополита Ираклійскаго во Ѳракіи, такъ какъ обыкновенно этотъ іерархъ рукополагалъ Константинопольскаго патріарха.

стоявшіе вдали отъ уніоннаго движенія; никто изъ клириковъ константинопольскихъ не могъ быть допущенъ въ храмъ не только участвовать въ церемоніи, но и созерцать ее; двери должны быть на запорѣ; при этомъ приняты были мѣры, чтобы кто-нибудь не проникъ на хоры — женское отдѣленіе храма—и не сталъ оттуда или же чрезъ окна смотрѣть на совершающееся въ храмѣ по случаю посвященія новаго патріарха. Вотъ, сколь многаго хотѣли зилоты, и въ виду силы и численности ихъ партіи имъ сдѣланы были всѣ уступки, на которыя они заявили притязаніе [45]).—И это, говоримъ, не единственный случай, когда при посвященіи новаго патріарха зилоты настойчиво выступали съ разными своими затѣйливыми требованіями предъ императорами. Почти тоже повторилось при рѣшеніи вопроса о возведеніи на каѳедру Константинопольскую новаго патріарха послѣ Іоанна Созопольскаго. Зилоты при этомъ случаѣ заявили о своихъ правахъ на избраніе патріарха, основываясь на томъ, что они стояли вдали отъ уніи, этого постыднаго дѣла, допущеннаго въ Византійской церкви XIII вѣка. Мало того: они требовали, чтобы посвящалъ будущаго патріарха архіерей, не причастный уніоннымъ соблазнамъ; какъ на такого они указали на какого то епископа Мармарицкаго съ запада, никому не извѣстнаго. По собраннымъ справкамъ объ этой личности оказалось, что епископъ Мармарицкій—человѣкъ сомнительной нравственности, корыстолюбецъ и симонистъ. Какъ бы то ни было, императорская власть чувствовала себя вынужденною уступить зилотамъ, уважить ихъ притязанія. Къ счастію для тогдашняго

---

[45]) Pachymeris. De Andronico Palaeogo, lib. 1, cap. 13—15, p. 39—49.

императора, дѣла устроились такъ, что въ Мармарицкомъ епископѣ не оказалось надобности: возстановленъ былъ на Византійской каѳедрѣ одинъ изъ прежнихъ патріарховъ (Аѳанасій), и затѣи зилотовъ разсѣялись [46]). Изъ тѣхъ же побужденій, какими руководились зилоты въ предъявленіи условій посвященія новыхъ патріарховъ, они же добивались разныхъ другихъ, согласныхъ съ ихъ наклонностями, предписаній и распоряженій отъ царя. Такъ, разъ они добились того, чтобы имъ позволено было переосвятить храмъ Софійскій, оскверненный, какъ они думали, богослуженіемъ патріарха, принявшаго унію. Для того, чтобы это переосвященіе представлялось болѣе истовымъ и было болѣе дѣйствительнымъ, они окропили святой водой не только внутренность зданія, но и стѣны его снаружи [47]). При другомъ случаѣ они же, зилоты, достигли того, чтобы лица разныхъ духовныхъ степеней, имъ не сочувствовавшія, подверглись разнымъ церковнымъ наказаніямъ съ согласія и рѣшенія самого императора [48]).

Зилоты нерѣдко простирали такъ далеко свою притязательность, что или лично чѣмъ нибудь угрожали царямъ, или предъявляли очень суровыя требованія къ особамъ царской фамиліи, или даже подготовляли революцію противъ неугоднаго имъ вѣнценосца. Чтобы добиться отъ императора Андроника Старшаго того, что имъ нужно было, зилоты пускали въ ходъ устрашенія противъ этого вѣнценосца. Они, напримѣръ, объявляли ему, что если онъ не получитъ церковнаго благословенія отъ новаго патріарха, непричастнаго латинской уніи, то самое его царство-

---

[46]) Pachymeris. De Andronico, lib. IV, cap. 34, p. 353—357.
[47]) Pachymeris. Ibidem, lib. I, cap. 4, p. 20.
[48]) Ibid., lib. I, cap. 22, p. 64—65.

ваніе не будетъ считаться законнымъ и несомнительнымъ [49]). Или: чтобы досадить императору Михаилу, имъ непріятному, и затѣмъ выразить свое торжество надъ нимъ, по смерти, они пускались на разныя безцеремонныя выдумки. При жизни названнаго царя, зилоты начали распространять въ обществѣ противъ него памфлеты, или, какъ тогда они назывались, «василографіи или оскорбительныя для царя сочиненія» [50]). Одинъ адептъ зилотизма распускалъ объ императорѣ Михаилѣ молву, будто онъ самъ видѣлъ, какъ императоръ, объѣзжая провинціи, причащался опрѣсноками, т. е. совершенно по латинскому обряду. Другой адептъ того же зилотизма по чувству ревности и благочестія назвалъ того же Михаила въ глаза: «Юліаномъ отступникомъ» [51]). На этотъ разъ столь дерзновенными адептами зилотизма были монахи, которые, какъ мы замѣчали выше, являлись одною изъ составныхъ частей изучаемой нами партіи. Случалось, что въ борьбѣ за интересы зилотизма монахи доходили до того, что «соскальзывали со средины и впадали изъ ревности въ крайность и дѣлали нѣчто, заслуживавшее наказанія». Къ императору Михаилу, по свидѣтельству того же историка, они питали «явное нерасположеніе», «они считали дни и часы его жизни», высчитывая, скоро ли отъ него избавятся [52]). А когда императоръ Михаилъ умеръ, то главари зилотизма захотѣли особымъ образомъ выразить свое торжество при видѣ праха умершаго. Вскорѣ по кончинѣ Михаила зилоты пред-

---

[49]) Pachymeris, ibidem, cap. 13, p. 39.

[50]) Пахимера. Исторія о Михаилѣ Палеологѣ, кн. VI, гл. 26, стр. 454.

[51]) Pachymeris. De Andronico, lib. I, cap. 3, p. 17. Сличи: Пахимера. О Михаилѣ, кн. VI, гл. 24, стр. 451.

[52]) Пахимера. О Михаилѣ, кн. VI, гл. 24, стр. 453.

ставили вдовствующей императрицѣ Θеодорѣ, женѣ названнаго императора, покаянную грамату съ требованіемъ подписи отъ этой царственной особы. А граматою требовалось, чтобы Θеодора отреклась отъ всего того, что сдѣлано было Михаиломъ при его жизни и чему не сочувствовали зилоты, — далѣе, чтобы она никогда не добивалась возможности погребсти покойнаго по христіанскому обряду и чтобы отказалась отъ поминовенія его въ молитвахъ. Вдова должна была подписать эту безчувственную по своему содержанію грамату [53]).—Мы сказали выше, что дерзость зилотовъ простиралась до революціонныхъ попытокъ, направленныхъ противъ неугодныхъ имъ императоровъ. Примѣръ такого преступнаго движенія, вышедшаго изъ лагеря зилотовъ, находимъ въ царствованіе императора Андроника Старшаго. Нѣкоторымъ горячимъ головамъ среди зилотовъ (Арсениты) взбрела мысль—выставить самозванца противъ императора, конечно, въ надеждѣ, что въ случаѣ удачнаго исхода предпріятія всѣ желанія ихъ будутъ исполнены. Они начали пестаться съ какимъ то Іоанномъ Дримисомъ, на которомъ сосредоточивались ихъ партійныя упованія. Заговоръ не имѣлъ успѣха. Участіе въ этомъ дѣлѣ зилотической партіи не подлежитъ сомнѣнію [54]).

Однимъ изъ очень существенныхъ, общественныхъ элементовъ, на которомъ опирались въ своей борьбѣ съ правительствомъ зилоты,—былъ простой народъ

---

[53]) Грамата эта въ русскомъ переводѣ находится у проф. Троицкаго въ его статьяхъ: Арсеній и Арсениты (Хр. Чт. 1871 г., т. I, 628—9). А въ подлинникѣ отпечатана Димитракопуломъ въ его: Ἱστορία τοῦ σχίσματος, σεχ. 78—80. (Лейпцигъ, 1867).

[54]) См.: тѣже статьи проф. Троицкаго: Хр. Чтен. 1871 г., т. II, 686—688.

византійскій, чернь, распущенная вольница. Опасность и вмѣстѣ съ тѣмъ силу этихъ нищихъ сознавали очень многія наблюдательныя лица въ тѣ времена. Императоръ Михаилъ Палеологъ однажды говорилъ народу: «Бросьте тайныя сходки. Я знаю, что много людей съ сумками ходитъ въ ваши жилища; пожалуй они будутъ винить царей, смѣшивая старое съ новымъ, будутъ говорить, что настоящія обстоятельства церкви не хороши, да и другихъ научатъ говорить тоже самое и тѣмъ окончательно будутъ сбивать всѣхъ съ толку» [55]). Бродяги и нищіе, но обладавшіе умѣньемъ мутить народъ и наклонностію агитировать (охотнѣе всего въ пользу зилотовъ), разсѣевались изъ Константинополя по другимъ городамъ и странамъ. Это были слѣпые вожаки слѣпой черни и мелкихъ торгашей,—«люди, не имѣвшіе здраваго смысла, но всегда испытывающіе радость при извѣстіяхъ о разныхъ, въ особенности тревожныхъ новостяхъ»; «рисуясь своими дырявыми плащами, разсѣевались они повсюду—появлялись въ Ѳессалоникахъ, достигали Пелопонеса, Ахаіи». Они переходятъ съ одного мѣста на другое единственно для того, чтобы возбуждать умы и подготовлять безпорядки. Они, если ихъ миссіей было укрѣпленіе зилотизма, любили говорить не отъ своего лица, а выдавали себя за предсказателей, дѣйствующихъ по волѣ Высшей и удостоивающихся откровеній [56]).— Патріархъ Григорій Кипрскій, не мало перенесшій неудовольствій отъ партіи зилотовъ и имѣвшій воз-

---

[55]) Пахимера. О Михаилѣ Палеологѣ, кн. VI, гл. 11, стр. 254.

[56]) Григоры, кн. V, гл. 2, стр. 121—2. Этихъ странниковъ и бродягъ, стоявшихъ за патріарха Арсенія (зилота) очень картинными чертами описываетъ проф. Троицкій. «Арсеній и Арсениты». Хр. Чт. 1867, т. II, стр. 929—930.

можность хорошо изучить составъ этой партіи и способы ея дѣйствованія, въ письмѣ къ императору Андронику Старшему прежде всего выставляетъ на видъ то, что зилоты въ борьбѣ съ своими противниками опирались на такую силу, какъ «простонародье», затѣмъ онъ яркими чертами описываетъ необыкновенную способность зилотовъ къ агитированію. Для обрисовки способности зилотовъ комплектовать ряды оппозиціи, патріархъ Григорій пишетъ императору: «эти люди», «пользуясь свободой дѣйствій и на площадяхъ и въ темныхъ закоулкахъ,— словомъ—повсюду, разглагольствуютъ со всѣми встрѣчными и поперечными, разцѣнивая и позоря и начальниковъ, и подначальныхъ, вообще всѣхъ, кто не хочетъ быть заодно съ ними. Если же кому случится захворать, то они силою врываются къ нему въ домъ, осаждаютъ больнаго и заставляютъ его противъ воли принять ихъ за духовниковъ (точно іезуиты); въ случаѣ же смерти они являются и священниками, и пѣвцами, и погребателями, чтобы умершій, по ихъ словамъ, по крайней мѣрѣ при концѣ жизни сдѣлался благочестивымъ и православнымъ (т. е. сдѣлавшись адептомъ зилотической партіи) и не умеръ въ злочестіи» [57]).

Скажемъ объ отношеніи патріарховъ зилотовъ къ духовенству. Въ XII, XIII и особенно XIV вѣкѣ патріархи этого типа нерѣдко становились у кормила церковнаго правленія. Зилотическая партія при выборѣ новаго патріарха въ Византіи всегда обнаруживала большую дѣятельность, имѣя въ виду предоставить это высокое мѣсто «по своему усмотрѣнію кому нибудь изъ своихъ» [58]). Зилоты въ подобномъ

[57]) Письмо Григорія къ Андронику въ переводѣ. См. Хр. Чт. 1870 г., т. II, 513.

[58]) Григоры, кн. VI, гл. 1, стр. 158.

случаѣ искали возможности настраивать патріарховъ въ пользу своихъ интересовъ и нерѣдко добивались своей цѣли [59]). Занявъ Константинопольскую каѳедру, зилотъ-патріархъ ревностно принимался за введеніе порядковъ въ церкви, соотвѣтствовавшихъ его направленію и настроенности. И нерѣдко въ своей ревности въ улучшеніи дѣлъ церковныхъ заходилъ очень далеко. Въ этомъ случаѣ патріархи зилоты были выразителями требованій своей партіи, а требованія этой послѣдней были широки и многообъемлющи: «они (иногда) желали ни больше, ни меньше, какъ полнаго преобразованія церкви» [60]) въ духѣ своихъ стремленій. Такъ какъ патріархи зилоты сами не отличались образованіемъ, то они, естественно, холодно и пренебрежительно относились къ ученымъ клирикамъ. Этимъ послѣднимъ лицамъ зилоты-патріархи не думали давать простора для дѣятельности. Объ одномъ изъ подобныхъ патріарховъ историкъ замѣчаетъ: «взошедши на патріаршую каѳедру, онъ къ нимъ первымъ (ученымъ клирикамъ) обратилъ свое грозное лице, полное ревности и строгости» [61]). Эти клирики, не ожидая для себя ничего добраго отъ суроваго патріарха, сочли за лучшее, по сказанію историка, «бѣжать изъ столицы». Съ другой стороны, такъ какъ зилоты патріархи стояли въ близкихъ сношеніяхъ съ монашескимъ сословіемъ и опирались на него въ борьбѣ съ противною партіею, то эти патріархи старались дѣлать все возможное для возвышенія монашества. Они устранялись обычая, по которому не одни монахи, а и клирики удостоивались

---

[59]) Gregorae. Histor. Byzantina, lib. XVIII, cap. 1, p. 871.

[60]) Cupiebant illi nihil minus quam totius, ut verbo dixerim, transformationem ecclesiae (τῆς ἐκκλησίας ὡς εἰπεῖν μεταποίησις). Pachymeris. De Andronico, lib. 1, cap. 14, p. 42.

[61]) Григоры, кн. VI, гл. 5, стр. 173—4.

епископскаго сана: отдавали рѣшительное предпочтеніе монахамъ при выборѣ на архіерейскія должности, что на взглядъ историковъ того времени представлялось непозволительною крайностію [62]). Иногда патріархи-зилоты простирали свои стремленія о преобразованіи церкви такъ далеко, что священниковъ и епископовъ, которыхъ они находили въ церкви, замѣняли другими, новыми [63]). Тоже явленіе повторялось не разъ. Одни епископы низвергались, а другіе поставлялись на ихъ мѣсто, причемъ возвышенію послѣднихъ способствовала ихъ преданность принципамъ зилотизма, хотя бы въ тоже время они и были малообразованы [64]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что патріархи-зилоты избирали новыхъ епископовъ изъ числа лицъ, принадлежавшихъ къ ихъ партіи. Въ этомъ отношеніи представители партіи были очень требовательны; высшія духовныя мѣста должны были быть наградою за ихъ твердость своимъ принципамъ. «Они, по словамъ историка, желали заправлять всѣми церковными дѣлами» и для этого домогались, чтобы каѳедра патріаршая досталась лицу, имъ сочувствующему; они разсчитывали пользоваться его высокимъ положеніемъ, какъ бы какою неприступною крѣпостію и удобно подѣлить между собою—продолжаетъ историкъ—епископіи и митрополіи, завладѣть всѣми монастырями, распредѣлить между собою всѣ духовные чины, занять всѣ эпархіи и получить въ свое распоряженіе всѣ доходы, расходы и выдачи. Все это, они думали, должно быть предоставлено имъ, какъ награда за ихъ добродѣтели и ревность [65]). Этого имъ дѣйствительно удавалось достигать какъ и при такихъ

---

[62]) Pachymeris. De Andronico, lib. II, cap. 28, стр. 186—7.
[63]) Gregorae. Hist. Byzant., lib. XV, cap. 12, p. 793.
[64]) Ibid. lib. XVIII, cap. 3, p. 883—4.
[65]) Григоры, кн. VI, гл. 1, стр. 158.

патріархахъ, которые считали для себя выгоднымъ стоять въ лучшихъ отношеніяхъ съ зилотическою партіею [66]), такъ даже и такихъ, которые хотя и не были въ союзѣ съ зилотами, но не умѣли, по тѣснымъ обстоятельствамъ времени, противодѣйствовать и обуздывать ихъ [67]); не говоримъ уже о временахъ тѣхъ патріарховъ, которые вышли изъ рядовъ самихъ зилотовъ [68]).

Одержавъ верхъ надъ своими противниками (представителями другой партіи—политиковъ), сторонники зилотизма иногда пользовались благопріятнымъ случаемъ, чтобы досадить членамъ побѣжденной партіи, причемъ дѣло доходило до явнаго безобразія. Но предоставимъ слово историку, который въ слѣдующихъ словахъ описываетъ торжество зилотовъ надъ противниками, имѣвшее мѣсто въ концѣ XIII вѣка. Разъ зилоты, какъ показавшіе ревность по вѣрѣ, «собрались въ Византію, гдѣ подѣлили между собою митрополіи и другія высшія мѣста или же рѣшили подѣлить, и пользуясь благопріятнымъ случаемъ, безо всякаго снисхожденія присудили къ полному отлученію архіереевъ и всѣхъ клириковъ, согласившихся относительно догматовъ съ императоромъ Михаиломъ Палеологомъ (т. е. прямо или не прямо соприкосновенныхъ уніи). Очень многіе изъ нихъ замѣчаетъ историкъ о зилотахъ—принадлежали къ площадному, необразованному и своенравному классу людей, вчера или третьяго дня они не осмѣлились бы даже посмотрѣть въ лице царю, а теперь они такъ загордились своимъ положеніемъ, что стали точно пьяные. Они собрали какъ овецъ въ великій Влахернскій

---

[66]) Григоры, кн. VII, гл. 9, стр. 255.
[67]) Ibid. кн. VI, гл. 2, стр. 163.
[68]) Gregorae, lib. XXI, cap. 5, p. 1021.

храмъ всѣхъ тѣхъ, кого предназначали къ лишенію священства. Послѣдніе старались возбудить въ нихъ сожалѣніе и внѣшнимъ своимъ видомъ и словами, но несмотря на это, они не отступались отъ своего рѣшенія: всѣ чувства состраданія и милосердія, какія могли быть въ нихъ, точно разнесли и схоронили на днѣ Атлантическаго океана волны. Но у кого найдется—говоритъ историкъ—такое жестокое и такое каменное сердце, чтобы разсказать о той наглости и томъ необычайномъ безчеловѣчіи, какія они обнаружили въ отношеніи къ несчастнымъ епископамъ и другимъ священнымъ лицамъ? Послѣ ругательствъ, главари собранія приказали прислужникамъ снимать съ головъ виновныхъ покрывала и бросать ихъ на землю съ троекратнымъ провозглашеніемъ: ἀνάξιος; у другихъ же снимать другія одежды и, заворачивая подолы на голову, возглашать тоже: ἀνάξιος, а потомъ толчками, пинками и пощечинами, какъ какихъ нибудь убійцъ, выгоняли изъ храма. И это праведные судіи, люди, посвященные въ тайны Евангелія», восклицаетъ историкъ [69]).

Такъ поступала иногда партія зилотовъ, если ей удалось захватить побольше епископскихъ каѳедръ и быть въ силѣ и во власти; иначе они вели себя, если они не успѣвали «получить управленія надъ митрополіями, настоятельства надъ монастырями, ежегоднаго содержанія»: они отпадали отъ церковнаго единенія и «начинали жить особнякомъ въ расколѣ» [70]).

---

[69]) Григоры, кн. VI, гл. 2, стр. 163—165. Главаремъ разсматриваемаго собранія зилотовъ былъ Андроникъ, епископъ Сардскій (въ монашествѣ Аѳанасій). А такъ какъ извѣстно, что онъ былъ вожакомъ арсенитовъ, то ясно, что виновниками безобразной сцены были именно эти ревнители чести патріарха, отъ имени котораго они получили свое имя. Pachymeris. De Andronico, lib. 1, cap. 17, p. 52.

[70]) Григоры, кн. VII, гл. 9, стр. 255—256.

Отщепенство являлось какъ бы выраженіемъ мести съ ихъ стороны. Къ сожалѣнію, сами патріархи зилоты, если имъ приходилось недобровольно, или въ пылу гнѣва на дѣйствительную или воображаемую несправедливость — приходилось оставлять архипастырскую каѳедру, своими дѣйствіями показывали примѣръ, малопоучительный для своихъ сторонниковъ. Такъ извѣстно, что одинъ патріархъ-зилотъ, лишившись патріаршаго сана, на самомъ смертномъ одрѣ не хочетъ забыть нанесенной ему обиды, и даже осмѣливается въ своемъ духовномъ завѣщаніи назвать церковь «пещерой разбойниковъ и πορνεῖον [71]);» другой патріархъ зилотъ, самъ добровольно оставляя каѳедру по неудовольствію на то, что, какъ ему казалось, его недостаточно цѣнили, наложилъ тайную эпитимію «на архіереевъ, на священнослужителей» и пр. [72]); третій, возвратившись снова на каѳедру, съ которой онъ былъ низверженъ, въ чувствѣ торжества надъ противниками, «принялся мстить и преслѣдовать епископовъ и пресвитеровъ, запрещая однимъ священнослуженіе на нѣсколько лѣтъ, другимъ до самой смерти [73])». Разумѣется, такіе примѣры могли поощрять и прочихъ приверженцевъ зилотической партіи не стѣсняться въ борьбѣ съ противниками.

Дѣятельность патріарховъ зилотовъ, по временамъ направлявшаяся не къ созиданію церкви, а къ ея раззоренію и обозначавшаяся катастрофою для лицъ, имъ неугодныхъ, главнымъ образомъ для священнослужителей, понятно, возбуждала неудовольствія. И случалось острословы, не имѣя другихъ средствъ

---

[71]) Migne, Gr. tom. 140, p. 956.
[72]) Григоры, кн. VI, гл. 7, стр. 184.
[73]) Григоры, кн. IX, гл. 7, стр. 422.

досадить патріарху зилотическаго дука, сочиняли на нелюбимаго пастыря сатиру и пускали ее въ ходъ, въ публику. Такъ на одного патріарха зилота сочинена была такая сатира (она вращалась въ обществѣ, въ изустной передачѣ). «Жилъ-былъ сапожникъ (подъ этимъ ремесленникомъ, очевидно, разумѣлся императоръ) и держалъ у себя бѣлую кошку. Однажды кошка какъ-то попала въ ведро, въ которомъ сапожникъ держалъ ваксу; оттуда она едва выбралась, сдѣлавшись уже черною (изображеніе патріарха-зилота). Мыши же подумали (подъ мышами нужно понимать духовенство Византійское), что она, перемѣнивъ свою одежду на черническую, конечно, не станетъ ѣсть мяса. Поэтому они безстрашно высыпали на полъ и принялись обнюхивать тамъ и сямъ, чѣмъ бы поживиться. Пришла кошка и, увидѣвши такую богатую добычу, не могла конечно изловить всѣхъ мышей, хоть и очень хотѣла; однако схватила двухъ и съѣла (указаніе на необыкновенную ловкость кошки: двухъ заразъ). Прочія всѣ бросились бѣжать, изумляясь, какимъ образомъ она съ тѣхъ поръ, какъ облеклась въ черную одежду, стала еще больше жестока». Авторомъ этой сатиры или аполога былъ человѣкъ почтенный, Александрійскій патріархъ, гостившій въ то время въ Константинополѣ [74]).

Нѣтъ спора, у зилотовъ было много недостатковъ, но за то имъ принадлежитъ одна заслуга, ради которой можно забывать ихъ недостатки: они обратили въ ничто уніонныя стремленія свѣтскаго и духовнаго правительства при Михаилѣ Палеологѣ. Это ихъ заслуга. Такой заслуги нельзя находить въ дѣятельности другой партіи—политиковъ, имѣвшей при томъ же не меньше зилотовъ разнаго рода недостатковъ.

---

[74]) Григоры, кн. VII, гл. 1, стр. 207—8.

Сдѣлаемъ характеристику другой іерархической Византійской партіи—политиковъ или умѣренныхъ. Она значительно отличалась отъ прежде разсмотрѣнной нами партіи зилотовъ какъ своими принципами, такъ и дѣятельностью.

Разсматривая политиковъ, прежде всего, со стороны умственныхъ качествъ, можно наблюдать, что между ними было не мало лицъ, выдающихся по уму, хорошо образованныхъ, иногда блестяще образованныхъ. Вотъ нѣкоторые отзывы въ этомъ родѣ о патріархахъ партіи умѣренныхъ. Объ одномъ изъ патріарховъ, изучаемой партіи, Григора пишетъ: «онъ превосходилъ другихъ рѣдкою разсудительностію и обширною ученостію, какъ по части духовныхъ, такъ и свѣтскихъ наукъ. Это былъ человѣкъ ученѣйшій, выдававшійся изъ ряда всѣхъ чистымъ Аѳинскимъ произношеніемъ» [75]). Еще до патріаршества онъ извѣстенъ былъ сочиненіями, «написанными языкомъ изящнымъ, способными возбуждать къ себѣ удивленіе даже въ людяхъ образованныхъ» [76]). О другомъ патріархѣ той-же партіи встрѣчаемъ такой отзывъ: «онъ былъ человѣкъ извѣстный ученостію, принадлежалъ къ придворному духовенству. При богатыхъ дарованіяхъ и примѣрномъ трудолюбіи, онъ, можно сказать, вывелъ на свѣтъ и оживилъ аттически звучавшую рѣчь, съ незапамятныхъ временъ скрывавшуюся въ глубинахъ забвенія» [77]). По очень понятному побужденію, этотъ патріархъ давалъ духовныя мѣста преимущественно «лицамъ ученымъ, знатокамъ церковныхъ законовъ». По сужденію историка того вре-

---

[75]) Визант. истор. кн. VI, гл. 8, стр. 186; кн. VII, гл. 11, стр. 263. (Рѣчь объ Іоаннѣ Гликисѣ).

[76]) Ibid. стр. 187.

[77]) Ibidem, кн. VI, гл. I, стр. 155. (О Григоріѣ Кипрскомъ).

мени, патріахъ поступалъ такъ именно съ той «прекрасной цѣлію, чтобы христіанскій народъ имѣлъ ученыхъ наставниковъ и учителей, и чтобъ у него были твердые защитники вѣры, которые могли-бы служить твердыми скалами, еслибы появились враги церкви и угрожали ей бурею» [78]). О третьемъ патріархѣ—еще болѣе лестный отзывъ. По словамъ историковъ, онъ отличался «ученостью», «краснорѣчіемъ и церковно-административною опытностію» [79]); былъ «человѣкъ умный, надѣленный такими дарами природы, какими никто изъ его современниковъ. Свободною и плавною рѣчью, гибкимъ и въ высшей степени находчивымъ умомъ, всѣмъ этимъ природа щедро надѣлила его, какъ бы для того, чтобы его имя съ уваженіемъ произносили цари, правители и всѣ ученые. По части знанія церковныхъ догматовъ, всѣ казались предъ нимъ (какъ-бы) дѣтьми» [80]). О четвертомъ патріархѣ этой-же партіи, отзываясь какъ о человѣкѣ замѣчательно ученомъ, историки сообщаютъ, что его искреннимъ желаніемъ было поднять уровень образованности въ средѣ Византійской церкви. Патріархъ разсуждалъ, что для пользы церкви нужно, чтобъ она была богата наставниками для юношества учеными и образованными. Въ виду этого патріархъ съ большимъ стараніемъ отыскивалъ способныхъ учителей для образованія юношества, открывалъ школы, ласкалъ наиболѣе выдающихся по своимъ достоинствамъ учителей, привлекалъ во вновь открытыя школы дѣтей, не разбирая сословій [81]) и пр. Еще другой пат-

---

[78]) Ibidem, кн. VI, гл. 5, стр. 173.

[79]) Пахимера. Исторія о Михаилѣ Палеологѣ, кн. V, гл. 24. стр. 372.

[80]) Григоры, кн. V, гл. 2, стр. 122—123. (Объ Іоаннѣ Веккѣ).

[81]) Пахимера. Истор. о Михаилѣ Палеол. кн. IV, гл. 14, стр. 260—261. (О Германѣ III).

ріархъ, не смотря на многочисленныя занятія по управленію церковію и патріархатомъ, охотно давалъ уроки краснорѣчія желавшимъ учиться у него, причемъ сановный наставникъ, ради занятій наукой съ учениками, готовъ былъ лишить себя даже ночнаго покоя [82]). Все это такія черты, которыя рекомендовали патріарховъ политиковъ съ лучшей стороны. Находясь подъ такими вліяніями, сторонники партіи—разумѣемъ епископовъ—считали себя въ правѣ смотрѣть съ пренебреженіемъ на патріарховъ зилотической партіи, если ихъ необразованность и невѣжество слишкомъ рѣзко бросались въ глаза. Такъ, по заявленію историка, нѣкоторые архіереи (очевидно приверженцы партіи политиковъ) открыто «презирали» одного патріарха зилота «за его необразованность и простоту и подвергали его порицаніямъ». [83]) Патріархи политики, какъ люди образованные, находились въ связяхъ и близкихъ отношеніяхъ съ болѣе просвѣщенными людьми своего времени и вообще образованными классами общества [84]). Въ направленіи мышленія политиковъ, по сравненію съ зилотами, можно отмѣтить слѣдующую черту: зилоты для доказательства правоты тѣхъ или другихъ своихъ воззрѣній дерзали прибѣгать къ «суду Божію», объявляли себя способными сотворить чудо (примѣры приведены были раньше); политики, напротивъ, такой способъ доказательства считали самомнѣніемъ,

---

82) Григоры, кн. VII, гл. 11, стр. 264. (Іоаннъ Гликисъ).

83) Григоры, ibidem, кн. VI, гл. 11, стр. 204. (Рѣчь идетъ объ Іоаннѣ Созопольскомъ).

84) Напр. съ Георгіемъ Акрополитомъ (Пахимера о Михаилѣ, кн. IV, гл. 14, стр. 260), съ Ѳеодоромъ Метохитомъ (Григоры, кн. VI, гл. 8, стр. 186), съ Никифоромъ Григорой (ibid. кн. VII, гл. 11, стр. 264), вообще съ образованнѣйшими людьми (ibid. кн. V, гл. 2, стр. 122 и друг.).

гордыней, не выражали сочувствія такой притязательности въ обращеніи съ явленіями, не могущими быть въ зависимости отъ воли человѣческой. Одинъ изъ патріарховъ политиковъ объяснялъ, что нѣтъ необходимости домогаться «знаменій», гдѣ рѣшеніе вопроса возможно путемъ разумнаго разсмотрѣнія [85]).

Въ нравственномъ отношеніи политики имѣли свои особенности въ сравненіи съ зилотами. Правда, о патріархахъ разсматриваемой партіи мы встрѣчаемъ извѣстія, схожія съ тѣми, какія сохранились до насъ касательно зилотовъ, но есть въ этихъ извѣстіяхъ и нѣкоторая разница. Какъ и зилотовъ, историки восхваляютъ нѣкоторыхъ патріарховъ-политиковъ за безкорыстіе. Такъ, объ одномъ изъ числа этихъ послѣднихъ, историкъ замѣчаетъ: «съ патріаршаго престола (по удаленіи) онъ уносилъ съ собою немного денегъ, потому что не былъ корыстолюбивъ, его деньги легко было сосчитать»; [86]) о другомъ патріархѣ находимъ подобное же свидѣтельство: «золото презиралъ онъ болѣе всего, такъ что не имѣлъ и кошелька» [87]). Значитъ, въ этомъ отношеніи, зилоты не превосходили умѣренныхъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Заслуживаетъ вниманія однакожъ то, что зилоты любили сами указывать на свое безсребренничество, а умѣренные находятъ свидѣтелей этого ихъ качества — въ людяхъ постороннихъ. Благочестіе и религіозность патріарховъ изъ партіи умѣренныхъ не бросались въ глаза; эти патріархи чуждались внѣшняго, поражающаго зрителя благочестія, ограничиваясь внутреннимъ сердечнымъ благочестіемъ. Они из-

---

[85]) Pachymeris, «de Andronico», lib. I, cap. 21, p. 60.

[86]) Григоры, кн. VIII, гл. 2, стр. 279. (Объ Іоаннѣ Глинисѣ).

[87]) Пахимера, кн. IV, гл. 13, стр. 257. (О Германѣ III).

бѣгали того формальнаго благочестія, которое такъ отличало зилотовъ. Такъ историкъ Пахимеръ, характеризуя нравственныя качества патріарха «политика», говоритъ о немъ: «добродѣтелью онъ отличался не тою, которая выражается въ сознаніи, что она у нихъ лучше, чѣмъ у прочихъ,—не тою, которая любитъ различать пищу и питіе, назначая для каждаго рода пищи, кромѣ положенныхъ временъ, извѣстные дни, — не тою, которая побуждаетъ предпринимать путешествіе пѣшкомъ (съ религіозною цѣлію) и идти при этомъ медленно, оставаться съ немытыми ногами, спать на землѣ, имѣть на плечахъ одну и единственную одежду, — не тою, которая при этомъ поставляетъ на второмъ планѣ милосердіе и любовь, равно какъ человѣколюбіе и сочувствіе и вообще вниманіе къ другимъ. Нѣтъ, его добродѣтель была именно человѣческая (гуманная), какою характеризовался онъ, какъ истинный человѣкъ и особенно какъ человѣкъ облеченный властію, которому нужна больше умѣренность, чѣмъ безстрастіе. Еслибы отъ подобной жизни отнять разсудительность, то чрезъ отнятіе этого одного погибло-бы въ ней все. Такою-то добродѣтелью украшался онъ: нѣкоторые называютъ ее политическою, а согласную съ нею жизнь — жизнію политика, которая занимаетъ средину между жизнію созерцательною и свѣтскою» [88]). Патріархи-политики въ житейскомъ обиходѣ позволяли себѣ такія вещи, которыхъ ни подъ какимъ видомъ не потерпѣли-бы зилоты. Такъ одинъ патріархъ былъ мясоядцемъ. Врачи нашли, что по состоянію его здоровья ему вредна постная пища, и патріархъ не только не принялъ на себя, противъ обыкновенія, монашескаго чина, но употреблялъ въ столѣ мясо [89]). О другомъ

---

[88]) Ibidem, стр. 256.

[89]) Іоаннъ Гликисъ (Григоры, кн. VII, гл. 11, стр. 264).

патріархѣ изъ политиковъ Пахимеръ замѣчаетъ вообще, что онъ былъ «свободнаго нрава» [90]), не поясняя точно, что это значитъ, но во всякомъ случаѣ указываетъ на черту, никогда не встрѣчающуюся въ зилотахъ.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать о томъ, какой идеалъ монашества и монашеской жизни принадлежалъ патріархамъ разсматриваемаго нами типа. Совершенство монашескаго житія они понимали иначе, чѣмъ зилоты. Такъ объ одномъ патріархѣ изъ числа политиковъ историкъ замѣчалъ: «не рѣдко по преимуществу хвалилъ онъ того, кто расторопно и съ соблюденіемъ души совершалъ чистую добродѣтель, проводя жизнь болѣе среди людей, чѣмъ въ пустынѣ» [91]). Еще опредѣленнѣе идеалъ монашескій начертываетъ одинъ изъ патріарховъ-политиковъ въ собственномъ сочиненіи [92]). Сейчасъ мы увидимъ, что авторъ-патріархъ внутреннія качества и общественныя добродѣтели инока ставитъ въ особенности высоко. Совершенный монахъ, по воззрѣнію автора, кромѣ пренебреженія къ земнымъ вещамъ отличается «учительностію, кротостію, сострадательностію, страннолюбіемъ, любовью къ добру»; онъ являетъ себя «кроткимъ, нераздражительнымъ, общительнымъ, все покрывающимъ, ко всему снисходительнымъ»; онъ «не ограничиваетъ высокаго иноческаго любомудрія мантіею» [93]); онъ обязанъ ясно выражать въ дѣя-

---

[90]) Кн. IV, гл. 12, стр. 255.

[91]) Ibidem, стр. 256. (Рѣчь историка о Германѣ III).

[92]) Похвальное слово св. Евѳимію епископу и чудотворцу Мадитскому, написаное Григоріемъ Кипрскимъ (патріархомъ).—Оно отпечатано въ оригиналѣ съ переводомъ о. Архиман. Арсеніемъ въ «Чтен. общ. люб. дух. просв. 1889. (Приложеніе, стр. 1—70).

[93]) Стр. 56. 17. 23.

тельности тѣ нравственныя качества, которыя должны быть присущи совершенному монаху: «человѣколюбіе и непамятозлобіе, также уступчивость и милосердіе и подобное этому—разсуждаетъ авторъ—имѣютъ основаніемъ благое произволеніе и въ немъ состоятъ первоначально; но если не прибудетъ возможности упражнять каждое изъ нихъ въ дѣятельности, то не будетъ яснаго и надлежащаго доказательства существованія ихъ» [94]). Истинно мудрый монахъ, облеченный священною властію, для исправленія нравственности другихъ, не прибѣгаетъ къ строгимъ и суровымъ мѣрамъ. «Есть три вещи—встрѣчаемъ въ разсматриваемомъ сочиненіи такое разсужденіе, — которыми человѣкъ можетъ отвратить (другаго) человѣка отъ грѣха и сдѣлать лучшимъ, разумѣю благодѣяніе, умѣренность и наказаніе»; совершенный монахъ, если по своему положенію призванъ духовно врачевать другихъ «воспользуется первыми двумя и при ихъ пособіи исправитъ согрѣшающихъ, не прибѣгая къ третьей» (наказанію) [95]). Совершенный монахъ не замыкается въ себѣ, онъ отдаетъ себя на общественное служеніе. Если онъ знакомъ (наприм.) съ медициной, то онъ, кромѣ духовныхъ врачеваній, помогаетъ ближнимъ и своими медицинскими познаніями. «Болѣзнуетъ-ли кто тѣлесно, иного помощника не ищетъ, кромѣ него». Истинный подвижникъ не чуждается даже такого рода помощи ближнимъ, которая, по видимому, совсѣмъ не совмѣстна съ представленіемъ о монахѣ. Но истинный монахъ не особенно заботится о соблюденіи внѣшнихъ формъ и декорума тамъ, гдѣ дѣло идетъ о помощи ближнимъ. Въ числѣ добродѣтелей совершеннаго инока, раз-

---

[94]) Стр. 29.
[95]) Стр. 47.

сматриваемый авторъ, ни мало ни сумнясь поставляетъ и слѣдующее: «сколько дѣвицъ, тщательно воспитавши, како-бы нѣкіихъ сродницъ,, выдавалъ онъ замужъ съ приданнымъ отъ себя» [96]). Отсюда открывается, что идеалъ монашеской жизни въ средѣ партіи умѣренныхъ отличается значительною широтой: онъ не ограничивался нестяжательностію, бдѣніями и уединенножительствомъ.

Въ общественномъ отношеніи патріархи—политики характеризовались ловкостію, умѣньемъ устроять то, за что они брались, были доступны, общительны, умѣли говорить и быть убѣдительными. Такъ объ одномъ патріархѣ читаемъ у историка: «онъ былъ человѣкъ знакомый съ міромъ (т. е. обществомъ), умѣлъ подступить къ правителямъ, зналъ какъ—при случаѣ—убѣдить ихъ, какъ смягчить или возбудить ихъ гнѣвъ» [97]). О немъ-же тотъ-же историкъ замѣчаетъ, что патріархъ любилъ «свободное и открытое обращеніе съ встрѣчающимися и прямодушную бесѣду съ приближенными» [98]). О другомъ патріархѣ тотъ-же писатель говоритъ: «онъ заимствовалъ нѣкоторые пріемы изъ жизни придворной, привыкъ къ рѣчи довольно свободной. Притомъ: что самъ узнавалъ и что можно было отвѣтить безопасно, онъ любилъ это сообщать другимъ, тогда какъ иные все такое берегутъ про себя. Встрѣтится-ли онъ съ кѣмъ, тотчасъ обнимается, дружески разговариваетъ. Умѣлъ онъ также подступиться къ сильнымъ земли и походатайствовать за нуждающихся въ помощи» [99]). О нѣкоторыхъ патріархахъ этого рода замѣчается въ извѣстіяхъ, что они «отличались прекраснымъ совершені-

[96]) Стр. 31. 30.
[97]) Пахимера, кн. IV, гл. 28, стр. 291. (О Германѣ III).
[98]) Ibid. гл. 13, стр. 258.
[99]) Ibid. гл. 23, стр. 280. (О Іосифѣ).

емъ богослуженія» [100]), т. е. заботились о томъ, чтобы ихъ священнослуженіе полагало на души присутствующихъ при немъ наибольшее впечатлѣніе.

Обращаемся къ характеристикѣ отношеній партіи политиковъ къ свѣтской правительственной власти. Ихъ основнымъ свойствомъ было то, что они желали и искали мира и согласія съ этою властію. Въ этомъ случаѣ они дѣлали очень многое, чего не могли сдѣлать, опираясь на свои принципы, зилоты. Политики держались такъ называемой у Византійцевъ теоріи «экономіи», т. е. допускали, что церковь въ отношеніи къ государству должна приспособляться къ обстоятельствамъ, а не идти на проломъ, какъ хотѣли этого зилоты. Политики шли на компромиссъ, соглашались на уступки государству, сколько позволяла имъ совѣсть и житейская практичность. Нужно сказать, что защитники теоріи «экономіи», для оправданія своего образа дѣйствованія, любили ссылаться на различные историческіе примѣры. Такъ въ разсматриваемое время (наприм. въ концѣ XIII вѣка) они ссылались на слѣдующіе примѣры: «и апостолъ Павелъ, говорили они, остригъ себѣ волосы, соблюдалъ обрядъ очищенія по закону іудейскому и обрѣзалъ Тимоѳея; и третій вселенскій соборъ не отлучилъ отъ церкви Ѳеодора Мопсуестскаго; и Василій Великій принялъ дары, принесенные въ церковь аріаниномъ Валентомъ» [101]) Руководясь этой теоріей, они шли на встрѣчу государству и поддерживали царей, всячески стараясь согласовать интересы церкви съ интересами государства. И вотъ мы видимъ, что однажды архіереи, принадлежавшіе къ партіи умѣренныхъ, собравшись вмѣстѣ, побуждаютъ патріарха

---

[100]) Ibid. гл. 12, стр. 255.
[101]) Пахимера, кн. VI, гл. 23, стр. 443.

«не оставаться въ бездѣйствіи, а дѣйствовать энергически, сообразно съ настоятельными нуждами государства, такъ-какъ государство требуетъ не малой заботы, и что если не обращать вниманія на его нужды, то оно можетъ дойти до крайней опасности какъ большой корабль, нагруженный до нельзя и лишенный веселъ среди моря» [102]). Какъ видимъ: языкъ— которымъ никогда не говорили зилоты. О нѣкоторыхъ патріархахъ-политикахъ и ихъ отношеніи къ царямъ историки прямо замѣчали, что «они всегда готовы были служить правителямъ» [103]). Сами цари вполнѣ разсчитывали, что такого рода патріархи будутъ всегда услужливы, такъ что они пребывали въ надеждѣ «пользоваться ихъ помощію» [104]). По словамъ Никиты Хоніата, одинъ патріархъ политикъ, при вступленіи на патріаршество, будто-бы далъ подписку императору, въ которой обязывался во время своего архіерейства исполнять все, что будетъ угодно царю и отвергать то, что ему-же не нравится [105]). Впрочемъ, кажется, историкъ слишкомъ преувеличиваетъ какой-либо дѣйствительный фактъ. Такія отношенія политиковъ къ правительству, разумѣется, встрѣчали не рѣдко укоризненные отзывы среди членовъ церкви и общества. Такъ касательно ихъ теоріи «экономіи», по которой считалась дѣломъ справедливымъ уступчивость государству, нѣкоторые современники не безъ ироніи говорили: политики «дѣйствовали отъ противнаго, какъ выражаются риторы, т. е. совершали нѣчто худое, чтобы выходило больше хорошаго» [106]). А патріарховъ, готовыхъ исполнять волю

---

[102]) Григоры, кн. III, гл. 2, стр. 68.

[103]) Пахимера, кн. IV, гл. 21, стр. 277.

[104]) Ibidem, кн. V, гл. 24, стр. 373.

[105]) Никиты. Царствованіе Алексѣя сына Мануилова, гл. 15, стр. 336. (О патр. Василіи Каматирѣ).

[106]) Пахимера, кн. VI, гл. 23, стр. 443.

царскую, враги политиковъ обвиняли въ «ласкательствѣ» и «пресмыкательствѣ» [107]).

Въ особенности много характеристическаго представляютъ фактическія отношенія политиковъ къ тогдашнимъ императорамъ. Если зилоты хотѣли своему вліянію подчинить императоровъ, то политики держались другого взгляда. Они допускали практику болѣе или менѣе послѣдовательную съ точки зрѣнія ихъ принциповъ; находили, что нужно различать царей и обыкновенныхъ подданныхъ—къ первымъ быть менѣе взыскательными, чѣмъ къ послѣднимъ. Самый страхъ царской власти, могущественной и широкой, могъ дѣйствовать на нихъ болѣе внушительно, чѣмъ на зилотовъ. Политики въ этомъ случаѣ вотъ какъ иногда разсуждали: «если большой домъ съ трудомъ переноситъ малое несчастіе, то на величайшій домъ (домъ царя) наложить величайшее несчастіе (суровое отлученіе отъ церкви), не смягчивъ его надлежащимъ образомъ, значило бы чрезъ униженіе его гордости (?), сдѣлать ему не малый вредъ, что могутъ засвидѣтельствовать «пиршества Ѳіеста» и «путешествія Одиссея» [108]). Конечно, такой взглядъ политиковъ на необходимость уступокъ царямъ выработался не самъ собою, а подъ вліяніемъ давленія Византійской царской власти. Сами императоры при всякомъ удобномъ случаѣ разсуждали именно такъ, а не иначе. Вотъ, наприм., на одного императора патріархъ зилотъ наложилъ отлученіе отъ церкви. Понятно, что царь (Михаилъ) желаетъ какъ можно скорѣе освободиться отъ этого постыднаго и тяжкаго бремени— и онъ начинаетъ вести такія рѣчи, обращаясь къ архіереямъ умѣренной партіи: «на мнѣ лежитъ долгъ

---

107) Ibid. кн. IV, гл. 18, стр. 259.
108) Ibidem, кн. III, гл. 14, стр. 186.

заниматься великими и трудными дѣлами правленія, требующими свободы; а я между тѣмъ связанъ неумолимою необходимостью нести тяжелые, наложенные на меня узы. Если въ самомъ дѣлѣ должно быть такъ, то не лучше-ли уже самимъ имъ (архіереямъ) заняться дѣлами общественнаго управленія, когда допущенный мною проступокъ не можетъ быть уже изглаженъ» [109]). На зилотовъ подобныя рѣчи не производили ни малѣйшаго впечатлѣнія. Но политики опасались, боялись всякихъ крутыхъ мѣръ, всякихъ потрясеній въ государствѣ — и нерѣдко отвѣчали царю согласіемъ на то, на что зилоты неизмѣнно отвѣчали отказомъ. Можно привести не мало примѣровъ въ подобномъ родѣ. Представители партіи политиковъ брали на себя смѣлость освобождать императоровъ отъ клятвы, которую эти послѣдніе сами наложили на себя. Такъ одинъ родственникъ царскій чуть-ли не трижды заклялъ себя самыми страшными клятвами, что онъ не будетъ домогаться не принадлежащаго ему царскаго престола; и однакожъ этотъ самый человѣкъ, пользуясь своею ловкостію и хитростію, впослѣдствіи занялъ царскій престолъ, противузаконно устранивъ дѣйствительнаго наслѣдника царской короны. Клятва въ этомъ случаѣ явно нарушена; тѣмъ не менѣе соборъ епископовъ изъ числа политиковъ снялъ съ клятвопреступника его клятву, не желая идти противъ совершившагося факта [110]). Совершенно аналогическій-же случай

---

[109]) Пахимера, кн. IV, гл. I, стр. 229. 233.

[110]) Григоры, кн. III, гл. 2. стр. 55. Пахимера, кн. II, гл. 1—2, стр. 85—87. «Всѣ они (архіереи) при вышеуказанномъ случаѣ дѣлились на партіи и каждая изъ нихъ была сильна» (Пахим. ibid.). Взяла-же верхъ та партія, которая была не за одно съ патріархомъ; въ крайнемъ случаѣ та, которая имѣла на своей сторонѣ лишь молчаливое согласіе Константинопольскаго архипастыря...

имѣлъ мѣсто на нѣсколько десятилѣтій раньше. Одинъ тоже царскій родственникъ далъ клятву царствующему императору, что онъ и теперь не желаетъ и впредь не пожелаетъ отнимать престола у императора и его сына, но съ теченіемъ времени похитилъ престолъ у малолѣтняго царевича. Этотъ узурпаторъ точно также обращается къ собору епископовъ-политиковъ съ просьбою разрѣшить и его самого и его приверженцевъ отъ вышеуказанной клятвы, и соборъ исполнилъ царскую волю. Историкъ Никита Хоніатъ съ ироніею говоритъ по этому случаю: «патріархъ и синодъ, какъ будто-бы они получили отъ Бога власть вязать и рѣшить все безъ разбора, немедленно дали разрѣшеніе царю и всѣмъ не сдержавшимъ клятву» [111]). Иногда партія политиковъ поступалась церковными канонами, не желая разгнѣвать царя. Одинъ императоръ XII вѣка пожелалъ выдать замужъ дочь свою за человѣка, который былъ ей родня, и слѣдовательно бракъ не могъ быть заключенъ, какъ противозаконный. Чтобы достигнуть однакоже разрѣшенія Византійскаго синода на этотъ бракъ, императоръ пишетъ лаконическую записку къ собору епископовъ, гдѣ въ двухъ-трехъ строкахъ излагаетъ все дѣло, указывая на то, что предполагаемый бракъ принесетъ много разныхъ выгодъ государству. Члены синода раздѣлились во мнѣніяхъ, но партія умѣренныхъ дала разрѣшеніе на бракъ, противъ воли тогдашняго патріарха. Историкъ называетъ членовъ синода за эту уступчивость «святопродавцами» [112]). Встрѣчались и другіе примѣры уступчивости партіи политиковъ императорамъ — съ явнымъ пренебре-

---

[111]) Никиты. Царствованіе Андроника Комнина, кн. I, гл. 1, стр. 352.

[112]) Никиты Хоніата. Царствованіе Алексѣя сына Мануилова, гл. 15, стр. 334.

женіемъ для ненарушимости каноновъ. Такъ нѣкто Константинъ Месопотамскій, бывшій на государственной службѣ и очень приближенный къ императору и императрицѣ, изъ простого каприза пожелалъ, чтобы ему дали санъ діакона. Такое желаніе условливалось тѣмъ, что «онъ считалъ невыносимымъ для себя ограниченіе, воспрещающее міряниву прикасаться къ священнѣйшимъ церковнымъ предметамъ». Но само собой понятно, что такое его желаніе не могло быть удовлетворено, какъ скоро онъ остается на гражданской службѣ: церковныя правила строго воспрещали такого рода совмѣстничество. Тѣмъ не менѣе Константинъ Месопотамскій не останавливается предъ такимъ препятствіемъ. Онъ обращается съ усердною просьбою по своему дѣлу къ царю (Алексѣю Ангелу). Царь отдалъ приказъ патріарху — посвятить Константина, и тотъ во Влахернскомъ храмѣ посвящаетъ претендента во діаконы. Мало того: патріарху приказано было немедленно издать опредѣленіе о томъ, что Константину разрѣшается соединять въ своемъ лицѣ «служеніе и Богу и царю, и храму и дворцу». Но Константинъ, по выраженію историка, «высоко поднявшій свой носъ» скоро нашелъ, что ему мало степени діакона и пожелалъ получить посвященіе во архіереи и патріархъ тотчасъ сдѣлалъ его архіепископомъ Ѳессалоникійскимъ (въ дѣйствительности номинальнымъ). Такимъ образомъ, говоритъ историкъ, «Константинъ считая для себя невыносимымъ не имѣть въ лѣвой рукѣ церковныхъ дѣлъ и въ тоже время въ правую руку не забрать дѣлъ придворныхъ, захватилъ въ свои руки двоякаго рода власть». Такое противозаконіе патріарха (Георгія Ксифилина) и архіереевъ тотъ-же историкъ объясняетъ единственно тѣмъ, что они «изо всѣхъ силъ и съ живѣйшею ревностію гонялись за благорасположеніемъ царя»

[113]). Съ особенною охотою политики брались уладить дѣло къ удовольствію того или другаго императора, когда нужно было досадить патріарху-зилоту. Тутъ, повидимому, забывались всякія церковныя постановленія. Деспотическая воля царя въ этомъ случаѣ являлась для нихъ какимъ-то непререкаемымъ авторитетомъ. Если царь подкапывался подъ патріарха-зилота и требовалъ помощи отъ политиковъ, то «архіереи — говоритъ Григора, — разсказывая одинъ случай, уясняющій нашу мысль,—съ удовольствіемъ (какъ-же иначе можно сказать?) принимали волю царя. Обязанные по заповѣди Спасителя быть для другихъ примѣромъ братской любви, они—ироническиуетъ историкъ—сейчасъ-же собираютъ соборъ противъ патріарха, откапываютъ гдѣ-то обвинителей, стараясь усердіемъ перещеголять другъ друга» [114]).

Къ сожалѣнію, архіереи изъ числа политиковъ, изъ угодливости, не только поступались предъ царями церковными правилами, но отчасти самыми догматами вѣры. Большая часть партіи политиковъ весьма легко склонилась на Ліонскую унію съ Римомъ. Правда, члены этой партіи утѣшали себя въ этомъ случаѣ тѣмъ, что они принимали не самые догматы Латинянъ, что̀ было-бы великимъ зломъ, но лишь соглашались съ ними на миръ и единеніе, что они считали «меньшимъ зломъ» [115]); но все-же они, несомнѣнно, не проявили той ревности къ вѣрѣ, какая такъ отличала зилотовъ.

Партія умѣренныхъ изъ своей уступчивости царямъ извлекала для себя различныя выгоды—большею частію, впрочемъ, нравственнаго значенія. Предста-

---

113) Никиты. Царствованіе Алексѣя Ангела, брата Исаакова, кн. II, гл. 4, стр. 195 и дал.

114) Кн. IV, гл. 4, стр. 89—90.

115) Пахимера, кн. VI, гл. 23, стр. 446.

вители данной партіи дѣлались близкими къ царямъ лицами, получали свободный доступъ во дворецъ и имѣли возможность ходатайствовать предъ императорами за несчастныхъ, угнетенныхъ, обиженныхъ. Въ этомъ отношеніи они много дѣлали полезнаго для общества, существенно различаясь, такимъ образомъ, отъ зилотовъ, которые не считали себя слугами общества. Кромѣ этого весьма важнаго преимущества, они достигали почетнаго отличія: права, напримѣръ, сидѣть въ государственномъ совѣтѣ на какихъ-то особенныхъ стульяхъ, возлѣ самаго царскаго трона. Какое значеніе имѣло это право—затрудняемся сказать. Несомнѣнно одно, что историкъ Никита Хоніатъ едва-ли основательно посмѣивается по поводу указаннаго права, какъ вещи ничтожной [116]). Одинъ патріархъ изъ числа умѣренныхъ за свои услуги престолу получилъ почетный титулъ «отца» царскаго, давъ въ свою очередь императору наименованіе «новаго Константина». Титуломъ — царскій «отецъ» патріархъ могъ называться и подписываться [117]).

Таковы были отношенія политиковъ къ свѣтскому правительству.

Теперь посмотримъ въ какихъ отношеніяхъ они стояли къ духовенству, когда, напримѣръ, какой-нибудь политикъ облекался высшей, духовной правительственной властію, дѣлаясь патріархомъ. Къ своимъ собратіямъ—умѣреннымъ патріархъ изъ этой-же партіи относился слишкомъ снисходительно; смотрѣлъ сквозь пальцы на нравственныя недостатки и отступленія отъ дисциплины. Такъ при нѣкоемъ патріархѣ изъ политиковъ (Германѣ) встрѣчаемъ въ Адріанополѣ такого архіерея, патріаршаго родственника,

---

116) Царствованіе Андроника Комнина, кн. I, гл. I, стр. 352.
117) Пахимера, кн. IV, гл. 22, стр. 278—279.

«который вовсе не думалъ о жизни духовной, но который занимался нарядами, любилъ лошадей, носилъ оружіе и вмѣнялъ себѣ въ честь ходить съ войсками въ походъ». Когда этотъ архіерей впослѣдствіи лишенъ былъ Адріанопольской каѳедры, то онъ усердно просилъ царя, чтобы онъ позволилъ ему — сообразно съ его наклонностями—въ качествѣ полководца «идти сражаться съ врагами и овладѣть всѣми ихъ трофеями» [118]). Разумѣется, такихъ необыкновенныхъ архіереевъ, способныхъ быть полководцами, невозможно было встрѣчать у зилотовъ [119]). Вышеприведенный фактъ показываетъ, что патріархи изъ политиковъ спустя рукава относились къ недостаткамъ духовенства, но это не значитъ того, чтобъ они были бездѣятельны. Исторія свидѣтельствуетъ, что они заботились о возстановленіи церковнаго порядка, если по нерадѣнію вкрадывались сюда съ теченіемъ времени упущенія [120]). Они, повидимому, поощряли сохраненіе и развитіе соборной формы церковнаго управленія. Одною изъ задачъ церковной дѣятельности политиковъ было уничтожать слѣды зилотическаго правленія съ невыгодныхъ его сторонъ. Сюда относятся мѣры къ прекращенію споровъ и раздоровъ, нерѣдко вносимыхъ зилотическою партіею

---

118) Пахимера, ibid., стр. 278.

119) Въ отличіе отъ политиковъ, архіереи зилотическаго направленія, случалось, не только сами глубоко проникались аскетическими началами, но и дѣлали попытки насаждать сѣмена строгаго аскетизма какъ среди клира, такъ и среди пасомыхъ ввѣренной имъ церкви. Такъ митрополитъ Филадельфійскій Ѳеолиптъ (въ концѣ XIII в.) такъ именно поступалъ въ средѣ ввѣренной его управленію церкви. Boissonade. Anecdota Graeca, tom. V, (Никифора Хумна. Надгробное слово Ѳеолипту) p. 223—224. Cf. Cantacuseni. Historiae, tom. I, p. 67.

120) Пахимера, кн. IV, гл. 13, стр. 259.

въ сферу церковныхъ дѣлъ. Къ чести политиковъ нужно сказать, что если они были во власти, т. е. патріархъ былъ изъ ихъ сторонниковъ, то они не старались о низверженіи епископовъ зилотовъ и не подвергали ихъ поруганіямъ, какъ наоборотъ поступали съ политиками, торжествующіе свою побѣду, зилоты. Вообще патріархи политики не любили въ своей дѣятельности прибѣгать къ суровымъ наказаніямъ лицъ духовныхъ, если они почему-либо заслуживали наказанія [121]). Они больше склонялись къ мѣрамъ кроткимъ и снисходительнымъ. Они выступали на защиту управляемаго ими духовенства даже предъ самимъ царемъ, и умѣли достигнуть своихъ цѣлей въ этомъ случаѣ [122]). Не страхомъ хотѣли они дѣйствовать на духовенство, но и заботливостію о немъ.

Нужно сказать, что значительная часть жизни политиковъ, если они были не у дѣлъ, были не во власти, тратилась болѣе или менѣе попусту. Въ такомъ случаѣ они подстерегали зилотовъ, старательно отыскивая въ ихъ дѣйствіяхъ оплошности, или-же тратили время на прямую или чаще косвенную борьбу съ ними. Если открывалось, что патріархъ изъ зилотовъ достигаетъ особенной силы и значенія, это начинаетъ волновать партію политиковъ, «всѣхъ архіереевъ и священниковъ, всѣхъ настоятелей монастырей, всѣхъ клириковъ и даже чиновниковъ» [123])— вообще всѣхъ недовольныхъ патріархомъ-зилотомъ. Если суровость и притязательность патріарха зилотическаго духа доводили противную партію политиковъ до потери терпѣнія, то «они начинали сперва тайно, сквозь зубы бранить его, а потомъ и открыто—

---

121) Pachymeris. De Andronico Palaeol. lib. I, cap. 7, p. 23—24.

122) Пахимера, кн. V, гл. 24, стр. 374.

123) Григоры. кн. VII, гл. I, стр. 206.

говоритъ историкъ — почти въ глаза и въ его присутствіи»; иногда они доходили до такого раздраженія, что «готовы были просто растерзать его, если онъ не хотѣлъ сойти съ патріаршей каѳедры» [124]). Случалось, что борьба между двумя партіями, торжествующей—зилотической и политиками, не стоявшими у кормила власти, велась чисто духовнымъ оружіемъ, но публично: если патріархъ-зилотъ подвергалъ анаѳемѣ умѣренныхъ, то эти послѣдніе отвѣчали ему съ его единомышленниками тѣмъ-же [125]). Къ этимъ средствамъ борьбы противъ властвующаго зилотизма, политики присоединяли и другія болѣе второстепеннаго свойства. Такъ, если зилоты свои протесты и требованія выражали слишкомъ настойчиво и становились въ положеніе схизматиковъ или раскольниковъ, то умѣренные старались обратить вниманіе царя на такой нелегальный способъ протестаціи; старались внушить ему, что схизма—вещь опасная не только для церкви, но и государства [126]). Тѣ-же политики для того, чтобы дискредитировать патріарха-зилота въ глазахъ общества разсказывали о немъ разнаго рода анекдоты, которые должны были ярко выставлять недостатки патріарха — его нелюдимость, суровость [127]). Въ дѣятельности зилотовъ они старались открывать черты самыя непривлекательныя; они не скупились на позорищныя названія противниковъ, именовали ихъ и Неронами, и Діоскорами и

---

124) Ibid. кн. VI, гл. 7, стр. 183.
125) Ibid. кн. IX, гл. 3, стр. 398.
126) Pachymeris. De Andronico, lib. I, cap. 12, p. 37.
127) Pachymeris. Ibid. lib. II, cap. 14, p. 143. Правда, здѣсь не говорится прямо: кто именно распространялъ анекдоты, невыгодные для репутаціи зилота, но можно думать, что это дѣлали приверженцы низверженнаго патріарха Григорія Кипрскаго, человѣка умѣреннаго направленія.

Юліанами-отступниками [128]). Дѣйствія зилотовъ они называли «мерзостью запустѣнія на мѣстѣ святѣ» и предрекали бѣды государству [129]). Само собой понятно, что и партія зилотовъ не оставалась въ долгу у политиковъ по части порицаній главарей этихъ послѣднихъ. Такъ одного патріарха-политика зилоты прозвали ироническимъ именемъ Мармутцы, намекая на его не вполнѣ греческое происхожденіе; того-же патріарха неизвѣстно почему они-же прозвали «Фатріархомъ» [130]). А главное—зилоты успѣшнѣе низвергали патріарховъ враждебной партіи, когда первые домогались того [131]), и такимъ образомъ ставили политиковъ въ очень неловкое положеніе.

Окончивъ характеристику партіи политиковъ, мы можемъ взвѣсить все сказанное нами о достоинствахъ и недостаткахъ этой партіи. А взвѣсивъ, легко можемъ придти къ тому естественному заключенію, что эта партія имѣла возможность приносить церкви не болѣе пользы, чѣмъ и противная партія — зилотовъ.

Столкновеніе двухъ партій зилотовъ и политиковъ встрѣчаются на пространствѣ цѣлыхъ вѣковъ. Въ XII вѣкѣ партія умѣренныхъ, уступчивыхъ—партія политиковъ — чаще противоположной появляется у кормила церковнаго правленія. Въ XIII вѣкѣ видимъ почти тоже самое, если не будемъ принимать во вниманіе положеніе Византійскихъ патріарховъ въ Никеѣ,—положеніе не дающее твердыхъ основаній для болѣе точныхъ выводовъ о силѣ и значеніи двухъ

---

128) Gregorae. Hist. Byzantina, lib. XXI, cap. 5, p. 1021—2; lib. XVII, cap. 3, p. 883.

129) Ibidem. Lib. XXV, cap. 38, p. 66.

130) Пахимера, кн. IV, гл. 13, стр. 259; гл. 16, стр. 264.

131) Письмо Григорія Кипрскаго. Хр. Чт. 1870, т. II, стр. 513.

разсматриваемыхъ нами партій. Но въ томъ-же XIII вѣкѣ, точнѣе въ концѣ его, довольно ясно можно замѣчать, что партія зилотовъ крѣпнетъ и усиливается, лучше формируется и начинаетъ отличаться большей опредѣленностію принциповъ. А въ XIV вѣкѣ зилоты явно торжествуютъ надъ своими противниками. Этотъ послѣдній фактъ рельефно отмѣченъ и профессоромъ И. Е. Троицкимъ въ его обширныхъ статьяхъ: «Арсеній и Арсениты». Понимая арсенитское движеніе и борьбу Арсенитовъ съ противниками, какъ обнаруженіе извѣстнаго рода принциповъ, которыми Арсениты отличались отъ ихъ противниковъ, авторъ справедливо находитъ, что принципы Арсенитовъ, разумѣется не въ чистомъ и первоначальномъ ихъ видѣ, наконецъ въ XIV в. одерживаютъ верхъ надъ принципами противоположной стороны. Приведемъ его собственныя слова. Но для того, чтобы были болѣе понятны эти слова, мы должны сказать, что, различая, какъ дѣлали мы, два направленія въ жизни іерархіи изучаемаго времени, онъ одно изъ нихъ опредѣляетъ какъ такое направленіе, которое руководилось преимущественно монашескими идеалами (у насъ — «зилоты»), а другое какъ такое, которое держалось сферы интересовъ бѣлаго духовенства (у насъ — «политики») [132]). Авторъ статей «Арсеній и Арсениты», подводя итогъ движеній арсенитскихъ и противоарсенитскихъ, пишетъ: «окончательное торжество монашества (по нашему—партіи зилотовъ) надъ бѣлымъ духовенствомъ (по нашему—партіею политиковъ) по вопросу о занятіи высшихъ мѣстъ въ іерархіи, и слѣдовательно

---

[132]) За подробностями, впрочемъ, отсылаемъ къ самымъ статьямъ г. Троицкаго (Хр. Чт. 1867—1872, въ особен, 1872, т. III).

по управленію церковію, совершилось во времена такъ называемыхъ исихастскихъ споровъ (1340—1359 гг.). Движеніе, вызванное этими спорами, имѣло уже исключительно монашескій характеръ. Оно разрѣшилось полнымъ тріумфомъ Аѳонскихъ иноковъ, предводимыхъ Григоріемъ Паламой, надъ Константинопольскимъ патріархомъ Іоанномъ Калекасомъ (1337—1347) г.) и надъ придворнымъ ученымъ Никифоромъ Григорою. На побѣду ихъ надъ этимъ патріархомъ можно смотрѣть какъ на побѣду монашества надъ бѣлымъ духовенствомъ. Это былъ послѣдній патріархъ на Константинопольскомъ престолѣ изъ бѣлаго духовенства, какъ одинъ изъ его предшественниковъ Іоаннъ Гликисъ (1315—1320) былъ послѣднимъ патріархомъ изъ государственныхъ сановниковъ. Съ этихъ поръ высшія мѣста въ іерархіи исключительно уже замѣщаются монашествующими, а Константинопольскій патріаршій престолъ надолго дѣлается достояніемъ питомцевъ св. горы Аѳонской» [133]). Борьба партій замолкла.

Спрашивается: какой получился результатъ той преимущественно глухой борьбы, которая въ теченіе вѣковъ велась между зилотами и политиками? Самое лучшее изъ того, чего домогались зилоты, по нашему мнѣнію, состоитъ въ стремленіи поставить церковь въ такое положеніе, чтобы она могла совершать свое дѣло и исполнять свое назначеніе безъ какого-либо неблагопріятнаго для ея успѣховъ вмѣшательства со стороны Византійской царской власти. А самое важное и серьезное изъ того, чего добивались политики, по нашему мнѣнію, исчерпывается ихъ стремленіемъ поддерживать духовное просвѣщеніе въ интересахъ народнаго религіознаго образованія, или, по крайней

---

[133]) Христ. Чтен. 1872, т. III, стр. 650—651.

мѣрѣ, разумнаго пониманія христіанскихъ истинъ. Въ какой мѣрѣ зилоты достигли своей цѣли, а политики—своей? Что касается цѣли, поставленной себѣ зилотами и сейчасъ нами указанной, то она осталась ими недостигнутой. На этотъ вопросъ даетъ краткій, но основательный отвѣтъ авторъ статей: «Арсеній и арсениты». Онъ задаетъ себѣ вопросъ: «энергичнѣе-ли стали защищать права церкви монашествующіе представители ея іерархіи? Лучше-ли эти права были ограждены отъ покушеній со стороны свѣтской власти въ ихъ рукахъ?» и отвѣчаетъ: «Увы! нѣтъ. Среда, въ которую вступали иноки, бравшіе въ свои руки кормило правленія церковію, оказывалась сильнѣе той, изъ которой они выходили. Здѣсь совершилась съ ними странная метаморфоза. Вступая въ нее (среду), они цѣликомъ повторяли исторію своихъ «мірскихъ» предшественниковъ. Такимъ образомъ, положеніе церкви относительно высшей государственной власти осталось прежнее» [134]). Осуществилось-ли, съ другой стороны, стремленіе политиковъ споспѣшествовать народному религіозному развитію, стремленіе, «чтобы народъ имѣлъ ученыхъ наставниковъ и учителей?» Къ сожалѣнію тоже — нѣтъ. Никифоръ Григора говоритъ: «прежде церковь богата была, между прочимъ, и учителями. Они въ различныя времена и въ разныхъ мѣстахъ Константинополя объясняли, кто пѣсни Давида, кто посланія Павла, кто евангельскія заповѣди Спасителя. Всѣ тѣ изъ нихъ, которые были облечены въ санъ священства, частнымъ образомъ и поочередно проповѣдывали божественное слово по домамъ, въ собраніи членовъ семейства и ихъ сосѣдей (по теперешнему это можно назвать внѣбогослужебными церковными

---

[134]) Ibidem, стр. 651—652.

собесѣдованіями). Это располагало къ жизни по заповѣдямъ Божіимъ, служило къ познанію истинной вѣры и прямо вело къ добру. Или лучше: это было духовное орошеніе слушателей изъ великаго и божественнаго источника, орошеніе, которое ихъ измѣняло, преобразовывало и располагало къ лучшему. Съ теченіемъ времени все это исчезло, какъ исчезли и всѣ другіе добрые обычаи, которые точно погрузились на дно морское. Этого рода опустошеніе отсюда простерлось и на другія церкви. И вотъ души всего христіанскаго міра блуждаютъ точно по какой-нибудь непроходимой и безводной пустынѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ угасъ животворный лучъ слова и ученія, все слилось въ безразличную массу; люди впали въ безсмысленное состояніе и не стало человѣка, который могъ-бы самъ рѣшать, что полезно, и какими признаками отличается благочестіе отъ нечестія» [135]). Вмѣсто религіознаго просвѣщенія наступилъ мракъ невѣжества и неразумія.

Отчего-же такая неудача постигла и зилотовъ и политиковъ? Пространный и убѣдительный отвѣтъ даетъ изложенная нами исторія Константинополчскихъ патріарховъ изучаемыхъ вѣковъ. А краткій отвѣтъ можетъ быть формулированъ такъ: каждая изъ прежде упомянутыхъ партій, находясь у кормила правленія, слишкомъ усердно истребляла слѣды и плоды дѣятельности другой, оттого и получился тотъ печальный результатъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь.

---

[135]) Григоры, кн. VI, гл. V, стр. 177—178.

Приложеніе къ вышеизложенному отдѣлу «Константинопольскіе іерархи».

Познакомившись съ умственнымъ, нравственнымъ и церковно-общественнымъ положеніемъ Византійскихъ патріарховъ и отчасти подвѣдомственнаго имъ прочаго духовенства, считаемъ не лишнимъ для полноты этого очерка сдѣлать замѣчанія о матеріальномъ состояніи, какъ патріарховъ Константинопольскихъ, такъ и прочихъ лицъ духовнаго сана въ томъ же патріархатѣ. Замѣчанія наши, къ сожалѣнію, должны быть нѣсколько отрывочны, что зависитъ отъ качества и количества матеріаловъ по вопросу, находящихся въ нашемъ распоряженіи.

Можно утверждать, что матеріальное положеніе Константинопольскихъ патріарховъ, начиная съ послѣднихъ годовъ XI вѣка и до завоеванія столицы Греческаго царства Латинянами (въ нач. XIII в.), было вполнѣ удовлетворительно. Правда, собственно епархія патріарха Константинопольскаго была очень невелика. Какъ и прежде, она ограничивалась самымъ Константинополемъ съ его предмѣстьями. Поэтому доходы патріарха, еслибы они получались отъ одного Константинополя, едва-ли были-бы значительны. Но патріархъ пользовался правами такъ называемой ставропигіи, вслѣдствіе чего матеріальное положеніе его достигало значительнаго процвѣтанія. Въ общемъ право ставропигіи состояло въ томъ, что при основаніи какого-либо монастыря, церкви или молитвеннаго дома въ эпархіи какого-либо митрополита или епископа, патріархъ, чрезъ водруженіе отъ своего имени креста, отчислялъ извѣстный монастырь, приходскій храмъ или молитвенный домъ къ своему вѣдѣнію, такъ что вслѣдствіе такого отчисленія мо-

настырь, церковь, часовня выходили изъ подъ вѣдѣнія мѣстной епископской или митрополической власти. Послѣдствіемъ этого отчисленія, между прочимъ, было и то, что сборъ доходовъ, какъ съ самыхъ монастырей и церквей, такъ и сосѣднихъ съ ними селеній, поступалъ въ казну патріарха. Нужно еще замѣтить, что въ то время какъ прочіе Греческіе патріархи пользовались правомъ давать ставропигіи только въ предѣлахъ своихъ патріаршихъ округовъ, Константинопольскій іерархъ могъ раздавать ставропигіи и подчинять своей власти монастыри, церкви и молитвенные дома и внѣ своего округа по всему Востоку [1]). Есть основаніе полагать, что въ XII вѣкѣ патріархъ Константинопольскій владѣлъ весьма многими ставропигіями, и что онѣ приносили ему значительные доходы. Во времена Ѳеодора Вальсамона, т. е. въ концѣ XII вѣка, встрѣчалось много митрополитовъ и архіереевъ «негодующихъ на патріаршія ставропигіи и утверждающихъ, что онѣ посылаются въ ихъ предѣлы въ противность правиламъ». Оппоненты въ своемъ противодѣйствіи распространенію ставропигій опирались на то, что лица, которымъ ввѣрено управленіе ставропигіями, обращаются съ мѣстными архіереями надменно, «не удостоиваютъ ихъ и слова» [2]). Но, конечно, не этотъ одинъ мотивъ заправлялъ оппозиціей: архіереямъ было не выгодно чрезъ ставропигіи лишаться своихъ доходовъ. Это видно изъ того, что у нѣкоторыхъ архіереевъ возникали препирательства съ патріархомъ прямо изъ-за доходовъ, соединенныхъ съ ставропи-

---

1) Проф. Т. В. Барсова. Константинопольскій патріархъ, стр. 199—202. (Петерб. 1878).

2) Правила съ толкованіями. Вальсамона толков. на 31 прав. Апостольск., стр. 56—57.

гіями [3]). Архіереи, «негодующіе на патріаршія ставропигіи», во времена Вальсамона домогались отъ императоровъ и патріарховъ Византійскихъ «отмѣны ставропигій». Но просители, конечно, удовлетворены не были. Вальсамонъ, по этому поводу, пишетъ: «со стороны святѣйшей великой церкви прямо отражено было *нападеніе* митрополитовъ и епископовъ указаніемъ на долговременный церковный, неписанный обычай» [4]).

Если матеріальное положеніе патріарха Константинопольскаго въ XII вѣкѣ было обезпеченнымъ, то нельзя того-же сказать о митрополитахъ и епископахъ и прочемъ духовенствѣ этого-же вѣка. Вотъ, напримѣръ, что говорится въ письмѣ Ѳеофилакта Болгарскаго къ патріарху Николаю Грамматику, по поводу тѣхъ притѣсненій, какія приходилось переносить епископамъ и прочему духовенству отъ сборщиковъ податей. Сборщиками податей «все разыскивается и взвѣшивается, такъ что безуміе доходитъ до измѣренія плоти и костей» — говоритъ образно писатель. «Они (сборщики податей) полагаютъ, что епископъ не испытываетъ голода, что у него все раждается изъ земли безъ посѣва и обработки; что рѣки у него влекутъ на днѣ своемъ самородное золото; что собаки рождаютъ ему коней и лошаковъ и что у служителей всегда все ново». Быть можетъ, не безъ преувеличенія авторъ письма говоритъ: «клириковъ лишаютъ послѣдней одежды и оставляютъ нагими». На основаніи писемъ Ѳеофилакта, справедливо можно заключать, что духовенство въ концѣ XI и началѣ XII в. обязано было платить подать съ своихъ земельныхъ участковъ и что оно не было свободно

---

[3]) Барсова ibid. стр. 202 прим.
[4]) Вальсамона, ibidem.

отъ другихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ казенныхъ поборовъ. Духовенство вмѣстѣ съ прочимъ населеніемъ было отдано въ жертву многочисленной своекорыстной, жадной толпы сборщиковъ податей и дозорщиковъ. Ѳеофилактъ проситъ патріарха войти съ ходатайствомъ къ императору Алексѣю Комнину о избавленіи духовенства и народа отъ несправедливостей сборщиковъ податей и привязчивости дозорщиковъ [5]). Сколько знаемъ, въ царствованіе Алексѣя Комнина не произошло никакихъ перемѣнъ выгодныхъ для духовенства въ указанномъ отношеніи. Существенныя облегченія для духовенства, имѣвшаго дѣло, съ земельнымъ владѣніемъ, совершились лишь въ царствованіе Мануила Комнина, въ срединѣ XII вѣка. Этотъ императоръ издалъ нѣсколько законовъ, которые давали духовенству различныя привиллегіи по части владѣнія земельными участками и которыми весьма рѣшительно ограничена привязчивость всякихъ дозорщиковъ къ духовенству по тому-же поводу [6]). О матеріальной необезпеченности духовенства въ концѣ XI и началѣ XII вѣка весьма ясно свидѣтельствуетъ, кромѣ вышеприведеннаго письма Ѳеофилакта, одна новелла императора Алексѣя Комнина. Въ новеллѣ этого императора (выданной въ 1093 или 1108 году) указывается слѣдующій замѣчательный фактъ: нѣкоторые игумены монастырей и другія монашествующія лица—экономы и даже простые монахи, а также клирики Софійскаго храма, вообще всѣ духовныя лица, получавшія средства къ жизни

---

[5]) Васильевскаго. Матеріалы для исторіи Византійскаго государства. Жур. Мин. Нар. Просв., т. 202, стр. 430—431. Здѣсь-же помѣщено и вышецитированное письмо Ѳеофилакта Болгарскаго.

[6]) Новеллы Мануила были изложены нами выше. (См. стр. 254—256).

отъ должностей или какихъ-либо служеній, не охотно принимали архіерейскій санъ и архіерейское служеніе вдали отъ Константинополя. Указанныхъ кандидатовъ въ архіереи устрашала бѣдность, которую имъ пришлось-бы переносить съ возведеніемъ въ архіереи къ недостаточнымъ по матеріальному положенію церквамъ. Чтобы сколько нибудь улучшить положеніе архіереевъ въ бѣдныхъ епархіяхъ, подъ которыми здѣсь разумѣются епархіи, попавшія во власть мосульманъ и крестоносцевъ, императоръ Алексѣй постановилъ слѣдующее опредѣленіе: «пусть никто изъ нихъ (изъ числа вышеисчисленныхъ кандидатовъ въ епископы) не отказывается подъять иго архіерейства; ибо всѣ они съ этихъ поръ будутъ пользоваться (и по поставленіи въ архіереи) принадлежащими имъ игуменствами, экономіями и другими служеніями и должностями (конечно, номинально), и принявъ совершительный чинъ (епископство), должны владѣть получаемыми и отъ прежнихъ должностей доходами, доколѣ не получатъ облегченія въ ихъ тяжкой долѣ и не достигнутъ благополучія во ввѣренныхъ имъ по избранію церквахъ» [7]). Какъ извѣстно, часть Византійской имперіи въ XI и дальнѣйшіе вѣка постоянно оставалась во владѣніи мосульманъ, пока и вся имперія не сдѣлалась достояніемъ Турокъ, поэтому надежды императора на улучшеніе положенія архіереевъ въ мосульманскихъ епархіяхъ были простой мечтой. — Тому-же императору Алексѣю принадлежитъ новелла, изданная въ 1086 году и представляющая собою повтореніе одной новеллы императора Исаака Комнина. Въ этой новеллѣ указаны нормы тѣхъ сборовъ, какіе должны полу-

---

[7]) Правила съ толкованіями.—Толков. Вальсамона на 37-е прав. Трульскаго собора (стр. 569—570).

чать епископы съ своихъ пасомыхъ для личнаго ихъ продовольствія; а также заключалось урегулированіе платы, взимаемой архіереями съ лицъ посвящаемыхъ во священники [8]).—О матеріальномъ положеніи священниковъ и прочаго клира въ XII вѣкѣ, мы мало знаемъ. Съ увѣренностію можно полагать, что оно было не блестяще. Объ этомъ можно думать на томъ основаніи, что клирики этого времени слишкомъ неразборчиво хватались за всякія занятія, могущія улучшить ихъ благосостояніе. Они открывали какія-то «мироваренныя заведенія» и содержали «бани»—такого рода занятія, которыя одинъ патріархъ XII вѣка относитъ къ числу занятій «безчестныхъ и постыдныхъ» [9]).

Вообще твердыхъ выводовъ относительно степени обезпеченности греческаго духовенства въ Константинопольскомъ патріархатѣ въ концѣ XI и XII вѣковъ—сдѣлать нельзя. Можно только сказать, что до Мануила Комнина оно было очень не завидно, а со времени этого царствованія нѣсколько улучшилось или, по крайней мѣрѣ, должно было улучшиться. Еще скуднѣе наши свѣдѣнія о матеріальномъ положеніи того-же духовенства отъ начала XIII-го вѣка до шестидесятыхъ годовъ того-же столѣтія. Разумѣемъ эпоху латинскаго владычества въ Константинополѣ. A priori можемъ утверждать, что въ это время положеніе патріарха Константинопольскаго, проживавшаго въ Никеѣ, по части матеріальной обезпеченности было незавиднымъ. Вѣроятно, тоже латинское владычество въ Константинополѣ отражалось

---

[8]) См. выше: «отношеніе государственной власти къ церкви», стр. 229. Сличъ. А. Лебедева. «Очерки исторіи Византійско-восточной церкви» въ IX, X, XI в. стр. 155.

[9]) Правила съ Толкованіями. Толков. Вальсамона на 23 пров. Карѳагенскаго собора, стр. 1327.

неблагопріятно и на матеріальномъ положеніи прочихъ архіереевъ Константинопольскаго патріархата. Изъ разсматриваемой эпохи ясное указаніе на матеріальное состояніе архіереевъ встрѣчаемъ—лишь одно. Вотъ оно. Историкъ Пахимеръ, говоря о послѣднемъ Константинопольскомъ патріархѣ, проживавшемъ въ Никеѣ, дѣлаетъ такое замѣчаніе о немъ: «Никифоръ, бывшій митрополитъ Ефесскій, избранный, конечно, соборомъ, однако-же больше по желанію царя, прибылъ въ Никею (на патріаршество) со множествомъ собраннаго въ Ефесѣ золота» [10]). Полагать нужно, что богатство Никифора, человѣка не высокихъ нравственныхъ качествъ, пріобрѣтено имъ незаконными путями, и вообще этотъ примѣръ богатаго архіерея и патріарха—едва-ли не представлялъ собой исключеніе въ изучаемое время. Что какъ Никифоръ, такъ и другіе архіереи этого времени, если обогащались, то обогащались незаконными путями, къ такому заключенію отчасти уполномочиваетъ насъ свидѣтельство Григорія Кипрскаго, патріарха послѣдней четверти XIII вѣка. Описывая жизнь св. Евѳимія Мадитскаго, Григорій влагаетъ въ уста этого святителя между прочимъ такія слова: «знаю и вѣрно знаю, но лучше-бы не знать, что послѣ меня (Евѳимій жилъ въ XI в.) станутъ продажнымъ образомъ давать хиротонію, будутъ предоставлять честнѣйшій санъ не достойнымъ получить его, а могущимъ предложить больше серебра, не добродѣтель будутъ цѣнить, обращать вниманіе не на образъ жизни, а на золото и численность его, себя будутъ пасти, по выраженію Писанія, а не овецъ» [11]). Думаемъ, едва-ли па-

---

[10]) Пахимера, кн. II, гл. 17, стр. 108.

[11]) Похвальное слово св. Евѳимію еписк. Мадитскому — въ греческомъ текстѣ и русскомъ переводѣ издано архим. Арсеніемъ. Чтен. въ Общ. Люб. Дух. Просв. 1889. Приложеніе, стр. 54.

тріархъ Григорій сталъ-бы цитировать приведенныя слова Евѳимія, если-бы они не оправдывались печальнымъ опытомъ. Нужно при этомъ помнить, что Григорій пережилъ эпоху Никифора и зналъ положеніе дѣлъ въ Ефесѣ. Если наша догадка о незаконныхъ путяхъ, какими Никифоръ сумѣлъ накопить много денегъ во время бытности митрополитомъ во Ефесѣ, не лишена вѣроятности, то самый этотъ фактъ—обогащенія при помощи симоніи—ясно даетъ разумѣть, что обычные способы матеріальнаго пріобрѣтенія въ изучаемое время были скудны. На скудость матеріальныхъ средствъ, какими располагали епископы во время пребыванія греческой столицы въ Никеѣ, по нашему мнѣнію, хорошо указываетъ та падкость на деньги, какую обнаружили епископы все того-же времени при одномъ очень знаменательномъ случаѣ. Михаилу Палеологу, не имѣвшему никакихъ правъ на корону, захотѣлось во что-бы то ни стало проложить себѣ торную дорогу къ престолу; для этой цѣли онъ сталъ подольщаться къ однимъ, старался ублаготворить другихъ. Средство это имѣло очень значительный успѣхъ и въ отношеніи къ сонму епископовъ. Историкъ повѣствуетъ слѣдующее: «Михаилъ Палеологъ отнесъ содержаніе патріарха и особенно архіереевъ на счетъ казны» [12]); причемъ «Палеологъ—продолжаетъ историкъ — самъ бралъ и выдавалъ (архіереямъ) все нужное, вмѣняя себѣ въ честь давать больше надлежащаго, и поступалъ такимъ образомъ съ лукавою цѣлію ослѣпить глаза духовенства и пріобрѣсть его расположеніе. Выдавая

---

12) Едвали это необходимо было дѣлать (какъ предполагаетъ историкъ), ибо никакіе архіереи въ Византійскомъ государствѣ жалованья не получали, за исключеніемъ можетъ быть какихъ нибудь крохъ, именовавшихся «ругою» и выдававшихся, конечно, неисправно.

имъ подарки, онъ ежеминутно (?) располагалъ ихъ къ себѣ со всею силою. Въ самомъ дѣлѣ, между ними не было никого, кто не превозносилъ-бы его похвалами» [13]). Само собой понятно, Палеологъ могъ «ослѣплять глаза духовенства» и вызывать у него всяческія «похвалы» только въ томъ случаѣ, если архіереи были бѣдны и значительныя деньги имъ были въ диковинку. Состоятельный человѣкъ, какъ извѣстно, не только не прельстится подачкой, но даже отринетъ ее.

Положеніе патріарховъ Константинопольскихъ и другихъ епископовъ этого патріархата въ матеріальномъ отношеніи—въ остальной періодъ существованія Византійской имперіи было не одинаково. Оно было благопріятнѣе до двадцатыхъ годовъ XIV вѣка, а съ этого времени замѣтно и сильно ухудшается. Матеріальный кризисъ духовенства совпадаетъ съ быстро увеличивающеюся скудостію самого государства.

Говоримъ: матеріальное положеніе духовенства было поставлено въ лучшія условія до двадцатыхъ годовъ XIV вѣка, т. е. въ царствованіе Михаила Палеолога и въ большую часть пятидесятилѣтняго правленія Андроника Старшаго. Объ этомъ удостовѣряютъ насъ въ извѣстной степени слѣдующіе факты. Императоръ Михаилъ, разгнѣвавшись на патріарха Іоанна Векка, пожелалъ чѣмъ нибудь досадить ему и не нашелъ другаго средства выполнить это свое намѣреніе, кромѣ изданія новеллы, лишающей патріархію Константинопольскую права ставропигіи. Очевидно, императоръ отмѣной права ставропигіи имѣлъ въ виду пошатнуть матеріальное благосостояніе патріарха. Какъ мы знаемъ, право ставропигіи не ограничивалось правомъ власти и вліянія, но тѣсно связано было съ вопро-

---

[13]) Пахимера. О Михаилѣ, кн. I, гл. 26, стр. 65—66.

сомъ о количествѣ доходовъ, шедшихъ въ казну константинопольскаго архипастыря. Что дѣйствительно намѣреніе императора состояло въ томъ, чтобы повредить матеріальному положенію патріарха, это видно изъ мотива, которымъ царь оправдывалъ свое распоряженіе о ставропигіяхъ; а мотивомъ было мнимое желаніе императора охранить «церковныя имущества отъ разграбленія» со стороны константинопольскаго патріарха [14]). Новелла Михаила скоро однакоже потеряла силу, если она дѣйствительно имѣла когда-либо таковую. Другимъ фактомъ, свидѣтельствующимъ о матеріальномъ благосостояніи патріарховъ константинопольскихъ данной эпохи служитъ исторія патріаршествованія Іоанна Гликиса. Григора, описывая это патріаршествованіе, восхваляетъ Іоанна Гликиса за безкорыстіе и замѣчаетъ: «съ патріаршаго престола (когда Гликисъ покинулъ каѳедру) онъ принесъ съ собою не много денегъ, потому что не былъ корыстолюбивъ, какъ большая часть другихъ патріарховъ» [15]). Значитъ, если Іоаннъ Гликисъ, оставляя константинопольскую архипастырскую каѳедру, имѣлъ мало денегъ, то это случайность. Другой патріархъ на его мѣстѣ накопилъ бы много денегъ: подобное явленіе не было бы чѣмъ-нибудь необычайнымъ. — Въ разсматриваемое время сами цари приходили на помощь высшимъ іерархамъ, щедро одаряя ихъ деньгами. Такъ, Михаилъ Палеологъ заботился о томъ, чтобы обезпечить матеріальное положеніе отставнаго патріарха Германа III. Пахимеръ пишетъ: «царь заботился о назначеніи Герману достаточныхъ средствъ содержанія и обѣщалъ многое» [16]). Тотъ же императоръ,

---

[14]) Пахимера, кн. VI, гл. 10, стр. 415—417.
[15]) Григоры, кн. VIII, гл. 2, стр. 280.
[16]) Пахимера, кн. IV, гл. 21, стр. 277.

по словамъ этого же историка, «пригласилъ Цинажу, архіепископа Ираклійскаго, служить литургію въ дворцовомъ храмѣ и тотъ служилъ ее за большую награду» [17]).

Но относительное благосостояніе Византійскаго духовенства быстро начинаетъ клониться къ упадку, начиная съ двадцатыхъ годовъ XIV вѣка. И это происходитъ почти внезапно. Такой упадокъ матеріальнаго благосостоянія духовенства стоитъ въ тѣсной связи съ оскуденіемъ государственной казны. Уже къ концу царствованія Андроника Старшаго финансы имперіи пришли въ большой безпорядокъ. Послѣ они, кажется, ни разу не поправлялись. Описывая царствованіе Іоанна Кантакузина, историкъ Григора остроумно замѣчаетъ относительно государственной казны этого времени: «Кантакузинъ совершенно опустошилъ государственныя сокровищницы, такъ что въ нихъ ничего не осталось, кромѣ воздуха, праха, да еще развѣ, пожалуй, Епикуровыхъ атомовъ» [18]). Стало весьма сильно бѣднѣть государство, оскудѣвала и церковь. Патріархи Константинопольскіе для улучшенія матеріальнаго положенія столичной церкви начинаютъ прибѣгать къ мѣрамъ совершенно экстреннымъ. Очевидно, патріарху перестали доставлять доходъ и ставропигіи, которыхъ у него все же оставалось немало и въ XIV-мъ вѣкѣ [19]). Къ какимъ исключительнымъ мѣрамъ стали прибѣгать патріархи для поправленія финансовой части патріархіи, это видно изъ синодскаго опредѣленія, постановленнаго въ правленіе столичною церковію Исаіи, послѣдняго архипастыря Константинопольскаго временъ Андро-

---

17) Ibidem, гл. 23, стр. 281.
18) Gregorae. Hist. Byzant. lib. XV, cap. 11, p. 790.
19) Барсова. Константинопольскій патріархъ, стр. 205.

ника Старшаго. Передадимъ главныя черты этого опредѣленія. Актъ начитается указаніемъ на то, какъ еще недавно Константинопольская церковь пользовалась матеріальнымъ благополучіемъ и могла легко оказывать помощь другимъ церквамъ — скуднымъ и бѣдствующимъ, но что все это уже миновало. Церковь столичная—слышатся затѣмъ жалобы—теперь не только не можетъ воспособлять другимъ, но что она не въ силахъ оказывать помощи и членамъ собственнаго клира. Въ виду стѣснительныхъ обстоятельствъ, синодъ находитъ себя вынужденнымъ болѣе достаточныя архіепископіи и митрополіи Константинопольскаго патріархата обложить ежегодною данью въ пользу патріархіи. Вотъ списокъ митрополій съ указаніемъ числа золотыхъ монетъ (иперпировъ [20]), какое должны были онѣ вносить въ патріаршую Константинопольскую казну: Ираклійская, Кизическая, Ѳессалоникійская обязаны были вносить по 200 иперпировъ, Адріанопольская, Веррійская по 100, Монемвасійская 800 (почему-то особенно много), Филиппопольская 150, Трайянопольская 70, Серрская 150, Филиппійская 100, Митиленская и Дидимотихская по 100, Палеопатрская 40, Лакедемонская 60, Меленикская 36, Эносская 100, Мадитская 36, Митимнійская 50, Врисійская—тоже, Російская 36; затѣмъ слѣдуютъ архіепископіи: Визійская 100, Маронійская 36, Приконисская 72, Гареллійская, Деркосская, Аркадіупольская по 24, Лимносская 50, Лопадійская 24, Кинсельская 16, Ксантійская 36, Мидійская 50, Драмская 24, Ганская 50. Всего—3348 иперпировъ. Мы привели эти цыфры, полагая, что онѣ служатъ свидѣтельствомъ относительной достаточности той или другой митрополіи

---

[20]) Иперпиръ равняется 3 р. 85 к. на золото. См. Греческая и Римская метрологія, стр. 29, Москва 1873.

и архіепископіи. Многія митрополіи и архіепископіи Константинопольскаго патріархата пропущены въ этомъ спискѣ; знакъ, что онѣ и сами были бѣдны и не могли оказывать требуемой помощи. Заканчивая свое опредѣленіе, соборъ заявляетъ, что какъ скоро дѣла патріархіи поправятся и она будетъ въ состояніи жить собственными средствами, не прибѣгая къ посторонней помощи, тогда перечисленныя митрополіи и архіепископіи опять будутъ тратить деньги на самихъ себя и будутъ освобождены отъ взносовъ въ пользу Константинопольской церкви [21]). Такимъ образомъ, уже въ началѣ XIV-го вѣка Константинопольская патріархія поставлена была обстоятельствами въ нищенское состояніе и принуждена была жить подаяніями, вносимыми — едва ли точно — въ ея казну. На упадокъ матеріальнаго благосостоянія Константинопольскаго патріарха не имѣла ли вліянія, между прочимъ, и новелла Андроника Старшаго, выданная въ 1294 году, которою запрещалось брать что-либо за хиротонію, несмотря на то, что обычай и свѣтское законодательство давно санкціонировали значительную плату въ пользу патріарха и другихъ архіереевъ за рукоположеніе. Соблюдать эту новеллу [22]) давали обѣщаніе многіе изъ послѣдующихъ патріарховъ при самомъ посвященіи [23]); но мы всетаки сомнѣваемся, чтобы требованія, выраженныя этой новеллою соблюдались: это шло въ разрѣзъ съ установившейся практикой. Общій упадокъ благосостоянія имперіи и сокращеніе ея размѣровъ безъ

---

[21]) Miklosich et Müller. Acta patriarch. Constantin. tom. I, p. 126—128.

[22]) Содержаніе этой новеллы передано было раньше въ трактатѣ: «отношеніе государственной власти къ церкви» (см. стр. 282).

[23]) Примѣры въ подобномъ родѣ были указаны въ очеркѣ исторіи Византійскихъ патріарховъ XIV вѣка.

сомнѣнія имѣли наибольшее вліяніе на обѣднѣніе патріархіи.—Въ еще худшемъ положеніи находились митрополіи и епископіи Византійскаго патріархата въ разсматриваемое время. «Акты Константинопольскаго патріархата» рисуютъ намъ матеріальное положеніе этихъ митрополій и епископій въ самыхъ плачевныхъ чертахъ. Многія митрополіи изъ богатыхъ превратились въ бѣдныя или даже совсѣмъ закрылись; тоже было и со многими епископіями. Говоримъ о такихъ эпархіяхъ, которыя оставались или во владѣніи Латинянъ или перешли во власть Турокъ. Бѣдствующимъ митрополитамъ и епископамъ являлся на помощь Константинопольскій синодъ; онъ дѣлалъ слѣдующее: соединялъ двѣ и болѣе эпархіи сосѣднихъ въ одну и поручалъ ихъ вѣдѣнію одного лица, одному архіерею [24]). Происходило значитъ тоже, что можно встрѣчать и въ практикѣ Русской церкви, гдѣ для большаго обезпеченія священниковъ соединяются иногда два сосѣднихъ прихода въ одинъ. Случалось въ то время и такъ: назначенный въ Константинополѣ епископъ, отправившись въ свою эпархію, совсѣмъ не находилъ ни въ городѣ, куда онъ назначенъ, ни въ округѣ города — христіанъ. Епископу приходилось, нося этотъ высокій санъ, жить безъ пристанища и скитаться, гдѣ попало. Такъ случалось съ епископами, назначенными въ города, которые находились во власти Турокъ. Одному изъ такихъ епископовъ патріархъ Константинопольскій даетъ изъ состраданія въ управленіе свой ставропигіальный монастырь [25]).

---

[24]) Перечисленіе случаевъ соединенія нѣсколькихъ эпархій въ одну съ указанною цѣлію—сдѣлано на основаніи «Актовъ Конст. патріархата» въ статьѣ профессора С. А. Терновскаго: «Очеркъ изъ исторіи Констант. церкви въ XIV вѣкѣ». Труды Кіев. Дух. Акад. 1872, іюль. (См. также отдѣльную брошуру подъ тѣмъ же заглавіемъ, стр. 31—33.

[25]) Miklosich. Acta patriarch. Constantin. I; 329—330.

Чѣмъ ближе подходитъ время къ заключенію XIV-го вѣка, тѣмъ матеріальное положеніе патріарха Константинопольскаго, — не говоря уже о епископахъ, — становится хуже и хуже! Въ одной синодальной грамотѣ, написанной отъ имени патріарха Нила (въ 1381 г.) и подписанной его рукою, говорится: «ни одна (?) изъ митрополій не претерпѣваетъ такой бѣдности, въ какую впала великая церковь» [26]). Нѣсколько позднѣе патріархъ Матѳей, около 1400-го года говорилъ отъ лица синода Константинопольскаго: «мы бѣдны и нищи, и живемъ мы и клиръ нашъ милостынею христіанъ» [27]). Нечего говорить о томъ, какъ бѣдственно было въ то же изучаемое нами время положеніе простыхъ священниковъ. Въ «Актахъ Константинопольскаго патріархата» разсказывается, напримѣръ, такой фактъ. Одинъ священникъ обвинялся въ святотатствѣ. Будучи призванъ на судъ патріарха, обвиняемый заявилъ, что совершенное имъ преступленіе произошло вслѣдствіе тяжкихъ житейскихъ обстоятельствъ; онъ говорилъ, что въ теченіе трехъ дней самъ онъ, жена и дѣти оставались безъ пищи, и вотъ онъ взялъ изъ храма драгоцѣнный окладъ (φεγγεῖον) съ иконы Богородицы, продалъ его и, на вырученныя деньги, купилъ пищи себѣ и приснымъ [28]).—Не станемъ говорить о положеніи духовенства въ Византійской имперіи въ XV вѣкѣ, частію по недостаточности свѣдѣній объ этомъ времени, частію-же потому, что не было причинъ, которыя могли бы измѣнить къ лучшему, указанное нами, бѣдственное матеріальное положеніе Византійской іерархіи. Оно могло быть только хуже. На

---

[26]) Ibidem, tom. II, p. 35.

[27]) Ibidem, II, 484.

[28]) Miklosich. Acta, tom. I, p. 475. Актъ относится къ 1365 г.

Флорентійскомъ соборѣ представители православія— духовнаго чина больше всего вынуждены были дать свое согласіе на унію полнымъ отсутствіемъ денегъ, въ которыхъ чувствовалась нужда для самаго скромнаго существованія. У одного греческаго архіерея того времени ничего не имѣлось, кромѣ трехъ старыхъ одеждъ. Знаменитый ученый Виссаріонъ, митрополитъ Никейскій, въ теченіе цѣлыхъ двухъ десятковъ лѣтъ давалъ уроки юношеству на родинѣ,—но могъ всего на всего пріобрѣсти лишь сорокъ золотыхъ флориновъ [29]). Дальше этого простираться бѣдность духовенства, кажется, ужъ и не могла.

По обозрѣніи Константинопольскаго патріархата въ различныхъ отношеніяхъ, намъ слѣдуетъ сообщить свѣдѣнія о положеніи церковныхъ дѣлъ въ другихъ восточныхъ патріархатахъ (отъ конца XI до полов. XV вѣка)—Александрійскомъ, Антіохійскомъ и Іерусалимскомъ. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія по исторіи этихъ патріархатовъ указаннаго времени очень незначительны. Приходится по необходимости ограничиться вмѣсто описанія исторіи трехъ прочихъ Восточныхъ патріархатовъ лишь краткими замѣчаніями о нихъ. Несчастія и бѣды— вотъ единственный удѣлъ этихъ патріархатовъ. Внѣшняя исторія ихъ представляетъ скорбный листъ притѣсненій то отъ магометанъ, то Латинянъ-крестоносцевъ. Новаго, такого, что заслуживало-бы особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи очень мало. Бѣдствія подобнаго рода Восточные патріархаты терпѣли уже давно какъ отъ

---

[29]) Ducae. Historia Byzantina, cap. 31 (Migne, tom. 157, p. 1013). Гиббона. Исторія. Т. VII, стр. 254. (Изъ Сиропула).

Арабовъ, такъ и Турокъ [1]). Не поставляя себѣ задачей изображать внѣшнее состояніе этихъ патріархатовъ, войдемъ въ нѣкоторое разсмотрѣніе внутренняго ихъ состоянія.

Начнемъ съ патріархата *Александрійскаго*. Александрійскій патріархатъ не находился во власти Латинянъ - крестоносцевъ, какъ это было съ другими патріархатами. Такъ какъ крестоносцы не принесли и не могли приносить пользы для тѣхъ патріархатовъ, которые были ими захвачены (разумѣемъ: Антіохійское и Іерусалимское патріаршества), то неуспѣхи крестоносцевъ въ Египтѣ, кажется, нужно считать благопріятнымъ историческимъ обстоятельствомъ въ жизни Александрійскаго патріархата. Хотя крестоносцы не утверждались въ Египтѣ такъ прочно, какъ это было въ Антіохіи, Іерусалимѣ и Константинополѣ, тѣмъ не менѣе въ продолженіе нѣкотораго времени папы назначали латинскихъ номинальныхъ патріарховъ для Александріи, но это было, конечно, пустою затѣей со стороны церковнаго запада [2]). Крестоносное нашествіе на Востокъ не имѣло вліянія на внутреннее положеніе Александрійскаго патріархата; но это положеніе и безъ этого обстоятельства было очень жалкимъ. Въ Александрійскомъ патріархатѣ было больше Яковитовъ (монофизитовъ), чѣмъ пра-

---

[1]) Для ознакомленія со внѣшнимъ положеніемъ патріархатовъ можно рекомендовать слѣдующія сочиненія: Le-Quien: Oriens christianus. tom. II—III; Матвѣевскаго: очеркъ исторіи Александрійской церкви (Христ. Чтеніе, 1856, т. I, стр. 358—391); Чельцова проф.: Внѣшнее состояніе Греческой церкви отъ 1054 до 1204 года (Христ. Чт. 1857, т. II); Преосвящ. Порфирія: Востокъ христіанскій (списки антіохійскихъ патріарховъ) Кіевъ 1874—5. Досиѳея: Исторія Іерусалимскихъ патріарховъ (на греческомъ языкѣ) и проч.

[2]) Wiltsch. Handbuch der kirchlich. Geographie und Statistik. Band. II, s. 305.

вославныхъ. Можно утверждать, что исторія Яковитскихъ патріарховъ и вообще монофизитской іерархіи въ Египтѣ является болѣе жизненною и цвѣтущею, чѣмъ іерархіи православной здѣсь. Не случайность, конечно, что разсказы о монофизитской партіи въ Александріи, въ теченіе изучаемаго нами времени, записаны въ источникахъ гораздо полнѣе и съ большею рачительностію, чѣмъ разсказы о православной церкви [3]). Яковиты или монофизиты сдѣлались и остаются главными хозяевами патріархата Александрійскаго. Наприм., извѣстія о яковитскихъ патріархахъ въ Египтѣ очень разнообразны и не лишены интереса, тогда какъ по отношенію къ православнымъ патріархамъ Александрійскимъ историкъ затрудняется возстановить даже порядокъ преемства Александрійскихъ іерарховъ. На сторонѣ яковитской іерархіи видимъ людей образованныхъ, писателей, церковныхъ законовѣдовъ; почти ничего такого не замѣтно въ средѣ православной іерархіи въ Египтѣ. Впрочемъ, поставляя себѣ задачею сообщить хоть нѣкоторыя свѣдѣнія лишь о состояніи православной церкви въ Египтѣ, мы оставимъ безъ разсмотрѣнія положеніе монофизитской партіи здѣсь.

Число православныхъ христіанъ съ милліоновъ, сколько ихъ было здѣсь въ цвѣтущее положеніе Александрійской церкви, упало въ изучаемое нами время до одной сотни тысячъ. О числѣ православныхъ христіанъ въ XIII вѣкѣ дѣлаются заключенія на основаніи письма патріарха Александрійскаго Николая къ папѣ Гонорію III (въ 1223 г.). Первый, между прочимъ, извѣщалъ папу, что каждый православный христіанинъ съ четырнадцатилѣтняго возраста обязывается платить подать иновѣрному правительству по

---

[3]) Какъ можно это видѣть и изъ Le-Quien'a, tom. II.

одному золотому византину (золотая монета) и четырнадцати караббовъ (мелкая монета); затѣмъ корреспондентъ прибавляетъ, что православныхъ христіанъ въ Египтѣ столько, что султанъ имѣетъ отъ нихъ ежегоднаго дохода сто тысячъ византиновъ [4]). Такъ какъ православные христіане съ 14-лѣтняго возраста въ это время платили въ казну 100,000 золотыхъ, причемъ съ каждаго христіанина взималось по одному золотому слишкомъ, то очевидно что взрослыхъ христіанъ въ Египтѣ въ началѣ XIII-го вѣка было около 90,000 тысячъ, а съ присоединеніемъ дѣтей до четырнадцатилѣтняго возраста все православное народонаселеніе Александрійскаго патріархата едва-ли превышало цифру ста тысячъ. Изъ того-же письма Николая къ Гонорію видно, что при одномъ случаѣ, незадолго до времени этого патріарха Александрійскаго, магометанскимъ правительствомъ разрушено было 115-ть церквей православныхъ [5]),—возможно, что здѣсь обозначены всѣ церкви христіанъ православныхъ. И значитъ, и православныхъ людей и церквей было немного въ изучаемомъ патріархатѣ уже въ XIII-мъ вѣкѣ. Вѣроятно, впослѣдствіи, численность православнаго населенія еще больше упала въ Египтѣ.

Сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ патріархахъ Александрійскихъ. О патріархѣ Кириллѣ (XI или XII вѣка) сохранилось интересное извѣстіе, что онъ былъ знатокомъ медицины и писалъ въ этомъ родѣ сочиненія, пользуясь Галеномъ, Ямвлихомъ, Маннеономъ [6]). — Изъ XII вѣка заслуживаетъ упоминанія патріархъ Маркъ. О немъ извѣстно, что

---

[4]) Письмо это можно находить у Le-Quien'я, tom. II, p. 490—491.

[5]) Ibidem, p. 491.

[6]) Ibidem, tom. II, p. 484.

онъ управлялъ Александрійскою церковію во времена императора Исаака Ангела и Константинопольскаго патріарха Георгія Ксифилина, т. е. въ концѣ XII-го вѣка. Маркъ извѣстенъ тѣмъ, что, встрѣтивъ въ Александрійской церкви много особенностей, онъ обратился за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній въ Константинополь къ знаменитому тогдашнему канонисту Ѳеодору Вальсамону (изъ этого факта можно заключать, что самъ онъ не былъ природнымъ Александрійцемъ, и, по всей вѣроятности, назначенъ въ патріархи Александріи изъ Константинополя). Ѳеодоръ Вальсамонъ составилъ отвѣты на вопросы Марка (тѣ и другіе дошли до нашего времени). Первымъ вопросомъ, предложеннымъ со стороны Марка, было: «можно-ли употреблять литургіи св. Іакова и св. Марка, которыя находятся въ практикѣ патріархатовъ Александрійскаго и Іерусалимскаго и совершаются здѣсь въ большіе праздники? Должна-ли принимать ихъ св. церковь»? Другіе вопросы Марка касались обычая умащать святымъ муромъ тѣла скончавшихся епископовъ и священниковъ, вливанія «теплой» воды въ евхаристическую чашу, разныхъ отношеній къ еретикамъ, — находившимся въ Египтѣ — монофизитамъ (яковитамъ) и монофелитамъ (маронитамъ). Вальсамонъ, разрѣшая недоумѣнія Марка, склоняетъ его держаться обычаевъ и порядковъ, утвердившихся въ Константинопольской церкви [7]). Вопросъ о соверше-

---

[7]) «Каноническіе вопросы Марка и отвѣты на нихъ Вальсамона». Вопр. 1. 25. 19. 15. 28. 32. Другіе вопросы Марка касались очень разнообразныхъ предметовъ, наприм.: «нужно ли принимать, встрѣчавшіеся на Востокѣ, произведенія подъ заглавіемъ: Ученія св. Апостоловъ и Видѣнія ап. Павла (2)? Позволительно ли совершить богослуженіе на языкахъ сирскомъ и армянскомъ, или же только на греческомъ (6)? Іерей, если пострижется въ монахи, лишается ли права свя-

ніи литургіи св. Марка еще разъ поднимался по слѣдующему случаю: Александрійскій патріархъ Маркъ прибылъ въ Константинополь, и, намѣреваясь служить вмѣстѣ съ столичнымъ патріархомъ и Вальсамономъ въ Софійскомъ храмѣ, хотѣлъ было служить по чину литургіи Іакова. Но разрѣшенія на совершеніе этой литургіи не послѣдовало ни со стороны патріарха Константинопольскаго, ни со стороны Вальсамона, причемъ Маркъ далъ обѣщаніе всегда совершать литургію, какъ это принято было въ Константинополѣ [8]).

Больше имѣемъ свѣдѣній объ Александрійскомъ патріархѣ XIII-го вѣка Аѳанасіи (1270 — 1308), впрочемъ должны сознаться, что эти свѣдѣнія очень небольшой важности. Они свидѣтельствуютъ, что если патріархъ Александрійскій проживалъ не въ своей патріархіи, а въ Константинополѣ (какъ это случилось съ Аѳанасіемъ), то ему въ личныхъ интересахъ приходилось лавировать между партіями и волей-неволей держаться стороны тѣхъ, кто представлялся сильнѣе. Разскажемъ исторію патріарха Аѳанасія. Аѳанасій сначала принадлежалъ къ числу монаховъ горы Синайской, отсюда и былъ взятъ въ патріархи Александрійскіе; посвященіе его, повидимому, совершено было въ Константинополѣ [9]). Недолго пришлось ему оставаться въ Александріи. Вѣроятно, вслѣдствіе какихъ-либо невзгодъ, онъ прибылъ въ Константинополь, вскорѣ послѣ извѣстной Ліонской уніи (1274 г.), и пробылъ здѣсь весьма долго. Прибытіе

щенства (9)? и проч. Rhally et Potly. Syntagma. Tom. IV, p. 447—496.

[8]) Правила съ толков.—Вальсамона Толков. на 32 прав. Трульскаго собора (стр. 552).

[9]) Pachymeris. De Andronico, lib. VII, cap. 8, p. 579.— Le-Quien, tom. II, p. 493.

Аѳанасія совпало съ критическимъ временемъ въ исторіи жизни Константинопольской церкви—происходило водвореніе уніи императоромъ Михаиломъ Палеологомъ въ Константинопольскомъ патріархатѣ. Аѳанасію нужно было или высказать себя за унію, чтобы пріобрѣсти благосклонность императора Михаила, или же стать противъ уніи, и тѣмъ повредить себѣ и своимъ личнымъ интересамъ. Но патріархъ Аѳанасій не сдѣлалъ ни того ни другого. Онъ избираетъ очень удобный для себя путь, на которомъ онъ любитъ держаться и впослѣдствіи въ критическихъ обстоятельствахъ. Онъ дѣлаетъ видъ, какъ будто-бы ничего особеннаго не случилось въ церкви Константинопольской. Искусно хранитъ молчаніе, не высказывая себя ни за унію, ни противъ ея [10]). Михаилъ Палеологъ оцѣнилъ скромность и молчаніе Аѳанасія; для перваго было полезно ужъ и самое молчаніе патріарха Александрійскаго. Онъ вошелъ съ нимъ въ дружбу, бралъ его съ собой, когда отправлялся въ военные походы, наприм., противъ Персовъ. Онъ, при этомъ, удостоивалъ Аѳанасія дружескихъ бесѣдъ, «ища утѣшенія въ разговорахъ» съ патріархомъ [11]). Мало того, Михаилъ Палеологъ далъ Аѳанасію два монастыря, находившіеся въ Константинопольскомъ патріархатѣ, утвердивъ ихъ за Аѳанасіемъ золотыми буллами (монастырь «Лавры Архистратига» и «великаго Поля») [12]). Разумѣется, монастыри эти должны были доставлять матеріальныя средства патріарху.

По смерти Михаила Палеолога царскій престолъ занялъ сынъ его Андроникъ. Нужно было много ловкости и изворотливости патріарху Аѳанасію, чтобы

---

[10]) Пахимера. О Михаилѣ Палеологѣ, кн. VI, гл. I, стр. 397.
[11]) Ibidem, кн. VI, гл. 29, стр. 464.
[12]) Pachymeris. De Andronico, lib. III, cap. 5, p. 203.

и при новомъ царѣ проводить жизнь спокойно и благополучно. Дѣло въ томъ, что Андроникъ былъ врагомъ уніи и, повидимому, долженъ былъ относиться съ нерасположеніемъ ко всѣмъ лицамъ, не показавшимъ ревности при защитѣ православія, а такимъ былъ и Аѳанасій. Но патріархъ Александрійскій какъ-то умѣлъ поладить съ новымъ императоромъ и долгое время проживалъ въ Константинополѣ въ полномъ благополучіи. Въ началѣ царствованія Андроника, нѣкоторыя лица изъ членовъ іерархіи, особенно сильно ненавидѣвшія Михаила Палеолога за унію, предъявили было нѣсколько требованій къ Аѳанасію; наприм., они потребовали отъ него, чтобы онъ отрекся отъ всего, что имѣло ближайшее отношеніе къ этой уніи. Въ противномъ случаѣ Аѳанасію угрожаемо было исключеніемъ его имени изъ церковныхъ диптиховъ. Аѳанасій однакожъ отказался исполнить требуемое [13]). Его обыкновеннымъ правиломъ было: не выражать своихъ мнѣній прямо и рѣшительно. Такъ и на этотъ разъ онъ отклонилъ вышеуказанное настойчивое предложеніе. Вѣроятно, онъ мотивировалъ отказъ тѣмъ, что какъ онъ раньше не изъявлялъ своего прямаго согласія на унію, такъ теперь ему нѣтъ надобности отвергать той самой уніи, какой онъ не принималъ. Уклончивость Аѳанасія и на этотъ разъ сослужила ему хорошую службу. Патріархъ продолжалъ жить въ столицѣ безъ тѣхъ печалей, какія обуревали явныхъ друзей и враговъ уніи. Въ дальнѣйшее время Аѳанасій держался той-же политики: уклонялся отъ всякихъ дѣйствій, изъ которыхъ могли-бы проистекать невыгоды для его положенія. Въ патріаршество Григорія Кипрскаго, Аѳанасій на одномъ соборѣ противъ Іоанна Векка

---

[13]) Pachymeris. De Andronico, lib. I, cap. 19, p. 55—56.

выражаетъ свое несогласіе съ ученіемъ и взглядами этого послѣдняго [14]); но когда патріархъ Григорій потребовалъ, чтобы Аѳанасій подписалъ опредѣленіе (томосъ) противъ Векка, то Александрійскій архипастырь, къ явному неудовольствію Константинопольскаго патріарха, отказался подписать это опредѣленіе, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не принадлежитъ къ Константинопольскому патріархату [15]). Разумѣется, это была не больше какъ уловка, благодаря которой Аѳанасій открывалъ для себя свободу дѣйствій. И Аѳанасій своимъ ловкимъ образомъ дѣятельности достигъ того, что ему нужно. Императоръ Андроникъ почиталъ его очень разсудительнымъ мужемъ. Онъ даетъ ему различныя деликатныя порученія; такъ Аѳанасій является съ разными царскими порученіями то къ патріарху Григорію Кипрскому, то къ патріарху Іоанну Созопольскому [16]). Не такъ счастливо пошли дѣла Аѳанасія при дальнѣйшемъ патріархѣ Константинопольскомъ по имени тоже Аѳанасіи. Аѳанасій Константинопольскій, между прочимъ, поставилъ себѣ цѣлію изгнать изъ столицы всѣхъ архіереевъ, которые проживали здѣсь подъ видомъ какихъ либо дѣлъ, но въ сущности безъ всякаго дѣла и повода. Не имѣя права изгнать изъ столицы Аѳанасія Александрійскаго, Аѳанасій Константинопольскій одинъ изъ двухъ монастырей, какіе даны были сановному гостю Михаиломъ Палеологомъ, отнялъ у него, другой же монастырь подчинилъ своей власти [17]); а между тѣмъ эти монастыри до сихъ поръ доставляли пришельцу матеріальныя средства. Обезкура-

---

[14]) Pachymeris, ibid. lib. I, cap. 35, p. 97.
[15]) Ibid. lib. II, cap. 5, p. 120—121.
[16]) Ibid. et lib. IV, cap. 31—32, p. 349.
[17]) Pachymeris, lib. III, cap. 5, p. 202—203.

женный патріархъ Александрійскій удаляется на островъ Родосъ. Вскорѣ впрочемъ счастіе снова возвращается къ патріарху Александрійскому, но не на долго. Аѳанасій Константинопольскій покидаетъ каѳедру и Аѳанасій Александрійскій, по зову Андроника, опять приходитъ въ столицу. Но по нѣкоторомъ времени Аѳанасій Константинопольскій снова дѣлается патріархомъ столицы и приходитъ въ столкновеніе съ Аѳанасіемъ Александрійскимъ. Дѣло кончается тѣмъ, что этотъ послѣдній теряетъ расположеніе и императора Андроника и принужденъ былъ возвратиться въ Александрію, на свою дѣйствительную каѳедру, которую онъ столь давно покинулъ. Послѣ нѣкоторыхъ приключеній Аѳанасій прибылъ въ Александрію [18]). О послѣдующей судьбѣ его мало извѣстно. — Аѳанасій Александрійскій представляетъ собою оригинальный типъ: долгое время онъ считался патріархомъ Александрійскимъ, но и знать не зналъ дѣлъ церкви Александрійской. Полагать нужно, что такого рода патріархи не рѣдко возсѣдали на архипастырской каѳедрѣ Александріи, ибо проживать въ столицѣ, въ особенности безъ всякаго дѣла, очень любили провинціальные архіереи того времени.

Въ Египтѣ, гдѣ въ древности такъ процвѣтало монашество, можно было встрѣчать немало монаховъ проводившихъ подвижническую жизнь и въ описываемыя нами времена. Вотъ нѣсколько свѣдѣній касательно этого предмета, находимыхъ въ «Путешествіи Св. Саввы архіеп. Сербскаго» (1221—1237 г.). Онъ захотѣлъ посѣтить Египетскихъ монаховъ, жившихъ въ этой странѣ, хотя и зналъ, что они ниже древнихъ: «все-бо старшихъ лучше новыхъ глаголютъ быти».

---

18) Pachymeris. De Andronico, lib. V, cap. 20, p. 409; lib. VII, cap. 8, p. 579; cap. 16, p. 593—595.—Le-Quien, tom. II, p. 493—495.

Посѣтилъ онъ Ливію, Ѳиваиду, Скитъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ монастыри оказались очень малолюдны: монастырь состоялъ иногда изъ двухъ—трехъ подвижниковъ. Всѣмъ имъ путешественникъ роздалъ подаянія [19]). Тотъ же св. Савва былъ и на Синаѣ (который въ іерархическомъ отношеніи зависилъ то отъ Іерусалимскаго патріарха, то отъ Александрійскаго). О Синайскомъ монастырѣ путешественникъ дѣлаетъ слѣдующее любопытное замѣчаніе: здѣсь, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Моисей иззулъ сапоги отъ ногъ, «и доднесь іереи босы служатъ св. литургію» [20]).— Мало знаемъ мы о патріархатѣ Александрійскомъ, еще меньше о патріархатахъ Антіохійскомъ и Іерусалимскомъ.

Антіохійскій патріархатъ. Этотъ патріархатъ уже съ давнихъ поръ находился въ рукахъ магометанъ. Но въ 1097 году Антіохіей овладѣли латиняне-крестоносцы и держались здѣсь до 1247-го года, когда магометане снова подчинили своей власти Антіохію и ея окрестности. Временное обладаніе крестоносцевъ Антіохіей повело къ тому, что здѣсь образовался латинскій патріархатъ. Всѣхъ латинскихъ патріарховъ въ Антіохіи преемственно правившихъ Антіохіей, или точнѣе—латинскими ея обитателями, насчитываютъ 13-ть (послѣдніе изъ нихъ впрочемъ не жили уже въ Антіохіи, а были лишь титулярными) [21]). Антіохійское латинское духовенство, повидимому, не отличалось особеннымъ фанатизмомъ въ отношеніи къ православнымъ. Въ доказательство можно сослаться на слѣдующіе примѣры. Такъ, первый латинскій патріархъ въ Антіохіи былъ избранъ не тот-

---

19) Палестинскій сборникъ. Выпускъ V: Путешествіе св. Саввы Сербскаго, стр. 16—17. 57.

20) Ibidem, стр. 60.

21) Pichler. Geschichte der Kirchl. Trennug. Band, I, s. 315.

часъ по завоеваніи этого города крестоносцами, а нѣсколько позже (въ 1100 г.); причиной этого было то, что латиняне, при жизни Греческаго патріарха, не считали приличнымъ избирать латинскаго патріарха, чтобы не было въ патріархіи двухъ патріарховъ заразъ [22]). Или еще можно указать вотъ на что. Въ одномъ заслуживающемъ уваженія документѣ замѣчено: въ то время, когда латинскіе патріархи Антіохіи заправляли здѣсь дѣлами церковными, «православные поставляли своихъ патріарховъ отдѣльно, которые жили въ другой части города, нимало небезпокоимые латинянами въ вѣроисповѣдномъ отношеніи» [23]). Что касается исторіи Греческихъ патріарховъ въ Антіохіи, то она почти неизвѣстна. Кромѣ именъ этихъ патріарховъ, мы почти ничего не знаемъ. Часть Антіохійскихъ патріарховъ вмѣсто того, чтобы жить въ Антіохіи, проживала въ Константинополѣ. Съ теченіемъ времени самая Антіохія перестала быть резиденціей патріарховъ: она перенесена была въ болѣе богатый Дамаскъ. Избраніе Антіохійскихъ патріарховъ происходило большею частію уже въ Константинополѣ и, конечно, подъ вліяніемъ не только церковнаго, но и свѣтскаго правительства. Когда въ царствованіе Михаила Палеолога умеръ Антіохійскій патріархъ Евѳимій и епископы въ Константинополѣ рѣшились избрать на его мѣсто нѣкоего іеромонаха Ѳеодосія Принкипса, то императоръ не сразу согласился на это. Онъ напередъ пожелалъ секретно узнать, какъ относятся этотъ Ѳеодосій къ провозглашенной на Востокѣ уніи Ліонской, и только когда увѣрился, что Ѳеодосій «будетъ слушаться царя», Михаилъ выра-

---

[22]) Wiltsch. Handbuch der Geographie, B. II, 114.

[23]) Е. Порфирія. Востокъ христіанскій: Списокъ патріарховъ Антіохійскихъ (Брека), стр. 74.

зилъ согласіе на его избраніе въ патріарха Антіохійскаго [24]).

Изъ Антіохійскихъ патріарховъ сколько-нибудь замѣчательныхъ почти нѣтъ. Конечно, нельзя не упомянуть патріарха Антіохійскаго XII вѣка Ѳеодора Вальсамона, но онъ, кажется, совсѣмъ не жилъ въ Антіохіи, а пребывалъ въ теченіе своего патріаршествованія въ Византіи [25]). Изъ позднѣйшихъ патріарховъ можно упомянуть Игнатія, XIV вѣка: онъ жилъ въ Константинополѣ во времена патріарха Іоанна Калекаса, участвовалъ въ соборѣ собранномъ при этомъ патріархѣ противъ Паламитовъ, за что потомъ подвергся какъ лишенію сана, такъ и заключенію въ тюрьму. По его смерти, тѣло его лишено было погребенія [26]). Нужно думать, что Игнатій былъ одной изъ жертвъ зависимости Антіохійскихъ патріарховъ отъ духовнаго и свѣтскаго правительства въ Византіи.

Іерусалимскій патріархатъ. Главнѣйшимъ событіемъ въ исторіи патріархата Іерусалимскаго было завоеваніе св. города крестоносцами. Іерусалимъ сдѣлался добычею крестоносцевъ въ 1099 году. Вслѣдъ затѣмъ здѣсь открытъ былъ Латинскій патріархатъ. Дѣйствительные патріархи латинской церкви преемственно управляли до 1187 года, когда магометане снова отняли у Латинянъ св. городъ. Послѣ этого,

---

[24]) Пахимера, кн. VI, гл. V, стр. 404—405. Киннамъ о XII-мъ вѣкѣ говоритъ, что «въ Антіохію по древнему (?) обычаю архіерей посылаемъ былъ изъ Византіи». (Киннамъ, кн. IV, гл. 18, стр. 201).

[25]) Кромѣ сообщенныхъ уже нами свѣдѣній о Вальсамонѣ при разныхъ случаяхъ, болѣе полныя извѣстія о жизни этого патріарха можно находить въ статьяхъ г. Демидова: «Характеръ и значеніе толкователей Аристина, Зонары и Вальсамона» (Прав. Обозрѣн. 1888, т. II, 633—638).

[26]) Le-Quien. Tom. II, p. 766—767.

папы стали назначать номинальныхъ латинскихъ патріарховъ въ Іерусалимъ. Всѣхъ латинскихъ патріарховъ дѣйствительныхъ и номинальныхъ насчитываютъ для Іерусалима 37 [27]). Нравственное состояніе христіанъ, подчиненныхъ вѣдѣнію латинскаго патріарха, было самое жалкое [28]). Что касается положенія православной церкви въ патріархатѣ, то объ этомъ мы знаемъ очень мало. Патріархи Іерусалимскіе большею частію были избираемы въ Византіи и находились подъ сильнымъ вліяніемъ Константинопольскихъ властей. Разкажемъ исторію двухъ патріарховъ Іерусалимскихъ (XII и XIV в.); изъ этой исторіи съ одной стороны открывается, что Византія имѣла большое значеніе для Іерусалимскаго патріархата, а съ другой, что Іерусалимская патріархія по временамъ находилась въ вѣдѣніи очень достойныхъ и почтенныхъ іерарховъ.—Во второй половинѣ XII вѣка на Іерусалимскую каѳедру возведенъ былъ человѣкъ достопочтенный—нѣкто Леонтій. Но не долго пришлось ему править церковію. Латинскій патріархъ въ Іерусалимѣ началъ дѣлать ему всякія непріятности; дѣло дошло до того, что къ Греческому патріарху подосланъ былъ вооруженный воинъ съ приказаніемъ убить Леонтія, но этотъ злой умыселъ не удался. Особенно прискорбно было Леонтію то, что хотя онъ и былъ патріархомъ Іерусалимскимъ, но Латиняне не позволяли ему совершать богослуженіе при св. гробѣ. Ему не позволено было даже приходить сюда, такъ что онъ могъ проникать сюда только тайкомъ, вмѣшавшись въ толпу прочихъ поклонниковъ. Леонтій рѣшился покинуть свою каѳедру, тѣмъ болѣе, что императоръ Мануилъ приглашалъ его къ себѣ

---

27) Wiltsch. s. 313—318. Pichler, s. 315.

28) Hefele. Conciliengeschichte, B. V, s. 320 (первое изданіе).

въ Византію [29]). Но не на счастіе прибылъ Леонтій въ Византію. Пока живъ былъ Мануилъ, Леонтій жилъ спокойно. Но не такъ пошли дѣла при преемникѣ Мануила Андроникѣ Комнинѣ. Андроникъ, какъ мы не разъ упоминали, домогался совершенія одного незаконнаго брака и въ этомъ смыслѣ требовалъ разрѣшенія отъ архіереевъ. Императоръ домогался такого разрѣшенія и со стороны Леонтія. Но Леонтій не сдавался. Онъ говорилъ: «не преклоню я колѣна предъ Вааломъ, и земного царя не предпочту Безсмертному». Андроникъ, съ своей стороны, не оставилъ безъ вниманія сопротивленіе патріарха: онъ преслѣдовалъ Леонтія [30]) и тѣмъ дѣлалъ жизнь несчастнаго изгнанника еще болѣе несчастною.—Другой достойный Іерусалимскій патріархъ—Лазарь жилъ въ XIV вѣкѣ (сдѣлался патріархомъ около 1334 г.). Его жизнь была преисполнена непріятностей и страданій, но онъ вездѣ и всегда показываетъ себя мужественнымъ и твердымъ. Въ царствованіе Андроника Младшаго, Лазарь былъ предъизбранъ въ патріархи соборомъ во св. градѣ и затѣмъ отправился въ Константинополь для посвященія и императорскаго утвержденія въ должности. Но лишь только Лазарь былъ посвященъ, какъ въ Константинополь прибылъ одинъ іерусалимскій монахъ Герасимъ съ разными обвиненіями на Лазаря. Императоръ счелъ долгомъ сдѣлать изслѣдованіе по поводу этихъ обвиненій и для этого отправилъ посольство въ Іерусалимъ. Пока тянулось это дѣло, произошли въ Византіи важныя политическія перемѣны, Андроникъ Младшій умеръ. Именемъ малолѣтняго императора Іоанна Палеолога стало управлять ре-

---

[29]) Изъ житія Леонтія. Часть этого житія отпечатана въ «Палест. Сборникѣ», томъ восьмой, выпускъ II. См. стр. XXVII—XXX.

[30]) Ibidem, стр. XXXI—XXXIII, XXXVII.

генство, во главѣ котораго сталъ патріархъ Іоаннъ Калекасъ. Послѣдній, пользуясь своею властію, отстранилъ Лазаря отъ патріаршества и посвятилъ на его мѣсто Герасима, обвинителя Лазарева. Лазарь, все еще находившійся въ Константинополѣ, очутился въ крайне непріятномъ положеніи. И только новая перемѣна въ правительствѣ улучшила положеніе Лазаря. На престолъ Византіи вступилъ Іоаннъ Кантакузинъ; онъ лишилъ патріаршества Іоанна Калекаса и принялъ сторону Лазаря. Чтобы исправить несправедливость, допущенную Калекасомъ, Кантакузинъ отослалъ посольство къ султану, имѣвшему власть надъ Іерусалимомъ, и просилъ его изгнать Герасима изъ патріархіи Іерусалимской и водворить въ ней Лазаря. Султанъ исполнилъ волю Кантакузина. Великія испытанія пришлось перенести Лазарю и въ послѣдующее время. Новый султанъ былъ враждебенъ христіанству; онъ пожелалъ силою обратить Лазаря въ магометанство; патріарху пришлось перенести унизительныя тѣлесныя наказанія и темничное заключеніе. Вышедши твердымъ изъ этого испытанія, Лазарь остатокъ жизни мирно провелъ на своей Іерусалимской каѳедрѣ [31]).

Мы разсказали исторію патріарховъ Леонтія и Лазаря потому, что только о нихъ изъ числа іерусалимскихъ святителей—и сохранились сколько-нибудь обстоятельныя свѣдѣнія. Къ нашему утѣшенію, вышеприведенныя свѣдѣнія рисуютъ этихъ двухъ патріарховъ въ самомъ лучшемъ видѣ. Леонтій и Лазарь съ великимъ стараніемъ охраняли и свое достоинство, и свою честь, и православную вѣру.

---

[31]) Cantacuseni. Historiae. Tom. III, lib. IV, cap. 14—15, p. 91—103. Разсказъ историка подробенъ, но мы изъ него взяли лишь главныя черты.

VI. Духовное просвѣщеніе и богословская наука.

Въ Византійскомъ обществѣ свѣтское и духовное образованіе стояли въ самой тѣсной связи: процвѣтало свѣтское образованіе—процвѣтало и духовное. Мы не видимъ при томъ спеціально-духовныхъ школъ: все образованіе сосредоточивалось главнѣйшимъ образомъ въ свѣтскихъ школахъ. Это обстоятельство заставляетъ насъ при обзорѣ духовнаго просвѣщенія и богословской науки XII, XIII, XIV и половины XV вѣка бросить взглядъ на образованіе въ Византійской имперіи вообще, на его успѣхи или неуспѣхи и на причины такого явленія.

Почти весь XII вѣкъ Византійскій императорскій тронъ занимала царственная фамилія Комниновъ. Эта фамилія принадлежала къ числу тѣхъ династій, которыя ревностно содѣйствовали процвѣтанію науки и литературы. Эпоха Комниновъ считается особенно счастливою по высотѣ отличавшаго ее образованія. Въ самомъ дѣлѣ, императоры изъ дома Комниновъ и царскіе родственники извѣстны замѣчательною любовью къ просвѣщенію. Императоръ Алексѣй I Комнинъ покровительствуетъ ученымъ, входитъ въ личныя состязанія съ ними. Знанія его богословскія были высоки: его просвѣщенныя бесѣды съ еретиками-павликіанами служатъ ко вразумленію и обращенію ихъ къ церкви въ великомъ множествѣ; онъ не оставляетъ безъ вниманія и новыхъ еретиковъ-богомиловъ, богословскія собесѣдованія съ которыми поглощаютъ у

Алексѣя не мало времени. Его супруга Ирина отличалась также образованнымъ вкусомъ и стремленіями. Она любила въ особенности философскія и богословскія книги; съ одной изъ такихъ книгъ въ рукахъ она являлась даже въ столовую. Дочь ея, знаменитый историкъ Анна, такъ вспоминаетъ объ этомъ: «я помню, какъ мать моя, когда подадутъ обѣдъ, приносила въ рукахъ книгу и читала творенія св. отцевъ, преимущественно философа и мученика Максима (повидимому Максима Исповѣдника); ибо она не столько занималась вопросами о природѣ, сколько богословіемъ, желая получить плодъ истинной мудрости. И нерѣдко мнѣ приходилось удивляться этому и въ удивленіи я говорила ей: какъ это ты можешь устремлять свой взоръ на такую высоту? А я не дерзаю и боюсь— говорила о себѣ Анна—даже краемъ уха внимать этому, ибо глубокая созерцательность и высота мыслей этого мужа (Максима)—наивно замѣчала матери Анна—производятъ въ читателяхъ головокруженіе». На это Ирина съ улыбкой отвѣчала: «я испытала эту похвальную робость и не безъ страха принималась за книгу, хотя теперь не могу отъ нея оторваться» [1]). Въ области литературы Ирина высоко цѣнила классическую поэзію и поощряла тогдашняго поэта Тцетца къ занятіямъ надъ Гомеромъ. Какъ высока была образованность дочери Алексѣя, Анны Комниной, объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ составленная ею «Исторія Алексѣя Комнина»—трудъ, который всѣми учеными ставится въ ряду лучшихъ произведеній того времени. Мужъ Анны—Никифоръ Вріенній написалъ въ свою очередь «Исторію», въ которой изобразилъ жизнь своего тестя Алексѣя до вступленія его на

---

1) Анны Комниной. Сказаніе о дѣлахъ Алексѣя, кн. V, гл. 9, стр. 251—252. Рус. переводъ.

престолъ. Внукъ Алексѣя Комнина, императоръ Мануилъ принадлежалъ тоже къ числу лицъ образованныхъ и любителей образованности. Онъ зналъ Аристотеля, обладалъ краснорѣчіемъ, былъ замѣчателенъ какъ тонкій богословъ, онъ любилъ споры о предметахъ богословскихъ [2]); съ его богословскими спорами мы уже знакомы. Императоръ Андроникъ I Комнинъ не мало трудился надъ изученіемъ апост. Павла и самъ писалъ о духовныхъ предметахъ [3]).

При такой склонности императоровъ изъ рода Комниновъ къ наукѣ весьма естественно было, что школы находили въ нихъ своихъ покровителей, а учителя-поощрителей. Школы, основанныя въ IX вѣкѣ извѣстнымъ Вардою, современникомъ Фотія, и реставрированныя императоромъ Константиномъ Порфиророднымъ (въ X вѣкѣ), ко временамъ Алексѣя Комнина значительно упали. Но этотъ императоръ старался поднять упадавшее образованіе. Онъ заботился объ оживленіи и лучшей организаціи школъ [4]). При Алексѣѣ встрѣчаемъ школы риторики, грамматики и философіи. Преподаватели пользуются высокимъ почетомъ; важнѣйшія наставническія мѣста замѣщаются по назначенію самого императора [5]). Совершенно новая школа была открыта Алексѣемъ I при великолѣпно имъ устроенномъ сиротскомъ домѣ. Въ эту школу онъ назначилъ преподавателей по всѣмъ предметамъ образо-

---

[2]) Киннама. Царствованіе Мануила, кн. VI, гл. 13 и друг.

[3]) Объ Андроникѣ было говорено выше. См. глав. IV «очерковъ».

[4]) Анны Комниной. Сказаніе о Алексѣѣ, кн. V, гл. 9, стр. 252—253. Зонара почему-то выражаетъ недовольство Алексѣемъ по части насажденія просвѣщенія, находя, что онъ былъ недостаточно заботливъ въ этомъ отношеніи, но Остеръ справедливо защищаетъ Алексѣя отъ этого Зонарина упрека. Oster. Anna Comnena, III, s. 43.

[5]) Профес. Успенскаго. Никита Акоминатъ изъ Хонъ, стр. 13.

вательнаго курса; здѣсь преподаваніе велось по нѣкоторымъ новымъ методамъ [6]). Замѣчательно, что въ школахъ того времени меньше всего выступаетъ на видъ элементъ церковный. — На ряду со свѣтскими школами, хотя болѣе скромное мѣсто, занимаютъ и школы церковныя и монастырскія. Многіе монастыри при своемъ богатствѣ рукописей, могли немало служить въ XII вѣкѣ интересамъ науки, каковы напримѣръ монастыри Аѳонскіе, Патмосскіе, Лесбосскіе. При Алексѣѣ Комнинѣ возложена была на церкви и монастыри обязанность открывать училища и учить дѣтей. О существованіи церковныхъ школъ упоминаетъ Евстаѳій Ѳессалоникійскій; такъ онъ говоритъ о школѣ при церкви св. Евфиміи (въ Халкидонѣ?) [7]). Впрочемъ, главнымъ дѣломъ образованіе сосредоточивалось въ школахъ Константинопольскихъ. Что касается круга предметовъ, преподававшихся въ тогдашнихъ школахъ, то онъ оставался, какимъ былъ и прежде. Это былъ кругъ наукъ, который на западѣ назывался: trivium и quadrivium. Подъ trivium разумѣлись—грамматика, риторика, философія; подъ quadrivium: астрономія, геометрія, ариѳметика и музыка (или словесность). При этомъ нужно замѣтить, что подъ понятіе философіи въ тогдашнемъ Византійскомъ обществѣ подходили и въ немъ заключались даже богословскія знанія, какъ составная часть [8]). Въ царствованіе Комниновъ встрѣчаемъ въ Византіи даже такое учрежденіе, которое можно назвать Академіей наукъ. Эта Академія или коллегія обыкновенно состояла изъ двѣнадцати ученыхъ; ближайшимъ назна-

---

[6]) Ibidem, стр. 13, 16. Объ этой школѣ было говорено, когда рѣчь у насъ шла о религіозно-нравственной жизни императоровъ Византіи, см. «очеркъ» Ш-ій, стр. 141—142.

[7]) Проф. Успенскаго. Ibidem. стр. 13—14.

[8]) Ibidem. Стр. 15. 19.

ченіемъ ихъ было содѣйствовать успѣхамъ науки въ имперіи и читать высшіе научные курсы. Представители этой коллегіи обыкновенно подавали первый голосъ въ спорныхъ ученыхъ вопросахъ, не исключая вопросовъ богословскихъ. Что эта академія не стояла въ сторонѣ отъ интересовъ богословскихъ, это достаточно открывается изъ того историческаго наблюденія, что во главѣ ея нерѣдко стояли лица духовныя. Напримѣръ, въ изучаемое нами время предсѣдателемъ въ этой Академіи однажды былъ митрополитъ Никомидійскій [9]).

Какъ на замѣчательную черту, которая въ нѣкоторой мѣрѣ характеризуетъ XII вѣкъ, можно указать на то, что образованные люди того времени иногда были слишкомъ проникнуты идеями классической древности. Это свидѣтельствуетъ не только о любви, съ какой изучались классики, но и пристрастіи къ нимъ. Подобные люди часто смотрятъ на вещи глазами язычниковъ, говорятъ ихъ языкомъ. Сказанное нами въ достаточной ясности можно наблюдать на Византійскомъ историкѣ, умершемъ въ началѣ XIII вѣка — Никитѣ Хоніатѣ. Въ его исторіи встрѣчаемъ языческое представленіе о судьбѣ, играющей человѣческими дѣлами, о перемѣнахъ счастія и несчастія, зависящихъ отъ прихоти боговъ или зависти Божества продолжительному благополучію человѣка. Есть у Никиты не мало мѣстъ, которыя подъ перомъ христіанскаго писателя представляются по меньшей мѣрѣ странными—таково заклятіе рѣки Алфея. Не странно ли еще, что Никита умершихъ отправляетъ въ адъ чрезъ Ахеронъ, не забываетъ о перевозѣ душъ чрезъ эту рѣку, пом-

---

[9]) А. Лебедевъ. Общество Любителей Духовнаго Просвѣщенія въ Византіи, стр. 12. М. 1889 (оттискъ изъ журнала: «Чтен. Общ. Люб. Духовн. Просв. 1889 г.»).

нитъ о Стиксѣ? Отмѣтимъ еще одно удивительное мѣсто въ исторіи Никиты: икона Богоматери поставлена на богато-украшенную колесницу, напоминаетъ ему Аѳину, когда она садится на колесницу рядомъ съ Діомидомъ [10]). Указывая на приведеные случаи, въ которыхъ нельзя не видѣть вліянія на Никиту классическихъ писателей и ихъ міровоззрѣнія, мы не находимъ справедливымъ ограничивать это вліяніе сферою религіозною. Нѣтъ, оно проявлялось и тамъ, гдѣ оно, кромѣ похвалы, ничего другаго не можетъ заслуживать: въ своей исторіи Никита повсюду высказываетъ особенную любовь къ памятникамъ искусства. Иногда его страницы дышатъ сочувствіемъ къ покровителямъ древнихъ статуй; онъ съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на описаніи древнихъ зданій [11]). Нужно сказать, что привязанность къ классической древности у нѣкоторыхъ заходила дальше, чѣмъ у Никиты Хоніата; она простиралась такъ далеко, что церковь принуждена была бороться съ этимъ пристрастіемъ, какъ съ нѣкотораго рода возвращеніемъ къ язычеству. Такъ мы встрѣчаемъ въ XII вѣкѣ епископа Николая Метонскаго, который борется съ приверженцами языческихъ идей въ тогдашнемъ Византійскомъ обществѣ. Вотъ что говоритъ Николай Метонскій въ предисловіи къ одному своему сочиненію («Опроверженіе философа Прокла»): «неудивительно, если язычники, ища мудрости человѣческой, нашу мудрость считаютъ, по слову апостола, буйствомъ и позволяютъ себѣ громкій смѣхъ надъ нами, когда мы предлагаемъ имъ вѣру въ Распятаго. Но вполнѣ удивительно, какъ даже тѣ, которые находятся внутри двора нашего, которые обогатились чрезъ призваніе

---

[10]) Проф. Успенскаго, Никита Акоминатъ, стр. 44—45.
[11]) Ibidem, 45—46.

ко Христу, т. е. христіане, вкусивши внѣшней мудрости или, быть можетъ, только кончикомъ пальцевъ коснувшись ея, отдаютъ чужому предпочтеніе предъ нашимъ. Они (т. е. нѣкоторые христіане временъ Николая Метонскаго) насмѣхаются надъ простотою и безъискусственностію нашего ученія, какъ надъ чѣмъ то скуднымъ, и боготворятъ разнообразіе и блескъ язычества, какъ нѣчто дѣйствительно достойное уваженія и мудрое. Оттого они во многомъ погрѣшаютъ, отступаютъ отъ правой вѣры, впадаютъ въ богопротивныя заблужденія». По словамъ епископа Метонскаго, многіе изъ его современниковъ въ особенности увлекались сочиненіями языческаго философа V-го вѣка Прокла—изъ Ликіи [12]).

Перечислимъ главнѣйшихъ дѣятелей богословской науки, украшавшихъ собою времена Комниновъ. Въ началѣ XII вѣка жилъ замѣчательный богословъ Евѳимій Зигавинъ. Онъ былъ Константинопольскимъ монакомъ. Анна Комнина прославляетъ его за его замѣчательную ученость. Какъ видно, онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ императору Алексѣю Комнину. Такъ извѣстно, что этотъ императоръ приказалъ ученымъ того времени собрать матеріалы, которыми можно было бы пользоваться въ борьбѣ съ еретиками; обработку этихъ матеріаловъ онъ поручилъ именно Евѳимію Зигавину [13]). Евѳимій извѣстенъ и какъ экзегетъ и какъ полемистъ. Другимъ славнымъ богословомъ той эпохи былъ Евстаѳій, митрополитъ Ѳессалоникійскій. Онъ родился въ Константинополѣ и воспитался въ здѣшней школѣ. Былъ сначала діакономъ при Софійскомъ храмѣ и занималъ

---

[12]) «Опроверженіе Прокла», написанное Николаемъ, издано Voemel'емъ (1825, Francfurt in M.). См. Хр. Чт. 1882 г., т. II, 165 (статья архим. Арсенія: «Николай Метонскій»).

[13]) Annae Comnenae. Alexiades, lib. XV, p. 1176 (Migne, Gr. tom. 131). Zigabeni. Panoplia dogmatica: prologus.

должность главнаго преподавателя краснорѣчія въ одной изъ Константинопольскихъ школъ. Свою истинно-замѣчательную ученость онъ показалъ въ составленіи комментарія къ Одиссеѣ и Иліадѣ [14]). Его богословская дѣятельность развивается съ тѣхъ поръ, когда онъ сдѣлался архипастыремъ Ѳессалоникійскимъ. Сохранившіеся до насъ его богословскіе труды не суть, впрочемъ, плоды кропотливой учености, но тѣмъ не менѣе эти произведенія указываютъ въ авторѣ необыкновенно-проницательный умъ, глубокое проникновеніе духомъ христіанскимъ и серьезное критическое пониманіе нуждъ своего времени. Но самое высокое мѣсто не только между богословами эпохи Комниновъ, когда онъ жилъ, но среди греческихъ богослововъ до самаго паденія Константинополя занималъ Николай, епископъ Метонскій (Метона, городъ въ Эладѣ). Онъ жилъ въ первой половинѣ и срединѣ XII вѣка. Къ сожалѣнію, до насъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній изъ его жизни До настоящаго времени въ наукѣ смѣшивали этого Николая съ другимъ Николаемъ, епископомъ тоже Метонскимъ, жившимъ нѣсколько позднѣе перваго и тоже извѣстнымъ нѣкоторыми сочиненіями. Полемика Николая, направленная противъ языческо-классическихъ увлеченій общества, рекомендуетъ его, какъ одного изъ образованнѣйшихъ богослововъ XII вѣка. Его умѣнье говорить въ сочиненіяхъ языкомъ яснымъ и простымъ, а не изысканнымъ, какимъ говорятъ другіе писатели этой эпохи, излагать богословско-философскіе предметы живо, безъ рутинныхъ пріемовъ, полемизировать съ силою и находчивостью—составляетъ принадлежность этого писателя [15]). Еще не такъ давно луч-

---

[14]) Kurtz. Handbuch der Kirchengeschichte. B. I. Abtheil. 3, S. 135. Ausg. 2-te. Mitau. 1858. Проф. Успенскаго, стр. 15.
[15]) Kurtz, ibid. S. 136.

нимъ писателемъ богословомъ послѣдняго періода въ исторіи Византіи считали Евстаѳія Ѳессалонійскаго, но теперь по мѣрѣ изученія Византійской письменности пальму первенства изъ рукъ Евстаѳія беретъ Николай. Николая называютъ, или, точнѣе, начали называть «благороднѣйшимъ теологическимъ цвѣткомъ средневѣковой греческой теологіи» [16]). Къ классу замѣчательныхъ богослововъ эпохи Комниновъ нужно относить столь часто упоминаемаго нами Никиту Хоніата. Никита представлялъ собой истинный типъ образованнаго Византійца. Онъ въ одно и то же время и занимаетъ самыя важныя государственныя должности, и пишетъ свѣтскую исторію, и съ успѣхомъ посвящаетъ себя богословской литературѣ. Его полемика, по отзыву знатоковъ, даетъ судить объ его глубокомъ умѣ и основательномъ образованіи [17]).

Византійская образованность и наука вообще, а съ ними и богословское просвѣщеніе перенесятъ тяжкій ударъ съ началомъ XIII вѣка, вслѣдствіе завоеванія и разграбленія Константинополя. Византія была центромъ образованности на Греческомъ Востокѣ; какъ скоро этотъ центръ захваченъ былъ Латинянами, ходъ просвѣщенія на цѣлое полустолѣтіе задерживается. Этого мало: завоеваніе Латинянами Византіи сопровождалось опустошительными пожарами, уничтожившими многія библіотеки и памятники искусства. Завоеваніе Константинополя Латинянами считаютъ роковымъ фактомъ въ исторіи Византійскаго просвѣщенія какъ древніе писатели, напр. Никита Хоніатъ, такъ и новѣйшіе (Бернгарди, Шелль, Финлей).— Насколько оскудѣло просвѣщеніе на Востокѣ во время

---

16) Dräseke. Zu Nicolaos von Methone. Zeitschrift für Kirchengesch. 1888, S. 481.

17) Kurtz, ibid. 137.

Латинскаго владычества надъ Византіей, объ этомъ даетъ замѣчательныя показанія сохранившаяся до насъ «автобіографія» Григорія Кипрскаго, патріарха Константинопольскаго. «Автобіографія» Григорія принадлежитъ къ числу драгоцѣнныхъ документовъ Греческой церковной исторіи XIII вѣка. Здѣсь авторъ разсказываетъ, какъ онъ, побуждаемый жаждой знанія, во время Латинскаго владычества надъ Византіей, повсюду ищетъ образованія на Греческомъ Востокѣ, и какъ мало онъ находитъ того, чего искалъ. Здѣсь мы видимъ печальную картину умственнаго оскудѣнія въ Греціи, оскудѣнія, причиною котораго былъ Латинскій погромъ въ Византіи. Передадимъ главнѣйшія черты автобіографіи, любопытныя для насъ по отношенію къ состоянію образованности въ Византійской имперіи. Григорій, въ мірѣ Георгій, родился на островѣ Кипрѣ отъ богатыхъ родителей, но латинское завоеваніе острова пошатнуло матеріальное благосостояніе его семейства. Григорій сталъ почти бѣднякомъ, но это не заглушило въ немъ прирожденной любви къ наукѣ. Получивъ элементарное образованіе въ домѣ родителей, онъ напрасно искалъ случая (это было въ 1250 г.) продолжить и усовершить свое образованіе въ ближайшихъ городахъ острова: нигдѣ онъ не могъ отыскать ничего такого, что отвѣчало бы его идеалу. Онъ учился было и въ латинской какой-то школѣ, но и эта не удовлетворила его: частію его затруднялъ недостатокъ знанія латинскаго языка, частію открылось также, что школа постановлена была далеко не блестяще [18]). Это побудило Григорія искать образованія за предѣлами о.

[18]) Gregorii Cypri particularis historiae sermo, res suas continens. Migne, Gr. tom. 142 p. 20—21. Автобіографія Григорія Кипрскаго въ русск. переводѣ (проф. И. Е. Троицкаго): Христ. Чт. 1870 г., т. II, стр. 164—166.

Кипра. Какъ по недостаточности средствъ, такъ и вслѣдствіе молодости Григорія, родители не хотѣли пускать его въ отдаленное научное путешествіе. А между тѣмъ ему въ особенности желалось побывать въ Никеѣ, тогдашней столицѣ Византійскаго государства, которая, по слухамъ, была вторыми Аѳинами, была богата учеными. Удерживаемый родителями, Григорій однакожъ не вовсе отказался отъ своего плана. Недолго думая, онъ однажды убѣжалъ отъ своихъ родителей, сѣлъ на корабль и на третій день прибылъ въ Птолемаиду, въ Палестинѣ. Отсюда Григорій кой-какъ добрался до Ефеса. Здѣсь онъ хотѣлъ послушать уроки у извѣстнаго греческаго архимандрита Никифора Влеммида, человѣка ученѣйшаго, державшаго школу. По прибытіи въ Ефесъ, Григорій сталъ добиваться личнаго свиданія съ Влеммидомъ. Но любителя науки встрѣтила неудача. Влеммидъ оказался человѣкомъ недоступнымъ, гордымъ, суровымъ, презрительно относившимся къ маленькимъ людямъ. Онъ не только отказался лично принять Григорія, но еще приказалъ своимъ ученикамъ ни подъ какимъ видомъ не допускать пришельца и въ ворота того монастыря, гдѣ была школа и проживалъ Влеммидъ. Ученики Влеммида точно исполнили волю своего надменнаго учителя [19]). Разочарованный Григорій, пробывъ въ Ефесѣ шесть мѣсяцевъ, пустился въ путь, чтобы достигнуть вожделенной Никеи. Много времени длился его путь, потому что была суровая зима. Съ радостію вступилъ онъ въ городъ, который обѣщалъ ему такъ много. Но какъ жестоко онъ обманулся въ своихъ надеждахъ. Ученая слава Никеи, столицы царства, оказались пустой молвой. Учителя Никейскихъ

---

[19]) Gregorii Cypri.—Sermo, ibid. p. 21. 24. Автобіографія, ibid. стр. 167—168.

школъ умѣли преподавать только піитику и грамматику, да и то поверхностно. Что же касается риторики и философіи, то учителя знали о нихъ только по слухамъ и точно не разумѣли даже, въ чемъ онѣ состоятъ. Такая неожиданность поразила Григорія; онъ чувствовалъ, что всѣ его труды пропали даромъ. Любознательнаго юношу заставляли лишь учить наизусть склоненія, спряженія, да еще выучивать на память отрывки изъ древнихъ греческихъ поэтовъ. Григорій хотѣлъ было возвратиться домой, но онъ не могъ предпринять обратнаго путешествія, такъ какъ у него не было денегъ [20]). Къ счастію для Григорія, Греки въ это время снова завладѣли Константинополемъ и научное дѣло получило лучшій видъ. Вотъ какъ плохо было положеніе науки въ Византійской имперіи во время латинскаго господства въ Константинополѣ.

Обратное завоеваніе Константинополя Греками у латинянъ создало совершенно другое положеніе для просвѣщенія. Свѣтъ образованія снова засвѣтился на Востокѣ: возникли школы, явились трудолюбивые ученые и ревностные учителя. Просвѣщеніе, какъ извѣстно, составляло принадлежность Византійской имперіи до самаго ея паденія. Царственная династія Палеологовъ ревностно содѣйствовала преуспѣянію науки. Михаилъ Палеологъ лишь только завладѣлъ Византіей, какъ тотчасъ озаботился улучшеніемъ положенія науки. Онъ открылъ почти одновременно нѣсколько школъ. Прежде всего онъ открылъ грамматическую школу, которая помѣщалась при храмѣ ап. Павла, въ древнемъ сиротскомъ домѣ (вѣроятно, въ томъ самомъ домѣ, который такъ великолѣпно былъ устроенъ Алек-

---

20) Gregorii Cypri, ibid. p. 24 — 25. Автобіографія, ibid. стр. 169—170.

сѣемъ Комнинымъ—главнымъ образомъ въ школьныхъ цѣляхъ). Пахимеръ вотъ что говоритъ объ отношеніи перваго Палеолога къ этой школѣ. «Михаилъ назначилъ годовое содержаніе какъ учителямъ, такъ и ученикамъ; эту школу иногда онъ самъ посѣщалъ и разузнавалъ, хороши ли учителя, каковы успѣхи мальчиковъ; учителей, если они заслуживали того, императоръ поощрялъ; заботливость же его объ ученикахъ простиралась такъ далеко, что онъ самъ назначалъ время вакацій [21]). Другая школа, основанная Михаиломъ Палеологомъ, называлась «школою словесныхъ наукъ». Она открыта была безъ промедленія, вслѣдъ за тѣмъ, какъ Греки отняли у Латинянъ Византію. Наставникомъ въ ней былъ знаменитый мужъ того времени Георгій Акрополитъ [22]). Объ этой школѣ сохранилъ благодарныя воспоминанія Григорій Кипрскій, который самъ учился здѣсь и который сообщаетъ о ней нѣсколько свѣдѣній въ своей автобіографіи. Въ этой школѣ читался и комментировался Аристотель, объяснялись геометрическія и ариѳметическія системы Эвклида и Никомаха. Григорій говоритъ, что особенно важное значеніе здѣсь придавалось краснорѣчію и литературнымъ опытамъ. Аристотель комментировался съ такимъ успѣхомъ, что ученики чувствовали себя увлеченными этимъ знаменитымъ философомъ древности [23]). Когда Георгій Акрополитъ почувствовалъ утомленіе отъ школьныхъ занятій, то его смѣнилъ новый наставникъ Оловолъ, имѣвшій «дипломъ ритора», человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный. Школа по прежнему была училищемъ «словесныхъ наукъ».

---

[21]) Пахимера. О Михаилѣ Палеологѣ, кн. IV, гл. 14, стр. 261.

[22]) Ibidem. стр. 260.

[23]) Gregorii Cypri.—Sermo, ibidem. p. 24, 28. Автобіографія, 171—172.

Но въ ней произведены были и нѣкоторыя видоизмѣненія. Тогдашній патріархъ Германъ желалъ, чтобы въ школѣ дано было извѣстное мѣсто и наукамъ церковнаго характера. На это испрошено было разрѣшеніе у императора Михаила и царь охотно согласился съ представленіемъ патріарха [24]). Въ училище принимали всѣхъ, безъ различія сословій.—Почти всѣ дальнѣйшіе Палеологи до самаго паденія Константинополя были покровителями науки. Они сами получали заботливое образованіе и нѣкоторые изъ нихъ были писателями. Сынъ Михаила, Андроникъ Старшій былъ любителемъ науки и ученыхъ. По словамъ историка Григоры, къ Андронику въ его чертоги люди науки «стекались подобно потокамъ; они постоянно окружали его, какъ Пиѳагора его ученики». Собранія ученыхъ людей около Андроника напоминаютъ историку все то лучшее, что прославило эпоху классической образованности, напоминаютъ ему объ Академіи, т. е. о школѣ философа Платона, объ Лицеѣ, т. е. ученой аудиторіи Аристотеля, и Стоѣ, т. е. философской школѣ стоиковъ. Дворецъ Андроника, по словамъ историка, «справедливѣе всего было бы назвать жилищемъ всевозможнаго образованія». Онъ же называетъ жилище Андроника «превосходнѣйшею гимназіею умственнаго обученія и полемъ для состязанія людей ученыхъ» [25]). Пусть эти отзывы историка явно преувеличены, но они безъ сомнѣнія имѣютъ подъ собою фактическую основу. Мы должны при томъ же помнить, что ученыя стремленія Андроника похваляетъ не одинъ Григора, а и другіе современники [26]). На существованіе школъ

---

[24]) Пахимера о Михаилѣ Палеологѣ, ibid. стр. 260—261.

[25]) Григоры. Визант. исторія, кн. VIII, гл. 8, стр. 326, 328.

[26]) Григорій Кипрскій въ Панегирикѣ Андронику называетъ его «жаркимъ любителемъ науки и философомъ» (Migne Gr. tom. 142, p. 412. Cf. Pachymeris. De Andronico, p. 245 (гдѣ историкъ приписываетъ императору убѣдительное краснорѣчіе).

въ дальнѣйшую эпоху послѣ Михаила Палеолога указываетъ то, что въ историческихъ извѣстіяхъ мы встрѣчаемъ указанія на тѣхъ или другихъ лицъ, съ достоинствомъ проходившихъ должность преподавателя наукъ въ Византіи. Никифоръ Григора при вышеупомянутомъ Андроникѣ и нѣсколько послѣ держалъ школу, въ которую охотно стекались не только юноши, но и лица зрѣлаго возраста и образованныя [27]). Одновременно съ Григорой встрѣчаемъ въ Константинополѣ латинскаго выходца Варлаама, отличавшагося широкими познаніями въ наукахъ свѣтскихъ и духовныхъ и пользовавшагося расположеніемъ при дворѣ [28]); этотъ Варлаамъ былъ нѣкоторое время наставникомъ богословія въ Византіи. Изъ послѣднихъ Палеологовъ со стороны образованности заслуживаетъ особеннаго вниманія императоръ Мануилъ; его признаютъ человѣкомъ просвѣщеннымъ и въ особенности ученымъ богословомъ. Ему принадлежитъ нѣсколько сочиненій богословскаго характера [29]). Изъ наставниковъ Византійскихъ школъ самыхъ послѣднихъ временъ самостоятельнаго существованія царства съ особеннымъ отличіемъ можетъ быть упомянутъ Геннадій Схоларій [30]).

Одну изъ выдающихся чертъ въ образованности того времени, о которомъ мы говоримъ, т. е. при Палеологахъ, составляетъ то, что и теперь, какъ и въ эпоху Комниновъ, встрѣчаемъ лицъ, слишкомъ увлеченныхъ идеями греческой философіи, вообще близкихъ къ язычеству. Это было важнымъ предметомъ, кото-

---

27) Предисловіе къ русскому изданію перваго тома Григоры, стр. X—XI.

28) Cantacuzeni. Historiae, lib. II, cap. 39, tom. I. p. 543.

29) Vast. Le cardinal Bessarion, p. 13. Paris, 1878.

30) Филарета архіеп. Черниговскаго: Геннадій, патріархъ Константинопольскій: Прав. Обозр. 1860, т. I, стр. 511.

раго церковь не должна была оставлять безъ вниманія. Въ чемъ состояло это увлеченіе классическою древностію, къ чему вело оно, какъ смотрѣли и держали себя при этомъ представители церковнаго сознанія—все это можно наблюдать на спорахъ, въ началѣ XV вѣка, ученаго Георгія Гемиста Плитона и его приверженцевъ съ Геннадіемъ, впослѣдствіи патріархомъ, и его сторонниками. Эти споры притомъ показываютъ, что философія древности въ это время серьезно изучалась и что представители церковнаго сознанія съ своей стороны сочувственнѣе относились къ Аристотелю и непріязненно—къ Платону. Передадимъ нѣкоторыя черты этихъ не безъинтересныхъ споровъ. Названный нами Георгій Гемистъ Плитонъ былъ жаркимъ поборникомъ платонизма [31]), родился въ Константинополѣ около 1355 года и получилъ свое образованіе частію здѣсь, частію въ другихъ городахъ Византійской имперіи. Большую часть своей жизни онъ проводитъ въ Пелопоннисѣ; нѣкоторое время остается во Флоренціи, гдѣ по просьбѣ Косьмы Медичи читаетъ лекціи по философіи; остатокъ жизни онъ проводитъ опять въ Пелопоннисѣ. Плитонъ умеръ столѣтнимъ старикомъ [32]). Онъ пользовался почетною славою со стороны своихъ не малыхъ по числу почитателей. А во главѣ его друзей стоялъ нѣкто Михаилъ Апостолій. Плитонъ имѣлъ могущественныхъ покровителей и изъ числа лицъ царственныхъ. Ѳеодоръ Палеологъ, деспотъ Пелопоннискій, подарилъ Плитону въ потомственное владѣніе участокъ земли въ Пелопоннисѣ, а императоръ Іоаннъ Палеологъ (1428

---

31) Собственно фамилія Георгія: «Гемистъ», но онъ впослѣдствіи принялъ еще и другую фамилію «Плитона», которая напоминала ему великаго философа древности—Платона.

32) Schultze. G. Gemistos Plethon, s. 24—27; 31—32; 75—77. Iena. 1874.

г.) утвердилъ этотъ даръ за философомъ [33]). Главнѣйшимъ стремленіемъ Плитона и его друзей было—воспламенить охладѣвшую любовь къ Платону; вмѣстѣ съ тѣмъ поклонники Плитона враждебно относились къ Аристотелю, на сторонѣ котораго были представители въ то время греческой богословской науки. Отъ Плитона осталось нѣсколько сочиненій, написанныхъ въ подобномъ родѣ. Одно изъ нихъ заглавлялось: «О различіи Платоновой и Аристотелевой философіи»; другое: «О законахъ». Познакомимся хоть немного съ воззрѣніями, высказанными Плитономъ въ его сочиненіяхъ. Здѣсь онъ высказываетъ всего себя съ его платоническимъ идеаломъ. Онъ съ одушевленіемъ отстаиваетъ платоническое ученіе объ идеяхъ, а объ Аристотелѣ говоритъ съ великимъ порицаніемъ. Плитонъ считаетъ Аристотеля безбожникомъ, не признающимъ ни абсолютнаго существа Божія, ни всесовершеннѣйшей Его природы, ни безсмертія души [34]). Въ особенности сильно вооружается онъ на Аристотеля за его ученіе, отвергающее творческую дѣятельность Божества. Міръ по ученію Аристотеля, говоритъ Плитонъ, вѣченъ, онъ не имѣетъ никакой причины своего бытія, слѣдовательно по Аристотелю, Богъ не Причина и не Творецъ его. Что должно думать о томъ человѣкѣ, восклицаетъ Плитонъ, который «отнимаетъ этотъ прекраснѣйшій догматъ не только у философіи, но и у каждаго разумнаго человѣка». По Аристотелю Богъ—не Творецъ вещей, а только движитель ихъ. Плитонъ ставитъ въ упрекъ Аристотелю не признаніе имъ промысла Божія. О Провидѣніи, говоритъ полемистъ, и рѣчи быть не можетъ у

---

33) Miclosich et Müller. Acta et diplomata, tom III, p. 173—176.

34) Gass. Gennadius und Pletho, S. 30—31. Breslau, 1844.

Аристотеля, такъ какъ по его разсужденію міромъ управляетъ случай [35]). Плитонъ нападаетъ на нравственное ученіе Аристотеля. Этотъ послѣдній, по мнѣнію полемиста, въ своемъ ученіи о высшемъ благѣ разсуждаетъ о удовольствіи, какъ составной части счастія; но это значитъ допускать эпикурейское ученіе, и въ самомъ дѣлѣ—прибавляетъ Плитонъ—Эпикуръ основалъ свое ученіе на Аристотелѣ [36]). Какъ глубоко проникнутъ былъ Плитонъ ученіемъ Платона, это прекрасно доказываетъ его сочиненіе «о законахъ», въ которомъ дается мѣсто всѣмъ существеннымъ воззрѣніямъ Платона, при чемъ эти воззрѣнія нисколько не очищаются отъ эллинскаго политеизма; такъ напр. здѣсь говорится о Зевсѣ и другихъ низшихъ богахъ въ такомъ родѣ, какъ будто это не миѳы, а дѣйствительная религіозная истина [37]). Всячески защищая Платона и съ ожесточеніемъ нападая на Аристотеля, Плитонъ хочетъ самоё церковь древняго времени сдѣлать союзницей своихъ симпатій и антипатій. Онъ находитъ, что церковь во многихъ изъ своихъ представленій сближалась съ этимъ философомъ; указываетъ на то, что отцы церкви, когда относятся сочувственно къ эллинской мудрости, становились на сторону Платона, а не Аристотеля, какъ напр. дѣлаетъ Кириллъ Александрійскій. А объ Аристотелѣ Плитонъ писалъ, что имъ могли интересоваться только тѣ, кто были заражены аріанствомъ, ибо аріане утверждались на основаніи принциповъ Аристотеля, и вообще о послѣднемъ онъ замѣчалъ, что этотъ философъ, если не прямо безбожникъ, то во всякомъ случаѣ склоняется къ атеизму [38]). Защита Платона со стороны

---

35) Schultze. Pletho, s. 85—87.
36) Ibidem, 89.
37) Ibid. s. 147, и т. д.
38) Gass. S. 39—40. 48.

Гемиста-Плитона не была однакожъ выраженіемъ простой любви этого философа XV вѣка къ платонизму; нѣтъ, это было положительно язычествующее тяготѣніе къ философіи Платона, сознательное проникновеніе идеями древняго корифея философіи. Въ сочиненіяхъ Плитона христіанскій элементъ повсюду отодвигается на задній планъ при сравненіи съ эллино-платоническимъ элементомъ. Въ своихъ послѣднихъ выводахъ главнѣйшее сочиненіе Плитона (О законахъ) сводилось къ слѣдующему: «чудо отрицалось, отвергалась и отвѣтственность человѣка за грѣхъ, отрицалась потребность Искупленія и самое Искупленіе— словомъ: все христіанство» [39]). Этотъ философъ XV вѣка въ своихъ сочиненіяхъ открываетъ всякій случай сдѣлать нападки на христіанство, не называя его однакожъ прямо по имени; онъ ведетъ борьбу противъ духовенства и въ особенности противъ монашества [40]). Свое враждебное отношеніе къ христіанству Плитонъ однажды выразилъ совершенно открыто (это было во Флоренціи). Плитонъ сказалъ: пройдетъ еще нѣсколько времени и всѣ обратятся къ единой религіи; у него спросили: къ какой же— христіанской или магометанской? Онъ отвѣчалъ: ни къ той, ни къ другой, но къ третьей, которая ничѣмъ не отличается отъ эллинизма [41]). Какимъ духомъ были проникнуты ученики Плитона, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Говорятъ, что когда Плитонъ умеръ, то почитатель его Виссаріонъ (митрополитъ Никейскій, а потомъ папскій кардиналъ) написалъ утѣшительное письмо къ его дѣтямъ, въ которомъ корреспондентъ гово-

---

39) Schultze. Pletho, S. 79.
40) Ibid. 130.
41) Ibid. 77.

рилъ: «дошло до меня, что общій отецъ и учитель, оставивъ все земное, переселился на небо въ свѣтлую страну, чтобы съ Олимпійскими богами участвовать въ таинственной пляскѣ» (т. е. вакханаліяхъ) [42]).

Противъ Плитона писали многіе. Прежде всего Геннадій Схоларій. Онъ въ противоположность Плитону, стоялъ за философію Аристотеля и порицалъ Платона. Въ этомъ случаѣ онъ высказывалъ взгляды тогдашней церкви. Представители религіозно-философскаго сознанія тогда больше стояли за Аристотеля, чѣмъ за Платона—это потому, что философскія воззрѣнія Аристотеля находились въ менѣе тѣсной связи съ формальными принципами его философіи, чѣмъ какъ это было у Платона. Напр. діалектику Аристотеля можно было изучать, не принимая въ тоже время его философскихъ выводовъ; у Платона же формальная сторона философіи стояла въ неразрывной связи съ ея содержаніемъ. Поэтому церковь, охраняя свои вѣрованія, съ большимъ расположеніемъ держалась за Аристотеля, чѣмъ за Платона. На борьбу Геннадія съ Плитономъ церковь смотрѣла съ великимъ уваженіемъ. О Геннадіи говорили, что онъ разоблачилъ новѣйшаго политеиста, т. е. Плитона, что онъ сдѣлалъ его сочиненія безвредными [43]). Геннадій находилъ, что самъ Плитонъ за свои сочиненія, заслуживалъ бы быть сожженнымъ, но такой суровый приговоръ не помѣшалъ Плитону достичь глубокой ста-

---

[42]) См. сочиненіе «ритора Мануила (XV в. ?) о Маркѣ Ефесскомъ и Флорентійскомъ соборѣ». Издано въ греческомъ текстѣ съ русскимъ переводомъ и указаніемъ варіантовъ архимандритомъ Арсеніемъ въ Хр. Чт. 1886 г. т. II. (цитованное мѣсто на стр. 136). Cf. Schultze, 107. Въ сочиненіи «ритора Мануила» встрѣчаются между прочимъ интересныя полемическія замѣчанія противъ Гемиста-Плитона.

[43]) Gass. Gennad. und Pletho, 37.

рости и умереть совершенно мирно. За то участь, какою угрожалъ Геннадій Плитону, постигла главное сочиненіе этого философа XV вѣка: «О законахъ». Въ руки Геннадія попало собственноручное названное сочиненіе Плитона и оно было предано пламени [44]). Геннадія въ борьбѣ съ Плитономъ поддерживали между прочимъ Георгій Трапезунтскій, Матѳей Камаріота. Георгій называлъ Плитона народившимся антихристомъ, который имѣлъ цѣлію при помощи своей учености и стилистическаго изящества найти себѣ одобреніе и приверженцевъ—и затѣмъ низвергнуть самую церковь [45]). — Нельзя не соглашаться съ тѣмъ, что выступленіе Плитона съ его миссіей представляетъ хотя печальное, но интересное явленіе послѣднихъ лѣтъ существованія Византійской имперіи [46]).

Упомянемъ главнѣйшихъ представителей богословской науки за время Палеологовъ, въ XIII, XIV и XV вѣкахъ. Въ XIII вѣкѣ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ патріархъ Іоаннъ Веккъ. Современная намъ наука вполнѣ соглашается съ тѣмъ отзывомъ о Веккѣ, какой дѣлали объ этомъ ученомъ іерархѣ историки своего времени; его и теперь признаютъ образованнымъ мужемъ, столь богато одареннымъ духовными талантами, какъ никто другой изъ его сподвижниковъ; отдаютъ дань удивленія его краснорѣчію, считаютъ его выдающимся богословомъ, въ сравненіи съ которымъ ученые его современники казались пожалуй школьниками [47]). Въ параллель съ Веккомъ долженъ

---

[44]) Schultze s. 103. 110. 114.

[45]) Gass. 37.

[46]) Съ нѣкоторыми чертами этого явленія въ русской литературѣ можно ознакомиться по статьѣ профес. А. С. Лебедева: Споръ о Платонѣ и Аристотелѣ въ XV в. (Прав. Обозр. 1875 г. т. II, 580—591).

[47]) Krause. Die Byzantiner des Mittelalters, S. 296—297. Halle, 1869.

быть поставленъ патріархъ Григорій Кипрскій. Никто такъ не зналъ и никто такъ не могъ объясняться на чистѣйшемъ классическомъ греческомъ языкѣ, какъ Григорій. Даже въ наше время западные ученые считаютъ справедливымъ называть его за краснорѣчіе «счастливымъ подражателемъ Ливанія» [48]). Впрочемъ, не смотря на замѣчательныя способности, Григорій оставилъ послѣ себя не много сочиненій. По его собственнымъ словамъ, занятію литературнымъ дѣломъ ему мѣшали слѣдующія обстоятельства: собственноручная переписка книгъ, которой онъ отдавалъ много времени до патріаршества, головныя боли, множество дѣлъ во дни патріаршества и наконецъ, по его увѣренію, то, что онъ не пилъ вина, а одну лишь воду [49]). Четырнадцатый вѣкъ подарилъ церковно-историческую науку замѣчательнымъ церковнымъ историкомъ. Говоримъ о Никифорѣ Каллистѣ; онъ писалъ такимъ прекраснымъ языкомъ, что его называли церковнымъ Фукидидомъ. Въ этомъ же вѣкѣ процвѣтала такъ называемая Өессалоникійская школа: Нилъ Өессалоникійскій, Николай Өессалоникійскій, Григорій Палама. Имена замѣчательнѣйшихъ писателей XV вѣка извѣстны всѣмъ. Разумѣемъ: Симеона Өессалоникійскаго, Марка Ефесскаго, Геннадія Схоларія.

1.—Изученіе Библіи въ обозрѣваемые нами вѣка ограничивалось составленіемъ комментаріевъ на книги Св. Писанія. Но и это дѣло не имѣло большаго числа трудящихся. Причинами явленія было слѣдующее. Съ одной стороны считали не легкимъ дѣломъ, и даже притязательнымъ толковать Св. Писаніе послѣ того, какъ толкованію было уже посвящено много

---

[48]) Dräseke. Der Kircheneinit gungsversuch Kaisers Michael's VIII Paläolog. Zeitschrift für wissensch. Theol. 1891, S. 340.

[49]) Migne. Gr. tom. 142, p. 29. Хр. Чт. 1870, т. II, 175 (въ автобіографіи его).

трудовъ древнихъ отцевъ и учителей церкви; съ другой стороны кругъ церковной экзегетики въ это время очень расширился вслѣдствіе того, что и самыя творенія св. отцевъ стали считаться богодухновенными въ томъ же смыслѣ, въ какомъ книги Св. Писанія, и надъ истолкованіемъ отеческихъ изреченій стали трудиться такъ-же, какъ и надъ изреченіями Св. Писанія, что въ свою очередь не могло не отвлекать ученыхъ богослововъ разсматриваемаго періода отъ сосредоточеннаго изученія собственно библейскихъ книгъ. Во всякомъ случаѣ, въ чемъ-бы ни состояли причины явленія, остается въ наличности тотъ фактъ, что священная экзегетика недостаточно разработывалась въ изучаемое время.

Самымъ виднымъ и замѣчательнымъ ученымъ, трудившимся надъ истолкованіемъ Библіи, былъ Евѳимій Зигавинъ. Главнымъ образомъ онъ занимался истолкованіемъ книгъ Новаго Завѣта; объ этихъ трудахъ и будемъ говорить, поэтому, прежде всего и притомъ съ нѣкоторою подробностію. Евѳимію принадлежитъ: толкованіе на всѣхъ четырехъ Евангелистовъ [1]). Это произведеніе Зигавина не потеряло своей цѣны и для настоящаго времени. И совершенно справедливо, ибо толкованія Евѳимія на Евангелистовъ отличаются многими достоинствами. Прежде всего, онъ выясняетъ буквальный смыслъ комментируемыхъ мѣстъ, дѣлаетъ это кратко и сжато, затѣмъ, уясняетъ связь рѣчей и повѣствованій какъ отдѣльныхъ Евангелистовъ, такъ и у нѣсколькихъ заразъ, сравнивая при случаѣ изложеніе одного съ изложеніемъ двугихъ, если представляется разнорѣчіе у повѣствователей, онъ всегда

[1]) Zigabeni. Commentarius in quatuor Evangelia. Edit. Matthaei (Lips. 1792) Tomi I—III (voll. 4). Это-же изданіе перепечатано у Миня въ 129 томѣ. Мы пользуемся изданіемъ Маттеи.

старается примирить разногласія. Занимаясь изученіемъ буквальнаго смысла Евангелистовъ, Евѳимій не чуждается смысла аллегорическаго и мистическаго. Въ примѣръ его аллегоризма, можно указать на его толкованіе одного мѣста изъ Евангелія Іоанна (21, 11), гдѣ повѣствуется объ извлеченіи изъ моря сѣтью 153 рыбъ. Числомъ сто, по Евѳимію, здѣсь обозначались язычники, имѣвшіе войти въ церковь Христову, а число 50 указывало на іудеевъ, которыхъ должна была уловить проповѣдь апостольская, такъ какъ язычниковъ должно было больше обратиться во Христу, нежели іудеевъ. Числомъ-же три—указывалось на св. Троицу, въ которую тѣ и другіе должны увѣровать [2]). Для большой легкости усвоенія толкованій, Зигавинъ каждое Евангеліе дѣлитъ на отдѣлы, давая имъ такое или другое краткое заглавіе. Такихъ отдѣловъ въ Евангеліи отъ Матѳея 68,—отъ Марка 48, Луки 83, Іоанна 18. Замѣчательно, что Евѳимій въ своемъ толкованіи не оставляетъ безъ соотвѣтствующихъ объясненій Евангельскаго сказанія о женѣ ятой въ прелюбодѣяніи (Іоанна, VIII гл.) [3]), тогда какъ другіе толкователи оставляли безъ объясненія это сказаніе. Зигавинъ въ своемъ толкованіи Евангелистовъ руководится Златоустомъ и другими экзегетами. Для характеристики разсматриваемаго комментарія Зигавина приведемъ нѣкоторые образцы его толкованій на Евангеліе отъ Матѳея. Въ этомъ случаѣ Евѳимій очень хорошо и обстоятельно объясняетъ три послѣднія главы, которыя не такъ тщательно истолкованы Златоустомъ и Кирилломъ Александрійскимъ. Такъ, при объясненіи здѣсь того мѣста въ XXVI-ой главѣ, гдѣ говорится (ст. 6—7) о помазаніи Христа миромъ отъ нѣкоей

---

[2]) Zigabeni. Tom. III, vol 4, p. 655.
[3]) Zigabeni. Ibidem, p. 297—299.

жены, Евѳимій задаетъ себѣ вопросъ: сколько было женщинъ, помазывавшихъ Христа въ разное время Его жизни и находитъ, что такихъ было три, въ отличіе отъ Златоуста, который насчитываетъ только двухъ [4]). При объясненіи той-же главы (ст. 58), онъ входитъ въ разъясненія для устраненія кажущагося противорѣчія между синоптиками и Іоанномъ, изъ которыхъ первые утверждаютъ, что отреченіе ап. Петра происходило въ домѣ Каіафы, а послѣдній говоритъ, что это случилось въ домѣ первосвященника Анны (XVIII, 13). Евѳимій легко выходитъ изъ затрудненія, полагая, что первосвященники Анна и Каіафа жили въ одномъ и томъ-же домѣ, раздѣленномъ на два помѣщенія, причемъ дворъ (atrium) былъ общимъ для обоихъ жилищъ [5]). Приступая къ объясненію XXVIII-ой главы того-же Евангелиста, въ которой описаны явленія воскресшаго Господа, Зигавинъ находитъ, что эта глава не достаточно истолкована прежними толкователями, такъ какъ не всѣ вопросы рѣшены ими относительно исторіи явленій Спасителя по воскресеніи. Онъ утверждаетъ, что и самъ Златоустъ не такъ тщательно занялся этими вопросами, какъ это можно было-бы ожидать; а что касается другихъ комментаторовъ, то онъ прямо говоритъ, что, не обладая умѣньемъ примирить кажущіяся противорѣчія Евангелистовъ, они изливаютъ безполезные потоки словъ [6]). Затѣмъ, Евѳимій старательно занимается дѣломъ примиренія разныхъ Евангельскихъ сказаній относительно явленій Воскресшаго; и эти разъясненія не лишены научной цѣнности.—Изъ прочихъ Евангельскихъ комментаріевъ Зигавина заслужи-

---

[4]) Zigabeni. Ibid. Tom. I, vol. 2, p. 978. 980.
[5]) Ibid. p. 1065.
[6]) Ibid. p. 1153.

ваетъ особеннаго вниманія его комментарій на Іоанна. Въ этомъ толкованіи Евѳимій нерѣдко вдается въ догматическія объясненія и дѣлаетъ полемическія замѣчанія. Пользуясь тѣмъ или другимъ удобнымъ случаемъ, здѣсь онъ высказываетъ свои сужденія касательно такихъ мѣстъ, которыя кѣмъ-либо превратно перетолковывались. Такъ истолковывая слова Господа: «Отецъ мой болѣе Меня» (XIV, 28), Зигавинъ старается опровергнуть тѣхъ, кто отсюда выводилъ заключеніе о неравномъ могуществѣ Сына Божія съ Отцемъ (каковы были аріане и подобные имъ). Онъ находитъ, что Іисусъ называлъ Отца большимъ себя, примѣняясь въ этомъ случаѣ къ мнѣнію своихъ учениковъ, которые думали, что Богъ-Отецъ выше Сына и по могуществу, а не потому только, что Онъ—Отецъ—вина происхожденія Сына [7]). При объясненіи словъ Христа: «когда-же пріидетъ Утѣшитель» и пр. (XV, 26), Евѳимій замѣтно направляетъ свою рѣчь противъ латинскаго заблужденія; при этомъ, толкователь разрѣшаетъ нѣсколько тонкихъ вопросовъ, которые могутъ приходить на мысль изслѣдователю ученія о лицахъ Св. Троицы. Греческій богословъ говоритъ: «если-же кто спроситъ, почему-же и Духъ Святый не называется Сыномъ, когда и Онъ, Духъ, то-же отъ Отца, то такому нужно сказать: Духъ не рожденъ, какъ Сынъ, а инымъ образомъ происходитъ отъ Отца». Или кто нибудь спроситъ, говоритъ Евѳимій: «почему Сынъ и Духъ не называются братьями, имѣя одного и того-же Отца? Потому что не одинаковымъ образомъ происходятъ отъ Отца: одинъ рождается, а другой исходитъ» [8]). Толкованія Зигавина отличаются строго православнымъ характеромъ. Комментаторъ не

---

[7]) Ibid. Tom. III, vol. 4, p. 509.
[8]) Ibidem, p. 531.

можетъ заслуживать укоризнъ. Сомнительнымъ можетъ представляться развѣ только толкованіе его нѣкоторыхъ сторонъ исторіи явленій Воскресшаго Господа. При этомъ случаѣ, онъ настолько утончаетъ представленіе о плоти Воскресшаго, что истина явленія Христа апостоламъ готова обратиться въ призракъ. Такъ, объясняя сказаніе Іоанна о явленіи Христа 11-ти апостоламъ (XX, 20), толкователь спрашиваетъ: «какимъ образомъ нетлѣнное тѣло носило отпечатки ранъ и было осязаемымъ—и отвѣчаетъ: сверхъестественнымъ образомъ и вслѣдствіе особеннаго божественнаго устроенія (οἰκονομικῶς) [9]).—Замѣчательно мнѣніе Евѳимія по вопросу: отъ чего происходитъ, что разсказываемое однимъ Евангелистомъ, обходится молчаніемъ со стороны другаго; отчего случается, что одно изреченіе Господа одинъ Евангелистъ передаетъ такъ, а другой иначе»? Зигавинъ разрѣшая этотъ вопросъ говоритъ: апостолы записывали рѣчи Господа не тотчасъ, какъ Онъ произносилъ ихъ, такъ чтобы могли сохраниться въ памяти всѣ Его слова, но писали много лѣтъ спустя; и вѣроятно, какъ и всѣ люди, могли, конечно, кое что забыть изъ сказаннаго Христомъ (καὶ εἰκός, ἀνθρώπους ὄντας αὐτοὺς ἐπιλαθέσθαι τινῶν). Это слѣдуетъ имѣть въ виду при рѣшеніи вопроса,—говоритъ эгзегетъ,—почему у одного Евангелиста что-либо добавлено, а у другаго пропущено. Иногда они опускали что-либо ради краткости, большею частію что-либо не столь необходимое. [10]).

Столь же, если не больше, заслуживаетъ вниманія подробный комментарій Евѳимія Зигавина на Соборныя посланія и на всѣ посланія Ап. Павла. Этотъ комментарій открытъ въ самое недавнее время и ис-

---

9) Ibid. p. 646. Conf. 638.
10) Ibid. Tom. I, vol. I, p. 464.

торія его открытія заслуживаетъ упоминанія. Открытіе сдѣлано не западнымъ ученымъ, а образованнымъ греческимъ богословомъ Никифоромъ Калогерою (нѣкоторое время бывшимъ въ санѣ архіепископа Патрасскаго). Этимъ же просвѣщеннымъ Грекомъ прекрасно и изданы вышеуказанныя толкованія Евѳимія. [11]). Объ обстоятельствахъ, при какихъ произошло открытіе такого замѣчательнаго памятника греческой церковной литературы, какъ толкованія Зигавина на Соборныя посланія и на Ап. Павла, разсказываетъ самъ Никифоръ Калогера въ предисловіи къ своему изданію. Принадлежа къ ученому кружку Аѳинскихъ богослововъ, Калогера возъимѣлъ сильное желаніе открыть и издать толкованія Зигавина на Ап. Павла и Соборныя посланія. Что Зигавинъ писалъ толкованія на эти части Новаго Завѣта, это было извѣстно и хорошо засвидѣтельствовано. А что касается возможности открытія, въ этомъ отношеніи могло обнадеживать то обстоятельство, что въ сравнительно недавнее время ученый Маттіэ нашелъ и обнародовалъ толкованія того-же Зигавина на четырехъ Евангелистовъ. Калогера настойчиво пошелъ къ своей благородной цѣли. Онъ началъ изучать печатные каталоги рукописей, хранящихся въ разныхъ западныхъ библіотекахъ, но въ нихъ не оказалось никакихъ указаній въ разсматриваемомъ направленіи. Завязывалъ письменныя сношенія съ разными лицами, имѣвшими знакомство съ тѣми же западными библіотеками, но отвѣты получались все неудовлетворительные: искомыхъ сочиненій не оказывалось (корреспонденты Калогеры писали ему все одно и то-же: οὐδὲν τούτων εὗρον). Тогда ученый Грекъ рѣшился лично попытать счастія. Онъ

---

[11]) Zigabeni. Commentarius in XIV epistolas st. Pauli et VII catholicas. Edidit Nicephorus Calogeras. Tomi I—II. Athenae. 1887.

зналъ, что, послѣ паденія Константинополя, многіе Греки бѣжали въ Италію, унося съ собою тѣ рукописи, какими кто изъ нихъ дорожилъ. Поэтому онъ и отправился въ Римъ съ цѣлію ознакомиться съ отдѣломъ древне-греческихъ церковныхъ рукописей въ знаменитой Ватиканской библіотекѣ. Лѣтомъ въ 1879-мъ году Калогера прибылъ въ Римъ, но къ его прискорбію попасть въ Ватиканкую библіотеку ему не удалось. Она оказалась закрытою до глубокой осени. Между тѣмъ, по обязанностямъ службы, онъ не могъ такъ долго оставаться въ Римѣ. Ему пришло на мысль испробовать счастья: посѣтить другія римскія библіотеки въ надеждѣ, не найдется-ли тамъ то, чего онъ страстно искалъ. Для своихъ изслѣдованій онъ, прежде всего, выбралъ одинъ Доминиканскій монастырь въ Римѣ (monasterium fratrum praedicatorum), такъ какъ монастырь этотъ славился своею библіотекою. Каковаже была радость ученаго изслѣдователя, когда въ числѣ рукописныхъ толкованій на Новый Завѣтъ, онъ открылъ здѣсь именно то, что ему такъ было нужно. Одна изъ рукописей заключала комментарій Зигавина на Ап. Павла и Соборныя посланія. Сдѣлавъ это открытіе, Калогера весь отдался труду списыванія дорогой ему рукописи. Но какъ ни спѣшилъ онъ, въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, работая ежедневно по пяти часовъ въ библіотекѣ (такъ какъ библіотека оставалась открытою въ теченіе дня на пять часовъ), Калегера далеко не успѣлъ переписать всего комментарія: онъ списалъ толкованія Зигавина на посланіе къ Римлянамъ и до половины толкованія на первое посланіе къ Коринѳянамъ. Срокъ отпуска Калогеры приближался къ концу, и онъ долженъ былъ возвратиться въ отечество. Удалось-ли бы Калогерѣ продолжить свою работу и когда—неизвѣстно, еслибы одно счастливое обстоятельство не помогло этому ученому. Въ

это время стали прилагать фотографію къ копированію рукописей. Распорядители библіотеки позволили ему сдѣлать фотографическій снимокъ съ рукописи, заинтересовавшей Грека—и нашъ ученый сдѣлался обладателемъ искомаго имъ богатства. Въ предисловіи къ своему изданію Калогера довольно подробно описываетъ внѣшній видъ открытаго имъ кодекса, число листовъ въ немъ, опредѣляетъ время, когда онъ произошелъ. Вообще онъ полагаетъ, что рукопись занесена въ Италію или за нѣсколько времени до паденія Константинополя, или вскорѣ послѣ этого событія [12]). Въ манускриптѣ открытыя толкованія находятся въ такомъ порядкѣ, въ какомъ въ Новомъ Завѣтѣ помѣщаются истолкованныя Евѳиміемъ посланія: но издатель въ печати далъ толкованіямъ другой порядокъ, тотъ, какой указывается въ самомъ заглавіи изданія. Это отчасти опредѣляется неодинаковымъ значеніемъ отысканныхъ толкованій Евѳимія.

Достоинство того и другаго комментарія опредѣляетъ самъ издатель, причемъ онъ дѣлаетъ это настолько серьезно, что съ нимъ нельзя не соглашаться. Прежде всего, онъ говоритъ: «вообще Зигавинъ въ толкованіи посланій Ап. Павла показываетъ себя болѣе возвышеннымъ (ὑπερτερος), чѣмъ въ толкованіи на Соборныя посланія. Въ толкованіи Ап. Павла онъ пользуется однимъ методомъ, а въ толкованіи прочихъ апостоловъ другимъ. Комментируя посланія Павла, Зигавинъ всегда старается руководиться собственными соображеніями и доходить до полнаго рѣшенія; напротивъ, при комментированіи Соборныхъ посланій экзегетъ только немногое вноситъ отъ себя, а заимствуетъ мысли отъ другихъ толкователей, не углубляясь дальше въ смыслъ изъясняемаго мѣста». Въ тол-

---

[12]) Ibidem. Tom. I. Προλόγος, σελ. 61—64.

кованіи на Соборныя посланія онъ руководится Златоустомъ, Севиромъ, (Севиріаномъ Гавальскимъ?), Ѳеодоритомъ, Кирилломъ Александрійскимъ, Дидимомъ. Хотя это толкованіе и лишено самостоятельности, но самые отрывки, приводимые комментаторомъ новы и цѣнны [13]). Такимъ образомъ, изъ числа новозавѣтныхъ книгъ не имѣется толкованій Зигавина только на двѣ книги: Дѣянія св. апостоловъ и Апокалипсисъ. Были-ли составлены Евѳиміемъ комментаріи и на эти книги? Что касается «Дѣяній апостоловъ», то по мнѣнію Калогеры, есть вся вѣроятность предполагать, что Зигавинъ комментировалъ эту книгу; мало того, ученый Грекъ питаетъ надежду, что съ теченіемъ времени, такъ или иначе, указанный комментарій выйдетъ на свѣтъ Божій «изъ глубины забвенія». Относительно-же комментарія Зигавина на Апокалипсисъ нельзя разсчитывать на открытіе, такъ какъ есть основаніе полагать, что Византійскій богословъ не занимался толкованіемъ Апокалипсиса; а не занимался онъ этимъ дѣломъ потому, что, повидимому, онъ не считалъ эту книгу произведеніемъ Іоанна Богослова [14]). Хотя эту послѣднюю мысль Зигавинъ прямо и не выражаетъ, но при одномъ случаѣ, цитируя эту священную книгу, онъ выражается: «такъ называемый Апокалипсисъ Іоанна Богослова» (ἡ λεγομένη Ἀποκάλυψις) [15]). Скажемъ кстати, что прекрасное изданіе комментарія Зигавина, сдѣланное Калогерою, снабженное подробными подстрочными примѣчаніями (не говоря уже объ обширномъ введеніи къ изданію, тщательно составленномъ тѣмъ-же греческимъ ученымъ),

---

[13]) Ibidem, σελ. 70—71.
[14]) Ibidem, σελ. 72.
[15]) Толков. Зигавина на I-е Коринѳ. 13, 52. Tom. I, p. 361.

можетъ служить образцомъ для русскихъ изданій въ подобномъ-же родѣ [16]).

Изъ книгъ Ветхаго Завѣта Зигавинъ толковалъ немногія. По крайней мѣрѣ до насъ сохранился его комментарій лишь на Псалтирь. Сообщимъ нѣкоторыя свѣденія объ этомъ комментаріи Евѳимія. Самому толкованію предшествуетъ довольно обширное введеніе, составленное толкователемъ. Въ этомъ введеніи разсматривается много важныхъ и серьезныхъ вопросовъ. Здѣсь ведутся разсужденія о слѣдующихъ матеріяхъ: о намѣреніи, какое имѣлъ въ виду пророкъ Давидъ, сочиняя псалмы, о содержаніи псалмовъ въ догматическомъ и нравственномъ отношеніи, также указывается на мессіанское пророчественное значеніе псалмовъ. Дается понятіе о свойствахъ, происхожденіи и первоначальномъ употребленіи псалмовъ. Здѣсь-же встрѣчаемъ очень обстоятельныя свѣдѣнія о семи извѣстныхъ греческихъ переводахъ Ветхаго Завѣта, какъ-то: о переводѣ семидесяти, Акилы Синайскаго,

---

[16]) Не имѣя основаній при составленіи нашихъ очерковъ входить въ подробности касательно отдѣльныхъ сочиненій обозрѣваемыхъ нами писателей, мы не можемъ приводить многихъ примѣровъ для характеристики новооткрытаго Зигавинова комментарія. Приведемъ лишь одинъ примѣръ толкованій экзегета XII вѣка. Слова ап. Павла: «посему жена и должна имѣть на головѣ своей знакъ власти надъ нею, для ангеловъ» (1 Кор. XI, 10) Евѳимій изъясняетъ такъ: подъ «знакомъ власти» онъ разумѣетъ покрытіе женой головы своей въ знакъ покорности мужу; по отношенію къ мужу, покровъ жены служитъ выраженіемъ его власти надъ сею послѣднею. Слова—«для ангеловъ», которыя иными толкователями относятся къ ангеламъ небеснымъ, Евѳимій, подобно Кириллу Александрійскому, относитъ къ церковнымъ блюстителямъ (ἐφόρους). По Зигавину, этими словами Апостолъ хочетъ сказать: пусть жена, быть можетъ презирающая мужа, постыдится по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которымъ несносенъ безпорядокъ (т. е. блюстителямъ церковнымъ). Tom. I, p. 299.

Симмаха Самаритскаго, Ѳеодотіона Ефесскаго, о пятомъ переводѣ неизвѣстнаго составителя, о шестомъ— тоже неизвѣстнаго переводчика, и наконецъ о переводѣ Лукіана мученика (открытомъ будто-бы послѣ его мученической смерти въ какой-то башнѣ въ Никомидіи) [17]). Нѣкоторые полагаютъ даже, что Зигавинъ самъ пользовался переводомъ Лукіана при истолкованіи псалмовъ, но это едва-ли вѣроятно.—Зигавиново введеніе къ толкованію псалмовъ такъ серьезно написано, что оно могло-бы приносить большую честь автору, если-бы оно было самостоятельно. Къ сожалѣнію, оно представляетъ собой компиляцію. Одинъ изъ ученыхъ изслѣдователей (Ant. Bongiovannus) раскрылъ, что все, что есть лучшаго въ Зигавиновомъ введеніи къ комментарію на псалмы, все это заимствовано. Такъ прекрасныя свѣдѣнія о переводчикахъ семи греческихъ переводовъ, взяты изъ такъ называемаго Аѳанасіева Синопсиса; разсужденія Зигавина о томъ, что такое Псалтирь, псаломъ и т. д. заняты толкователемъ изъ сочиненій Евсевія Кесарійскаго и нѣкоторыхъ другихъ [18]). Какъ введеніе къ толкованію, такъ и самое толкованіе Зигавиномъ псалмовъ не высоко цѣнятся въ современной намъ наукѣ. Уже то самое обстоятельство, что Зигавинъ всѣ 150 псалмовъ по ихъ происхожденію приписываетъ царю Давиду, мало рекомендуетъ критическую мысль толкователя. Самостоятельность нашего толкователя [19]) псалмовъ тоже подвергается полному сомнѣнію. Разъяснено, что Зигавинъ свои толкованія черпалъ изъ многихъ и разнообразныхъ источниковъ—изъ сочине-

---

[17]) Euthymii Zigabeni. Commentarius in psalmos Davidis. Proœmium, p. 41—74. Migne, Gr. tom. 128.

[18]) Prolegomena, напечатанныя при Миневомъ изданіи Евѳимія. Tom. 128, p. 37—38.

[19]) Vid. proœmium, p. 54—55.

ній Оригена, Аѳанасія Великаго, Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Кирилла Александрійскаго, Исихія Іерусалимскаго и пр. Вообще личный трудъ Зигавина при истолкованіи псалмовъ былъ не великъ. Ему однако ставятъ въ заслугу то, что онъ черпалъ несомнѣнно изъ наилучшихъ источниковъ [20]).

2.—Разсматриваемый нами періодъ греческой церкви довольно былъ богатъ догматико-полемическими сочиненіями, во всякомъ случаѣ онъ былъ богаче ими, чѣмъ экзегетическими сочиненіями. Большинство догматико-полемическихъ сочиненій тѣхъ временъ вызваны были къ бытію разнаго рода богословскими спорами въ тогдашней церкви. Это придаетъ имъ большое историческое значеніе. Тѣмъ не менѣе въ нихъ нѣтъ уже той силы и живости, какими отличались произведенія подобнаго рода болѣе ранняго времени христіанской церкви. Въ большинствѣ случаевъ въ догматико-полемическихъ сочиненіяхъ, изучаемаго нами періода, чувствуется сухость, вялость и искуственность; пріемы развитія мыслей и полемики отличаются подражательностію готовымъ образцамъ. Греческіе богословы XII-го и дальнѣйшихъ вѣковъ отчасти сами вредили своему дѣлу, стѣсняя свободу богословствующей мысли и безъ всякой надобности ограничивая себя, когда усвояли утрированный взглядъ на творенія прежнихъ отцовъ церкви. Безъ сомнѣнія, успѣхъ новыхъ догматико-полемическихъ произведеній въ значительной мѣрѣ обусловливался степенью знакомства богослововъ изучаемой эпохи съ святоотеческою литературою прежнихъ временъ, временъ, когда богословская мысль лилась мощнымъ и широкимъ потокомъ. Это хорошо сознавали

---

[20]) Prolegomena (см. выше), p. 37—38. Толкованія Зигавина на Евангелія Матѳея и Іоанна переведены на Русскій языкъ. (Кіевъ. 1886—1887), а также переведено и его толкованіе на Псалтирь (въ Кіевѣ, въ 70-хъ годахъ).

они. Но вмѣсто того, чтобы подъ вліяніемъ этого сознанія серьезно заняться изученіемъ этихъ твореній, усвоить ихъ духъ и богатство ихъ мыслей, разсматриваемые богословы выработали особый взглядъ на характеръ твореній отеческихъ, начали комментировать изреченія отеческія, какъ комментируются изреченія Св. Писанія. Это съ одной стороны связывало самихъ комментаторовъ, а съ другой приводило къ натяжкамъ въ пониманіи святоотеческой литературы, ибо комментаторы хотѣли заставлять отцевъ говорить то, что имъ самимъ было нужно. Тогда сталъ «гоосподствовать особый взглядъ на характеръ твореній отеческихъ и тѣсно связанные съ нимъ пріемы экзегетики. Эти творенія считались богодухновенными въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ книги Св. Писанія Ветхаго и Новаго завѣта. Никакихъ неточностей, недомолвокъ и перемолвокъ въ догматической ихъ части не допускалось. Это вело нерѣдко къ большимъ затрудненіямъ, которыя не всегда поддавались средствамъ тогдашней герминевтики, приспособленной собственно къ толкованію Св. Писанія, но цѣликомъ примѣнявшейся и къ твореніямъ отеческимъ; приходилось иногда прибѣгать къ искусственнымъ объясненіямъ, которыя имѣли весьма сомнительную цѣнность съ научной точки зрѣнія» [21]). Такимъ образомъ, богословы, разсматриваемаго періода церковной исторіи, сами себѣ создавали препятствія, мѣшавшія имъ быть на высотѣ своего призванія. Впрочемъ, это обстоятельство, при всемъ его неблагопріятномъ вліяніи, во всякомъ случаѣ было выгодно тѣмъ, что оно заставляло ихъ работать мыслію, много читать и изслѣдовать творенія отеческія. Гораздо хуже было то, что нѣкоторые изъ богослововъ

---

[21]) Проф. И. Е. Троицкаго. Изъ исторіи споровъ объ исхожденіи Св. Духа. Христ. Чт. 1889. т. I, стр. 340—341.

нашей эпохи, быть можетъ вслѣдствіе косности мысли, полагали, что нѣтъ надобности снова углубляться въ тѣ вопросы, которые были предметомъ изученія отцевъ церкви въ прежнія времена; мало того, думали, что въ твореніяхъ ихъ заключено все, что нужно для борьбы съ какими-бы то ни было заблужденіями, когда-бы то ни было имѣющими явиться на свѣтъ. Въ силу подобныхъ воззрѣній писатели нашей эпохи вмѣсто того, чтобы самимъ имъ бороться съ новыми заблужденіями, довольствовались въ борьбѣ съ ними выписками изъ твореній отцевъ церкви, писавшихъ противъ какихъ либо ересей, похожихъ на вновь явившіяся. Мало того, какъ-бы совсѣмъ забывая, когда жили тѣ или другіе отцы и противъ кого они писали, новѣйшіе догматико-полемисты въ своихъ произведеніяхъ выписывали изъ ихъ твореній такія мѣста и даже трактаты, которые не имѣли ни цѣли, ни приложенія къ тому времени, когда жили компиляторы.

Изъ числа догматико-полемическихъ сочиненій изучаемаго періода первое мѣсто занимаетъ въ хронологическомъ порядкѣ произведеніе Зигавина: «Догматическая Панoплія (всеоружіе) православной вѣры». [22]) Сочиненіе это составлено Зигавиномъ по настойчивому порученію императора Алексѣя Комнина. Панoплія не принадлежитъ къ тѣмъ сочиненіямъ, которыя прославляютъ ихъ авторовъ. Написанное по заказу, оно носитъ именно этотъ характеръ. Возможно предполагать, что усердно занимаясь экзегетическими сочиненіями, Зигавинъ не имѣлъ склонности и способностей писать произведенія въ догматико-полемическомъ родѣ. Современность прославляла его за это сочиненіе (Анна Комнина), но оно не можетъ заслуживать большихъ похвалъ. Вся дѣятельность автора при со-

---

[22]) Orthodoxae fidei dogmatica Panoplia.

ставленіи Панопліи состояла лишь въ механическомъ списываніи и нанизываніи разныхъ чужихъ мыслей, которыя притомъ заимствовались буквально. Правда, Евѳимій былъ очень начитанный человѣкъ, [22]) но въ настоящемъ трудѣ начитанность его не дѣлаетъ его ни глубокимъ мыслителемъ ни разностороннимъ ученымъ. Въ цѣломъ Панопліа представляетъ собою рядъ выписокъ изъ сочиненій прежнихъ богослововъ и полемистовъ, причемъ авторъ не беретъ на себя труда даже пояснять чужія слова. Впрочемъ, въ сочиненіи можно находить и нѣчто самостоятельное, но оно не представляетъ собою вклада въ догматико-полемическую литературу, а имѣетъ интересъ лишь для исторической науки. Познакомимся до извѣстной степени съ разсматриваемымъ произведеніемъ Евѳимія.

Въ началѣ своего произведенія Евѳимій указываетъ, по какимъ причинамъ, при какихъ обстоятельствахъ возникъ его трудъ. «Императоръ (Алексѣй Комнинъ), говоритъ Зигавинъ,—удѣляя время отъ своихъ государственныхъ занятій, углублялся въ серьозное изученіе Св. Писанія и любилъ также бесѣды о божественныхъ предметахъ съ знаменитыми мужами, великое множество которыхъ наполняло его дворецъ. Императоръ притомъ-же охотно диспутировалъ со врагами православной вѣры.» Авторъ замѣчаетъ, что и «ему иногда приходилось участвовать въ этихъ бесѣдахъ императора. Высоко цѣня свою дѣятельность для церкви, Алексѣй захотѣлъ и для своихъ потомковъ

---

22) Изъ болѣе древнихъ онъ широко пользовался Аѳанасіемъ Великимъ, Григоріемъ Богословомъ и Нисскимъ, Василіемъ Велик., Іоанномъ Дамаскинымъ, затѣмъ часто, но не до такой степени—Діонисіемъ Ареопагитомъ, Златоустомъ, Максимомъ Исповѣдникомъ, Кирилломъ Александрійскимъ, Фотіемъ; наконецъ, гораздо рѣже — Леонтіемъ Кипрскимъ, Анастасіемъ Синаитомъ, Леонтіемъ Византійскимъ.

дать руководство въ подобномъ-же дѣлѣ, и какъ-бы научить ихъ военному искуству для будущихъ богословскихъ сраженій; поэтому онъ приказалъ разумнымъ людямъ собрать мудрыя изреченія изъ отцевъ и другихъ защитниковъ вѣры, и потомъ все собранное ими передалъ Евѳимію для окончательной обработки въ одно цѣлое. Такъ возникла Панoплія». [24])— Панoплія состоитъ, кромѣ пролога, изъ 28-ми титуловъ или отдѣловъ. Частнѣйшая цѣль сочиненія, какъ объясняетъ авторъ, двоякая: съ одной стороны защита православнаго ученія, съ другой, опроверженіе мнѣній, противныхъ этому ученію. Совершенно исчезнувшія ереси онъ хочетъ оставлять безъ вниманія, но не всѣ: онъ намѣренъ подвергать разсмотрѣнію какъ знаменитѣйшія между ними, какъ и тѣ, огонь которыхъ, по выраженію Евѳимія, хотя и потухъ, но отъ которыхъ остались въ церкви тлѣющіе угли; ихъ-то и думаетъ Зигавинъ пронзить своими стрѣлами. [25])— Содержаніе сочиненія таково: Евѳимій начинаетъ опроверженіемъ политеизма и эпикурейства, но въ опроверженіе ихъ приводитъ только отрывки изъ твореній Григорія Богослова и Іоанна Дамаскина. [26]) Затѣмъ онъ переходитъ къ ученію о Богѣ, Св. Троицѣ, лицѣ Сына Божія—такимъ сторонамъ догматики, около которыхъ вращается все сочиненіе автора (titul. I). Еретики, которые извращали это ученіе и которыхъ опровергаетъ Евѳимій суть слѣдующіе: Симонъ Волхвъ, различные гностики, манихеи, Савеллій, Павелъ Самосатскій, аріане со всѣми ихъ развѣтвленіями, въ особенности евноміане, — аполлинаристы, несторіане, евтихіане, монофелиты, теопасхиты, иконоборцы, ар-

[24]) Panoplia dogmatica. Migne. Gr. tom. 130. Prologus ad panopl., p. 21. 24.
[25]) Ibidem. p. 24.
[26]) Ibid. Prologus, p. 25—29.

мане, павликіане, мессаліане, богомилы. Въ началѣ сочиненія опровергаются іудеи, а въ концѣ Сарацины т.-е. магометане. Для того, чтобы составить себѣ понятіе, насколько механично и безжизненно ведетъ свою полемику Евѳимій при опроверженіи прежнихъ ересей, для этого посмотримъ, изъ чего состоитъ одиннадцатое отдѣленіе (титулъ), противъ аріанъ. Тотчасъ послѣ заглавія «аріане», слѣдуетъ выдержка изъ 4-й книги сочиненія Св. Аѳанасія «Противъ аріанъ»; затѣмъ выдержка изъ пятой книги того-же Аѳанасіева сочиненія; затѣмъ опять изъ той же книги (гдѣ показывается, что аріане разногласили и сами между собой) и т. д. Послѣ этого идутъ выдержки изъ твореній Василія Великаго, Григорія Богослова, направленныя противъ аріанъ. [27]) Больше значенія имѣютъ тѣ отдѣленія Панопліи, въ которыхъ авторъ имѣетъ дѣло съ современными ему ересями, но и здѣсь не всегда полемистъ сколько нибудь удовлетворителенъ. Такъ, отъ него можно ожидать свѣжихъ извѣстій, интересныхъ наблюденій и живыхъ споровъ касательно и противъ павликіанъ, которыхъ въ его время было такъ много. Но Евѳимій, вмѣсто всего этого, отдѣлывается выписками изъ сочиненій патріарха Фотія противъ этихъ еретиковъ [28]). Такъ какъ въ прежнее время въ рукахъ западныхъ ученыхъ не было полнаго изданія Панопліи, напр., въ нѣкоторыхъ католическихъ изданіяхъ тогда были опущены отдѣленія, въ которыхъ рѣчь идетъ у Евѳимія объ исхожденіи Духа Святаго, то указанные ученые полагали, что въ этихъ отдѣленіяхъ должно заключаться у Евѳимія что нибудь оригинальное и сильное, направленное противъ латинянъ [29]). Но теперь,

---

27) Ibidem, Panoplia, p. 331 et cet.
28) Tit. 24, p. 1190 et cet.
29) Ullmann. Über die dogmatische Entwickelung der griechisch.

когда Панопліа въ полномъ видѣ доступна всѣмъ, сдѣлалось очевиднымъ, что и тѣ отдѣленія этого сочиненія, гдѣ рѣчь идетъ о латинскомъ догматѣ касательно исхожденія Духа Святаго «и отъ Сына» лишены значенія; они, по обыкновенію, наполнены выдержками изъ готовыхъ сочиненій [30]). Духовная бѣдность автора обнаруживается въ особенности въ томъ случаѣ, когда Зигавину нужно было опровергать Сарацинъ т. е. магометанъ [31]). Если гдѣ, то преимущественно здѣсь автору слѣдовало приложить старанія, чтобы поразить этого врага, который съ каждымъ годомъ дѣлалъ внѣшнія и отчасти внутреннія побѣды надъ христіанами. Нужно было ожидать, что авторъ сравнитъ между собою два міросозерцаніи—христіанское и магометанское, укажетъ превосходство Основателя христіанства надъ изобрѣтателемъ магометанства. Вмѣсто всего этого читатель встрѣчаетъ не совсѣмъ толково составленное изображеніе жизни Магомета, не чуждое извращеній; вмѣсто разбора магометанства и его системы, авторъ довольствуется извлеченіями изъ сочиненій Іоанна Дамаскина о Сынѣ Божіемъ и Духѣ Святомъ. — Изъ всего, что содержится въ Панопліи Зигавина наиболѣе заслуживаетъ вниманія то отдѣленіе въ немъ, гдѣ трактуется о «богомилахъ», этихъ еретикахъ, появившихся во времена автора и въ первый разъ имъ описанныхъ. Ученые высоко ставятъ тѣ свѣдѣнія о богомилахъ, какія находятся у Зигавина. Онъ, Зигавинъ, имѣлъ точныя свѣдѣнія

Kirche im XII Jahrhund. Studien und Krit. 1833 (p. 671). Статья эта, не смотря на то, что она написана давно, не потеряла своего значенія и теперь: ее называютъ основательною (Дрэзеке), прекрасною (Гассъ), отличающеюся здравыми взглядами (Калогера, p. 39).

[30]) Tit. XII et XIII.

[31]) Tit. XXVIII.

о богомилахъ. только что появившихся; онъ имѣлъ записи ученія еретиковъ, сдѣланныя со словъ этихъ послѣднихъ; въ его распоряженіи были и другіе важные источники для ознакомленія съ новымъ еретическимъ движеніемъ. Вообще полемистъ поставленъ былъ въ весьма благопріятныя для своего дѣла условія, въ какихъ находились рѣдко повѣствователи о новыхъ ересяхъ [32]). Но если содержаніе Зигавинова «титула» о богомилахъ заслуживаетъ большаго вниманія, то нельзя сказать, чтобы и эта часть Панопліи была удовлетворительна со стороны изложенія: авторъ мало заботится о томъ, чтобы имѣющіяся у него свѣдѣнія изложить въ должномъ систематическомъ порядкѣ. Все-же, думаемъ, будетъ не лишнее дѣло нѣсколько познакомиться съ трактатомъ Зигавина о богомилахъ. Вотъ свѣдѣнія, какія онъ излагаетъ о богомилахъ: богомилы отвергали всѣ книги Моисеевы (гл. 1); ихъ вѣрованіе во Св. Троицу было неправильно: они утверждали, что Сынъ Божій и Духъ Святый не отдѣльныя ѵпостаси отъ ѵпостаси Отца; притомъ-же они утверждали странныя мнѣнія, что какъ Отецъ родилъ Сына, такъ Сынъ родилъ Духа Святаго, а Духъ родилъ Іуду предателя и одиннадцать апостоловъ (гл. 2 и 5); Сатанаилъ, учили они, есть старшій братъ Іисуса Христа: Онъ занималъ прежде второе мѣсто послѣ Бога Отца въ небесномъ царствіи, но возмечталъ о себѣ, увлекъ за собою другихъ ангеловъ—палъ и самъ, пали и эти послѣдніе (гл. 6); человѣкъ по своему происхожденію, есть частію произведеніе Сатанаила, частію Бога Отца (гл. 7); для избавленія человѣка, страдавшаго

---

[32]) Zigabeni. Narratio de Bogomilis, seu Panopliae dogmaticae titulus XXIII (по Миню XXVII). Editio Gieseler's. Göttingae 1842. Въ предисловіи, стр. 2—3. Ниже мы будемъ пользоваться этимъ Гизелеровымъ изданіемъ Зигавинова титула: «о богомилахъ», такъ какъ это изданіе считается наилучшимъ.

подъ властію Сатанаила, Богъ послалъ на землю своего втораго Сына Іисуса, который есть и Слово и Архангелъ Михаилъ; страданія Сына Божія за родъ человѣческій были призрачныя (гл. 8); богомилы отвергали почитаніе святыхъ угодниковъ, святыхъ мощей и иконъ—по разнымъ основаніямъ (гл. 11); они презирали крестъ, какъ орудіе страданій Іисуса (гл. 14—15); крещеніе, совершаемое церковію не признавали истиннымъ крещеніемъ, почему перекрещивали лицъ обращающихся въ ихъ секту (гл. 16); причащенія не признавали, а признавали какое-то духовное причащеніе, выражавшееся въ чтеніи молитвы Господней (гл. 17); христіанскіе храмы считали жилищемъ демоновъ и утверждали, что Сатанаилъ сначала обиталъ въ Іудейскомъ Іерусалимскомъ храмѣ, а потомъ сталъ жить въ Константинопольскомъ Софійскомъ храмѣ (гл. 18); они употребляли только одну и единственную молитву: «Отче нашъ», читали ее по нѣскольку разъ днемъ и ночью (гл. 19); богомилы говорили, что ихъ послѣдователей слѣдуетъ называть богородицами (θεοτόκοι), такъ какъ и они носятъ въ утробѣ своей Слово Божіе и раждаютъ его, когда научаютъ другихъ (гл. 22). Вторая половина трактата о богомилахъ у Зигавина ознакомляетъ читателя со странными толкованіями на евангеліе Матѳея, какія встрѣчались у еретиковъ и которыя направлялись у нихъ противъ достоинства и авторитета св. церкви (съ 30 гл. и до конца). Вотъ примѣръ богомильскаго толкованія Евангельскаго повѣтствованія о бѣсноватыхъ, по выходѣ изъ которыхъ бѣсы бросились въ стадо свиней (Мѳ. VIII, 28—32). Двое бѣсноватыхъ, вышедшихъ изъ гробницъ, по толкованію богомиловъ, означаютъ два чина: клириковъ и монаховъ; и тѣ и другіе живутъ въ храмахъ, заключающихъ въ себѣ кости (мощи) умершихъ. Подъ ста-

домъ свиней богомилы понимали людей, проводящихъ жизнь худую и т. д. (гл. 49).

Такова Панопліа Зигавина. Ученый Гассъ слѣдующимъ образомъ характеризируетъ это произведеніе: «если представимъ себѣ продолжителя Епифанія (Кипрскаго), но только продолжателя еще болѣе неискуснаго, болѣе внѣшняго и въ меньшей степени самостоятельнаго—то получится почти точный образъ Догматическаго Всеоружія. Сочиненіе это служитъ доказательствомъ, что когда имѣютъ предъ собой слишкомъ многихъ еретиковъ и хотятъ ихъ изслѣдовать, тогда ни въ какомъ отношеніи не достигаютъ успѣха» [33]). Зигавинъ вообще своей Панопліею мало что прибавилъ къ тѣмъ заслугамъ, какія онъ имѣетъ какъ эгзегетъ [34]).

Зигавину принадлежитъ еще нѣсколько небольшихъ полемическихъ сочиненій, представляющихъ собою какъ-бы пополненіе Панопліи. Вотъ эти сочиненія: «Споръ о вѣрѣ съ сарацинскимъ философомъ». Здѣсь между прочимъ полемистъ разбираетъ слѣдующія возраженія сарацина: «на какомъ основаніи вы (христіане) допускаете политеизмъ, учите о рожденіи Бога, исповѣдуете Бога Отца, Сына и Св. Духа? Какимъ образомъ Богъ могъ воплотиться? Если Слово воплотилось и родилось отъ Маріи, то почему называете Марію дѣвою и т. д. [35]). Другое сочиненіе Зигавина: «Опроверженіе нечестивыхъ Массаліанъ» (т. е. богомиловъ). Здѣсь излагаются и ниспровергаются главныя мнѣнія богомиловъ, причемъ полемистъ

---

[33]) Gass.-Zigabenus: Herzog-Hauck. Real. Encykl. B. IV, s. 408.

[34]) Трактатъ Зигавина о богомилахъ переведенъ въ Правос. Обозр. за 1872 г., но намъ не удалось ознакомиться съ этимъ переводомъ.

[35]) Migne Gr. tom. 131, p. 20—37.

излагаетъ свои мысли въ формѣ 14 ти анаѳематизмовъ [36]). Какъ-бы продолженіемъ сейчасъ указаннаго сочиненія Евѳимія служитъ слѣдующее его сочиненіе: «Противъ еретиковъ, которые носятъ названіе фундагіатовъ» (т. е. опять богомиловъ). Рѣчь у автора о томъ, что узналъ онъ отъ богомильскихъ учителей объ ихъ ученіи, принявъ видъ мнимаго ихъ ученика. Это послѣднее сочиненіе извѣсно въ печати не въ полномъ его видѣ [37]).

Догматико-полемическое сочиненіе похожее по формѣ на Панноплію написалъ писатель конца XII-го и начала XIII-го вѣка, нерѣдко упоминаемый нами, Никита Хоніатъ. Хотя между Зигавиномъ и Никитою жилъ еще извѣстный догматико-полемическій писатель—Николай Метонскій, но онъ составляетъ особое явленіе по сравненію съ Зигавиномъ и Никитою, которыхъ главныя полемическія сочиненія походятъ одно на другое и удобнѣе всего могутъ быть разсматриваемы одно послѣ другаго.

Разсматриваемое сочиненіе Никиты носитъ заглавіе: «Сокровище православной вѣры» (Thesaurus orthodoxae fidei) и написано по просьбѣ одного его друга. «Сокровище» заключаетъ въ себѣ изложеніе православной вѣры и опроверженіе еретиковъ и состоитъ изъ 27-ти книгъ. Оно тѣсно примыкаетъ къ Панноплiи Зигавина. Объ этомъ отношеніи перваго сочиненія къ послѣднему самъ Никита говоритъ такъ: «хотя книга, носящая заглавіе Панноплія, и касается всѣхъ еретиковъ, которые жили прежде, начиная съ Савеллія и даже раньше его, однакожъ въ ней опущено много такого, что можно было бы сказать въ ихъ опроверженіе изъ писаній отцевъ, и притомъ въ ней

---

[36]) Ibidem, p. 40—48.
[37]) Ibidem, p. 48—57.

не дѣлается никакого упоминанія о томъ, откуда произошли еретики и какъ они жили». Никита не безъ критики смотритъ на сочиненіе своего предшественника и хочетъ его пополнить, именно представить ереси въ болѣе полномъ и генетическомъ видѣ и подробнѣе разобрать ихъ [38]). Впрочемъ, Никита не былъ богословомъ, отличавшимся самостоятельностію познаній; во многихъ отдѣлахъ своего сочиненія онъ пользуется тѣмъ, что находитъ готоваго у Евѳимія [39]). Но съ другой стороны сочиненіе Никиты показываетъ въ немъ человѣка болѣе мыслящаго, чѣмъ какимъ былъ Зигавинъ; многія стороны въ ученіи вѣры онъ излагаетъ съ похвальнымъ углубленіемъ въ дѣло, съ замѣтною оригинальностію, онъ не всегда позволяетъ за себя думать и говоритъ другимъ: онъ и думаетъ не безъ самостоятельности и говоритъ собственнымъ языкомъ. Вообще между Никитою и Зигавиномъ, какъ догматико-полемистами, можно находить слѣдующую разницу. Зигавинъ повторяетъ только зады богословской науки и полагаетъ, что такимъ способомъ онъ выражаетъ себя, какъ охранителя преданія; Никита—же далекъ отъ того, чтобъ отказывать разуму человѣческому въ тщательномъ и безпредвзятомъ изученіи христіанства, а лицъ смотрящихъ иначе на дѣло, онъ именуетъ гносимахами (проще—гасителями просвѣщенія). Зигавинъ, считая себя поборникомъ вѣры, задачу своей дѣятельности полагаетъ въ томъ, чтобы

---

38) Thesaurus orthodoxae fidei. Migne, tom. 139, p. 1104.

39) Кромѣ того, Никита пользовался весьма многими писателями: Діонисіемъ Ареопагитомъ, Аѳанасіемъ, Тертулліаномъ, Евсевіемъ, Епифаніемъ, Иринеемъ, Златоустомъ, Василіемъ Великимъ, Филосторгіемъ, Ѳеодоромъ Мопсуестскимъ, Сократомъ, Созоменомъ, Ѳеодоритомъ, Григоріями, Фотіемъ, Дамаскинымъ, Козьмою Индикоплевтомъ и проч. Anaot. Merellii. Migne, ibid. p. 1091.

только опровергать еретиковъ; Никита-же, хотя и почитаетъ полемику дѣломъ важнымъ, но въ тоже время углубляется въ изложеніе положительнаго ученія и проводитъ догматъ сквозь мыслящее сознаніе. Зигавинъ въ своемъ трудѣ сухъ, безжизненъ и мертвъ, напротивъ Никита во многихъ случаяхъ говоритъ какъ живо заинтересованный человѣкъ, говоритъ языкомъ сердца [40]). Такое явленіе само по себѣ замѣчательное, тѣмъ поразительнѣе, что Никита въ написанной имъ извѣстной исторіи своего времени, представляется не чуждымъ увлеченія эллинскимъ язычествомъ. Но мы должны помнить что Византійскіе образованные люди нерѣдко заключали въ себѣ соединеніе такихъ крайностей, какихъ нельзя встрѣчать въ наше время. Типъ Византійца представлялъ собою во многомъ оригинальное явленіе. — Но переходимъ къ обзору сочиненій Никиты. Въ первой книгѣ [41]) писатель говоритъ объ язычествѣ и іудействѣ. Содержаніе уже этой книги показываетъ, какъ богато произведеніе его по сравненію съ Зигавиной Панопліей. Здѣсь Никита излагаетъ свѣдѣнія о главныхъ идеяхъ и школахъ, какія господствовали въ Греціи и Іудеѣ, вообще касается такихъ сторонъ, которыя Евѳимій оставилъ вовсе безъ вниманія. Именно, Никита начинаетъ свое сочиненіе изложеніемъ религіозной исторіи Іудеевъ отъ Адама до Моисея, а затѣмъ, объяснивши вопросъ о происхожденіи идолопоклонства, онъ переходитъ къ разъясненію происхожденія греческихъ мистерій и философскихъ ученій, въ особенности ведетъ рѣчь, хотя и краткую, о философіи Пифагора, Платона и Эпикура, причемъ выше всѣхъ ставитъ авторитетъ

---

[40]) Ullmann—въ вышецитированной статьѣ: Studien und Kritiken, 1833, s. 682—683.

[41]) Migne, tom. 139, p. 1104—1126.

Моисея. Въ заключеніе первой книги авторъ снова возвращается къ іудейству и характеризуетъ различныя іудейскія секты, не исключая самарянъ. Іудейскихъ сектъ Никита насчитываетъ семь: саддукеи, книжники, фарисеи, имероваптисты (сектанты эти получили свое имя отъ того, что для духовнаго очищенія считали необходимымъ ежедневное крещеніе), назареи, ессеи и иродіане (какъ отдѣльную секту авторъ описываетъ самарянъ). Іудейскія секты авторъ считаетъ вліятельною причиною къ образованію сектъ христіанскихъ [42]). Во второй и третьей книгѣ Никита входитъ въ изслѣдованіе православнаго ученія. Такъ, во второй книгѣ [43]) Никита разсуждаетъ о Св. Троицѣ, ангелахъ и человѣкѣ. О Св. Троицѣ онъ хотя и говоритъ словами отцевъ церкви, но пользуется ими вообще цѣлесообразно; для устраненія обвиненія въ тритеизмѣ, онъ употребляетъ многіе образы; единство Божества при троичности, по Никитѣ, уясняется образомъ серафима съ двумя крылами: Отецъ— это серафимъ, два крыла—это Сынъ Божій и Духъ Святый [44]). Особенно заслуживаетъ вниманія его спекулятивно-богословское ученіе о человѣкѣ; онъ входитъ здѣсь во многіе философскіе вопросы касательно души человѣческой, говоритъ о духѣ и душѣ, о чувствахъ и силахъ души, дѣятельности и безсмертіи ея, пытается рѣшить вопросы о мѣстопребыванія души, происхожденіи души при зарожденіи тѣла человѣческаго и пр. Въ третьей книгѣ [45]) Никита говоритъ о вочеловѣченіи Бога—Слова. Въ этомъ отдѣлѣ Никита обнаруживаетъ большую богословскую начитанность, но что еще важнѣе, говоря о двухъ природахъ

---

[42]) Ibidem, p 1122—1124.
[43]) Ibid. p. 1126—1200.
[44]) Ibid. p. 1161, cap. 30.
[45]) Ibid. p. 1200—1242.

во Христѣ, онъ достаточно сильно разрѣшаетъ всѣ разнообразные вопросы, возбуждаемые истиною богочеловѣченія. Съ четвертой книги [46]) авторъ входитъ въ разсмотрѣніе и разборъ древнихъ ересей— числомъ 44—до аріанской ереси. Въ этомъ отдѣлѣ труда Никиты интересно для насъ въ особенности то, что онъ упоминаетъ такихъ еретиковъ, о которыхъ мы мало знаемъ, и которые притомъ представляются продолжающими существовать и во времена автора [47]). Вотъ эти любопытныя для насъ ереси: гносимахи. Это такіе люди, по Никитѣ, которые противились всякому серьезному, углубленному изученію христіанской вѣры и научному занятію истинами религіи, которые считали дѣломъ безполезнымъ углубляться и размышлять надъ Св. Писаніемъ, въ особенности потому, что Богъ будто-бы ничего не требуетъ отъ христіанъ, кромѣ добрыхъ дѣлъ; гораздо лучше, говорили они, просто вести благочестивую жизнь, чѣмъ отдаваться любознательности. Тнитопсихиты. Это были еретики, которые отрицали безсмертіе души и которые утверждали, что душа человѣка не лучше души животныхъ и умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. (Впрочемъ, подъ именемъ тнитопсихитовъ едвали разумѣются рѣшительные матеріалисты, отрицавшіе безсмертіе души; по всей вѣроятности подъ тнитопсихитами нужно разумѣть такихъ лицъ, которыя, отправляясь отъ тогдашнихъ понятій о душѣ и духѣ, какъ составныхъ частяхъ природы человѣческой, допускали, что безсмертенъ только духъ— πνεῦμα, а душа ψυχή— смертна). Далѣе — христолиты (отъ гл. λύω). По описанію Никиты, они получили

---

[46]) Ibidem, p. 1242—1360.

[47]) Kurtz. Handbuch der Kirchengeschichte. B. I. Abtheil 3, S. 97. Mitau, 1858. И въ самомъ дѣлѣ, описывая этихъ еретиковъ, авторъ при изложеніи ихъ ученія всегда употребляетъ формы настоящаго времени: contendunt, audent, asserunt.

свое имя отъ того, что они какъ-бы разрѣшали Христа, разрушали его человѣческую природу, именно, они держались мнѣнія, что Христосъ, по воскресеніи Его, покинулъ на землѣ свое тѣло и вознесся на небо только Божествомъ. Далѣе—этнофроны—т. е. такіе люди, которые, при христіанскихъ убѣжденіяхъ, въ то-же время преданы были языческому суевѣрію и совершали языческіе обряды. Никита находитъ у нихъ слѣдующее: они вѣровали въ фатумъ, фортуну, увлекались астрологіей, занимались волхвованіями, полагали различіе во дняхъ и мѣсяцахъ по отношенію къ благополучію. (Нужно сказать, что такого рода люди дѣйствительно встрѣчались во времена Никиты.) Наконецъ, парерминевты—ложные толкователи Св. Писанія: они истолковывали Св. Писаніе по своимъ частнымъ цѣлямъ, чтобы найти въ немъ свои еретическія воззрѣнія, извращали смыслъ его и съ упорствомъ стояли за свое толкованіе [48]). Въ пятой книгѣ [49]) Никита разсматриваетъ и опровергаетъ аріанскія ереси [50]). Въ дальнѣйшихъ книгахъ до конца сочиненія авторъ говоритъ о македоніанахъ, несторіанахъ, евтихіанахъ, монофелитахъ, иконоборцахъ, армянахъ, павликіанахъ, богомилахъ и касается ересей, возникшихъ и волновавшихъ церковь въ его время [51]).—

---

[48]) Ibidem, p. 1341—1343; 1356 (cap. 39—43).

[49]) Ibid p. 1361—1444.

[50]) Первыя пять книгъ сочиненія Никиты изданы лишь въ латинскомъ переводѣ, но сполна.

[51]) Начиная съ VI-ой книги сочиненіе издано (Migne, tom. 140) въ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ, но зато въ отрывкахъ. Цѣликомъ изданы лишь не многія книги «Сокровища», напр., 24, гдѣ заключаются акты собора относительно одного спора половины XII-го вѣка о Христѣ, какъ приносящемъ жертву и пріемлющемъ ее; книгу 25-ю составляютъ акты соборные по поводу спора о текстѣ: «Отецъ болій Мене», спора бывшаго во дни Никиты. Нужно сказать, что акты со-

Сочиненіе Никиты «Сокровище» доселѣ еще не издано въ полномъ и оригинальномъ видѣ. Изданіе его въ цѣлости есть дѣло будущаго. Нѣмецкій ученый Гассъ, извѣстный спеціалистъ по церковной Византологіи, однакожъ не думаетъ, чтобы когда нибудь это изданіе послѣдовало. Онъ говоритъ: «появится-ли когда-либо въ печати оригинальный текстъ Никиты въ полномъ видѣ—это сомнительно: такое предпріятіе не принесетъ тѣхъ плодовъ, какихъ отъ него можно-бы ожидать» [52]). Но такое полупренебрежительное отношеніе къ «Сокровищу» Никиты несправедливо. Извѣстный Ульманъ говоритъ о Никитѣ: «его ученость не вполнѣ самостоятельна, однакожъ онъ возвышается надъ современниками и является человѣкомъ, достойнымъ лучшихъ временъ», чѣмъ его время [53]). Съ своей стороны прибавимъ, что изданіе, въ особенности двухъ послѣднихъ книгъ «Сокровища», было-бы въ высшей степени полезно для науки, ибо въ 26-ой книгѣ у Никиты рѣчь идетъ о происходившемъ при Мануилѣ Комнинѣ спорѣ «о богѣ магомевомъ», спорѣ, о которомъ наши свѣдѣнія слишкомъ незначительны: въ 27-ой книгѣ у Никиты излагаются свѣдѣнія по поводу спора, происходившаго при императорѣ Алексѣѣ Ангелѣ (кон. XII-го в.) о «тлѣнности» и «нетлѣнности пріемлемой нами евхаристіи», а между тѣмъ наши свѣдѣнія касательно этого любопытнаго спора такъ ничтожны, что даже самое главное лице, вызвавшее споръ (Сикидитъ) остается для насъ почти во мракѣ [54]).

борные, помѣщаемые въ 24-ой книгѣ Никиты, изъ этого сочиненія заимствованы Маіемъ и отпечатаны въ его изданіяхъ.

[52]) Gass.—Nicetas: Herzog-Hanck. Encykl. B. X, S. 541.

[53]) Ullmann. S. 679.

[54]) Оба эти спора изложены были нами въ своемъ мѣстѣ. См. очеркъ IV.

Больше, чѣмъ Зигавиномъ и Никитою Хоніатомъ, написано было полемико-догматическихъ сочиненій Николаемъ, епископомъ Метонскимъ. Еще важнѣе характеръ сочиненій Николая. Зигавинъ и Никита съ чрезмѣрною любовію углубляются въ прошедшее, древность. Это писатели, для которыхъ нуженъ признанный авторитетъ, подъ кровъ котораго они очень охотно и становятся. Не то у Николая. Николай, хотя и прекрасно знакомъ съ древне-церковною литературою, не увлекается ею до забвенія о нуждахъ и потребностяхъ новѣйшаго, своего, времени. Онъ пишетъ для пользы, назиданія и поученія своихъ современниковъ; говоритъ съ ними языкомъ сильнымъ, живымъ, продуманнымъ. Его собственная богословская мысль такъ богата, что онъ только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ заставляетъ говорить за себя другихъ—древнихъ авторитетныхъ христіанскихъ богослововъ. Все это дѣлаетъ значеніе Николая въ исторіи греческой богословской мысли весьма большимъ. И однакожъ, нельзя сказать, чтобы Николай какъ слѣдуетъ былъ изученъ въ наукѣ. Значеніе его давно понято, но до сихъ поръ не опредѣлено точно мѣсто этого богослова въ ряду лучшихъ представителей церковной мысли послѣднихъ вѣковъ Византійской имперіи. Долго смѣшивали и до сихъ поръ еще смѣшиваютъ двухъ Николаевъ, епископовъ Метонскихъ, писателей-богослововъ: нашего, жившаго въ первой и началѣ второй половины XII-го вѣка и другаго Николая Метонскаго, процвѣтавшаго въ концѣ XII-го и до 50-хъ годовъ XIII-го вѣка. Для разъясненія этого вопроса больше другихъ сдѣлалъ въ самое недавнее время нѣмецкій ученый Дрэзеке [55]). Одно изъ затрудненій при

---

[55]) Dräseke. Zu Nicolaos von Methone. Двѣ статьи въ журн. Zeitschrift für Kirchengeschichte, 1888 (Band. IX).

изученіи Николая Метонскаго составляетъ то, что произведенія Николая не собраны въ какомъ-нибудь изданіи, а разбросаны по разнымъ коллекціямъ. Собрать всѣ сочиненія Николая рѣдко кому удается: нужны особыя усилія, чтобы достигнуть этой цѣли. Надобно имѣть подъ руками по меньшей мѣрѣ пять различныхъ изданій, въ которыхъ напечатаны сочиненія Николая, изданій, изъ которыхъ иныя очень рѣдки, другія малоизвѣстны. Даже на западѣ спеціалисты Византисты пишутъ о Николаѣ, не зная всѣхъ уже изданныхъ сочиненій епископа Метонскаго [56]). При такихъ научныхъ условіяхъ можно говорить о литературной дѣятельности Николая, не изъявляя притязаній сказать о немъ все то, чего онъ заслуживаетъ.

Въ своемъ мѣстѣ мы уже имѣли случай сказать, что Николай не имѣетъ біографіи: изъ его жизни мы почти ничего не знаемъ. Его біографію, притомъ очень большую, составляютъ его многочисленныя сочиненія, поставляющія его почти на ряду съ знаменитымъ патріархомъ Фотіемъ [57]).

Переходимъ къ обозрѣнію полемико-догматическихъ трудовъ Николая Метонскаго, къ каковому классу относятся почти всѣ богословскія произведенія Николая. Разумѣется, мы будемъ имѣть въ виду лишь тѣ сочиненія этого автора, которыя перестали быть достояніемъ архивовъ и напечатаны. Всѣ сочиненія Николая, какъ мы сказали, отвѣчаютъ живымъ потребностямъ современности. Они имѣютъ въ виду враговъ

---

[56]) Напр. Gass, написавшій артикулъ о Николаѣ въ энциклопедіи Герцога—Гаука (Band. X, 1882 г.), не зналъ о существованіи изданія многихъ сочиненій Николая, сдѣланнаго еще въ 60 хъ годахъ. Даже Дрэзеке не все могъ достать.

[57]) Проф. И. Е. Троицкаго. Ученые труды Андроника Димитракопула. Христ. Чт. 1873, т. III, 586.

вѣры наличныхъ и противъ нихъ обращаютъ свою рѣчь. Это весьма важная черта въ сочиненіяхъ разсматриваемаго писателя. Но нужно сознаться, не всегда точно и ясно можно судить, противъ кого именно направляется то или другое сочиненіе, по какому случаю оно написано, хотя несомнѣнно, что оно написано ради насущной потребности. Поэтому, мы прежде всего и скажемъ о такихъ догматико-полемическихъ произведеніяхъ Николая, которыя хотя и направляются противъ враговъ вѣры и суетныхъ совопросниковъ, но такихъ враговъ и совопросниковъ, которые не могутъ быть точно указаны въ исторіи: кто они были и къ какимъ цѣлямъ стремились.

Самое большое и самое капитальное сочиненіе Николая носитъ заглавіе: «Опроверженіе богословскаго наставленія Прокла, платоническаго философа, чтобы читающіе не увлеклись кажущеюся основательностію его (наставленія) и не соблазнялись въ разсужденіи истинной вѣры» [58]). Въ сочиненіи находимъ, какъ опроверженіе философскихъ положеній Прокла, языческаго философа V-го вѣка, такъ и раскрытіе положительныхъ истинъ вѣры христіанской. Изъ сочиненія, притомъ, открывается, что оно написано противъ современныхъ христіанъ, увлеченныхъ языческимъ мудрецомъ, но кто эти были современники, много-ли ихъ было, въ чемъ заключалось ихъ увлеченіе, какъ они заявляли о своемъ увлеченіи, устно или письменно— все вопросы, на которые дать опредѣленный отвѣтъ трудно. Лучшую характеристику этого сочиненія Николая даетъ Ульманнъ. Онъ говоритъ: «у Николая нѣтъ недостатка въ остроумныхъ и для его времени выразительныхъ мысляхъ. Церковныя воззрѣнія для

---

58) Refutatio institutionis theologicae Procli Platonici. Edidit Voemel. Francofurt. ad. M. 1825.

него единственное мѣрило и лучшее выраженіе истины. Однакожъ его философія представляетъ собою нѣчто болѣе живое, чѣмъ философія его современниковъ, и въ особенности ему нужно ставить въ заслугу то, что основанія догматовъ онъ ищетъ въ самомъ Писаніи. Главными вождями при изученіи догматовъ Николай выбираетъ Григорія Богослова и Діонисія Ареопагита. Въ раскрытіи ученія о Божествѣ, онъ беретъ ихъ въ образцы. Однако же по сравненію съ Ареопагитомъ, онъ отличается ясностію, простотою и опредѣленностію. Вообще у него изложеніе находится въ соотвѣтствіи съ подлежащими его разсмотрѣнію предметами, только, не смотря на его старанія, онъ не чуждъ повтореній» [59]). Какъ еще недостаточно изучено замѣчательнѣйшее произведеніе XII-го вѣка: «Опроверженіе богословскаго наставленія Прокла», это видно изъ тѣхъ разногласій, какія до послѣдняго времени слышались относительно даты происхожденія указаннаго произведенія. Первый (впрочемъ и единственный) издатель Николаева произведенія—Фёмель приводитъ мнѣніе одного ученаго XVII-го вѣка, который думалъ, что оно написано послѣ Флорентійскаго собора, т. е. въ XV-мъ вѣкѣ. Правда, онъ съ этимъ мнѣніемъ не соглашается, но зато и самъ не устанавливаетъ точной даты. Другой ученый Николаи (Nicolai) предполагалъ, что оно написано въ девятидесятыхъ годахъ XII-го вѣка. Новѣйшій изслѣдователь Николаевыхъ произведеній Дрэзеке полагаетъ, что оно написано въ 30-хъ г.г. того-же XII-го вѣка. Хотя въ самомъ сочиненіи Николая нельзя находить опредѣленнаго указанія на время появленія «опроверженія», но тѣмъ не менѣе дата Дрэзеке заслуживаетъ предпочтенія [60]).

---

59) Ullmann. S. 706.

60) Dräseke. Zu Nicolaos. S. 586—588. Излагать содержаніе этого сочиненія Николая, какъ и прочихъ, не станемъ, потому что содержаніе главнѣйшихъ изъ нихъ изложено уче-

По характеру и цѣли съ «Опроверженіемъ» сходно другое сочиненіе Николая подъ заглавіемъ «Богослов-

нымъ о. архим. Арсеніемъ на страницахъ Христ. Чтенія въ статьяхъ: «Николай Метонскій и его сочиненія». Содержаніе Николаева сочиненія «Опроверженіе» указаннымъ авторомъ обстоятельно изложено въ сейчасъ названномъ журналѣ, за 1882 г. т. II, стр. 165—175, 495—510.—Въ числѣ авторитетовъ, на которые ссылается въ разсматриваемомъ сочиненіи еписк. Метонскій, между прочимъ встрѣчаемъ «мудрѣйшаго мученика Евстратія» (p. 123). Кто такой этотъ Евстратій? Дрэзеке думаетъ, (S. 586—7), что здѣсь разумѣется младшій современникъ Николая, Евстратій, митрополитъ Никейскій. Но разумѣть этого Евстратія едва-ли можно. Хотя Анна Комнина (Alexiadis, lib. XVI. Migne, tom. 131, p. 1101) называетъ его «свѣдущимъ (σοφός) какъ въ божественной, такъ и мірской наукѣ и способнымъ къ діалектикѣ болѣе тѣхъ, кто учились въ Стоѣ и Академіи», однакоже по многимъ основаніямъ нужно отрицать, что будто Николай разумѣетъ именно этого Евстратія. Въ самомъ дѣлѣ: 1) Николай цитируетъ Евстратія тогда, когда ведетъ рѣчь о языческомъ политеизмѣ, а между тѣмъ въ извѣстныхъ намъ сочиненіяхъ Евстратія нѣтъ такихъ мѣстъ, гдѣ бы шла рѣчь о томъ же предметѣ; 2) епископъ Метонскій именуетъ Евстратія «мученикомъ», но Евстратій Никейскій хотя и былъ лишенъ за свои убѣжденія митрополичей каѳедры, тѣмъ не менѣе можетъ быть названъ мученикомъ только съ величайшей натяжкою, какъ и дѣлаетъ Дрэзеке; 3) изъ сочиненія Никиты Хоніата (писателя того же XII вѣка): Thesaurus видно, что Евстратій Никейскій не пользовался авторитетомъ въ церкви: въ указанномъ сочиненіи Никиты находимъ трактатъ (lib. 23), подъ заглавіемъ: de erroribus Eustratii Nicaeni mètropolitae. Гораздо справедливѣе мнѣніе о. арх. Арсенія (Хр. Чт., ibid. стр. 171), который въ Евстратіи, цитируемомъ у Николая, усматриваетъ св. мученика Евстратія († 320). Мнѣніе это можетъ быть подтверждено справкою въ Метафрастовомъ martyrium sancti Eustratii. Здѣсь между прочимъ раскрывается, какъ св. Евстратій опровергаетъ судью-политеиста ссылками на Платона, Аристотеля, Гермеса (Migne. Gr., tom. 116, p. 492); вообще о немъ, Евстратіи, въ этомъ сказаніи замѣчается, что всѣ удивлялись, «какъ онъ посрамилъ судію съ его богами» (p. 501). Такимъ образомъ открывается, что русскій ученый, о. Арсеній, несомнѣнно правильнѣе смотритъ на вопросъ о личности

скіе вопросы и отвѣты» [61]). Но оно не можетъ быть приписано въ цѣломъ его видѣ Николаю, такъ какъ часть этого сочиненія представляетъ буквальное заимствованіе изъ одного сочиненія палестинскаго писателя VII-го вѣка—пресвитера Θеодора. Предполагать-же плагіатъ со стороны такого умнаго писателя, какъ Николай, было-бы слишкомъ смѣло, а потому нужно ожидать болѣе точнаго изслѣдованія указаннаго сочиненія Николая, чтобы рѣшить вопросъ, какъ могло случиться, что сочиненіе писателя VII-го вѣка вошло въ трудъ съ именемъ Николая [62]).

Къ классу догматико-полемическихъ сочиненій Николая, относительно которыхъ трудно опредѣлить, противъ кого именно они направляются, можно отнести небольшое произведеніе Николая подъ заглавіемъ: «Великому доместику, вопрошавшему касательно Св. Духа: въ какомъ смыслѣ говорится, что Духъ Св. существенно (οὐσιωδῶς) вселился и обиталъ въ апостолахъ, и если Онъ точно такимъ-же образомъ обиталъ и во Христѣ, то почему и апостолы не называются Христами? А если не такъ (обиталъ въ апостолахъ, какъ во Христѣ), то въ чемъ различіе?» [63]) Ясно, что

Евстратія, чѣмъ Дрэзеке, усиленно старающійся отожествить Евстратія «мученика» съ Евстратіемъ Никейскимъ.—Во время чтенія корректуры настоящей книги я узналъ, что вышеуказаннаго мнѣнія Дрэзеке держится и проф. Успенскій («Богослов. и филос. движеніе въ Византіи»: журн. М. Нар. Пр. 1891, сент., стр. 153).

[61]) Nicolai Methonensis Anecdoti pars I et II. Edid. Voemel. Francof. 1825—1826. По мнѣнію архим. Арсенія, «Вопросы и отвѣты» по содержанію составляютъ часть «Опроверженія» (стр. 164). Содержаніе этого сочиненія этотъ авторъ впрочемъ не излагаетъ. Оно удовлетворительно изложено у Ullmann'a S. 705.

[62]) Dräseke, S. 573.

[63]) Bibliotheca ecclesiastica, continens Grecorum theologorum opera. Edidit A. Demetracopulus (Leipz., 1866). Сочиненіе Николая «Великому доместику», p. 199—218. У архим.

рѣчь обращена къ недоумѣвающему; но вслѣдствіе чего возникло недоумѣніе? есть ли оно результатъ совопросничества или скепсиса—рѣшить трудно. Въ такомъ-же родѣ встрѣчаемъ у Николая и еще нѣсколько сочиненій. Вотъ заглавія ихъ: 1) «Вопрошающему: есть-ли предѣлъ (ὅρος) жизни и смерти, и если есть, то какъ-же Богъ не есть виновникъ зла»? Изъ самаго Николаева трактата видно, что этому богослову кѣмъ-то представлено было письменное разсужденіе, въ которомъ неизвѣстный современникъ, разсматривая понятіе о свободѣ воли человѣческой, усматриваетъ въ этомъ какъ-бы ограниченіе Божества и т. д. Не остается сомнѣнія, что современникъ имѣлъ злой умыселъ поставить въ затрудненіе богослова XII-го вѣка; такой умыселъ могъ рождаться преимущественно въ умѣ скептическомъ. Но кто этотъ скептикъ? Одинъ-ли онъ былъ или такихъ было не мало—остается неяснымъ. 2) «Слово второе, доказывающее ту-же мысль (т. е. изслѣдующую тотъ-же вопросъ) на основаніи свидѣтельствъ Св. Писанія и обличающее приверженца безпредѣльности (ἀοριστίας) въ томъ, что онъ не хорошо пользуется нѣкоторыми изъ нихъ». Сторонникъ «безпредѣльности» утверждалъ, что судьба людей и скотовъ одинакова. 3) «Слово третье, обличающее нелѣпость предположенія о безпредѣльности чрезъ сведеніе его къ невозможности» (т. е. дающаго невозможные выводы) [66]).

Арсенія (Христ. Чт. 1883 г., т. I, стр. 14—21) въ прежде указанномъ сочиненіи часть этого Николаева трактата переведена буквально (р. 201—207), остальное передано съ значительными пропусками. Кстати нужно сказать, что о. Арсеній почти всегда сопровождаетъ свои извлеченія изъ Николая полезными примѣчаніями, которыхъ нѣтъ въ изданіи Димитракопула.

[66]) Bibliotheca ecclesiastica, p. 219—265. Всѣ эти сочиненія въ извлеченіи и краткомъ пересказѣ переданы о. Арсеніемъ (Хр. Чт. 1883, I, 347—355).

Другія догматико-полемическія сочиненія Николая направлены противъ опредѣленныхъ лжеученій, о которыхъ или ясно говорятъ самыя сочиненія или-же даютъ право догадываться объ этомъ.

Здѣсь мы прежде упомянемъ о такомъ сочиненіи Николая, которое раньше другихъ было издано и довольно долго оставалось единственнымъ напечатаннымъ его сочиненіемъ. Оно заглавляется такъ: «О тѣлѣ и крови Христовой, противъ тѣхъ, которые сомнѣваются: освященный (евхаристическій) хлѣбъ и вино суть-ли тѣло и кровь Господни»? [65]) Сочиненіе это по своему происхожденію можетъ быть относимо къ 40-мъ годамъ XII-го вѣка и направляется по всей вѣроятности противъ богомиловъ, какъ извѣстно совершенно отвергавшихъ и пресуществленіе даровъ и даже самую нужду причащенія [66]). Случаемъ побудившимъ Николая выступить на борьбу противъ богомиловъ, можно считать слѣдующее: въ 40-хъ годахъ патріархъ Константинопольскій Михаилъ осудилъ на соборѣ одного яраго богомила Нифонта, но слѣдующій патріархъ Константинопольскій Косьма не только снялъ осужденіе съ Нифонта, но и сдѣлался его искреннимъ другомъ. Само собой понятно, что исторія патріаршаго распоряженія Косьмы должна была заставить богомиловъ высоко поднять голову, къ ущербу для православныхъ. При такихъ-то обстоятельствахъ Николай и написалъ сочиненіе: «О тѣлѣ и крови Христовыхъ» [67]).

---

[65]) Migne Gr. tom. 135, p. 509—517. Единственное сочиненіе Николая, изданное Минемъ. У о. Арсенія анализа этого сочиненія нѣтъ. Впрочемъ содержаніе его ясно видно изъ самого заглавія. Отмѣтимъ одно: здѣсь, между прочимъ, высказывается мысль, что хлѣбъ и вино потому не превращаются въ настоящее тѣло и кровь, чтобы немощь человѣческая не отягчалась чрезмѣрною сверхъестественною дѣйствительностію.

[66]) См. выше изложеніе 27-го титула Панопліи.

[67]) Dräseke S. 583—584.

Догматико-полемическая литературная дѣятельность Николая достигаетъ особенно сильнаго развитія по поводу весьма шумнаго Византійскаго богословскаго спора при императорѣ Мануилѣ Комнинѣ по вопросу: «принесъ-ли Христосъ жертву за человѣчество только Богу Отцу и Святому Духу или-же вмѣстѣ съ тѣмъ и Самому Себѣ»? Епископъ Метонскій написалъ много сочиненій по этому вопросу, защищая мнѣніе, выраженное на Византійскихъ соборахъ того времени. Такихъ сочиненій сохранилось до насъ четыре. Болѣе важное изъ нихъ имѣетъ такое заглавіе: «Возраженіе на сочиненіе Сотириха, избраннаго въ Антіохійскаго патріарха, о словахъ: «ты еси приносяй и приносимый и пріемлемый» [68]). Слова эти, какъ извѣстно, читаются въ одной молитвѣ Василія Великаго на литургіи. Сотирихъ-же былъ однимъ изъ наиболѣе образованныхъ и рѣшительныхъ защитниковъ мнѣнія, что жертва Христова была принесена Богу Отцу, но не Сыну. Вѣроятно вслѣдъ за «Возраженіемъ» Николай выдалъ другое сочиненіе, посвященное тому-же спорному вопросу и озаглавляющееся: «Дополненіе (τὰ λείποντα) о божественной литургіи и о томъ, почему Христосъ называется: приносящій и приносимый, и пріемлемый и раздаваемый» (въ Евхаристіи). [69]) Сочиненіе это назначено было для императора Мануила, столь заинтересованнаго вышеуказаннымъ богословскимъ споромъ. Тому же императору и по тому-же

---

[68]) Bibliotheca ecclesiastica, p. 321—359. Сочиненіе это (за исключеніемъ нѣсколькихъ строчекъ, не имѣющихъ важности) переведено архим. Арсеніемъ въ его трудѣ—«о Николаѣ Меѳонскомъ». (Христ. Чт. 1883 г., I, 309—342).

[69]) Nicolai Methonae episcopi. Orationes duae. Edidit Demetracopulus, (Leipz, 1865) p. 46—72. У архим. Арсенія (Хр. Чт. 1883 г., I, 343—347) приводится нѣсколько выдержекъ изъ сочиненія «Дополненіе».

поводу Николай посвящаетъ еще сочиненіе: «Противъ хжеученія говорящихъ, что спасительная жертва за насъ приносится не Тріипостасному Божеству, но одному Отцу» (и пр.—заглавіе длинное)[70]). Сочиненіе это, впрочемъ, представляетъ немного новаго по сравненію съ трудомъ того-же Николая, подъ заглавіемъ: «Возраженіе на сочиненіе Сотириха»... Авторъ въ своемъ новомъ произведеніи повторяетъ часть разсужденій, нерѣдко буквально, заключавшихся въ сейчасъ упомянутомъ его сочиненіи[71]). — Къ этой-же серіи произведеній, вызванныхъ указаннымъ споромъ, какъ намъ кажется, слѣдуетъ относить и еще четвертое сочиненіе Николая, подъ заглавіемъ: «Къ соблазняющимся апостольскимъ реченіемъ: «когда-же все покорить Ему: тогда и Самъ Сынъ покорится Покорившему все Ему, да будетъ Богъ все во всемъ» (I Кор. XV. 28)[72]). Кажется, едвали можно сомнѣваться, что это сочиненіе написано противъ тѣхъ, кто держался воззрѣнія, что Сынъ Божій не приносилъ жертвы за человѣчество Самому Себѣ. Слѣдовательно, это есть звѣно принадлежащее къ исторіи спора: «о Приносящемъ и Приносимомъ[73]).

Николай Метонскій писалъ также противъ давнии-

---

[70]) Orationes duae p. 1—46. У архим. Арсенія объ этомъ сочиненіи только упоминается (ibid. I, 347); причина сейчасъ разъяснится.

[71]) Сличи: Orationes duae. p. 13 et cet. съ Bibliotheca ecclestiastica. p. 324 et cet. Здѣсь мы встрѣчаемъ однѣ и тѣ-же мысли, выраженныя почти одинаковыми словами, но только въ новомъ сочиненіи авторъ пишетъ короче и болѣе сжато. Начало разсматриваемаго сочиненія (p. 1 — 13), по видимому, составлено вновь.

[72]) Bibliotheca ecclesiastica, p. 293—320. У архим. Арсенія (Хр. Чт. 1883, 21—26) изъ этого сочиненія переведено нѣсколько небольшихъ отрывковъ.

[73]) Къ этой мысли склоняется и о. Арсеній. Ibid., 21.

няго, но всегда юнаго заблужденія римско-католическаго объ исхожденіи Духа Святаго. Изъ числа такихъ сочиненій Николая извѣстны два: одно подъ заглавіемъ: «Къ латинянамъ по вопросу о Духѣ Святомъ,— о томъ, что Онъ исходитъ отъ Отца, а не отъ Сына» (съ Отцемъ);[74]) другое—подъ заглавіемъ: «Обличенія по главамъ (κεφαλαιώδεις) новоявленнаго у латинянъ догмата, что Духъ Святый отъ Отца и Сына исходитъ»[75]). Оно расположено въ видѣ краткихъ главъ (числомъ 51); отчего, вѣроятно, и получилось самое заглавіе сочиненія. Оно очень похоже, даже до буквальности похоже, на одно Фотіево сочиненіе въ томъже родѣ[76]). Такъ какъ Николаю, человѣку ученому и умному, трудно приписывать плагіатъ, то возникаетъ вопросъ, какъ произошло такое явленіе, т. е. получилось сочиненіе, подъ которымъ едва-ли Николай могъ подписать свое имя[77]).

Дрэзеке, передавая нѣкоторыя свѣдѣнія о сочиненіяхъ Николая Метонскаго, справедливо говорилъ: «рука изыскателя можетъ еще и еще умножать число сочиненій Николая, но и теперь есть достаточныя основанія составлять ясное представленіе о интеллектуальномъ значеніи и литературномъ искусствѣ этого

---

74) Это сочиненіе издано грекомъ Симонидомъ въ Сборникѣ греческихъ православныхъ произведеній (Лондонъ, 1859). Но этотъ Сборникъ намъ неизвѣстенъ. О сочиненіи Николая: «Къ латинянамъ» сообщаетъ свѣдѣнія и о. Арсеній» (Христ. Чт. 1882, т. I, стр. 511—515), и Дрэзеке (S. 568).

75) Bibliotheca ecclesiastica, p. 359—380. У архим. Арсенія находимъ въ переводѣ нѣсколько отрывковъ изъ этого сочиненія (Христ. Чт. 1883, I, 11—14).

76) Какъ это указалъ еще Гергенрётеръ. Dräseke, 569. См. еще архим. Арсенія, стр. 11.

77) Дрэзеке сомнѣвается въ принадлежности этого сочиненія Николаю. Ibidem.

писателя. Однако-жь, эта необходимая научная работа еще только предстоитъ», заявляетъ онъ [78]).

3.—Византійская историческая литература изучаемаго періода была не скудна. Анна Комнина, Киннамъ, Никита Хоніатъ, Акрополитъ, Пахимеръ, Григора, Кантакузинъ ревностно трудились надъ изученіемъ исторіи, по крайней мѣрѣ своего времени, и оставили послѣ себя историческія сочиненія не одинаковаго достоинства, но несомнѣнно важныя по своему значенію въ наукѣ. Не столь счастлива была въ эти же времена собственно церковная исторія. Изученіемъ ея занимались очень не много. По крайней мѣрѣ до насъ сохранился лишь одинъ цѣнный трудъ въ этомъ родѣ, не смотря на то, что разсматриваемый нами періодъ обнимаетъ нѣсколько вѣковъ. Говоримъ о «Церковной Исторіи» Никифора Каллиста Ксанѳопула, писателя XIV вѣка. Кто былъ этотъ Никифоръ Каллистъ, къ сожалѣнію, мы мало знаемъ. Не только не сохранилось точныхъ свѣдѣній относи-

[78]) Dräseke, S. 578. Этому Николаю Метонскому приписывается и еще много сочиненій (не изданныхъ), но Дрэзеке склоненъ считать авторомъ ихъ другаго Николая Метонскаго. Замѣчательнѣйшимъ между этими сочиненіями нужно признать: «Шестнадцать книгъ противъ Прокла философа». Относительно этого сочиненія Дрэзеке рѣшительно утверждаетъ, что оно не нашего Николая, а другаго. Почему, спрашиваетъ онъ, второй Николай Метонскій не могъ написать этого сочиненія? Развѣ нельзя принимать, что «слава его великаго предшественника лишала его сна» —и онъ взялся за туже тему, какую обработывалъ его предшественникъ (S. 570—572).—Въ русской литературѣ, кромѣ о. архим. Арсенія, писавшаго о знаменитомъ Николаѣ Метонскомъ, объ этомъ же лицѣ можно находить нѣкоторыя свѣдѣнія у проф. Васильевскаго («Николая Меѳонскаго—житіе Мелетія Новаго». Палестин. Сборникъ, по общему счету, вып. 17, стр. II—IV), но эти свѣдѣнія нельзя ни признать устарѣлыми и недостаточными.

тельно его жизни (за исключеніемъ того немногаго, что находится въ «Исторіи» этого автора), но даже не опредѣлено: какое общественное положеніе занималъ Никифоръ. Западные ученые обыкновенно называютъ его монахомъ, но для этого нѣтъ твердыхъ основаній. Вѣроятнѣе предполагать, что Никифоръ былъ клирикомъ при знаменитомъ Софійскомъ храмѣ въ Константинополѣ. Самъ онъ даетъ знать, что онъ съ юныхъ лѣтъ пребывалъ при вышеуказанномъ храмѣ [79]); изъ этого можно заключать, что онъ былъ клирикомъ, но въ чемъ именно заключались его обязанности, остался-ли онъ на всю жизнь въ этомъ положеніи—ничего неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ Никифоръ Каллистъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ лицъ своего времени. Если это и былъ клирикъ, то клирикъ замѣчательныхъ способностей и рѣдкихъ познаній. Кромѣ обширнаго труда «Церковная Исторія» онъ написалъ большое число разнообразныхъ сочиненій. Онъ писалъ рѣчи церковнаго характера и проповѣди, толкованія на книги Св. Писанія, жизнеописанія нѣкоторыхъ святыхъ, составлялъ церковныя пѣсни (тропари), схоліи или толкованія на творенія отеческія (напр., Григорія Богослова), обладалъ поэтическимъ даромъ (сочинялъ ямбы), составлялъ руководства по риторикѣ. Большая часть сочиненій Никифора остается неизданною, а нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны только по заглавіямъ [80]). Видно, что Никифоръ принадлежалъ къ числу про-

---

[79]) Nicephori Callisti. Ecclesiastica Historia, lib. I, cap. I, p. 609. Migne, Patrol. Gr. tom. 145. Вся Церковная Исторія Никифора напечатана у того-же Миня въ 145—147 томахъ. Наши цитаты будемъ дѣлать по этому изданію.

[80]) Notitia ex Fabricio. Migne, tom. 145 p. 548 — 558. Кромѣ «Церковной Исторіи» нѣкоторыя сочиненія Каллиста отпечатаны въ 147 томѣ Миня.

свѣщеннѣйшихъ богослововъ своего времени. Болѣе точнымъ образомъ касательно Никифора еще знаемъ лишь то, когда жилъ этотъ историкъ. Онъ жилъ во времена правленія Византійскою имперіею Андроника II-го, именуемаго Старшимъ, Палеолога (1282—1328). Этому императору онъ и посвящаетъ свой трудъ [81]). Изъ «посвященія», приложеннаго къ самой «Церковной Исторіи», видно, что когда законченъ былъ этотъ трудъ, Андроникъ уже достигъ престарѣлаго возраста [82]). Значитъ Церковная Исторія написана въ концѣ царствованія Андроника. Но самъ авторъ историческаго труда въ это время былъ еще человѣкомъ цвѣтущаго возраста: ему не исполнилось и тридцати шести лѣтъ [83]). Сколь долго жилъ послѣ этого Никифоръ — точныхъ свѣдѣній нѣтъ. На этотъ счетъ можно дѣлать однѣ догадки. Кромѣ «Церковной Исторіи», Каллистъ составилъ «Каталогъ патріарховъ Константинопольскихъ» до своего времени (объ этомъ каталогѣ скажемъ нѣсколько словъ ниже). Такъ какъ въ нѣкоторыхъ спискахъ этого каталога на послѣднемъ мѣстѣ поставлается имя патріарха Каллиста (1350—1354 г., первое его патріаршество [84]), то полагаютъ, что Никифоръ дожилъ до царствованія Іоанна Кантакузина, до пятидесятыхъ годовъ XIV вѣка. Многочисленность сочиненій Каллиста также можетъ отчасти свидѣтельствовать, что жизнь его была продолжительна и простиралась на многіе годы послѣ того, какъ

---

81) Allocutio encomiastica ad imperatorem (Andronicum). Migne, tom. 145, p. 561—601.

82) Ibidem, p. 588—589.

83) Ecclesiastica Historia, lib. I, cap. 1 (finis).

84) Нужно сказать, что каталогъ Никифора, напечатанный у Миня (t. 147), простирается лишь до втораго патріаршества Аѳанасія (до начала XIV вѣка), но извѣстенъ и такой экземпляръ этого каталога, который доходитъ до патр. Каллиста (Migne, t. 145 p. 551—552).

онъ написалъ главный трудъ «Церковную Исторію». Къ этимъ біографическимъ свѣдѣніямъ можно прибавить еще очень немного. Сочиненіемъ «Исторіи» авторъ, по его собственнымъ словамъ, занимался съ самыхъ юныхъ лѣтъ, главную помощь его дѣлу оказала библіотека Софійскаго храма въ Константинополѣ, славившаяся богатствомъ рукописей [85]).

Разсмотримъ историческій трудъ Никифора. Въ началѣ своего сочиненія авторъ говоритъ о пользѣ и значеніи исторіи вообще, церковной въ особенности, о побужденіяхъ и цѣли труда и начертываетъ конспектъ его. Всѣ эти предварительныя замѣчанія автора любопытны. Вотъ что раскрывается въ нихъ: «Дѣло не незначительное, немалое, а напротивъ заслуживающее хвалы и почтенія, разсуждаетъ Никифоръ, когда кто берется въ порядкѣ разсказывать свѣтскую исторію, принося тѣмъ пользу на будущее время. Еще лучше запетлѣвать въ литературныхъ памятникахъ предметы священные, церковно-историческіе и такимъ образомъ для каждаго дѣлать доступнымъ спасительное ученіе. Вообще историки заслуживаютъ великой благодарности, такъ какъ они не замыкаются въ самихъ себѣ со всѣмъ тѣмъ, что они знаютъ полезнаго и достойнаго удивленія въ событіяхъ прошедшаго, но хотятъ чрезъ свое знаніе оказать пользу и другимъ, они являются какъ-бы служителями Провидѣнія, разрозненное и разнообразное они сводятъ къ одному цѣлому и такимъ образомъ какъ-бы собираютъ общественную сокровищницу. Изъ этой-то сокровищницы каждый можетъ заимствовать нужные для него примѣры: изъ заблужденій, допущенныхъ другими, можно научаться, какъ слѣдуетъ правильно располагать своими дѣйствіями, а примѣромъ дѣй-

---

85) Eccles. Historia, lib. 1, cap. I, p. 609.

ствій и добродѣтелей лицъ, шедшихъ путемъ правымъ, мы научаемся подражать доброму. И если на совѣщаніяхъ мнѣнія старшихъ уважаются, принимая во вниманіе важность многолѣтняго опыта, и если говорятъ: древность почтенна, то и исторія имѣетъ тѣ-же качества, въ особенности церковная. Эта послѣдняя осуждаетъ и порицаетъ всѣ заблужденія и преступленія, осуждаетъ и казнитъ злыхъ и нечестивыхъ, напротивъ мужей, которые, принадлежа къ христіанской религіи, ознаменовали себя добродѣтелями и благочестіемъ, украшаетъ высокими хвалами, какъ-бы вѣнцами. Этимъ она дѣйствуетъ на потомковъ и побуждаетъ примѣромъ совершонныхъ благочестивыхъ дѣлъ соревновать мужамъ святымъ. Поэтому, заслуживаютъ похвалы, пишетъ историкъ, тѣ, кто принимали на себя задачу въ видахъ пользы описывать церковную исторію» [86]). Нельзя не сознаться, эти разсужденія Никифора для нашего времени могутъ казаться очень обыкновенными. Тѣмъ не менѣе воззрѣнія историка заслуживаютъ вниманія: они по крайней мѣрѣ показываютъ, что онъ писалъ исторію, руководясь опредѣленными мотивами, чего далеко нельзя утверждать относительно многихъ церковныхъ историковъ болѣе древняго времени.

Вслѣдъ за тѣмъ Никифоръ Каллистъ дѣлаетъ краткіе отзывы о церковно-историческихъ трудахъ его предшественниковъ — Евсевія, Сократа, Созомена, Ѳеодорита, Евагрія. Эти отзывы обнаруживаютъ въ Никифорѣ довольно тонкаго цѣнителя церковно-исторической литературы. Онъ пишетъ: «я думаю, что не всѣ церковно-историческія сочиненія моихъ предшественниковъ служатъ къ общей пользѣ. Ибо нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ не во всемъ держались

---

[86]) Eccles. Historia, lib. I, cap. 1, p. 604—605.

здраваго церковнаго ученія, и потому во многихъ случаяхъ не могутъ быть признаваемы достовѣрными свидѣтелями; даже и правильность ихъ церковнаго ученія, въ виду заблужденій, какія у нихъ были, подвергается сомнѣнію». Замѣтимъ, что здѣсь, вѣроятно, идетъ рѣчь объ Евсевіи и Сократѣ. «Нѣкоторые изъ историковъ, продолжаетъ Никифоръ, отпадая отъ истинной вѣры, хотя потомъ и возвращались на правый путь, однакожъ изъ нерасположенія къ тѣмъ, отъ кого они отдѣлялись, многое въ своихъ сочиненіяхъ опустили, обошли молчаніемъ, и вслѣдствіе этого не находятъ у своихъ читателей твердой вѣры въ ихъ авторитетъ, не смотря на то, что отличались краснорѣчіемъ и глубиною мысли, и не смотря на то, что они, ради своей пламенной любви ко Христу, причисляются къ исповѣдникамъ». Повидимому, Никифоръ здѣсь говоритъ преимущественно о Ѳеодоритѣ, принадлежавшемъ нѣкоторое время къ Несторіанству, но потомъ утвердившемся въ православіи и перенесшемъ преслѣдованіе за истину, и написавшемъ исторію, въ которой, вслѣдствіе своихъ симпатій и антипатій, онъ опустилъ очень многое. Въ частности о каждомъ изъ древнихъ церковныхъ историковъ Никифоръ Каллистъ дѣлаетъ такіе отзывы: «Евсевій Памфилъ разсказываетъ въ своей исторіи то, что происходило въ церкви отъ временъ Христа до Константина Великаго включительно, но въ исторіи его дается чувствовать объ его ереси, т. е. аріанской, хотя нужно сказать, что нѣкоторые считаютъ его православнымъ на томъ основаніи, что онъ присутствовалъ на первомъ вселенскомъ соборѣ, призналъ единосущіе и выразилъ осужденіе на тѣхъ, кто признавали Сына Божія тварію. Созоменъ, Ѳеодоритъ, который оспаривалъ третій вселенскій соборъ, богоненавистный Филосторій (аріанинъ), Сократъ, чистый по имени,

но не по внутреннимъ расположеніямъ (здѣсь намекается, что Сократъ, будто-бы, принадлежалъ къ сектѣ Новаціанъ, называвшихъ себя — чистыми) — всѣ они началомъ для своей исторіи приняли конецъ церковной исторіи Евсевія и продолжали повѣствованіе до времени Ѳеодосія Младшаго. Они выбрали для своего разсказа, ужъ не знаю почему, одни и тѣ-же предметы и времена. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ они отступаютъ одинъ отъ другаго и каждый разсказываетъ споры епископовъ такъ, какъ они ему представлялись; у каждаго изъ нихъ много новаго, о чемъ не разсказывали другіе изъ числа ихъ. Вслѣдъ за этими историками занимались составленіемъ историческихъ трудовъ Ѳеодоръ Чтецъ изъ Византіи и Евагрій [87]), которые, оставивъ безъ вниманія времена прежнія, разсказывали событія своего времени и вѣроятно страшились трудности описывать цѣлую исторію». Въ заключеніе рѣчи о своихъ предшественникахъ, Никифоръ дѣлаетъ еще такое замѣчаніе: «всѣ они разсказываютъ много такого, что несообразно съ цѣлями историческими и напротивъ проходятъ молчаніемъ много важнаго: случалось это или отъ того, что историки были пристрастны или боялись разсказывать о всемъ, такъ какъ пришлось-бы разсказывать и недостойное о комъ-либо; вслѣдствіе того, они не могли писать съ той свободою, съ какой можно писать о дѣлахъ протекшихъ въ настоящее время (XIV в.). Такой-то свободой я и воспользуюсь въ своемъ трудѣ» [88]), заявляетъ о себѣ историкъ. Изъ этихъ отзывовъ и замѣчаній Каллиста о

---

[87]) О церковныхъ историкахъ, — упоминаемыхъ Никифоромъ,—Евсевіи, Сократѣ, Созоменѣ, Ѳеодоритѣ и др. можно читать въ моемъ сочиненіи: «Греч. церков. историки IV—VI вѣковъ» (М. 1890).

[88]) Cap. I, p. 605—608.

церковно-исторической литературѣ прежняго времени видно, что онъ принимался за свое дѣло очень серьезно и былъ достаточно подготовленъ къ нему.

Послѣ характеристики церковной исторіографіи Каллистъ описываетъ задачу и объемъ своего предначертываемаго труда. «Всѣ церковные историки, взятые вмѣстѣ, изображали исторію церкви за первые шесть вѣковъ (не полныхъ), но до сихъ поръ никому еще не пришло на мысль описать церковныя событія послѣдующихъ вѣковъ и притомъ такъ, чтобы и предыдущія событія связать съ ними, составивъ изъ разсказа о тѣхъ и другихъ одно цѣлое сочиненіе. Я не понимаю отъ чего это случилось: отъ косности-ли духа или отъ того, что задача казалась слишкомъ великою и трудною. И въ самомъ дѣлѣ, историческіе факты разсѣяны въ очень многихъ и различныхъ сочиненіяхъ, такъ что не легко изучить ихъ и удержать въ памяти. И вотъ я, замѣчаетъ о себѣ историкъ, употребилъ много времени и много труда, чтобы познакомиться со всѣми этими матеріалами и на основаніи ихъ обработать исторію каѳолической церкви въ одномъ сочиненіи. И первѣе всего: что разсказано историками прежде меня, то и я перескажу, но своимъ языкомъ; излишнее и безполезное у нихъ выпущу я, а необходимому и полезному дамъ соотвѣтствующее мѣсто; чего въ ихъ сочиненіяхъ не достаетъ—пополню, примѣченное однимъ и выпущенное другимъ занесу на страницы своей исторіи. Я приму на себя задачу различныя религіозныя ихъ мнѣнія оцѣнить сообразно той нормѣ, которая установилась въ церкви: неподлинному и ложному противопоставлю правильное и здравое ученіе. Къ этому разсказу изъ древнихъ историковъ—заявляетъ авторъ—я присоединю разсказъ о событіяхъ еще никѣмъ не описанныхъ и доведу исторію до *нашего вѣка*. Я

надѣюсь, что моя исторія будетъ полезна для читателя, изъ нея, какъ изъ обильнаго источника, каждый можетъ почерпать нужное. Въ настоящее время очень трудно добывать столь многія церковно-историческія сочиненія, если хотимъ ознакомиться съ церковной исторіей. Различіе стиля и количество книгъ историческихъ дѣлаютъ неудобнымъ ихъ чтеніе. Иное дѣло—одно сочиненіе, написанное однимъ стилемъ и въ одномъ тонѣ, каково именно и будетъ мое сочиненіе; его будетъ легко читать и притомъ оно будетъ представлять собою связное, упорядоченное цѣлое. Я думаю, что моя исторія настолько-же будетъ превосходить другія, насколько цѣлое важнѣе части, насколько полное сочиненіе преимуществуетъ предъ отрывочными [89])».

Хотя Никифоръ ясно высказывалъ намѣреніе написать церковную исторію до своего времени, но такой полной исторіи этого автора не существуетъ. До насъ дошло описаніе Никифоромъ церковныхъ событій, простирающееся до смерти Византійскаго императора Фоки (начало VII-го вѣка) въ XVIII книгахъ. Было-ли написано Никифоромъ еще что-либо въ видѣ продолженія указаннаго труда—неизвѣстно. Одно обстоятельство могло-бы склонять къ мысли, что Никифоръ продолжилъ свой трудъ, но это обстоятельство, какъ увидимъ, сомнительнаго значенія и не можетъ проливать настоящаго свѣта на вопросъ. Нужно сказать, что для большей ясности пониманія содержащагося въ XVIII книгахъ его исторіи, Никифоръ приложилъ конспектъ этого содержанія. Но кромѣ этого конспекта сохранился еще другой конспектъ, заключающій перечень содержанія дальнѣйшихъ книгъ той-же исторіи, именно: XIX—

---

[89]) Cap. I, p. 609.

XXIII книги,—до смерти императора Льва Мудраго (начало X-го вѣка). Возникаетъ вопросъ: не написалъ-ли Никифоръ продолженія своего сочиненія (по крайней мѣрѣ до X-го вѣка),—продолженія, которое потомъ затерялось? На этотъ вопросъ, впрочемъ, едва-ли можно давать другой отвѣтъ, кромѣ отрицательнаго. Издатели церковной исторіи Никифора сомнѣваются въ томъ, чтобы указанный добавочный конспектъ произошелъ отъ самого историка XIV вѣка [90]). Никифоръ Каллистъ самъ даетъ руководящую нить, при пособіи которой легко опредѣляемъ, что именно написано этимъ авторомъ: во первыхъ, онъ оставилъ ясный конспектъ, изъ котораго открывается, что онъ дѣйствительно написалъ XVIII книгъ; во вторыхъ, какъ-бы во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, историкъ снабдилъ свои XVIII книгъ акростихомъ. Если мы прочтемъ первыя буквы этихъ XVIII-ти книгъ его исторіи, то получимъ и имя автора и указаніе на число книгъ написанныхъ этимъ авторомъ: Νικηφόρου Καλλίστου=18 буквамъ обозначающимъ объемъ сочиненія въ книгахъ [91]). Въ виду этого, второй конспектъ нужно признать какою-то неразгаданною случайностію. Тѣмъ не менѣе остается открытымъ вопросъ, почему Никифоръ, написавшій извѣстныя намъ XVIII книгъ въ цвѣтущемъ возрастѣ и дожившій до преклонныхъ лѣтъ, не довелъ до конца или по крайней мѣрѣ не продолжилъ своего труда?

Скажемъ о качествахъ и достоинствахъ Церковной Исторіи Никифора Каллиста. Значеніе исторіи Никифора опредѣляется не тѣмъ, что онъ былъ продолжателемъ своихъ предшественниковъ: какъ продолжа-

---

[90]) Издатели предъ вторымъ конспектомъ дѣлаютъ замѣтку: «конспектъ пяти послѣднихъ книгъ (XIX — XXIII), кажется, принадлежитъ другому автору». Migne, ibid., p. 617.

[91]) Eccles. Historia, cap. I, p. 620.

тель ихъ описаній онъ сдѣлалъ весьма немногое,— но иными сторонами и главнымъ образомъ универсальностію его историческаго плана. Именно, изъ трудовъ предшественниковъ, описавшихъ лишь отдѣльные краткіе періоды церковно-исторической жизни, онъ захотѣлъ составить одно цѣлое, непрерывное историческое повѣствованіе, связанное единствомъ плана, стиля, тона; вслѣдствіе этого трудъ Никифора долженъ былъ подчинить себѣ труды предшествующихъ историковъ въ качествѣ простыхъ матеріаловъ. Онъ предпринимаетъ начертать полную исторію, сочиненіе монументальное, о какомъ еще до сихъ поръ никто не думалъ. Не смотря на то, что исторія Каллиста весьма далека отъ законченности, въ ней впервые высказывается идея о необходимости общей исторіи такого рода, которая обхватывала-бы собою все предыдущее теченіе каѳолической церкви. Стремленіе это, какъ само по себѣ понятно, должно было породить для историка такія задачи, какихъ не знали историки временъ прежнихъ. Надлежало разсказы этихъ давнихъ историковъ, описывавшихъ болѣе или менѣе краткіе періоды, а потому естественно дававшихъ слишкомъ много мѣста частностямъ и подробностямъ,—надлежало разсказы ихъ въ иномъ случаѣ укоротить, иное, что мало относилось къ дѣлу, и вовсе выкинуть; и вообще частное и разрозненное подчинить единству цѣлаго сообразно той общей точкѣ зрѣнія, какую нужно было провести въ трудѣ. Въ этой то собственно ломкѣ стараго зданія съ цѣлію воздвигнуть новое, болѣе изящное и гармоническое, и состоитъ интересъ Каллистовой исторіи [92]).

Изложеніе исторіи Никифоромъ отличается, по

---

[92]) Baur. Die Epochen der kirchl. Geschichtschreibung, S. 33—34 (Tübing. 1852).

общему мнѣнію, многими достоинствами. Не смотря на растянутость и многословіе по мѣстамъ, оно признается изящнымъ и исполненнымъ литературнаго вкуса. Въ свое время Никифора называли «церковнымъ Ѳукидидомъ». Такъ какъ Каллистъ составлялъ свою исторію на основаніи готовыхъ трудовъ, то конечно она носитъ компилятивный характеръ. Интересно было-бы знать, въ какой мѣрѣ и какъ переработанъ Никифоромъ имѣвшійся въ его распоряженіи матеріалъ? Но за такой трудъ еще никто не принимался въ средѣ ученыхъ: отчасти это можно объяснить сложностію требующагося труда: исторія Никифора занимаетъ въ изданіи Миня около двухъ томовъ,—а отчасти опасеніемъ малоплодности работы... Впрочемъ попытки сличенія нѣкоторыхъ отдѣловъ этого сочиненія съ соотвѣтствующими источниками уже встрѣчались въ наукѣ, и нужно сказать, что эти попытки даютъ свидѣтельство о большой тщательности Никифора при исполненіи имъ своего дѣла. Мы разумѣемъ собственно попытку нѣмецкаго ученаго Іеепа [93]). Что касается правильности историческихъ воззрѣній и сужденій разсматриваемаго греческаго автора, его умѣнья отличать истинное отъ

---

[93]) Названный ученый взялъ на себя трудъ сравнить тринадцатую книгу Никифора съ источниками и даетъ возможность приходить къ выводу, что компиляція историка носитъ сложный, а потому не легкій трудъ. Напр., для 24-й главы этой книги Каллистъ беретъ матеріалы изъ слѣдующихъ источниковъ: сначала изъ «Жизни» Златоуста, написанной патріархомъ Георгіемъ Александрійскимъ, затѣмъ изъ Созомена, потомъ опять изъ Георгія, затѣмъ изъ Палладія, жизнеописателя Златоуста, и Георгія, потомъ опять изъ Созомена, наконецъ изъ «Жизни» св. Олимпіады, написанной отъ нѣкоей Сергіи. — Jeep. Quellenuntersuchungen zu den Kirchenhistorikern, s. 98 — 105. (Приведенное мѣсто: s. 104) Leipzig, 1884.

неистиннаго и быть достовѣрнымъ повѣствователемъ, то его иногда въ этомъ отношеніи ставили очень не высоко; его обзывали именемъ «Плинія теологовъ»[94]). Но подобный приговоръ черезчуръ жестокъ. То правда, что Баронiй, при разныхъ случаяхъ, указываетъ много примѣровъ ошибокъ у Никифора, зависящихъ отъ его легковѣрія. Тѣмъ не менѣе ставить очень низко способность нашего автора къ изученію исторіи—нѣтъ основаній. И въ настоящее время на защиту достовѣрности и историческихъ способностей Никифора выступаютъ даже такіе ученые, которые вообще не склонны хвалить разсматриваемаго историка [95]). Случается даже, что иной цѣнитель Никифора готовъ бываетъ преувеличивать достоинства того-же писателя [96]). Въ числѣ характеристическихъ чертъ разбираемой исторіи не послѣднее мѣсто занимаетъ то, что Каллистъ въ своемъ трудѣ носитъ слѣды того отчужденія, какое утвердилось между восточною и западною церковію въ то время, когда писалъ авторъ. Такъ Каллистъ есть по преимуществу историкъ церкви греческой и ея судебъ, вслѣдствіе этого онъ оставляетъ почти совсѣмъ въ сторонѣ исторію церкви римской. Упоминая о самыхъ незначительныхъ представителяхъ ереси монофизитской на Востокѣ, онъ проходитъ полнымъ молчаніемъ извѣстные споры Пелагіанскіе на Западѣ. Это отчасти зависѣло отъ того, что языкъ латинскій и литература этого языка совершенно не изучались на Востокѣ: латинскій языкъ и западная ересь представлялись грекамъ почти синонимами [97]). Для историка восточной церкви исто-

---

[94]) Notitia ex Fabricio. Migne. tom. 145, p. 549.

[95]) Gass. Nicephorus Callist: Herzog-Hauck. Encykl. B. X, s. 538.

[96]) Stäudlin. Geschichte der Kirchengeschichte, s. 124. Hannov. 1827.

[97]) Vast. Le cardinal Bessarion, p. 18. (Paris, 1878).

рія Никифора важна въ двоякомъ отношеніи: съ одной стороны Каллистъ слѣдитъ не за одними внѣшними отношеніями церкви, но и обращаетъ особенное вниманіе на догму, на догматическіе споры, на исторію іерархіи; съ другой стороны онъ довольно сохранилъ цѣнныхъ свѣдѣній изъ V-го и VI-го вѣка, въ особенности изъ эпохи царствованій Юстина и Юстиніана у него много такихъ свѣдѣній, какихъ не встрѣчается у другихъ историковъ.

Если въ настоящее время ученый міръ и любители духовнаго просвѣщенія имѣютъ удовольствіе читать и изучать исторію Никифора Каллиста, то этимъ они обязаны счастливой случайности. Дѣло въ томъ, что «исторія» Никифора сохранилась въ одномъ и единственномъ рукописномъ экземплярѣ, который находился въ первое время въ одной венгерской библіотекѣ, но и этотъ экземпляръ чуть не сдѣлался жертвой варварства: Турецкія войска, опустошившія Венгрію при Матѳеѣ Корвинѣ, въ числѣ добычи захватили и рукописный кодексъ исторіи Никифора и отправили его для продажи въ Константинополь; къ счастію, здѣсь его купилъ какой-то христіанинъ. Въ настоящее время кодексъ хранится въ императорской Вѣнской библіотекѣ [98]).

Кромѣ «Церковной Исторіи» Никифоръ составилъ сочиненія руководственныя при изученіи исторіи— два каталога: Византійскихъ императоровъ и Византійскихъ-же патріарховъ—до своего времени. Каталогъ императоровъ начинается Константиномъ Великимъ и оканчивается Андроникомъ III или Младшимъ и изложенъ въ ямбическихъ стихахъ [99]). Каталогъ

---

[98]) Notitia ex Fabricio. Migne, tom. 145, p. 549.

[99]) Ibidem, p. 551. Самый каталогъ императоровъ, впрочемъ, намъ неизвѣстенъ.

патріарховъ Константинопольскихъ начинается св. апостоломъ Андреемъ, котораго Византійцы считали своимъ первымъ епископомъ, и оканчивается, какъ упомянуто выше, вторымъ патріаршествомъ Аѳанасія [100]). Написанъ тоже ямбами. Этотъ каталогъ не есть простой перечень именъ и хронологическихъ датъ; въ немъ сообщаются краткія свѣдѣнія о патріархахъ и дѣлаются попытки характеризовать ихъ. Къ сожалѣнію, характеристики патріарховъ, составленныя историкомъ на основаніи личныхъ наблюденій или живаго преданія, по нашему мнѣнію, не отличаются историческою точностію. Такъ, напр., патр. Аѳанасія, котораго онъ могъ лично знать, Никифоръ характеризуетъ какъ человѣка, котораго народъ за деспотизмъ лишилъ каѳедры—характеристика едва-ли справедливая; другаго патріарха, извѣстнаго съ именемъ Іоанна Созопольскаго, о которомъ нашъ историкъ могъ имѣть точныя свѣдѣнія, онъ чрезмѣрно похваляетъ, признавая его «миролюбивѣйшимъ и кротчайшимъ» и именуя его «Божіимъ человѣкомъ», а между тѣмъ по извѣстіямъ другихъ историковъ, обстоятельно изобразившихъ его, Іоаннъ былъ совсѣмъ не таковъ. Во всякомъ случаѣ каталогъ патріарховъ, составленный Никифоромъ, пользуется нѣкоторымъ значеніемъ въ церковно-исторической наукѣ [101]).

4.—Считаемъ нужнымъ обозрѣть еще одинъ видъ церковной литературы и послѣдній.

---

[100]) Этимъ патріархомъ заканчивается, по крайней мѣрѣ, тотъ каталогъ патріарховъ, который отпечатанъ у Миня (tom. 147, p. 450—468). У Миня изданъ каталогъ этотъ съ обстоятельными примѣчаніями Бандурія (p. 469 et cet).

[101]) О Никифорѣ Каллистѣ мы говоримъ съ подробностями, которыя могутъ показаться излишними, но нужно знать, что въ русской литературѣ нигдѣ нельзя находить никакихъ свѣдѣній объ этомъ важномъ церковномъ историкѣ.

Нѣкоторые талантливые богословы изучаемой нами эпохи съ особенною чуткостію отзывались на потребности времени; ясно видѣли нравственные недуги современныхъ христіанъ и хотѣли врачевать эти недуги; раскрывали идеалы христіанской жизни и указывали пути, которыми слѣдуетъ идти къ достиженію такихъ идеаловъ. Словомъ, мы хотимъ сказать о богословахъ-практикахъ по преимуществу. Сочиненія ихъ относятся къ той области знанія, которая называется христіанской аскетикой.

Видное мѣсто между богословами-практиками занимаетъ Евстаѳій митрополитъ Ѳессалоникскій, XII-го вѣка [102]).

Жизнь Евстаѳія падаетъ на слѣдующія царствованія: Мануила Комнина, Андроника Комнина и Исаака Ангела. Онъ сначала былъ простымъ монахомъ, затѣмъ исполнялъ должность діакона въ Софійскомъ храмѣ въ Константинополѣ и проходилъ должность учителя краснорѣчія. Въ 1174 году онъ сдѣланъ былъ митрополитомъ Ѳессалоникскимъ. Евстаѳія называютъ: «интересною и достойною уваженія личностію», и думаютъ, что въ Византійской имперіи, когда жилъ онъ, едва-ли можно указать другаго кого, кто равнялся бы съ Евстаѳіемъ по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ [103]). Современники высоко

---

[102]) Объ Евстаѳіи нѣтъ нужды говорить подробно, такъ какъ и его личность и его сочиненія обстоятельно разсмотрѣны въ нашей литературѣ, въ слѣдующихъ статьяхъ: Архим. Арсенія (Евстаѳій, митр. Солунскій. «Духовн. Вѣстн.», 1866, т. 15. Намъ, впрочемъ, извѣстна только вторая половина статей почтеннаго изслѣдователя) и г. Говорова (Евстаѳій, митр. Солунскій, писатель XII в. «Прав. Собесѣд.», 1883, ч. I—III). Въ иностранной литературѣ личность и труды Евстаѳія лучше всего, кажется, изображены Неандеромъ (Neander. Wissenschatliche Abhandlungen, s. 6—21. Berlin, 1851).

[103]) Herzog-Hauck. Encykl. B. V, Art. Eustathius (Gasba).

ставили Евстаѳія. Такъ Михаилъ Акоминатъ, митрополитъ Аѳинскій XII-го вѣка, человѣкъ очень образованный, въ такихъ словахъ описывалъ смерть Евстаѳія: «Увы, совершилось печальное для всего міра событіе. Пересталъ существовать одинъ свѣтильникъ житія, одинъ пламенникъ слова, одинъ великій свѣтъ міра, одинъ солнечный лучъ, озарявшій наше священство» [104]). Евстаѳій умеръ въ 1194 году или нѣсколько позже.

Ознакомится съ нѣкоторыми наиболѣе интересными его сочиненіями. Прежде всего отъ него сохранилось до насъ небольшое, но любопытное сочиненіе подъ заглавіемъ: «О лицемѣріи» (De simulatione). Лицемѣріе, на ряду съ нѣкоторыми другими національными пороками, было однимъ изъ тяжкихъ золъ, отличавшихъ современниковъ Ѳессалоникскаго архипастыря. Больше всего и сильнѣе всего это зло, къ сожалѣнію, утвердилось въ средѣ монашества. На борьбу съ этимъ-то важнымъ недостаткомъ и выступилъ Евстаѳій въ вышеупомянутомъ сочиненіи. Свое сочиненіе онъ начинаетъ замѣчаніемъ о томъ, что и въ древности было лицемѣріе—ὑπόκρισις, т. е. драма, но это лицемѣріе или лицедѣйство служило на пользу человѣка. «Чрезъ это искусство, говоритъ авторъ, можно было изучать различные перевороты судьбы, великое разнообразіе характеровъ и событій въ жизни. Такимъ способомъ древніе начертывали живой и дѣйствительный образъ и добродѣтели, и порока, чтобъ можно было стремиться къ первой и избѣгать втораго. Тогда лицедѣй-актеръ былъ учителемъ всѣхъ добродѣтелей, выводя на сцену образы

---

[104]) Преосвящ. Порфирія. Проповѣдники въ Греціи (приведенныя слова взяты покойнымъ авторомъ изъ рукописи). Труд. Кіев. Дух. Акад. 1880, т. I, стр. 639.

пороковъ не для того, чтобы вводить ихъ въ жизнь, а для того, чтобы научиться ихъ избѣгать. Роль была лицемѣріемъ, но за то актеръ былъ учителемъ истины [105]). Затѣмъ, сказавъ нѣсколько словъ о сатирѣ и комедіи, которымъ Евстаѳій не придавалъ высокаго значенія, онъ переходитъ къ описанію лицемѣрія въ собственномъ смыслѣ, какъ оно выражалось въ жизни его времени и восклицаетъ: «по моему, лучше быть пьянымъ, чѣмъ лицемѣрно, напримѣръ, поститься; я не знаю, есть ли кто либо, кто ненавидѣлъ бы такъ лицемѣріе, какъ ненавижу его я» [106]). Евстаѳій раскрываетъ, какъ лицемѣріе проникаетъ въ жизнь семейную и общественную, приводя изъ исторіи примѣры, свидѣтельствующіе, сколько зла надѣлало лицемѣріе, обманъ и прельщеніе; затѣмъ въ рѣзкихъ чертахъ описываетъ лицемѣріе, которое онъ встрѣчалъ въ особенности среди тогдашняго монашества. Евстаѳій говоритъ о монахахъ своего времени слѣдующее: «они умѣютъ поддѣлывать все, даже самую походку, передвигаясь подобно старому человѣку, у котораго зудитъ тѣло, точно отъ муравьевъ, и стараясь показать, что они потеряли силы и чуть чуть не умираютъ отъ крайняго воздержанія. Однакожъ, руки ихъ, упитанныя и толстыя, плохо служатъ имъ въ этой роли, потому что всего менѣе способны вызвать представленіе о мужѣ добродѣтели. Если лице аскета представляется упитаннымъ, какъ и руки, не въ согласіи съ добродѣтельной маскою, то у него всегда въ распоряженіи охра, пользоваться которою онъ умѣетъ очень искусно. Даже глаза, благородное зеркало души, свѣтильникъ тѣлу, украшеніе ли-

---

105) De simulatione, cap. 1 — 3. Migne Gr. tom. 136, p. 373—376.

106) Ibidem, cap. 9—10, p. 380.

ца, даже и глаза лицемѣръ дѣлаетъ негодною вещію, постоянно жмуря, закрывая и закатывая ихъ подъ лобъ, какъ солнце подъ облака» [107]). «Равнымъ образомъ аскетъ не позволяетъ и языку своему отправлять естественную его обязанность, наблюдая больше всего такъ называемое пиѳагоровское молчаніе. Если ему угодно говорить, то онъ просопитъ что-то на подобіе ночной совы, такъ что трудно его кому либо и понять. А если онъ и скажетъ что либо членораздѣльное, то такъ тихо, какъ будто бы онъ боится умереть отъ усилій. Да и какъ же иначе выказать свое подвижническое истощеніе, какъ не полной потерей способности говорить, восклицаетъ иронически Евстаѳій. Невѣжественный человѣкъ чрезъ подобныя продѣлки, по словамъ автора, хочетъ скрыть свое невѣжество, ибо эти люди совершенно необразованны; они молчатъ или мало говорятъ, потому что они не хотятъ обнаружить своей пустоты. Мудрые монахи, люди науки, мужи добродѣтели, имѣющіе наклонность къ благу образованія, замѣчаетъ Евстаѳій, наоборотъ, упражняютъ свой языкъ, облагораживаютъ свою рѣчь и своими полными глубокихъ мыслей проповѣдями веселятъ грады Божіи» [108]). Продолжая характеризовать монашеское лицемѣріе своего времени, авторъ пишетъ: «въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти лицедѣи добродѣтели неистовствуютъ даже противъ собственнаго тѣла. Они слегка надрѣзываютъ въ томъ или другомъ мѣстѣ свое тѣло ножами, другіе же до мяса и крови обрѣзываютъ ногти; дѣлающіе это, морочатъ тѣхъ, кто ихъ видитъ—дѣтей или крестьянъ; притомъ они распространяютъ молву, что будто эти раны нанесены имъ во время ночной молитвы злыми демонами.

---

[107]) Ibid., cap. 27, p. 396.
[108]) Ibid., cap. 28, p. 397.

Подобнаго рода обманы они допускаютъ съ цѣлію прослыть за святыхъ, а вмѣстѣ и затѣмъ, чтобы подъ видомъ лекарственныхъ средствъ, для внутренняго и внѣшняго употребленія, получить отъ благотворителей вино и масло». Извлеченіе выгоды изо всего— вотъ на что обращено все ихъ вниманіе. «Я уже оставляю въ сторонѣ подвижниковъ (замѣчаетъ Евстаѳій), которые днемъ носятъ на голомъ тѣлѣ желѣзные вериги, а ночью, чтобы поудобнѣе было покоиться, сбрасываютъ съ себя эту тяжесть, или которые намазываютъ себѣ животъ вокругъ прилегающаго желѣза кровію, чтобы подумали, будто желѣзо разъѣло тѣло у аскета такъ, что онъ началъ истекать кровію. Вотъ каковы эти мужи крови, по выраженію Псалмопѣвца» [109]).

Монахи и обличенія, направленныя противъ нихъ, занимаютъ первенствующее мѣсто и въ нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ Евстафія. Такъ до насъ сохранилось его довольно большое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Обозрѣніе жизни монашеской съ точки зрѣнія требующихся въ ней улучшеній». (De emendanta vita monachica). Вотъ главныя мысли этого сочиненія. Въ началѣ сочиненія авторъ показываетъ истинную задачу жизни монашеской, какъ эта задача открывается изъ обряда посвященія въ монахи, и затѣмъ переходитъ къ описанію различныхъ недостатковъ, вкравшихся въ жизнь монашескую. Онъ порицаетъ въ нихъ гордость. «Нѣкоторые изъ нихъ, говоритъ Евстаѳій, тяготятся принимать благословеніе отъ архіерея, считая себя, по неразумію, выше его» [110]). Особенно онъ нападаетъ на то, что монахи, на сло-

---

109) Ibid., cap. 35, p. 404.

110) De emendanda vita monachica, cap. 8. (Migne, Gr. tom. 135, p. 733).

вахъ являясь подвижниками, въ дѣйствительности однакожъ были совсѣмъ мірскими людьми. Евстаѳій пишетъ: «вотъ великій схимникъ, умершій для земли, какъ самъ исповѣдывалъ при посвященіи, и это онъ доказываетъ нежеланіемъ жить естественно и дѣлать передвиженіе по требованію надобности; онъ сажаетъ себя на животныхъ подъяремныхъ и несется на вереницѣ безсловесныхъ. Конечно, не все же тебѣ топтать землю, нужно проѣхаться и по дорогѣ», говоритъ саркастически Евстаѳій о схимникѣ. «Длинный путь заставляетъ его сѣсть на коня, и приличная важность, свойственная святому человѣку, который долженъ-же имѣть величественный видъ, чтобы не походить на мужика. Нужно-же позаботиться, чтобы монаху великаго образа не представиться въ неприличномъ или въ пошломъ видѣ для невѣждъ, или инымъ образомъ не сдѣлаться предметомъ людскихъ толковъ. И этотъ рабъ Божій не прочь посмѣяться, если случится что веселящее; и пріятно онъ поглядываетъ и привлекаетъ вниманіе сладостію рѣчей своихъ, и безъ застѣнчивости смотритъ съ яснымъ лицомъ, подражая, должно быть, красному добротою Господу нашему» [111]). Съ такимъ же сарказмомъ Евстаѳій описываетъ упитанность монаховъ и ихъ хозяйственныя способности. Евстаѳій пишетъ: «когда кто нибудь тощій, словно высушенный солнцемъ, по вступленіи въ монашество, жирѣетъ и толстѣетъ, и расширяется, превосходя въ этомъ отношеніи даже откормленныхъ въ особыхъ мѣстахъ животныхъ, и не ограничиваясь собственною плотію, утучняется и въ денежномъ отношеніи, то назовемъ-ли мы таковаго монахомъ, а не скорѣе-ли откормленнымъ быкомъ или упитаннымъ тельцомъ» [112])? Нѣкоторые монахи тѣмъ

---

[111]) Ibidem, cap. 27—29, p. 749—752.
[112]) Ibid. cap. 61—62, p. 781.

только и прославились, по замѣчанію нравоописателя, что умѣли наживаться. Съ особенною ѣдкостію онъ обличаетъ ловкихъ распорядителей монастырскимъ имуществомъ, которые и сами воруютъ, и ублаготворяютъ своихъ духовныхъ отцевъ и воровствомъ стяжаютъ благословенія и похвалы. Приведемъ одну тираду, которая вполнѣ подтверждаетъ сейчасъ указанныя мысли Евстаѳія. «Кто приходитъ къ вамъ, живописуетъ авторъ, тотъ вмѣсто того, чтобы научиться скромности, разумности, благоприличію и всякой доброй наукѣ, уходитъ не получивъ отъ подвижниковъ какой-либо другой пользы, кромѣ одного мірскаго знанія, притомъ не какого-либо благороднаго знанія, а совершенно пошлаго. Напримѣръ, (выберемъ изъ многихъ примѣровъ немногіе): какимъ способомъ и какъ долго можно сохранять жито, и въ какое время можно продать его дороже? Гдѣ можно сдѣлать другой его запасъ по надлежащей или что то-же по дешевой цѣнѣ, чтобы совершить выгодный оборотъ и получить барышъ и отъ этой покупки? Какіе возможны подобнаго рода обороты относительно вина? Винныя выжимки слѣдуетъ сберегать, потому что очѣ пригодятся на милостыню просящимъ ея, и особенно слѣдуетъ хранить отруби, потому что и онѣ хороши такимъ людямъ для прокормленія во время голода. Такой-то братъ, хозяйничающій въ такомъ-то помѣстьѣ монастырскомъ, возбуждаетъ подозрѣніе, — продолжаетъ Евстаѳій,—нужно обойти его ловкимъ образомъ, чтобы не одинъ кормился оттуда. И вотъ усиленнымъ образомъ усчитывается управитель; и если онъ ничего не имѣетъ, то осуждается какъ простякъ, добрякъ и глупецъ; а если будетъ открыто, что нѣчто имѣетъ и если какъ нибудь тѣмъ не подѣлился, когда у него потребуютъ, то его топчутъ и рвутъ самымъ жесточайшимъ образомъ, и то, что выжмутъ

изъ него, то не причисляется къ монастырскому имуществу, но дается великому отцу (игумену) и слѣдующимъ за нимъ избранникамъ, что называется лучшимъ старцамъ» [113]). Многіе современные Евстаѳію монахи очень хлопотали о чудесности въ своихъ обителяхъ, часто говорили о собственныхъ своихъ видѣніяхъ; будучи сами сыты, толковали о духовномъ насыщеніи и утѣшеніи добродѣтелью. Евстаѳій сообщаетъ любопытныя извѣстія о томъ, какъ монахи старались привлекать въ свои обители людей побогаче, и какъ поступали съ ними потомъ, когда почти всѣ деньги ихъ переходили изъ ихъ рукъ въ собственность монастырской братіи. Монахи, при видѣ своей будущей жертвы, распространялись о неусыпномъ своемъ бдѣніи, о томъ, какъ насыщеніе служитъ помѣхою дѣятельности. Разсуждая такъ, они привлекали въ монашество какого-либо состоятельнаго человѣка; и когда этотъ новоначальный монахъ выставлялъ предъ ними свои немощи и трудности подвига, тогда ведутъ другую рѣчь о святости безъ труда, о спасеніи безъ подвига, объ углаженной дорогѣ въ рай и т. д. Затѣмъ монахи, подъ разными предлогами, очищаютъ пазуху пришельца, расхищаютъ его достояніе и имѣнія, предоставляя бѣдному голодать и нуждаться, прежде чѣмъ онъ утвердился въ подвигѣ. Если-же онъ какъ-нибудь выскажетъ ропотъ, монахи тотчасъ набрасываются на него и кричатъ: «и что ты за человѣкъ? какая въ тебѣ сила? какая отъ тебя польза?» и грозятъ несчастному лишеніемъ всего, что онъ еще пока имѣетъ, начнутъ ссылаться на церковныя правила и достойный уваженія церковный уставъ, по которому каждый изъ братіи обязанъ быть нестяжательнымъ, хоть сами они обременены стяжаніями» [114]). «Вотъ уловки, по-

---

113) Ibid., cap. 117, p. 824—825.
114) Ibidem, cap. 120—121, p. 828.

средствомъ которыхъ наши мудрые практики уловляютъ человѣка богатаго, способнаго поддаться на удочку, восклицаетъ Евстаѳій. Они залучаютъ даже и бѣднаго, продолжаетъ свою рѣчь обличитель, часто и его тоже не совсѣмъ по доброй волѣ; а если у него есть одно жилище, хотя-бы только похожее на шалашъ, но расположенное на удобномъ мѣстѣ, то еще и съ какими хлопотами: и чего они не выдѣлываютъ потомъ надъ нимъ и чрезъ него! Надъ нимъ—потому что этотъ человѣкъ не найдетъ у нихъ себѣ отдыха во всю свою жизнь; пренебрегаемый, унижаемый, презираемый онъ выноситъ все то, что испытываютъ бездомные люди отъ господъ, которые, вслѣдствіе излишества, доходятъ до полнаго къ нимъ презрѣнія. Чрезъ него — потому что монахи, усѣвшись подлѣ, строятъ затѣмъ засаду, то противъ сосѣдняго съ бѣдною хижиною виноградника, то противъ поля; они поджидаютъ удобнаго случая захватить чужое жилище или лугъ, либо задавивъ сосѣдей, либо обманувъ ихъ. Такимъ образомъ, они расширяются на подобіе пламени, пожирающаго все близь лежащее, не потому, чтобъ они имѣли какую въ томъ нужду, но чтобъ легче было скрывать свои грѣхи при неимѣніи вокругъ себѣ сосѣдей» [115])! Стяжательность монаховъ по словамъ Евстаѳія, простиралась такъ далеко, что ими обращалось въ насмѣшку самое имя монаха [116]).

Нелюбовь монаховъ къ образованію и наукѣ, какая замѣчалась у нихъ въ это-же время, служитъ также однимъ изъ главныхъ предметовъ обличеній со стороны Евстаѳія въ разсматриваемомъ сочиненіи. «Народъ этотъ—пишетъ Ѳессалоникскій архипастырь — не любитъ образованія. Когда появится и поселится

---

[115]) Ibidem, cap. 123, p. 829.
[116]) Ibid., cap. 43, p. 764.

въ ихъ обители человѣкъ, вкусившій мудрости, и они узнаютъ объ этомъ, тотчасъ ожесточаются. Вооружаясь гнѣвомъ, насмѣшкой и клеветами (потому что не могутъ-же совсѣмъ пожрать его, по примѣру Лестригоновъ Гомера), они выгоняютъ его изъ обители, говоря, что такой человѣкъ имъ безполезенъ (потому что, вѣдь, монастырь, по ихъ понятію, не нуждается въ грамотныхъ людяхъ), и отворяютъ ворота для дикости, доставляя невѣждамъ возможность пріобрѣтать ихнюю святость. Наши монахи, замѣчаетъ Евстаѳій, отдаютъ предпочтеніе безграмотности, ссылаясь на выраженіе Псалмопѣвца: яко не познахъ книжная, вниду въ домъ Господень (пс. LXX, 16) и самымъ несчастнымъ образомъ извращаютъ смыслъ словъ Давидовыхъ». Обличенія Евстаѳія пріобрѣтаютъ особенную силу, когда онъ говоритъ: «ничего ты, монахъ, не смыслишь въ богословіи и попираешь всякую книгу, гдѣ-бы ты ни встрѣтился съ нею, если даже въ ней ничего не говорится о томъ, каковъ долженъ быть монахъ. И я думаю, для того ты гонишь и удаляешь отъ себя книги, чтобъ какъ нибудь онѣ не изобличили твоихъ дѣлъ. Ты и продаешь книги, барышничая этимъ дѣломъ. Ты подражаешь жидамъ, и хоть самого Христа не можешь продать, но Его слова готовъ продать за самую ничтожную цѣну, за бездѣлицу. Ахъ ты невѣжда! восклицаетъ Евстаѳій. Зачѣмъ монастырскую библіотеку хочешь сдѣлать пустою, подобно своей душѣ? И не имѣя самъ никакихъ познаній, ты раззоряешь библіотеки. Оставь библіотекѣ хранить въ себѣ драгоцѣнности» [117]). «Нашъ монахъ, продолжаетъ свои укоризны Евстаѳій, не отвѣтитъ даже на вопросъ, что такое монахъ? Онъ не знаетъ его ни по собствен-

---

[117]) Ibidem, cap. 127—128, p. 833. 835.

ному опыту, ни изъ книгъ, которыя нестерпимы для него, когда онъ даже видитъ только ихъ раскрытыми, какъ будто-бы предъ его взоромъ разверстая бездна»[118]). Изъ собственныхъ наблюденій Евстаѳій приводитъ примѣръ нерадѣнія монаховъ о книгахъ и ихъ невѣжества. Услыхалъ онъ о замѣчательной рѣдкости, о древней рукописи твореній св. Григорія Богослова, которая хранилась въ одномъ монастырѣ и славилась повсюду. Пошелъ и Евстаѳій сюда, спросилъ монаховъ о книгѣ, но они ему сказали, что книга хранится въ какомъ-то другомъ мѣстѣ. Не удовлетворившись этимъ, Евстаѳій обратился къ игумену монастыря—человѣку добродѣтельной жизни и грамотному и распрашивалъ его: гдѣ книга? Игуменъ поднялъ кверху правую руку и началъ указательнымъ пальцемъ выводить круги по воздуху и не говорилъ ни слова. Когда-же Евстаѳій попросилъ болѣе яснаго отвѣта, то услыхалъ, что «книга продана, да и къ чему она?» добавилъ спрашиваемый. Евстаѳій былъ выведенъ изъ себя этимъ отвѣтомъ, и съ упрекомъ сказалъ игумену: «послѣ этого, что-же нужно-то вамъ, достопочтенные монахи, если для васъ безполезны такія книги?» [119]) Евстаѳій заявляетъ, что обличенія его возбуждали въ монахахъ гнѣвъ и ярость. «Если-бы захотѣлъ кто узнать, что за вещь монашеская месть съ ея ужасами, пусть онъ посмотритъ на монаха, когда епископъ позволитъ сдѣлать ему выговоръ за что нибудь. Въ одно мгновеніе онъ насупливается грозой гнѣва, реветъ, свирѣпствуетъ, бушуетъ, фыркаетъ, расширяетъ ноздри, сдвигаетъ брови, изрыгаетъ пламень, изображаетъ своей физіономіею тучу, принимающую разные оттѣнки, при-

---

118) Ibid., cap. 129, p. 837.
119) Ibidem, cap. 144, p. 849.

чемъ всѣ эти видоизмѣненія сопровождаются громомъ бѣшеныхъ словъ. А что это за слова — еслибы кто послушалъ—когда монахъ возвращается въ свою келью! Горе и собрату его, если онъ, къ несчастію, подвернется ему въ эту минуту: расвирѣпившій, ни съ того ни съ сего набрасывается на него и обливаетъ его цѣлыми потоками словъ, чтобъ хоть на немъ сорвать гнѣвъ свой» [120]). «Таковъ ихъ образъ жизни. Остается нѣчто еще болѣе грубое, покрытое болѣе густымъ слоемъ грязи—замѣчаетъ при одномъ случаѣ Евстаѳій, — но это могъ-бы избрать, говоритъ нравоописатель, какой нибудь обличительный писатель предметомъ своего сочиненія; мы-же далеки отъ того на большое разстояніе, потому что мы держали и доселѣ рѣчь не для огорченія, а для исправленія, если еще возможно въ чемъ исправленіе для нынѣшнихъ людей. Таково, чтобы выразить все одной чертой, поведеніе этихъ монастырей—грубое, нелѣпое, нестройное, расходящееся со всѣми условіями приличія» [121]).

Переходимъ къ разсмотрѣнію еще другаго сочиненія Евстаѳіева, гдѣ онъ высказываетъ мысли родственныя съ тѣми, какія сейчасъ приведены. Разумѣемъ его посланіе къ одному знаменитому столпнику того времени (Ad stylitam quemdam Thessalonicensem [122]). Въ этомъ сочиненіи Евстаѳій показываетъ: въ чемъ должна заключаться задача христіанской жизни столпника и въ какомъ родѣ выражаться его христіанско-общественное служеніе. Онъ внушаетъ столпнику, что человѣку, взошедшему на столпъ, нужно быть высокимъ и по добродѣтели. Евстаѳій говоритъ: «хо-

---

[120]) Ibidem, cap. 183, p. 888.
[121]) Ibid. cap. 124, p. 829.
[122]) Migne, Gr. tom. 136, p. 217—263.

рошо носить желѣзо, какъ нѣкую броню, но особенно нужно облекаться въ то всеоружіе, о которомъ говоритъ апостолъ Павелъ и безъ котораго самыя вериги служатъ только во вредъ и тяжестію своею только влекутъ къ землѣ человѣка, думающаго стоять и носиться выше земли. Многихъ это желѣзо укрѣпило противъ мысленнаго врага, а многихъ ослабило, послужило имъ въ тягость и спутало. Сами по себѣ вериги не служатъ во спасеніе и не вредятъ; но по состоянію души, бываютъ то спасительны, то вредоносны. Все зависитъ отъ нелицемѣрнаго настроенія души, стремящейся къ Богу. Берегись осуждать другихъ, высоко думать или говорить; пусть это желѣзо будетъ не только на тѣлѣ твоемъ, но и въ глубинахъ души твоей» [123]). Затѣмъ касательно общественнаго служенія столпника на пользу всѣхъ христіанъ, Евстаѳій разсуждаетъ: «подвижнику нужно служить на благо всего міра; сюда, т. е. къ столпу, приходятъ люди изъ разныхъ мѣстъ, различныхъ народностей, ученые и невѣжды, знатные и не знатные, здравомысленные и часто впадающіе во грѣхъ. Столпникъ долженъ быть, по примѣру апостольскому, «всѣмъ вся», да всѣхъ пріобрящетъ для Бога. Онъ не долженъ ласкательствовать, чтобы не пренебречь истиною, онъ не долженъ къ другимъ обращаться съ хвалой, чтобы не быть угодливымъ; но и не долженъ съ высоты столпа изливать рѣчей насмѣшливыхъ. Это манера не хорошая. Онъ можетъ принимать приносимые дары, но не для того, чтобы собирать сокровища и не для того, чтобы устроить себѣ прекрасное жилище, но для того, чтобы сдѣлаться центромъ благотворенія для бѣдныхъ» [124]).—Есть и еще одно

---

[123]) Ibidem, cap. 33—34, p. 232.
[124]) Ibidem, cap. 66, p. 253.

примѣчательное, по своему содержанію, наставительное письмо (Ἠθικοῖα) Евстаѳія къ клирику [125]), который былъ близкимъ человѣкомъ къ Константинопольскому патріарху Михаилу Анхіалу и который, пользуясь своимъ положеніемъ, жилъ роскошно и держалъ себя гордо. Евстаѳій обличаетъ его, впрочемъ тогда, когда фортуна отвратилась отъ этого клирика. Письмо тѣмъ не менѣе остается интереснымъ, потому что даетъ понятіе о нравахъ того времени. Обличаемый клирикъ, когда живъ былъ тотъ патріархъ, расположеніемъ котораго онъ пользовался, довелъ роскошь въ своемъ жилищѣ до того, что разноцвѣтное одѣяло, похожее на разноцвѣтный лугъ, поражало своею красотою; оно подбито было даже не милетскою шерстью, которая такъ цѣнилась, а какимъ то особымъ пушкомъ, который съ великимъ трудомъ собирался при цвѣтеніи одного растенія. Въ баню онъ ходилъ набравши кучу пузырьковъ съ какими-то благовонными мастями. Онъ былъ предметомъ почета мірянъ и священниковъ, на пиршествахъ ему отводились первыя мѣста, при встрѣчѣ съ нимъ изъ почтенія сворачивали съ дороги и т. д.

Заслуживаютъ полнаго вниманія и проповѣди Евстаѳія. Въ нихъ между прочимъ онъ съ усердіемъ развиваетъ мысль, что въ міру такъ же можно спастися, какъ и въ монастырѣ, и даже отчасти даетъ понять, что въ міру скорѣе спасешься, чѣмъ въ монастырской келліи. При оцѣнкѣ этихъ мыслей Евстаѳія нужно помнить, что въ его время было общее убѣжденіе относительно монастырской келліи, какъ вѣрнѣйшаго пути ко спасенію души. Раскритію указанной мысли посвящено похвальное слово св. Филоѳею (Laudatio sancti Philothei [126]). Проповѣдникъ го-

---

125) Migne, Gr. tom., 136, p. 1280—1286.
126) Migne, Gr. tom. 136, p. 152—157.

воритъ: «многимъ кажется превосходнѣйшею жизнь уединенная, когда человѣкъ не имѣетъ ничего и блюдетъ самого себя, а потому ищутъ мѣстъ уединенныхъ и пустынныхъ, иные укрываются въ пещеры и нѣдра земли и дѣлаютъ многое другое, чтобы избѣжать треволненій жизни, не подвергать себя опасностямъ общественной, мірской жизни. А св. Филоѳей разсмотрѣвши это и многое другое, тщательно взвѣсивши для себя выгоды и невыгоды жизни уединенной и мірской, разсудилъ вести добродѣтельную жизнь общественную. Онъ женился, имѣлъ дѣтей, былъ священникомъ, занимался хозяйствомъ и Богъ прославилъ его еще въ сей жизни» [127]).—Въ другой проповѣди тотъ-же Евстаѳій съ полною энергіею обличаетъ предразсудокъ, будто въ обыкновенномъ гражданскомъ быту нельзя быть благочестивымъ, преуспѣвать въ добродѣтели и угождать Богу. Вотъ слова оратора: «никто изъ живущихъ въ мірѣ, заботящихся о женѣ и занятыхъ дѣлами и хлопотами, пусть не говоритъ, что не можетъ, какъ монахи, отрекшіеся отъ міра и мірской жизни, трудиться для Бога. Губитъ человѣка такое безразсудное мнѣніе. Преклоняй колѣна, когда нужно и когда можешь, но особенно старайся быть добродѣтельнымъ и пріобрѣтай всецѣло смиреніе. Смиреніе можетъ быть замѣною (монашескихъ) колѣнопреклоненій. которыя для мірянина не всегда удобны. Не можешь ты поститься? Ѣшь умѣренно безъ отягощенія, чтобы не разлѣниваться» [128]). «Если вы — обращается онъ къ мірянамъ въ той-же проповѣди—вмѣсто аскетическаго подвига поднесете бѣдному для подкрѣпленія его силъ отрадный стаканъ воды, и въ особенности если при-

---

[127]) Oratio in psalmum XLVIII. Migne Gr. tom. 135.
[128]) Ibidem, cap. 13—18, p. 529 et cet.

бавите въ этотъ стаканъ нѣсколько вина для утѣшенія сердца его, вы не имѣете нужды домогаться вершины добродѣтели—молитвы до поту. Этотъ сладкій стаканъ милостыни, это милосердіе замѣнитъ вамъ подвигъ молитвы до пота». Здѣсь-же Евстаѳій въ гармоніи съ общимъ содержаніемъ проповѣди развиваетъ мысль, что не можетъ быть непріятна Богу «форма стоячаго положенія человѣка, какъ нѣчто болѣе цѣлесообразное и болѣе удобное къ дѣятельной жизни, чѣмъ колѣнопреклоненія» [129]). Послѣдняя мысль не чужда нѣкоторой парадоксальности.

Въ одной изъ своихъ проповѣдей тотъ-же Евстаѳій [130]) раскрываетъ прекрасныя мысли о любви, какъ принадлежности нравственнаго совершенства. Если нѣтъ любви, такъ училъ онъ, то всуе будемъ молиться, поститься, преклонять колѣна, источать слезы; нѣтъ ничего добраго у не имѣющихъ любви.

Рядомъ съ Евстаѳіемъ можетъ быть поставленъ другой знаменитый богословъ практическаго направленія. Это — Николай Кавасила, митрополитъ тоже Ѳессалоникскій, занимавшій эту каѳедру въ самой срединѣ XIV вѣка. Изъ жизни его немного извѣстно интереснаго; въ виду этого переходимъ къ характеристикѣ одного изъ его сочиненій, обращающаго на себя особенное наше вниманіе. Николаю принадлежитъ достойное всякаго вниманія сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Жизнь во Христѣ» [131]). Оно не стоитъ въ связи съ тогдашней богословской литературой, оно

---

[129]) Ibidem, cap. 14, p. 532; cap. 17, p. 533.

[130]) In sanctam quadragesimam: oratio I. Migne, tom. 135, p. 561—584.

[131]) Nicolai Cabasilae. De vitain Christo (libri septem). Edidit Gass. 1849. Greifswald. Это сочиненіе Кавасилы переведено на русскій языкъ, подъ заглавіемъ: «Семь словъ о жизни во Христѣ», о. прот. Боголюбскимъ. (М, 1874).

значительно выше многаго такого, что вышло изъ подъ пера даже лучшихъ тогдашнихъ богослововъ. Сочиненіе отличается поразительною свѣжестью и рѣдкою глубиною мыслей, и на столько самостоятельно, что въ немъ нѣтъ ни малѣйшей компилативности, какая отличала литературу того времени. Все содержаніе произведенія почерпнуто изъ глубинъ души благочестиваго автора, проницающей въ духъ Св. Писанія и задачу христіанина. Здѣсь разрѣшается вопросъ, который всегда долженъ быть первымъ вопросомъ для христіанскаго богослова; въ чемъ состоитъ жизнь сообразная съ Евангеліемъ? Какъ ни необходимо христіанамъ возможно чаще задавать себѣ этотъ вопросъ, какъ ни необходимо чаще и точнѣе давать разрѣшеніе на него, однакожъ богословіе изучаемой эпохи почти вовсе не занималось подобнымъ вопросомъ. Николай Кавасила берется за этотъ вопросъ, и уже одно это придаетъ разсматриваемому сочиненію особенное значеніе. Духъ, характеръ, направленіе, какъ разсматриваетъ Николай этотъ вопросъ, дѣлаютъ это сочиненіе въ высшей степени поучительнымъ. Въ сжатомъ очеркѣ довольно трудно познакомить съ этимъ сочиненіемъ. Чтобы вполнѣ цѣнить его, нужно сполна его прочитать. Мы намѣтимъ только немногія черты произведенія Кавасилы. Оно раздѣлено на семь словъ или правильнѣе обширныхъ главъ, въ которыхъ разсматриваются вопросы: какими средствами человѣкъ можетъ достигать жизни истинно-христіанской и что человѣкъ со своей стороны долженъ наблюдать чтобы, эти средства вели дѣйствительно къ цѣли.

Прежде чѣмъ ознакомиться съ содержаніемъ произведенія Кавасилы въ частности, считаемъ не лишнимъ разобрать взглядъ нѣмецкихъ ученыхъ на Ка-

василу. Эти ученые считаютъ Николая мистикомъ [132]); но, по нашему сужденію, такое мнѣніе лишено справедливости. Николай не былъ мистикомъ, потому что не походилъ на западныхъ мистиковъ, къ которымъ приравниваютъ его вышеуказанные ученые. Вообще мистицизма въ западномъ смыслѣ этого слова на востокѣ совсѣмъ не было. Западная мистика была предшественницей протестантизма; ничего подобнаго нѣтъ у восточныхъ писателей, хоть повидимому похожихъ на западныхъ мистиковъ. Западные мистики скептически относились къ церкви, а сейчасъ указанные писатели всегда оставались въ подчиненіи авторитету церковному. Въ частности Николай Кавасила никакъ не можетъ быть признанъ мистикомъ; всякій восточный богословъ будетъ писать и говорить совершенно такъ же, какъ Николай, если онъ будетъ вдумчиво и углубленно относиться къ тѣмъ вопросамъ, какіе занимали умъ Кавасилы. Изложеніе содержанія сочиненія Николая «Жизнь во Христѣ» сейчасъ же покажетъ, какъ неосновательно считать этого писателя мистикомъ.

Содержаніе первыхъ пяти «словъ» разсматриваемаго сочиненія таково: христіанинъ долженъ жить жизнію Христа, онъ долженъ быть соединенъ со Христомъ. Это соединеніе такого рода, что оно выше и тѣснѣе всякаго другаго единенія, о какомъ только мы знаемъ. Оно выше того единенія, какое можно находить въ бракѣ между мужемъ и женою, между головой и остальными членами въ человѣческомъ организмѣ; оно выше и тѣснѣе того единства, какое существуетъ въ нашемъ духѣ съ самимъ собою [133]). Истинное

[132]) Gass. Die Mystik des Nicolaus Cabasilas. s. 62. Greifswald, 1849. Kurtz. Handbuch der Kirchengesch. B. 1, Abtheil. 3, s. 114. Mitau, 1858.

[133]) De Vita. Sermo I, § 16—18. Рус. пер. стр. 4—5.

единеніе христіанина со Христомъ, по Николаю, ни съ чѣмъ не сравнимое, вотъ какое: «Люди содѣлываются сынами Божіими и богами, и природа наша чествуется честію божественною, и персть возвышается до той славы, что содѣлывается подобочестною и даже подобною божественной природѣ. Съ чѣмъ можно вопрошаетъ Николай—сравнить это» [134])? Вотъ точка зрѣнія Николая на вопросъ. Теперь, какія средства ведутъ къ такому благодатному единенію христіанина съ Христомъ? Николай отвѣчаетъ: таинства. Онъ говоритъ: «посредствомъ таинствъ, какъ-бы посредствомъ оконцевъ въ мрачный этотъ міръ проникаетъ солнце правды и умерщвляетъ жизнь сообразную съ этимъ міромъ и возстановляетъ жизнь премірную» [135]). «Способъ, какимъ мы привлекаемъ истинную жизнь Христа, есть тотъ, чтобы усовершаться таинствами, омываться, помазываться, наслаждаться св. трапезой. Къ совершающимъ это приходитъ Христосъ, и водворяется въ нихъ, и соединяется съ ними, и исторгаетъ въ насъ грѣхъ, и влагаетъ свою жизнь и силу, и содѣлываетъ общниками Своей побѣды» [136]). «Принадлежащее главѣ (Христу) дѣлается нашимъ. Посредствомъ воды (крещенія) мы превращаемся въ безгрѣшныхъ, посредствомъ мѵра участвуемъ въ Его благодѣяніяхъ, посредствомъ трапезы (евхаристіи) живемъ одною съ нимъ жизнію, и въ будущемъ мы боги чрезъ Бога и наслѣдники одного и того же съ Нимъ, царствующіе въ одномъ съ Нимъ царствѣ, если только добровольно не ослѣпимъ себя въ сей жизни и не раздеремъ царскаго хитона. Ибо съ нашей стороны только то требуется для полученія

---

[134]) Ibid. Sermo I, § 48. Рус. пер. стр. 10.
[135]) Sermo I. § 40. Рус. пер. стр. 9.
[136]) Ibid., § 92—3. Рус. пер. стр. 19.

блаженной жизни, чтобы сохранять дары и соблюдать благодѣянія и не сбрасывать вѣнца, который сплелъ для насъ Богъ со многимъ потомъ и трудомъ. Такова жизнь во Христѣ, которую поддерживаютъ таинства» [137]). Николай говоритъ не о всѣхъ таинствахъ въ ихъ отношеніи къ жизни во Христѣ, но только о трехъ главнѣйшихъ: крещеніи, мѵропомазаніи и причащеніи. Останавливаться на каждомъ изъ этихъ таинствъ, какъ они разсматриваются Кавасилой, было бы слишкомъ долго. Укажемъ лишь, какъ Николай описываетъ то единеніе, какого достигаетъ христіанинъ въ таинствѣ причащенія. Николай пишетъ: «когда Христосъ приводитъ къ трапезѣ и даетъ вкушать Свое тѣло, Онъ всецѣло измѣняетъ получившаго таинство и преобразуетъ въ собственное свойство, и персть, принявъ царскій видъ, бываетъ уже не перстію, но тѣломъ Царя, блаженнѣе чего нельзя и измыслить. Оно послѣднее таинство, потому что нельзя простираться далѣе, нельзя и приложить большаго» [138]). «Ибо душа и тѣло тотчасъ въ причастіи становятся духовными, потому что душа смѣшивается съ Душею (Богомъ), тѣло съ Тѣломъ и кровь съ Кровію. И что-же отъ этого? Лучшее одерживаетъ верхъ надъ слабѣйшимъ и божественное овладѣваетъ человѣческимъ, и какъ говоритъ Павелъ о воскресеніи: пожерто бываетъ мертвенное животомъ (2 Кор. 5, 4). О величіе таинствъ! Какъ возможно умъ Христовъ смѣшивать съ нашимъ умомъ, волю Его съ нашею волею, тѣло соединить съ тѣломъ и кровь съ кровію нашею! Каковъ-же умъ нашъ, когда владѣетъ нами умъ божественный, каково желаніе наше, когда присутствуетъ хотѣніе божественное, какова персть,

---

137) Ibid., § 109—110. Рус. пер. стр. 22.
138) Sermo IV, § 3—4. Рус. пер. стр. 73—74.

когда преобѣждаетъ ее оный огонь»? [139]). «Ясно, что когда изливается въ насъ Христосъ и соединяетъ съ нами Себя Самого, Онъ перемѣняетъ и въ Себя преобразуетъ насъ, какъ малую каплю воды, влитую въ безпредѣльное море мира» [140]). Николай Кавасила прекрасно раскрываетъ мысль, что пища Евхаристическая въ своемъ дѣйствіи на нашъ духовный и чувственный организмъ представляетъ собою нѣчто несравнимое, отмѣнное отъ обыкновенной пищи въ ея дѣйствіи на существо человѣческое. «Можно жить посредствомъ пищи—пишетъ Николай—но пища, не будучи сама живою, не можетъ сама собой ввести насъ въ жизнь. Поскольку же она помогаетъ жизни, присущей тѣлу, то и представляется, что она есть причина жизни для пріемлющихъ ее. А хлѣбъ жизни—Евхаристія — самъ жизнь и ради его истинно живы тѣ, коимъ преподается онъ. Тамъ пища превращается въ питающагося, и рыба, и хлѣбъ, и все иное вкушаемое, въ кровь человѣческую, здѣсь-же все наоборотъ. Ибо хлѣбъ жизни самъ движетъ питаемаго, и измѣняетъ и прелагаетъ въ Себя самого» [141]). — Въ послѣднихъ двухъ «словахъ» своего произведенія—шестомъ и седьмомъ—Николай разсуждаетъ о томъ, чѣмъ и какъ съ своей стороны долженъ человѣкъ выражать свое стремленіе къ единенію со Христомъ? Что наблюдать съ нашей стороны, чтобы это единеніе было дѣйствительнымъ, истиннымъ, непрерывающимся? Разъясняя этотъ вопросъ, Кавасила разсуждаетъ о томъ, какъ направлять свои помыслы и какъ распологать свою жизнь. Замѣчательно: Николай раскрываетъ мысль, что такое единеніе так-

---

139) Sermo IV, § 12—13. Рус. пер. стр. 76.
140) Ibidem, § 42 Рус. пер. стр. 83—84.
141) Ibidem, § 53—54. Рус. пер. стр. 86.

же достижимо въ міру, среди житейскихъ занятій, какъ и въ отшельничествѣ и монашествѣ. Онъ не усматриваетъ никакого рѣшительнаго превосходства жизни отшельнической предъ жизнію мірскою. Вотъ собственныя слова Николая. «Для того чтобы жить во Христѣ, для этого нужны не какія либо сверхъестественныя усилія, ни сверхъестественный трудъ, не нужно тратить денегъ, ни терпѣть безславія и стыда и вообще переносить что-либо худое, но и искусствами можно пользоваться безъ вреда, и къ занятію какому либо нѣтъ препятствія — и полководецъ можетъ начальствовать войсками, и земледѣлецъ возделывать землю, и правитель управлять дѣлами и вообще ни въ чемъ не станетъ терпѣть оскуденія ради спасенія. Ибо нѣтъ нужды ни удаляться въ пустыню, ни питаться необычною пищею, ни перемѣнять одежду, ни разстраивать здоровья, ни на иной какой либо рѣшаться смѣлый поступокъ, но можно, сидя дома и не теряя ничего изъ своего имущества, постоянно заниматься помыслами благочестія. Что воспрещаетъ намъ, помимо этого, совершать и нужные труды» [142])? Напротивъ, объ отшельнической жизни, если она не сопровождается должною богоугодственностію, Кавасила замѣчаетъ, что она не можетъ сдѣлать человѣка истинно спасаемымъ. «Свидѣтели этого,—пишетъ Николай,—тѣ, кои отказавшись отъ трудовъ ради блага и добродѣтели, сдѣлались потомъ дерзновенными во всемъ зломъ. Они, удалившись въ горы, избѣгая шума и общественной жизни, какъ язвы, чтобы внимать одному Богу, когда ослабѣвали нѣсколько въ упованіи на Него и во всецѣлой вѣрѣ въ Него, тотчасъ же дерзали на все самое худшее и предавались всякой нечистотѣ» [143]). Замѣчательны

---

[142]) Sermo VI, § 63—64. Рус. пер. стр. 136.
[143]) Ibid. § 80. Рус. пер. стр. 140.

здѣсь разсужденія Николая о томъ, по какимъ признакамъ можно опредѣлить: стоитъ ли человѣкъ на пути совершенства христіанскаго? Такими признаками онъ не считаетъ знаменій и чудесъ. Вотъ его мысли: «Зачѣмъ искать свидѣтельствъ и знаменій, когда нужно изслѣдовать только самыя дѣла. Ибо и знаменіе не есть выраженіе добродѣтели. Не всѣмъ ревнующимъ даются знаменія, и не всѣ, у кого они есть, бываютъ дѣлателями добродѣтели. Ибо многіе, имѣющіе силу предъ Богомъ, не обнаруживаютъ ничего подобнаго, а между тѣмъ и нѣкоторымъ изъ насъ это возможно. Для (пріобрѣтенія) добродѣтели установлены и таинства, и всякая бдительность, а для полученія силы оной (дѣлать знаменія) никто не измыслилъ ничего извѣстнаго, какъ нужно бы трудиться (т. е. взяться за дѣло). И что я говорю? Когда не было этихъ знаменій, не имѣли къ нимъ никакого желанія и не искали ихъ, а когда явились они, то не было дозволено даже радоваться имъ (Лук. 10, 20). Посему,—замѣчаетъ Николай,—оставивъ иное, будемъ смотрѣть на самое желаніе души, въ которомъ состоитъ добро человѣка и зло, истинное здоровье и болѣзнь, и вообще жизнь или смерть; его (желаніе души) имѣть добрымъ, устремленнымъ къ одному Богу и составляетъ блаженную жизнь» [144]).

Выше мы указали, какими достоинствами отличается разсматриваемое сочиненіе Николая; но мы не считаемъ себя въ правѣ пройти молчаніемъ и нѣкоторые недостатки того же сочиненія. Къ недостаткамъ этого произведенія можно отнести слѣдующее: въ 1-хъ, Николай въ своихъ представленіяхъ настолько сближаетъ Христа и христіанина, что послѣдній какъ бы погружается и исчезаетъ въ первомъ. Напримѣръ, онъ

---

[144]) Sermo VII, § 4—6. Рус. пер. стр. 161—162.

дашней Византіею—могущественное государство. И если Византія наконецъ пала, то это значило только, что старый, давно заброшенный домъ, оставшійся безъ призора и ремонта, рухнулъ, какъ и слѣдовало того ожидать.

Византія пала такъ и при такихъ обстоятельствахъ, что мы удивляемся не тому, что это случилось, а тому, какимъ образомъ она такъ долго простояла.— Разскажемъ исторію этого событія. Намъ кажется, не найдешь такого серіознаго человѣка, который, читая исторію паденія Византіи, не чувствовалъ бы, неожиданно для себя, трагикомическаго впечатлѣнія, при чемъ комическій элементъ несомнѣнно преобладаетъ надъ трагическимъ. Исторія паденія Константинополя представляетъ собою чуть не водевиль.

Послѣднимъ Византійскимъ императоромъ былъ Константинъ XI, Палеологъ (1448—1453 г.). Константинъ нѣкогда поднялъ ничтожную Византію на невѣроятную высоту, Константинъ же и видѣлъ, какъ наконецъ фортуна оставила этотъ городъ, посвященный первымъ ея императоромъ именно фортунѣ. Константина XI считаютъ героемъ, потому что онъ не пережилъ гибели столицы и погибъ, защищая ее даже и тогда, когда защита всѣмъ уже представлялась дѣломъ невозможнымъ; но это такого рода геройство, на которое способенъ и не храбрый человѣкъ, но лишь сколько нибудь уважающій себя. Какой исходъ могъ выбрать Константинъ XI, какъ скоро онъ зналъ, что погибель столицы неминуема? Бѣжать? Но бѣжать значило очутиться въ разрядѣ бѣдныхъ, но благородныхъ людей, живущихъ подаяніемъ. Отдаться въ плѣнъ въ надеждѣ на милость побѣдителя? Но отъ турецкаго великодушія легче всего было ожидать одной милости—кола или веревки. Умереть за отечество—единственно что́ и могъ сдѣлать послѣд-

ній изъ Византійскихъ вѣнценосцевъ. Этотъ исходъ подсказывали ему и здравый смыслъ и отчаяніе.

Но мы забѣжали впередъ. Разскажемъ, какъ было дѣло—по порядку. Когда Константину XI, по смерти его брата Іоанна Палеолога, достался Византійскій престолъ, въ это время его не было въ столицѣ: онъ находился въ отдаленной Мореѣ. Два знатныхъ депутата возложили въ Спартѣ императорскую корону на голову Константина. Вскорѣ затѣмъ онъ отплылъ изъ Мореи, насладился радостными привѣтствіями своихъ подданныхъ, отпраздновалъ свое вступленіе на престолъ различными увеселеніями и своими щедрыми, но вошедшими въ обычай, подарками довелъ до истощенія и безъ того уже крайне бѣдную государственную казну [1]). Константинъ былъ бездѣтнымъ вдовцомъ и первой его заботой былъ выборъ супруги. Послѣдній изъ Византійскихъ императоровъ, разумѣется, не ожидалъ того государственнаго несчастія, которое пришлось пережить ему—и счелъ за нужное позаботиться о продолженіи своего царственнаго рода. Ему предложили—было въ супруги дочь Венеціанскаго дожа, но Византійская аристократія отвергла это предложеніе. Для Византійской гордости казалось непозволительнымъ, унизительнымъ дѣломъ—породниться наслѣдственному Византійскому монарху съ какимъ-то дожемъ, какъ лицомъ, получившимъ власть по народному голосованію. Впослѣдствіи византійцамъ пришлось очень горько раскаяться въ этомъ поступкѣ: глава могущественной республики могъ быть очень не безполезенъ Византіи въ ея борьбѣ съ Турками [2]); но Византійская знать, очевидно, не

---

[1]) Georgii Phrantzae. Chronicon majus (Migne. gr. tom. 156) lib. III, cap. 1, p. 808—809.

[2]) Гиббона. Исторія упадка римской имперіи. Т. VII, 307.

была дальнозорка, не видѣла приближающейся бѣды. Послѣ того какъ не состоялось бракосочетаніе Константина съ дочерью дожа, рѣшено было снарядить посольство и отправить его въ чужія страны искать достойную невѣсту вѣнчанному монарху. Разсказъ о всѣхъ дѣйствіяхъ этого посольства можно было бы счесть или злой насмѣшкой или непозволительною выдумкой, если бы строгая исторія не подтверждала до послѣднихъ мелочей достовѣрности фактовъ. Во главѣ посольства стоялъ Византійскій сановникъ Франца или Францисъ, историкъ послѣднихъ дней Византіи, въ качествѣ уполномоченнаго отъ жениха; на пышную обстановку посольства были издержаны послѣднія крохи отъ тѣхъ богатствъ и роскоши, которыми нѣкогда славилась столица востока. Многочисленная свита Франца состояла изъ знати и гвардейцевъ, изъ лекарей и монаховъ, его сопровождали хоры инструментальной и вокальной музыки. Обстановка по своей пестротѣ совершенно театральная. Эта дорого стоившая поѣздка длилась болѣе двухъ лѣтъ. Посольство ѣхало съ музыкой — и тѣмъ возбуждало восторгъ и изумленіе деревенщины, особенно въ Иверіи или Грузіи [3]). Но подобнаго рода дешевый эффектъ, повидимому, входилъ въ программу Византійской миссіи. Сначала казалось, что недолго придется слоняться посламъ по Востоку. Они въ скорости же отыскали то, чего такъ ревностно искали. Около этого времени (въ 1451 г.) умеръ турецкій султанъ Амуратъ; между вдовами этого послѣдняго была дочь сербскаго короля Марія. Онъ была христіанка, обладала личными достоинствами и даже красотой, хотя и увядшею. Достойная невѣста императора Константина давно уже переступила предѣлы

---

[3]) Phrantzae. Chronicon, lib. III, cap. 1, 809—810.

не только молодости, но и цвѣтущаго возраста. Вдоствующая султанша имѣла что-то около 50-ти лѣтъ. Года почтенные, но послы разсудили: хотя Маріи и около 50-ти лѣтъ, но она могла (!) еще дать имперіи наслѣдника престола. Это сватовство такъ необычайно, что едва ли подобное встрѣтишь гдѣ-либо, кромѣ оперетки. Женихъ — Византійскій христіанскій императоръ, жаждущій имѣть потомство, и рядомъ съ нимъ — пятидесятилѣтняя невѣста, вдова турецкаго султана. Неизвѣстно: состоялся ли бы, въ дѣйствительности, этотъ удивительный бракъ, если бы не встрѣтилось неожиданнаго препятствія: вдовствующая султанша объявила, что она идетъ въ монастырь и тамъ хочетъ скончать дни свои [4]). Тогда посольству ничего не оставалось дѣлать, какъ продолжать поиски невѣсты для своего монарха. Выборъ пословъ окончательно падаетъ на дочь Грузинскаго царя. Одной изъ выгодныхъ сторонъ этого новаго сватовства было то, что Грузинскій царь, кромѣ руки своей дочери, предлагалъ еще приданое въ 56000 золотыхъ монетъ; а это для обѣднѣвшаго Византійскаго императора казалось очень заманчивымъ. Константинъ далъ свое согласіе на бракъ [5]), и, конечно, бракъ состоялся бы, ежели бы не наступило тяжелаго времени, когда о радостныхъ событіяхъ въ родѣ браковъ и мысли не могло быть.

Византіи предлежало выдержать долговременную борьбу съ Турками, имѣвшими положить конецъ христіанскому Византійскому правленію на Золотомъ Рогѣ и Босфорѣ. Быть можетъ, Византійская имперія еще нѣсколько времени проскрипѣла бы, продолжила бы нѣсколько лѣтъ паралитическаго существо-

---

[4]) Ibid. p. 815. 818.
[5]) Ibid. cap. 2, p. 818. 820.

[illegible] Магометъ II. [illegible] [illegible] [illegible]

не соотвѣтствовали дѣйствительныя влеченія сердца хитраго султана [8]). Разочарованіе для христіанскихъ народовъ, стоявшихъ въ близкихъ отношеніяхъ къ султану, наступило очень быстро. Горечь этого разочарованія прежде другихъ пришлось отвѣдать Византійцамъ.

Вскорѣ не оставалось никакого сомнѣнія, что Магометъ рѣшилъ сдѣлать нападеніе на Константинополь и стереть съ лица земли остатки существованія христіанской державы по сосѣдству. Но эта очевидная опасность ни мало не пробудила энергіи Грековъ. Эти послѣдніе какъ будто знать не хотѣли о грозившей имъ опасности. Мѣры предосторожности, о которыхъ народъ долженъ былъ бы ежеминутно заботиться, откладывались до другого времени; и Греки закрывали глаза предъ висящей надъ ихъ головой грозой. Это тѣмъ удивительнѣе, что они не могли разсчитывать на дружественную помощь со стороны Европы. Между тѣми государствами, отъ которыхъ можно бы было ожидать помощи, одни были слишкомъ слабы, другія слишкомъ далеки отъ театра борьбы, одни считали опасность воображаемою, а другія неотразимой [9]). Византіи приходилось довольствоваться тѣми силами, какія находились внутри ея, но Византія и безъ того была не богата народонаселеніемъ, а близкая опасность еще на много уменьшила численность защитниковъ столицы и миніатюрнаго

---

[8]) Ducae. Hist. Byzant. Cap. 35, p. 1036. Laonici Chalcocondylae. De rebus Turcicis, lib. VII, p. 376. Edit. Bonnensis. Объ историкахъ Францѣ, Дукѣ и Халкокондилѣ можно находить обстоятельныя свѣдѣнія, въ особенности въ отношеніи къ вопросу о паденіи Константинополя, въ статьѣ г. Погодина: «Обзоръ источниковъ по исторіи взятія Византіи Турками». (Журн. Мин. нар. просвѣщ. 1889 г., ч. 264).

[9]) Гиббона. Т. VII, 318. 324.

[illegible] Византійскаго [illegible] [illegible] [illegible]

никовъ отчизны. Какъ! Неужели обширнѣйшій въ свѣтѣ городъ, имѣвшій въ окружности около шестнадцати миль, должна была защищать буквально кучка всякаго сброда, вооруженная кой чѣмъ—заржавленнымъ оружіемъ, отысканнымъ гдѣ-то въ арсеналахъ? Можно представить себѣ положеніе послѣдняго Византійскаго императора, сражавшагося за отечество во главѣ разношерстной толпы, едва-едва владѣвшей оружіемъ? Такой фактъ кажется какой-то сказкой, а не былью.—Существовали особыя причины, по которымъ жители Византіи не котѣли брать на себя опаснаго дѣла — борьбы со врагомъ, но это такія причины, которыя показываютъ, что народъ Византійскій отупѣлъ, испортился, настолько нравственно измельчалъ, что ожидать отъ него и теперь и въ будущемъ рѣшительно было нечего. Большинство жителей было увѣрено, что защищать столицу нѣтъ необходимости. Одни, при видѣ наступленія врага, пришли въ отчаяніе и махнули рукой: «будь-что будетъ» рѣшили они. Эти освоились съ мыслію, что городъ долженъ пасть, что такова воля Провидѣнія. Ихъ воображенію вездѣ чудились ясные знаки божескаго гнѣва, грядущаго на имперію. Метеоры, кометы, всякаго рода вздорныя предсказанія или точнѣе «болтовня старыхъ кумушекъ» приводили ихъ въ полное отчаяніе. Между людьми этого сорта распространилась молва, что въ архивахъ Константинополя найдено пророчество императора X-го вѣка, Льва Мудраго, въ которомъ будто бы съ очевидностью предвозвѣщено, что столица должна пасть—и пасть именно въ настоящее время [13]). Другая часть народа тоже

---

[13]) Chalcocandylae. De rebus Turc. Lib. VIII, p. 405 — 6. Leonardi Chiensis. Epist., p. 926. Le Beau. Hist. du Bas-empire, tome 21, p. 242.

не хотѣла и пальцемъ пошевелить для защиты государства. Среди суевѣрнаго народонаселенія былъ пущенъ слухъ, что будто упала съ неба грамота, въ которой сказано, что не нужно противодѣйствовать врагу, а ожидать времени, когда Самъ Богъ поразитъ нечестивыхъ Оттомановъ; какіе то пустомели разглашали, что будто въ таинственной грамотѣ сказано, что когда Турки проникнутъ въ Константинополь и дойдутъ до колонны Юстиніана, помѣщающейся на площади Софійскаго храма, то сойдетъ ангелъ съ небеси съ мечемъ въ рукѣ, и Турки немедленно обратятся въ бѣгство; мало того: Греки легко изгонятъ ихъ изо всей Греціи и прогонятъ до границъ Персіи [14]). Какъ ни нелѣпы были эти и подобные толки, Византійская чернь охотно вѣрила этимъ вздорамъ и безпечно предоставляла врагу просторъ и свободу дѣйствій.

Этого одного было бы, повидимому, достаточно, чтобы гибель города сдѣлалась не отразимой. Но Греки вдобавокъ еще перессорились между собою и тѣмъ еще болѣе увеличили безъисходность своего положенія. Какъ извѣстно, утопающій хватается за соломенку. Такъ было и съ послѣднимъ Византійскимъ императоромъ. Понимая лучше другихъ опасность положенія дѣлъ, Константинъ XI, за неимѣніемъ другихъ надежныхъ средствъ пособить бѣдѣ, задумываетъ искать защитника Греціи въ лицѣ папы и для этого заводитъ сношенія съ папою Николаемъ V, соглашаясь на церковную унію съ Римомъ. Уже, кажется, довольно произведено было опытовъ уніи Греціи съ Римомъ,—и всѣ они были неудачны. Пробовать устроять это, не шедшее на ладъ, дѣло казалось совершенно напрасно, но Константинъ, съ от-

---

[14]) Ducae. Historia, cap. 39, p. 1104.

чаянія, снова затѣваетъ унію съ Римомъ, въ надеждѣ на матеріальную помощь отъ папы и римско-католическаго Запада. Но изо всего этого ничего не вышло, или, лучше сказать, получился тотъ же результатъ, какъ и прежде: въ уніи Греки находили поводъ во взаимнымъ раздорамъ, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ всегда являлось среди нихъ двѣ партіи—партія враговъ уніи и партія поборниковъ за унію. Сношенія Константина съ Римомъ начались незадолго до паденія Константинополя и имѣли послѣдствіемъ то, что въ столицу восточнаго христіанства папа прислалъ извѣстнаго русскаго экзархополита, кардинала Исидора, со свитою; на него возложено было порученіе устроить самымъ дѣломъ унію между двумя церквами. И дѣйствительно въ Константинополѣ 12 декабря 1452 года провозглашено было единеніе Восточной церкви съ Западной [15]). Этотъ фактъ принадлежитъ къ самымъ печальнымъ въ исторіи жизни послѣдняго Византійскаго императора. Что ни говорили бы въ защиту его, все же послѣдній православный Византійскій государь былъ измѣнникомъ православія. Ренегатство это было тѣмъ позорнѣе, чѣмъ менѣе оно было искренно. Вотъ слова, которыми императоръ и единомышленныя съ нимъ лица успокоивали не желающую уніи толпу; они говорили: «потерпите немного, подождите, чтобы Богъ избавилъ столицу отъ великаго дракона (Турокъ), который хочетъ пожрать насъ, тогда вы увидите: искренно-ли наше примиреніе съ азимитами» [16]). Но хотя унія съ латинянами была дѣломъ не искреннимъ и немогущимъ имѣть серьезныхъ послѣдствій, тѣмъ не менѣе эта затѣя перессорила народъ, духовенство и

---

[15]) Ducae. Ibid. cap. 36 (initium).
[16]) Ducae. Ibid. p. 1061.

монаховъ. Тѣ изъ Грековъ, которые были недовольны затѣей, начали волноваться, браниться, посыпались съ ихъ стороны жестокіе упреки. При другихъ обстоятельствахъ все это могло бы разразиться чѣмъ нибудь очень серьезнымъ — бунтомъ, расколомъ, но ничего такого въ настоящее время не произошло. Лѣтописцами отмѣченъ лишь одинъ фактъ, но этотъ фактъ очень характеристиченъ для такого страннаго народа, какимъ были Византійцы эпохи паденія Константинополя. Унія, это позорное дѣло послѣдняго преемника Константина Великаго, имѣла своимъ послѣдствіемъ въ рядахъ приверженцевъ православія—нѣчто совсѣмъ неожиданное. Что же именно случилось? Въ день провозглашенія уніи жители обоего пола и всѣхъ сословій, недовольные этимъ дѣломъ устремились толпами изъ Софійскаго храма къ кельѣ одного монаха, по имени Геннадія Схоларія (впослѣдствіи патріарха), чтобы спросить его, какъ нужно смотрѣть на унію. Отвѣтъ Геннадія былъ данъ не устно; спрашиваемый начертилъ свой отвѣтъ на дощечкѣ, выставленной на дверяхъ его келліи. Геннадій былъ противъ уніи. Отвѣтъ очень понравился ревнителямъ православія. Они сочли нужнымъ выразить свою радость какимъ нибудь празднествомъ. И вотъ Греки изъ монастыря Геннадія разсѣялись по Византійскимъ трактирамъ; здѣсь они пили за погибель папскихъ приверженцевъ изъ ихъ среды, опорожняли свои стаканы въ честь Богоматери Дѣвы и заплетающимися языками просили Ее защитить городъ отъ Магомета, городъ, который Она ранѣе того спасла отъ Хозроя. Въ двойномъ опьяненіи отъ религіознаго изступленія и отъ вина они отважно восклицали: «не нуждаемся мы ни въ какой помощи отъ латинянъ». Такъ праздновали православ-

ные Греки свою вѣрность вѣрѣ отцевъ [17]). И это было за пять мѣсяцевъ до паденія Константинополя! Отупѣвшій народъ гордился тѣмъ, что онъ православенъ: какъ будто православіе могло идти къ лицу такихъ жалкихъ пустосвятовъ? Религіозная вакханалія—въ то время, когда городу угрожала величайшая опасность: не лестно же зарекомендовали себя Греки среди опасности! Жалкій народъ пусть бы этимъ и ограничилъ свою преданность вѣрѣ отцевъ, но нѣтъ. Разгорается фанатизмъ: братъ готовъ возстать на брата, лишь только становилось извѣстнымъ, что этотъ выражалъ свое сочувствіе уніи. Религіозныя страсти Грековъ еще разъ вспыхнули, обнаруживая себя въ мелкихъ придиркахъ, шпіонствѣ, взаимномъ отчужденіи.—Можно ли было при такихъ обстоятельствахъ помышлять объ единодушномъ отпорѣ внѣшнему врагу? Царство раздѣлившееся на ся, не можетъ устоять. Новымъ поводомъ къ раздорамъ между Греками или собственно между правительствомъ и народомъ послужило еще слѣдующее: денежныя средства государства были истощены уже давно, императоръ былъ безъ гроша, не смотря на то, что теперь, когда началась осада города, деньги были нужнѣе, чѣмъ когда либо. Въ силу такой крайности императоръ прибѣгаетъ къ средству, которое едва ли кто назоветъ противозаконнымъ. Онъ приказалъ взять нѣкоторые священные сосуды изъ церквей и сталъ выбивать изъ нихъ монету. Но это возбудило ропотъ и недовольство въ народѣ и духовенствѣ. Напрасно императоръ обѣщалъ, по минованіи опасности, возвратить въ храмы вчетверо, по сравненію съ тѣмъ, что было взято оттуда. Ропотъ и негодованіе не прекращались. Нашлись дерзкіе люди, которые въ лице

---

[17]) Ducae. Cap. 36, p. 1056—1060.

порицали государя [18]). Можно ли было ожидать, чтобы такой народъ, лишенный чувства патріотизма, выдержалъ борьбу съ могущественнымъ врагомъ? Вотъ каково было внутреннее состояніе Византіи въ послѣдніе дни ея существованія. Могъ ли такой деморализованный народъ продолжать самостоятельную жизнь? Все показываетъ, что Константинополь палъ, въ дѣйствительности, не отъ руки мусульманъ—Турокъ, а оттого, что въ немъ почти все было мертво, безжизненно. Явились вороны, потому что Византія представляла собою трупъ.

Византія пала потому же, почему и человѣкъ въ возрастѣ 70—80 лѣтъ умираетъ, истощившись умственно и физически. Византія не могла быть птицею фениксомъ, потому что она не приготовила жертвенника, на которомъ она имѣла бы возможность согрѣвать охладѣвающую кровь.

Византія пала, Константинъ XI умеръ, положивши жизнь свою за отечество. Турки овладѣли Константинополемъ. Вслѣдъ за тѣмъ произошло то, что обыкновенно происходило въ средніе вѣка въ подобныхъ случаяхъ: часть жителей Византіи разбѣжалась, часть захвачена въ плѣнъ и продана въ рабство, имущества были расхищены, насилія всякаго рода встрѣчались на каждомъ шагу. Но описывать это не представляетъ интереса. Все это не ново подъ луной. Упомянемъ развѣ только о судьбѣ постигшей храмъ св. Софіи—«это земное небо»—по выраженію историка Францы, — «эту новую небесную твердь, эту колесницу херувимовъ, этотъ престолъ славы Божіей». Софійскій храмъ лишился всѣхъ благочестивыхъ приношеній, которыя притекали сюда въ тече-

---

[18]) Phrantzae, lib. III, cap. 4, p. 851. Leonardi Chiensis. Epist. p. 934. Le-Beau, tome 21, p. 262.

ніе столькихъ вѣковъ; его золотыя и серебряныя украшенія, сосуды и церковныя облаченія были взяты для житейскаго употребленія; послѣ того какъ съ иконъ было снято все, что могло имѣть цѣну въ глазахъ хищниковъ, полотно или дерево ихъ или разрывалось на куски, или разламывалось, или сожигалось, или бросалось подъ ноги, или шло въ конюшняхъ и кухняхъ на самое низкое употребленіе. Наравнѣ съ св. Софіей, по важности потерь, должна быть поставлена утрата Византійскихъ библіотекъ; совершенно исчезло, какъ разсказываютъ, сто двадцать тысячъ манускриптовъ; десять томовъ можно было купить за одинъ золотой и за такую же низкую цѣну полныя собранія сочиненій Аристотеля и Гомера [19]). Безпорядокъ и грабежъ начались въ Константинополѣ съ перваго часа достопамятнаго 29 мая 1453 года (день паденія Византіи) и продолжались до восьмого часа того же дня, когда самъ султанъ Магометъ II торжественно отправился въ Софійскій храмъ. По его приказанію, этотъ храмъ, важнѣйшая изъ святынь Восточной церкви, былъ превращенъ въ мечеть. Кресты были разбиты, или сняты, а стѣны, которыя были прежде покрыты живописью и мозаикой, вымыты, замазаны и оставлены безъ украшеній [20]).

Катастрофа, постигшая Византію оплакана была современной Европой. Одни поплакали, потому что любили слезы, другіе поплакали, потому что умѣли плакать элегантно, въ изящныхъ ораторскихъ рѣчахъ

---

[19]) При всѣхъ своихъ недостаткахъ Греки XV вѣка, по выраженію одного ученаго, имѣютъ «ту заслугу, что они были библіотекарями древности», сохранявшими книжное достояніе прежнихъ вѣковъ отъ погибели. Vast. Le Cardinal Bessarion, p. 16.

[20]) Phrantzae, lib. III, cap. 8. Ducae, cap. 39—40. Гиббона, VII, 349—352.

(Эней Сильвій). Но едва ли кто плакалъ искренно и отъ души. Что большая часть лицъ, проливавшихъ слезы по случаю паденія Византіи, плакали или лицемѣрно или для парада, это можно видѣть изъ того, что нѣкоторые изъ плакальщиковъ могли бы оказать помощь Византіи и посущественнѣе слезъ, но не оказали. Современникъ событія, герцогъ Бургундскій Филиппъ, такъ расчувствовался при извѣстіи о погибели Византіи, что собравъ рыцарей и бароновъ, далъ вмѣстѣ съ ними торжественную клятву въ томъ, что онъ возьметъ на себя подвигъ священной войны съ Турками. Герцогъ и его рыцари поклялись въ этомъ случаѣ Самимъ Богомъ, Богородицей Дѣвой, дамами и (hobririle dictu!) фазаномъ. Но и самая клятва на фазанѣ скоро была забыта [21])... Нѣкоторые изъ европейскихъ современниковъ даже порадовались событію паденія Византіи: благочестивые католики въ катастрофѣ, постигшей Византію, увидали перстъ Божій, наказующій Грековъ за непризнаніе латинскаго filioque. Также и папа Николай V порадовался этому событію, ибо онъ за нѣсколько лѣтъ предсказалъ паденіе Византіи и былъ очень доволенъ, что пророчество его сбылось [22]).

Значитъ, о похоронахъ поговорили, какъ о новости, а потомъ вскорѣ и забыли.

Паденіе Константинополя было такъ давно, что пора бы наступить другому событію — освобожденію этого великаго города изъ рукъ недостойныхъ его обладателей—Турокъ.

1891 г. Октября 20.
Сергіевъ Посадъ.

---

[21]) Гиббона. VII, 363—366.
[22]) Le Beau, tome 21, p. 278. Гиббона, VII, 324.

ИСПРАВЛЕНІЕ

болѣе важныхъ недосмотровъ и опечатокъ.

Стр.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
18	13 сн.	вмѣщающаяся	помѣщающаяся
72	3 св.	1247—1255	1347—1355
73	5—6 —	болѣе мирная и счастливая.	тріумфы и побѣды его надъ врагами.
151	14 —	о немъ	о подобномъ явленіи
234	9 —	Михаила, митрополита	Михаила, протэкдика
244	17 —	Онъ присталъ къ той	Онъ былъ вождемъ той
283	13 —	Псаіи	Исаіи
364	3 —	выходилъ	восходилъ
417	3 сн.	объ его образованности.	въ этомъ отношеніи.
429	14 —	заставляющими	заставившими
441	15 св.	«оппортюниста»	«оппортюнисты»
460	11 сн.	почитателей дѣятельнаго	почитателей дѣятельности
468	1 св.	патріарховъ	императоровъ
640	13 —	нѣчно	нѣчто

BX 300 .S5 C.1
Ocherki istorii Vizantiisko-vo
Stanford University Libraries
3 6105 036 957 764

BX
300
.S5

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305